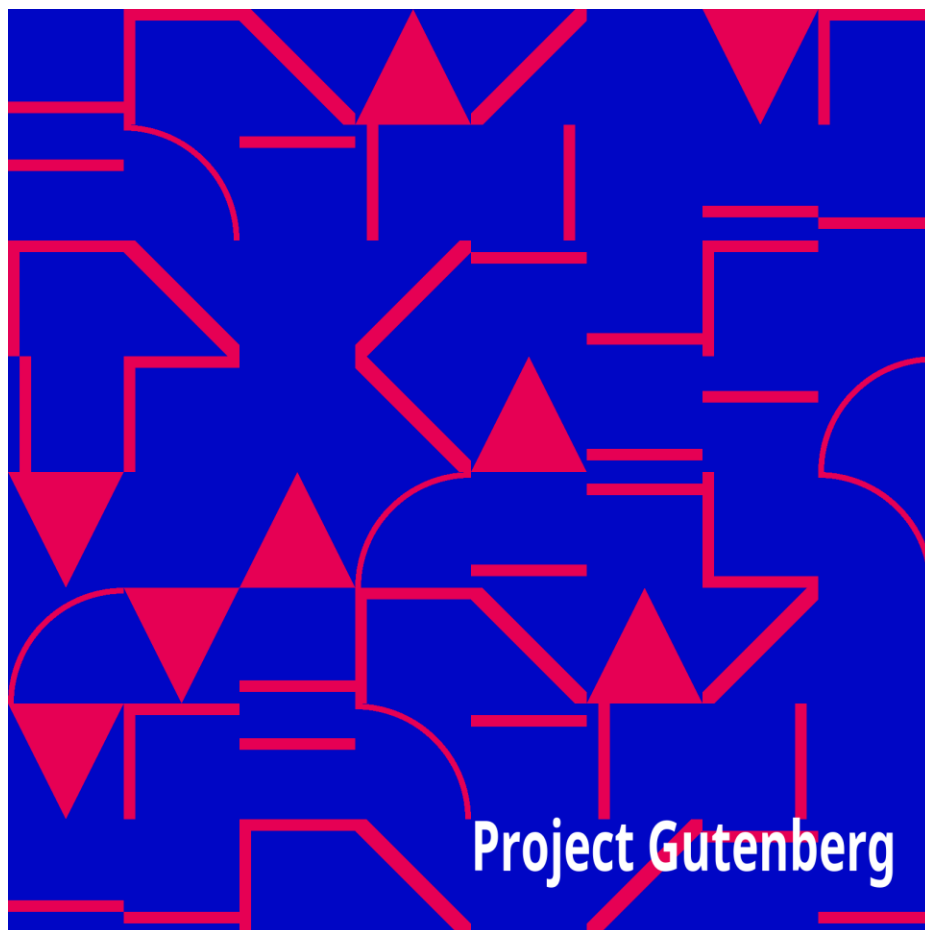

Римское общество от Нерона до Марка Аврелия

Сэмюэл Дилл

**Roman Society from Nero to Marcus
Aurelius**

Samuel Dill

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of Roman Society from Nero to Marcus Aurelius.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Project Gutenberg License, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Римское общество от Нерона до Марка Аврелия

Автор: Сэмюэл Дилл

Дата выхода: 23 октября 2010 [eBook #34122]

Язык: English

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО ОТ НЕРОНА ДО МАРКА АВРЕЛИЯ ***

РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО ОТ НЕРОНА ДО МАРКА АВРЕЛИЯ

BY SAMUEL DILL, M.A.

HON. LITT.D. DUBLIN, HON. LL.D. EDINBURGH, HON. СТИПЕНДИАТ И ПОКОЙНЫЙ
НАСТАВНИК, К.К.К., ОКСФОРД;

ПРОФЕССОР ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА В КОЛЛЕДЖЕ КОРОЛЕВЫ, БЕЛФАСТ; АВТОР КНИГИ
"РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО
В ПОСЛЕДНИЙ ВЕК ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ".

МАКМИЛЛАН И КО, ЛИМИТЕД
ST. MARTIN'S-СТРИТ, ЛОНДОН
1925

КОПИРАЙТ

Первое издание 1904

Второе издание 1905 года

Перепечатано в декабре 1905, 1911, 1919, 1920, 1925 гг.

НАПЕЧАТАНО В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В выборе и выделении какого-либо периода социальной истории для специального изучения всегда должно быть нечто произвольное. Ни один период не может быть, с одной точки зрения, оторван и изолирован от вековых влияний, которые его сформировали, от череды грядущих эпох, которые он поможет сформировать. И это особенно верно в отношении истории расы, одновременно столь агрессивной и в то же время столь упорно хранящей прошлое, как римляне. Национальная структура была настолько прочной, а ее тон и чувства настолько консервативными при любых внешних изменениях, что если человек знает какой-либо значительный период римской социальной истории, он может почти, без парадокса, сказать, что знает очень многое из нее от Ромула до Гонория.

И все же, как в художественной драме должно быть начало и конец, хотя действие может быть только в идеале отделено от того, что предшествовало и что должно последовать в реальной жизни, так и ограниченное пространство в коллективной истории народа может быть законно выделено для концентрированного изучения. Но, как и в случае с драмой, такой период должен обладать определенным единством и интенсивностью морального интереса. Это должен быть кризис и поворотный пункт в жизни человечества, период, беременный судьбоносными проблемами, период, в котором старый порядок и новый борются за господство или в котором старый переплавляется в новый. Прежде всего, это должен быть период, когда великие социальные и духовные движения воплощаются в ярких личностях, которые могут придать человеческий интерес тусклым силам духовной эволюции.

Таким периодом, как представляется автору этой книги, является [pg vi] , который он сейчас представляет читателю. Он открывается самоуничтожением беззаконной и опьяненной власти; он завершается осуществлением мечты Платона о царствовании философов. Революция в идеале принцепата, давшая миру Траяна, Адриана и Марка Аврелия вместо Калигулы и Нерона, возможно, не сопровождалась какими-либо изменениями соответствующей глубины в моральном состоянии масс. Но в течение почти столетия мир наслаждался почти беспримерным миром и процветанием под умелым и гуманным управлением. Гражданское величие и социальная благотворительность эпохи Антонинов могут быть воскрешены воображением на основе богатых останков и записей того периода. Ее материализм и социальные пороки также огорчат вдумчивого изучающего ее литературу и надписи. Но если та эпоха имела недостатки роскошной и высокоорганизованной цивилизации, она также была достойной и возвышенной благодаря огромным усилиям по исправлению поведения и страсти, часто, правда, печально заблуждающейся, подняться к более высокой духовной жизни и завоевать помощь невидимых Сил. По мнению автора этой книги, именно это придает эпохе Антонинов ее великое отличие и глубочайший интерес для изучающего жизнь человечества. Влияние философии на законодательство Антонинов - обычное явление истории. Но ее практические усилия, направленные на то, чтобы дать поддержку и руководство нравственной жизни и переделать старое язычество, чтобы сделать его реальной духовной силой, возможно, еще не получили того внимания, которого они заслуживают. Задача этой книги - показать, как поздний стоицизм и новый платонизм, работая в эклектической гармонии, стремились дать правила поведения и высшее видение Божественного мира.

Но философии не удалось, как, вероятно, не удастся и в будущем, найти средство от душевных страданий массы людей. Она могла бы поддерживать самые возвышенные идеалы поведения; она могла бы возродить древних богов в новой духовной силе; она могла бы попытаться заполнить промежуток между далеким Бесконечным [pg vii] Духом и жизнью человека множеством посреднических и вспомогательных сил. Но эта попытка была обречена на провал. Это было эзотерическое вероучение, и массы оставались не тронутыми им. Они жаждали Божественного света, ясного, авторитетного голоса из невидимого мира. Они искали его во все более слепой и страстной преданности своим древним божествам и во всех диковинных суевериях. Но голос, наконец, пришел к ним с Востока. Он пришел через поклонение Изиде и Митре, которые обещали надежду на бессмертие и предлагали систему таинств, чтобы успокоить чувство вины и подготовить трепещущую душу к великому испытанию на пороге другого мира. Насколько эти восточные системы преуспели, а где потерпели неудачу, - одна из главных целей этой книги.

Писатель, насколько он сам знает, не имел никакого задела в описании этого великого морального и духовного движения. Как отметил М. Буассье, историк эпохи Антонинов может свободно рассматривать язычество в отрыве от роста христианской церкви. Языческий мир той эпохи, похоже, мало общался с возвышенной верой, которой через полтора столетия после смерти Аврелия было суждено захватить скипетр. Ювеналу, Тациту и Плинию, Плутарху, Диону Хризостому, Лукиану и Аврелию Церковь почти не известна, либо известна как неясное ответвление иудаизма, маленькая секта, поклоняющаяся "распятому софисту" в несколько подозрительном уединении, либо более благосклонно отличающаяся простодушным милосердием. Современный богослов вряд ли может довольствоваться тем, что так мало знает о великом движении в языческом мире, которое подготовило или отсрочило победу Церкви.

Любому критическому читателю будет очевидно, что рамки этой книги строго ограничены. Как и в предыдущей работе об обществе поздней империи, внимание сосредоточено на внутренней нравственной жизни того времени, и сравнительно мало места уделено его внешней истории и механизму [pg viii] управления. Отношение сената к императору в первом веке и организация муниципальных городов были рассмотрены довольно подробно, поскольку они оказали глубокое влияние на моральный облик эпохи. На конкретную область, которую исследует писатель, декан Меривейл, доктор Махаффи, профессор Бьюри и мистер Кейпс пролили много света своими знаниями и сочувствием. Но эти выдающиеся авторы подходили к данному периоду с иной точки зрения, нежели настоящий автор, и он считает, что не подверг себя серьезной опасности, если покажется, что он конкурирует с ними. Первым делом он посвятил себя полному обзору литературы и надписей этого периода. Ссылки на вторичные источники и монографии, которые он использовал, можно найти в примечаниях. Но особый долг он несет перед Фридлендером, Целлером, Ревилем, Шиллером, Буассье, Мартой, Петером и Марквардтом за советы и подсказки. Он также должен особо признать свой долг перед исчерпывающей работой М. Кумона о памятниках Митры. Еще раз он должен выразить самую горячую благодарность своему ученому другу, преподобному Чарльзу Пламмеру, члену С.С.С., Оксфорд, за терпение и рассудительность, с которыми он пересмотрел пробные листы. Он также благодарит читателя господ Р. и Р. Кларков за скрупулезную точность, которая сэкономила автору много времени и труда.

19 сентября 1904 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА I

ГЛАВА I

АРИСТОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРА

Насколько эпоха Антонинов отмечена моральной и духовной революцией - Свет, который Сенека бросает на моральное состояние своего класса в царствование Нерона - Ценность его свидетельства - Его пессимизм - Человеческое вырождение как результат эгоистической жадности и роскоши - Картина современного общества - Жестокий эгоизм и *taedium vitae* - *Ardelio* - Террор, под которым жил Сенека - Идеал Сенеки в отношении принцепата, изложенный Нерону в *De Charactere Neronis* - пятно в крови Домициев - Нерон сначала проявлял проблески лучших качеств - Как ему повредило стремление быть художником - Ложный эстетизм и безумное изобилие - Влияние Тацита на его время - Его карьера - Мнения о его беспристрастности как историка - Он находился под сложным влиянием - Его главный мотив как историка - Он не политический доктринер - Он мстит за мораль, Его пессимизм - Его предрассудки и ограничения - Его идеал воспитания и характера - Его колеблющаяся религиозная вера - Его легкое верие и скептицизм - Его взгляд на развращающее влияние деспотической власти - Влияние императорского примера - Заблуждения первых цезарей, Опасности жизни при дворе из-за шпионажа - Причины заблуждений - Их соблазны и великие награды - Секрет императорского террора - Различные теории о нем - Представляли ли сенат реальную опасность? - Его бессилие, несмотря на его престиж и притязания - Философская оппозиция - Был ли он действительно революционным? - "*Scelera sceleribus tuenda*" - Неопределенное положение принцепата - его работа во многом зависела от характера императора в данный момент - идеал принцепата у Плиния - опасность от претендентов - дурное влияние астрологии - деградация аристократии при Нероне. деградация аристократии при Нероне и Домициане, иллюстрируемая заговором Пизона и Годом четырех императоров - правление Домициана - его загадочный характер - его странные контрасты - ужасы его конца - конфискация и резня - погребальный банкет

Страницы 1-57

[стр. x]

ГЛАВА II

МИР САТИРИКА

Сравнение Ювенала и Тацита - социальное положение и опыт Ювенала - Ювенал и Марциал имеют дело с одними и теми же чертами общества - сравнение их мотивов - характер Марциала - моральный стандарт Ювенала - его человечность и его старые римские предрассудки - он объединяет дух двух разных эпох - его риторический пессимизм - его широкие обобщения - ненормальные образцы становятся типами - римская роскошь в период своего расцвета - и все же подобная расточительность осуждается на протяжении пяти веков - такие суждения нуждаются в квалификации - большие социальные изменения, изображенные Ювеналом, Некоторые из них он неправильно понимает - римское уважение к рождению - упадок аристократии и его причины - аристократическая бедность и подневольный труд - как первые императоры понизили сенаторское достоинство - аристократические гладиаторы и актеры - Нерон сделал богему модой - "Легенда о Легенда о плохих женщинах" - ее недостоверность и недостатки обращения - высокие идеалы

женственности у современников Ювенала - влияние старых римских предрассудков - Ювенал ненавидит "новую женщину" так же сильно, как и порочную женщину - эмансипация женщин началась во втором веке до нашей эры.С.-Высокая культура женщин и их растущее влияние на общественные дела - Неприязнь Ювенала к восточным культам и их почитательницам - Это еще одно старое движение - Влияние иудаизма в Риме, Женщины во времена Ювенала подвергались серьезным опасностям - Развращение театра и цирка - Интриги с актерами и рабами - Вторжение эллинизма - Его история - Эллинизм императоров - Низший эллинизм, на который нападает Ювенал - Социальные и экономические причины движения - Греческие наставники медицинская профессия, набранная в основном из иностранцев - характер профессии в те дни - астролог и паразит - клиент ранней империи - его деградация и лишения - общая бедность - презрение к торговле и промышленности - рост каптажа - поклонение богатству - крик бедняков

Страницы 58-99

ГЛАВА III

ОБЩЕСТВО ВОЛЬНООТПУЩЕННИКОВ

Возникновение вольноотпущенников как великого движения- Римское предубеждение против них, выраженное в литературе эпохи- Экономические и социальные причины движения- Торговлю и промышленность презирали- Вольноотпущенники занимали вакантное место- Причины презрения к ним- Их многочисленные пороки и вульгарный вкус- И все же их возвышение был обнадеживающим знаком - Вольноотпущенники в императорских канцеляриях - Политика первых императоров по найму вольноотпущенников в свои бюро - Вителлий первый император, нанявший эквитов в качестве императорских секретарей - Адриан ограничил три великих министерства людьми конного ранга - Великие императорские вольноотпущенники - Полибий, Их карьера и огромная власть описаны Статием - [pg xi] интриги и преступления вольноотпущенников Клавдия - наглость Палласа - богатство вольноотпущенников и его источники - их роскошь - бани Кл. Этруска и сады Энтелла - вольноотпущенники редко приравнивались к аристократии - сенат льстил и презирал их - сомнительное положение вольноотпущенниц - плебейская Аспазия - влияние Актея, Кениса, Тесная связь между покровителем и вольноотпущенником - вольноотпущенник начинает заниматься торговлей - его быстрый рост богатства - его вульгарное хвастовство - Сатириконт Петрония - теории о его мотивах, дате и авторстве - его автор, вероятно, С. Петроний времен правления Нерона - его персонаж у Тацита - его вероятный мотив - литературный характер и место действия "Сатириконт" - характер греческих авантюристов - обед у Трималхиона, на который они приглашены - Очерк карьеры Трималхиона - Ужин - Карвинг под музыку - Блюда спускаются с потолка - Вино 100-летней выдержки - Смутные воспоминания о Гомере - Ганнибал на Троянской войне - Танцовщицы на скачках и рассказы о колдовстве - Манеры Фортунаты - Разговор некоторых гостей - Настоящая буржуазная вульгарность - Ворчание об управлении эдилами - "Все идет назад - Все происходит из-за пренебрежения к религии" - Грядущее гладиаторское шоу, когда будет много крови - Воспитание сына вольноотпущенника - "Ты учишься ради выгоды" - Быстро и яростно - Дамы напиваются, и Трималхион дает нелестный отчет об истории своей жены - Он дает указания своему другу, камнерезу, о возведении своего памятника - Он укладывает себя умирать, и рога носцы звучат его причитания

Страницы 100-137

КНИГА II

ГЛАВА I

КРУГ ОБЩЕНИЯ МОЛОДОГО ПЛИНИЯ

Контраст между картинами общества у Ювенала и у Плиния - они принадлежали к разным мирам - они также были очень разными по темпераменту - моральные контрасты рядом в каждую эпоху - в Италии были пуританские дома, Даже в худшие времена - Влияние старых римских традиций и деревенской жизни - Круг в Комо - Юность и раннее обучение Плиния - Характер старшего Плиния - Его огромная промышленность - Отголоски старой римской добродетели - Характер и реформы Веспасиана - Его моральное влияние Квинтилиана на римскую молодежь - друзья-студенты Плиния - его отношения со стоиками - его почитание Фанния - его карьера в адвокатуре - он идеализирует практику в центумвиральном суде - карьера М. Аквиллий Регул, великий делец и адвокат - страсть Плиния к славе - толпа любителей литературы в его время - Плиний и Марциал - отношение Плиния к литературному движению своего времени - его [pg xii] восхищение Цицероном - его почитание Греции - он однажды написал греческую трагедию - его извинения за свои нескладные стихи - его амбиции как оратора, и каноны ораторского стиля - Письма Плиния в сравнении с письмами Цицерона - Достоинства и слава писем - Их расположение - Они являются памятником общественной жизни и литературного тона того времени - Характер Силия Италика - Литературные общества - Дружба Плиния с Суэтонием - Приверженность литературных любителей к стихосложению и ее причины - Влияние великих образцов Августа, прочитанных в школе - Признаки упадка литературы - Растущая любовь к архаическому стилю - Огромные литературные амбиции того времени - Попытки Нерона и Домициана удовлетворить их путем публичных литературных конкурсов - Чума декламаций - Плиний считает своим долгом посещать их - Усталость и пустота жизни в столице - Очарование Загородная жизнь - римские виллы на берегу Анио или Лаврентия и Кампаны - местоположение этих вилл - их мебель и украшения - сомнительная оценка произведений искусства - сады виллы - распорядок дня сельского джентльмена - управление финансами поместья - трудности с арендаторами - доброта Плиния к вольноотпущенникам и рабам - темная сторона рабства - рабство. темная сторона рабства - убийство хозяина - взгляды Плини на самоубийство - трагедии в его окружении - благотворительность и оптимизм Плини - солидарность аристократического класса - Плини считает своим долгом помогать карьере перспективной молодежи - женщины его круга - его любовь к Кальпурнии и его любовные письма - благотворительность и гуманитарные настроения эпохи - *Vene fas*, Богатые признают обязанности богатства - Благотворительные фонды императоров - Щедрость Плиния, как частная, так и общественная - Но он лишь яркий пример среди толпы подобных благотворителей в эпоху Антонинов

Страницы 141-195

ГЛАВА II

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Римская литература мало что знает о жизни в провинциальных городах, но любовь к деревне была сильна - она избавляла от напряжения столицы, которая, однако, Империя - царство городов - интенсивное развитие городской жизни в первые два века - возвышение Тамугади в Нумидии - большая терпимость к муниципальной свободе в ранней Империи - все же наблюдалось общее стремление к единообразию организации - влияние столицы - ярость к путешествиям - путешествия стали легкими и роскошными - почтовые сооружения стали легкими и роскошными - Посты на больших дорогах - Скорость передвижения по суше и морю - Рост городов - Многие возникли из *canabae legionis* - История Ламбези -

Аристократический или тимократический характер муниципальной организации - Проиллюстрировано альбомом Canusii - Резкое разграничение социальных классов - Пока, в первом веке, Общины все еще обладали значительной властью - Примеры из Помпеи - Магистраты и народные выборы - Гонорар, выплачиваемый при вступлении в должность - Власть дуумвиров - Положение курии - Способ пополнения ее рядов - Местные эквиты - Происхождение и положение Augustales - Их организация и значение в римском мире - Муниципальные финансы - Прямое налогообложение в первом веке почти неизвестно - Источники муниципальных [pg xiii] доходов - Статьи расходов - Муниципальная бесхозяйственность, как в Вифинии - признаки упадка в правление Траяна - первое назначение кураторов - огромная частная благотворительность - примеры из Помпеи, который был всего лишь третьесортным городом - Другие примеры - Плиний - Стертиний - Ирод Аттик, князь благотворителей - Свидетельство надписей - Пример императорской либеральности - Общественные работы императоров Флавиев и Антонинов - Праздники для населения - Распределение денег, Мотивы этой щедрости были неоднозначны - все же высокий идеал обязанностей богатства - лучшая сторона муниципальной жизни - местный патриотизм и общее доброе чувство - но есть и другая сторона картины - сильная страсть к развлечениям, которая часто была унижительной - игры и зрелища 135 дней в году - описание сцены в амфитеатре в эпоху Антонинов - страсть к гладиаторским представлениям, особенно в Кампании - остатки гладиаторских казарм в Помпеях - реклама игр - изображения на гробницах и на стенах - представления в маленьких провинциальных городах - шоу в Кремоне через несколько дней после битвы при Бедриакуме - Греция была мало заражена Вкус - Чувство философов - Статистика стоимости гладиаторского шоу - Как набирались ряды профессии - Ее привлекательность - Организация гладиаторских школ - Гладиатор в отставке - Как чествовали муниципальных благотворителей - Муниципальная жизнь начинает терять свою привлекательность - Причины этого - Плутарх на муниципальной службе - Рост централизации - Начало конца

Страницы 196-250

ГЛАВА III

КОЛЛЕГИИ И ПЛЕБЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Плебеи муниципального города, известные главным образом по надписям - Большое развитие свободного пролетариата - Последствия манумиссии - Ремесленный класс в надписях - Их гордость своим призванием - Эмблемы на их могилах - Ранняя история коллегий - Строгое сдерживание их образования Юлием и Августом - Свидетельства Гая - Опасности, исходящие от коллегий, не воображаемые - Смуты в царствование Аврелиана - Однако великое движение не удалось остановить. Опасности, исходящие от коллегий, не мнимые - Смута в царствование Аврелиана - Однако великое движение не удалось остановить - Способы уклонения от закона - Расширение свободы в царствование М. Аврелия и Александра Севера. Аврелий и Александр Север - Социальные силы, стоящие за движением объединения - Желание погребальных обрядов и долгой памяти - Свидетельства надписей - Ужас одиночества в смерти - Погребальные колледжи - Ланувий показывает, как привилегия, предоставленная им, может быть расширена - Любой колледж. Любой колледж может претендовать на нее - Описание колледжа в Ланувиуме - Документ об основании - Плата - Субсидии на погребение - Колледж Эскулапия и Гигии - Организация для других целей, кроме погребения - Любой колледж может принять квазиВлияние религии на всю древнюю социальную организацию - Колледжи торговцев - странствующие купцы организуют себя по всему миру - И старые солдаты - Колледжи молодежи для спортивных целей - Каждая отрасль промышленности была организована в этих обществах -

Великое изменение в мотивах и характере философии - школы отказались от метафизических спекуляций и посвятили себя воспитанию характера - почему вера в абстрактную мысль упала, Влияние утраты свободной гражданской жизни и создания мировых империй - Человеческое содружество - Великий *ars vivendi*- Духовные наставники до императорских времен - Они есть в каждой большой семье - Сила Сенеки как частного наставника душ - Как его карьера и опыт подготовили его к этой должности - Он видел внутреннюю жизнь того времени, ее чувственность, деградацию и раскаяние - он сам был аскетом, жил во дворце, который вызывал зависть Нерона - Его опыт возбуждал евангелистскую страсть - Его концепция философии как искусства спасения душ - Его презрение к непрактичным спекуляциям - Но он ценит физику за ее моральный эффект в возвышении разума к области вечной Курьезные примеры изучения физики в моральных целях - Пессимизм Сенеки - Его причины во внутренних тайнах его класса - Это потерянный мир, который должен быть спасен всеми усилиями - Стоицизм преображается в моральный энтузиазм - Может ли философская религия обойтись без догмы?-Эмпирические правила поведения недостаточны - Должна быть истинная теория поведения - Сенека не строгий догматик - Его различные концепции Бога - Часто смешивает платонические концепции со старой стоической [pg xv] доктриной - Но все старые стоические доктрины можно найти у него - "Царство Небесное внутри" - Свобода обретается в отречении, подчинении Универсальному Разуму - Откуда берется сила самореформации?-Проблема свободы и необходимости -Как человек может достичь нравственной свободы -Борьба за

восстановление первобытной добродетели - Модификации старой стоической теории - Идеальный сапиенс - Мгновенное обращение - Идеи, фатальные для практической нравственной реформы - Для практических целей, стоическая теория должна быть изменена - sapiens мифическая фигура - могут быть различные стадии морального прогресса - аристотелевские идеи - сам Сенека далек от идеала стоического мудреца - люди, которым Сенека дает советы - как нужно бороться с их слабостями - "ars vitae" превращается в казуистику в руках руководителя - препятствия на пути к высшей жизни - мастерство Сенеки в работе с различными случаями - его наставления по реформе - необходимость исповеди, самоанализа, твердости цели, Самоотречение-Vivere militare est-The real victor-The mind can create its own world, and triumph even over death-Seneca's not the Cynic ideal of moral isolation-Competing tendencies in Stoicism-Isolated renounce and social sympathy-A citizen of two cities-The great commonwealth of humanity-The problem of serving God and man variously solved by the Stoics-Seneca's ideas of social duty-Social instinct innate-Duty of help, Прощение и доброта к другим - Пример бесконечной доброты - Братство человека включает раба - Отношение Сенеки к рабству - Его идеал женственности - Женщины могут быть равны мужчинам в культуре и добродетели - Величие Сенеки как учителя морали - Он принадлежит современному миру и был востребован церковью - Язычник Томас а-Кемпис

Страницы 289-333

ГЛАВА II

ФИЛОСОФСКИЙ МИССИОНЕР

Сенека - руководитель аристократического класса - Массы нуждались в Евангелии - Их моральное состояние - В эпоху Антонинов возникло великое движение за их моральное возвышение - Отношение Лукиана к киникам - Его родство с ними - Отстраненный взгляд на человеческую жизнь и ее тщету - Гломусный взгляд на моральное состояние масс - Призыв к народному благовестию - Может ли философия обеспечить Евангелие?-Гермотим Лукиана - Ссоры школ -И все же они демонстрируют реальное согласие в отношении правил жизни - Модный софист -Риторическая философия, презируемая более серьезными умами - Серьезная проповедь -Проповеди Аполлония Тианского -Внезапные обращения -Проповедь Мусония, Плутарха, и Максима Тирского - мистический пыл Максима - взгляд Диона на кинического проповедника - "монахи-язычники" - карикатура Лукиана на их пороки - многие вульгарные самозванцы принимают эту профессию - это заманчивое поле - почему обвинения против киников следует воспринимать с осторожностью - С. Свидетельство Августина - причины предубеждения против киников - отношение Лукиана к Перегрину - история Перегрин - достоверность обвинений, выдвинутых Лукианом против него - он уже собирается покончить с собой в Олимпии, когда прибывает Лукиан - Лукиан рассматривает самомученичество как к театральному зрелищу [pg xvi] - Возможно, Перегрин искренне хотел научить презрению к смерти - стоическое самоубийство - сцена на костре - последние слова Перегрин - Лукиан создает миф и видит, как он разрастается - свидетельство А. Геллий о Перегрине - Сила позднего кинизма - Идеальный киник в Эпиктете - Посланник Бога - Родство кинизма и монашества - Культивированные киники - Характер Деметрия, лидер философской оппозиции - отношение киников к народной религии - Эномай - ярко выраженный рационалист - неверие в оракулов - характер Демонакса - его огромное влияние в народе - преследуется за пренебрежение религиозными обрядами - его резкие высказывания - демонстрации почитания его после смерти - карьера Диона Хризостом - его обращение во время изгнания - становится проповедником с миссией в римском мире - характер его восьмидесяти ораций - он риторический апостол нескольких великих истин - его идея философии - его пессимизм в отношении морального состояния мира -

материализованная цивилизация - предупреждение народу Тарса - Ребукс вражда вифинских городов - проповедь в Ольвии на Черном море - зависть азиатских городов - Праса и Апамея - проповедь о гражданской гармонии - он осуждает пороки и легкомыслие александрийцев - его прозаическая идиллия - простая пасторальная жизнь на Эвбее - проблемы и пороки городской жизни - Дион об истинном царствовании - видение двух вершин - идеальный царь - проповедь в Олимпии, вдохновленная Зевсом Фидия - его величие и благотворительность - источники идеи бога - место искусства в религии - относительная сила поэзии и скульптуры для выражения религиозной истины - Фидий защищает свой антропоморфизм - его Зевс - бог милосердия и мира

Страницы 334-383

ГЛАВА III

ФИЛОСОФСКИЙ ТЕОЛОГ

Возрождение язычества и рост суеверий потребовали создания теодицеи - старая римская религия все еще была могущественной, но к ней добавились поклонения из завоеванных стран, а также огромный рост веры в джинов, сны, предзнаменования и оракулы - и все же среди очевидного хаоса в высших умах наблюдалась тенденция к монотеизму - стремление к моральному Богу, сочувствующему человеку - идеи Апулея, Эпиктета, М. Аврелия. Аврелий - Изменение в концепции Бога у поздних стоиков - Бог больше не просто сила, судьба или безличный разум - Он Отец и Провидение, дающий моральную поддержку и утешение - Отношение поздних стоиков к внешнему поклонению и антропоморфным образам - Как древнее поклонение должно было быть согласовано с более чистыми представлениями о Божественном? - Бог был так далек, философия может найти духовную помощь во всех религиях прошлого - История неопифагорейства - Апагореизм Пифагорейство - Аполлоний Тианский - Его отношение к мифологии - Его мистицизм и ритуализм - Ассоциации Плутарха и его ранняя история - Его преданность греческой традиции - Его социальная жизнь - Его "Жизни великих греков и римлян" - Он скорее моралист, чем чистый Тенденция философии в его время была направлена на формирование характера - эклектизм того времени - отношение Плутарха к платонизму и стоицизму - его собственная система морали была взята из различных школ - рекомендации по формированию характера - [pg xvii] Плутарх о Свободе и необходимость - Его презрение к риторической философии - Плутарх о спокойствии - Как расти с каждым днем - Пафос жизни - Необходимость высшего видения - Как примирить Бога философии с античной мифологией - великая проблема - Концепция Плутарха о Противостояние между философской идеей Бога и верой толпы было старым - но большие политические и духовные изменения сделали этот вопрос более насущным - богословие Максима Тирского - его чистая концепция Бога, в сочетании с терпимостью к легендам и символизму - миф не должен быть отброшен, но истолкован философией, чтобы обнаружить ядро истины, которое благоговейно завуалировано - эти усилия иллюстрирует трактат Плутарха об Исиде и Осирисе - его теория зла и демонических сил - платонистская демонология - история демонов, прослеженная от Гесиода - концепция демонов, обоснованная Максимом - демонология ранних греческих философов - природа демонов, как ее понимали Максим и Теория плохих демонов позволила Плутарху объяснить грубость мифов и ритуалов - плохие демоны - a damnosa hereditas - триумфальное использование теории христианами апологетами - демонология Плутарха также использовалась для объяснения вдохновения или молчания древних оракулов - "Оракулы немые" - И все же во II в, в некоторой степени Дельфы возродились - Вопросы о вдохновении обсуждаются - Качество дельфийских стихов - Теория вдохновения - Основные причины вдохновения - Демон святилища может уйти - Проблема вдохновения иллюстрируется обсуждением демона

Сократа - Что это было?-Результат исследования заключается в том, что человеческий дух, в лучшем случае, открыт для влияний из другого мира

Страницы 384-440

КНИГА IV

ГЛАВА I

СУЕВЕРИЕ

Суеверие - термин с изменчивым значением - трактат Плутарха о суеверии - почему оно хуже атеизма - интенсивный рост суеверия в I веке, после упадка старой религии - забытые обряды и разрушенные храмы - возрождение Августа - сила астрологии - императоры верили в нее и боялись ее - Тиберий и Фрасилий в Капрее - отношение Нерона, Оттона и Вителлия к астрологии - суеверие императоров Флавиев - Адриан и М. Аврелий - суеверие. Аврелий - суеверие литературного сословия - старший Плиний - Суэтоний - Тацит - его колебания в отношении сверхъестественного - как это можно объяснить характером эпохи - Эпиктет о гадании - суеверие Аэлиана из Праенесте - его легкое верие и анафемы на скептиков - П. Aelius Aristides-His history and character-His illness of thirteen years-Was he a simple devotee?- Влияние [pg xviii] риторического обучения на него - Храмы врачевания в его время - Их организация и распорядок - Рецепты снов в храмах Асклепия, Исида, и Сераписа - медицинское мастерство в сочетании с суеверием - развлечения и веселая светская жизнь этих храмов. Больницы были мощными целителями - Болезни Аристиды и его путешествия в поисках здоровья - Станные божественные предписания удивляют медиков - Их собственные героические средства - Прозрения богов - Возвращение его риторической силы - Долг возвращен в "Священных орациях" - Трактат о снах Артемидора - Его идея основать науку о снах - Его огромная индустрия в Собираение материалов - Его презрение к менее ученым толкователям - Его классификация снов и методы толкования - Новые оракулы - Неудача старых не была столь полной, как это иногда представляют - Возрождение Дельф - История оракула Александра Абонотейского - Его жизнь и характер - Как он играл на суеверии пафлагонцев - Деловое управление оракулом - его плата и доходы - его тайные методы - его слава распространилась повсюду - оракулы на многих языках - Рутилиан, Эпикурейцы сопротивляются самозванцу, но тщетно - Тайны Гликона - Александр, второй Эндимион - Ужасное суеверие того времени - Апофеоз в воздухе - Культ Антиноя и М. В Кротоне было больше богов, чем людей - Растущая вера в демонов и джинов - Свидетельства надписей о принятии местных божеств по всему миру - Возрождение почестей классическим героям - Вера в повторяющееся чудо - Христиане и язычники были одинаково доверчивы - Легенда о "Громовом легионе" - Колдовство в Фессалии - Беззаконный роман Апулея

Страницы 443-483

ГЛАВА II

ВЕРА В БЕССМЕРТИЕ

Концепция бессмертия, определяемая идеей Бога - Религия дает гарантию, отрицаемую философией - Неясность концепции, естественной и универсальной - "Еще не ясно, кем мы будем" - Смутные и различные верования по этому вопросу в ранней империи - Культ Манеса в старом итальянском благочестии - Опека над могилой, и призыв к вечному поминовению - вечный сон - связь между живыми и мертвыми - стремление к продолжению человеческого общения с тенью в ее вечном доме - Лемуры и Лемурия - посещения из другого мира - Мундус в каждом латинском городе - общая вера в явления, иллюстрируемая Филопсеудами

Лукиана, младшим Плинием, Суэтонием, Дионом Кассием, Эсхатология Вергилия - смесь различных верований - сцены из Преисподней "Энеиды" - ее пифагорейские элементы - как Вергилий повлиял на более поздние представления о будущем состоянии - скептицизм и легкое верие в первом веке - вечность языческих верований - надписи, касающиеся будущего состояния, должны интерпретироваться с осторожностью и дискриминацией - фразы часто условны, Влияние [pg xix] Лукреций - стоическая идея будущей жизни и перипатетики - влияние платонизма В последний век Республики и первый век Империи образованное мнение часто было скептическим или негативным - Дж. Цезарь, Плиний Старший, Тацит - чувства Адриана - Эпиктет о бессмертии - Гален - его возможное влияние на М. Аврелия - колеблющееся отношение М. Аврелия к бессмертию - как он смог примирить себя со святым идеалом и отказаться от надежды на будущую жизнь - его печаль и пессимизм полностью оправданы обстоятельствами времени - "Ты сошел на берег, брось корабль" - изменения в религиозном характере задолго до М. Аврелия - Теология Сенеки, как она сформировала его концепцию бессмертия - Новая нота в Сенеке - Влияние пифагорейских и платонических концепций на модификацию стоицизма - Возрождение пифагорейства в I веке - Его догматы и секрет его силы - Аполлоний Тианский о бессмертии - его встреча с тенью Ахилла - Плутарх и Максим Тирский о бессмертии - аргументы Плутарха в пользу веры в него - отсрочка божественного возмездия - но, Плутарх, как и Платон, считает, что аргументация по такому вопросу должна быть подкреплена поэтическим воображением - Мифы о Фесепии Солийском и Тимархе у Плутарха - Мифические пейзажи вечного мира

Страницы 484-528

ГЛАВА III

СТАРАЯ РИМСКАЯ РЕЛИГИЯ

Упадок старой религии в последнюю эпоху республики - его причины - влияние греческой философии и рационализма - различие между религией философии и религией государства - моральные и религиозные результаты - скептическое соответствие или отказ от древних обрядов - религиозное возрождение Августа - насколько это было делом политики - восстановление древних храмов и культов - должность Максима Понтифика - как императоры использовали это достоинство и сохраняли твердую связь со старой религией - религиозный характер первых императоров - сила античных настроений во втором веке - надписи ясно показывают, что они не были в ходу. Надписи ясно показывают, что народная вера в старую латинскую религию была все еще сильна - Возрождение Арвальского братства - Его история и ритуал описаны - Оплот императорской власти - Как Арвальская коллегия поддерживала и льстила императорам - Как культурный класс примирился с самыми грубыми формами. с самыми грубыми формами древней религии - философское примирение - влияние патриотизма, заставляющего людей поддерживать религию, которая была вплетена во всю социальную и политическую жизнь - эти настроения сильны до конца язычества - но в воздухе витали и другие религиозные идеи, готовые триумф восточных культов

529-546

ГЛАВА IV

МАГНА МАТЕР

Очарование культа Великой Матери - он был еще силен во времена С. Августина - его прибытие из Пессина в 204 г. до н.э. [pg xx] история его растущего влияния - тавроболиум во втором веке - легенда и ее интерпретации - Мегалесия весной - жречество - священные

колледжи поклонения - свидетельства надписей - поклонение в сельских местах - бродячие жрецы в Фессалии, описанные Апулеем - изображение их диких оргий - проблема этих восточных культов - из грубого происхождения, они превратились в реальную духовную силу - возвышение Магна Матер - обряд тавроболиума - его история в Малой Азии - его огромное влияние в последний век империи - вызов Церкви - история тавроболиума на Западе по надписям - описание сцены у Пруденция - связь Магна Матер с Митрой и другими божествами

Страницы 547-559

ГЛАВА V

ИСИДА И СЕРАПИС

Их долгое царствование в Европе - Основание в Пейреях в четвертом веке до н.э. - И в Малой Азии - Как египетские культы были преобразованы под греческим влиянием - Греческие поселенцы, солдаты и путешественники в Египте с седьмого века до н.э. - Греческие и египетские боги идентифицированы - Новая пропаганда Птолемеев - Теории происхождения Сераписа - Новая египетская Троица - Влияние греческого мистицизма - Поклонение, вероятно, установленное в городах Кампании до 150 г. до н.э. Религиозные волнения в Италии в начале II века до н. э. - Вакхический скандал - апокрифические книги Нумы - попытки правительства в I веке до н. э. подавить культ - жестокая борьба с переменным успехом - триумвиры в 42 году до н. э. возводят храм Исиды. Возведение храма Исиды - Преследование восточных культов в правление Тиберия - В дальнейшем противодействие было незначительным - Отношение императоров Флавиев - Домициан строит храм Исиды, 92 г. н.э. - Египетское поклонение, распространяемое из Александрии рабами, чиновниками, философами, В императорском доме - Распространение исихастского культа по Европе - Он достигает Йорка - Секрет его очарования - Культ обращался ко многим типам ума - Его мистицизм - Его очарование для женщин - Его пышность и церемониал - Как религия, изначально грубая, может быть преобразована - Зоолатрию Египта оправдали как символизм греческие философы - Но в исихастском культе Запада мало следов этого - Исида становится всеохватывающей духовной силой. Серапис рассматривается Аристидом как суверенный повелитель жизни - Однако культ никогда не отрывался от традиций идолопоклонства - Он способствовал огромному суеверию - Петосирис - Но в культе была несомненная духовная сила - Инициация Луция - Вера в бессмертие - εὐψύχει на гробницах - Впечатляющий ритуал - Отделение жречества от мира - Описание ежедневные службы - утренняя и вечерняя - тихая медитация - великие праздники исихастского календаря - аскетическая подготовка - благословение священного корабля - описание процессии у Апулея - степени жрецов - священные гильдии - место женщин - жречество как агрессивная сила - исихастский пресвитерий - правило жизни священника - Тертуллиан ставит его в пример - народное очарование Божественной Матери

Страницы 560-584

[pg xxi]

ГЛАВА VI

РЕЛИГИЯ МИТРЫ

Причины, которые во втором веке н.э. подготовили триумф Митры - Гелиолатрия естественная цель язычества - Ранняя история Митры в Ведах и Авестах - Он моральная сила с самого начала - Его место в зороастрийской иерархии - Его отношение к Ормузду - Влияние

Вавилон на персидский культ - Митра отождествляется с Солнцем - астральные представления Вавилонии неотделимы от митраизма - однако Митра и Солнце различаются в поздних надписях - как культ Митры был изменен в Малой Азии - влияние греческой мифологии, Влияние греческой мифологии, философии и искусства - группа Тауроктонус, вероятно, впервые созданная пергамским художником - Митра в литературе - Геродот - Ксенофонт - Фиваида Статья - Плутарх - Лукиан, возможно, слышал маздеанскую литанию - первое пришествие Митры на Запад, вероятно, в правление Тиберия - самые ранние надписи митраизма относятся к эпохе Флавиев - в то же время, Поклонение установлено в Паннонии - Самые ранние храмы в Остии и Риме - Власть Митры в столице - Секрет пропаганды - Солдаты были самыми эффективными миссионерами Митры - Рабы и императорские чиновники всех степеней распространяют персидскую веру - Ее прогресс прослеживается вокруг Рима и через различные регионы Италии, Особенно на севере - часовни Митры в долинах Альп и на дорогах к Дунаю из Аквилеи - вдоль линии Дуная - его останки в изобилии в Дакии и Паннонии - часовни в Аквинкуме и Карнунтуме - энтузиазм некоторых легионов - великолепные остатки поклонения Митре в Верхней Германии в начале второго века н.э. Митра проходит через Кельн и Булонь в Лондон, Честер, Йорк и стену Адриана - Митра произвел наименьшее впечатление на Западную Галлию, Испанию и Северную Африку - несмотря на терпимость и веротерпимость, Митра не был введен в культ. Несмотря на терпимость и синкретизм, митраизм никогда не переставал быть персидским культом - Влияние астрологии - Доля Вавилонии в формировании культа - Все же греческие мистические влияния сыграли большую роль в нем - Спуск и подъем души - Все же, хотя митраизм стал моральным вероучением, он никогда не переставал быть космическим символизмом - великие стихийные силы - демонология митраизма - его родство с поздним неоплатонизмом - дурное влияние веры в планетарные влияния - борьба между формальными и духовными идеалами религии - жажда посреднического сочувствия в моральной жизни была настоящей - Митра был посредником как в космическом, так и в моральном смысле - он стоит между Каутесом и Каутопатом, и между Ормуздом и Ахриманом - Легенда о Митре, слабо дошедшая до нас из памятников - Petra genetrix - Поклонение пастухов - Фонтан, бьющий при ударе стрелы - Легенда о мистическом быке - Его погоня и резня - Его смерть как источник возрождающейся жизни - Таинственное примирение Митры и Солнца - Их торжественное агапе - Различные толкования легенды - И все же под всем этим скрывался реальный духовный смысл - Религия напряженной борьбы - Как она касалась римского солдата на Дунае - Ее эсхатология - Обещание бессмертия и окончательной победы над злом - Таинство митраизма - Ежедневные службы, и ежегодные праздники - [pg xxii] мистерии Митры и семь степеней посвящения - символические церемонии - колледжи Митры - их влияние на нивелирование социальных различий - подозрения апологетов - описание часовни Митры - форма пещеры всегда сохранялась - сцена полного посвящения - митраизм как имперский культ и опора императорской власти - Очерк истории имперского апофеоза - Исторические причины, способствовавшие ему - Влияние Египта и Персии на движение - Отношение персов к царям - Фортуна монарха - Как эти идеи сочетались со старыми римскими представлениями - Влияние культа Солнца в III веке. поклонения Солнцу в третьем веке, Императоры присваивают титулы и знаки отличия Солнца - Императорский дом освящает храм Митры в Карнунтуме за двадцать лет до обращения Константина - Мог ли Митра когда-либо стать богом Западной Европы? - Его шансы на успех в хаосе верований казались многообещающими - его синкретизм и терпимость, Его моральное очарование - страхи отцов - параллели между его легендой и Библией - его система таинств - пародия на таинства средневековой церкви - и все же между двумя религиями была огромная пропасть - слабости митраизма - он не привлекал женщин - в нем не было Mater Dolorosa - он не вызывал особого человеческого сочувствия - и в его терпимости к другим языческим

системам заключалась его большая слабость - митраист мог быть приверженцем всех древних богов - митраизм был укоренен в природе...поклонение природе, и оставался покровителем самых худших суеверий - Митра принадлежал к уходящему порядку.

Страницы 585-626

КНИГА I.

INFESTA VIRTUTIBUS TEMPORA

[pg 1]

ГЛАВА I

АРИСТОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕРРОРА

Период социальной истории, который мы собираемся изучить, глубоко интересен во многих отношениях, но не в последнюю очередь благодаря многочисленным контрастам между его началом и завершением. Он открывается тиранией одного из худших людей, когда-либо занимавших трон; он заканчивается мягким правлением стоического святого. Она начинается резней и кровавой бойней гражданских распрей; она заканчивается очевидным триумфом философского идеала, хотя еще до конца правления философов тени начали падать. Обычно предполагается, что контраст характеров двух принцев находит соответствие в моральном облике и идеалах людей, над которыми они правили. Воцарение Веспасиана, которое после смертельной борьбы, казалось, положило конец оргиям жестокого деспотизма, рассматривается как знак не только политической, но и моральной революции. Это был рассвет эпохи покаяния и исправления, благотворного управления, великого морального возрождения. Мы обязаны принять прямое свидетельство такого современника, как [Тацит1](#), не склонного к оптимистическим взглядам на человеческий прогресс, о том, что наряду с истощением высшего сословия от резни и безрассудной расточительности, трезвый пример нового императора и приток свежей крови и более чистых нравов из провинций привели к большому нравственному улучшению. Даже среди старой знати, чья молодость пришлась на эпоху дикой разнузданности, вероятно, в начале того, что все признавали новым порядком, утвердился лучший тон. Подавленные и подневольные, которые легко научились [pg 2] подражать расточительным порокам своих угнетателей, вероятно, с такой же легкостью, по крайней мере, постарались бы соответствовать более простым модам жизни, которые Веспасиан унаследовал от своих сабинских предков и старого фермерского дома в [Peate2](#). Лучшая часть общества, представленная кругами

Персия, Плиния и Тацита, которые лелеяли идеал стоической или древнеримской добродетели в каком-нибудь уединении на северных озерах или в складках Апеннин, вышла из уединения и вышла на авансцену в царствование Траяна.

Однако ни язык Тацита, ни свидетельства других источников не дают оснований верить в какую-то внезапную революцию в морали. Эпоха Антонинов, несомненно, была веком добросовестного и гуманного правления в интересах подданных; еще больше она была веком религиозного возрождения. Но сопровождалось ли это соответствующим подъемом поведения и морального тона в массах, можно сомневаться. С другой стороны, пессимизм сатирика и историка, пережившего мрак Террора, вероятно, преувеличил развращенность тех злых дней. Если бы общество в целом было хотя бы наполовину так развращено, как его представляет Ювенал, оно бы быстро погибло от простого гниения. Надписи, письма младшего Плиния, даже страницы самого Тацита открывают нам мир, отличный от мира сатирика. На бесчисленных гробницах мы видим запись или идеал семейной жизни - трезвой, честной промышленности и чистой привязанности. В спокойных сельских уединениях в Ломбардии или Тоскане, в то время как столица неистовствовала от порочных потворств, кипела от заговоров и опустошалась от резни, было много семей, живших в почти пуританской тишине, где моральный стандарт был во многих отношениях так же высок, как и среди нас. Худший период Римской империи был самым славным веком практического стоицизма. Мужчины этого круга были готовы ценой свободы или жизни отважиться на безнравственную тиранию; их жены стремились последовать за ними в изгнание или умереть рядом с [ними](#)³. И даже во дворце Нерона была безупречная Октавия и девушки-рабыни, готовые защищать ее честь ценой пыток и смерти.⁴ В самые мрачные дни жестокость дурных князей расходовалась на [\[pg 3\]](#) их вельмож, на тех, кого они боялись или кого хотели ограбить. Провинции, даже при Тиберии, Нероне или Домициане, наслаждались свободой от угнетения, которой они редко пользовались при Республике.⁵ Справедливые и честные губернаторы были правилом, а не исключением, и даже Оттон или Вителлий, запятнанные всеми частными пороками, возвращались из своих провинциальных правлений с репутацией честных людей.⁶ Муниципальная свобода и самоуправление, вероятно, достигли своего расцвета именно тогда, когда жизнь и свобода в столице находились под ежеминутной угрозой. Великая стоическая доктрина о братстве и равенстве людей как членов всемирного содружества, которой суждено было вдохновить законодательство в эпоху Антонинов, открыто проповедовалась в царствование Калигулы и Нерона. Более мягкий тон - современная нота жалости к несчастным и помощи беспомощным - звучит в литературе I века.⁷ Нравственное и умственное равенство полов все больше признавалось в теории, поскольку способность женщин к героическим поступкам и самопожертвованию так часто проявлялась в эпоху тирании и стоических мучеников. Старая жестокость и презрение к рабу не исчезнут еще не одно поколение; но теперь раб рассматривается всеми великими лидерами моральных реформ как существо, подобное своему господину, равное ему, если не превосходящее его, по способности к добродетели.

Особое отличие эпохи Антонинов не следует искать в каком-либо значительном отличии от предшествующей ей эпохи в поведении или нравственных идеалах среди огромной массы людей. Не может она претендовать и на литературное отличие, отличающееся решительной оригинальностью, за исключением обладания воздушным изяществом и полусерьезной насмешливостью Лукиана. Ювенал, Тацит и младший Плиний, Суетоний и Квинтилиан, Плутарх и Дион Хризостом, вероятно, все умерли до вступления на престол Антонина Пия. После правления Адриана чистая римская литература, в любом достойном смысле этого слова, вымирает; она исчезает в той Сахаре высшего разума, которая простирается вперед до падения Империи. После Тацита нет великого [\[pg 4\]](#) историка; после Стация и Ювенала

нет значительного поэта, пока в злое царствование Гонория не появится Клавдиан, похожий на метеор.

Материальное великолепие и муниципальная жизнь эпохи Антонинов внешне являются ее величайшей славой. Это была в первую очередь общительная эпоха, эпоха городов. От стены Адриана до края Сахары повсюду возникали города с еще свободной гражданской жизнью. Это был век инженеров и архитекторов, которые превращали деревни в города и строили города в пустыне, украшая их храмами, величественными арками и базиликами и питая их фонтанами из источников на далеких холмах. Богатые были могущественны и популярны, и никогда им не приходилось так дорого платить за популярность и власть. Городские пиры и игры, форумы, храмы и театры оплачивались лестью или неумолимой силой общественного мнения из их казны. Бедняки пировали и развлекались за счет своих социальных начальников, которые получали почтение и поклонение, выраженные в сотнях надписей. И надо признать, что эти записи о честолубивой щедрости и ожидаемой благодарности не поднимают нашего представления ни об экономическом, ни о моральном состоянии эпохи.

Слава классического искусства почти исчезла; и все же, не имея возможности создать ни одного произведения творческого гения, неистощимая жизненная сила эллинского духа вновь заявила о себе. После долгого затмения риторическая культура Греции в царствование Адриана энергично направила свои усилия на завоевание Запада. Ее учителя и духовные наставники уже давно были в каждой знатной семье. Теперь ее софистов можно было увидеть в каждом городе от Дона до Атлантики. Влияние софистической дисциплины в образовании будет ощущаться в школах Галлии, когда вестготы и бургунды будут готовиться принять наследие падающей империи.⁸ С первых лет II века можно проследить то великое объединенное движение неопифагорейской и платонистской философии и обновленного язычества, которое сделало последний рывок против завоевательной церкви в царствование Юлиана и Феодосия. Философия стала религией и посвятила себя не только частному направлению характера и проповеди высшей жизни, но [pg 5] обоснованию и объединению языческой веры. Несмотря на довольно буржуазный идеал материальных наслаждений и великолепия, эпоха Антонинов, по крайней мере в ее высших умах, была веком очищенного нравственного чувства и религиозной интуиции. Это действительно был век духовных противоречий. С одной стороны, старый ритуал классического политеизма не только неукоснительно соблюдался даже такими людьми, как Плутарх и Аврелий, но религиозное воображение присваивало себе божества каждой провинции, почти каждого кантона, охваченного римской властью. В то же время плодovitость суеверий порождала множество новых божеств и гениев, которые населяли каждую сцену человеческой жизни.⁹ С другой стороны, в воздухе витал синкретизм. Среди всего этого беспорядочного брожения преданий даже в народной религии утверждался некий принцип единства и понимания. Старые боги теряли свою резкую индивидуальность; области и атрибуты родственных божеств стремились слиться друг с другом и раствориться в концепции единой центральной силы. Религии Египта и более отдаленного Востока с их внутренним монотеизмом, подкрепленным обещанием причастия и надеждой на бессмертие, пришли, чтобы дать толчок великому духовному движению. Простой крестьянин мог держаться за своего любимого бога, как его неаполитанский потомок - за своего любимого святого. Но Апулей, Аполлоний или Александр Север¹⁰ искали духовную поддержку в богах и мистериях всех стран.

Платонистская философия стремилась придать рациональное выражение этому движению, примирить культурное нравственное чувство с кумирами прошлого, найти связь между

бродячими религиозными фантазиями толпы и отдаленной эзотерической верой немногих философов. Высшим умам, откуда бы они ни пришли, открылось духовное видение, чуждое древнему миру, - видение Того, Кто уже не просто Сила, но бесконечный Отец, Творец, Провидец и Хранитель, от Которого мы приходим и к Которому уходим после смерти. Молитва Ему - это общение, а не средство получения временных благ; Он не удовлетворяется кровавыми жертвами; Его бесчестят безнравственные легенды.¹¹ Его нельзя изобразить на золоте или слоновой кости, высеченной [pg 6] самой искусной рукой, хотя идеализированная человеческая форма может быть использована как вспомогательное средство для преданности. Таковы некоторые из религиозных идей, бытовавших среди лучших людей, Диона Хризостома, Плутарха, Максима Тирского, которые неоплатоническая школа стремилась согласовать с обрядами и легендами прошлого. Объяснить, какими средствами они пытались это сделать и какова была мера их успеха, - одна из целей этой книги.

В эпоху Антонинов на короткое время осуществилась мечта Платона, когда короли должны быть философами, а философы - королями. Философия отказалась от своей отстраненной и надменной сдержанности и открытого противостояния императорской власти. Во II веке она отдала все свои силы власти, которая в руках антониновских князей, казалось, отвечала ее идеалам.¹² Почитатели высшей жизни после преследований со стороны последнего жестокого деспота поднялись до такого влияния, какого они никогда не имели, кроме пифагорейских аристократий Южной Италии. Философия теперь стала вдохновлять законодательную и государственную деятельность.¹³ Ее профессора были возведены в консулы и великие префекты. Прежде всего, она воплотилась, так сказать, в правителе, который, что бы мы ни думали о его практических успехах, привнес в обязанности правления возвышенность духовной отрешенности, равной которой не было ни у одного правителя из людей. Было ли соответствующее возвышение поведения или морального тона в массе людей, может усомниться каждый, кто изучал меланхолические мысли святого императора. Лукиан и Аврелий, кажется, так же безнадежны в отношении морального состояния человечества, как Сенека и Петроний в самые мрачные дни тирании Нерона.¹⁴ Подобные мнения, действительно, имеют мало научной ценности. Они часто являются результатом темперамента и идеалов, а не достоверных наблюдений. Но было бы опрометчиво полагать, что обостренное религиозное чувство и усилия философии в течение ста лет привели к широкомасштабному изменению характера. Тем не менее, было большим шагом вперед, что идея принципата, изложенная Сенекой и младшим Плинием, как ясного, бдительного, бесконечно [pg 7] трудолюбивого земного провидения, была реализована после воцарения Траяна. В царствование Аврелия было легче быть добродетельным, чем в царствование Нерона, и особенно легче это было для человека, принадлежащего к высшему социальному классу. Добрый или дурной пример принца всегда должен оказывать сильное влияние на тот класс, который по рождению или должности ближе всего к трону. А дурной пример будет бесконечно более развращающим, если он подкреплён террором. Жестокая, капризная тирания порождает целый класс пороков, которые, возможно, более унижительны для человеческого достоинства и более опасны в социальном плане, чем пороки плоти. А правление таких людей, как Калигула, Нерон и Домициан, не только стимулировало грубость самообольщения, но и добавило к ней вероломство и раболепие трусости. Чтобы в полной мере оценить, что приобрел мир благодаря мягкому и умеренному правлению князей II века, необходимо на мгновение вспомнить ужасы клавдианских цезарей.

Сила Сенеки как учителя нравственности, с некоторыми оговорками, признавалась всеми эпохами, прошедшими с его времен. Но вряд ли такое же признание получил яркий свет, который он случайными вспышками бросает на моральные условия жизни своего класса при тирании Калигулы и Нерона. Возможно, это объясняется недоверием к его искусственной

декламации и той фальцетной ноте, которую он слишком часто берет даже в самые серьезные моменты. И все же надо быть несимпатичным читателем, чтобы не понять, что за нравоучениями Сенеки скрывается ужасный опыт, пожизненная пытка, которая превращает в прах и пепел все кажущиеся блага жизни, состояние, роскошь и возвышенное положение. Над Сенекой нависла тень, которая никогда не исчезает, а иногда перерастает в ужас тьмы. В чем бы еще Сенека ни был неискренен, его завуалированные упоминания об ужасах императорской деспотии идут от самого сердца.

Жизнь Сенеки почти совпадает с тиранией Юлиев-Клавдиев. В ранней юности он был свидетелем мрачного, подозрительного правления Тиберия, когда ни дня не проходило без казни¹⁵, когда каждое обвинение было смертельно опасным, когда для поэта могло быть смертельно опасным поносить Агамемнона в трагических стихах или для [pg 8] историка восхвалять Брута и Кассия¹⁶, когда жертвы заблуждений толпами предвосхищали насмешки правосудия самоистязанием или пили яд даже перед лицом судей. Сенека вызвал ревнивую ненависть Калигулы слишком блестящей риторикой в сенате,¹⁷ и отомстил, прокляв чудовище на вечную бесславие.¹⁸ Даже у Суетония нет более жуткой истории, чем рассказанная Сенекой о римском рыцаре, чей сын поплатился жизнью за вычурную элегантность, раздражавшую тирана.¹⁹ Вечером жестокого дня отец получил императорский приказ отобедать. С лицом, не выражающим никаких эмоций, его заставили выпить за императора, в то время как шпионы внимательно следили за каждым выражением его лица. Он перенес это испытание, не дрогнув. "Вы спрашиваете, почему? У него был еще один сын". Изгнанный на Корсику в царствование Клавдия²⁰, Сенека перенес приговор с меньшим достоинством, чем впоследствии встретил смерть. Он был свидетелем правления вольноотпущенников, подлостей Мессалины, интриг Агриппины и вероломного убийства Британика; ему были известны все тайны этого мерзкого двора. Став воспитателем юного Нерона, он, если судить по трактату "О милосердии", несомненно, стремился внушить ему высокий идеал монархии как земного провидения. Вероятно, в то же время он открыл в сыне Кн. Домиция Агенобарба и Агриппины роковое наследие порочной крови и предзнаменования ужасного царствования. Молодого тигра держали на поводке в течение знаменитого пятилетия Буррус и Сенека. Казалось, это всего лишь прием божественного трагического художника - кратким промежутком спокойствия и невинности углубить ужас катастрофы. А для Сенеки жизнь ужасно омрачилась к ее концу. Преследуя высокие цели на благо общества, он, вероятно, прибегал к сомнительным способам ублажения своего своенравного ученика, возможно, даже к преступлениям.²¹ Его огромное богатство, полученное от императора или добытое ростовщичеством и вымогательством,²² его власть, его литературный блеск вызвали [pg 9] множество врагов, которые очернили его характер и возбудили страх или ревность Нерона. Ему пришлось терпеть незавидное звание возможного претендента на княжество.²³ Он удалился в почти монашеское уединение и даже предложил отказаться от своего богатства.²⁴ Он старался укрыться от злых глаз клеветы и императорского недоверия путем самого ничтожного отречения. Но он не мог спуститься с обрыва, на котором висел; его возвышение было распятием.²⁵ Удалившись в отдаленный уголок своего дворца, который был переполнен самыми дорогими товарами Востока и окружен садами, вызывавшими зависть Нерона,²⁶ падший государственный деятель искал успокоения в написании своих советов Луцилию и готовился встретить незаметный удар, который мог быть нанесен в любой момент.²⁷ Читая многие отрывки из Сенеки, чувствуешь, что сидишь в каком-то дворце на Эсквилине, читаешь "Фаэдо" или слушаешь утешения стоического руководителя, а в это время из дворца в любой момент может появиться центурион с последним роковым приказом.

Сенека, как и Тацит, обладает удивительной способностью к нравственной диагностике. Он приобрел глубокое, печальное знание патологии души. Это была способность, которую почти необходимо было приобрести в то время ужаса и подозрительности, когда люди жили в ежедневной опасности от кажущихся друзей. Никогда не было такого периода, когда люди больше нуждались в искусстве читать секреты характера. Не было и времени, когда для его изучения было больше возможностей. Жизнь была общительной почти до предела. Римский аристократ, если только он не становился сознательным затворником, проводил большую часть своего времени в тех общественных местах, о которых мы так часто слышим²⁸, где сплетни и критика безжалостно расправлялись с характером, где острые умы сталкивались друг с другом, иногда в смертельной игре, и где пробить броню маскировки могло быть вопросом жизни или смерти.²⁹ Сенека долго блистал в таких кругах. В последние годы жизни, став затворником, он также был духовным наставником. И его "Письма" не оставляют сомнений в том, что многие беспокойные или измученные духом люди обнажали перед ним свои тайные страдания, чтобы получить совет или [pg 10] утешение. Хорошо зная самые дикие излишества фантастической роскоши, все тайны философской исповеди, страдания положения, колеблющегося между почти княжеским состоянием и монашеским отречением, министр Нерона, сам себе назначенный лекарем душ, имел непревзойденные возможности для выяснения морального состояния своего класса.

Сенека слишком часто выступает в роли риторика, ищущего ярких эффектов и ярких фраз. И, как все риторики, он часто непоследователен. Временами кажется, что он считает свой век достигшим апогея безумного самообольщения. Но в более спокойном настроении он заявляет, что современники Нерона были не хуже современников Хлодия или Лукулла, что одна эпоха отличается от другой скорее большей распространенностью различных пороков.³⁰ Его пессимизм распространяется на все эпохи, которые от простоты природы отвлеклись очарованием изобретательной роскоши. В роковом прогрессе общества искусственное умножение человеческих потребностей разрушило идиллическую невинность далекого Эдема, где единственным убежищем был небесный свод или пещера, а одетый в кожу дикарь питался ягодами и утолял жажду из ручья.³¹ Это революционная мечта Руссо, восстающего против угнетения и искусственной роскоши Древнего режима. Природное состояние Сенеки - это антитеза эгоистичному и материализованному обществу, в котором он жил. Наши первые предки не были добродетельными в строгом смысле этого слова.³² Ведь добродетель - это результат борьбы и философских наставлений. Но их инстинкты были хорошими, потому что они не поддавались искушению. Они пользовались общими природными щедротами матери-земли.³³ Их яростная энергия расходовалась на охоту на зверей. Они жили мирно, охотно повинаясь мягкому отеческому правлению своих самых мудрых и лучших, без жажды золота или власти, без ревности и ненависти, нарушающих довольную и независтливую гармонию. Великими нарушителями этого первобытного мира были скупость и роскошь.³⁴ Момент, когда первый самородок мелькнул в глазах бродячего охотника, стал началом всей человеческой вины и страданий.³⁵ Эгоистичная жадность, переросшая в ненасытный аппетит, является [pg 11] первородным грехом, превратившим сад в пустыню. В индивидуалистическом стремлении люди потеряли связь с общим богатством природы. Роскошь пошла по нисходящей, в поисках свежей пищи и стимула для аппетита, пока просто излишние удовольствия не привели к тем, от которых отвращается незапятнанная природа.³⁶ Хвастливые завоевания человека над природой, триумфы его извращенной изобретательности, породили безграничную похоть, заканчивающуюся изнуряющим аппетитом; они превратили тех, кто был братьями, в хитрых или диких зверей.

Такая теория общества, разумеется, не имеет ни ценности, ни интереса сама по себе. Ее интерес, как и интерес подобных априорных мечтаний, заключается в том свете, который она проливает на социальные условия, породившие ее. Подобно "Германии" Тацита и "Общественному договору" Руссо, теория Сенеки об эволюции человечества - это косвенная сатира на пороки его эпохи. И даже у Тацита или Суетония не найти более жутких откровений о гниении общества, о том, что капризный чувственный мир порождает в душах, рожденных для чего-то высшего, тоску и ненависть к себе. Стоит отметить, что пороки, которые Сенека рассматривает как наиболее распространенные и смертельные, - это не столько пороки сексуальной нечистоплотности, хотя и они были достаточно распространены в его время, сколько пороки жадности, грубой роскоши, вероломной и завистливой жестокости, изнурения изможденных нервов и истощения возможностей потворства.³⁷ Он описывает не грубые пороки Субурры, а более смертельные и затяжные болезни Квиринала и Эсквилина. Здесь царит всеобщая жажда золота:³⁸ богатство - единственное украшение и опора жизни. И все же в те времена большое состояние было лишь великолепным рабством³⁹, которое нужно было охранять в условиях вечной опасности и зависти. Всеобщая жадность и продажность достойно сочетаются с бесконечным беспокойством тех, кто выиграл приз. Человеческая жизнь стала сценой жестокого и эгоистичного эгоизма, свирепой борьбы хищных зверей, жаждущих грабежа и не обращающих внимания на тех, кто падает в непристойной борьбе.⁴⁰ Это век, когда люди превозносят удачливых и попирают падших. Коварство и жестокость дикого зверя на троне послужили уроком для подданных. [pg 12] При таком дворе дожить до старости - чудо, и этот подвиг можно совершить, лишь принимая оскорбления и увечья с улыбкой на лице.⁴¹ Для того, кто не защищен такой броней лицемерия, всегда готовы дыба, отравленная чаша, приказ о самоубийстве. Для Сенеки характерна отстраненность, с которой он видит истоки этой ненавистной тирании. Ни один современник не видел более ясно далеко идущего проклятия рабства.⁴² Каждый великий дом - это миниатюра империи при Калигуле или Нероне, питомник претендентов, способных на те же преступления. Бесконтрольная власть хозяина, который мог за малейшую провинность - плохо выметенный тротуар, неполированную посуду или угрюмый взгляд - подвергнуть самой жестокой пытке⁴³, породила те холодные сердца, которые злорадствовали над муками галантных мужчин на арене и аплодировали в сенате последнему кровавому подвигу тирана. А система домашнего рабства одурманивала характер, делая его бессердечным и жестоким. Надписи подтверждают картину Сенеки о мельчайшем разделении функций между домохозяевами, чтобы предугадать все возможные потребности или капризы хозяина.⁴⁴ При такой системе хозяин становился беспомощным иждивенцем. В рассказе о том, как римский вельможа, усаживаясь в седан после бани, требовал от раба заверения в том, что он действительно сидит, есть истинная правда, за некоторым смехотворным преувеличением.⁴⁵

Неудивительно, что на таких людях поселяется крайняя усталость, отвращение к чрезмерному аппетиту, который не могут пробудить даже самые надуманные роскошества Востока, самая дьявольская изобретательность болезненного порока. И все же эти измученные души терзает бесцельная неугомонность, которая раздражает и раздражает медленное течение часов,⁴⁶ или тщетно надеется найти облегчение в смене обстановки.⁴⁷ Более энергичные духи, не имея полезного поля для энергии, превратились в класс, получивший название "арделионы". Сенека,⁴⁸ Марциал,⁴⁹ и более молодой Плиний⁵⁰ оставили нам изображения этих праздных [pg 13] суетливых людей, спешащих по форумам, театрам и большим домам, в праздных поисках какого-нибудь пустякового предмета интереса, ожидающих покровителей, которые игнорируют их существование, преследуя незнакомца до могилы, спеша на свадьбу замужней дамы или на сцену в суде, возвращаясь в сумерках, измученные этими глупыми трудами, чтобы на следующий день пройти тот же

изнурительный круг. Менее невинными были те, кто ежедневно собирался в [цирках](#)⁵¹, чтобы услышать и распространить самые дикие слухи об армии на границе, чтобы намеком погубить репутацию женщины, чтобы найти зловеющий смысл в каком-нибудь императорском приказе или позлорадствовать шепотом над последней красочной историей о глупости или темной вине из дворца. Это было опасное развлечение, ведь с улыбкой на лице какой-нибудь кажущийся друг наверняка подмечал каждый намек, который можно было бы превратить в обвинение перед тайным трибуналом на Палатине, или подбирал насмешку, которая могла бы стоить ее автору состояния или отправить его на скалы Гиаруса.

Читая сочинения Сенеки, особенно последние годы его жизни, испытываешь ужас, который едва ли когда-либо обретает определенные очертания, густой удушливый воздух, как бы заряженный молниями. Снова и снова вы чувствуете, как смутный ужас приближается тихо и незаметно, с внезапными проблесками невыносимых пыток, веревок, дыб и пылающих туник.⁵² Вам кажется, что вы видите мудреца, скорчившегося на своей кушетке пурпурного цвета под богатыми золотыми потолками с панелями, вздрагивающего от каждого звука в обшивке,⁵³ ожидающего вестника смерти. Дело не столько в том, что Сенека боится самой смерти, хотя мы можем подозревать, что его нервы иногда давали ложь его принципам. Он часто приветствует смерть, желанную в любом возрасте, как избавителя, который снимает цепь и открывает дверь тюрьмы, единственную гавань в бурном и коварном море.⁵⁴ Он благодарен за то, что ему всегда открыт этот выход из долгих жизненных мук, и смело заявляет о своем праве предвосхищать палача. Мрачность Сенеки, скорее, проистекает из ощущения страшного разрыва между богатством и государством и бесславной гибели, которая всегда была готова обрушиться на него. И для его воспаленного глаза все величественные звания кажутся, наконец, лишь обрывом, нависающим над пропастью, меткой для коварной зависти или злобы Фортуны.⁵⁵ "Большое состояние - это большое рабство"⁵⁶, которое, если его трудно завоевать, еще труднее охранять. И вся жизнь полна этих патетических контрастов. Наслаждение соседствует с болью; летнее море в одно мгновение становится бурным; труд долгих лет рассыпается в один день; под нашим глубоким покоем всегда таится ужас. И вот мы приходим к печальному евангелию всеобщего пессимизма: "Ничто так не обманчиво и не коварно, как человеческая жизнь".⁵⁷ Никто не станет сознательно принимать такой роковой дар, о котором можно сказать лишь то, что пытка коротка, что первый миг нашего существования - это первый этап к могиле.⁵⁸ Таким образом, для Сенеки, при всем его теоретическом безразличии к вещам, внешним по отношению к добродетельной воле, при всем его восхищении неуязвимой мудростью, замкнутой во внутренней цитадели души и противостоящей самому худшему, что могли причинить тираны или судьба, *taedium vitae* стала почти невыносимой. Интерес всего этого заключается не в непоследовательности Сенеки, а в том кошмаре, который навис над такими умами в царствование Нерона.

Мрачность Сенеки была частью дурного наследия класса, владевшего неисчерпаемыми богатствами и подвергавшегося безграничным соблазнам самообольщения, которые предлагало завоевание Востока и Запада. Утомленные чувства не могли ответить на бесконечные чувственные соблазны, которые окружали римского аристократа с самых ранних лет. Если ему не удавалось растратить свое состояние, он часто слишком рано исчерпывал свою способность к здоровой радости жизни, и заклятая вражда насыщенного аппетита и разочарования слишком уверенно бросала свою тень на его последующие годы. В те времена было широко распространено развратное злословие, и мы не обязаны принимать на веру все его рассказы о Сенеке. Однако в его сочинениях есть отрывки, которые оставляют впечатление, что, хотя в молодости он, возможно, и культивировал пифагорейский аскетизм,⁵⁹ он не [pg 15] полностью избежать пятна своего времени.⁶⁰ Его

огромное состояние не было получено по счастливой случайности или благодаря щедрости императора.⁶¹ Его сады и дворец со всей его бесценной мебелью, должно быть, были приобретены потому, что когда-то он испытывал удовольствие от такой роскоши. Душа, столь страстная в своем отречении, по законам человеческой природы могла когда-то быть столь же страстной в потворстве. В его случае, как это часто бывает в истории Церкви, святой, возможно, пережил страшное раскаяние.

Однако вполне вероятно, что этот пессимизм - скорее результат контраста между идеалом принципата, который Сенека представлял себе, и деградацией его власти в руках его ученика Нерона. Сенека, возможно, и рассматривался когда-то как возможный кандидат на трон, но он не был заговорщиком или революционером.⁶² Он осудил бы визионеров, грубость которых вызывала даже у терпимого Веспасиана.⁶³ В письме, которое, должно быть, было написано во время нероновского террора, он решительно отвергает идею о том, что приверженцы философии - неподатливые субъекты. Их главная потребность - спокойствие и безопасность. Они должны благоговеть перед тем, кто своими бессонными бдениями охраняет то, что им дороже всего, подобно тому, как на торговом судне владелец самой ценной части груза будет благодарен за защиту морского бога.⁶⁴ Сенека хотел, чтобы его собраты-философы не обижались на громкое самоутверждение или парад высшей мудрости.⁶⁵ В тот обманчивый рассвет правления своего ученика Сенека написал трактат, в котором пытался очаровать его идеалом отеческой монархии, в сознании своей богоподобной власти всегда радующейся милосердию и жалости, нежной к страждущим, мягкой даже к преступникам. Это очень похоже на идеал Плиния и Диона Хризостома при сильном и умеренном правлении Траяна.⁶⁶ Обращенное к одному из худших императоров, оно кажется, если оглянуться назад, почти сатирой. Однако следует помнить, что, как ни странно, Нерон, при всей своей дикой развращенности, похоже, до самого конца обладал странным обаянием для многих. Люди, которые трепетали [pg 16] мрачного и лицемерного Домициана, сожалели о диком веселье и добродушии Нерона, и каждую весну, в течение многих лет после его смерти, неизвестные руки возлагали цветы на его могилу.⁶⁷ Очарование детства, с проблесками великодушных инстинктов, могло на время обмануть даже опытного человека мира и задумчивого аналитика характера. Но более вероятно, что это произведение - скорее предупреждение, чем пророчество. Сенека наблюдал за всеми капризами императорского тирана, опьяненного чувством всемогущества, в его жилах теплился дурманный оттенок родовых пороков⁶⁸, нервы были расшатаны маниакальными излишествами, он бродил по просторам Палатина до исступления от ужаса, поражая возможных соперников, сначала из страха или жадности⁶⁹, в конце концов из жажды крови дикого зверя и наслаждения страданиями сладострастника. Пророчество отца о будущем сына Агриппины⁷⁰, вероятно, нашло отклик в страхах его воспитателя. Но, несмотря на свои предчувствия, Сенека считает, что попытка спасти его стоит того, чтобы ее предпринять. Сначала он обращается к своему воображению. Нерон стал наместником Бога на земле.⁷¹ Он - вершитель жизни и смерти, от слова которого зависят судьбы граждан, счастье или несчастье целых народов. Его невиновность вызывает самые большие надежды.⁷² Но задача императора тяжела, а опасности ужасающи. Император - это единственная связь, на которой держится мир-империя⁷³; он - ее жизненное дыхание. Человеком, самым трудным из всех животных для управления⁷⁴, можно долго управлять только с помощью любви, а любовь можно завоевывать только благодеяниями и мягкостью к хмурым людям. В своем богоподобном положении князь должен подражать милосердию богов.⁷⁵ Обладая неограниченной властью, он в то же время является слугой всех и не может узурпировать право частного подданного. Он подобен одной из небесных сфер, связанной неизбежным

законом двигаться вперед по фиксированной орбите, непоколебимой и неуклонной. Если он будет полагаться на жестокую силу, а не на милосердие, он опустится до уровня тирана и встретит [pg 17] свою судьбу.⁷⁶ Жестокость короля только умножает его врагов и разжигает ненависть. На этом роковом пути нет пути назад. Царь, которого когда-то боялся его народ, теряет самообладание и наносит слепой удар в целях самозащиты.⁷⁷ Вокруг него сгущается атмосфера предательства и подозрений, и в конце концов то, что для его обезумевшего разума сначала казалось суровой необходимостью, становится просто жаждой крови.

Высказывалось предположение, что Сенека в какой-то степени стал причиной гротескного или трагического провала Нерона.⁷⁸ Риторический дух, которым дышат все сочинения Сенеки, безусловно, может оказать дурное влияние на воспитание правителя людей. Привычка играть словами, стремиться к сиюминутному эффекту, не обращая внимания на истину, может вдохновить возбудимое тщеславие художника, но вряд ли она подходит для решения трудных проблем управления. Ослепительная картина безграничной власти римского императора, которую Сенека поставил перед своим учеником, чтобы усилить его чувство ответственности, может опьянить ум, от природы склонный к грандиозным видениям, а трезвый урок будет легко забыт. Зрелище "царств мира и всей славы их" у его ног было опасным искушением для такого темперамента, как у Нерона.⁷⁹ Высокомерие и жестокость были в крови Домициев. Дед Нерона, будучи всего лишь эдилом, заставил цензора уступить ему место; он представлял римских матрон в пантомиме и устраивал гладиаторские представления с такой жестокостью, что это шокировало не слишком нежный возраст.⁸⁰ Отец императора, помимо преступлений, связанных с мошенничеством, лжесвидетельством и кровосмешением, на открытом форуме вырвал глаз римскому рыцарю и намеренно растоптал ребенка под ногами своей лошади на Аппиевой дороге.⁸¹ И все же такова странная сложность человеческой природы, что Нерон, похоже, от природы не был лишен некоторых великодушных и приятных качеств. Мы не должны придавать слишком большое значение невинности, которую приписывает ему Сенека.⁸² Также не нужно приписывать инициативе Нерона разумные или благожелательные меры, которые характеризовали начало его правления. Но он проявил [pg 18] в свое время некоторую тщательность и заботу при исполнении своих судебных обязанностей.⁸³ Он видел необходимость, в интересах общественного здоровья и безопасности, перестроить узкие улицы и антисанитарные жилища Рима.⁸⁴ Его концепция Истмийского канала, если бы удалось решить инженерную проблему, стала бы огромным благом для торговцев с Эгейским морем. Даже его пятилетний фестиваль, вдохновленный греческими состязаниями в музыке и гимнастике⁸⁵, представлял собой более тонкий идеал подобных собраний, в котором так нуждалась раса, преданная грубому реализму пантомимы и кровавой бойне на арене. Свирепый и неисчислимо капризный, Нерон в свои лучшие времена обладал и более мягкой стороной. Он жаждал любви и признательности⁸⁶; возможно, часть его жестокости была местью за отказ в ней. Он был необычайно терпелив к насмешкам и инвективам в свой адрес.⁸⁷ Хотя он мог быть жестоким в своем обращении с женщинами, он также умел вызывать настоящую привязанность и, возможно, в некоторых случаях возвращать ее. Похоже, он испытывал нечто вроде настоящей любви к Акте, своей любовнице. Старые сестры утешали его в последний час агонии и вместе с верной Акте уложили последнего из его рода в склепе Домиция.⁸⁸ Нерон, должно быть, обладал чем-то вроде того очарования, которое заставляет женщин в любой эпохе забывать недостатки и даже преступления мужчин, которых они когда-то любили. А странное, затянувшееся суеверие, волновавшее раннюю Церковь и ожидавшее его повторного появления вплоть до одиннадцатого века, вряд ли могло собраться вокруг совершенно ничтожного и заурядного персонажа.⁸⁹

Когда Нерон произнес слова "Qualis artifex pereo"⁹⁰, он не только дал собственную интерпретацию своей жизни, но и раскрыл один великий секрет ее ужасного провала. Можно признать, что у Нерона был определенный художественный энтузиазм, подлинное стремление к совершенству.⁹¹ Он рисовал с некоторым мастерством, сочинял стихи не без определенного изящества. Несмотря на серьезные природные недостатки, он прилагал бесконечные усилия, чтобы овладеть техникой певца. Далеко за полночь он сидел в восторге, слушая [pg 19] эффекты Терпнуса, и пытался копировать их.⁹² Его артистическое турне по Греции, которое так сильно понизило его в глазах Запада, было действительно вдохновлено страстью найти сочувствующую аудиторию, которую он не мог найти в Риме. И, несмотря на свое высокомерие и тщеславие, он с благотворным почтением относился к художественному суждению Греции. И все же поразительно, что в записях о его правлении самым проклятым обвинением является то, что он позорил пурпур выставками на сцене. Его песни под лиру, его пародии на роженицу Канацею или безумного Геркулеса послужили причиной его свержения не меньше, чем убийства Британника и Агриппины.⁹³ Крепкий римский солдат и пифагорейский апостол одинаково презирают императорского возницу и актера. Ложные литературные амбиции, порожденные ложной системой образования, были бичом римской культуры на протяжении многих веков. Дилетант-художник на троне в первом веке имел много преемников в литературном искусстве среди великих сеньоров пятого. Они могли играть со своими хитроумными стихотворными трюками на виду у готических костров. Он мог претендовать на венок в Олимпии, когда его верный вольноотпущенник звал его обратно, сообщая, что Запад кипит от [восстания](#)⁹⁴.

Мать Нерона отговаривала его от изучения философии; его наставник отговаривал его от изучения мужественного ораторского искусства великих дней.⁹⁵ Теперь миру предстояло узнать, что такое ложное художественное честолюбие, оторванное от чувства реальности и долга. Эстетизм может быть лишь любовью к сенсационным эффектам, без проблеска идеала. Это может быть лицемерный материализм, прикрывающийся божественными именами. В этом вкусе Нерон был истинным представителем своей эпохи. Он был глубоко запятнан той простой страстью к грандиозному и поразительному, к лихорадочным интеллектуальным эффектам, которую истинная культура отвергает как осквернение [искусства](#)⁹⁶. Масштабность и зрелищность, реалистичное выражение физической агонии, грубый румянец получувственного удовольствия пленили вульгарный вкус, для которого балаганное возбуждение и лихорадка чувств заняли место более чистых пылких порывов и видений [pg 20] духа.⁹⁷ Нерон поплатился за то, что возмутил общепринятые предрассудки римлян. И все же в некоторых отношениях он полностью сочувствовал народным массам. Его пышные игры и зрелища в какой-то степени искупали его отступления от эллинизма. Он был щедр и расточителен, поощрял расточительность [других](#)⁹⁸, а расточительство всегда популярно, пока не приходится платить по счетам. Он был "невероятным купцом".⁹⁹ Африканская провинция была разграблена, чтобы найти легендарные сокровища Дидо.¹⁰⁰ Исследователи были посланы, чтобы пробить таинственный барьер Кавказа и открыть тайные источники Нила. У него были грандиозные инженерные планы, которые могли бы показаться недоступными даже современному мастерству и которые почти соперничали с самыми дикими мечтами безумного мозга Калигулы.¹⁰¹ Его Золотой дом в парке, простирающемся от Палатина до Эсквилинских высот, был масштабом более чем восточного великолепия. Наконец-то повелитель мира получил достойную резиденцию. С колоннадами длиной в три мили, с озерами, пастбищами и сильванскими полянами, нужен был только второй Нерон в лице Отхо, чтобы мечтать о дополнении его великолепия.¹⁰² Такому принцу астрологи вполне могли бы предсказать другую монархию, возведенную на горе Сион, с владычеством над Востоком.¹⁰³ Мечтатель-материалист был, как и Наполеон I, лишен зачатков нравственного чувства. Сам запятнанный самыми грязными

преступлениями, он был убежден, что добродетель - это притворство и что все люди одинаково порочны. ¹⁰⁴ Его окружение давало ему некоторое оправдание для того, чтобы так думать. Он родился в кругу людей, которые верили главным образом в "похоть очей и гордость жизни". Он сформировал круг, многие из которых погибли во время резни в Бедриакуме. Истощив казну безумным изобилием, Нерон прибег к грабежам и судебным убийствам, чтобы пополнить ее. ¹⁰⁵ Расточительный человек редко угрызает совести, чтобы возместить свою экстравагантность. Храмы, естественно, были разграблены человеком, который, не имея религии, был, по крайней мере, достаточно честен, чтобы высмеивать все религии. ¹⁰⁶ Художественные сокровища Греции были унесены поклонником греческого искусства; золотые и серебряные изображения ее святых были [pg 21] отправлены в плавильный котел. ¹⁰⁷ Неблагодарные завещатели после смерти заплатили положенное им наказание; а бред, следя за каждым словом или жестом, умело обеспечивал необходимый набор жертв для грабежа. Все это избитая история. И все же, возможно, стоит еще раз вспомнить ее, чтобы объяснить подавленный ужас и томительную агонию последних дней Сенеки.

Впечатления от Ужаса, которые мы получаем от Сенеки, сильны и почти подавляющи. Густая атмосфера мрака и предчувствия, кажется, сковывает нас, когда мы перелистываем его страницы. Но Сенека оперирует скорее тенью намеками и завуалированными предположениями, чем определенными утверждениями. За подробной картиной этой ужасной сцены деградации мы должны обратиться к Тациту. Он писал на свежем рассвете эпохи мнимой свободы, когда мрак тирании, казалось, внезапно исчез, как дурной сон. И все же он не может избавиться от чувства ужаса и отвращения, которое выжгли в его душе пятнадцать лет безропотного подчинения или молчаливого страдания. Даже под мужественным, терпимым правлением Траяна он, кажется, с трудом восстанавливает дыхание. ¹⁰⁸ Он с трудом верит, что наконец-то наступил свет. Его отношение к тирании принципиально отличается от Сенеки. Сын провинциала из Кордовы смотрит на эту сцену скорее как космополитический моралист, обескураженный своим огромным состоянием и соседством с ужасным дворцом. Тацит смотрит на это как римский сенатор, пропитанный всеми старыми римскими традициями, мало заботящийся о философии, но очень дорожающий старым римским достоинством и престижем этого великого порядка, который он видел униженным и **разрушенным**. ¹⁰⁹ Чувства Сенеки - это чувства стоического монаха, уединившегося в углу своего огромного дворца, то трепещущего перед императорской ревностью, которую могут вызвать его богатство и известность, то ищущего утешения в мыслях о Боге и вечности, которые часто могут показаться принадлежащими Томасу а-Кемпису. Тон Тацита иногда напоминает человека, который должен был жить в эпоху самнитских или карфагенских войн, до того, как роскошь и развратные амбиции истощили моральные силы великой аристократической касты, а его чувства разделены между мрачным гневом на [pg 22] жестокую судьбу и презрительным сожалением о слабости и самоотречении класса, который когда-то был так велик. Чувства Сенеки выражаются скорее в риторической жалости к себе. Чувства Тацита находят выход в словах, которые иногда скрывают пафос, слишком гордый для излияний, иногда режут, как острия ланцетов, и которые, в своем концентрированном моральном презрении, оставили вечное клеймо позора на именах исторической славы.

Между датой последних писем Сенеки к Луцилию и записью Тацита о его карьере историка прошло более сорока лет. ¹¹⁰ Когда Сенека умер, он был еще ребенком. ¹¹¹ Его жизнь известна нам лишь по нескольким обрывочным сведениям в "Письмах Плиния", ¹¹² вытесненным умозаключениями современной эрудиции. Будучи маленьким мальчиком, он, должно быть, часто слышал рассказы о художественных причудах и оргиях Нерона, а также о

чудовищных жестокостях конца его правления. В пятнадцать лет он, возможно, стал свидетелем карнавала крови и похоти, которым завершилось правление Юлиев-Клавдиев. Он получил свой *cursus honorum* в правление Веспасиана и достиг преторского звания при Домициане.¹¹³ Вероятно, военное командование отстранило его от Рима на три года во время тирании последнего Флавиана.¹¹⁴ В 97 году он был *consul suffectus*, а затем занимал пост проконсула Азии. Из его собственных слов можно сделать вывод, что, будучи сенатором, он был вынужден безропотно наблюдать за тем, как курия была переполнена солдатами, как благороднейшие женщины были отправлены в изгнание, а люди самого высокого ранга и добродетели были приговорены к смерти по подкупным показаниям в тайном трибунале Альбанского дворца. Его рука помогала тащить Гельвидия в темницу и была запятнана кровью Сенекио. Он прожил достаточно долго при лучшем принце, чтобы оставить после себя неувядаемую картину трагедии одинокой и безжалостной власти, но не настолько долго, чтобы забыть ужасы и деградацию, через которые он прошел.

Утверждение Тацита, что на него не влияли страсти [pg 23] или [пристрастность](#)¹¹⁵, оспаривается современной школой [критиков](#)¹¹⁶. Иногда из любви к цезаризму и сильной власти, иногда из научной слабости к поиску новой интерпретации истории, великий исторический живописец юлио-клаудианской деспотии был представлен как едкий ритор senatorской реакции, мечтателем, с тоской оглядывающимся на старую Республику, принадлежащим к одному из тех надменных кругов старого режима, которые всегда находились в состоянии хронического бунта, жили в атмосфере подозрений и ядовитых сплетен, питали свои мечты и ненависть, пока вымысел и факт не сливались друг с другом в мрачной ретроспективе.¹¹⁷ Он - великий литературный мститель сената после его долгого кровопролитного конфликта с принципатом, использовавший свободу нового порядка, чтобы очернить характер принцепсов, вынужденных в интересах всемирной империи бороться и сокрушать эгоистичную и узколобую [касту](#)¹¹⁸.

Слабость всех подобных оценок Тацита заключается в том, что они не признают сложный характер этого человека, смешение и пересечение влияний обучения, официального опыта, социальной среды и высоких нравственных [идеалов](#)¹¹⁹; еще больше - в неправильном понимании его целей как историка. Тацит был великим оратором, а дух риторической школы в сочетании с силой и ловкостью стиля, которые она могла передать, оставил величайшим римским историкам менее строгое чувство истины, чем то, которым часто обладают их слабые современные преемники.¹²⁰ Ни один римлянин никогда не поднимался до фукидидовской концепции истории. Более того, Тацит, хотя изначально и не принадлежал к высшему социальному слою,¹²¹ по симпатиям и ассоциациям принадлежал к аристократическому классу. Как и Суетоний, он неизбежно черпал много информации из воспоминаний о великих домах и рассказов старцев, переживших злые времена.¹²² Таким образом, он приобрел многие [pg 24] предрассудки класса, который в силу своей истории, а тем более воспитания, искал свои идеалы в прошлом, а не в будущем. Он вращался в тех кругах, которые в любую эпоху маскируют подлость и горечь сплетен воздушным артистизмом дерзкого остроумия, отшлифованного многими общественными встречами. Он сам был свидетелем триумфа Делания и холодной жестокости Домициана. Он разделял унижение сената, который был вынужден покорно согласиться с его худшими проявлениями. Это зрелище внушило ему ужас перед бесконтрольной властью в руках плохого человека и мрачное недоверие к человеческой природе, способной опуститься до такого благородного рабства.¹²³ Но, с другой стороны, Тацит приобрел практический опыт работы на высоких должностях, как в качестве солдата, так и администратора, что всегда отрезвляюще действует на суждения. Он осознавал трудности управления и неразумность простых людей. Поэтому он не сочувствует доктринерской и химерической оппозиции даже при самом

плохом правительстве. [124](#) Как бы он ни уважал высокий характер тогдашних философских энтузиастов, он не доверял их театральному вызову власти и прикрывался сдержанным резервом, который мог забыть о том, что служит тирану, когда служил содружеству. [125](#) Временами Тацит может выражаться с суровой меланхоличной горечью, которая, как может показаться на первый взгляд, характеризует его как революционного мечтателя, мстящего за оскорбленный политический идеал. Такая интерпретация была бы серьезной ошибкой, которую он сам первым бы исправил. Идеал, за который он мстит, не политический, а нравственный. [126](#) Горькая печаль глубокого аналитика характера, с темпераментом почти лихорадочной интенсивности и нервной силы. Интерес истории для Фукидида и Полибия заключается в политических уроках, которые она может преподать потомкам. Интерес Тацита - в раскрытии скрытых мотивов и тайны характера, в наблюдении за этапами неизбежного вырождения, моральной подготовки к темному, бесславному концу. И аналитик [pg 25] был удивительно ярким художником характеров, характеров отдельных людей, периодов и народов. Его портреты врезаются в воображаемую память, так что впечатление, полученное однажды, никогда не может быть утрачено. Тиберий и Клавдий, Нерон, Мессалина и Агриппина, несмотря на самую язвительную критику, будут жить вечно, как их изобразило пылкое воображение Тацита. Не менее тщательно и ярко он изображает коллективные чувства и характеры человеческих масс. Мы наблюдаем за чередованием ярости и раскаяния мятежных легионов Германика, [127](#) или за смешением свирепости и печали, с которыми они бродили среди белеющих костей на проигранном поле битвы Вара, [128](#) или за страстью горя и восхищения, с которой преторианские когорты целовали нанесенные себе раны Оттона. [129](#) Или, опять же, мы следим за сменой настроений римского населения, переходящего от гнева и горя к кратковременной радости, а затем к глубокой тихой печали при изменчивых слухах о здоровье Германика. [130](#) У Тацита события почти всегда рассматриваются в их моральном окружении. Страдание и позор от сожжения Капитолия вителлианцами усиливаются мыслью о том, что катастрофа вызвана безумием гражданской распри. [131](#) В ужасном конфликте, который бушевал от улицы к улице, ужас заключается в смешении жестокости и разнузданности. Бани, бордели и таверны переполнены в тот самый час, когда на соседних дорогах валяются трупы и течет кровь; порывы праздности не прекращаются ни на минуту; люди, казалось, упиваются общественными бедствиями. Во времена Цинны и Суллы было достаточно кровопролития, но мир, по крайней мере, был избавлен от такого карнавала похоти. [132](#) Даже при передаче или воображении речи Гальгака к своим воинам на Грампиане, [133](#) даже при изображении германских племен, [134](#) этический интерес всегда стоит на первом месте. Жестокий ужас принца, женолюбие и преклонение перед вельможами, грубость и свирепость масс, противопоставленные верности, целомудрию и твердости германских кланов, кажется, смутно предвещали Тациту [pg 26] опасность, от которой все истинные римляне до конца отводили глаза. [135](#)

Ключ к интерпретации Тацита - рассматривать его как моралиста, а не политика. А он моралист с печальным, цепким пессимизмом. [136](#) Он обречен быть летописцем злого времени, хотя и спасет от забвения следы и реликвии древней добродетели. [137](#) У него пессимистическая теория эволюции Сенеки. Раннее равенство, мир и умеренность были утрачены в результате неуклонного роста алчности и эгоистических амбиций. [138](#) Именно в прошлом мы должны искать наши идеалы; именно в прошлом мы черпаем нашу силу. С таким же мрачным взглядом на своих современников, как у Аврелия, [139](#) он смутно представляет себе циклы в человеческих делах. [140](#) И, вероятно, самой прекрасной надеждой, которая когда-либо посещала ум Тацита, была надежда на возвращение к

простоте давно ушедшей эпохи. Он приветствовал воцарение Веспасиана и Траяна как счастливую перемену к более чистым нравам и свободе слова.¹⁴¹ Но за правлением Веспасиана последовал мрачный подозрительный деспотизм Домициана. Кто мог быть уверен в преемниках Траяна? Тацит вряд ли разделял энтузиазм и бурные надежды, выраженные его другом Плинием в "Панегирике". Это была естественная вспышка радости по поводу выхода из темницы, и личному характеру Траяна удалось частично скрыть подавляющую силу императора под фикцией свободно принятого правления первого гражданина. Тацит, несомненно, испытывал не меньшее удовлетворение, чем его друг, от подавления доносчиков, восстановленной свободы слова, возрожденного достоинства сената, уважения принцепса к старым республиканским формам и этикету.¹⁴² Вероятно, он испытывал еще большее удовольствие от того, что добродетели и талантам больше не нужно было скрываться от завистливого глаза и что весь тон общества повышался благодаря умеренному примеру императора. Но он не разделял иллюзий Плиния по поводу изменившегося положения принца при новом режиме. Старая республика исчезла навсегда.¹⁴³ По-прежнему правил один человек, от характера которого [pg 27] зависело все. Он никогда бы не присоединился к Плутарху и Диону в возведении императора в ранг наместника Бога. С его опытом и психологическими навыками он должен был рассматривать любую единоличную власть как страшную опасность как для ее обладателя, так и для его подданных.¹⁴⁴ "Саpaх imperii, nisi imperasset" сгущает целую дискуссию об империализме. По правде говоря, Тацит, как и многие вдумчивые студенты, изучающие политику, мало доверял простым политическим формам и названиям.¹⁴⁵ Они часто являются самым простым надувательством: они сильно зависят от духа и социального тона, которые стоят за ними. В абстрактном смысле Тацит, возможно, отдал бы предпочтение аристократии. Но он видел, как легко она может перейти в эгоистичный деспотизм.¹⁴⁶ Он не верил ни в народ, ни в народное правительство с его неустойчивой возбудимостью. Он признавал, что завоевания Рима, эгоистические амбиции и долгая анархия гражданских войн сделали неизбежным правление одного человека. Но монархия легко переходит в тиранию, и он принимает империю только как гибельную необходимость, которая может быть оправдана появлением хорошего принца. Наследственное престолонаследие, привитое к княжеству Августа, породило в мире череду глупцов и чудовищ. Единственная надежда заключалась в повышении уровня добродетели и выборе достойного преемника через форму усыновления.¹⁴⁷ Один в свое время подарил миру Домициана, а через три поколения ему суждено было подарить Коммоду. Другой обеспечил ему мир и порядок эпохи, рассвет которой видел Тацит.¹⁴⁸

Мотивы Тацита были в основном этическими, а его моральный стандарт во многих отношениях был возвышенным. Однако его стандарты иногда были ограничены предрассудками его класса. Он лелеял старый римский идеал "virtus", а не стоическое евангелие космополитического братства людей.¹⁴⁹ Как и Плиний, он не испытывал особого ужаса перед гладиаторскими боями,¹⁵⁰ хотя, возможно, испытывал определенное презрение к ярости, которую они вызывали. К рабству он относился, вероятно, гораздо менее гуманно, чем Плиний.¹⁵¹ [pg 28] Восхищаясь многими грубыми добродетелями германцев, он молил Небо, чтобы их кровная вражда длилась вечно.¹⁵² Он со всей верой Теогниса верит в моральную ценность крови и размножения. Он испытывает гордое удовлетворение, отмечая достоинства отпрыска благородной расы, а вырождение из великих традиций вызывает у него негодующую жалость.¹⁵³ Иногда он набрасывает на вырожденцев вуаль.¹⁵⁴ К великой экономической революции, которая поднимала на вершину власти вольноотпущенника, мелкого торговца, неизвестного провинциала, он, вероятно, относился с подозрительностью и неприязнью Ювенала. Новый человек должен был обладать прекрасным характером или большим послужным списком, чтобы понравиться

Тациту. ¹⁵⁵ Но при всех этих недостатках жестких и узких предрассудков Тацит сохраняет возвышенный идеал характера, суровый энтузиазм в отношении великих добродетелей, которые являются солью любого общества.

О раннем воспитании Тацита ничего не известно. Но мы можем позволить себе представить его нежно, но строго охраняемым от порока [рабынь-кормилиц](#)¹⁵⁶ матерью, которая была столь же непорочна, как Юлия Процилла, мать его героя Агриколы. ¹⁵⁷ Какое значение он придавал этой ревностной заботе хорошей женщины, какой ужас испытывал перед подстрекательством к жестокости и похоти, окружавшим молодого римлянина с колыбели, можно проследить во многих отрывках, идущих от самого сердца. Его идеал юношеского целомудрия и чистой гармонии единого супружеского союза открывает нам другой мир, отличный от сцены бессердечных, бродячих интриг, на которые Овидий растратил свои блестящие дарования. Его вкус, если не принципы, восставал против грубых соблазнов зрелищ и расточительной грубости банкетов его времени. ¹⁵⁸ Он завидует германцам в их свободе от этих великих развратителей римского характера, от жажды золота и расчетливой стерильности, которая отрезает себя от самого чистого удовольствия природы, чтобы на смертном одре быть окруженным толпой голодных, бесстыдных подхалимов. Хотя Тацит испытывал жгучее презрение к безвольной трусости и медлительности, которые унижали столь многих представителей его [сословия](#)¹⁵⁹, он, возможно, ценил [pg 29] даже чрезмерные, хотя вряд ли это возможно, добродетели стойкого солдата. Гордое подчинение власти, гордая, холодная стойкость перед лицом жестоких лишений и огромных трудностей, готовность пожертвовать даже жизнью по зову государства всегда должны возвышаться над безопасными устремлениями неиспытанной добродетели. Солдат, хотя он никогда не знает этого, - самый благородный из идеалистов. Идеалом Тацита, хотя он и видит недостатки своего [нрава](#)¹⁶⁰, вероятно, был характер его тестя, Агриколы: серьезный, серьезный и суровый, но со сдержанной снисходительностью, свободный от вульгарной скупости или показного чинопочитания, от ядовитой ревности, честолюбивый воин, но хорошо умеющий усмирить дерзкую энергию [благоразумием](#)¹⁶¹. Тацит, вероятно, искал бы свой идеал среди этих седых, изможденных войной солдат на опасной границе, наполовину воинов и наполовину государственных деятелей, справедливых и благоразумных, суровых в дисциплине, но владеющих секретом любви римского солдата, людей, которые охраняли Солуэй, Рейн и Дунай, пока их братья в сенате покупали свои жизни или удобства преклонением и предательством. И все же, в конце концов, Тацит был слишком велик для столь ограниченного идеала. Он мог восхищаться верой, мужеством и постоянством в любом звании. ¹⁶² С глубоким восхищением и сдержанным пафосом он рассказывает, как вольноотпущенница Эпихарис, измученная пытками и теряющая сознание, отказалась раскрыть тайну заговора Пизона и добровольной смертью посрамила рыцарей и вельмож, готовых предать своих ближайших родственников. ¹⁶³ Рабыни императрицы, мужественно сохранившие ее честную славу под последним жестоким испытанием, удостоены подобной [памяти](#)¹⁶⁴.

Самым глубоким чувством Тацита по отношению к ранней империи, по-видимому, было то, что она была губительной для характера как принца, так и подданного. Это убеждение он выразил с горячностью художника. Он никогда не смог бы написать один из тех трудоемких параграфов Суетония, которые кажутся переписанными из тщательно заведенной записной книжки, с безжизненным каталогом пороков, добродетелей и эксцентричностей субъекта. Для Тацита история - живая и реальная вещь, а не предмет простого антикварного интереса. Он видел, как одна [pg 30] незаконная воля, не сдерживаемая ни конституционными ограничениями, ни обычными человеческими чувствами, вершила судьбы и жизни людей. Он видел, как сыновья самых гордых домов продавали честь предков за свою жизнь,

предавали самых близких людей и целовали руку, обгавленную невинной [кровью](#)¹⁶⁵. Оглянувшись назад, он увидел, что в течение более чем пятнадцати лет, с небольшими перерывами, добродетель была изгнана или вынуждена скрываться в бессильном уединении, а власть и богатство были наградой за вероломство и унижительное самоуничтожение.¹⁶⁶ Задумчивая тишина этих лет унижительного рабства не уничтожила веру Тацита в человеческую добродетель, но почти уничтожила его веру в праведного Бога. Тацит - не философ, у которого есть либо аргументированная теория, либо последовательное отрицание веры.¹⁶⁷ Он использует народный язык в отношении религии и часто говорит как старый римлянин во всем, что касается богов.¹⁶⁸ Более того, он часто столь же доверчив, сколь и скептичен в своем отношении к знамениям и оракулам.¹⁶⁹ Но при всей его глубокой вере в добро, зрелище мира цезарей глубоко поколебало его веру в Божественную справедливость. Снова и снова он приписывает долгую агонию римского мира случайности или судьбе,¹⁷⁰ или гневу Неба, а также безумию людей.¹⁷¹ Иногда он почти отрицает правящую власть, которая могла бы допустить продолжение преступлений Нерона.¹⁷² Иногда он мрачно отмечает ее беспристрастное отношение к добрым и злым.¹⁷³ И снова он говорит о Силах, которые посещают не для защиты, а только для отмщения. И вот, под действием проклятия, подобного тому, что преследовало Пелопидов в трагической легенде, монархия, вскормленная честолюбием и гражданскими распрями, продолжает разлагаться и развращаться. Жажда деспотической власти, которую Тацит считает самой яростной и ненасытной из человеческих страстей, усилилась при виде монархии, практически неограниченно распоряжающейся ресурсами и судьбами всего мира.

[pg 31]

Это был ослепительный приз, предлагавший страшные соблазны как для его обладателя, так и для возможных соперников и претендентов. День, когда Нерон или Калигула просыпались, осознавая все возможности власти, был роковым. И Тацит с инстинктом трагического художника изобразил неуклонное, фатальное разложение характера принца под разлагающим влиянием абсолютной и единоличной власти. Из всех цезарей до его времени единственным, кто изменился к лучшему, был домовитый Веспасиан. В Тиберии, Калигуле и Нероне часть этого ухудшения характера следует отнести на счет болезненного напряжения в линии Юлиев-Клавдиев, с ее жесткой и жестокой гордостью и наследием запятнанной крови, секрет которой так хорошо знал отец Нерона. Многие объяснялось и финансовым истощением, которое в последующие царствования следовало за самыми безрассудными тратами. Трудно сказать, кто больше виноват в примере расточительности и безумной роскоши - императоры или их вельможи. За два поколения до основания Империи в обществе зародилась страсть к изобилию, которая, по словам Тацита, не прекращалась вплоть до воцарения Веспасиана.¹⁷⁴ Конечно, человеку, который потратит 3000 фунтов стерлингов на мировую вазу, 4000 фунтов на стол из цитрусового дерева или 40 000 фунтов на богато украшенный ковер из Вавилона, было чему поучиться даже у Нерона.¹⁷⁵ Однако пример императора всегда должен быть силен как во благо, так и во зло. Мы имеем свидетельства Плиния и [Клавдиана](#)¹⁷⁶, разделенных тремя сотнями лет, о том, что мир с готовностью подчиняет свою жизнь жизни одного человека, если этот человек является главой государства. Юношеский энтузиазм Нерона к декламации придал огромный импульс страсти к риторике.¹⁷⁷ Его увлечение актерским мастерством и музыкой распространилось по всем сословиям, и императорские партии распевались в придорожных трактирах.¹⁷⁸ М. Аврелий сделал философию модой, и стоический император ответственен за некоторые философские самозванства, которые вызвали яростное презрение Лукиана. Любимое лекарство императора стало настолько популярным, что цены на него стали почти запредельными.¹⁷⁹ Если пример домашних привычек Веспасиана оказал такое влияние на

реформирование общества, мы можем быть уверены, что [pg 32] дурной пример его расточительных предшественников развратил его не меньше.

И какой это был пример! Экстравагантность цезарей Клавдиев и последнего Флавиана стала исторической обыденностью. Каждый слышал о благовонных ваннах Калигулы, о его шашках из расплавленного жемчуга, о его галерах с усыпанными драгоценностями кормами и садами и огородами на палубах, о его виадуке, соединяющем Палатин с Капитолием, о мосте из Баули в ПUTEОЛИ и о многих других замыслах этого дикого ума, за которые в конце концов пришлось заплатить кровью. [180](#) За один год Калигула безрассудно растратил более 20 000 000 фунтов стерлингов. [181](#) Нерон провозгласил, что единственное применение денег - это их растрата, и считал любой разумный расчет подлостью. [182](#) За короткий срок он растратил почти 18 000 000 фунтов стерлингов. Египетские розы для одного банкета стоили 35 000 фунтов стерлингов. [183](#) Говорят, что он никогда не продвигался вперед менее чем на тысяче карет; его мулы были обуты в серебро. [184](#) Он ставил 400 000 фунтов стерлингов на один бросок костей. Описание его Золотого дома похоже на видение беззаконной романтики. [185](#) Преемники Гальбы были столь же щедрыми в течение своего короткого срока. Отхо, другой Нерон, вероятно, рассматривал смерть в бою как избавление от банкротства. [186](#) За несколько месяцев Вителлий спустил на вульгарную роскошь более 7 000 000 фунтов стерлингов. [187](#) Веспасиан счел истощение государственной казны настолько [угрожающим](#) [188](#), что ему пришлось прибегнуть к непопулярной экономии и налогообложению в огромных масштабах. При Домициане зрелища и щедроты, устроенные толпой, свели на нет всю скрупулезность финансов его [отца](#) [189](#), и Нерве пришлось ликвидировать разорительное наследие путем массовых сокращений и продажи даже императорской мебели и [тарелок](#) [190](#), так как Аврелий пустил с молотка свои домашние сокровища и даже гардероб и драгоценности императрицы во время Маркоманнской войны [191](#).

Но великие императорские расточители прибегали к более [pg 33] простым и примитивным способам пополнения своей казны. Самоуверенное расточительство часто связывают с подлостью и жестокостью. Эпиграмма Суетония о Домициане "inopia rapax, metu saevus" [192](#) подводит итог гнусной истории тирании. Крутой биограф Калигулы, Нерона и Домициана, методично описывая их финансовые трудности, тут же переходит к описанию неприкрытого грабежа или хитроумного сутяжничества, с помощью которых нуждающиеся тираны получали возжеланные поместья. Императоры теперь обычно защищали провинции от [грабежа](#) [193](#), но к собственной знати они применяли все верринские методы. С помощью ищейки, которая всегда собирается вокруг деспота, было нетрудно найти благовидные основания для обвинения. Расплывчатый закон величества, изначально предназначенный для обеспечения безопасности содружества, теперь использовался для защиты священного принца, в руках которого были сосредоточены все высшие полномочия правительства. [194](#) Малейшее подозрение в нелояльности или недовольстве, самый незначительный поступок или слово, которые развращенная изобретательность могла истолковать неправильно, превращались в грозное обвинение людьми, жаждущими получить свою долю награбленного. Написать мемуары стоического святого или сохранить дату рождения умершего императора, обладать императорским гороскопом или картой мира, назвать раба именем Ганнибала или блюдо именем Лукулла - все это могло стать роковым обвинением. [195](#) "Неблагодарные завещатели", не помянувшие императора в своем завещании, должны были дорого заплатить за неосторожное упущение. [196](#) Материалы для таких обвинений было легко получить в Риме времен первых цезарей. Жизнь была очень общительной. Большая часть дня проходила на утренних приемах, на Форуме, Campus Martius, в лавках цирюльников и книготорговцев или на колоннадах, где собирались толпы модных

бездельников, чтобы разбавить скуку жизни сплетнями и разговорами. Это был город, говорит Тацит, в котором все знали и обо всем говорили. [197](#) Никогда еще любопытство не было столь пылким, а сплетни - более безрассудными. Люди почти готовы были рисковать жизнью ради повода. А в [pg 34] царствование Нерона или Домициана риск был вполне реальным. Имперский шпионаж, опасность и необходимость которого Меценат в "Дионе Кассии" признавал сразу, [198](#) был организованной системой даже при самых безупречных императорах. Его можно проследить в царствованиях Нервы, Адриана и Антонина Пия. [199](#) Но при тиранах добровольные осведомители появлялись в каждом классе. Среди сотен рабов, прикрепленных к большому дому, в такие времена обязательно находились шпионы, привлеченные соблазном свободы и богатства, которые могли сообщить и исказить то, что они наблюдали в свободные часы у своего хозяина. Люди боялись возможных предателей даже среди своих ближайших родственников, среди самых близких друзей самого высокого ранга. [200](#) Кто может забыть бесчестие тех трех сенаторов, один из которых носил историческое имя Катон, которые, чтобы отвоевать консульство у Сеяна, спрятались между потолком и крышей и через щели ловили слова, искусно вырванные у жертвы другим членом знатной шайки? Седьмая книга "Жизни Аполлония" Филострата - это откровение о смещении осторожности и хитрости в методах Домициана. По крайней мере, здесь мы оставили позади мир романтики и оказались на твердой почве. По мере чтения мы ощущаем вокруг себя сотни глаз вездесущей тирании. В тюрьме мы встречаем тарентумского магистрата, виновного в опасном пропуске общественных молитв, и акарнанца, виновного в поселении в одной из эхинад. [201](#) Шпион заглядывает в камеры, чтобы послушать разговоры заключенных, и лишь радуется Аполлония описанием чудес, которые он видел в своих странствиях. Когда мы попадаем в тайный трибунал на Палатине, после того как Домициан воздает почести Афине, перед нами предстает жестокий, скрытный деспот, столь же робкий, сколь и жестокий. Несмотря на все скептическое отношение к Филострату, мы находимся в самом сердце Террора.

По сравнению с этим низменным шпионажем даже ремесло делатора становится почти респектабельным. Как и все в римской социальной организации, дележ имел долгую историю, слишком [pg 35] долгую, чтобы быть разработанной в рамках этой работы. Импичмент, который мог быть полезным и необходимым при Республике, чтобы разоблачить беззакония провинциального правительства, стал проклятием Империи. Законы Августа о восстановлении общественной морали дали первый шанс профессиональному делигатору. Ревнивое, скрытное правление Тиберия приветствовало такую зловещую поддержку, [202](#) и хотя темная, мучительная политика затворника Капрея могла наказать излишнее рвение доносчиков, она также была готова вознаградить их за своевременные проявления энергии. [203](#) Открытая и дерзкая тирания Калигулы и Нерона часто обходилась без лицемерных судебных форм убийства. Последнему Флавиану оставалось возродить методы Тиберия. [204](#) Домициан был одновременно робок и жесток. Он был также педантом, скрывавшим от самого себя свою подлость скрупулезной преданностью древним формам даже в религии. Непристойный распутник, избравший своей покровительницей [богиню-деву](#) [205](#), мог легко сделать формы старого римского правосудия прикрытием для конфискации и резни. Теоретически добровольный обвинитель, не имеющий поручения от власти, был дискредитированным человеком. И сменявшие друг друга императоры наказывали или порицали делигаторов предыдущего царствования. [206](#) Тем не менее, профессия росла в репутационном и материальном плане. Это печальное доказательство деградации того общества, что делатель мог гордиться своим ремеслом и даже вызывать зависть и восхищение. Люди всех сословий, вольноотпущенники, школьные учителя, мелкие торговцы, потомки домов, столь же древних, как и Республика, люди от сапожника [Ватиния](#) [207](#) до Скавра, Катона или Регула, стекались к ремеслу, которое могло принести

баснословное состояние и благосклонность принца. Должно быть, немало было таких, как Пальфурий Сура, который сражался на арене при Нероне, был опозорен и лишен консульского звания при Веспасиане, затем стал стоиком и проповедовал евангелие народного [pg 36] правления, а в правление Домициана увенчал свою карьеру тем, что стал делателем и попытался основать юридическую теорию абсолютной монархии²⁰⁸.

Система римского образования, которая была глубоко риторической, стала рассадником этого продажного ораторства. Она питала своих учеников шедеврами свободной речи; она разжигала их воображение мечтами о риторическом триумфе. Когда они выходили в мир Империи, единственной ареной для демонстрации своих способностей оказывался скучный суд центумвиров или наемный лекционный зал, где они могли поразглагольствовать на какую-нибудь фривольную или глупую тему перед изможденной аудиторией. Заманчиво было проявить искусство, усвоенное в школе Квинтилиана, в настоящей поединке, где на кону стояли жизнь или свобода обвиняемого. И величайшие ораторы прошлого никогда не предлагали им такого великолепного материального вознаграждения. Четверть имущества осужденного была старой платой обвинителя.²⁰⁹ Но этот предел был оставлен далеко позади в судебном грабеже первых цезарей. Вероятно, ни один другой способ не позволял человеку так легко стать миллионером. Главные обвинители Тразеи и Сорана в правление Нерона получили в награду по 42 000 фунтов стерлингов каждый.²¹⁰ Эти печально известные делитанты, Эприй Марцелл и Вибий Крисп, накопили состояние, достигшее в конце концов огромной суммы в 2 400 000 фунтов стерлингов. Знаменитый, или позорный, Регул, после самых расточительных трат, оставил после себя состояние в полмиллиона.²¹¹ Его карьера - яркий пример того, как в развращенном обществе люди могут подняться до богатства, и той готовности, с которой это общество всегда простит все дерзости и успехи. Происходя из прославленного, но разорившегося рода,²¹² Регул обладал бесстыдной дерзостью и безжалостным честолубием,²¹³ которые были ценнее рождения и состояния. У него были все физические недостатки для оратора, но он сделал себя оратором, обладая странной способностью душить своих жертв.²¹⁴ Он был беден, но решил стать богатым и достиг того состояния, которое сам предложил себе в качестве цели. Он был тщеславен, жесток и нагл, раб суеверия,²¹⁵ [pg 37] запятнан многими вероломными преступлениями. Он был особенно искусным и совершенно бесстыдным адептом в искусстве захвата.²¹⁶ И все же этот циничный агент судебного убийства, начавший свою карьеру в царствование Нерона, жил в мире и богатстве в царствование Траяна. Он даже пользовался определенным уважением в обществе.²¹⁷ Гуманный и утонченный Плиний одновременно и ненавидел, и терпел его. На утренних приемах Регула в его дальних садах на Тибре собиралась модная толпа.

Внутренняя тайна имперского террора, вероятно, всегда будет озадачивать историка. Решение вопроса зависит не только от ценности, которую следует придавать нашим авторитетам, но и от предрассудков и предубеждений, которые привносятся в их интерпретацию. Для одного критика Тацит, хотя и подверженный недостаткам, вытекающим из риторической подготовки и пылкого темперамента, кажется достаточно беспристрастным и заслуживающим доверия.²¹⁸ Другой считает великого историка, по сути, партизаном, черпавшим свои материалы из мемуаров и традиций класса, воспаленного реакционными мечтами и пропитанного ненавистью к монархии.²¹⁹ Некоторые считают трагедию ранней империи результатом реальной опасности от сенатского заговора, который постоянно окружал императора. Другие связывают ее с больным мозгом принцев, одурманенных чувством всемогущества и часто развращенных порочными излишествами, натур одновременно робких и высокомерных, предвидевших опасность с маниакальной жестокостью, которая заканчивалась созданием той самой опасности, которой они боялись.

Разве не может быть правды в обеих теориях? Можно признать, что, вероятно, никогда не существовало мощной оппозиции с четко поставленной целью свергнуть императорскую систему, как она была организована Августом, и восстановить республиканское правление сената. Можно признать, что, хотя многие из первых двенадцати цезарей умерли насильственной смертью, это насилие было использовано для избавления мира от монстра, а не для перестройки конституции; ненавидели не империю, а императора. Однако эти признания должны быть оговорены некоторыми оговорками. Влияние риторического характера римского образования на формирование нравов и идеалов высших классов, вплоть до самого конца [pg 38] Западной империи, вряд ли еще полностью признано. Оно окаменило литературу рабским подражанием неприступным образцам. Она также прославила великие века свободы и республиканского правления; она возвысила Гармония и Аристогета, Брута и Кассия до нравственной высоты, которая могла бы подсказать великодушной молодежи долг или славу подражания им. Когда риторы в царствование Калигулы или Нерона аплодировали падению исторического деспота, разве не возможно, что некоторые могли применить этот урок к царствующему императору? Хотя очевидно, что философские дебаты о трех формах правления были небезызвестны, но, вероятно, мало кто всерьез задумывался о восстановлении республики. Никто, кроме маньяка, не доверил бы безвольной, чувственной толпе Рима судьбы мира. Собственно говоря, и сама толпа предпочитала правление расточительного деспота, который удовлетворял бы ее удовольствия.220 Но сенат все еще был именем власти. За три или четыре поколения, прошедшие со смерти первого Цезаря, люди забыли о слабости и вероломстве, которые сделали сенатское правление невозможным. Они думали о сенате как об упрямой, надменной касте, которая сорвала стратегию Ганнибала и добилась завоевания мира. Старые семьи могли быть более чем уничтожены; новые люди сомнительного происхождения могли занять их места.221 Но древние институты обладают престижем и силой, которые часто не зависят от людей, которые их создают. Люди управляются во многом благодаря воображению и простым именам. Так, Сенат оставался воображаемым символом славы римской власти вплоть до последних лет существования Западной империи. Усердный Симмах лелеет фантазию о его могуществе при Гонории. И хотя Калигула или Нерон могли питать лихорадочную ненависть к собранию, которого они боялись,222 хотя они и презирали его, лучшие императоры обычно почти парадно демонстрировали свое уважение к сенату.223 Мудрейшие принцы [pg 39] чувствовали, что, хотя они могут иметь за спиной преданность легионов и огромную материальную силу, все же разумнее примирить старые римские чувства политическим почтением к органу, который окружен ореолом античности, который имеет такие великолепные традиции завоеваний и управления.

Таким образом, сенат был единственным возможным соперником императора. Вопрос в том, был ли сенат когда-либо опасным соперником? Истинный ответ, похоже, заключается в том, что сенат был опасен в теории, но не на деле. Можно не сомневаться, что в царствования Калигулы и Нерона были люди, мечтавшие о восстановлении сенатской власти.224 Столь же несомненно, что сенат был неспособен ее утвердить. Роскошь, самообольщение и воинская повинность сделали свое дело. В правление Нерона было много претендентов на главенство, и даже несколько в правление Веспасиана.225 Но у них не было надежного и решительного сената за спиной. Весь мир и даже сенат были убеждены, что Римская империя нуждается в правлении одного человека. Проблема заключалась в том, как получить этого человека. Наследственное престолонаследие возводило на трон только глупцов или чудовищ. Оставался старый принцип усыновления. Император, чувствуя приближение своего конца, мог со всем своим огромным опытом управления миром, со всем своим знанием сенаторского сословия, не боясь обидеть перед лицом смерти226, назначить человека, достойного этого огромного поручения. Если бы такой человек пришел в принципат с

великодушным желанием передать сенату часть своих тягот и своей славы, это был бы высший идеал империи, и именно к этому идеалу, возможно, приблизились в эпоху Антонинов. Однако за пределами круга практических государственных деятелей оставался класс, который долгое время оставался непримиримым. В последнее время с большой силой утверждается, что стоическая оппозиция была лишь оппозицией нравственного идеала, а не сознательной пропагандой политического вероучения.²²⁷ Возможно, это верно в отношении некоторых философов, но, конечно, не в отношении всех. Фрасея был любезным человеком, чье самое суровое осуждение выражалось в молчании и отсутствии в сенате²²⁸, который даже иногда мог с почтением говорить о Нероне. Но его зять, [pg 40] Гельвидий Приск, казалось, ликовал, попирая и оскорбляя такого великого и достойного императора, как Веспасиан.²²⁹ А жизнь Аполлония, описанная Филостратом, оставляет отчетливое впечатление, что философия в правление Нерона и Домициана была революционной силой. Аполлоний, правда, представлен Филостратом как сторонник монархии в дебатах в присутствии Веспасиана.²³⁰ Но он хвастался тем, что был посвящен в заговоры против Нерона,²³¹ и вместе с Нервой и Орфитом принимал активное участие в заговоре против Домициана.²³² Он был вызван в тайный трибунал, чтобы ответить за речи против императора, произнесенные перед толпой в Эфесе.²³³ Можно признать, что инвективы или презрение философии были направлены на недостойных принцев, а не на основы их власти. Однако Дион Кассий, очевидно, считает Гельвидия Приска бурным агитатором с опасными демократическими идеалами,²³⁴ и противопоставляет его насилие изученной умеренности в сочетании с достойной сдержанностью, проявленной Фрасеем в правление Нерона. Терпимый Веспасиан, который так долго терпел бесцеремонные оскорбления философов, должно быть, в конце концов счел их не только оскорблением, но и реальной опасностью, когда изгнал их. В I веке можно не сомневаться, что среди философского сословия были представители, осуждавшие монархию не только как моральную опасность, но и как прискорбное отклонение от традиций республиканской свободы. Возможно, были и такие, кто, если бы представилась возможность, даже решился бы на республиканскую реакцию.

С мрачным осознанием реалий жизни Домициан говорил, что в заговор против императора никогда не верят, пока император не убит.²³⁵ Из первых двенадцати цезарей семь умерли насильственной смертью. Каждый император от Тиберия до Аврелия был отмечен заговором. Часто это было спровоцировано отвратительным характером принца. Но иногда он возникал и по другим причинам, нежели моральное отвращение. Мягкое правление Веспасиана было в целом популярным, но даже ему пришлось отразить заговор Аэлиана и Марцелла.²³⁶ [pg 41] безупречный Нерва, император по велению сердца сената, дважды подвергался нападкам в результате восстаний, организованных крупными вельможами с историческим именем.²³⁷ Заговор Нигрина против Адриана получил мощную поддержку и был жестко подавлен.²³⁸ М. Аврелию пришлось с печальной покорностью перенести открытый мятеж Авидия Кассия.²³⁹ Лучшие императоры, сильные своим характером и общей справедливостью управления, могли позволить себе относиться к такой оппозиции сравнительно спокойно. Но в случае с Нероном или Домицианом все было иначе. Заговор Пизона и заговор Сатурнина в каждом случае стали кульминацией и поворотным пунктом. Возникшие на почве реального и обоснованного нетерпения, они были безжалостно подавлены, а затем последовали жестокие и подозрительные репрессии, которые только усилили опасность деспота. "Scelera sceleribus tuenda", по словам Тацита, подводит итог ужасной истории "о гневе Божьем и безумии людей".

Было много причин, сделавших трагедию ранней империи неизбежной. Вероятно, самой сильной из них было неопределенное положение принца и мечты о республиканской власти и свободе, которые веками лелеял сенат. Тщательно замаскированное под античные формы,

княжество Августа было действительно всемогущим благодаря проконсульскому imperium в провинциях и трибунской прерогативе дома.²⁴⁰ В крайнем случае, не существовало законного способа бросить вызов человеку, который контролировал легионы, назначал магистратов и манипулировал огромной казной в свое удовольствие. Выдумка Августа о том, что он вернул республику в руки сената и народа, вряд ли могла обмануть его собственный проницательный разум.²⁴¹ Рука, которая по своей милости могла восстановить simulacra libertatis, могла так же легко их отнять. В следующее царствование Комиция утратила даже тень конституционной власти.²⁴² Отныне народ - это армия.²⁴³ Обладатели великих республиканских магистратур - всего лишь креатуры принца и послушные служители его власти. Один только Сенат сохранил некоторые остатки своей старой [pg 42] власти и еще большие притязания и антикварные претензии. Теоретически, во время вакансий в княжестве, Сенат был высшим органом власти, и новый император получал свои прерогативы по указу Сената. В законодательной деятельности его решения делили поле с эдиктами [принцепса](#)²⁴⁴, и он претендовал на параллельную судебную власть. Но все это было иллюзорно. Работа такой системы явно зависит от характера и идей того, кто на время овладевает материальной силой империи. И "доля сената в правительстве фактически определялась объемом административной деятельности, которую каждый император считал нужным позволить ему осуществлять "²⁴⁵.

Полубезумный Калигула действительно яснее представлял себе положение императора, чем реакционные мечтатели, когда говорил своей бабушке Антонии: "Memento omnia mihi in omnes licere".²⁴⁶ Ему не нужны были уроки Агриппы и Антиоха, чтобы узнать секрет тирании.²⁴⁷ Однако институты никогда нельзя отделить от моральных и социальных сил, которые стоят за ними и окружают их. Император должен был зависеть от агентов и советников, многие из которых по социальному положению и семейным традициям не уступали его собственным. В его распоряжении был сенат с историей незапамятной древности и славы, которая накладывала чары на консервативное воображение расы, отвращавшейся от любого проявления неуважения к прошлому. Кроме того, он был окружен населением, которое мстило за потерю свободной Комиции удивительной свободой насмешек и эпиграмм, язвительных сплетен и шумных призывов в цирке и театре.²⁴⁸ И даже солдаты, которые были заклятыми сторонниками принцепса и которые часто лучше, чем кто-либо другой, представляли тон старой римской серьезности и мужественной добродетели, иногда могли заставить своего императора почувствовать, что в запасе есть сила, которой он не может смело противостоять. Поэтому с изменением характера принца императорская власть могла превратиться в незаконную тиранию, которую можно было остановить только убийством, а могла снова скрыть свои силы под конституционными формами, принять лозунги Республики, возвести Сенат на место рядом с тронem и заставить даже опытных государственных деятелей на время задуматься о том, что дни древней свободы вернулись.

[pg 43]

Такая мечта, не совсем провидческая, пронеслась перед мысленным взором Плиния, когда он произносил свой панегирик в присутствии Траяна. Эта речь - одновременно акт благодарения и манифест сената. Тон пышной экстравагантности оправдывается радостью избавления от вероломной тирании, которая загнала добродетель в отдаленное затворничество, сделала дружбу невозможной, отравила безопасность домашней жизни постоянным страхом шпионажа.²⁴⁹ Уверенность, которую Плиний выражает в величественной силе, смешанной со скромностью и самообладанием, которую Траян привнес в задачу принципата, была вполне оправдана. Подавляющая сила императора, казалось, в новое время перешла в свободно принятое правление великого гражданина.²⁵⁰

Плиний действительно не скрывает от себя огромной фактической власти императора. Он - наместник Бога, земное Провидение.²⁵¹ Его власть не меньше, чем власть Нерона или Домициана, но это власть, которой больше не управляет дикое или жестокое своеволие; это власть, вдохновленная благожелательностью, добровольно подчиняющаяся ограничениям закона и древних чувств.²⁵² Основанная на служении и добродетели, она может бесстрашно претендовать на любящую поддержку граждан, напоминая при этом свободу старой Республики. Принц, окрыленный преданностью своего народа, может обойтись без оравы шпионов и доносчиков, которые изгнали добродетель и превратили ее в толпу подхалимов и трусов. Свобода слова была восстановлена. Сенат, от которого так долго ждали, что он будет с покорной лестью рукоплескать самым ничтожным или самым вопиющим деяниям императора, призван к участию в серьезной работе правительства.²⁵³ Общность интересов и чувств обеспечивает ему свободный голос в его советах, не умаляя его достоинства.²⁵⁴ Все это выражается в скрупулезном соблюдении старых республиканских форм. Командир победоносных легионов, Цезарь, Август, Pontifex Maximus, фактически снизошел до принятия присяги, стоя перед консулом, сидящим в своем кресле.²⁵⁵ Здесь, кажется, мы имеем ключ к позиции сенаторов. Они были готовы признать подавляющую власть принца, если тот, со своей стороны, будет лишь по форме, если не по существу, уважать древнее достоинство сената. Терпимость, приветливость, [pg 44] политическое почтение к великому имени, казались Плинию и ему подобным восстановлением древней свободы, почти возрождением старой республики. К счастью для мира, черед мудрых принцев поняла, что, уважая гордость сената, они могут обеспечить мир своей администрации, не уменьшая ее эффективной власти.

Однако даже из панегирика Плиния видно, что признание прерогатив или, скорее, достоинства сената, сосуществование старых республиканских форм бок о бок с императорской властью полностью зависело от милости и терпимости повелителя легионов. Ничто не может быть более любопытным, чем утверждение Плинием сенатских притязаний в сочетании с самой пылкой благодарностью Траяну за их уступку. Император - только *primus inter pares*, и все же Плиний всем тоном своей речи признает, что он - господин, который может в равной степени потакать конституционным требованиям или суевериям своих подданных или попирает их. В I веке власть, размеры которой зависели только от воли князя и при этом казались ограниченными теневыми притязаниями древней традиции, была способна вызвать недоверие к себе и быть оспоренной претендентами. В действительности принц был настолько могущественным, что мог легко превратиться в деспота; теоретически он был лишь первым из римских вельмож, у которого легко могли появиться соперники среди его собственного сословия. Плиний поздравляет Траяна с тем, что благодаря своей мягкости и справедливости он избежал террора претендентов, который преследовал предыдущих императоров и часто был оправдан и жестоко отомщен.²⁵⁶ Несмотря на пышную роскошь Нерона или Калигулы, императорский дом до реорганизации Адриана все еще строился по образцу других великих аристократических домов. Подозрения Нерона не раз возбуждались размахом таких заведений, как у Силани, богатством и показухой, как у Сенеки, блеском великих исторических традиций в роду Кальпурниев.²⁵⁷ Преданность Корбуло не могла спасти его от ревности, вызванной его подвигами в восточной войне.²⁵⁸ И власть великих провинциальных губернаторов, командующих большими армиями и управляющих такими царствами, как Галлия, Испания или Сирия, не была совсем уж воображаемой опасностью. Если Домициан с недоверием относился к Агриколе [pg 45] в Британии, мы должны помнить, что в юности он видел Гальбу и Виндекса, идущих на Рим, и своего отца, концентрирующего силы Востока для свержения Вителлия в великой борьбе на По.

Страхи и подозрения императора безмерно усугублялись адептами темных искусств Востока. Астрологи были великой и пагубной силой в ранней империи. Они внушали незаконные амбиции или стимулировали их, а также часто внушали робкому принцу опасность заговора. Этих продажных самозванцев, по словам Тацита, постоянно изгоняли, но они всегда возвращались. Ведь те, кто отправлял их во временное изгнание, были твердо уверены в своем мастерстве. Принц хотел бы сохранить за собой монополию на него, а от своих вельмож он отводил соблазн, который мог предложить их честолюбию наемный адепт.²⁵⁹ Дион Кассий и Суетоний, которые сами охотно верили в это суеверие, не перестают рассказывать о влиянии прорицателей. Правление Тиберия полно мрачных историй о них.²⁶⁰ Клавдий отправил Скрибониана в изгнание за то, что тот проконсультировался с астрологом о сроках своего правления.²⁶¹ Нерон был предупрежден своим прорицателем Бильбилом о появлении огненной кометы, что предзнаменование, которое всегда сулило царям несчастье, может быть искуплено кровью их вельмож.²⁶² Астролог Селевка Оттона, обещавший, что он переживет Нерона,²⁶³ стимулировал его честолюбие, чтобы стать преемником Гальбы. Вителлий, столь же суеверный, как Нерон и Отгон, жестоко преследовал прорицателей и приказал изгнать их из Италии.²⁶⁴ Ему бросил вызов насмешливый эдикт племени, предписывавший ему самому покинуть землю в определенный день.²⁶⁵ Веспасиан вновь изгнал прорицателей из Рима, но, повинувшись суеверию, на котором зиждилась власть его династии, оставил самых искусных для собственного руководства.²⁶⁶ Ужас последних дней Домициана усилился благодаря гороскопу, который задолго до этого предсказал время и способ его конца.²⁶⁷ Придерживаясь подобной веры, неудивительно, что императоры должны были опасаться ее влияния на соперников, которые были столь же [pg 46] доверчивы, или что суеверие, действуя на честолюбивые надежды, должно было стать кормилицей измены. Таким образом, неопределенное положение императора заставляло его подозревать и предвидеть предательство, которое зачастую могло и не существовать. Объекты его опасений, в свою очередь, были вынуждены вступать в заговор, иногда в целях самозащиты, иногда из желания захватить приз, который казался им не по зубам. Сплетни, насмешки и эпиграммы усугубляли подозрительность и отплачивали за обиды. А жестокие репрессии либо усиливали опасность бунта для более смелых, либо приводили к деградации более робких.

По мнению Тацита, самым страшным результатом тирании плохих императоров стало раболепие некогда гордого ордена и его подлое предательство в час опасности. Он изобразил это со всей концентрированной силой ненависти и жалости. Именно эта почти личная деградация вдохновляет его на безжалостную, но надменно сдержанную силу, с которой он навсегда уничтожает память о деспотизме Юлиев-Клавдиев. Именно в этом духе он написал первые главы своей хроники физических и моральных ужасов того года, когда закончилась эта тирания. Голос истории был заглушен или извращен, отчасти из-за незнания государственных дел, отчасти из-за пылкого преклонения или горькой ненависти. Это была эпоха, омраченная внешними бедствиями, за исключением восточной границы, смутами и гражданской войной, а также кровавой смертью четырех принцев. Казалось, силы природы объединились с яростью людей, чтобы усугубить вселенскую трагедию. Италия была охвачена бедствиями, которые не были известны многие века; самые прекрасные города Кампании были поглощены; сам Рим был уничтожен огнем; древний Капитолий был предан пламени руками граждан. Оскверненные алтари, прелюбодеяние в высшем свете, морские острова, переполненные изгнанниками, звание, богатство и добродетель, ставшие предметом жестокой зависти, - все это представляет собой ужасную картину.²⁶⁸ Но еще более отталкивающим является зрелище предательства, вознаграждаемого высшим положением, рабов и клиентов, предающих своего господина ради выгоды, и людей, не имеющих врага, погубленных своими друзьями. Когда безупречную Октавию, одолеваемую

самыми грязными клеветами, замучили до смерти, чтобы удовлетворить ревность прелюбодея, в храмах [pg 47] раздались голоса.²⁶⁹ И Тацит мрачно просит своих читателей предположить, что, как часто Нерон отдавал приказ об изгнании или казни, так же часто возносились благодарственные молитвы богам. Ужасы раскаяния Нерона за убийство Агриппины смягчались лестью и поздравлениями его подчиненных, а также благодарственными жертвами, которые приносили за его освобождение кампанские города.²⁷⁰ И все же ноты погребальной трубы и призрачные стенания с могилы его матери постоянно звучали в его ушах,²⁷¹ и он долго сомневался, какой прием ему окажут по возвращении в столицу. Ему не стоило беспокоиться. Сенат и народ соревновались друг с другом в самоуничижении. Все сословия и возрасты приветствовали его с благоговейным энтузиазмом, когда он триумфально шествовал по Капитолию, чтобы воздать благодарность за успех противоестественного преступления.

Заговор пизонов против Нерона, несомненно, был важным и серьезным событием. В него были вовлечены крупнейшие представители римской аристократии, а человек, которого он должен был возвести на трон, если и не был полностью запятнан эксцессами своего времени, то обладал некоторыми впечатляющими качествами, которые могли бы сделать его достойным конкурентом за княжество.²⁷² Но для Тацита заговор, похоже, интересен прежде всего как проклятое доказательство деградации аристократии в период правления террора. Эпихарис, бедная вольноотпущенница с легким характером, перенесшая все новые пытки бичом, дыбой и огнем, а также вывих всех конечностей, предстает в жалком контрасте с высокородными сенаторами и рыцарями, которые без всякого принуждения пытками предавали своих родственников и друзей.²⁷³ Скейвин, человек самого высокого ранга, зная, что его предал вольноотпущенник и римский рыцарь, раскрыл весь заговор.²⁷⁴ Поэт Лукан тщетно пытался спастись, вовлекая в него собственную мать. Но Нерон был неумолим, и поэт умер достойно, прочитав несколько стихов из "Фарсалии", в которых описывается подобный конец.²⁷⁵ Сцены, последовавшие за резней, являются ужасным откровением трусливого подхалимства. В то время как улицы были заполнены похоронами жертв, [pg 48] алтари на Капитолии дымились от благодарственных жертв. Один безумец за другим, узнав об убийстве брата или близкого друга, украшал свой дом лаврами и, падая к ногам императора, покрывал его руку поцелуями.²⁷⁶ Сенат склонился перед Нероном, когда тот, уязвленный народным негодованием, стал оправдывать свой поступок. Августейшее собрание воздало ему благодарности и почести.²⁷⁷ Избранный консул, один из дома Анициана, предложил как можно скорее построить храм божественному Нерону! Тацит разбавляет это жуткое зрелище женоподобной трусости сценой, которая, вероятно, призвана, в качестве контраста, спасти традицию римского достоинства. Вестин, консул того рокового года, был благосклонным спутником императора и в опасных шуточках выказывал презрение к его трусости. Нерон очень хотел найти его причастным к заговору, но никаких доказательств его вины получить не удалось. В конце концов все законные формы были отброшены, а когорте было приказано окружить его дом. Вестин ужинал в своем дворце, возвышавшемся над Форумом, окруженный гостями, с вереницей красивых рабов в ожидании, когда получил мандат. Он сразу же встал из-за стола и закрылся в своей комнате, рядом с ним был его врач с ланцетом в руке. Ему вскрыли вены, и, ни слова не говоря о жалости к себе, Вестин позволил своей жизни угаснуть в ванне²⁷⁸.

Вестин, в конце концов, лишь утверждал, по моде того времени, свое право выбирать способ смерти, от которой нельзя было уклониться. Но Тацит то тут, то там дает проблески самопожертвования, мужественной преданности и человечности, которые спасают его

картину общества от полного мрака. Любовь и преданность женщин сияют ярче, чем когда-либо, на фоне подлости. Нежные женщины следуют за своими мужьями или братьями в изгнание или готовы разделить их смерть.²⁷⁹ Даже девушки-рабыни Октавии отваживаются на пытки и смерть, стойко защищая ее честную славу.²⁸⁰ Нет более патетической истории женского героизма, чем история Политты, дочери Л. Ветуса. Он был коллегой императора по консулату, но имел несчастье стать тестем [pg 49] Рубеллия Плавта, чье высокое происхождение и популярность влекли за собой смертный приговор даже в далекой [ссылке](#)²⁸¹. Политта сжимала в объятиях кровоточащую шею Плавта и лелеяла свое горе в строгом вдовстве.²⁸² Теперь она осаждала двери Нерона с мольбами и даже угрозами, требуя оправдания своего отца. Сам Ветус принадлежал к более благородному роду римлян, который и тогда еще не вымер. Когда ему посоветовали, чтобы сохранить остатки имущества для внуков, сделать императора главным наследником, он отверг это подневольное предложение, разделил готовые деньги между рабами и приготовился к концу.²⁸³ Когда вся надежда была потеряна, отец, бабушка и дочь вскрыли себе вены и умерли вместе в бане. Плавтий Латеран встретил свой конец с тем же суровым достоинством. Ему запретили даже обнять в последний раз своих детей и потащили на место подневольной казни, и он умер в тишине от руки человека, который был нераскрытым соучастником заговора.²⁸⁴ Даже римская толпа, переменчивую подлость которой Тацит глубоко презирает, время от времени проявляет здоровое нравственное чувство. Когда Октавия, по сфабрикованному обвинению в супружеской измене, была разведена и изгнана Нероном, шум народа заставил его на время отозвать ее, и толпа в своем добродетельном энтузиазме зашла так далеко, что свергла статуи прелюбодейки Пoppеи и увенчала изображения Октавии цветами.²⁸⁵ Возможно, еще более поразительным является гуманное отношение к рабам городского префекта Педания Секунда. Он был убит рабом, а древний закон требовал в таком случае казни всего семейства. Предложение исполнить жестокий обычай подтолкнуло народ почти к восстанию. И с облегчением можно констатировать, что сильное меньшинство сената было на стороне гуманности.²⁸⁶ Но армия, прежде всех других сословий, все еще воспитывала грубую, честную добродетель. Трибун одной из преторианских когорт мог сказать Нерону в лицо, что ненавидит его как убийцу и поджигателя войны.²⁸⁷ Снова и снова в тот страшный год, когда вельможи льстили императору, которого через несколько дней или часов собирались дезертировать, простые солдаты оставались верны до смерти [pg 50] своим недостойным вождям. Когда Отхо искупил свою запятнанную жизнь неплохим концом, преторианцы целовали его раны, со слезами несли его хоронить, а многие убивали себя над его трупом.²⁸⁸ При штурме преторианского лагеря войсками Веспасиана солдаты Вителлия, превосходящие числом и обреченные на поражение, пали все до одного со всеми своими ранами наперевес.²⁸⁹

На фоне этих верных, хотя зачастую и кровожадных воинов сенаторы и рыцари тех дней представляли собой презренный контраст. Часто являясь наследниками великих имен и великих традиций, большинство из них ничего не знали ни об оружии, ни о воинской доблести своих предков.²⁹⁰ Погруженные в лень и изнуренные излишествами, они следовали за Отто на поле боя на По со своими поварами и прислужниками и со всеми предметами роскоши.²⁹¹ При быстрой смене судьбы, от Гальбы до Отто, от Отто до Вителлия, от Вителлия до Веспасиана, у великих вельмож был один руководящий принцип - решимость быть на стороне победителя. Это было действительно сложное и тревожное время для расчетливого эгоизма, когда правление могло длиться не один месяц и когда поклонение Отто или Вителлия в доме сената нарушалось звуками легионов, наступающих с востока и запада. Но податливые трусы сената оказались способны выдержать это напряжение. Они умели льстить своему временному хозяину, не произнося ни одного компрометирующего слова в адрес его возможного преемника. Они успокаивали тревоги

Вителлия безостановочными похвалами, но при этом тщательно воздерживались от любых высказываний в адрес флавианских лидеров.²⁹² Через несколько месяцев, полные радости и надежд, которые теперь наконец-то были обоснованы, они отдавали Веспасиану все обычные почести нового принцепата.²⁹³ Ужас Тиберия, Калигулы и Нерона сделал свое дело. И худшим его результатом стало безнадежное самоотречение и вялая трусость класса, главным смыслом существования которого в каждую эпоху является поддержание традиции галантного достоинства. Правда, многие отпрыски великих домов были простыми нищими, разоренными конфискацией или расточительством и вынужденными жить на пенсию, с помощью которой император держал их в позорной зависимости,²⁹⁴ или на более скудные подачки какого-нибудь [pg 51] богатого покровителя.²⁹⁵ Валерий Мессала, внук великого Корвина, вынужден был принимать пенсию от Нерона.²⁹⁶ Внук Гортензия должен был терпеть презрение Тиберия, добиваясь пособия для своих сыновей.²⁹⁷ Других не спасали сладострастные излишества эпохи, доведшей изобретательность чувственного обольщения до крайних пределов. Безнадежность борьбы с такой огромной властью, как императорская, такой безжалостной и дико капризной, как власть цезарей Клавдиев, повергала многих в отчаянную апатию.²⁹⁸ И пока мы с безопасного исторического расстояния обливаем презрением смилившийся сенат I века, не лишним будет напомнить себе об их опасностях и мучениях. Было много сенаторских домов, подобных пизонам, ведущим членам которых никогда не позволяли достичь среднего возраста.²⁹⁹ Многое следует простить классу, который ежедневно и ежечасно подвергался такой опасности, столь внезапной в своем возникновении, столь тайной и скрытной, столь всепроникающей. Она могла прийти в виде открытого косвенного обвинения, со всеми формами закона и весом подложных показаний; она могла появиться в виде тихого приказа о самоубийстве; удар мог обрушиться на самые дальние пределы империи,³⁰⁰ в каком-нибудь уединении в Испании или Азии. Навязчивый страх смерти оказывал нервирующее воздействие. Но не менее унижительными были посягательства на римское или обычное человеческое достоинство, с которыми знатный орден был вынужден мириться на протяжении более чем одного поколения. Они видели, как их жены оскверняются или вынуждены выставять себя в качестве блудниц на нечестивых зрелищах, чтобы удовлетворить больное чревоугодие императора.³⁰¹ Их заставляли сражаться на арене или выставять себя на трагической сцене.³⁰² Людей, носивших древние почести консулов, приказывали пробежать несколько миль рядом с колесницей Калигулы или ждать у его ног за ужином.³⁰³ Отцы должны были, не дрогнув, наблюдать за казнью своих сыновей и с улыбкой пить за императора вечером рокового дня.³⁰⁴ Единственная безопасность при таком дворе заключалась в спокойном принятии оскорблений со сдержанной благодарностью. Пример разврата Нерона и соблазнительное обаяние, которым он, несомненно, обладал, были [pg 52], вероятно, столь же удручающими и деморализующими, как Террор. Он сформировал школу, которая смеялась над всеми добродетелями и превращала самообольщение в изящное искусство. Люди, разделявшие эти непристойные пирушки, были лидерами в ужасных сценах вероломства, похоти и жестокости, которые должным образом последовали за смертью их покровителя.³⁰⁵ Некоторые из них, Петроний, Отто, Вителлий, завершили свою карьеру трагической смертью. Но другие продолжали жить в эпоху Реформации, чтобы опорочить крепкого сабинского солдата, спасшего римский мир³⁰⁶.

Несмотря на мужественную добродетель и общественный дух Веспасиана, римскому миру пришлось пройти через жестокое испытание, прежде чем он вступил в мирную эпоху Антонинов. Даже правление Веспасиана было сопряжено с заговорами.³⁰⁷ Его неясное происхождение вызывало презрение великих сенаторских домов, которые еще оставались в живых. Его республиканская умеренность дала философским доктринерам шанс воплотить в жизнь их несбыточную мечту о восстановлении муниципальной республики для управления

миром. Его добросовестная бережливость, которая была совершенно необходима для того, чтобы преодолеть банкротство нероновского режима, вызывала презрение и отвращение как у знати, так и у толпы. Другой урок был необходим и сенату, и философам. Общество еще предстояло очистить, как огнем, и очищение наступило с приходом к власти Домициана.

Внутренняя тайна этого мрачного царствования, вероятно, навсегда останется загадкой. В отношении Домициана возникает тот же вопрос, что и в отношении Тиберия. Был ли он плох с самого начала, или его постепенно развратило сознание огромной власти³⁰⁸ и страх перед великим порядком, который мог бросить ему вызов? Наши власти не дают удовлетворительного ответа. Мы знаем Домициана только по рассказам людей, проникнутых сенаторскими традициями и предрассудками³⁰⁹, а некоторые из них были опьянены видением примирения принцепата с республиканскими идеалами. Мечта была благородной, и ее предстояло частично реализовать [pg 53] трех поколений, при чередовании хороших императоров. Но люди, вдохновленные таким идеалом, вряд ли могли быть беспристрастными судьями такого императора, как Домициан. И даже из их рассказов о его правлении видно, что он не был, по крайней мере в первые годы своего правления³¹⁰, таким чудовищем, каким его рисуют. Даже суровые судьи современности признают, что он был способным и энергичным человеком, с ясным, холодным, циничным умом,³¹¹ который осознавал некоторые из великих проблем того времени и стремился их решить. Он был неутомим в судебной работе.³¹² Несмотря на насмешки над его шуточными триумфами,³¹³ его военная и провинциальная администрация, вероятно, руководствовалась здравым представлением о ресурсах и опасностях Империи. Его отзыв Агриколы после семилетнего командования в Британии приписывали ревности и страху.³¹⁴ Более вероятно, что он был продиктован желанием прекратить кампанию, которая отвлекала большие средства на завоевание бесплодных гор. Домициан был оратором и стихотворцем с некоторыми достоинствами, и он покровительствовал, хотя и не очень либерально, таким людям, как Квинтилиан, Стаций и Марциал.³¹⁵ Как и Нерон, он почувствовал силу нового эллинистического движения, и в формах, одобренных римскими антикварами, он учредил пятилетний фестиваль, на котором литературный гений был помпезно вознагражден.³¹⁶ Он распорядился, чтобы публичные библиотеки, опустошенные пожарами в предыдущие царствования, были щедро пополнены свежими книгами из Александрии.³¹⁷ Он уделял пристальное внимание, что бы мы ни думали о его науке, экономическим проблемам империи. А его отказ от виноградной лозы в пользу увеличения посевных площадей кукурузы нашел бы сочувствие в наше время, так как ему аплодировал Аполлоний Тианский.³¹⁸ Человек, уничтоживший римскую аристократию в конце своего правления, продвинул на высокие посты некоторых из тех, кому суждено было стать его самыми яркими клеветниками. Плиний, Тацит и отец Траяна поднялись на высокие посты в [pg 54] начале правления Домициана.³¹⁹ Он назначил на должности консулов таких людей, как Нерва, Траян, Вергиний Руф, Агрикола и дед Антонина Пия.³²⁰ Этот странный персонаж был также реформатором морали античного типа. Он наказывал заблудших весталок, больше майорана. Он возродил закон Скантиниана против тех восточных беззаконий, в которых, как показывает Стаций, император не был виноват сам.³²¹ И все же сладострастник, спокойно смотрящий на свое время, может иметь желание сдерживать пороки, которыми он сам запятнан. Государственный деятель может быть пуританским реформатором, как в религии, так и в морали, не будучи лично суровым и набожным. У Домициана, возможно, было искреннее, хотя и педантичное, желание восстановить старый римский тон в морали и религии. В конце концов, он происходил из трезвого сабинского рода³²², хотя, возможно, в своем поведении сильно от него отклонился. И его попытка реформировать римское общество, возможно, была столь же искренней, как и у Августа.

Но можно не сомневаться, что Домициан, хотя и был проницательным и способным, был также и плохим человеком, с теми особыми чертами, которые всегда делают человека непопулярным. Он был нелюбим как сын и как брат. Он был угрюм и культивировал подозрительное одиночество,³²³ вокруг которого непременно собирались злые слухи. Слухи в его случае могли быть вполне обоснованными, хотя мы и не обязаны верить всем историям о развратных сплетнях, которые передал Суетоний. Наказанием высокого положения является возвеличивание недостатков в грехи, а грехов - их умножение и преувеличение. Признанным и эффективным способом польстить новому императору было очернить характер его предшественников; сам Домициан позволил своим придворным поэтам очернить Калигулу и Нерона.³²⁴ А Плиний, превознося Траяна, находит свой самый эффективный ресурс в вечном контрасте с Домицианом. Тацит никогда не мог простить отзыв и унижение своего тестя. Сенат в целом питал непримиримую ненависть к человеку, который довел до крайности утверждение императорской прерогативы.³²⁵ [pg 55] Тем не менее власти настолько единодушны, что мы вынуждены верить, что Домициан, обладая определенной силой и способностями, имел множество отвратительных качеств. Он демонстрирует противоречивость натуры, в которой сила крепкого сельского происхождения не была полностью подавлена соблазнами роскоши и власти. Он страстно желал соперничать с военной славой своего отца и брата, но был слишком осторожен и самовлюблен, чтобы достичь ее. У него был некоторый вкус к литературе, но он держал ее в узде и предал смерти одного человека за его восторг от некоторых речей Ливия, а другого - за слишком теплый панегирик Фразею и Гельвидию Приску.³²⁶ Он бросил все свои силы на моральную и религиозную реакцию, будучи злейшим врагом республиканских притязаний и мечтаний сената. Великие исторические критики называли его лицемером.³²⁷ Можно сомневаться, что какая-либо фраза или формула может выразить правду о таком извращенном и порочном характере. Вероятно, его доминирующей страстью было тщеславие и любовь к грандиозным зрелищам. Он занимал пост консула семнадцать раз, что является беспрецедентным числом.³²⁸ Его помпезные триумфы за нереальные победы были предметом всеобщих шуток. Он заполнил Капитолий своими изображениями, а колоссальная статуя некоторое время возвышалась над крышами храмов.³²⁹ Сын и брат императоров, уже вознесенных до божественных почестей, он пошел дальше любого из своих предшественников, заявив о своей божественности, и позволил своим министрам и придворным поэтам обращаться к нему "Господь Бог наш".³³⁰ Его пышное величие архитектуры было в некоторой степени оправдано пожарами в предыдущие царствования. Но 2 400 000 фунтов стерлингов, потраченных на позолоту храма на Капитолии³³¹, были лишь одной из статей экстравагантности, опустошавшей казну. Его сияние, ослепившее глаза Рутилия в правление Гонория,³³² было оплачено кровью и слезами. Император, который был безжалостным врагом знати, как и все ему подобные, был щедр на поправки армии и толпе. Жалованье легионов было увеличено на четверть. Население Рима было изнежено [pg 56] дорогими и вульгарными зрелищами,³³³ как и до конца Западной империи. Потворство Домициана этому свирепому и непристойному пролетариату было лишь немного более преступным, чем у других императоров, поскольку закончилось банкротством, за которым последовали грабежи и резня. В то время как богатые и знатные люди подвергались нападкам по любому пустяковому обвинению, чтобы пополнить пустую казну, нумидийские звери рвали свои жертвы, гладиаторы продавали благородное мужество, нанося бесславные раны на арене, а флоты вооруженных галер вступали в имитационные, но часто смертельные сражения в затопленном Флавианском амфитеатре³³⁴.

Чтобы восполнить эти потери, единственным средством было разграбление. Но Домициан был не только грабителем, но и мелочником; он обворовывал или убивал своих жертв под прикрытием закона. Закону о величии и многим законам о восстановлении старой римской

морали требовалось лишь немного изобретательности и наглости, чтобы обеспечить выгодные основания для импичмента.³³⁵ Племя делателей было готово к его услугам. Он наказал их за службу Нерону; теперь они должны были собрать более богатый урожай при Домициане. Каждое состояние, которое поднималось выше посредственности, каждая вилла с богатыми пастбищами и лесами в Апеннинах или на северных озерах были отмечены для разграбления.³³⁶ Домициан был первым и единственным императором, который принял на себя пожизненную цензуру.³³⁷ Эта должность делала его абсолютным хозяином жизни и состояния своих вельмож. Случайное слово, необдуманный жест могли быть истолкованы как акт измены, а дома рабов обеспечивали целую армию шпионов. Даже родственники и близкие друзья были вовлечены в этот масштабный заговор против мира и безопасности в стране. Можно признать, что Домициану пришлось столкнуться с реальной опасностью. Восстание Антония Сатурнина было попыткой, к которой ни один принц не мог относиться легкомысленно, а уничтожение переписки, в которую было вовлечено столько высокопоставленных лиц, вполне могло усилить тревогу Домициана.³³⁸ Он нанес слепой и жестокий удар. Он заставил сенат принять участие в резне, и Тацит с патетическим унижением признается в своей молчаливой причастности к убийству честных и невинных.³³⁹ Однако в последние часы жизни императорский [pg 57] инквизитор сам был охвачен ужасом. Он шел по коридору, стены которого были увешаны зеркалами,³⁴⁰ чтобы невидимая рука не могла ударить его сзади. В последнее утро он в ужасе поднялся с постели и позвал прорицателя, которого вызвал из Германии.³⁴¹ Но, несмотря на весь свой ужас, Домициан питал глубокую природную любовь к жестокости. Он никогда не был так опасен, как в те моменты, когда предпочитал быть **любезным**³⁴²; он любил играть со своими жертвами. Какой мрачный восторг от изысканных пыток, какое циничное презрение к римской знати открываются в рассказе о его погребальном банкете!³⁴³ Избранную компанию провели в комнату, задрапированную от пола до потолка черным. У каждой кушетки стоял столб, похожий на надгробие, с выгравированным на нем именем гостя, а над головой раскачивалась крессетка, какие вешают в хранилищах мертвых. Отряд голых мальчиков, черных, как все вокруг, танцевал ужасный танец, а затем приступил к мрачной трапезе, которую по древнеримскому обычаю предлагали духам усопших. Гости застыли от ужаса, ожидая, что каждый миг станет для них последним. Смертельную тишину нарушал лишь голос императора, рассказывавшего жуткую историю о кровавых смертях. В таком цинизме беззаконной власти, в такой кроткой деградации некогда гордого порядка завершилась тирания первого века.

[pg 58]

ГЛАВА II

МИР САТИРИКА

Ювенал и Тацит, хотя они вращались в разных кругах и, вероятно, никогда не встречались, имеют много общего. Оба были освобождены от позорного молчания смертью Домициана. Оба находились тогда в том возрасте, когда зрелость опыта и размышлений сочетается с огнем и энергией, все еще не угасшими.³⁴⁴ По разным причинам они оба были исполнены ненависти и отвращения к порокам своего времени, и их опыт породил в обоих пессимизм,

омрачивший их веру. Тацит принадлежал к сенаторскому сословию, занимавшему высокие должности и видевшему, как его ряды поредели, а его достоинство было оскорблено тиранией. Ювенал происходил из низших слоев среднего класса, который ненавидел и вырождающуюся знать, и наглого парвеню гораздо больше, чем даже Домициана. Однако и Ювенала, и Тацита объединяет страстное восхищение старым римским характером. Их стандарты и идеалы почерпнуты из полумифической эпохи простых воинов и земледельцев-государственников старой Республики. И их оценка своего времени должна быть тщательно проанализирована в свете как их ненависти, так и их идеалов.

Жизнь Ювенала покрыта мраком, хотя сохранилось девять его житий.³⁴⁵ Ученые до сих пор расходятся во мнениях относительно даты его рождения, даты написания многих его сатир и особенно относительно времени и обстоятельств его изгнания, о котором существует столь единообразная традиция. Но для нашей цели некоторые факты достаточно ясны. Ювенал был сыном [pg 59] зажиточного вольноотпущенника из Аквинума и в какой-то период своей карьеры занял высшую магистратуру в родном городе.³⁴⁶ Он тщательно скрывает от нас свою личную историю; но из его "Сатир" мы можем понять, что он принадлежал к низшему среднему классу,³⁴⁷ что по нраву и тону он был старым плебеем времен Республики, хотя и живо затронутым идеями новой морали, которая была на плаву уже более двух поколений. Но, как и Тацит, он мало сочувствовал великому философскому движению, которое совершало тихую революцию. У него была риторическая подготовка того времени, со всеми ее достоинствами и недостатками. И он скорее ритор, чем поэт. Мы вполне можем поверить сообщению о том, что его ранний литературный энтузиазм нашел выход в декламации на те мифические или фривольные темы, которые развлекали молодежь в римских школах на протяжении многих веков. Хотя он вряд ли был **бедняком**³⁴⁸ в том смысле, в каком был беден его друг Марциал, он все же опустил до того, чтобы переносить позор и тяготы зависимости от клиента. Он спешил ранним утром под дождем и бурей на приемы в большие дома на Эсквилине, через убожество, шум и толчею Субурры.³⁴⁹ Он, несомненно, часто был гостем на этих "неравных обедах", где хозяин, который сам угощался надуманными лакомствами и старым, покрытым корочкой альбанским или сетинским вином, оскорблял своих более бедных друзей, предлагая им самое дешевое вино и самые убогие блюда.³⁵⁰ Он был вынужден по долгу службы сидеть за чтением этих честолобивых и пустых "Тесеид" и "Фебаид", которыми богатые любители литературы в те времена мучили своих многострадальных друзей.³⁵¹ Возможно, его часто оттеснял в сторону какой-нибудь гибкий, ловкий грек, обладавший разносторонними способностями и безграничной дерзостью. Его мог опекать или оскорблять миллионер-парвеню, подобно Тримальхиону Петрония, запятнанный воспоминаниями о позорном рабстве. Он видел, как повсюду торжествует новое вульгарное богатство, в то время как чопорные, но во многом полезные условности старой римской жизни подвергались нападкам и попирались агрессивной вульгарностью. В таком мире было мало места для человека, чье богатство [pg 60] в его гении, и который цеплялся за традиции веков, веривших, что у человека есть не только тело, но и душа. Такой человек, как Ювенал, живя в таком обществе, почти обязательно становится озлобленным. Как и у Джонсона в его дни на Груб-стрит, у него будут часы, когда горечь перейдет в самоотречение, и он ощутит глубины того мира разврата, который в своем лучшем настроении он ненавидит. Некоторые из соратников Ювенала были весьма сомнительного положения и более чем сомнительной **нравственности**³⁵², и теплота некоторых его реалистических картин темных сторон римской жизни вызывает подозрение, что он мог временами забывать о своем нравственном идеале. Конечно, он знает постыдные тайны римской жизни почти так же хорошо, как его друг Марциал. Но его знания, как бы они ни были получены, были обращены к совершенно иным целям, нежели те, которые вдохновляли Марциала на блестящее **ханжество**³⁵³.

Сатиры Ювенала были опубликованы, вероятно, только после смерти Домициана.³⁵⁴ Самая ранняя из них датируется примерно 100 г. н. э., а самая поздняя, вероятно, 127 г. Ювенал осторожно маскирует свои нападки на собственное время. Он точит свой меч против грешников, чей прах давно покоится рядом с фламинским и латинским путями.³⁵⁵ Очень немногие из его современников появляются на его страницах,³⁵⁶ а пейзаж часто представляет собой царствование Тиберия, Клавдия или Нерона. Но самые глубокие и яркие впечатления, должно быть, пришли к Ювеналу в тот период, который с такой точностью запечатлен Марциалом. И между этими двумя писателями существует поразительное соответствие не только во многих персонажах, которых они вводят, но и в их картинах всего состояния нравов и письма.³⁵⁷ Они оба ненавидели этот холодный эпос, который трудолюбиво бороздил пески условной легенды, и с усталостью обращались от старых рассказов Фив или Аргоса к реальной трагедии или комедии римской жизни вокруг них. Хотя они были друзьями и товарищами, нет необходимости [pg 61] предполагать какое-либо тесное партнерство в их исследованиях. Начиная с одного и того же литературного импульса, они в значительной степени имеют дело с одними и теми же пороками и глупостями, некоторые из которых свойственны их собственной эпохе, а другие являются общими для всех эпох Рима или даже всей цивилизации. Можно было бы легко составить длинный список их общих тем и общих антипатий. У обоих писателей мы встречаем одинаковое ворчание нуждающегося клиента на наглых или скупых покровителей, жалобы борющегося за свободу литератора на экстравагантные вознаграждения низких вульгарных самозванцев. Обоим, подобно терпеливому Плинию, до смерти надоели чтения богатых писцов или утомительные прошения в судах, измеряемые многими оборотами клепсидры. Они испытывают одинаковое отвращение к шуму и убожеству узких улиц, одинаковую любовь к покою, свежести и грубому изобилию сельской фермы. И там, и там можно увидеть отпрысков великих домов, опустившихся до нищенства, честолюбивую бедность, пускающуюся на любые подлые и неблагоприятные ухищрения, охотника за наследством, обхаживающего бездетных богачей лестью или порочной услужливостью. Вы часто будете встречать мнимого философа, как шестьдесят лет спустя на страницах Лукиана, с его громкими разговорами о добродетели и прославленных именах, в то время как его плащ прикрывает все пороки собаки и обезьяны. Оба они довольно небрежно относятся к характеру женщин - их интригам с актерами, гладиаторами и рабами, их частым разводам и быстрой смене мужей, их общему отказу от античной сдержанности. И те, и другие, в сущности, по разным мотивам раскрыли тайный позор античного мира; и даже больше, чем этот позор, их возмущала великая социальная революция, которая смешивала все сословия и возносила старых рабов, сапожников и аукционистов на скамьи рыцарей.

Однако при таком сходстве в выбранных темах между двумя писателями существует огромная разница в мотивах и способах их обработки. Марциал, разумеется, вовсе не моралист; одно лишь предположение вызывает у него улыбку. Он зоркий и радостный наблюдатель недостатков и глупостей, света и оттенков очень сложного и искусственного общества, которое "перезревает". По силе простого объективного описания и детального портретирования общественной жизни Марциал почти уникален. Через его стихи мы знаем общество Домициана [pg 62] так, как вряд ли знаем какой-либо другой период античного общества. Но именно эта живость и правдивость объясняется прежде всего тем, что Марциал был почти лишен совести. Он действительно был лично, возможно, не так плох, как его часто рисуют.³⁵⁸ Он знает и умеет ценить хорошую женщину;³⁵⁹ он может любить самой простой, безыскусной любовью невинного ребенка-раба, бедного маленького Эротиона,³⁶⁰ которого он увековечил. Он может почитать простой мужественный характер, лишенный

коварства и притворства.³⁶¹ Он испытывает искреннюю, буйную любовь к свежим радостям деревенской жизни, обостренную, несомненно, опытом подлого рабства клиента среди смешения нищеты и пышного великолепия столицы.³⁶² Где можно найти более свежую и красивую идиллию, чем его картина фермы Фаустинуса, с ее набитыми зернохранилищами и погребями, благоухающими соком старого осеннего винограда, павлином, распутившим свое драгоценное оперение, и кольчатым голубем, воркующим над головой с башен? Нарядные рабыни большого дома в городе отдыхают и под присмотром пристава занимаются сельскими работами или ловят рыбу в ручье. Высокие дочери из соседних коттеджей приносят на виллу свои хорошо набитые корзины, и все радостно собирается вечером за обильной трапезой.³⁶³ Кроме того, у Марциала есть одна великая добродетель, которая является мощным противоядием от многих нравственных недостатков, - любовь к далекому дому своего детства, суровому Бильбилису с его железоделательными заводами у истоков Тежу, куда он удалился от давки и шума плебейской жизни в Риме и где он отдыхает.³⁶⁴ Но когда милосердие или справедливость сделали все возможное для Марциала, и ни один ученый не откажется от долга, все равно остается правдой, что он, возможно, лучше, чем кто-либо другой, представляет тот языческий мир, голый и бесстыдный, и не чувствует дыхания вдохновения от великого духовного движения, которое в самом язычестве направлялось к идеалу чистоты и покорения себя.

Ювенал, по крайней мере в своих поздних работах, обнаруживает моральные нормы и мотивы, очевидно, неизвестные Марциалу.³⁶⁵ Можно [pg 63] признать, что Ювенал не всегда писал под влиянием столь же высоких побуждений. Ему была свойственна любовь ритора к изящным, красноречивым фразам и поразительным эффектам. У него был редкий дар реалистической живописи, и он с удовольствием пользовался им. В нем также горела старая плебейская гордость, которая смотрела свысока и на выродившегося сына древнего дома, и на нуворишей, чей взлет казался ему триумфом вульгарной роскоши без сдерживающих традиций и идеалов. Обладая огромными талантами, с характером, почти свирепым в своей энергии, он испытывал жгучую ненависть к обществу, которое, казалось, ценило только материальный успех или те гибкие и сомнительные искусства, которые могли изобрести свежий стимул для истощенного аппетита. В лице Ювенала великий молчаливый, утонувший класс, о котором мы знаем лишь по надписям на их могилах,³⁶⁶ обретает на время мощный голос и грозного мстителя. Но, наряду с этим личным или классовым чувством, в Ювенале присутствует высшая нравственная интуиция, видение высшей жизни, которое возникло в умах римлян задолго до его времени³⁶⁷ и которому было суждено расшириться до общепринятого идеала. Ювенал, конечно, не был философом, и ему, как и Тациту, было свойственно старое римское недоверие к теориям школ.³⁶⁸ Он, вероятно, не испытывал особого уважения к таким учениям, как учение Сенеки.³⁶⁹ Однако в важных вопросах он и Сенека принадлежат к одному и тому же сословию избранных. Хотя, возможно, он не столь безупречен, как Тацит, он гораздо более развит и современен по широте симпатий и нравственных чувств. Он остро сочувствует завоеванным провинциям, которые были ограблены и лишены своих богатств и художественных ценностей, и которые все еще подвергаются казнокрадству и жестокости правителей и их прислуги.³⁷⁰ Он, как и Сенека, осуждает презрение и жестокость, часто проявляемые к рабам. Человек, чей идеал, казалось бы, часто черпался из суровых, жестких воинов, сокрушивших самнитов и сразивших гениев Ганнибала, в старости стал прославлять жалость и нежность к страданиям как лучший дар Бога, дар, который наиболее широко отделяет его от грубого [pg 64] творения.³⁷¹ Он проповедует сочувствие и взаимопомощь в век, раздираемый эгоистическими индивидуалистическими страстями. Он обличает жажду мести почти в тоне христианского проповедника.³⁷² Какой языческий моралист более ярко рисовал ужасы совести, этого невидимого инквизитора, с более суровыми и зоркими глазами, чем

Радамант? Кто с большей силой учил, что корень греха - в злой мысли?³⁷³ Ювенал, подобно Тациту и Квинтилиану, осознает проклятие запятнанной родословной и неисчислимую важность чистого примера в воспитании молодежи³⁷⁴. Он, так хорошо знавший ужасные тайны римских семей, придает огромное значение сокровищу незапятнанного детства, как у сына пахаря, который ждет простой трапезы Ювенала "и вздыхает о матери, и о маленьком домике, и о своих товарищах по играм - детях".³⁷⁵ Наблюдение за характером также научило его роковому закону, что нисходящий путь в поведении, однажды вступив на него, редко повторяется. И это нравственное понимание, похоже, пришло к Ювеналу не из какой-либо сознательно принятой философской доктрины, не из устоявшейся религиозной веры. Его вера, как и вера многих людей его времени, была, вероятно, самой расплывчатой. Он презирает и ненавидит восточные культы, которые хлынули, как поток, и увлекли за собой даже распутных женщин.³⁷⁶ Он порицает продажных звездочетов с Востока и иудейских колдуний, толкующих сны. Но он также не испытывает особого уважения к классическим мифологиям и сожалеет о простой, давно ушедшей эпохе, когда небо не было переполнено божествами, когда Сатурн не сменил диадему на серп, когда Юнона была еще маленькой девочкой³⁷⁷, когда ужасы Тартара, колеса, стервятника и плети фурий не заменили простую природную совесть³⁷⁸.

Нравственный тон Ювенала, похоже, объединяет дух двух разных эпох. В некоторых из его поздних сатир можно уловить акцент эпохи, которая только открывалась, когда Ювенал начал писать, ее растущее чувство равенства и братства людей, ее космополитическую мораль, ее идеалы духовной культуры. Но есть в Ювенале и другие элементы, заимствованные из старых римских [pg 65] предрассудков и условностей или являющиеся результатом личного темперамента и опыта, которые не менее заметны. Ювенал - абсолютный пессимист в отношении своего времени, более крайний, чем Тацит. Его эпоха, если верить ему, достигла апогея разврата, и потомство никогда не улучшит ее до конца.³⁷⁹ Его долгая практика декламатора выработала у него привычку преувеличивать и стремиться скорее к риторическому блеску, чем к истине. Целые отрывки в его стихах читаются как декламационные упражнения, превращенные в стих.³⁸⁰ Будучи простым прихлебателем большого общества, одним из безвестной толпы, стекавшейся на левады богачей, и зная о жизни аристократии лишь по отдаленным наблюдениям или голосу скандальных сплетен, он вряд ли заслуживает того безоговорочного доверия, которое часто оказывают его обвинительным заключениям в адрес общества своего времени. Его обобщения носят самый огульный характер; все цвета - темные. Он считает, что число порядочных людей в его время бесконечно мало. И все же мы можем обоснованно подозревать, исходя из его собственных свидетельств, что он часто делал обобщения на основе единичных случаев, что он рассматривал ненормальные образцы как типы. Его нравственные идеалы не могли быть монополией его самого. Во дворце Нерона в худшие дни была как непорочная Октавия, так и сладострастная Поппея. Жена и мать грубого Вителлия были женщинами с безупречной славой.³⁸¹ И читая яростную, безмерную декламацию Ювенала, мы никогда не должны забывать, что он лично не знал ни Плиния, ни Тацита, ни круга, окружавшего Вергиния Руфа и Спуринну. Он придерживается той же пессимистической теории упадка человечества, которой придерживались Сенека и Тацит. Все виды преступлений и чувственности свирепствуют с тех пор, как Рим потерял сокровище бедности, с тех дней, когда серебро сверкало только на руках римлян.³⁸² Идеал Ювенала лежит в том мифическом прошлом, когда Курий, трижды консул, возвращался домой с холмов, с мотыгой на плече, к трапезе из выращенных трав и бекона, поданной на глиняной посуде.³⁸³ Именно роскошь завоеванных земель расслабила римские фибры, внедрила ложный стандарт [pg 66] жизни, привела в упадок великие дома и наводнила город чужеродной командой астрологов и грамматиков, паразитов и сутенеров.

Современная критика приложила немало усилий, чтобы исправить некоторые из самых суровых суждений о роскоши и самообольщении периода ранней империи. Возможно, реакция ученых на обвинения, которые иногда превращались в невежественные банальности, зашла здесь и там слишком далеко. Свидетельство Тацита однозначно говорит о том, что роскошь стола достигла своего апогея в течение ста лет, начиная с битвы при Актиуме и до воцарения Веспасиана.³⁸⁴ Это был период огромных состояний, потраченных в неимоверных растратах. Сенека, Паллас или Нарцисс накопили богатство, возможно, в три или четыре раза превышающее состояние Красса или Лукулла. Долгий мир, безопасность морей и свобода торговли превратили Рим в перевалочный пункт для особых продуктов и деликатесов всех стран от Британского канала до Ганга. Дорогостоящее разнообразие этих иностранных лакомств вульгарно демонстрировалось на каждом большом званом обеде. Дворцы, занимавшие почти всю площадь города, были украшены мрамором из каменоломов Пароса, Лаконии, Фригии или Нумидии³⁸⁵, позолоченными потолками и диковинными панно, менявшимися в зависимости от хода банкета³⁸⁶, сотнями столов из цитрусового дерева, опирающихся на колонны из слоновой кости, каждый из которых стоил умеренное состояние, бесценными бронзами и шедеврами античной пластины. Около миллиона ежегодно уходило на далекий Восток, чтобы купить ароматы и драгоценности для изысканного туалета римской дамы.³⁸⁷ Сотни домашних рабов, каждый со своими особыми функциями, выполняли любую просьбу или удовлетворяли любую страсть своих хозяев. Любое живописное или укромное место на великих озерах, на холмах Анио или Альбана, в сосновых лесах Лаврентии или на заливах Кампании было занято далеко раскинувшимися загородными резиденциями. Щедрые расходы и роскошное состояние были непременным долгом ранга, даже без предписания императора.³⁸⁸ Сенатор, который платил слишком низкую ренту или ездил по Аппиевой или Фламиниевой дороге со слишком скудным поездом, [pg 67] становился отмеченным человеком и немедленно терял касту.³⁸⁹ Таковы самые скромные общие места из социальной истории того времени.

И все же, несмотря на признанные факты изобилия и самообольщения, мы можем без некоторой оговорки согласиться с мнением Ювенала о роскоши того времени. Конечно, не стоит оправдывать чувственность части римской аристократии того времени, указывая на то, что те же самые излишества проявились за два века до него, и что они будут оплакиваться как языческими, так и христианскими моралистами спустя три столетия после его смерти. Но эти факты заставляют усомниться в том, что раскраски роскоши так глубоко, как думали сатирики, поразили жизненные силы общества, которое на протяжении стольких веков оставалось возвышенным и сильным. Еще до конца III века до н. э. началась длинная серия законов о роскоши, к которым Тиберий отнесся как к бесполезным.³⁹⁰ Старший Плиний и Ливий датируют введение роскошной мебели возвращением армии в 188 году до н. э., после кампании в Азии.³⁹¹ У Красса, оставившего после самых расточительных трат состояние в 1 700 000 фунтов стерлингов, был городской дом стоимостью более 60 000 фунтов стерлингов.³⁹² Пышные банкеты Лукулла были на слуху, а его вилла в Мизенуме оценивалась в 24 000 фунтов стерлингов. Это была эпоха, когда за раба-повара или пару серебряных кубков давали более 1000 фунтов стерлингов.³⁹³ Макробий сохранил меню понтификального банкета, на котором присутствовали Юлий Цезарь и весталки, и который по своему дорогостоящему разнообразию превосходил, как он говорит, любой эпикуризм времен правления Гонория.³⁹⁴ И все же Аммиан и С. Иероним выдвигают против знати IV века ³⁹⁵ те же обвинения, которые сатира выдвигает против знати I века. Когда мы слышим те же самые анафемы роскоши во времена Лукулла и в царствование Гонория, разделенные более чем пятивековым интервалом, когда римская раса запечатлела себя на страницах истории и на лице природы самыми великолепными достижениями военной добродетели и

цивилизаторской энергии, мы склонны подвергнуть сомнению либо отчет наших авторитетов, либо интерпретацию сатириком социальных фактов.

[pg 68]

Добросовестность старшего Плиния, Сенеки и Ювенала, конечно, не стоит ставить под сомнение. Но первые два были людьми, которые вели по преимуществу почти аскетическую жизнь. Сатирик был человеком, чьи кулинарные вкусы удовлетворялись мальками, яйцами и спаржей с его маленькой фермы в Тибуре.³⁹⁶ А простые воздержанные привычки юга, которые в значительной степени обусловлены климатом, имели тенденцию бросать в глаза еще больший контраст с любым потаканием излишнему аппетиту. Правда, завоевания, открывшие сокровища восточных монархий, сильно потрясли выносливую бережливость и сдержанность старого римского характера, так же как суровая простота спартанского воспитания пострадала от соприкосновения с более распушенной жизнью эллиспонтинских городов и богатством персидского двора.³⁹⁷ Римская аристократия в течение двух столетий подвергалась тем же соблазнам, что и сокровища инков для Писарро³⁹⁸, или сокровища моголов для Клайва. В дикой разнузданности, царившей в определенных кругах на протяжении более чем столетия, погублено немало состояний и характеров. Однако результат можно легко преувеличить. Экстравагантная роскошь и потворство себе во все времена были под силу лишь сравнительно небольшому числу людей. Да и роскошь, в конце концов, понятие относительное. Роскошь одного века часто становится необходимостью следующего. Есть много предметов питания или одежды, которые свободная торговля и наука принесли к дверям наших коттеджей, которые вызвали бы порицание старшего Плиния или Сенеки. В Нью-Йорке или Лондоне в наши дни устраиваются банкеты олдерменов, которые по дороговизне и разнообразию намного превосходят банкеты Лукулла или пиршества понтифика, описанные Макробием. Богатство Палласа, Нарцисса или Сенеки было лишь малой частью многих состояний, накопленных за последние тридцать лет в Соединенных Штатах.³⁹⁹ Преувеличенное представление о римском богатстве и расточительстве еще более усилилось благодаря колоссальной экстравагантности худших императоров и нескольких их благодетельных спутников и подражателей. Но мы склонны забывать, что это были вспышки болезненного и эксцентричного характера, в которых последние слабые сдерживающие факторы были ослаблены и сметены чувством [pg 69] владения ресурсами всего мира. Нерон прямо описывается историком как любитель невозможного⁴⁰⁰; и он, и Калигула плавали перед своим беспорядочным воображением в мечтах о поразительных триумфах, даже над самыми непокорными силами и преградами природы. В экстравагантности их придворных и подражателей было много от той же любви к сенсациям и показухе. Рим был городом сплетен, и стремление прослыть изобретателем какого-нибудь нового уродства было, пожалуй, единственным стремлением безрассудного транжиры того времени.

И все же, после всех выводов скрупулезной критики, глубокое нравственное чувство Ювенала обнажило и обрисовало с реалистической силой, равной которой вряд ли достигнет даже Тацит, нездоровый нрав высших классов, который был полон опасностей. Наряду с этим упадком он выявил большие социальные изменения, можно даже назвать их кризисом, который историк, обычно больше занятый великими фигурами на сцене, склонен игнорировать. Упадок морали и богатства сенаторского сословия, растущая власть нового денежного класса, рост благосостояния вольноотпущенников и мелких торговцев, вторжение греческого и восточного влияния, опасная или полная надежд эмансипация, особенно женщин, от старых римских условностей - вот те великие факты социальной

истории первого века, которые, при всей своей риторике, четко выделяются перед глазами внимательного ученика сатирика.

Знаменитое произведение, в котором Ювенал описывает слабоумного Фабия или Лепида, перед изуродованными статуями и задымленной родословной своего дома, бьющегося в кости до рассвета или погруженного в оцепенение разврата в час, когда его предки трубят в трубы к [походу](#)⁴⁰¹, на протяжении восемнадцати веков вдохновляло многих на проповедь о тщете простого рождения. Сейчас мораль этого произведения уже избита. Но в момент написания пьесы она должна была стать мощным обвинением. Ибо уважение к длинному происхождению все еще было глубоко в истинном римлянине и удовлетворялось сказочными генеалогиями до самого конца. Плиний превозносит Траяна за то, что он сохранил для юношей славного происхождения почести, причитающиеся их роду.⁴⁰² Суетоний рассказывает о двадцати восьми консулатах, пяти диктатурах, семи [pg 70] цензурах и многих триумфах, которые были славой великого дома Клавдиев,⁴⁰³ а также о тех же почестях, которые несли отцовские предки Нерона.⁴⁰⁴ Тацит, хотя сам и не был человеком из старинного рода, глубоко верит в благородные традиции и иногда с нескрываемым презрением отзывается о низких [союзах](#)⁴⁰⁵. По мере того как сокращалось число "троянцев", гордость исчезающего остатка, вероятно, росла пропорционально, и клан вроде Кальпурниев неохотно уступал первенство даже Тиберию или Нерону.⁴⁰⁶ Признаком социального тона является то, что изготовление генеалогий для новых людей, ставших известными со времени правления Веспасиана, шло быстрыми темпами. Троянский гражданин во времена Аполлония вел свою родословную от Приама.⁴⁰⁷ Герод Аттик утверждал, что происходит от героев Эгины,⁴⁰⁸ так же как некоторые христианские друзья С. Иеронима уверенно вели свою родословную от Энея или Агамемнона.⁴⁰⁹ Ювенал, конечно, не принял бы таких басен, но он не был нивелировщиком. Он твердо верил в нравственную наследственность и ценность традиций. Будучи плебеем, он, как и Марциал, обладал своей старой римской гордостью, которая выливалась в презрение к выскочкам, которые с пятнами подневольного происхождения или низкого ремесла толпились на скамьях рыцарей. Он, конечно, приветствовал бы мотив Тиберия, что выдающийся человек был его собственным [предком](#)⁴¹⁰; он с гордостью вспоминал, как один скромный сын Арпинума уничтожил полчища кимвров, а другой подавил восстание [Катилины](#)⁴¹¹. Но он испытывал истинно римское почтение к Куриям, Фабиям и Сципионам и с радостью приветствовал бы любого из их потомков, воспроизводивших их добродетели.

С грустью приходится констатировать, что многие представители сенаторского сословия во времена Ювенала пали очень низко во всем, что необходимо для силы великой касты. Их число уже давно [сокращалось](#)⁴¹² из-за порочного безбрачия или жестоких запретов триумvirата и четырех цезарей Клавдиев, или из-за нежелания или неспособности многих поддерживать [pg 71] бремя своего ранга. Во многих великих домах достижение среднего возраста было редкостью.⁴¹³ Триста сенаторов и две тысячи рыцарей пали во время проскрипций второго триумvirата.⁴¹⁴ Резня старых и молодых обоих полов, последовавшая за падением Сеяна, должно быть, пресекла многие древние линии; не проходило и дня без казни.⁴¹⁵ Триста рыцарей и тридцать пять сенаторов погибли в правление Клавдия.⁴¹⁶ Очень мало осталось древнейших патрицианских домов, когда Клавдий пересмотрел списки сената и ввел свежий элемент из Галлии.⁴¹⁷ Кто может назвать число тех, кто стал жертвой ярости, жадности или подозрительности Калигулы, Нерона и Домициана? Должно быть, этот список сильно разросся из-за ужасного года правления четырех императоров. Веспасиан считал необходимым пополнить ряды аристократии из Италии и [провинций](#)⁴¹⁸.

В то же время расточительность или конфискации сделали многих из тех, кто остался в живых, неспособными поддерживать свой ранг и нести социальные и официальные тяготы, которые вплоть до конца Западной империи неукоснительно возлагались на великий орден. Игры в преторство в I веке, как и в V,⁴¹⁹ представляли собой налог, который мог легко выдержать только человек с большим состоянием. Аристократическая бедность стала обычным явлением. Еще в правление Августа император считал политическим субсидировать многие знатные семьи.⁴²⁰ Ту же политику продолжили Тиберий, Нерон и Веспасиан.⁴²¹ Тиберий, действительно, тщательно изучил и отклонил некоторые из этих требований на основаниях, которым бы аплодировали чиновники казначейства всех времен.⁴²² Внук великого оратора Гортензия однажды обратился в сенат с просьбой о средствах для поддержания достоинства своего имени. Он получил от Августа субсидию на содержание семьи, и теперь четверо сыновей ждали у дверей курии, чтобы поддержать его молитву. Гортензий, который был великим соперником Цицерона, обладал огромным богатством. У него было много великолепных вилл, он устраивал обеды в своем парке, вокруг которого рыскали олени [pg 72] под лютню раба-Орфея; в своих погребках он оставил 10 000 бочек старого кианского вина. Его бездуховному потомку пришлось уйти, получив от Тиберия холодный отказ, смягченный презрительной милостью к сыновьям. Пересмотр сенаторского списка, проведенный Клавдием в 48 г. н. э., выявил значительное исчезновение старых домов Республики, и пробелы пришлось заполнять из провинций в условиях аристократической исключительности.⁴²³ Среди благодетельных спутников Нерона должно было быть много обремененных долгами, таких как Оттон и Вителлий. Корвин из Ювенала, который держит овец на лаурентийской ферме, и его вероятный родственник, получивший субсидию от Нерона, Фабии и Мамерки, которые танцевали и играли в арлекина на комической сцене или продавали свою кровь на арене, должны представлять собой множество обломков великих домов Республики.⁴²⁴ Среди пестрой толпы, собравшейся в зале великого патрона, чтобы получить утреннюю милостыню, потомки домов, существовавших с римским государством, оттеснены вольноотпущенниками с Евфрата.⁴²⁵ Но аристократическая нищета не знала более низкого уровня деградации, чем голодное преклонение, которое она предлагала богачам без наследников. Каптаж стал обычной профессией в обществе, где торговля, промышленность и даже профессиональное мастерство считались унижительными для людей нежной крови.⁴²⁶ Для Ювенала характерно, что он ставит на один уровень охотника за наследством, готового опуститься до любой рутинной работы или порочного поведения, с честными торговцами, в рядах которых, если судить по их погребальным надписям, был, пожалуй, самый благородный моральный тон в обществе ранней империи.

В сатире, написанной после смерти Домициана⁴²⁷, Ювенал описал сцену беспардонного преклонения, которая если и не соответствует действительности, то слишком точно отражает характер того времени. В одном из заливов Адриатики была поймана огромная кефаль, слишком большая для частного стола. Ее похититель спешит сквозь зимние бури, чтобы положить свою добычу к ногам императора. На кухне альбанского дворца не нашлось блюда, достаточно большого для такого чудовища, и [pg 73] поспешно созвали совет трепещущих сенаторов, чтобы посоветоваться о чрезвычайном положении. Пришли нежный Крисп, Ацилий, чей сын должен был стать жертвой ревности деспота, Рубриус, запятнанный безымянным преступлением, раздувшийся Монтан и Криспин, некогда египетский раб, а теперь вульгарный изысканный, пропахший благовониями. Здесь были и доносчик, чей шепот колот как стилет, и похотливый, слепой Катулл, и заклятый льстец Вейенто, который с полудня до полуночи веселился на гаргантюанских пирах Нерона. Это достойные братья того собрания, которое закололо Прокула своими стилетами по приказу вольноотпущенника

Калигулы⁴²⁸ и проводило Нерона домой в триумфальном шествии после убийства его матери⁴²⁹.

Многое способствовало деградации senatorского характера. Мрачная и извилистая политика Тиберия, действительно, склонялась к абсолютизму; но он все же сохранял почтительность к сенату и иногда, с холодным здравым смыслом, отталкивал слишком пылких поклонников.⁴³⁰ Но в царствование Калигулы и Нерона великий орден должен был подчиниться глубочайшей личной деградации, и был искушаем или вынужден своими хозяевами нарушать все инстинкты римского достоинства. Дикое эпилептическое безумие Калигулы, который не щадил добродетели своих сестер,⁴³¹ а сам хвастался кровосмесительным происхождением,⁴³² требовал божественных почестей,⁴³³ храмов и дорогостоящих жертвоприношений, который, как другой Эндимион, призывал Луну в свои объятия, мечтал стереть память о Гомере, Вергилии и Ливии, вряд ли могло пощадить остатки самоуважения, еще сохранившиеся в его вельможах⁴³⁴. Он придал огромный импульс небывалому доселе увлечению пением, танцами и актерским мастерством⁴³⁵, ездой на колесницах и боями на арене, которые Ювенал и Тацит клеймили как самый вопиющий признак вырождения нравов. В ранней империи действительно существовал большой конфликт настроений в отношении некоторых из этих искусств. Юлий Цезарь поощрял или разрешал римским сенаторам и рыцарям участвовать в гладиаторских боях, а некий Лаберий [pg 74] выступал в собственной пьесе.⁴³⁶ Но вскоре после этого постановление сената наложило запрет на подобные представления для людей знатного рода.⁴³⁷ Позднее Тиберий, который, помимо всего прочего, был надменным аристократом, вмешался, чтобы спасти достоинство ордена.⁴³⁸ Но ярость толпы к этим зрелищам, несомненно, затронула многих в рядах высшего сословия. И Калигула, и Нерон⁴³⁹ легко находили родовитых и воспитанных, но обделенных судьбой молодых людей, готовых выставить себя на показ ради желанного *douceur*, или завоевать расположение принца, или даже сорвать аплодисменты на переполненных скамьях амфитеатра или цирка. И все же старое римское чувство, должно быть, было очень стойким, если такой человек, как Домициан, выдававший себя за пуританина, счел политичным удалить из сената того, кто опозорил его орден танцами в пантомиме, и даже наложил свой интердикт на все публичные театральные представления.⁴⁴⁰ Пиршества, резня и дикий разврат Нерона не так ускорили его гибель, как его пение под лютью или появление в ролях кровосмесительного Канаса и мужеложника Ореста.⁴⁴¹ Со всех концов света, во всей литературе того времени раздается хор изумленного негодования против принца, который мог опуститься до того, чтобы противопоставить себя греческим игрокам и певцам в Дельфах или Олимпии. Ювенала упрекали в том, что он ставит колесницы Дамасиппа в один ряд с разграблением провинций Веррином.⁴⁴² Он действительно является выразителем старых римских настроений. И можно усомниться в том, что с римской точки зрения Ювенал не оправдывается перед своими критиками. Даже в наш эмансипированный век нам можно было бы простить шок, если бы английский премьер-министр скакал на собственной лошади в Дерби или появлялся в рискованной роли на сцене *Gaiety*. А коллективное чувство senatorского самоуважения было слишком ценно для римского патриота и моралиста, чтобы им можно было пренебречь из любви к спорту или в порыве надуманного художественного энтузиазма. Нерон и в еще меньшей степени Калигула были бунтарями против старых римских условностей, [pg 75] и возможно, что некоторые из отвратительных историй о них, распространявшихся в "circuli", были мстью римской гордости бесстыдным социальным революционерам, которые выставляли напоказ свое презрение к старомодному достоинству и социальным традициям. Нерон никогда не был так счастлив, как когда его оглушали аплодисментами и осыпали розами на греческих празднествах. Когда-то он предрекал себе монархию в тех краях Востока⁴⁴³, где он мог бы вырваться из традиций старого римского пуританства и соединить

всю изобретательную чувственность Сирии с сомнительным художественным вкусом упадочного эллинизма. Холодная надменная утонченность сенаторских кругов старого режима и грубая честная добродетель плебейского [солдатства](#)⁴⁴⁴ справедливо не доверяли этому лживому сенсационному художнику на троне мира.

Искусство, оторванное от нравственных идеалов, может стать опасной вещью. Император мог провести утро со своими фаворитами, слагая лилейные стихи, которые хорошо ложились на лютню.⁴⁴⁵ Но вскоре сцена сменялась пиром, где розы и музыка едва скрывали грубость излишеств. Неронские ночи" сделали многих развратниками и рассыпали немало сенаторских состояний.⁴⁴⁶ И среди всей этой изощренной роскоши и великолепия потворства происходило странное возвращение к натурализму порока и простому чернокнижию. У Мессалины, Нерона или Петрония появился любопытный вкус к низкой жизни, которая воняла и кипела в тавернах и на сковородках. Богема на некоторое время вошла в моду.⁴⁴⁷ Сама ее грубость возбуждала аппетит, изнуренный всеми дьявольскими изысками порочной изобретательности. Знатные званые гости с императором во главе отправлялись посмотреть, как живут люди в трущобах. Многие сцены из этих полуночных блужданий, вероятно, сохранились на запятнанных, но блестящих страницах "Сатирикона". Петроний, вероятно, часто погружался вместе с Нероном после наступления ночи в эти низкие норы, где рабы, матросы и непристойные жрецы Великой Матери веселились вместе или погружались в дремоту [pg 76] дебоша.⁴⁴⁸ Эти элегантные аристократы находили свое развлечение в грубом нападении на тихих граждан, возвращавшихся с ужина, или в разграблении ларька бедного торговца в Субурре, или в оскорблении дамы в ее кресле. В жестоких драках фракций в театре, где летели камни и скамьи, император однажды отличился тем, что проломил голову претору.⁴⁴⁹ Именно дворяне, обученные в этой школе, знатоки порока, но не имеющие нервов для оружия, заполонили поезд Оттона во время его похода на кровопролитный конфликт на По.⁴⁵⁰

Деморализация высших слоев общества при плохих императорах, несомненно, повлекла за собой деградацию многих женщин. И одна из самых ярких и знаменитых сатир Ювенала посвящена этой неприятной теме. Легенда о плохих женщинах" - это графическая картина, и все же она страдает от недостатка, который портит многие работы Ювенала. Полная реалистической силы, с несомненной основой правды, она слишком резка и размашиста в своих порицаниях, чтобы заслужить полное доверие. Кроме того, в нем странным образом отсутствует равновесие и должный порядок идей.⁴⁵¹ Проблема брака иллюстрируется серией зарисовок женских нравов, которые весьма несвязны и, более того, иногда непоследовательны. Разврат, суеверие и невежественная преданность, интерес к литературе и общественным делам, любовь к гимнастике и решительные суждения о Вергилии - пороки, невинные увлечения и похвальные вкусы сведены воедино в путаном обвинении. Богемный литератор слышал множество скандалов о великих дамах, некоторые из них были правдой, другие искажались и преувеличивались чванливыми сплетниками, пройдя через сотню испорченных воображений. В его собственном скромном классе женская нравственность, как мы можем заключить из Надписей и других источников, была, вероятно, столь же высока, как и когда-либо, столь же высока, как и средняя нравственность любого века.⁴⁵² Были и аристократические семьи, где женщины были столь же чисты, как Лукреция или Корнелия, или любая матрона былых времен.⁴⁵³ Идеал чистоты, как мужской, так и женской, в некоторых кругах действительно повышался. В семьях Сенеки, Тацита, Плиния и Плутарха были не [pg 77] только самые безупречные и высокодуховные женщины, но и мужчины с редким представлением о воздержании и взаимной любви, о благоговении перед чистым браком, которому дали бы свое благословение С. Иероним и С. Августин. Даже Овидий, этот "развратник воображения", пишет своей жене из своего изгнания в скифских

дебрях в акцентах самой чистой привязанности.⁴⁵⁴ И, при всей смазанности своих картин галантности, он не утратил идеала девственного сердца, которое отталкивает и обезоруживает распутника чарами неприступной чистоты.⁴⁵⁵ Идеал брака Плутарха, одновременно суровый и нежный, удовлетворил бы и С. Павла.⁴⁵⁶ Фаворин, друг и современник Плутарха, не считал ниже достоинства философского красноречия призывать матерей к обязанности сосать и лично заботиться о своих младенцах.⁴⁵⁷ Сенека и Мусоний, жившие во времена правления Нерона, одинаково императивно требуют от мужчин и от женщин одинаковой целомудренности. А Мусоний сурово осуждает наложничество и всякого рода бродячие связи: человек, виновный в соблазнении, грешит не только против другого, но и против собственной души.⁴⁵⁸ Дион Хризостом, вероятно, первым из древних возвысил голос против торговли хрупкой красотой, которая безжалостно продолжается из века в век. Ничто не может превзойти той ярости, с которой он осуждает зло, которое, по его мнению, не только позорит человеческую природу, но и несет в себе яд далеко распространяющегося разврата.⁴⁵⁹ Идеал чистоты Ювенала, таким образом, не был свойственен ему самому. Большой мир был достаточно плох, но кроме него существовал и другой мир, позор которого увековечил Ювенал.

Следует также отметить, что Ювенал, похоже, находится под влиянием как древнеримских условностей, так и постоянных нравственных идеалов. Он осуждает эксцентричность или просто безобидные отклонения от старомодных правил приличия так же безжалостно, как наказывает похоть и преступления. Голубой чулок, пурист по стилю, с оглушительной [pg 78] пылкостью рассуждающий о достоинствах Гомера и Вергилия⁴⁶⁰, жаждущий сплетен, имеющий самые свежие новости из Фракии или Парфии или последний секрет запятнанной семьи⁴⁶¹, вираго, который с нестерпимой гордостью добродетели, играет в домашнего тирана и читает занавесочные лекции своему господину⁴⁶², в глазах Ювенала выглядят почти так же отвратительно, как сомнительная особа, у которой было восемь мужей за пять лет, или та, которая сбежала с уродливым гладиатором⁴⁶³, или опрокинула две пинты перед ужином.⁴⁶⁴ Мы можем разделить его отвращение к великим дамам, которые сражались на арене и боролись на ринге⁴⁶⁵, или к тем, кто приказывает пороть своих бедных женщин-шиномонтажниц за то, что они выбились из прически, которая возвышалась над ними⁴⁶⁶. Но мы не можем почувствовать все его презрение к бедному кающемуся почитателю Изиды, который зимним утром проломил лед, чтобы трижды окунуться в Тибр, и полз на кровоточащих коленях по Campus Martius, или принес флягу воды из Нила, чтобы окропить фантом богини⁴⁶⁷. Даже похоть, грубость и жестокость, даже отравление и аборт, кажется, теряют часть своей черноты, когда их сравнивают с невинным литературным тщеславием, или жалким стремлением прочесть будущее, или успокоить муки нечистой совести.

Правда в том, что Ювенал потрясен "новой женщиной" не меньше, чем порочной. Он не понимал или не мог принять великое движение за эмансипацию женщин, которое началось задолго до его времени и которое, как и все подобные движения, несло в себе как зло, так и добро. В социальной истории Рима, пожалуй, нет ничего более поразительного, чем неизбывный консерватизм римских настроений перед лицом свершившихся перемен. Такая моральная жесткость почти неизбежно ведет к пессимизму. Золотой век остался в прошлом, а движение общества вперед, кажется, всегда направлено к пропасти. Идеальное прошлое римской женщины более чем на два с половиной века отстало от времени, когда родился Ювенал. Старая римская матрона, согласно юридической теории, находилась во власти своего мужа, однако религия и чувства обеспечивали ей достойное положение в семье, и к ней относились с глубоким, хотя и несколько холодным уважением; она была занята домашними заботами, [pg 79] и лишена светлых граций и очарования, строга, сдержанна и самоконтрольна. Но этот суровый идеал начал угасать еще во времена престарелого

Катона.⁴⁶⁸ И едва ли найдется недостаток или порок, приписываемый Ювеналом женщинам царствования Домициана, который не нашел бы аналогов в девяти или десяти поколениях до того, как Ювенал написал свой великий обвинительный акт против женственности своего века. Раздражительная гордость римских женщин своим рождением по крайней мере так же стара, как соперничество двух Фабиев в IV веке.⁴⁶⁹ Старший Катон боялся богатой жены так же, как и Ювенал,⁴⁷⁰ и с такой же горечью сатириковал гордыню, сплетни и роскошь женщин своего времени. Об их любви к драгоценным камням и золотым украшениям, разноцветным одеждам и богато украшенным экипажам свидетельствуют Плавт и бессильное законодательство К. Оппия.⁴⁷¹ Разводы и ужасные преступления в самых благородных семьях стали обычным явлением во времена Второй Пунической войны. Примерно в это же время началось то освобождение женщин от ревнивых ограничений римского права, которое получило дальнейшее развитие в эпоху Антонинов.⁴⁷² Строгие формы брака, ставившие жену во власть мужа, все больше и больше приходили в упадок. Женщины добились более абсолютного контроля над своим имуществом, и в их руках сосредоточилось столько капитала, что около середины II века до н. э. был принят закон Вокониана, запрещавший завещать им имущество, что обычно приводило к бесполезным результатам.⁴⁷³ Однако старый идеал трудолюбивой домохозяйки никогда не угасал, и римские эпитафии на протяжении веков свидетельствуют о том, что образцовая матрона занималась шерстяным делом и хранила дом. Сенатор времен правления Гонория хвалит свою дочь за те же домашние добродетели.⁴⁷⁴ Но со II века до н. э. образование римской девушки из высших слоев общества претерпело большие изменения.⁴⁷⁵ Танцы, музыка и высшие достижения больше не были под запретом, хотя они все еще вызывали подозрения у людей старомодной школы. Мальчики и девочки получали одинаковое образование у грамматиков и вместе читали Гомера и Энния.⁴⁷⁶ Во времена [pg 80] Лукреция, как и во времена Ювенала, были женщины, которые перемежали свой разговор греческими фразами.⁴⁷⁷ Корнелия, жена Помпея, была обучена литературе и математике, и даже имела некоторый оттенок философии.⁴⁷⁸ Дочь Аттика, ставшая женой Агриппы, была отдана в обучение вольноотпущеннику, который, как это часто случалось, похоже, злоупотребил своим доверием.⁴⁷⁹ Даже в веселом кругу Овидия были ученые дамы или дамы, которые хотели, чтобы их так считали.⁴⁸⁰ Даже Марциал относит культуру к числу женских прелестей. Сенека утверждал, что женщины обладают равной с мужчинами способностью к культуре.⁴⁸¹ Так, у синеокой Ювенала, которую он так презирает, было много предков на протяжении трех веков, и у нее будет много дочерей до конца Западной империи.⁴⁸² Даже в философии, которая обычно в последнюю очередь привлекает женский ум, римские дамы проявляли равный интерес. Великие дамы при дворе Августа, даже сама императрица, имели своих философских директоров,⁴⁸³ а при Аврелии эта мода, возможно, стала еще более распространенной. Эпиктет встречал дам, которые были восторженными поклонницами платоновской Утопии, но философ довольно лукаво объясняет их энтузиазм отсутствием строгих супружеских отношений в идеальном обществе.⁴⁸⁴ Даже в области авторства женщины претендовали на равные права. Мемуары Агриппины были одним из авторитетов Тацита.⁴⁸⁵ Стихи Сульпиции, упомянутые Марциалом,⁴⁸⁶ читались в Галлии во времена Сидония.⁴⁸⁷ Греческие стихи Бальбиллы, подруги жены Адриана, несмотря на педантичное жеманство, имеют некоторые достоинства, их до сих пор можно прочесть на Колоссе Мемнона.⁴⁸⁸ Кальпурния, жена Плиния, возможно, не была автором; но она разделяла все литературные вкусы Плиния; она положила его стихи на музыку и вызвала у него восхищение хорошей жены, если не беспристрастного критика.

Ювенал испытывает такое же презрение к женщине, которая интересуется государственными делами и событиями на [границе](#)⁴⁸⁹, как и к женщине, которая берется оценивать достоинства Вергилия и Гомера. И вот он снова воюет с [pg 81] великим движением к равенству полов. Со времен Корнелии, матери Гракхов, и до дней Платидии, сестры Гонория, римские женщины время от времени оказывали мощное и не всегда благотворное влияние на государственные дела. Политичный Август обсуждал с Ливией высокие государственные вопросы.⁴⁹⁰ Правление Клавдия было правлением женщин и вольноотпущенников. Тацит с некоторым отвращением к нововведению сообщает, что Агриппина восседала рядом с Клавдием на возвышенном трибунале, чтобы принять почести от пленного Карактака.⁴⁹¹ Нерон освободился от честолубия своей матери только благодаря ужасному преступлению. Влияние Каиниса на Веспасиана в его поздние годы запятнало его славу.⁴⁹² Влияние женщин в провинциальном управлении также становилось серьезной силой. В правление Тиберия Цецина Северус, имея за плечами сорокалетний опыт управления лагерями, в речи перед сенатом осудила новомодный обычай, согласно которому жены генералов и губернаторов сопровождали их за границу, присутствовали на смотрах войск, свободно общались с солдатами и принимали активное участие в делах, что не всегда благоприятствовало чистому управлению.⁴⁹³ В надписях первого и второго веков женщины предстают в более благотворном образе "матерей лагеря" или покровительниц муниципальных городов и корпораций.⁴⁹⁴ Им посвящены статуи, воздвигающие портики, украшающие театры, устраивающие гражданские игры и праздники.⁴⁹⁵ А на одной из таких табличек мы читаем о курии мулиеров в Ланувиуме.⁴⁹⁶ Нам напоминают о "главе матрон", посетивших Агриппину с порицанием,⁴⁹⁷ и о другом женском сенате, при Элагабале, который решал мельчайшие вопросы старшинства и этикета.⁴⁹⁸ На стенах Помпеи женщины-поклонницы вывешивали свои предвыборные плакаты в поддержку любимых кандидатов.⁴⁹⁹ Таким образом, Ювенал вел проигранную битву, проигранную задолго до его написания. К добру или ко злу, но женщины в I и II веках становились силой.

[pg 82]

Хотя он, вероятно, очень слабо верил в старую [мифологию](#)⁵⁰⁰ и относился к ее величайшим фигурам со скудным уважением, Ювенал имел все старые римские предрассудки против восточных культов, которые пленили столь многих женщин его времени. И здесь сатирик снова выступает против движения, которое зародилось задолго до его написания и которому суждено было получить огромный импульс и популярность в течение двух последующих столетий. Евнухи-жрецы Великой Матери с их кимвалами и фригийскими тиарами появились в Италии в последние годы Ганнибаловой войны.⁵⁰¹ Первые годы II века до н. э. были потрясены скандалами и ужасами дионисийских оргий, которые обрушились на Рим как мор.⁵⁰² Чистота женщин и мир в семьях были в серьезной опасности, пока зло не было уничтожено в крови. Поклонение Изиде проникло в столицу по крайней мере при Сулле и не поддавалось нерешительному запрету Августа.⁵⁰³ На этом расстоянии мы можем увидеть смысл существования того, что сатирик считал религиозными отклонениями, полное рассмотрение которых следует отложить для другой главы. Мир находился в муках религиозной революции и с нетерпением ждал нового видения Божественного, откуда бы оно ни пришло. Культы Востока, казалось, удовлетворяли тягу и эмоции, которые не находили покоя в национальной религии. Их ритуалы взывали к чувствам и воображению, а их мистерии, казалось, обещали откровение Бога и бессмертие. Их странная смесь чувственного и аскетического была специально приспособлена для того, чтобы очаровывать слабых женщин, которые глубоко согрешили, но время от времени жаждали покаяния. Покаяние, правда, часто было достаточно поверхностным; пост и моцион были совместимы с очень легкой моралью.⁵⁰⁴ С такими культами, как культ Магна Матер, были связаны самые

серьезные нравственные злоупотребления. Хорошо известно, что храмы Исиды часто становились местами для уступок и виновных интриг.⁵⁰⁵ Одна влюбленная римлянка в правление Тиберия была соблазнена своим любовником под видом бога Анубиса.⁵⁰⁶ Халдейская провидица или иудейская колдунья часто могли [pg 83] пробудить опасные надежды или разжечь виновную страсть, составляя гороскоп или читая сны.⁵⁰⁷ Но презрение Ювенала, кажется, в равной степени обрушивается как на невинную верующую, пытающуюся успокоить отягощенную совесть, так и на ту, которая делает из своего суеверия ширму для порока.

Несмотря на политическое исчезновение еврейской расы, ее численность и влияние в Италии росли. Само разрушение Святого места и внешних символов иудейского культа придало еще более впечатляющую атмосферу таинственности догматам иудейской веры, о которых даже самые образованные римляне имели лишь смутные представления.⁵⁰⁸ Со времен первого цезаря иудеи проложили себе путь во все слои общества.⁵⁰⁹ Один иудейский принц внушил Калигуле восточный идеал монархии.⁵¹⁰ В семье великих вольноотпущенников Клавдия были приверженцы иудаизма, и их растущее влияние и беспорядки вынудили императора изгнать эту расу из столицы.⁵¹¹ Мирская, любящая удовольствия Пoppея, возможно, поддавалась таинственному очарованию религии Моисея.⁵¹² Но именно при Флавиях, имевших столь тесные связи с Иудеей, еврейское влияние стало наиболее ощутимым. А в правление Домициана два члена императорского дома, наряду со многими другими, пострадали за то, что придерживались иудейского образа жизни.⁵¹³ Их преступление также описывается как "атеизм", а Клеменс, в старом римском духе, говорит, что он был человеком самого "презренного бездействия". На самом деле "иудейская жизнь" - это описание, которое могло бы охватить множество оттенков верований и религиозной практики, включая само христианство. Тайное поклонение неясной, таинственной Силе, Которую чтили без всяких навязчивых обрядов, дух отрешенности и тишины, который сторонился игр, зрелищ и модных сцен и лелеял мечту о грядущем Царстве не от мира сего, вызывали подозрение и презрение грубой, жесткой римской натуры. И все же, в мраке и глубоком разложении того мрачного времени, такая жизнь в затворничестве и отречении имела странное очарование для естественно [pg 84] благочестивых душ, особенно среди женщин. Действительно, существовало много степеней соответствия религии Палестины. Одних привлекала ее более духовная сторона, другие ограничивались соблюдением субботы, что стало очень распространенным явлением в некоторых кварталах Рима времен империи. Детей, как рассказывает Ювенал, иногда приучали к полному соответствию закону Моисея.⁵¹⁴ Но Ювенал в первую очередь имеет в виду палестинских душегубов, которые кишели в окрестностях Porta Капена и роции Муз, практикуя все те искусства, которые во все века привлекали суеверных женщин. Таким образом, иудаизм времен Нерона или Домициана мог охватывать все - от хитрости цыганской гадалки до печального, мечтательного квиетизма Pomponia Graecina.⁵¹⁵

И все же следует признать, что, хотя Ювенал в своих нападках на женщин смешивал самые настоящие пороки с суевериями и просто невинной эксцентричностью или взрывной энергией новой свободы, реальные пороки многих женщин его времени - меланхолический факт. У Мессалины и Пoppеи было много подражателей и соратников в их собственном классе. Правда, даже развратная фантазия Овидия и Марциала, как правило, не щадит характер незамужней девушки. В самые мрачные времена ее, как правило, тщательно оберегали от худшего разврата зрелищ,⁵¹⁶ или от безрассудных ухаживаний закоренелого распутника, хотя интриги с воспитателем были небезызвестны.⁵¹⁷ Ее брак устраивался часто еще в детстве, редко позже семнадцати лет. Девушку редко обручали после девятнадцати.⁵¹⁸ Соблазны и опасности часто начинались в день свадьбы. О том, что

существовал высокий идеал чистого и счастливого брака, даже во времена величайшей разнузданности, мы знаем от Плиния и Плутарха, а также от самого Марциала.⁵¹⁹ Но перед невестой-ребенком, когда она выходила в большой мир римского общества, стояли серьезные опасности. Брак по расчету с представителем запятнанной расы, безразлично относящимся к скороспелым и [pg 85] противоестественным поблажкам и готовым уступить супружескую свободу, на которую он претендовал, был опасным испытанием для добродетели. Узы древнеримского брака уже давно были значительно ослаблены, и римская дама с независимым состоянием и энергичным, высокообразованным интеллектом могла легко найти утешение в супружеском пренебрежении. Начиная с Сенеки и заканчивая С. Иеронимом, отвязный прокуратор великой дамы был опасной и подозрительной личностью⁵²⁰, и не всегда без веских причин. В окружении армии рабов и других покорных иждивенцев большого дома, с глубоким почтением и пышными титулами *domina* и *regina*, самый легкий каприз великой госпожи становился законом.⁵²¹ Дорогие драгоценности и редчайшие предметы роскоши туалета сыпались на нее из регионов, которые посещали только капитаны кораблей Красного моря или пифагорейские аскеты в поисках источников мудрости Востока.⁵²²

Политическая жизнь Рима была угашена ревнивым деспотизмом, но социальная жизнь высших слоев общества никогда не была такой насыщенной и соблазнительной, и женщины принимали в ней самое активное участие. Дамы регулярно ужинали со своими мужьями, даже за столом императора,⁵²³ и они могли подвергнуться нападкам со стороны артистических хитростей, секрет которых раскрыл Овидий, или грубым ухаживаниям беззаконного Калигулы.⁵²⁴ Это было время, когда люди любили встречаться где угодно, под деревьями *Campus Martius*, в колоннадах театра или вокруг сидений на общественных площадях. Повсюду можно было увидеть те группы, которые не щадили своей репутации, даже императорской. А за креслом молодой матроны часто витал опасный изысканный человек, который мог шепотом напевать последнюю заманчивую песню из Александрии или Гадеса⁵²⁵, который знал родословную каждой скаковой лошади и секрет каждой интриги. Именно на такие сцены, вероятно, обращает внимание Тацит, когда говорит, что в Германии никто не высмеивает порок и не называет искусство разврата мировой модой⁵²⁶; целомудрие не разрушается соблазнами зрелищ. [pg 86] Август, правда, выделил верхние места для женщин в театре и амфитеатре,⁵²⁷ но на скамьях цирка полы свободно смешивались. Именно там, в то время как фракции красных и синих орали до хрипоты, Овидий указал своему ученику в галантности, что у него есть самый верный шанс произвести опасное впечатление.⁵²⁸ Однако даже Овидий наполовину склонен быть шокированным сценами на сцене, свидетелями которых были женщины и мальчики.⁵²⁹ Самые непристойные истории старой мифологии, любовь Пасифаи или Леды, разыгрывались наяву или рассказывались с такой наготой языка, по сравнению с которой даже Марциал мог показаться целомудренным⁵³⁰. Не менее унижительными были гладиаторские представления, так щедро устраиваемые Августом и Траяном, а также Калигулой и Домицианом, на которых весталки занимали почетное место.⁵³¹ Неудивительно, что женщины, привыкшие получать удовольствие от страданий и смерти храбрых мужчин, способны обречь своих бедных рабынь на пытки или бичевание за угрюмый взгляд или полуслышный ропот. Грубость, с которой Ювенал описывает влияние сцены на нравственность женщин, смахивает на субурру.⁵³² Но в ядовитом характере этих представлений сомневаться не приходится. И актеры, и музыканты, и гладиаторы стали опасны как для спокойствия домохозяек, так и для спокойствия улиц. Артистов пантомимы сурово подавляли и Тиберий, и Домициан, и не без оснований.⁵³³ Один знаменитый танцор имел роковую честь пленить Мессалину.⁵³⁴ Императрица Домициана была разведена из-за любви к Парису.⁵³⁵ А скандалы, омрачившие славу младшей Фаустины и поставившие под

сомнение законность Коммода, даже если они были ложными, должны были иметь под собой определенную основу.⁵³⁶ Меланхолично слышать, что Аврелию приходилось сдерживать излишества римских матрон даже в царствование философов.⁵³⁷ Ко всем этим опасностям следует добавить соблазны домашнего рабства. В то время как Мусоний или Сенека [pg 87] требовали равного целомудрия для мужчины и женщины, новая женщина Ювенала смело претендует на порочную свободу, равную свободе мужа.⁵³⁸ Свидетельство Петрония запятнано подозрением на развратное воображение. Но изучающий другие источники вряд ли может сомневаться в том, что в первом веке, как и в четвертом, римские дамы иногда унижали себя подневольными связями. Указ правления Веспасиана, который, как рассказывает его биограф, был вызван всеобщим одобрением, наказывал провинившуюся матрону потерей ее [панга](#)⁵³⁹.

Эти иллюстрации из других источников могут послужить для судебной оценки знаменитой сатиры Ювенала на женщин. То, что она не является извращенным изобретением, доказывают страницы Тацита и Суетония и записи римских нравов за более чем два столетия. С другой стороны, ее следует читать с некоторыми оговорками. Ювенал - ритор с огненным темпераментом, который если не изобретает, то раскрашивает и преувеличивает. Он глубоко предвзят и условен, человек, для которого отказ от древних обычаев почти так же плох, как нарушение морального закона, человек, неспособный увидеть, что зло нового общественного движения может быть более чем компенсировано благом, которое оно приносит. Более того, тяжкие пороки, которые он изображает с такой реалистичной силой, конечно же, не были столь всеобщими, как он предполагает. Можно подозревать, что отдельные случаи ненормальной испорченности раздувались в его разгоряченном воображении до тех пор, пока не становились типами целых классов грешников. В худшем случае эти пороки поражали лишь сравнительно небольшой класс, праздный, роскошный, развращенный рабовладельческим строем, развращенный примером порочного двора. Само презрение и негодование, с которыми Ювенал порицает аристократического развратника, свидетельствует о существовании более высокого стандарта добродетели. И литература, и надписи той эпохи знакомят нас с совершенно иным типом женщины. Против Гиппии, Сауфеи или Мессалины Ювенала мы должны поставить чистых и культурных женщин, которых мы встречаем на страницах Плиния или Тацита, или наложницу бедного солдата в надписях, которая обладает самоотверженной любовью и добродетелью наших собственных жен-землепашцев.⁵⁴⁰

[pg 88]

Как Ювенал неправильно понимал движение женской эмансипации, которое должно было достигнуть кульминации в законодательстве эпохи Антонинов, так же он неправильно понимал и некоторые другие великие социальные движения своего времени. Два из них, в частности, вторжение нового эллинизма и подъем вольноотпущенников, он предаст анафеме с презрением и староримскими предрассудками старшего Катона.

В нашествии эллинизма во времена Ювенала не было ничего нового. Почти за триста лет до него узкий консерватизм Древнего Рима подвергся нападению космополитической культуры Эллады, которую он попеременно ненавидел и которой восхищался. Знание греческого языка было широко распространено в Италии во времена Ганнибаловой войны.⁵⁴¹ Почти последний римлянин из древнего рода в старости опускался до изучения греческого, чтобы приобщить своего сына к мировой культуре.⁵⁴² Но существовало два разных аспекта эллинизма. Был эллинизм, представленный Гомером, Платоном и Хрисиппом; и был эллинизм низкой комической сцены, сводника и паразита. И реакция против низших греческих влияний была задолго до дней Ювенала. Цицерон, который сделал больше, чем

кто-либо другой из его расы, чтобы перевести греческую мысль на римский язык, выражал такое же горькое презрение, как и Ювенал, к непостоянным, гибким, гистрионным греческим авантюристам.⁵⁴³ Ювенал не ведет войну с тем благородным эллинизмом, который служил образцом и вдохновением для великих писателей эпохи Августа и которому было суждено переделать итальянскую культуру в следующем после его смерти поколении. Императоры, от Юлия Цезаря до Аврелия, за редким исключением, были воспитаны на литературе Греции, и некоторые из них дали большой толчок развитию греческой культуры на Западе. Август восхищался "Старой комедией", принимал в своем доме греческих философов и осыпал свои частные письма Тиберию греческими цитатами.⁵⁴⁴ Тиберий, хотя и жил в юности на Родосе, кажется, проявлял меньше симпатии к гению Греции.⁵⁴⁵ Калигулу также вряд ли можно назвать эллинистом. Хотя однажды у него была дикая мечта восстановить дворец Поликрата и одна, более здравая, о канале через Коринфский перешеек, он также [pg 89] думал стереть память о поэмах Гомера.⁵⁴⁶ Доктор Махаффи, вероятно, прав, считая Клавдия первым действительно эллинистическим императором.⁵⁴⁷ Как и наш Яков I, Клавдий был ученым и очень нелепым человеком. Однако, возможно, он не был столь презренным персонажем, каким его рисует Суетоний. Во всяком случае, он был любителем греческой литературы,⁵⁴⁸ и воздавал почести стране, давшей ей начало.⁵⁴⁹ Он цитировал Гомера в своих речах в Сенате и сочинял истории на греческом языке, которые, согласно императорскому указу, должны были регулярно читаться вслух в Александрийском музее.⁵⁵⁰ Несмотря на пороки и напыщенную глупость Нерона, его фил-гелленизм, похоже, был искренним и достойным побуждением. Его посещения греческих фестивалей и участие в состязаниях не были простым тщеславием. У него была тщетная страсть к славе художника, и он искал аплодисментов расы, имевшей настоящую художественную традицию.⁵⁵¹ Когда мы достигаем плебейской расы Флавиев, эллинизм все еще в фаворе. Блестящий солдат Веспасиан в совершенстве владел греческим языком и был первым императором, который щедро одарил греческую [риторику](#)⁵⁵². Его сын Домициан, эта загадка, распутник, пытавшийся возродить мораль эпохи Катона, человек, который, как говорили, но с большой долей вероятности, ограничивал свое чтение мемуарами Тиберия, основал пятилетний фестиваль с соревнованиями по греческому образцу в музыке, гимнастике и наездничестве. Опираясь на неисчерпаемые запасы Александрии, он также восстановил разрушения, причиненные пожаром римским библиотекам.⁵⁵³ Уже при жизни Ювенала началось блестящее софистическое движение, которому суждено было пронести литературное очарование эллинизма по всему Западу. С конца I века в полном расцвете появилась та гениальная техника стиля, та способность преодолевать все трудности избитой или пустяковой темы, точное владение всеми разновидностями ритма, которые несли странствующего софиста через ряд триумфов, где бы он ни находился. Классическая латинская литература в то же время пришла [pg 90] загадочному концу. Единственные достойные авторы второго века писали на обоих языках безразлично.⁵⁵⁴ А великий император, закрывающий наш период, предпочел оставить потомкам свои внутренние мысли на греческом.

Ювенал, однако, не думал об этом великом литературном движении. Подобно многим своим литературным предшественникам, сформировавшимся под влиянием высокого гения греческого прошлого, таким как Плавт и Цицерон, он обрушил свой гнев на вырождающийся эллинизм. Его острие было направлено на сатлеров и лагерь последователей армии, вторгшейся с Востока. Явления римской социальной истории постоянно повторяются на протяжении веков. И одним из самых любопытных примеров вечности общественных настроений является ненависть и презрение к греческому или левантийскому характеру со времен Плавта и старшего Катона до времен поэта Клавдиана.⁵⁵⁵ Более 600 лет римлянин, заимствовавший у грека его лучшую культуру, его лоск и идеи, был готов презирать

"гречанина". Завоеватели Македонии никогда не могли простить себе завоевания греческими знаниями и разносторонностью, которыми были отомщены старые римские победы на поле боя. И в то время как гордость имперской расы росла вместе с сознанием великих достижений, политическая деградация и экономический упадок Греции и грекоязычных стран породили тип характера, сочетавший в себе былую сообразительность и остроту интеллекта с моральными недостатками обнищавшей и подвластной расы. Кое-что из римского презрения к грекам следует отнести на счет тех национальных предрассудков и различий в темпераменте, которые заставляли наших предков относиться к великой французской нации, со всеми ее блестящими дарами и огромным вкладом в европейскую культуру, как к расе позерствующих танцмейстеров.⁵⁵⁶ Такие предрассудки обычно более сильны в низших, чем в высших и культурных классах. Ювенал, действительно, был культурным человеком, знавшим греческую литературу и воспитанным греческими риториками в школах. Но он был также римским плебеем, с той расовой гордостью, которая часто так же глубока в плебее, как и в аристократе. Он озвучивает [pg 91] чувства своего класса, когда возмущенно сетует на то, что истинно рожденный римлянин, чье младенчество прошло в воздухе Авентина, должен уступать место податливому, пресмыкающемуся чужеземцу, прилетевшему с тем же ветром, что и фиги и чернослив. Оронт вливает свои загрязнения в Тибр.⁵⁵⁷ Все ремесла и профессии, от мастера высших наук до канатного плясуна и сводника, переполнены голодными, остроумными искателями приключений с Востока. Каждый остров Эгейского моря, каждый город Азии наводняют Рим своими пороками и продажным искусством.⁵⁵⁸ Быстрота ума и развращенность нравов, наглость и язык оттесняют в тень простую, безыскусную честность древнеримской породы. На утренних приемах у великого покровителя бедный римский клиент, за плечами которого годы честной, спокойной службы, даже обедневший отпрыск древнего консульского рода, оттесняется в сторону каким-нибудь подхалимом с Евфрата,⁵⁵⁹ который с трудом может скрыть клеймо недавнего рабства на себе. Эти люди, благодаря своей гладкой речи, наглости и остроумию, безграничной способности принимать любое настроение и ублажать любой каприз покровителя, проникают в недра великих домов, выведывают их секреты и овладевают их добродетелью.⁵⁶⁰ Рим превращается в греческий город,⁵⁶¹ в котором скоро не останется места для римлян.

Большая часть этого обвинения, как мы уже говорили, является следствием предрассудков и темперамента. Но в высказываниях Ювенала была основа правды. Высшее образование римской молодежи на протяжении многих поколений находилось в руках людей греческой культуры, начиная со времен Энния и Кратеса Маллусского, еще до третьей Пунической войны.⁵⁶² Старый титул наставника *literatus* рано сменился титулом *grammaticus*.⁵⁶³ И из длинного ряда знаменитых *grammatici*, о которых вспоминает Суетоний, мало кто не был связан по происхождению или культуре с греческим Востоком. Большинство из них были вольноотпущенниками савантов или знатных вельмож.⁵⁶⁴ Некоторые [pg 92] были куплены на рынке рабов.⁵⁶⁵ Профессия, как правило, плохо оплачивалась и не пользовалась большим уважением, и часто была последним средством для тех, кто потерпел неудачу в других и не более выдающихся призваниях. Орбилий, хозяин Горация, был слугой в государственном учреждении.⁵⁶⁶ Другие были драчунами или низкими актерами в пантомиме.⁵⁶⁷ Q. Реммий Палаэмон, чьи пороки сделали его печально известным в правление Тиберия и Клавдия, был домашним рабом, а вначале ткачом.⁵⁶⁸ Он получил образование, посещая школу своего молодого господина, и, благодаря своей ловкости, разнообразию и высокомерному самоутверждению, достиг дохода более 4000 фунтов стерлингов в год. Иногда они достигали положения и состояния, когда им поручали обучение императорских детей.⁵⁶⁹ Но грамматик, до самого конца, как правило, не избегал двойного клейма - сомнительного происхождения и бедности.

Медицинская профессия, по словам старшего Плиния, была греческим искусством, которым редко занимались римляне.⁵⁷⁰ Юлий Цезарь, предоставив гражданские права врачам из Египта и эллинских земель,⁵⁷¹ повысил статус медицинского призвания, но в то же время стимулировал иммиграцию иностранных практиков. Звание и состояние, достигнутые придворными врачами первых цезарей, Антонием Мусой, [Стертиниями](#)⁵⁷² и другими, которые почти соперничали с успехами медицины наших дней, казалось, предлагали великолепный приз. Однако эта профессия в целом пользовалась дурной славой.⁵⁷³ Она долгое время пополнялась из числа старых рабов и людей самых низких профессий. В нее стекались плотники, кузнецы и гробовщики, часто с шестимесячным обучением.⁵⁷⁴ Гален находил большинство своих братьев-медиков совершенно неграмотными и рекомендовал им уделять немного внимания грамматике при общении с пациентами.⁵⁷⁵ Они готовили лекарства в собственных мастерских и торговались за практику.⁵⁷⁶ Они прибегали к помощи заклинаний и колдовства, чтобы усилить свои снадобья. Мы не должны верить всем грубым инсинуациям Марциала против их морали, так же как и насмешкам Петрония против [pg 93] их мастерства. Но мы должны сделать вывод, что эта профессия занимала совсем не то место в общественном уважении, которое она занимает и заслуживает в наше время.

Астрология, которая была аристократической формой гадания и участвовала во многих темных интригах ранней империи, была как греческим, так и халдейским искусством. Имя практикующего часто раскрывает его национальность. [Селевк](#)⁵⁷⁷ и Птолемей, повлиявшие на судьбу Оттона, и Асклетарион времен правления [Домициана](#)⁵⁷⁸ - лишь представители безымянной толпы. А их странная сила видна из рассказа о греческом прорицателе Паммене в последние годы правления Нерона, чьи гороскопы привели к трагическому концу П. Антея и Остория Скапулы.⁵⁷⁹ В других бесчисленных искусствах сомнительной репутации, которые служили удовольствию или развлечению толпы, грек всегда был адептом. Но именно его успех в качестве придворного и искусного льстеца великих вызывал презрительную ненависть Ювенала и его товарищей. Вряд ли "благоразумные люди" были бы виновны в простой и очевидной грубой лести, которую приписывает им риторика Ювенала.⁵⁸⁰ Они знали свое дело лучше, чем римские плебеи. В Греции это была старая и высокооплачиваемая профессия, которая часто становилась темой греческих моралистов. Плутарх написал подробный трактат о различии между подхалимом и истинным другом, в котором он, кажется, почти исчерпал хитроумные ресурсы притворщика. Лукиан с его тонкой иронией, кажется, почти поднял греческое мастерство низкопоклонства до уровня изящного искусства.⁵⁸¹ И отточенный и разносторонний грек, с его живым остроумием, тонким владением выражениями, холодной дерзостью и беспринципностью, был грозным соперником более грубого римского паразита, прославленного в латинской комедии. Мы можем себе представить, что молодой грек, только что из школ Ионии, был более оживленным собеседником за ужином, чем гордый римский литератор, который выхватывал подачки и презирал себя за их получение.

Пожалуй, нет такой фазы римского общества времен Домициана, о которой мы знали бы более подробно, чем о жизни клиента. Она запечатлена во всем своем гнусном рабстве и у Ювенала, и у Марциала. А сам Марциал, возможно, является лучшим примером [pg 94] гениального человека, подчинившегося, с некоторыми интервалами гордого бунтарства,⁵⁸² деградации, которую в наших глазах не может оправдать никакая бедность. Клиент ранней империи был совершенно другим человеком, чем клиент республиканских времен. В дни свободы связь покровителя и клиента была скорее связью клана и вождя; она была оправдана политической и социальной необходимостью и облагорожена чувствами лояльности и взаимных обязательств. В период империи эти отношения были запятнаны эгоистичным материализмом эпохи; в них редко прослеживались какие-либо чувства.

Предполагалось, что богатый человек должен иметь скромный круг иждивенцев для поддержания своего положения и значимости. Было множество нуждающихся людей, готовых оказать ему такую услугу. Голодный клиент спешил на утренний прием к своему покровителю, подчинялся всей его холодности и капризам или наглости его прислуги, следовал за его креслом по улицам и выполнял его поручения ради жалкой денежной или натуральной милостыни.⁵⁸³ Плата иногда дополнялась брошенным плащом или приглашением в последний момент занять место за обедом, когда, возможно, оно не могло быть принято.⁵⁸⁴ В свите, которую великий человек собирал вокруг себя, чтобы придать себе значимости, можно было увидеть не только голодающего литератора, бездельника и простого нищего, но и сыновей разорившихся домов, "ведущих свое происхождение из Трои", и даже сенаторов и консульских чиновников, у которых была своя [клиентура](#)⁵⁸⁵.

Ничто не бросает более яркий свет на экономическое состояние Италии времен ранней империи, чем эта форма пенсионной зависимости. Впечатление, которое мы получаем от Ювенала и Марциала, - это впечатление общества, разделенного на небольшой класс чрезвычайно богатых людей и почти голодающий пролетариат.⁵⁸⁶ Нищета кажется почти всеобщей, за исключением класса вольноотпущенников, которые благодаря промышленной энергии и спекулятивной смелости, презираемой истинным уроженцем Рима, теперь быстро поднимались к богатству. О причинах плебейской нищеты можно лишь вскользь упомянуть. Сельскохозяйственная революция, разорившая мелких землевладельцев и создавшая плантационную [систему](#)⁵⁸⁷, заставила огромное количество [pg 95] некогда процветающих фермеров отправиться в столицу, чтобы зависеть от государственных амбаров или от благотворительности богатого покровителя. Таких людей удерживало в бедности и зависимости то всеобщее презрение к торговле и промышленным занятиям, которое всегда преобладает в рабовладельческом обществе. Многие величайшие семьи были доведены до нищеты в результате проскрипций и конфискаций. Великий дворянин мог бы держать овец на лаурентийской ферме, если бы не мог получить пенсию по милости императора. В то же время по разным причинам те профессии, которые мы должны назвать либеральными, за сомнительным исключением медицины, мучили тех, кто ими занимался, контрастом между честолюбивыми надеждами и страданиями убогой нищеты. "Сделай своего сына аукционистом или гробовщиком, а не адвокатом или литератором", - советуют Марциал и Ювенал, а также проникательные вульгарные гости Тримальхиона.⁵⁸⁸ Любое подлое и дурное ремесло будет более прибыльным, чем величайшие знания и культура. Богатый любитель литературы, который должен был быть Меценатом, в ту эпоху сам становился автором, сочинял свои "Фебаиды" или "Кодрид" и помогал бедному гению только тем, что предоставлял в аренду немеблированный зал для чтения.⁵⁸⁹ Неприкрытое жеманство Марциала показывает, до каких жалких условий был доведен настоящий литератор.⁵⁹⁰ Историк не заработает столько, сколько читатель Acta Diurna.⁵⁹¹ То же самое происходит и с образованием. То, что обходится отцу дешевле всего, - это обучение сына. Человек, который потратит целое состояние на свои бани и колоннады, может выделить Квинтилиану лишь малую часть того, что он отдаст за кондитера.⁵⁹² Грамматику, от которого ожидают, что он станет мастером всей литературы, повезет, если он получит за год столько, сколько возница получает за одну победу.⁵⁹³ Если ритор, утомленный шуточными сражениями, спускается на реальную арену суда, его дела идут не лучше.⁵⁹⁴ Адвокатура переполнена людьми, для которых не существует другой честолюбивой карьеры, старыми доносчиками, которые считают, что их профессия потеряна, сыновьями знатных домов, которые выставляют напоказ славу своих предков, чтобы привлечь вульгарных клиентов. Их везут в санях, окруженных [pg 96] рабами и иждивенцами, в суды центумвиров. Чтобы конкурировать с ними, бедному адвокату приходится нанимать или одалживать пурпурные одежды и перстни с драгоценными камнями. В конце концов, за день усердных выступлений он может получить

вознаграждение в виде свиного окорока, банки туннелей или нескольких фляг дешевого вина. В этом материализованном обществе все призы достаются грубым качествам; перед вкусом и интеллектом нет ничего, кроме пренебрежения и голода. А бедность наказывается тем, что ее заставляют демонстрировать богатство.⁵⁹⁵ Тот величественный человек в фиолетовых одеждах, который прохаживается по форуму или откидывается в свежеукрашенном кресле, сопровождаемый толпой рабов, только что заложил свое кольцо, чтобы купить ужин.⁵⁹⁶ Та матрона, которая продала последние осколки родовой тарелки, нанимает великолепное платье, кресло с седалищем и целую свиту слуг, чтобы отправиться в подобающем виде на игры.⁵⁹⁷ Таким образом, перед вами предстает общество, разделенное на праздных, роскошных богачей и ленивых, голодных бедняков, которые подражают всем порокам богачей и, хотя слишком горды, чтобы работать, не стыдятся брать в долг или просить милостыню.

В таком обществе, где пути честной промышленности казались закрытыми для бедняков или еще не открытыми, великая проблема заключалась в том, как обеспечить без труда долю богатства, монополизированного немногими. Проблема решалась покорностью клиента или искусством охотника за волей. Из-за безбрачия и порока бездетность в ту эпоху была чрезвычайно распространена среди высшего сословия. В обществе "честолюбивой бедности", в обществе, где бедность не могла или не желала найти путь к достатку через честный труд, богатые люди, не имевшие естественных наследников, представляли собой заманчивую добычу для нуждающихся авантюристов. Захват в плен с помощью любой подлой лести или порочной службы стал признанной профессией. В Кротоне Петрония есть только два класса: богачи и подхалимы, охотники и охотницы.⁵⁹⁸ Даже люди высокого положения, не испытывающие искушения нуждой, опускались до этого отвратительного ремесла.⁵⁹⁹ И социальный тон, терпимый к похитителю, делал почти честью быть осажденным на больничной койке этими алчными подхалимами. Одной из самых мрачных и отталкивающих черт этого гнилого общества была [pg 97] социальная ценность, которую придавала порочная и постыдная бездетность. Угрюмая и нелюбопытная старость могла таким образом собрать вокруг себя небольшой круг иждивенцев и притворных друзей, которых вряд ли привлекла бы карьера великих достижений. Мало найдется более отвратительных персонажей, чем отполированный лицемер у больничной койки своей жертвы, проливающий слезы притворного сочувствия, в то время как жадными глазами он отмечает каждый симптом приближающегося конца.⁶⁰⁰

Ювенал и Петроний, озлобленный плебей и циничный, привередливый эпикуреец при дворе Нерона, одинаково относятся к своей эпохе как к совершенно развращенной и вульгаризированной страстью к деньгам; "inter nos sanctissima divitiarum Majestas".⁶⁰¹ Ни добродетели, ни дары, ни выдающиеся заслуги не будут замечены в бедняках.⁶⁰² Большое состояние скроет отсутствие таланта, чувства или обычной порядочности. Хозяину денежных мешков прощается все, даже клеймо рабской тюрьмы.⁶⁰³ У Ювенала и Марциала, вероятно, самой звонкой нотой звучит крик бедняков - "Доколе". Но, в конце концов, это не яростный крик восстания; против этого высокоорганизованного и централизованного общества лишенные наследства никогда не мечтали о восстании, даже когда готы были под стенами. Это скорее призыв, хотя часто горький и гневный, к жалости и скромной доле в растратном изобилии. В поэмах Ювенала и Марциала, как и в настроениях коллегий и муниципалитетов на протяжении многих поколений, единственная надежда для массы беспомощных нищих заключалась в пробуждении щедрости и благотворительности богатых. Богатые, как мы увидим в другой главе, признали это обязательство и ответили на требование, часто самым щедрым образом. Длинный ряд императоров не только кормил столичную толпу, но и растрачивал ресурсы государства на организацию грубых и

деморализующих развлечений для нее.⁶⁰⁴ Под влиянием стоического учения о братстве людей и обязанности взаимопомощи как частные граждане, так и благодетельные князья, от Нерона до Аврелия, создавали благотворительные фонды для сирот и [pg 98] нуждающихся.⁶⁰⁵ Общественные бедствия вновь и вновь облегчались благодаря императорской помощи и частной благотворительности.⁶⁰⁶ Любовь к богатству была сильна, но дух благожелательности витал в воздухе даже во времена Ювенала; и постоянные инвективы поэта или философа против богатства и роскоши являются не столько признаком растущего эгоизма, сколько распространяющегося чувства долга счастливых перед несчастными. Хотя литераторы, кажется, никогда не задумывались о каком-либо экономическом решении социальной проблемы путем создания новых источников богатства, из которых все могли бы черпать, тем не менее не приходится сомневаться, что, по крайней мере в провинциальных городах, в эпоху Антонинов существовало большое промышленное движение, которое дало богатство некоторым и респектабельность многим. Обильный вольноотпущенник и довольный ремесленник оставили множество памятников в надписях. Однако это движение не решило социальной проблемы во времена Лукиана, как не решило ее и спустя семнадцать веков. Крик бедных против эгоистичных богачей, который звучит в ушах отстраненного литератора в конце эпохи Антонинов, все еще будет звучать в ушах аскета Сальвиана, когда германцы перейдут Рейн.⁶⁰⁷

Презрение и ненависть Ювенала к богатству и его порокам естественны для класса, который был слишком горд, чтобы бороться с бедностью, занимаясь презираемыми им отраслями. И вольноотпущенник, занявший свободное поле и возвысившийся до богатства, вызывает у Ювенала и Марциала еще большую ненависть, чем отступник-дворянин или скупой меценат. Он был чужаком подневольного происхождения и разбогател обычным способом, не думая ни о чем, кроме золота. Эти люди, которые даже не были свободными римлянами, овладели властью, которая обеспечивает преданность всего мира. Возвышение этого нового класса к богатству и значению, вероятно, раздражало людей типа Ювенала больше, чем любой другой признак социальной несправедливости в их время. И Трималхион Петрония, человек низкого, запятнанного происхождения, порождение экономической случайности, чья единственная вера - в силу денег, кто хвастается своим состоянием, как будто оно было завоевано настоящим талантом или почетной [pg 99] службой, который тратит его с грубой показной наглостью и смехотворным жеманством культурного вкуса, может быть терпим в литературе, если не в реальной жизни, за очарование некой добродушной приветливости и честной вульгарности, которую искусство Петрония набросило на него. И все же, в конце концов, мы должны признать за Ювеналом и Марциалом, что такой человек всегда является несколько неприятным социальным продуктом. Но эта тема настолько важна, что претендует на отдельную главу. И, к счастью для нас и наших читателей, новые вольноотпущенники не все принадлежали к типу Трималхиона.

ГЛАВА III

ОБЩЕСТВО ВОЛЬНООТПУЩЕННИКОВ

Историк, занятый войной и политикой, судьбами князей и вельмож, склонен упускать из виду великие безмолвные движения в тусклых массах общества. И в истории ранней империи смертельный конфликт между императором и сенатом, карнавал роскоши и трагическое завершение стольких царствований отвлекли внимание от социальных изменений огромной важности. Не менее важным из них было возвышение вольноотпущенников перед лицом жесточайших предрассудков, как народных, так и аристократических. И литература бросила всю свою тяжесть на сторону предрассудков, дав полную волю как презрению знати, так и ненависти и зависти плебеев. Движение, действительно, было настолько быстрым и далеко распространяющимся, что старые консервативные инстинкты вполне могли быть встревожены. Повсюду в надписях можно увидеть, как вольноотпущенники растут в богатстве и знатности по всем провинциям, а также в Италии, завоевывают популярность и влияние благодаря щедрым пожертвованиям коллегиям и муниципалитетам. Почти в каждом районе Римской империи орден авгуров, состоявший в значительной степени из богатых [вольноотпущенников](#)⁶⁰⁸, оставил свои памятники. "Богатство вольноотпущенника" во времена Марциала стало пословицей.⁶⁰⁹ Они не только вытесняют все низкие ремесла, от которых римская гордость презрительно отмахивалась, но, благодаря промышленности, проницательности и спекулятивной смелости, становятся крупными капиталистами и землевладельцами senatorского масштаба. Тримальхион Петрония, который не [pg 101] даже видел некоторые из своих владений,⁶¹⁰ если допустить некоторое художественное преувеличение, несомненно, является представителем великого класса. В правление Нерона в сенате разгорелся спор о наглости и проступках вольноотпущенников.⁶¹¹ И противники любых насильственных мер подавления утверждали, что это сословие широко распространено; они в подавляющем числе встречаются в городских трибах, на низших должностях гражданской службы, в заведениях магистратов и жрецов; значительное число даже рыцарей и сената черпало свое происхождение из этого источника. Если бы вольноотпущенников резко выделили в отдельный класс, то обнаружилась бы мизерная численность свободнорожденных. В царствования Клавдия и Нерона вольноотпущенники занимали самые высокие посты на императорской службе, иногда благодаря неоспоримым знаниям, такту и способностям, иногда - благодаря менее достойным похвалы искусствам. Продвижение Нарцисса или Палласа было также политическим ходом, утверждением независимости принца от ревнивой знати. Правление вольноотпущенников было горьким воспоминанием для сената.⁶¹² Презрение Плиния к Палласу выражает давно сдерживаемые чувства его ордена; это запоздалая месть за унижение, которое они пережили в те злые дни, когда они осыпали фаворита нелепой лестью и награждали его состоянием и статуей.⁶¹³ Часть радости, с которой аристократия приветствовала воцарение Траяна, была вызвана надеждой на то, что презираемые интервенты будут низведены до должного уровня безвестности. Тацит, несомненно, имеет в виду режим Клавдиана, когда мрачно поздравляет германцев с тем, что их вольноотпущенники мало чем отличаются от рабов, что они редко имеют власть в семье и никогда - в государстве.⁶¹⁴

Она показывает огромную силу старого римского консерватизма и социальных предрассудков, которые остаются неизменными из века в век, когда такие культурные, но столь разные по темпераменту и ассоциациям люди, как Плиний и Тацит, Ювенал и [Марциал](#)⁶¹⁵ и Петроний, осуждают или высмеивают непреодолимое общественное движение. Теперь мы видим, что подъем [pg 102] эмансипированного раба был не только неизбежен, но и в целом благотворен и многообещающ для будущего. Класс рабов

античности действительно соответствовал нашему классу свободных рабочих. Но, в отличие от массы наших ремесленников, в нем было много тех, кто в силу случайности рождения и воспитания обладал навыками и знаниями, которыми их хозяева часто не обладали.⁶¹⁶ Рабов, прибывших из древних очагов цивилизации на Востоке, не следует сравнивать с темными грубыми расами, которые, кажется, заклеены природой как низшая порода. Это частое умственное и моральное равенство римского раба со своим господином навязывалось людям из отстраненного философского сословия, таким как Сенека, и добродушным аристократам, таким как [Плиний](#)⁶¹⁷. Должно быть, трудно было просиживать долгие часы в библиотеке рядом с культурным рабом-амануэнсисом, или обсуждать управление землями, рудниками и каменоломнями с проницательным, хорошо информированным агентом рабов, или быть очарованным грацией и остроумием какой-нибудь прекрасной, хрупкой дочери Ионии, не испытывая сомнений в вечной справедливости такого института. Несомненно, к рабам часто относились как к [друзьям](#)⁶¹⁸, а после смерти хозяина они получали свободу и щедрое завещание. Многие образованные рабы, как мы уже видели, добились известности и состояния, став учителями и врачами.⁶¹⁹ Но сфера торговли и промышленности была самой открытой и самой заманчивой. Сенатору вплоть до последней эпохи империи запрещалось, как законом, так и чувствами, увеличивать свое состояние за счет торговли.⁶²⁰ Плебей, пропитанный римскими предрассудками, искавший поддержки в государственных амбарах или в подачках богатого покровителя, с презрением отвернулся от занятий, которые в наши дни считаются невинными, если не почетными. Ювенал испытывает почти такое же презрение к аукционисту и гробовщику, как и к своднику, и относится почти как к преступнику к купцу, который отваживается на ветреное Эгейское море с грузом вина с [Крита](#)⁶²¹. Его друг Умбриций, потерпевший поражение в социальной борьбе и готовящийся покинуть Рим ради уединения в Кампании, среди прочих объектов своего плебейского презрения [pg 103] особое отвращение питает к низкому племени, которое подражается строить дома, или взимает портовые пошлины, или берется за очистку русла реки.⁶²² В Риме не осталось места для людей, которые не запятнали бы себя такими подлыми ремеслами. Разумеется, если сатирик не издевается над чувствами своего класса, в Риме было достаточно места для энергичного вольноотпущенника, который мог принять девиз Веспасиана о том, что никакая выгода не может быть невыгодной.⁶²³ Но эти люди обладали не только коммерческим тактом и способностями, смекалкой, чтобы увидеть, где можно сделать деньги, используя новые возможности и незанятые поля для предпринимательства; среди них были также люди с большими амбициями, люди, способные на большие дела. От старого раба не требовалось обычной ловкости, гибкости и бдительной энергии, чтобы пройти путь вверх по ступеням императорской канцелярии, пробраться через дебри смертельных интриг в царствование Клавдия или Нерона и наконец стать хозяином дворца. Однако один из этих вольноотпущенников-министров, когда он умер, служил десяти императорам, шесть из которых закончили свою жизнь насильственно.⁶²⁴ То, что столь презираемый и угнетенный класс поднялся до управления торговлей и даже администрацией империи, позволяет предположить, что они были нужны и что они не были недостойны своей судьбы.

Однако какой бы неизбежной и даже желанной ни казалась эта великая революция холодному критику двадцатого века, не исключено, что, живи он в первом, он бы осудил ее так же энергично, как Ювенал. Литературный и художественный дух, часто живущий в прошлом золотом веке и отдаленно отстраненный от происходящих вокруг него движений, склонен относиться к ним с тревожной подозрительностью. Им движут священные чувства, воспоминания и далекие идеалы, привередливый вкус, выражающийся часто в страстной ненависти к тому, что кажется ему революционным святотатством. Она также склонна фиксироваться на более гротескных и вульгарных чертах любого великого народного

движения и с отточенным мастерством выставлять его на посмешище. Именно так литература относилась к вольноотпущенникам. У них было много грубых и явных недостатков; они были старыми рабами и восточными людьми; по мере того как они поднимались в мире, они жаждали денег, и они их получали; Они были, многие из них, естественно, вульгарны, и они демонстрировали свое новое богатство с отвратительным вкусом, и [pg 104] попирали лучших, хотя и более бедных людей, чем они сами, Ювенал и Марциал, по рождению и ассоциации, имеют мало общего с тем утонченным изысканным представителем неронского круга, который с силой небрежного гения изобразил хозяйство парвеню Тримальхиона. Однако они с одинаковым презрением или отвращением относятся к новому человеку, пробивавшему себе путь от самого низкого унижения подневольной жизни к богатству и власти. Но озлобленный литератор, униженный бедностью, но полный римской гордости, мстит за свои идеалы более грубой и тяжелой рукой, чем эпикурейский аристократ, который присоединился к "Noctes Neronis" с тонким, презрительным цинизмом, который был слишком разочарован и слишком придирчив, чтобы тратить гнев на то, что он презирал. Ювенал взрывал и уничтожал объекты своей ненависти. Петроний использует более надежный метод - сделать этих людей в высшей степени смешными. Чувства таких людей, как Ювенал и Марциал, - это смесь презрения, зависти и возмущенного вкуса. Литератор с Груб-стрит в те дни презирал кропотливую работу, потому что очень любил безделье; он ненавидел богатство, потому что был беден. Отполированного до блеска человека попеременно забавляло и отвращало зрелище внезапного состояния, накопленного счастливым случаем или недобросовестным искусством, не имеющего никаких традиций достоинства, чтобы позолотить его грубость, но при этом затрагивающего и высмеивающего вкусы мира, от которого его отделяла непроходимая пропасть. В декламации Ювенала больше нравственных чувств, больше древнеримского чувства, чем в холодном художественном презрении "Сатириконе"; в ней также больше личного и классового чувства. Торжество денег для Ювенала - это не только моральная катастрофа, но и личное оскорбление. Бедность теперь делает человека смешным.⁶²⁵ Она преграждает путь самым лучшим заслугам. Богатый вольноотпущенник, претендующий на первое место на левее, одинаково неприятен и потому, что родился на Евфрате, и потому, что владеет пятью тавернами, приносящими 400 000 HS в год.⁶²⁶ Обедневший рыцарь должен покинуть свое прежнее место на скамьях, чтобы освободить место для какого-нибудь аукциониста или сводника, какого-нибудь старого раба с Нила, который входит в пурпурных одеждах, с униженными драгоценностями пальцами и волосами, пропахшими благовониями.⁶²⁷ Единственным убежищем [pg 105] скоро станет какая-нибудь полупустынная деревня на старомодной сабинской земле, где деревенские жители сидят бок о бок в одинаковых белых туниках со своими эдилами в травянистом театре.⁶²⁸ Из Ювенала, Марциала и Петрония видно, что враждебность народа к новым людям была отчасти результатом зависти к их успеху, отчасти - отвращения к их демонстрации этого успеха. Ювенал и Марциал, вероятно, часто облачают в форму грубые эпиграммы толпы. Мы почти слышим презрительное рычание, когда один из этих людей, подозреваемый в темном преступлении, проносится мимо в своем пушистом седане. Другой благородный рыцарь торговал дешевой рыбой в своем родном Египте, а теперь владеет дворцом, возвышающимся над Форумом, с далеко раскинувшимися колоннадами и акрами тенистых рощ.⁶²⁹ Евнух-министр возвел громаду, которая возвышается над Капитолием.⁶³⁰ Парни, которые раньше дудели в рожок в цирке провинциальных городов, теперь сами устраивают гладиаторские представления.⁶³¹ Препредубеждения или зависть, возможно, придумали некоторые из историй о преступлениях и пороках, благодаря которым были завоеваны эти состояния. Рим был городом ядовитых слухов. Однако рабство не было питомником добродетели, и "Сатирикон" оставляет впечатление, что освобожденный раб слишком часто подражал порокам своего хозяина.

Отравитель, клятвопреступник, приспешник, вероятно, встречались и в подрастающем классе. Вслед за себе подобными во все века они с вульгарной наглостью взирали на тех, кто был менее удачлив или более щепетилен. Поднявшись на высшую ступень, императорские вольноотпущенники часто оказывались вовлеченными в казнокрадство и преступные интриги.⁶³² И все же, несмотря на все оговорки, восхождение вольноотпущенников остается великой и благотворной революцией. Те самые причины, из-за которых Ювенал ненавидел ее больше всего, лучше всего оправдывают ее для современного ума. Она дала рабам надежду на будущее; создав свободный промышленный класс, она помогла разрушить тесный социальный идеал рабовладельца и солдата; она насадила в каждом муниципалитете энергичный меркантильный класс, который часто был прекрасным и щедрым гражданином. Прежде всего, она утверждала достоинство человека. Яростная итерация Ювенала - лучшее свидетельство размаха и силы этого движения. И [pg 106] позднейший изучающий римское общество не может позволить себе пренебречь великим социальным переворотом, который в аристократическом обществе, где господствовала сословная и расовая гордость, сделал восточного раба первым министром величайшей монархии в истории, в то время как он поставил людей подневольного происхождения во главе почти всех промышленных искусств и торговли того времени.

Правление вольноотпущенника в государственных делах началось с основания империи, когда Юлий Цезарь назначил некоторых из своих домочадцев служащими монетного двора.⁶³³ Император в I веке был, по крайней мере теоретически, лишь первым гражданином, и его домохозяйство строилось по образцу других великих домов. Для управления огромными сенаторскими владениями, которые часто были разбросаны на трех континентах, требовалась продуманная организация, и для управления такими частными владениями нанимались вольноотпущенники, обладавшие образованием и деловыми качествами. А в организации большого хозяйства существовала иерархия должностей, которая открывала возможность карьеры для проницательного и надежного раба. В надписях можно проследить множество таких карьер, начиная с должности камердинера или конюха в опочивальне, через должности мастера драгоценностей и гардероба, управляющего каретами или виноградниками, вплоть до высшего финансового [контроля](#)⁶³⁴.

В течение первого века та же система была перенесена в императорскую администрацию. В соответствии с осторожной политикой Августа, он скрывал свои огромные полномочия под спокойной внешностью обычного аристократа, а дела государства вели вольноотпущенники из его семьи. Он сурово карал любые излишества или предательство среди своих слуг.⁶³⁵ Тиберий не наделял их особой властью, пока его характер не начал портиться.⁶³⁶ При Калигуле, Клавдии и Нероне императорские вольноотпущенники достигли своего наибольшего расцвета. Каллист, Нарцисс и Паллас возвысились до уровня великих министров, а в правление Клавдия стали практически хозяевами мира. Они накопили огромные богатства, злоупотребляя своей властью и занимаясь торговлей гражданскими правами, местами и помилованиями. Поликлит, посланный в 61 г. н. э. для урегулирования проблем в Британии, путешествовал с огромным обозом и дал провинциям представление о высокомерии их подневольных хозяев.⁶³⁷ [pg 107] Гелий был оставлен для управления государством во время театральных путешествий Нерона и выставок его художественного мастерства в Греции.⁶³⁸ Гальба предал смерти двух великих вольноотпущенников времен правления Нерона, но сам попал под влияние других, таких же коррумпированных и высокомерных, и оказал почести по рангу печально известному Айцелусу.⁶³⁹

Любопытно, что Вителлий решил прервать правление вольноотпущенников, предоставив рыцарям должности в императорских канцеляриях - политика, которую, как говорят, рекомендовал [Меценат](#)⁶⁴⁰ и которой суждено было возобладать во II веке. Но изменения были очень неполными, и короткое трагическое правление Вителлия было опозорено возвышением на некоторое время его приспешника Азиатика, которого император возвел в высший ранг, затем продал в отряд странствующих гладиаторов и, наконец, снова вернул к свободе и благосклонности.⁶⁴¹ Политика династии Флавиев в отношении найма вольноотпущенников довольно двусмысленна. Веспасиана обвиняют в том, что он возвысил Ормуса, непорядочного представителя этого сословия, и назначил на доверенные места самых хищных агентов.⁶⁴² Но это, скорее всего, клевета кружка Нерона и Отониана, которые порочили своего завоевателя. При Домициане вольноотпущенники, Этеллус и Абасканти, занимали две должности великих секретарей. Но есть четкая запись, что Домициан распределял должности беспристрастно между вольноотпущенниками и рыцарями.⁶⁴³ После воцарения Траяна Плиний в своем Панегирике ликует по поводу падения вольноотпущенников с высшего поста.⁶⁴⁴ А вот Адриан, как говорят, добился своего избрания императором, тщательно культивируя благосклонность вольноотпущенников Траяна. Реорганизуя императорскую администрацию и основывая бюрократическую систему, которая была окончательно разработана Диоклетианом и Константином, Адриан практически ограничил занятие трех больших секретарей людьми всаднического звания. Среди его секретарей был историк Суэтоний.⁶⁴⁵ Антонин Пий жестоко подавлял людей подневольного происхождения в интересах чистого [pg 108] управления;⁶⁴⁶ но при Аврелии они на некоторое время вернули себе влияние, а при его бесславном сыне поднялись еще выше.

Положение вольноотпущенников в императорской администрации было отчасти, как мы уже видели, традицией аристократических семей. Император нанимал своих вольноотпущенников для написания депеш и управления финансами империи, как он использовал бы их для написания личных писем или управления своими частными поместьями. Но в ходе длительного конфликта между принцепсом и сенатом привлечение доверенных вольноотпущенников к имперским делам было также мерой политики. Она должна была научить дворян, что империей можно управлять и без их помощи.⁶⁴⁷ Доверие императора к своим скромным подчиненным также не было неоправданным. Восхваления великих вольноотпущенников у Сенеки и Стация, даже если они преувеличены, оставляют впечатление, что Полибий, Клавдий Этруск или Абасканти во многих отношениях были достойны своего высокого положения. Провинции в целом хорошо управлялись и были счастливы в те самые годы, когда в столице кипели заговоры и творились ужасы конфискации и резни. Это произошло в основном благодаря знаниям, такту и способностям крупных чиновников дворца. Несмотря на подневольное происхождение, они, должно быть, принадлежали к тому значительному классу образованных рабов, которые, наряду с разносторонностью и тактом эллинского Востока, приносили в свою работу также знания и литературные и языковые навыки, которые не были распространены среди римских рыцарей. Три императорских секретариата, а *rationibus*, а *libellis* и *ab epistulis*, охватывали огромную сферу управления, и обязанности этих великих министерств могли выполнять только люди, обладавшие большой работоспособностью, талантом и дипломатической ловкостью.⁶⁴⁸ Полибий, которому Сенека из своего изгнания в Сардинии написал утешительное письмо по поводу смерти брата, был преемником Каллиста на посту секретаря по прошениям в правление Клавдия, а также советником императора по наукам. Сенека превозносит достоинство, а также бремя своего великого положения, которое требует отречения от всех обычных удовольствий жизни.⁶⁴⁹ У человека нет времени предаваться частным печалям, который должен изучить и организовать для решения императора тысячи

обращений [pg 109] , поступающих со всех концов света. Однако этот занятой человек находил время для литературной работы, и его переводы с греческого восхваляются философом с энтузиазмом, ценность которого жестокость времени не позволяет нам оценить.⁶⁵⁰ Панегирик на Клавдия Этруска, составленный Статием, описывает еще более замечательную карьеру.⁶⁵¹ Клавдий Этрус умер в возрасте восьмидесяти лет в правление Домициана, занимая различные должности при десяти императорах,⁶⁵² шесть из которых умерли насильственной смертью. Это была странная романтическая жизнь, которой вряд ли можно найти параллель в самом демократическом обществе современности. Клавдий, раб из Смирны⁶⁵³ в семье Тиберия, был эмансипирован и получил повышение от этого императора. Он последовал за Калигулой в Галлию⁶⁵⁴ , поднялся на более высокий пост при Клавдии и, вероятно, в правление Нерона, после отставки Палласа, был назначен на ту финансовую должность, о всемирных заботах которой с помпой рассказывает биограф поэта⁶⁵⁵. Золото иберийских рудников, урожай Египта, шерсть тарентинских стад, жемчуг из глубин восточных морей, дань слоновой кости из Индии, все богатства, доставляемые в Рим каждым ветром, были переданы ему на хранение. Кроме того, он должен был распределять огромные доходы на содержание населения, на дороги и морские укрепления, на великолепие храмов и дворцов.⁶⁵⁶ Такие заботы оставляли место лишь для короткой дремоты и торопливых трапез; на удовольствия не оставалось ни минуты. Тем не менее Клавдий испытывал высшее удовлетворение от обладания огромной властью, и время от времени он приобщался к ее великолепию. Бедный раб из Гермуса получил место на "идумейском триумфе" Веспасиана, который был подготовлен его тихими трудами, и был возведен этим императором на рыцарские скамьи.⁶⁵⁷ Единственным препятствием на этом благополучном пути, похоже, было краткое изгнание на берега Кампании в правление Домициана.⁶⁵⁸

Абаскант⁶⁵⁹ , секретарь ab epistulis в царствование Домициана, также упоминается Статием. Этот великий пост, контролировавший императорскую переписку со всеми частями [pg 110] мира, в первом веке обычно занимали вольноотпущенники. Нарцисс, в правление Клавдия, впервые превратил ее в великое министерство.⁶⁶⁰ До правления Адриана депеши как на греческом, так и на латыни находились под единым руководством. Но в ходе реорганизации службы во II веке из-за усложнения дел было признано необходимым создать два отдела императорской корреспонденции.⁶⁶¹ С конца I века секретариат занимали люди высокого ранга. Титиний Капито, один из окружения Плиния, занимал эту должность при Домициане; Суетоний был назначен Адрианом.⁶⁶² А в эпоху Антонинов секретарями часто становились люди, обладавшие литературными достоинствами.⁶⁶³ На плечи Абасканта, вольноотпущенника-секретаря в Сильвеях, по словам поэта, легла вся тяжесть переписки с Востоком и Западом.⁶⁶⁴ Он получал лавровые депеши с Евфрата, Дуная и Рейна; он должен был следить за распределением военных чинов и команд. Он должен был быть в курсе тысячи вещей, влияющих на судьбы подвластных народов. И все же этот могущественный министр сохранил природную скромность при своем растущем состоянии. Его дом отличался трезвостью и бережливостью апулийского или сабинского дома.⁶⁶⁵ Однако он мог быть щедрым по зову любви или верности. Он устроил своей жене Присцилле почти царское погребение.⁶⁶⁶ Забальзамированное всеми специями и благовониями Востока, покрытое пурпуром, ее тело было перенесено в ее последний мраморный дом на Аппиевом пути.⁶⁶⁷

Некоторые из великих императорских вольноотпущенников обладали не столь выдающимся характером, как Клавдий Этрус и Абаскант, и имели более беспокойную карьеру. Каллист, Нарцисс и Паллас были глубоко вовлечены в интриги и преступления, связанные с историей Мессалины и Агриппины. Каллист участвовал в убийстве Калигулы и продлил его власть в

последующее царствование. Нарцисс раскрыл бесстыдный брак Мессалины с Силием и, предотвратив колебания Клавдия, безжалостно расправился с императорской блудницей, когда она лежала, скорчившись, в садах Лукулла.⁶⁶⁸ [pg 111] Но он навлек на себя вражду более грозной женщины, чем Мессалина, и его долгая грабительская карьера закончилась самоубийством.⁶⁶⁹ У Палласа была еще более долгая и успешная, но не менее позорная и трагическая карьера.⁶⁷⁰ Из всех великих вольноотпущенников, пожалуй, никто не приблизился к нему по великолепной наглости. Когда ему вместе с Бурром предъявили необоснованное обвинение в государственной измене, а в качестве свидетелей вызвали нескольких его вольноотпущенников, старый раб ответил, что никогда не унижал свой голос, выступая в такой компании.⁶⁷¹ Никогда, даже в те дни самоуничтожения, сенат не опускался так низко, как в своем раболепном почтении к этому подневольному министру. На заседании августейшего органа в 52 году консул Десигнат внес предложение, поддержанное Сципионом, о том, чтобы преторианские знаки отличия и сумма в 15 000 000 HS были предложены Палласу вместе с благодарностью государства за то, что потомок древних царей Аркадии думал не столько о своем знаменитом роде, сколько об общем благе, и согласился поступить на службу к [принцу](#)⁶⁷². Когда Клавдий сообщил, что его министр удовлетворен комплиментом и просит позволить ему остаться в прежней бедности, в память о старомодной бережливости обладателя 300 000 000 HS был установлен сенатский декрет, выгравированный на бронзе! Его богатство было нажито за время огромной власти в худшие дни Империи. Он был одним из любовников [Агриппины](#)⁶⁷³, и, когда после смерти Мессалины он сделал ее императрицей, два родственных духа некоторое время правили римским миром. Он угодил своей покровительнице, добившись усыновления Нерона Клавдием, и, вероятно, был соучастником убийства этого императора. Но его судьба была связана с судьбой Агриппины. Когда Нерон решил избавиться от тирании этой ужасной женщины, первым его шагом было удаление надменного вольноотпущенника из своих кабинетов.⁶⁷⁴ Паллас покинул дворец на втором году правления Нерона. Семь лет он жил безбедно. Но в конце концов его огромное богатство, ставшее пословицей, стало слишком соблазнительным для расточительного принца, и Паллас был тихо удален с помощью яда.⁶⁷⁵

[pg 112]

Богатство вольноотпущенников вошло в поговорку, а состояние Палласа и Нарцисса достигло такой величины, которую вряд ли когда-либо превзошли даже самые колоссальные сенаторские владения.⁶⁷⁶ О том, каким образом было нажито это богатство, может легко догадаться любой человек, знакомый с внутренней историей того времени. О том, как это происходило, можно прочесть в жизни Элагабала, чей вольноотпущенник Зотикус, сын повара в Смирне, скопил огромное богатство, взимая плату каждый раз, когда выходил из присутствия, за свои сообщения об угрозах, обещаниях или намерениях [императора](#)⁶⁷⁷. При управлении большими провинциями, при распределении бесчисленных доверенных мест, в хаосе многолетних дележей, конфискаций и резни, должно быть, существовали бесконечные возможности для самообогащения, не подвергаясь опасности открытого мошенничества. Стаций превозносит простые вкусы и бережливость своих героев Абасканта и Клавдия Этруска, но при этом описывает их, как расточающих деньги на бани, гробницы и погребальную пышность. Правда заключается в том, что по соображениям политики эти богатые пришельцы, которых никогда не любила ревнивая аристократия, должны были оправдывать свои огромные состояния пышным великолепием. Старший Плиний вспоминает о паровых банях Посидеса, вольноотпущенника Клавдия, и о тридцати колоннах из бесценного оникса, украшавших обеденный зал Каллиста.⁶⁷⁸ Бижуйская баня младшего Клавдия Этруска, похоже, была чудом дорогостоящей красоты. Купол, сквозь который на пол

лил яркий свет, был покрыт богатой мозаикой с сюжетами. Вода струилась из серебряных труб в серебряные бассейны, а каменоломни Нумидии и Синнады дарили мрамор разных цветов.⁶⁷⁹ Сады Энтелла с их пурпурными гроздьями, не поддающимися суровой зиме, показались Марциалу превосходящими легендарные сады Феакии.⁶⁸⁰ В пригороде, у Тибуртинского пути, возвышался вызывающий памятник Палласу с постановлением сената, вызвавший гневное презрение младшего Плиния.⁶⁸¹

Жизнь одного из этих имперских министров-рабов была странной романтической карьерой, которая, несомненно, редко повторялась в истории человеческих судеб. Разоблаченный и проданный [pg 113] в ранней юности на невольничьих рынках Смирны, Делоса или Путеоли, он после бесславного рабства становился конюхом в покоях, затем, в соответствии со своими способностями, становился хранителем драгоценностей или воспитателем императорского наследника. Еще более продвинутый, чтобы стать директором почты или занять место в финансовой службе, вольноотпущенник мог закончить тем, что получал рыцарское звание, должность прокуратора провинции или одно из тех великих министерств, которые ставили его во главе римского мира. Однако мы не должны обманывать себя относительно его реального положения.⁶⁸² До самого конца империи фикции, на которых во многом основывалась аристократическая власть, сохраняли свое очарование. В V веке сенат, чьи предки зачастую были выходцами из подневольного сословия, мог с презрением отзываться о евнухах-министрах Востока.⁶⁸³ А разлагающийся или парвеню сенат Флавиев, когда они могли свободно выражать свое мнение, испытывал лишь отвращение к правлению вольноотпущенников.⁶⁸⁴ Эти влиятельные, но низкородные чиновники - любопытный пример того, что часто наблюдалось в более поздние времена: прямого отказа или неохотной уступки социального статуса людям, обладающим огромной и значительной властью. Младший Плиний в своем панегирике Траяну превозносит предпочтение, оказанное новым режимом молодым людям из рода, а в своих письмах он выплескивает все долго сдерживаемое презрение своего ордена к вольноотпущенникам Клавдия. Даже императоры, которые свободно пользовались их услугами, остерегались возводить их в высокий социальный ранг. Вольноотпущенников почти никогда не принимали в ряды [сената](#)⁶⁸⁵; они редко присутствовали на его заседаниях, даже в то самое время, когда они управляли миром. Сакердотские и военные знаки отличия редко вручались кому-либо из них. Иногда их награждали знаками преторианского или квесторского ранга.⁶⁸⁶ Некоторые из них были возведены в рыцарское достоинство: Исцелус, Азиатикус, Ормус и Клавдий [Этруск](#)⁶⁸⁷; но многие отрывки из Марциала или Ювенала показывают, что обычное конное звание было в те дни весьма сомнительным отличием.⁶⁸⁸ Императоры, возвышаясь над всеми, могли не [pg 114] лично не желать возводить своих созданий в высший социальный класс.⁶⁸⁹ Но даже императоры в вопросах социальных предрассудков не были всесильны.

И все же людей, которые могли завоевать благосклонность Агриппины и Мессалины, не могли уничтожить самые ревностные социальные предрассудки. Римский сенат при случае готов был ластиться к Палласу или Нарциссу, жаловать им деньги и знаки отличия, не всегда отказывая им в дочерях для брака. В конфликте, который так часто наблюдается между кастовой гордостью и эффективной силой нового богатства, богатство и власть нередко одерживали верх. Лекс Юлия запрещал союз вольноотпущенников с дочерьми сенаторского дома.⁶⁹⁰ Тем не менее, мы знаем о нескольких таких браках в I веке. Жена вольноотпущенника Клавдия Этруска была сестрой консула, который занимал высокий пост в борьбе с даками.⁶⁹¹ Присцилла, жена Абасканта, еще одного министра подневольного происхождения, принадлежала к большой консульской семье Антистиев. Феликс, брат Палласа, последовательно женился на трех дамах царской крови, одна из которых была внучкой Клеопатры.⁶⁹²

Женщины этого сословия на протяжении многих поколений по-своему обладали властью, которая иногда соперничала с властью мужчин. Эти плебейские Аспасии - загадочный класс. Не занимая признанного социального положения, имея двойное пятно подневольного происхождения и более чем сомнительной морали, они часто были наделены многими прелестями и достижениями, обладая особой притягательностью для богемных литераторов. Их мораль была результатом неопределенного социального положения в сочетании с личной привлекательностью и образованием. Быть исключенным из хорошего общества в силу неблагородного происхождения, но при этом быть более чем равным ему по уровню культуры - опасное положение, особенно для женщин. Часто восточного происхождения, эти женщины были самыми яркими приверженцами культов и суеверий, которые хлынули в Рим с богатого Востока. Распутный характер и религиозный пыл легко сочетались в античности. И деми-монды тех дней были готовы страстно оплакивать Адониса и соблюдать все праздники Исиды или Иеговы, не [pg 115] побрезговав сделать храм местом для посвящения.⁶⁹³ История ранней империи, как было неточно сказано, не показывает царствования любовниц. Тем не менее некоторые из вольноотпущенниц оставили свой след на этой темной странице истории. Клавдий был рабом женщин, и две его любовницы помогли Нарциссу погубить Мессалину.⁶⁹⁴ Единственной женщиной, которую Нерон действительно любил, и которая любила его в ответ, была Акте, купленная на невольничьем рынке в Азии. Она пленила сердце императора в ранней юности и вызвала яростную ревность Агриппины, как позднее - справедливой и честолубивой Поппеи.⁶⁹⁵ Акте была верна его памяти даже после последней ужасной сцены в садах Фаона.⁶⁹⁶ Вместе с двумя его кормилицами презируемая вольноотпущенница охраняла его останки и положила последнего представителя его рода рядом с предками. Каэнис, любовница, утешавшая Веспасиана после смерти жены, не обладая ни молодостью, ни красотой, вполне отвечала вкусу буржуазного императора. Это был довольно убогий и прозаический союз. А Каэнис, как говорят, сколотил состояние и опорочил честное имя императора, занимаясь оптовой торговлей государственными секретами и назначениями.⁶⁹⁷ В последние годы нашего времени искусство Лукиана прославило совсем другую фигуру. Пантея, любовница Л. Вера, совершенно поразила воображение Лукиана, когда он увидел ее в Смирне, во время визита ее любовника на Восток.⁶⁹⁸ Лукиан изобразил ее тонко выточенную красоту и изящество форм, вспомнив лучшие черты великих шедевров Фидия, Праксителя и Каламиса, Евфранора, Полигнота и Апеллеса; Пантея сочетает их все. Она обладает голосом удивительной и мягкой сладости, который задерживается в ушах призрачной памятью. И душа ее была достойна такого прекрасного жилища. В своей любви к музыке и поэзии, в сочетании с мужественной силой интеллекта, способной решать самые высокие проблемы в политике или диалектике, она была достойной преемницей тех старших дочерей Ионии, чье [pg 116] очарование и сила привлекали Сократа или Перикла к их ногам.⁶⁹⁹ Окруженная роскошью и пышностью императорского ранга, связанная с очень недостойным любовником, Пантея никогда не теряла своей природной скромности и простой миловидности.

Великие вольноотпущенники, занимавшие высшие посты на императорской службе до времен Адриана с почти неоспоримой властью, интересны странной романтической карьерой некоторых из них. Но это очень исключительные случаи. В финансовых бюро, как выяснилось из надписей, все чиновники были в конном звании. С другой стороны, многие провинциальные прокураторы были вольноотпущенниками. А агенты частного фиска императора, похоже, почти всегда были из этого класса. Низшие классы гражданской службы были полны ими.⁷⁰⁰ Но для изучающего общество чиновника вольноотпущенники как класс не так интересны, как их собратья, которые в те же годы становились хозяевами торгового и коммерческого капитала римского мира. И интерес этот усиливается благодаря

яркому искусству, с которым Петроний вводит нас в самое сердце этого довольно вульгарного общества. Сатирикон - это в какой-то степени карикатура. Среди вольноотпущенников было множество скромных, достойных людей, о которых сохранились лишь две-три строчки на погребальной плите. Однако в карикатуре должна быть доля правды, и внимательный читатель может обнаружить истину под шутливым преувеличением Петрония.

Переход от статуса раба к статусу вольноотпущенника был, возможно, не таким резким и заметным, как кажется на первый взгляд. Вероятно, многие рабы, принадлежавшие к лучшему и более разумному классу, не находили практических изменений в характере своей жизни, когда получали прикосновение жезла перед претором. Некоторые, как Мелисс, свободнорожденный раб Мецената, вообще отказались от предложенного блага.⁷⁰¹ Конечно, во многих римских семьях было много жестокости по отношению к рабам, и абсолютная власть хозяина, не сдерживаемая принципами или добрыми чувствами, была неистребимым проклятием, пока ее не ограничило гуманное законодательство второго века.⁷⁰² Но, должно быть, было много домов, подобных дому младшего Плиния, где к рабам относились, по выражению Сенеки [pg 117], как к скромным друзьям и настоящим членам семьи, где их браки праздновались с общим [весельем](#)⁷⁰³, где за их болезнями нежно следили, а в случае смерти искренне оплакивали. Надписи открывают нам лучшую сторону жизни рабов, которая не так заметна в наших литературных источниках. Есть множество надписей, повествующих о любви и верности мужа и жены раба, хотя и не под этими почетными именами. И очень важно, что на многих из этих табличек почетный титул *conjunx* занимает место старого подневольного *contubernalis*. Надписи, свидетельствующие о взаимной любви хозяина и слуги, не менее многочисленны. В одной из них хозяин говорит о четырехлетнем ребенке-рабе, который был дорог ему как сын.⁷⁰⁴ Другая содержит памятник ученой даме, воздвигнутый ее рабом-библиотекарем.⁷⁰⁵ В другой записана любовь молодого благородного к своей кормилице,⁷⁰⁶ а еще одна - это патетическая дань кормилицы своему юному подопечному, который умер в пятилетнем возрасте. Все городские домохозяева другой большой семьи из своих скромных сбережений вносят пожертвования на ласковую память о своей молодой госпоже.⁷⁰⁷ Сенека в своем гуманном тоне по отношению к рабству представляет великое нравственное движение, которому суждено было выразить себя в законодательстве при Антонинах. И в той энергии, с которой Сенека осуждает грубое или пренебрежительное отношение к этим смиренным иждивенцам, очевидно, заключалась сила неуклонно растущих настроений. Хозяин, злоупотребляющий своей властью, уже начинал становиться заметным [человеком](#)⁷⁰⁸.

Частые манумиссии приводили к тому, что класс вольноотпущенников разрастался до огромных размеров. Освобождение рабов по завещанию умирающего не было тогда, конечно, вдохновлено теми же религиозными мотивами, что и в Средние века. Но часто это было продиктовано естественным человеческим желанием хоть как-то воздать по заслугам верным слугам и оставить после себя память о доброте. Но если бы не добровольная щедрость хозяина, раб мог бы легко купить себе свободу. Цена на рабов варьировалась в широких пределах, в зависимости от их особых способностей и класса службы. В редких случаях она могла составлять от 1700 фунтов стерлингов до 10 фунтов или даже меньше в наших деньгах.⁷⁰⁹ Но если взять среднюю цену [pg 118] обычных рабов, то осторожный и бережливый человек мог иногда сэкономить стоимость своей свободы за несколько лет. У раба, особенно если он обладал каким-либо особым даром или занимал видное положение в семье, было много шансов пополнить свой пекулий. Но и самый простой труженик мог выкроить что-то из дневной нормы еды.⁷¹⁰ Другие, как повара у Апулея, могли продать свои привилегии из остатков пира.⁷¹¹ Привратники - класс, известный своей наглостью во

времена Марциала,⁷¹² - часто взимали большую пошлину за вход в присутствие своего господина. И добродушные посетители не уходили, не оставив подарка тем, кто оказал им услугу. Следует также помнить, что рабовладельческий строй древности во многом повторял современную промышленную организацию. Большое хозяйство или большое поместье было почти полным обществом. И умным рабам часто поручалось полное управление определенными отделами.⁷¹³ В больших сельских владениях были свои каменоломни, кирпичные заводы и шахты; и всевозможные производства велись подневольным трудом, с рабами или вольноотпущенниками в качестве управляющих. Купец, банкир, подрядчик, издатель должны были использовать не только рабский труд, но и рабское мастерство и надзор.⁷¹⁴ Большое хозяйство должно было быть организовано под руководством вождей. А в сельских поместьях, вплоть до конца Западной империи, виллис или прокуратор почти всегда был человеком подневольного происхождения.⁷¹⁵ В этих различных качествах доверенный раб часто был практически партнером, с долей прибыли или с комиссионными от доходов. Такой удачливый раб, накапливая свой пекулий, мог вскоре стать капиталистом на свой собственный счет и вполне мог, если захочет, приобрести свободу. Его пекулий, как и пекулий сына в *manu patris*, конечно же, по закону являлся собственностью его хозяина. Но залог пекулия был гарантией хорошей службы.⁷¹⁶ Таким образом, полезный и любимый раб часто легко становился вольноотпущенником, иногда путем покупки, или, как часто случалось в случае со слугами императорского дома, путем бесплатного дара [pg 119] господину. Известны даже случаи, когда раб оставался наследником имущества своего господина. Трималхион хвастался, что его хозяин сделал его совместным наследником с императором.⁷¹⁷

Связь между покровителем и вольноотпущенником была очень тесной. Освобожденный раб часто становился доверенным фаворитом и даже другом семьи, и его господин был обязан обеспечить его будущее. Вольноотпущенник часто оставался в семье, и, вероятно, его положение практически не менялось. Его покровитель был обязан ему, по крайней мере, содержать и давать кров. Но часто он давал ему, кроме того, средства для независимой жизни, ферму, лавку или капитал для начала какого-нибудь ремесла.⁷¹⁸ Во времена Овидия вольноотпущенник Аврелия Котты не раз получал от своего покровителя состояние рыцаря, а также достаточное обеспечение для своих детей.⁷¹⁹ Подобный акт щедрости, которым безрассудно злоупотребляли, зафиксирован Марциалом.⁷²⁰ По древнему закону, как и по чувствам, сенаторам запрещалось осквернять себя торговлей или ростовщичеством.⁷²¹ Но столь неудобный запрет непременно обходили. И, вероятно, самым частым способом уклонения было вверение сенаторского капитала вольноотпущенникам или клиентам, или даже высшему классу рабов.⁷²² Когда Трималхион начал подниматься по социальной лестнице, он отказался от торговли и использовал свой капитал для финансирования людей из класса вольноотпущенников.⁷²³ Эти люди, как правило, левантийского происхождения, обладали способностью к коммерции, которая во все времена была характерна для их расы. А во времена империи почти вся торговля и промышленность находилась в их руках. Рассказ Петрония раскрывает секрет их успеха. Они ценят деньги превыше всего, они - единственная цель их жизни. Они откровенно оценивают ценность человека и его характер в денежном эквиваленте.⁷²⁴ Проворные, энергичные и беспринципные, они "зубами выковыривают фартинг из навозной кучи"; "в их руках свинец превращается в золото".⁷²⁵ Они полностью разделяют мнение Веспасиана о том, что золото из любого квартала, каким бы неприглядным оно ни было, "никогда не пахнет". Принимая мир таким, каким он был, во многих отношениях они заслуживали успеха. Они не были обременены достоинством или самоуважением. У них [pg 120] была одна цель, и они стремились к ней с бесконечным упорством, неизменным мужеством и уверенностью в себе. Ничто их не пугало и не смущало. Если в шторм погибает торговый флот, стоящий огромного состояния, вольноотпущенник-

спекулянт тут же продает одежду и драгоценности своей жены и бодро приступает к новому предприятию.⁷²⁶ Когда его великая цель достигнута, он наслаждается ее плодами после себе подобных во все века. Исключенные из большого мира наследственной культуры, эти люди карикатурно изображают ее вкусы и подражают всем ее порокам, не улавливая даже отблеска ее очарования и утонченности. Эгоизм рассеянного дворянина может быть достаточно плохим, но иногда он прикрывается небрежным изяществом или случайным почтением к высоким традициям. Эгоизм и грубость выскочки обнажены и не стыдятся, или, можно сказать, превозносят свой позор. Его роскошь - это безвкусная попытка соперничать с великолепием аристократических банкетов. Резчик и официант выполняют свои обязанности в такт оглушительной музыке. Искусство и литература поставлены на службу этому вульгарному параду нового богатства, а божественный Гомер осквернен человеком, который думает, что Ганнибал сражался в Троянской войне.⁷²⁷ Разговор ведется в истинно буржуазном тоне, со всеми его акцентами на очевидном, с его бесцеремонным морализаторством, с его банальностями, освященными их древностью.

Именно это общество нарисовано для нас Петронием с такой уверенной, мастерской рукой и с такой изящной легкостью. Известно, что "Сатирикон" - одна из величайших загадок и тайн римской литературы. Ученые придерживаются самых разных мнений относительно его даты, автора и цели. Место действия относят то к правлению Августа, то к правлению Тиберия, а на основании неверно истолкованной надписи - даже к правлению Александра Севера.⁷²⁸ Те, кто приписывает его другу и жертве Нерона, сталкиваются с молчанием Квинтилиана, Ювенала и Марциала, с молчанием Тацита относительно какого-либо литературного произведения Петрония, характер и конец которого он описывает с удивительным сочувствием и заботой.⁷²⁹ Только поздние критики низшей империи, такие как [Макробий](#)⁷³⁰, и аристократ-дилетант Сидоний [Аполлинарий](#)⁷³¹, обращают внимание на это [pg 121] заметное произведение гения. А Сидоний, похоже, делает его автора гражданином Марселя.⁷³² Однако молчание в таких случаях может быть очень обманчивым. Марциал и Стаций никогда не упоминают друг друга, и оба могут показаться Тациту неизвестными. И Тацит, следуя моде римского аристократа, рисуя характер Петрония, возможно, не счел нужным или важным обратить внимание на такое легкое произведение, как "Сатирикон", даже если он его когда-либо видел. Он не считает нужным упоминать истории императора Клавдия, трагедии Сенеки или "Пунику" Силия Италика.⁷³³ Тацит, как и Фукидид, слишком сильно поглощен социальной трагедией своего времени, чтобы уделять внимание ее художественным усилиям. Довольно поверхностный и покладистый Плиний рассказал нам гораздо больше о жизни общества в царствование Домициана и Траяна, о его сельских удовольствиях и тщетных литературных амбициях, чем великий, мрачный историк, поглощенный перипетиями смертельной дуэли между сенатом и императорами. Одно можно сказать с уверенностью об авторе этого знаменитого произведения - он не был городским плебеем, хотя можно сомневаться, что М. Буассье уверен в том, что такой писатель не выбрал бы полем для своего воображения свою собственную среду Субурры.⁷³⁴ Свет на социальный статус автора безопаснее искать в тоне его произведения. "Сатирикон" - это явно произведение культурного аристократа, который с безмятежным и веселым презрением взирает на вульгарный буржуазный мир, который он рисует. Он заинтересован в нем, но это интерес отстраненного, художественного наблюдателя, чей собственный мир очень далек от него. Энколпий, Тримальchio и его грубые друзья-вольноотпущенники - люди, с которыми автор никогда бы не стал обедать, но которые, находясь на безопасном социальном расстоянии, казались ему не только отвратительными, но и бесконечно забавными. Он видел, что на его глазах происходит великая социальная революция, что старый раб, владеющий поместьями на трех континентах, становится соперником знатного вельможи в богатстве, что новый класс представляет миру вульгарную карикатуру на роскошь дворцов

на Эсквилине. Вероятно, он думал, что все это плохо,⁷³⁵ но плохое [pg 122] становилось еще хуже, когда оно было грубым и вульгарным. Невежественное предположение о литературном и художественном вкусе Трималхиона, должно быть, контрастировало в сознании автора со многими вечерами во дворце, когда Нерон, в лучших своих настроениях, читал свои далеко не презренные стихи или любимые отрывки из Еврипида, и когда новый стиль Лукана сопоставлялся со стилем великих старых мастеров.⁷³⁶ И человеку, очарованному пружинистой грацией величественной и очаровательной Поппеи, можно простить жесткое презрение к Фортунате, которая посреди ужина убегает считать серебро и раздавать рабам остатки, а возвращается, чтобы напиться и подраться с одним из [гостей](#)⁷³⁷.

Мотив произведения вызывает много споров. Считается, что это сатира на нероновский круг, а также попытка удовлетворить его, раскрыв развращенность плебейского мира, - тот же самый импульс, который побуждал Мессалину посещать бордель, а Нерона - бродить по тавернам в полночь.⁷³⁸ Считается, что это сатира на наглость и грубость Палласа и вольноотпущенников Клавдиева режима, которых Нерон ненавидел, чтобы развлечь его всеми их вульгарными нелепостями. Не может ли быть так, что писатель просто доставлял удовольствие самому себе, что он просто следовал импульсу гения? С седьмого века это произведение сохранилось лишь во фрагментах.⁷³⁹ Кто может сказать, насколько утраченные фрагменты, если бы мы ими обладали, могли бы повлиять на наше суждение о цели произведения? Одно можно сказать наверняка: его автор был очень сложным человеком и, вероятно, улыбнулся бы некоторым неуклюжим попыткам прочесть его тайну. Даже если у него и не было высоких целей, усталый от удовольствий человек, возможно, хотел показать в самой грубой и вульгарной форме жизнь, от которой он вкусил удовольствия и которую видел превращающейся в плод Мертвого моря. Он, вероятно, был плохим человеком в своем поведении, еще хуже - в своем воображении; и все же, по странному противоречию, не беспримерному в истории характера, у него могли быть мечты об утонченной чистоте и воздержанности, которые мучили и озлобляли его своим контрастом с реальной жизнью.

[pg 123]

Из дыма споров, похоже, вырисовывается вывод, что "Сатирикон" - произведение времен правления Нерона, и что его автором, по всей вероятности, был Кай Петроний, который был близким спутником Нерона и пал жертвой ревности Тигеллина. Не менее убедительным доказательством этого является литературная критика произведения. Хорошо известно, что Лукан, принадлежавший к испанскому роду сенек, отбросил многие условности римской литературы и отбросил механизм эпической мифологии в своих "Фарсалиях". Он также вызвал литературную ревность Нерона. Нападки в "Сатириконе" на литературные отклонения Лукана вряд ли могут быть ошибочными. Для защиты традиций прошлого вводится старый поэт Эвмолп. И он в 285 стихах не очень удачно демонстрирует, как следовало бы трактовать эту тему, со всеми декорациями и механизмами ортодоксального эпоса.⁷⁴⁰ Этот образец консервативного вкуса - наименее радостная часть произведения.

Подобные свидетельства подкрепляются гармонией всего тона "Сатирикона" с четким характером Петрония у Тацита. Очевидно, в этом человеке было необыкновенное очарование, которое, несмотря на его расточительную, самовлюбленную жизнь, остро ощущал суровый историк. Петроний был способен на великие дела, но в эпоху дикой разнузданности он сознательно посвятил свой блестящий талант превращению чувственности в изящное искусство. Подобно Отто, принадлежавшему к тому же кругу, он

показал, будучи консулом и управляя Вифинией, что человек удовольствий может быть равен великим делам.⁷⁴¹ После этого единственного отступления от схемы сладострастника он вернулся к своим удовольствиям и стал арбитром во всех вопросах чувственного вкуса, чье решение не подлежало обжалованию. Его возвышение над императором навлекло на него смертельную вражду Тигеллина. Петроний был обречен. Это было время, когда даже форма справедливости не могла скрыть капризы тирании, и Петроний решил не терпеть долгое ожидание, когда вопрос был решен. Он отправился в [pg 124] Кумы, чтобы посетить императора. Там его остановили. Он удалился в свои покои, где ему попеременно вскрывали и вправляли вены, тем временем беседуя с друзьями или слушая легкие стихи, а не, как тогда было принято, ища утешения у стоического руководителя по вопросам жизни и смерти. Одних рабов он награждал, других порол у себя на глазах. После пира он спокойно погрузился в свой последний сон. В его завещании не было ни одного из тех малодушных поклонов, которыми жертва часто пыталась спасти своих наследников от императорского хищничества. Он разбил свою самую драгоценную мирриновую вазу, чтобы она не попала в сокровищницу Нерона.⁷⁴² Его единственным завещанием императору был жгучий каталог его тайных и безымянных грехов.⁷⁴³

Сатирикон в том виде, в котором он дошел до нас, представляет собой лишь фрагмент, содержащий части двух книг из шестнадцати. Он полон юмористических преувеличений и дикого аристофановского веселья, а также местами очень тонкой и изысканной обрисовки характеров. Но, за исключением знаменитого ужина Трималхиона, в ней мало признаков планомерного построения или тесной фактуры сюжета и происшествий. Даже если бы у нас было целое, было бы трудно расшифровать его мотив или раскрыть тайну характера автора. Мы можем лишь быть уверены, что он был человеком гениальным и интересовался интеллектуальными занятиями и тенденциями своего времени, а также его пороками и безрассудствами. Возможно, мы можем предположить, что он был одновременно извращен и разочарован, попеременно очарован и отвращен поклонением плоти и ее похотями в то злое время. Он не лишен, как иногда говорят, нравственного чувства. Время от времени он демонстрирует отблеск более благородного чувства, ощущение *lacrimae rerum*, как в том отрывке, где труп потерпевшего кораблекрушение Лихаса выбрасывает на берег. "Где-то жена спокойно ждет его, или отец, или сын, не думая о буре; кто-то, кого он поцеловал, уходя. Он изучал счета своих владений, он представлял себе день своего возвращения в родной дом. А теперь он лежит, о боги, как далеко от цели своих надежд. Но не только море насмехается над надеждами людей. Если хорошо посчитать, повсюду [pg 125] кораблекрушения."⁷⁴⁴ В отрывке об упадке изящных искусств также есть любопытная нотка презрения к собственной эпохе. На данный момент тон почти такой же, как у Рёскина. Слава золотого века искусства была результатом простой добродетели. Век, подобный нероновскому, век, преданный вину и блуду, мечтающий лишь о том, чтобы заработать деньги любым гнусным способом, не может даже оценить то, что оставили после себя великие мастера, не говоря уже о том, чтобы самому создать что-либо достойное. Даже богам Капитолия теперь воздают почести подношением грубых слитков, а не шедеврами Фидия или Апеллеса. А раса, которая их создала, теперь для нас - так, глупые греки⁷⁴⁵.

Однако бок о бок с подобными отрывками встречаются описания ненормальной развращенности, настолько грубо реалистичные, что часто предполагается, и небезосновательно, что писатель бунтовал в грязи. Однако следует помнить, что в древней романтике существовала традиция безнравственности,⁷⁴⁶ и Петроний, если бы он захотел это сделать, мог бы принести такое же извинение, как и Марциал, что он предоставил то, что требовали его читатели.⁷⁴⁷ То, что Петроний был глубоко испорчен, слишком вероятно, судя по его ассоциациям, хотя Тацит подразумевает, что он был скорее привередливым

сластолюбцем, чем грубым развратником. И все же у чувственного человека интеллектуального диапазона Петрония могли иногда возникать видения лучшего мира, чем тот, в который он погрузился. Разве не возможно, что элегантный пустячок иногда презирал себя, как презирал свое время? Возможно ли, что вместе с другими иллюзиями он расставался с иллюзиями порока и в "нероновских ночах" видел гадюку среди роз? Он написал одну из самых острых сатир на пошлость богатства, его нелепое жеманство, его тщеславие, его грубость. Не хотел ли он также, не морализируя в манере, которую презирал бы столь культурный пустяк, показать пропасть, к которой спешило общество, лишенное всех тонких страстей духа? В наполовину комической, наполовину жуткой сцене, где Тримальчио в порыве сентиментальности [pg 126] укладывает себя умирать, а рога выкрикивают его похоронные причитания, мы, кажется, слышим вопль общества, которое было рабом золота и грубых удовольствий и, казалось, разлагалось перед смертью.

Но вряд ли стоит говорить, что преобладающая нота "Сатирикона" - не меланхолия. Автор очень забавляется своей темой, и произведение полно самого буйного веселья и юмора. Формально он принадлежит к той смеси прозы и стихов, которую Варро ввел в римскую литературу по образцу Мениппа Гадаринского.⁷⁴⁸ В нем содержатся рассуждения о литературных тенденциях того времени в поэзии и ораторском искусстве, анекдоты и несерьезные разговоры. Но Петроний придал старому "Сатуру" новый характер, скорее в манере греческого романа. Вероятно, в полном произведении не было регулярного сюжета, не было центрального мотива, такого как гнев [Приапа](#)⁷⁴⁹, который бы связывал его воедино. Однако есть определенная связь в повествовании о живых и часто сомнительных приключениях, через которые Петроний проводит своих весьма неблагоприятных персонажей. В этой жизни и движении, в этом человеческом интересе "Сатирикон" - далекий предок Гиль Бласа, Родерика Рэндома и Тома Джонса.

Место действия предыдущей части, давно утраченной, возможно, находилось в Массилии.⁷⁵⁰ В двух книгах, частично сохранившихся до нас, оно находится в южной Италии, в Кумах или Кротоне, в тех греческих городах, где было много греческих пороков, но не было греческой утонченности.⁷⁵¹ Три незнакомца, о приключениях которых идет речь, - Энкельпий, Аскилт и Гитон, если судить по их именам, - тоже греки, с литературной культурой своего времени и глубоко запятнанные его худшими пороками. В начале нашего фрагмента Энколпий, нищий, странствующий софист, рассуждает в портике об упадке ораторского искусства.⁷⁵² Он выражает то, что, вероятно, было собственным мнением Петрония, как и Тацита,⁷⁵³ относительно дурного влияния школьной декламации на затхлые или легкомысленные темы. Его встречает [pg 127] соперничающий лектор, Агамемнон, который от имени несчастных учителей этой обычной риторики утверждает, что вина лежит не на них, а на родителях и публике - то же самое оправдание, которое Платон задолго до этого приводил в оправдание злобного софиста пятого века до нашей эры⁷⁵⁴. Но Энколпий и его спутники, несмотря на эти литературные интересы, - самые отъявленные авантюристы, образованные, но безнадежно развращенные. Они даже больше чувствуют себя дома в вонючих трущобах, чем в лекционном зале. Энколпий повинен в убийствах, кражах, соблазнении. Партия попеременно грабит и грабит. Они то буйствуют в немыслимых излишествах, то терзаются ревностью и страданиями убогого порока. Только те, кто неравнодушен к порнографии, захотят последовать за ними по этим темным тропам. Доведенные до последней нищеты, они приглашены отобедать за гостеприимным столом Тримальчио, и это для нас самый интересный момент в их приключениях. Но, покинув залы богатого вольноотпущенника, они вновь попадают в сцены, куда современное перо не рискнет заглянуть. Однако вскоре после этого Энколпий оказывается в картинной галерее, где обсуждает судьбы литературы и искусства с [Эвмолпом](#)⁷⁵⁵, заядлым поэтом, таким же

порочным, как и он сам. Вскоре они оказываются на корабле у южного побережья Италии. Они терпят кораблекрушение, и их выбрасывает на берег во время бури недалеко от города Кротон.⁷⁵⁶ Дружелюбный крестьянин сообщает им, что если они честные купцы, то это не место для их ремесла. Но если они принадлежат к более знатному миру интриг, то могут сколотить себе состояние. Это общество, которое не заботится ни о букве, ни о добродетели, а думает только о незаслуженной выгоде. Здесь есть только два класса: обманщики и их жертвы. Дети - дорогая роскошь, ведь только бездетные получают приглашение или какое-либо внимание со стороны общества. Это похоже на город, опустошенный чумой; остались только трупы и стервятники.⁷⁵⁷ Авантюристы решают воспользоваться редкой возможностью; они переломят судьбу хищных птиц общества. Нищий поэт легко превращается в миллионера с огромными владениями в Африке.⁷⁵⁸ Часть его богатства была поглощена [pg 128] бурей, но солидная сумма в HS.300,000,000 и многое другое все еще остается. Кроме того, у него кашель и другие признаки слабости. Как свидетельствуют данные нашей биржи, нет более идиотского человека, чем жаждущий получить незаработанное состояние. Несчастные глупцы стекались вокруг Эвмолпа, впитывая каждый свежий слух о его завещании. Его заваливали подарками⁷⁵⁹; знатные дамы легко предлагали свою добродетель и даже детей.⁷⁶⁰ Тем временем он, или Петроний, играет с их глупостью или мучает их алчностью. В одном из его многочисленных завещаний наследникам мнимого Креза предписывается не прикасаться к добыче, пока они не пожрут его останки на глазах у всего народа.⁷⁶¹ Рассказы о варварских племенах у Геродота, воспоминания об осаде Сагунтума и Нумантии с жестокой иронией обосновывают разумность этого требования. "Закрой глаза, - призывает циник, - и представь, что вместо того, чтобы пожирать человеческую плоть, ты глотаешь миллион денег". Петроний мог быть как очень жестоким, так и очень изысканным в своей язвительности. Сочетание глупости и жадности охотников за удачей всех времен, пожалуй, лучше всего отвечает такой жестокостью презрения.

По-настоящему интересной частью их приключения является обед в доме Тримальхиона, богатого вольноотпущенника, на который были приглашены эти негодяи. Тримальхион, вероятно, во многих чертах срисован с натуры, но изображение его самого, его жены и его приближенных - гениальное произведение, достойное Филдинга, Смоллетта или Ле Сажа. Петроний, очевидно, наслаждался своей работой, и, несмотря на свое презрение к вульгарному честолюбию, грубости и простонародности класса Тримальхиона, ему нравится в Тримальхионе некая простота и честная доброта. Вольноотпущенник рассказывает о своей карьере⁷⁶² без утайки и с некоторой гордостью за добродетель и бережливость, которые, по его меркам, сделали его тем, кем он является. Он также превозносит свою проницательность и деловые способности. Его девизом всегда было: "Ты стоишь только того, что имеешь". "Покупай дешево и продавай дорого". Приехав маленьким мальчиком-рабом из Азии, вероятно, в царствование Августа⁷⁶³ [pg 129], он стал любимцем своего хозяина и даже больше, чем любимцем своей госпожи. В конце концов он стал настоящим хозяином дома, а после смерти своего покровителя был оставлен наследником его имущества вместе с императором. Но его амбиции не ограничивались даже таким состоянием. Он стал судовладельцем огромного масштаба. Потеряв четверть миллиона во время одного шторма, он сразу же принялся строить все новые и новые корабли. Деньги текли рекой, все его предприятия процветали. Он купил поместья в Италии, Сицилии и Африке. Некоторые из своих приобретений он никогда не видел.⁷⁶⁴ Он построил себе величественный дом с мраморными портиками, четыремя большими банкетными залами и двадцатью спальными комнатами.⁷⁶⁵ На его землях производилось все для удовлетворения человеческих потребностей. Он был человеком безграничной предприимчивости. Он улучшил породу своих стад, импортировав баранов из Тарентума. В его ульях были пчелы из Гиметтуса. Он

посылал в Индию за грибами.⁷⁶⁶ Регулярно выходил бюллетень, полный статистики и всех ежедневных происшествий в его владениях;⁷⁶⁷ число рождений и смертей рабов; раб, распятый за хулу на гений хозяина; пожар в доме судебного исполнителя; развод жены сторожа, уличенной в прелюбодеянии с банщиком; сумма в 100 000 HS, внесенная в сундук и ожидающая вложения - вот некоторые из новостей. Тримальхион, носящий теперь, по моде своего класса, доброе римское имя Кая Помпея, возвысился до звания севира Августалиса в своей [муниципии](#)⁷⁶⁸; он один из передовых людей в ней, с непомерным чувством достоинства богатства и с нелепым налетом художественной и литературной культуры, который он демонстрирует с восхитительным бессознательным пониманием своих промахов.

Когда странствующие искатели приключений приходят к [ужину](#)⁷⁶⁹, они застают лысого старика в красной тунике, играющего в мяч, с евнухами в сопровождении. Пока его натирают благовониями в бане, слуги освежаются старым фалернским напитком. Затем, за ним следуют четверо богато одетых бегунов и, закутав его в алую мантию, несут в седане к дому вместе с его уродливым прислужником. На стене вестибюля, куда вы входили, висели фрески, одна из которых изображала молодого Тримальхиона под предводительством [pg 130] Минервы, въезжающего в Рим, с другими яркими событиями его прославленной карьеры, в то время как Фортуна опустошает свой текущий рог, а судьбы прядут золотую нить его судьбы.⁷⁷⁰ Начинается банкет; александрийские мальчики приносят ледяную воду и деликатно ухаживают за ногами гостей, напевая при этом.⁷⁷¹ Действительно, вся служба сопровождается пением и звоном инструментов. Под оглушительный шум музыки хозяина, наконец, вносят на подушках, его обнаженная бритая голова торчит из алого плаща, на шее - шаль, с каждой стороны ниспадающие перстни; руки унижены кольцами.⁷⁷² Не будучи до конца готовым к ужину, он, любезно извинившись, играет в шашки, пока не почувствует желание поесть; фигуры на теребинтиновой доске - это, соответственно такому игроку, золотые и серебряные монеты.⁷⁷³ Ужин представляет собой длинную серию сюрпризов, художественной изобретательностью которых Тримальхио очень гордится. Одно из блюд представляет собой двенадцать знаков Зодиака, о судьбоносном значении которых хозяин долго рассказывает.⁷⁷⁴ Другое блюдо - большой кабан, с бивнями которого свисают корзины со сладостями. Огромный бородатый охотник проткнул ему бока охотничьим ножом, и тут же из раны вылетела стая дроздов, которых ловко ловили в сети, пока они летали по комнате.⁷⁷⁵ Под конец трапезы гостей напугали странные звуки под потолком и дрожь по всей квартире. Когда они подняли глаза, потолок внезапно открылся, и на него опустился большой круглый поднос с фигурой Приапа, на котором лежали всевозможные фрукты и сладости.⁷⁷⁶ Можно легко предположить, что в такой обстановке не скупилась на вино. Огромные флаконы, обмазанные гипсом, вносили на плечах, каждый с этикеткой, свидетельствующей о том, что это великий фалернский виноград Опимия, столетней выдержки.⁷⁷⁷ Когда вино появилось, радушный хозяин с восхитительной откровенностью заметил: "Вчера я не дал такого хорошего вина, хотя у меня была более знатная компания!"

Развлечения на банкете были столь же разнообразны, а некоторые из них столь же грубы и фантастичны, как и блюда. Это грубые [pg 131] и безвкусные преувеличения господствующей моды. В литературный век человек, занимающий положение Тримальчио, должен обладать некоторыми познаниями в литературе и искусстве. Он представляет собой смехотворный пример догматизма претенциозного невежества во все века. У него есть греческая и латинская [библиотека](#)⁷⁷⁸, и он притворяется, что когда-то читал Гомера, хотя его воспоминания довольно путаны. Например, он заставляет Дедала заткнуть Ниобу в троянского коня; Ифигения становится женой Ахилла; Елена - сестрой Диомеда и Ганимеда.⁷⁷⁹ Одно из самых изысканных развлечений - представление сцен из гомеровских поэм, которые Тримальхион сопровождает чтением звучным голосом из латинской

версии.780 Он сам является автором, и его стихи читает мальчик, олицетворяющий бога Вакха.781 Как знаток тарелок он не уступит никому,782 хотя лукаво признается, что его "настоящие коринфские" получили свое название от торговца Коринфа. Металл был получен из сплава бронзы, золота и серебра, который Ганнибал бросил в пламя захваченной Трои. Но самый настоящий вкус Трималхиона, как он наивно признается, - это акробатические подвиги и громкие звуки рога. И вот труппа канатных плясунов утомляет гостей своими однообразными представлениями.783 На другой вкус предоставлены леденящие кровь рассказы о волке-оборотне и трупах, унесенных ведьмами.784 Низкий александрийский товар подражает нотам соловья, а другой, очевидно, еврейского происхождения, столь же низкий, в мучительных диссонирующих тонах изрекает отрывки из "Энеиды", оскверненные для ученых ушей смесью ателланских стихов.785 Трималхион, которому не терпелось, чтобы его жена продемонстрировала свои старые способности танцевать канкан, собирается продемонстрировать и свои собственные дарования в пантомимической линии786, когда проникательная дама шепотом предупреждает его о необходимости сохранять достоинство. Насколько она сохранила свое собственное, мы увидим далее.

[pg 132]

Компания на этом странном празднике была достойна своего хозяина. И Петроний превзошел самого себя в описании этих братьев-вольноотпущенников, взирающих на Трималхиона как на славу своего ордена и дающих волю своему недоброму юмору, своему оптимизму или своим бессодержательным моралям в беседе с хитрым наблюдателем, который сообщает об их разговоре. Все они - старые рабы, как и их хозяин, люди, которые "сделали свою кучу" или потеряли ее. Они оценивают себя и своих соседей просто по количеству денег.787 Единственная способность, которую они могут понять, - это способность "выгребать деньги из навозной кучи" и "превращать свинец в золото".788 Эти грубые и бесконечно глупые люди не имеют даже тех немногих спасительных черт, которые есть в характере Трималхиона. В конце концов, у него есть благородное, хотя и тщетное, стремление быть остроумцем, знатоком, покровителем учености. Его роскошь достаточно груба, но он тщетно пытается искупить ее некоторой изобретательностью, перемежая простую животную пищу отблесками или, как мы можем думать, слабыми и искаженными отражениями того великого мира, о котором он слышал, но в порталы которого он никогда не мог войти. Но его компания состоит из простой глины. Трималхион порой достаточно груб, но по сравнению со своими гостями он кажется почти терпимым. И их тупая подлость тем мучительнее для современного читателя, что это вечный тип. Сосед греческого наблюдателя предупреждает его, чтобы он не презирал свою компанию789; они "теплые" люди. Тот, в конце дивана, который начинал носильщиком, имеет свой HS.800,000. Другой, гробовщик, пережил славные дни, когда вино текло реками790, но ему пришлось вступить в союз с кредиторами, и он их ловко обманул. Некий Селевк, чье имя выдает его происхождение, объясняет свои возражения против бани, особенно в это утро, когда он был на похоронах.791 Судьба покойного друга, к сожалению, заставляет его читать мораль о слабости смертных людей, простых насекомых или пузырьков в потоке. Что касается медицинской помощи, то это мнимое утешение; она чаще убивает, чем лечит.792 Большим утешением для [pg 133] было то, что похороны прошли достойно, хотя жена и не была пышной в своей скорби.793 Другой гость не станет оплакивать того, кто прожил жизнь по своему выбору и оставил после себя солидные сто тысяч.794 В конце концов, он был суровым ссорящимся человеком, совсем не похожим на своего брата, крепкого, добродушного парня с открытой рукой и роскошным столом. Поначалу он терпел неудачи, но его снова выручал хороший урожай и удачное завещание, которое он хитростью умел приумножать; истинный сын фортуны,

проживший свои семьдесят лет и более, черный, как ворон, человек, до самого конца наслаждавшийся всеми прелестями плоти.⁷⁹⁵

Но самый интересный для современного студента человек - это ворчун по поводу управления городскими делами, и здесь одна-две страницы "Сатирикона" стоят диссертации. Цена на хлеб выросла, и пекари, должно быть, в сговоре с эдилами. В старые добрые времена, когда критик впервые прибыл из Азии, все было совсем иначе.⁷⁹⁶ В те времена были гиганты. Вспомните Сафиния, жившего у старой арки, человека с острым, язвительным языком, но верного друга, человека, который в городском совете сразу переходил к делу, чей голос на форуме звучал как труба. При этом он был таким же, как и все, знал всех по имени и отвечал на приветствия. В те времена кукуруза была дешевой, как грязь. За один центнер можно было купить буханку, которой хватало на двоих. Но с тех пор город сильно опустился назад.⁷⁹⁷ Наши эдилы теперь думают только о том, как за день прикарманить то, что для некоторых из нас было бы целым состоянием. Я знаю, как один человек заработал свою тысячу золотых. Если так пойдет и дальше, мне придется продать свои дома. Ни люди, ни боги не знают пощады. Все это происходит из-за нашего пренебрежения к религии. Никто теперь не соблюдает постов, никто не заботится о Боге. В былые времена, когда случалась засуха, длинноволосые матроны с босыми ногами, всклоченными волосами и чистыми сердцами поднимались на холм, чтобы молить Юпитера о дожде, и тогда он лился [pg 134] ведрами.⁷⁹⁸ На этом месте развязного, благочестивого пессимиста прерывает торговец тряпьем⁷⁹⁹ более веселого нрава. "Теперь это, теперь то, как сказал деревенщина, когда потерял свою пятнистую свинью. Чего нет сегодня, то будет завтра; так и жизнь течет. Вот, например, на следующий праздник у нас будет трехдневное представление гладиаторов, причем не из простых, а среди них много вольноотпущенников. А у нашего Тита высокий дух, он не будет делать все наполовину. Он даст нам холодную сталь без всякой халтуры, хорошую резню на виду у всего амфитеатра. И он вполне может себе это позволить. Его отец умер и оставил ему 30 000 000 HS. Что такое жалкие 400 000 HS.⁸⁰⁰ для такого состояния, и это даст ему имя на века. В запасе у него есть и несколько лакомых кусочков: возница на колеснице и управляющий Глико, которого застали с женой хозяина; бедняга, он всего лишь выполнял приказ. А никчемный Глико отдал его на растерзание зверям; дама заслужила страдания. И я догадываюсь, что Маммея собирается устроить нам пир, на котором мы получим по два денария за штуку. Если она справится с возложенной на нее ролью, Норбанус никуда не денется. Его гладиаторы были жалкой, сорной, двухпенсовой и полупенсовой кучкой, которая падала при одном лишь дыхании. Все они были разрублены на куски, как и подобает трусам, по призыву толпы: "Дайте им". Зрелище и впрямь было не из приятных! Когда я аплодировал, я отдавал гораздо больше, чем получал. Но, друг Агамемнон, ты думаешь: "К чему вся эта длинная болтовня?"⁸⁰¹ Что ж, ты, почитатель красноречия, почему бы тебе самому не заговорить, вместо того чтобы смеяться над нами, слабыми людьми. Когда-нибудь я уговорю вас заглянуть ко мне на ферму; смею надеяться, что, несмотря на плохие времена, у нас найдется пулярка, которую можно съесть. А у меня есть молодой ученый, который уже созрел для вашего ремесла. У него хороший ум, и он никогда не поднимает головы от своего задания. Он рисует с желанием. Он начал изучать греческий язык и очень любит латынь. Но один из его наставников тщеславен и праздный. Другой очень старателен, но в избытке рвения учит больше, чем знает. Поэтому я купил мальчику несколько томов с красными буквами, чтобы он мог получить настойку права для домашних целей. Это [pg 135] то, что дает хлеб с маслом. С него уже достаточно литературы. Если он бросит ее, я думаю научить его какому-нибудь ремеслу - парикмахерскому, аукционному или адвокатскому,⁸⁰² которое может отнять у него только смерть. Каждый день я твержу ему: Примигений, мальчик мой, все, чему ты учишься, ты учишь ради выгоды. Посмотри на адвоката Филеро. Если бы он не научился своему делу, то не смог бы удержать волка от двери. Еще совсем недавно он был

лоточником с узлом на спине, а теперь может потягаться с Норбанусом. Учеба - это сокровище, а ремесло никогда не пропадет".

За всей этой увлекательной беседой возникают оживленные интерлюдии. Одному из гостей кажется, что кто-то из чужеземцев в превосходной степени издевается над компанией, и он осыпает его самыми изысканными оскорблениями на зловонной латыни трущоб, перемежая их гордыми ссылками на собственное возвышение из рабского [сословия](#)⁸⁰³. Тримальхион приказывает привести домашнего пса Сцилакса, но тот нарывается на домашнего спаниеля, и в суматохе опрокидывается лампа, разбиваются вазы на столе, а некоторые гости ошпариваются горячим маслом.⁸⁰⁴ В разгар этой оживленной сцены ликтор объявляет о приближении Хабиннаса, камнереза, который также является большим сановником города. Он прибыл довольно приподнятым с другого пира, о котором у него остались приятные воспоминания. Он вежливо зовет [Фортунату](#)⁸⁰⁵, которая как раз в это время присматривает за блюдом и распределяет остатки пиршества между рабами. Та, после долгих призывов, появляется в тунике вишневого цвета с желтым поясом, вытирая руки платком. На руках, ногах и пальцах у нее великолепные кольца, которые она снимает, чтобы показать их госпоже камнереза. Тримальхион гордится их весом и приказывает принести весы, чтобы подтвердить свои утверждения. С грустью приходится констатировать, что в конце концов обе дамы безнадежно напиваются и впадают в истерику, обнимая друг друга. Фортуната даже пытается танцевать.⁸⁰⁶ В нарастающем смятении рабы занимают свои места за столом, а повар начинает подражать любимому актеру,⁸⁰⁷ и заключает со своим хозяином пари на шансы зеленых на следующих скачках. Тримал [pg 136] чио, который к этому времени стал очень мягким и сентиментальным, решает составить завещание и манумировать всех своих рабов, отдав одному из них ферму, а другому - дом. Он даже дает своему другу камнерезу все указания относительно памятника, который должен запечатлеть столь блестящую карьеру. Должны быть предусмотрены все условия для его надлежащего содержания, в манере, столь хорошо известной по надписям, с изрядным пространством установленных размеров, засаженным виноградниками и другими фруктовыми деревьями. Тримальхион желает, чтобы в его последнем доме царил комфорт.⁸⁰⁸ На лицевой стороне памятника должны быть изображены корабли под полным парусом - источники его богатства.⁸⁰⁹ Сам он должен быть изваян сидящим на трибуне, одетым в претексту Августа, с пятью кольцами на пальцах, высыпавшим деньги из мешка, как на большом банкете, которым он когда-то покорил народ.⁸¹⁰ По правую руку от него должна быть изображена его жена, держащая голубя и спаниеля на поводке. По правую руку будет похоронен мальчик, плачущий над разбитой урной. И, наконец, в центре сцены должен быть установлен часовой механизм, чтобы прохожие, глядя на часы, всегда обращали внимание на эпитафию, в которой перечислялись достоинства и добродетели прославленного вольноотпущенника. Она сообщала потомкам, что "К. Помпеи Трималхий Меценат был благочестив, крепок и надежен, что он поднялся из ничего, оставил 30 000 000 HS и никогда не слышал философа". Вся компания, а также сам Тримальхион, конечно же, обильно плакали при одной только мысли о завершении столь выдающейся карьеры. Подкрепив свои желудочные силы в бане, компания приступила к очередному банкету. Вдруг прокричал петух, и Тримальхион, в приступе суеверия, вылил вино под [стол](#)⁸¹¹, передал перстни на правую руку и предложил награду тому, кто принесет зловещую птицу. Вскоре нарушитель порядка был пойман и передан повару для казни. Затем Тримальчио возбуждает естественный гнев своей жены, совершив с ней увеселительную грубость, и, в [pg 137] отместку за ее весьма бурные оскорбления, бросает ей в голову кубок. В последующей сцене он дает, с самыми непристойными ссылками на раннюю историю своей жены, очерк своей собственной карьеры и восхваляет добродетели, которые сделали его тем, кто он есть.⁸¹² Становясь все более и более сентиментальным, он наконец укладывает себя умирать;⁸¹³ трубачи

озвучивают его последние причитания, один из них, человек гробовщика, с такой доброй волей, что городская стража поспешно прибыла с водой и топорами, чтобы потушить пожар. Незнакомцы воспользовались возможностью сбежать с тошнотворной сцены. Их вкус возвышался над кругом Тримальхиона, но они были вполне на уровне его нравов. Вскоре Энколпий и его спутники ввязываются в другие приключения, в которых лучше за ними не следить.

Урок всей этой горделивой показности и вульгарности, мораль, которую, возможно, хотел донести Петроний, - это урок, который из века в век будут преподносить потомки Тримальхиона, и который так и не будет усвоен до далекого будущего. Но нам не нужно морализировать больше, чем Петронию. Мы просто привели несколько отрывков из произведения, которое сейчас редко читают, потому что оно бросает яркий свет на класс, который поднимался к власти в римском обществе. Сейчас мы видим худшую часть этого общества, подавленную тиранией цезарей или развращенную и вульгарную в результате внезапного возвышения от позорной нищеты до богатства и роскоши. Но и среди знати, и среди народных масс было немало тех, кто в то злое время сохранил традиции древнеримской трезвости и добродетели. В трех последующих главах мы увидим жизнь, отличную от той, которую мы описывали до сих пор.

[pg 138]

[pg 139]

КНИГА II

RARA TEMPORUM FELICITAS

[pg 140]

[pg 141]

ГЛАВА I

КРУГ МЛАДШЕГО ПЛИНИЯ

С большим облегчением мы переходим от картины низменной и вульгарной роскоши в романе Петрония к трезвости и утонченности класса, который был тщательно прорисован менее искусным художником, но более хорошим человеком. Контраст между картинами Петрония и Плиния, конечно, не вызывает затруднений. Эти авторы действительно принадлежали к одному и тому же сословию, но описывали два разных мира. Сложность возникает, когда мы сравниваем высокий тон мира, который увековечил Плиний, с отвратительными откровениями современных нравов того же класса, которые встречаются

нам у Ювенала, Марциала и Тацита. И историческое милосердие или оптимизм часто обращали этот контраст во внимание. Но нет необходимости противопоставлять спокойные свидетельства Плиния и яростные инвективы Ювенала. На самом деле это означало бы несовершенно понимание характера людей и ассоциаций, которые формировали их взгляды на общество, которое их окружало. Друзья Плиния в большинстве своем были современниками объектов гнева и ненависти Ювенала.⁸¹⁴ Но хотя эти два человека жили бок о бок в одни и те же годы и, вероятно, начали писать для публики примерно в одну и ту же дату,⁸¹⁵ нет никаких намеков на то, что они когда-либо встречались. В социальном плане они находились на противоположных полюсах; столь же сильно их разделял и темперамент. Плиний был милосердным, добродушным человеком, аристократом, жившим среди элиты, с [pg 142] обеспеченным положением и легким достатком - человеком, который, как он сам признает, был склонен идеализировать своих друзей.⁸¹⁶ Он, вероятно, закрывал глаза на их моральные недостатки, так же как он считал себя обязанным по чести превозносить их третьесортные литературные труды. Ювенал, как мы видели в предыдущей главе, был озлобленным и озлобленным человеком, который смотрел на общество большого мира лишь издалека и ловил сплетни в зале для слуг. С пылом возбудимого темперамента он, вероятно, превозносил услышанное и возлагал на целые классы ответственность за глупость и невоздержанность немногих. Марциал, друг Ювенала, жил в той же атмосфере, но если Ювенал вдохновлялся нравственными целями, то Марциал, не стесняясь, угождал распутному вкусу.⁸¹⁷ И милосердный оптимист, и мрачный, решительный пессимист, ограничивая свой взгляд, могут найти достаточно материалов для своих оценок языческого общества конца I века. Судебная критика скорее объединяет или уравнивает противоположные свидетельства, чем выбирает свидетелей.

Истина заключается в том, что общество в каждую эпоху представляет собой самые поразительные нравственные контрасты, и ни одно исчерпывающее описание его морального состояния никогда не может быть верным. Об этом слишком часто забывают те, кто выносит суждения о моральном состоянии римского общества, как в первую эпоху империи, так и в последнюю. В то, что при таких принципах, как Калигула, Нерон и Домициан, царили чудовищная коррупция и ненормальная развращенность, мы вряд ли нуждаемся в свидетельствах сатириков, чтобы убедиться в этом. То, что существовали большие классы, среди которых добродетельный инстинкт, вся трезвая сила и серьезность старого римского характера были все еще энергичны и незапятнаны, подтверждается в равной степени и не вызывает сомнений. Без сомнения, в последний век Республики и в первый век Империи процветала безнравственность и роскошь, и их чудовищность усугублялась извращенным и часто извращенным литературным мастерством, с которым оргии сладострастного каприза были расписаны до последних отвратительных деталей. Однако даже у Овидия сохранился идеал женского достоинства, способный с утонченной сдержанностью отразить дерзость распутства.⁸¹⁸ Он был вынужден, в силу старомодной щепетильности или императорского недовольства, принести подробную апологию [pg 143] смазливости *Ars Amandi*.⁸¹⁹ Самый распутный писатель дурных дней не стесняется оправдывать адюльтер и почти никогда не отказывается уважать бессознательную невинность девичества. В те дни, когда, по словам Ювенала, римские матроны сбегали с гладиаторами и посещали трущобы Рима, Тацит и Фаворин проповедовали обязанности чистой матери.⁸²⁰ В те дни, когда толпы злорадствовали над непристойностями пантомимы, а аристократические званые вечера аплодировали грубости александрийских песен, Квинтилиан осуждал развращение молодежи при виде того, как их отцы забавляются с любовницами и фаворитками.⁸²¹ В эпоху, когда знатные дамы обнажались по желанию императора, философ Мусоний учил, что всякое потворство, выходящее за трезвые рамки брака, является грубым, животным унижением человеческого достоинства.⁸²² Таким образом, мы можем соотнести Ювенала и

Марциала с одной стороны и Плиния с другой. Мрачный или чванливый сатирик дает нам картину идеальной подлости; мягкий и милосердный аристократ открывает перед нами общество, в котором люди очаровательно утонченны и, возможно, немного слишком хороши. И все же верно говорят, что об эпохе следует судить по ее идеалам добра, а не по ее моральным отклонениям. И несомненно, что эпоха Плиния, Тацита и Квинтилиана имела высокие нравственные идеалы, хотя это была и эпоха Домициана. Старый римский характер, что бы ни говорили пессимисты, древние или современные, был упрямым типом, который распространился по всему Западу и пережил Западную империю. Можно быть уверенным, что в Италии, Галлии и Испании было много честных, правильных и добродетельных сеньоров, как дядя Плиния, или его Спуринна, или Вергиний Руф, или Кореллий. Несомненно, было много супружеских жизней, таких же чистых и самоотверженных, как у старшего Аррия и Цецины Паэтуса или Кальпурнии и Плиния.⁸²³ Были дома, подобные тем, что находились во Фрежюсе,⁸²⁴ или Комо, или Брешии,⁸²⁵ в которых мальчики и девочки воспитывались в изысканной и строгой простоте, которая даже превосходила [pg 144] традиции золотого века Рима. И, как будет показано в одной из последующих глав, сохранилось множество кратких каменных записей, свидетельствующих о том, что даже в мире рабов и вольноотпущенников в самые мрачные времена всегда существовали толпы скромных людей с честными, домашними идеалами и добродетельной семейной привязанностью, гордившихся своим производством и поддерживавших друг друга помощью и добротой.

В этом более здоровом классе римского общества, как выясняется, спасительной или обновляющей силой был не столько религиозный или философский импульс, сколько благотворное влияние, не ослабевавшее из века в век, семейного долга и привязанности, подкрепленное, особенно в высших слоях, давней традицией римского достоинства и самоуважения, а также простой чистотой и благочестием сельской жизни. Жизнь безупречного круга аристократов, которую Плиний решил сохранить для потомков, иногда рассматривается как результат внезапной трансформации, перехода от неистовых излишеств времен цезарей Клавдиев к более простому и строгому образу жизни, который Веспасиан подал мощный пример. То, что произошла такая перемена морального тона, особенно в сословии, окружавшем двор, отчасти вызванная финансовым истощением, отчасти введением в ряды сената новых людей из провинций, подтверждается высочайшим авторитетом Тацита.⁸²⁶ Однако мы должны помнить, что такие люди, как Агрикола, тесть Тацита, или Вергиний Руф, или Фабатус, дед жены Плиния, или старший Плиний, и многие другие, не были обращенными блудниками. Они знали, как примирить достоинства римской добродетели с благоразумным согласием даже с излишествами деспотизма, с помощью спокойствия или политического почтения. Состояние многих из них оставалось неизменным. Повседневная жизнь таких людей, как старший Плиний и Спуринна, отличается добродетельным спокойствием, почти болезненным однообразием привычек, в которых, кажется, нечего было исправлять, кроме, возможно, некоторой моральной жесткости.⁸²⁷ Прежде всего, и это, конечно, самое верное доказательство и источник моральной устойчивости любой эпохи, идеал [pg 145] женственности был все еще высок, и даже тогда он не редко воплощался в жизнь. Возможно, многие оправдывали жалобы моралистов на то, что матери не следят за чистотой своих детей с бдительной заботой. Но женщины из круга Тацита и Плиния были столь же безупречны, как и полулегендарная Лукреция, а также гораздо более совершенны и, вероятно, гораздо более очаровательны. Часто говорят, что женщины опускаются или поднимаются в зависимости от уровня мужчин, с которыми они связаны. Если это правда, то во времена династии Флавиев должно было быть много хороших мужчин.

Младший Плиний, которого до усыновления звали Публий Цецилий Секунд,⁸²⁸ происходил из семьи, обосновавшейся в Комо еще при первом Цезаре.⁸²⁹ Они принадлежали к местной аристократии и владели поместьями и виллами вокруг озера. Отец Плиния, занимавший высокий муниципальный пост, умер рано, но мальчик имел большое преимущество - его опекал Вергиний Руф, к характеру и достижениям которого его подопечный испытывал глубочайшее почтение.⁸³⁰ Этот великий солдат был губернатором Верхней Германии в конце правления Нерона и, проявляя почтение к старым конституционным принципам, которыми Плиний, должно быть, восхищался, дважды, рискуя жизнью, отказывался получить императорское место от рук его шумных легионов.⁸³¹ Плиний родился в 61 или 62 году н. э., когда умер Бурр, Сенека отошел от общественной жизни, а Нерон женился на Поппее.⁸³² Таким образом, его младенчество совпало с последними и самыми дикими эксцессами нероновской тирании. Но такие провинциальные места, как Комо, мало ощутили на себе последствия этих моральных землетрясений. В Комо не было ни одной школы, пока одна из них не была основана благодаря щедрости самого Плиния.⁸³³ Но в раннем возрасте мальчик, вероятно, находился под опекой своего дяди, автора "Естественной истории", который в самые тяжелые годы Террора жил, как и многие другие, в уединении в своих поместьях.⁸³⁴ Дядя и племянник были людьми [pg 146] очень разных темпераментов, но не приходится сомневаться, что характер и привычки старшего оказали глубокое влияние на идеалы младшего. Старший Плиний был бы необычным человеком даже в пуританский век; в эпоху цезарей Клавдиев он кажется почти чудом. Он родился в 23 году н. э., в правление Тиберия; его ранняя юность и зрелость пришлись на правление Калигулы и Клавдия. Ему было всего 32 года, когда на трон вззошел Нерон. Он вернулся в Рим в 71 году, чтобы занять высокое место в советах Веспасиана.⁸³⁵ Этот более чем монашеский аскетизм, эта ревностная бережливость к каждому мгновению,⁸³⁶ это полное безразличие к обычным удовольствиям по сравнению с долгом или стремлением передать будущим векам накопленные трудом знания, представляет собой любопытный контраст с гаргантюанскими пирами или гистрионским эстетизмом, которые были в моде в кругу императоров Клавдиев. Младший Плиний оставил нам подробный рассказ о распорядке жизни своего дяди и справедливо добавляет, что по сравнению с ним самый напряженный литературный труд может показаться простым бездельем.⁸³⁷ Его занятия часто начинались вскоре после полуночи, а перед рассветом он прерывался на официальный визит к императору. После завершения административной работы остаток дня проходил в чтении или письме. Даже в бане или в путешествии это литературное занятие никогда не прерывалось. Читатель или amanuэс всегда были под рукой, чтобы спасти моменты, которые обычно уходят впустую. В своем предисловии к "Естественной истории" он сообщает Титусу, что проконсультировался с 2000 томов.⁸³⁸ 160 томов тщательно написанных заметок, которые строгий энтузиаст мог продать однажды за 3500 фунтов стерлингов, могли бы бросить вызов трудолюбию Казобона или Моммзена.

Трудолюбие старшего Плиния, вероятно, не имело себе равных в его время. Но моральный тон, суровое самоограничение, презрение к чувственной или даже удобной стороне жизни, простой неспекулятивный стоицизм - это тон, который, судя по многим признакам в младшем Плинии и в другой [pg 147] литературе того времени, был не так уж редок, как может показаться читателю Ювенала или Марциала. Такая книга, как "Цезари" Суетония, концентрирующая внимание на жизни императора и его ближайшего окружения, способна навести на неверные выводы о состоянии общества в целом. Старый римский характер, возможно, самый сильный и жесткий национальный характер из когда-либо созданных, был устойчивым типом, и его истинным домом была атмосфера тихих деревенских мест в северной или центральной Италии, где круг сельского труда и простых удовольствий воспроизводил среду, в которой он впервые сформировался. В "Письмах Плиния" мы имеем

представление о многих из этих питомников или убежищ старомодной добродетели. Брешия и Падуа, расположенные в долине реки По, были особенно отмечены бережливостью и строгостью.⁸³⁹ Именно из числа молодежи Брешии Плиний предложил мужа для дочери стоического чемпиона Арулена Рустика. Должно быть, было немало домов, подобных домам Спуринны, Корелия Руфа, [Фабата](#)⁸⁴⁰ или поэта Персия, где, вдали от изнуряющих столичных условностей, жажды богатства, порывов вульгарного самоутверждения, царил спокойный и строгий идеал жизни, посвященной более высоким целям, чем похоти плоти или упыриная алчность, преследующая смертные ложа. В портретной галерее Плиния есть юноши и девы, чью невинность охраняли добрые женщины, такие же чистые и сильные, как те матроны, которые выхаживали суровых, несгибаемых солдат самнитских и пунических войн.⁸⁴¹

Великая борьба, в которой легионы Востока и Запада снова и снова встречались в долине реки По, вероятно, не слишком беспокоила тихие дома на озере Комо. Завершение этого ужасного конфликта дало миру десять лет спокойствия и реформации, которые стали благоприятной атмосферой для формирования многих характеров, подобных характеру Плиния. Правление Флавиев было отмечено таинственностью и блеском восточного суеверия, оракулами на горе Кармель и чудесами в Александрии.⁸⁴² Но простой сабинский солдат, ставший спасителем Римского государства, привнес в свою судьбоносную задачу ясный и безыскусный здравый смысл, без малейших следов того [pg 148] дрянного возбуждения, которое чередовалось между героикой надуманного искусства и самой низкой богемой. Веспасиан, хотя и не был фигурой, поражающей воображение, все же, если вспомнить о пропасти, из которой он одной своей силой спас мир [Рима](#)⁸⁴³, был, несомненно, одним из величайших императоров. И его биограф с необычным тактом подсказывает, в чем, возможно, заключался один из секретов его силы. Веспасиан регулярно посещал старую ферму в Реате, которая была колыбелью его рода. Ничто в старом доме никогда не менялось. А по праздникам и юбилеям император не переставал пить из старого серебряного кубка, которым пользовалась его бабушка.⁸⁴⁴ Сила и добродетель латинской расы заключались не в религии или философии, а в семейных связях и преданности государству. Веспасиану срочно потребовалось навести порядок в национальных финансах, доведенных до хаоса дикой расточительностью его предшественников, и набрать сенат, который был более чем ослаблен проскрипциями, конфискациями и порочным самоотречением.⁸⁴⁵ Выполняя свою задачу, он не уклонялся от обвинений в сыроделии, как и не боялся непопулярности новых налогов.⁸⁴⁶ Но он мог быть как либеральным, так и скупым. Он восстановил многие древние храмы, даже в сельской местности.⁸⁴⁷ Он выделил гранты сенаторам, чье состояние пришло в упадок или было растрачено.⁸⁴⁸ Он потратил огромные суммы на колоссальные здания и на развлечения для народа.⁸⁴⁹ Но самая необычная и интересная черта этого замечательного человека заключается в том, что, не претендуя на литературную или художественную культуру, он был первым цезарем, который выделил фиксированный грант профессорам гуманитарных искусств, и что он был основателем той государственной системы [образования](#)⁸⁵⁰, которая, к добру или злу, оказала глубокое влияние на римский характер и интеллект вплоть до конца Западной империи. Его мотивом не было, как предполагают некоторые, приведение литературы в подчинение государству. На самом деле он делал себя органом великого интеллектуального [pg 149] движения. Ибо в то время как обширная сфера управления поглощала большую часть энергии культурного класса, упадок свободных институтов оставил у многих лишь тень политического интереса, и масса незанятых талантов должна была найти другое применение своим силам. В течение многих веков, вплоть до конца Западной империи, она находила ее в беглых и эфемерных сочинениях или в еще более эфемерных выступлениях в риторических классах.⁸⁵¹ Веспасиан, возможно, оказал большую услугу в обновлении высшего класса Рима, введя много новых людей из

провинций, чтобы заполнить зияющие пробелы в сенаторских и конных рядах. Испания внесла более чем достойный вклад в литературу и государственную деятельность этого периода.⁸⁵² Одним из лучших и самых выдающихся сыновей этой провинции, сделавших карьеру в Риме, был ритор Квинтилиан.

Молодой Плиний под опекой своего дяди, вероятно, приехал в Рим вскоре после того, как Квинтилиан начал свою двадцатилетнюю карьеру учителя риторики.⁸⁵³ Пока старший Плиний был одним из доверенных советников Веспасиана и регулярно посещал императора по официальным делам до рассвета, его племянник формировал свой вкус и характер под руководством величайшего и лучшего из римских учителей. Квинтилиан оставил глубокое впечатление на младшего Плиния.⁸⁵⁴ Он сделал его цicerоновцем и укрепил его характер. Мастер считал, что в воспитании моральное влияние и окружение даже важнее, чем интеллектуальные стимулы. Он сожалел о моральном риске, которому нерадивые, самовлюбленные родители или развращенные воспитатели могут подвергнуть мальчика в те годы, когда решается судьба всей жизни - к лучшему или худшему. Интеллектуальные амбиции - это хорошо. Но никакой блеск интеллекта не компенсирует потерю чистого бесхитростного мира детства. В это верил Квинтилиан, и в это же верил его ученик.⁸⁵⁵ И, возможно, учение Квинтилиана сыграло большую роль в формировании нравственных идеалов эпохи Антонинов в [pg 150] высших сословий, чем многие более определенные философские руководства, практика которых не всегда соответствовала их доктрине.

Первый принцип Квинтилиана - оратор должен быть хорошим человеком в самом высоком и широком смысле, и, хотя он не отказывается от заимствований из философских школ, он все же смело утверждает независимость ораторского искусства в формировании характера человека, которому, как государственному деятелю или адвокату, придется постоянно апеллировать к моральным принципам.⁸⁵⁶ Этот тон в сочетании с его собственным примером серьезности, чести и чистейшей домашней привязанности,⁸⁵⁷ должно быть, оказал сильное влияние на цветки римской молодежи, которые были его учениками на протяжении почти целого поколения. Среди его окружения нет никого, чьи добродетели Плиний превозносил бы выше, чем тех, кто сидел с ним на одной скамье, сопровождал или следовал друг за другом по карьерной лестнице государственных должностей. Одним из самых дорогих друзей юности был Воконий Роман, который, помимо того, что был ученым адвокатом, обладал острым и тонким умом, был одарен необыкновенным социальным обаянием и приятностью манер.⁸⁵⁸ Другим был Корнут Тертулл, который был связан с Плинием более тесными узами симпатии, чем кто-либо из его друзей, и чистотой характера которого он безгранично восхищался. Их также объединяла любовь и дружба лучших людей того времени.⁸⁵⁹ Они были официальными коллегами в консульстве и в префектуре казначейства Сатурна. Другого ученого друга, Юлия Насо, который был его верным сторонником во всех его делах и литературных амбициях, он убедительно просит о помощи Фундануса, чтобы обеспечить ему официальное продвижение.⁸⁶⁰ Калестрий Тиро, который стал проконсулом провинции Баэтика, должен быть включен в эту избранную компанию. Он служил вместе с Плинием в армии Сирии и был его коллегой в квестории; они постоянно навещали друг друга в своих загородных домах.⁸⁶¹ Такие люди, связанные друг с другом воспоминаниями детства и заботами одной и той же официальной карьеры, должны были быть мощным и благотворным элементом в социальной и политической жизни в начале эпохи Антонинов.

[pg 151]

Любопытно, что, хотя Плиний жил в самой тесной дружбе со стоической оппозицией времен правления Домициана и безгранично почитал ее канонизированных святых, как мы можем их

назвать, он не проявляет никаких следов настоящего интереса к спекулятивной философии. Более того, в одном из отрывков он признается, что говорит на подобные темы как дилетант.⁸⁶² Вероятно, он, как и его друг Тацит, считал, что философия - это вещь, которую истинный римлянин должен воспринимать в меру. Именно во время службы в штабе в Азии он завязал тесную дружбу с Артемидором, которого Мусоний выбрал для руки своей дочери.⁸⁶³ Плиний ни слова не говорит о его мнениях, но превозносит его простоту и искренность - качества, добавляет он, которые редко встретишь у других философов того времени. В это же время он завязал дружбу со стоиком Евфратом. Этот философ, которого так старательно поносит Филострат, в глазах Плиния был героической фигурой.⁸⁶⁴ Но Плиний восхищается в нем не столько его философией, сколько его сдержанным витиеватым стилем, его чистым характером, в котором нет ни капли той суровой и показной строгости, которая была тогда так распространена в его кругу. Евфрат - полированный джентльмен по сердцу самого Плиния, высокий и статный, с всклокоченными волосами и бородой, человек, вызывающий благоговение, но не страх, суровый к пороку, но мягкий к грешнику. Плиний, похоже, не придавал особого значения формальной проповеди философии. В письме о пользе болезни он утверждает, что нравственные уроки больничной койки стоят многих официальных рассуждений о добродетели.⁸⁶⁵

Однако этот человек, не имевший ни малейшего вкуса к философским изысканиям или даже к гоимиям, которые в его время заняли место настоящих рассуждений, глубоко почитал стоических мучеников и, будучи истинным джентльменом, рисковал своей жизнью во времена последнего Ужаса, чтобы подружиться с ними. В те дни, чтобы быть другом философов, требовались нервы и ловкость. В тот опасный 93 год нашей эры, когда Плиний был [претором](#)⁸⁶⁶, философов изгнали из города. Однако претор навестил Артемидора в его загородном убежище и, проявив свойственную ему щедрость, помог философу [pg 152] расплатиться с большим долгом, который тот на себя взял. Одним из самых дорогих друзей Плиния был Юний Маурик, брат Арулена Рустика, который был предан смерти Домицианом за то, что написал панегирик стоическому святому Фрасею, поборнику высшей жизни в правление Нерона.⁸⁶⁷ Юний Маурик впоследствии сам подвергся изгнанию по той же причине. Он возложил на себя заботу о детях своего брата-мученика, и Плиний помог ему найти достойного мужа для дочери Рустика.⁸⁶⁸ С Фаннией, вдовой Гельвидия и дочерью Фрасеи, Плиний, по-видимому, был очень близок. От нее он услышал рассказы, теперь уже слишком избитые, об ожесточенной твердости старшей Аррии, которая нервировала своего мужа Паэта для смерти, и о ее собственном решительном самосожжении.⁸⁶⁹ Мать Фаннии, младшая Аррия, когда Тразея, ее муж, был приговорен к смерти в царствование Нерона, была предотвращена от разделения его судьбы только самыми искренними уговорами ее друзей.⁸⁷⁰ Фанния последовала за Гельвидием в изгнание в царствование Нерона,⁸⁷¹ а затем при Веспасиане, когда философ, с мелочностью, очень не похожей на сдержанность Фразеи, навлек на себя участь оскорбительным пренебрежением к достоинству императора как первого магистрата государства, если не революционными тенденциями.⁸⁷² Фанния, похоже, унаследовала многие из великих качеств своего отца Фразеи, самого благородного и мудрого представителя стоической оппозиции. Он происходил из района в Ломбардии, который отличался здравомыслием и серьезностью характера. В отличие от [Паэты](#)⁸⁷³ и Гельвидия, он никогда не выступал против императора и не интриговал против него, даже когда императором был Нерон. И, хотя он принадлежал к строгому кругу Персия, он не гнушался петь в трагическом костюме на празднике незапамятной древности в своем родном Патавиуме.⁸⁷⁴ Он исполнял свои обязанности сенатора с твердым достоинством и в то же время с осторожным тактом. Его худшим политическим преступлением, которое стало его гибелью, была суровая сдержанность и отказ присоединиться к позорному поклонению принцу-мужеложнику. Он не опустился до того, чтобы воздать божественные почести [pg

153] прелюбодейке Поппее, и в течение трех лет отсутствовал в сенате.⁸⁷⁵ Однако, когда пришел конец, он не позволил вспыльчивому Арулену Рустику испортить свое будущее, наложив вето в качестве трибуна.⁸⁷⁶ Его дочь Фанния была достойна своего прославленного происхождения. Она проявила всю бесстрашную непокорность старшей Аррии, когда смело призналась, что попросила Сенецию написать жизнь ее мужа, и не произнесла ни слова, чтобы осудить свою гибель. Когда все ее имущество было конфисковано, она унесла опасный том с собой в место изгнания.⁸⁷⁷ Однако эта суровая героиня обладала и более нежными добродетелями. Она выхаживала свою родственницу Юнию, одну из весталок, во время опасной лихорадки, и заразилась от своей подопечной семенами собственной смерти. При всей своей мужской твердости и мужестве она обладала миловидностью и обаянием, которые делали ее не столько любимой, сколько почитаемой. Можно сказать, что вместе с ней ушла в прошлое особая традиция кружка, который на протяжении трех поколений и во время правления восьми императоров охранял, порой с опасным пренебрежением, старый идеал бескомпромиссной добродетели перед лицом грубого и вульгарного материализма. Именно эта традиция вдохновляла строгую отрешенность поэзии Персия с ее тусклой торжественностью и неясной глубиной, как в священной роще. Эти люди были суровы и строги к порочной власти,⁸⁷⁸ как наши пуритане XVII века. Как и они, они были исключительными и вызывающими, с холодной спесью нравственной аристократии, общества избранных, не желающих даже вступать в переговоры со злом, для которых вопросы жизни и смерти были единственной реальностью в мире, загипнотизированном культом чувств и чарами тирании. Их напряженная серьезность была религией, хотя они имели лишь самое смутное и засушливое представление о Боге и самое тусклое и малоутешительное представление о будущей жизни. Казалось, они должны были погибнуть как маленькая секта беспокойных провидцев; и все же их дух продолжал жить, смягчаясь и услаждаясь, и перешел к великим правителям эпохи Антонинов.

До официального периода военной службы в качестве трибуна 3-го галльского легиона в Сирии Плиний на девятнадцатом году жизни начал заниматься судебной практикой, которая, возможно, была самой большой [pg 154] гордостью его жизни.⁸⁷⁹ Он практиковал в центумвиральном суде, который занимался главным образом вопросами собственности и наследования. Время от времени он с некоторой усталостью говорит о тривиальном характере дел, которыми занимался. Но его общая оценка совершенно иная. Суд для него - арена, достойная величайшего таланта и [усердия](#)⁸⁸⁰, а успешный адвокат может завоевать славу, дающую ему право встать в один ряд с великими ораторами прошлого. Плиний, вдохновленный воспоминаниями о лекциях Квинтилиана, всегда держит перед собой славу Цицерона.⁸⁸¹ Он подготовит к публикации речь, произнесенную в неясном деле об оспаривании завещания.⁸⁸² Он безмерно гордится ее тонкостью и точностью, размахом возмущенной или патетической декламации и не готов поверить своим друзьям-законоведам, сравнившим ее с "De Corona"! Подавление свободной политической жизни, отсутствие общественных интересов и исчезновение ремесла дельца оставляли молодым людям, жаждущим отличиться, мало шансов на удовлетворение этой страсти. Суды, по крайней мере, обеспечивали аудиторию и шанс на сиюминутную известность. В "Письмах Плиния" мы видим, как молодой адвокат пробивается сквозь плотные массы переполненного суда, приходит на свое место с разорванной туникой, удерживает внимание аудитории в течение семи долгих часов и садится на место под аплодисменты даже самих [судей](#)⁸⁸³. Кальпурния часто организовывала эстафеты гонцов, которые доставляли ей новости об успехе одной из речей ее мужа.⁸⁸⁴ Молодые люди самого высокого социального ранга - Салинатор или Уммидий Квадрат - охотно брались за работу, которая могла сделать им

эфемерное имя.⁸⁸⁵ Честолюбивые претенденты, не обладавшие ни талантом, ни образованностью, одетые, возможно, в наемный пурпур и драгоценности, подобно нуждающемуся адвокату Ювенала, проникали на скамьи адвокатов и привлекали к себе кликуш, чьи аплодисменты покупались за несколько динариев.⁸⁸⁶ Плиний так гордится этой профессией, так идеализирует то, что, должно быть, часто было довольно рутинной работой, что испытывает личную боль от всего, что, казалось бы, умаляет [pg 155] старомодное, неторопливое достоинство суда. В его время судьи, похоже, стали более быстрыми и деловитыми в своей процедуре и менее склонны допускать множество *clepsydrae*, которые люди школы Плиния требовали для постепенного развития всех своих риторических приемов. Он сожалеет о старых добрых временах, когда отсрочки предоставлялись **беспрепятственно**⁸⁸⁷, и на дело, которое теперь рассматривалось за несколько часов, уходили дни. Именно по этой причине он не может скрыть определенного восхищения Регулом, в других отношениях "самым отвратительным из двуногих", но искупившим свою позорную славу энтузиазмом и энергией адвоката, которые соперничали даже с Плинием.

М. Аквиллий Регул, принц делаторов и одна из величайших слав римской адвокатуры в правление Домициана, - фигура необычная. Его карьера и характер - любопытная иллюстрация к социальной истории того времени. Регул был сыном человека, который в правление Нерона был изгнан и разорен.⁸⁸⁸ Смелый, способный, безрассудно жаждущий богатства и славы любой ценой, еще в юности он решил подняться из неизвестной нищеты и вскоре стал одним из самых способных и страшных агентов тирании. Он приобрел дурную славу, разорив великие дома Красси и Орфити. Жажда крови и алчность наживы толкали его на массовое уничтожение невинных мальчиков, благородных матрон и мужчин самого прославленного рода. Жестокость Нерона не удовлетворила его, и он призвал уничтожить сенат одним махом. Он быстро разбогател, его осыпали почестями, и после благоразумной отставки во времена правления Веспасиана и Тита он достиг вершины своих развратных амбиций при жестоком сыне Веспасиана. Он не раз фигурирует в поэмах Марциала, и всегда в самом благоприятном свете. Его талант и красноречие, по словам поэта, равнялись только его благочестию, и особая забота богов спасла его от погребения под развалинами внезапно обрушившегося монастыря.⁸⁸⁹ У него были поместья в Тускулуме, в Умбрии и [pg 156] Этрурии.⁸⁹⁰ Суды были переполнены, когда он вставал на защиту.⁸⁹¹ К сожалению, нуждающийся поэт дает определенный ключ ко всей этой лести, когда благодарит Регула за его подарки, а затем просит его выкупить их.⁸⁹² Именно после смерти Домициана мы встречаем Регула на страницах Плиния. Времена изменились, день делателя закончился, и Регул стал более скромным человеком. Но он по-прежнему богат, его обхаживают и боятся, он по-прежнему обладает огромной властью в судебных инстанциях. Обладая слабым голосом, плохой памятью и нерешительностью в высказываниях,⁸⁹³ он путем упорства и целеустремленности стал сильным оратором, со своим собственным стилем, резким, язвительным, безжалостно приносящим элегантность в жертву сути.⁸⁹⁴ Он принадлежал к новой школе и иногда насмехался над тем, что Плиний увлекается великой цицероновской манерой.⁸⁹⁵ Однако, по мнению Плиния, его искреннее усердие в своей профессии искупает некоторые его пороки. Он настаивает на том, чтобы у него было достаточно времени для разработки своего дела.⁸⁹⁶ Утром он появляется бледный, бледный от учебы, с белой повязкой на лбу. Он консультировался с прорицателями по поводу успеха своих ходатайств.⁸⁹⁷ Любопытно, что этот великий адвокат, уже обладавший огромным состоянием, был охотником за наследством самого низкого сорта. Он навел на смертном одре Веранию, вдову того самого Пизона, приемного сына Гальбы, над убийством которого жестоко злорадствовал Регул, и, сказав ей, что звезды сулят надежду на выздоровление, добился места в ее завещании. В его трауре по сыну проявилась вся лихорадочная экстравагантность и грандиозная эксцентричность истинного ребенка неронской эпохи.⁸⁹⁸

Над костром мальчика были зарезаны его пони, собаки и домашние птицы. Были заказаны бесчисленные картины и статуи, изображающие его. Его мемуары были прочитаны отцом перед многолюдной аудиторией, а тысяча копий разослана по провинциям.⁸⁹⁹ В Регуле мы видим тот тип характера, который, если бы судьба возвела его на трон, мог бы стать более здравомыслящим Калигулой и еще более эксцентричным Нероном.

[pg 157]

Борьба в судах идеализировалась Плинием, а их мимолетные триумфы казались ему сравнимыми со славой "Филиппиков" или "Верринов". Однако, надо отдать ему должное, Плиний иногда имел более верное представление об основах прочной славы. Секрет бессмертия, единственный шанс избежать забвения - оставить свою мысль забальзамированной в избранной и выдающейся литературной форме, которой грядущие века не дадут умереть.⁹⁰⁰ Эта, вероятно, единственная форма бессмертия, в которую верил Плиний, является главным мотивом литературного труда. Желание быть запомненным было самой страстной страстью римского ума во все века и во всех сословиях, от автора "Агриколы" до мелкого ремесленника, который запечатлевал домашние добродетели своей жены для глаз далекого века, устраивал ежегодные пиры и возлагал розы на гробницу. Из тех огромных литературных амбиций, которые олицетворял Плиний и которые он считал своим долгом поощрять, лишь малая часть достигла своей цели. Огромная масса этих жаждущих литераторов полностью исчезла или осталась лишь тенью имен в Марциале, Стации или Плинии.

Стихи Марциала и Стация создают впечатление, что в царствование Домициана интерес к поэтической литературе был острым и широко распространенным, и что, помимо поэтов по профессии, существовали толпы любителей, которые баловались стихами. Сильвы переносят нас в очаровательный, хотя и довольно роскошный мир, где такие люди, как Атедий Мелиор или Поллий, развлекают себя дилетантскими сочинениями среди своих садов и мрамора на заливах Кампании.⁹⁰¹ У Марциала множество друзей, увлеченных подобным образом, и разносторонность некоторых из них подозрительно широка. Старого Арделио Марциал высмеивает за его показные и поверхностные выступления в декламации и истории, в пьесах и эпиграммах, в грамматике и астрономии.⁹⁰² Каний Руф, его земляк из Гадеса, Варро, Басс, Брутиан, Цириний - все они проявили необычайную ловкость почти во всех областях поэтического творчества. Марциал - слишком тонкий критик, чтобы не заметить беглый характер большей части этой любительской литературы. Подобно [pg 158] Ювеналу, он насмехается над тонким талантом, скрывающим свою слабость за пышностью и потускневшим великолепием эпической или трагической традиции.⁹⁰³ Он грубо говорит всей толпе стихотворцев, что только гений будет жить в грядущие века. Купленные аплодисменты зала для декламации лишь на час удовлетворяют тщеславие литературного меломана. Жаль для его славы, что Марциал не всегда придерживался этого искреннего тона. Временами он может продать свою лесть самому низкому и глупому. Он способен подвести к сравнению фригидной педантичности Силия Италика с величием Вергилия.⁹⁰⁴

Плиний был другом и поклонником Марциала и, со свойственной ему щедростью, сделал поэту подарок, когда тот навсегда покинул Рим и провел свои последние годы в Бильбилисе.⁹⁰⁵ Нуждающийся эпиграмматист был лишь далеким наблюдателем или прихлебателем того мира богатства и утонченности, в котором Плиний был заметной фигурой. Но и от Плиния, и от Марциала мы получаем практически одинаковое впечатление о литературном движении в правление Домициана. Сам Плиний, возможно, является его лучшим представителем. Он - истинный сын римских школ, возрожденных и укрепленных Веспасианом на протяжении жизни многих поколений. Плиний не слишком высоко

оценивает литературные усилия своего времени: некоторые из них он даже превозносит. Но уже тогда римский ум склонил шею к той привязанности к прошлому, к той рутине риторической дисциплины, которая, наряду с другими причинами, породила то сочетание честолюбивых усилий и посредственного исполнения, которое на протяжении последних трех веков Империи является характерной чертой всей литературной культуры. От своего великого учителя Квинтилиана Плиний проникся глубоким почтением к Цицерону.⁹⁰⁶ Как в своей почетной карьере, так и в литературных занятиях, ему нравится думать, что он идет по стопам великого оратора. В ответ на насмешку Регула он однажды смело заявил, что предпочитает цицероновское ораторское искусство ораторскому искусству своего времени. Демосфен также иногда является его образцом, хотя он остро чувствует разницу, разделяющую их.⁹⁰⁷ Действительно, почитание Греции как матери литературы, искусства и гражданской жизни было одним из самых искренних [pg 159] и самых благородных чувств Плиния. Человеку, который был назначен на высокий пост в Греции, он в серьезных тонах проповедует долг почитания этой одаренной расы, чей век освящен воспоминаниями о ее славном расцвете.⁹⁰⁸ Изучение греческого языка Плинием, должно быть, началось очень рано. В четырнадцать лет он написал греческую трагедию, за которую, однако, скромно не ставит себе в заслугу.⁹⁰⁹ У него всегда был определенный вкус к поэзии, но, похоже, это был просто вкус, созданный или навязанный постоянным изучением поэтов под руководством грамматика. Однажды, когда его задержала непогода на обратном пути с военной службы в Азии, он развлекал себя сочинением элегических и героических стихов.⁹¹⁰ Позже он опубликовал томик стихов в хендекасиллабическом метре, написанных по разным поводам. Но за этими условными упражнениями не было вдохновения. Писать в стихах его побудил, как он наивно признается, в основном пример великих ораторов, которые таким образом развлекали свой досуг. Среди его опубликованных стихов были некоторые с привкусом катулланской пошлости, которые оскорбляли или удивляли некоторых из его более суровых друзей, считавших такую сомнительную легкость недостойной серьезного характера и большого положения.⁹¹¹ Нельзя найти лучшей иллюстрации неисправимой условности Плиния в таких вещах, чем защита, которую он дает своим подозрительным стихам перед Тицием Аристом.⁹¹² Для Плиния это не вопрос морали или приличий. Античные образцы должны соблюдаться не только в их возвышенных, но и в более свободных настроениях. Дело кажется закрытым, когда Плиний может указать на подобные литературные отклонения в длинном ряду великих людей от Варро, Вергилия и Цицерона до Вергиния Руфа и божественного Нервы.⁹¹³

Плиний, однако, хотя и тщеславился своей ловкостью в этих мелочах, вероятно, не оценивал их очень высоко. Его амбиции были направлены именно на ораторскую славу. Он был недоволен красноречием своего времени, которое, выражаясь словами Регула, рвалось из горла своего субъекта, и объявил себя подражателем Цицерона. Его речи, даже для центумвирального суда, были разработаны с бесконечной тщательностью, хотя [pg 160] слишком самозабвенно стремился произвести впечатление на аудиторию. Вряд ли можно представить себе Цицерона или Демосфена, холодно балансирующего между своими тропами и фигурами по примеру Плиния. Когда великое ораторское усилие было завершено, труд возобновился, чтобы сделать речь достойной взоров потомков. Ее пересматривали, шлифовали и представляли на суд критиков для внесения поправок.⁹¹⁴ Плиний, вероятно, был первым, кто стал давать читать речи многострадальным друзьям. Мы с содроганием слышим, что чтение Панегирика растянулось на три дня! ⁹¹⁵ Другие речи, на которые Плиний потратил столько труда и размышлений, погибли, как они, вероятно, и заслуживали гибели. Панегирик сохранился и стал родителем и образцом протитуированной риторики галльского ренессанса в IV веке.⁹¹⁶ Плиний отнюдь не был презренным литературным критиком, когда не платил дань дружеской лести, которую требовала тогдашняя социальная

тирания. Иногда он мог быть искренне сдержанным в своей оценке скучных литературных усилий друга.⁹¹⁷ Но в своих идеалах ораторского искусства он, похоже, безнадежно ошибался. В "Панегирике" есть несколько резких и эпиграмматических предложений, которые искупают его своей сильной искренностью. Но каноны ораторского стиля Плиния вызвали бы насмешки его великих образцов, которые думали о своей цели, а не отмеряли каждый шаг, стремясь к ней. Теория Плиния о том, что длина речи является важным элементом ее совершенства, что быстрая прямота нехудожественна, что томительная рассеянность - это ораторский шарм, что трудоемкое изготовление затянутых фраз может произвести эффект стремительного порыва Демосфена и Цицерона в моменты вдохновения, заставляет нас, любящих его, радоваться, что у нас нет больше ораторского искусства Плиния.⁹¹⁸

Именно благодаря своим письмам Плиний жил и будет жить до тех пор, пока люди будут стремиться узнать внутреннюю жизнь великих веков, ушедших в прошлое. Критика, которая так быстро схватывает очевидные слабости автора бесценной картины античного общества, кажется немного неблагодарной. Мы могли бы простить почти любой недостаток или жеманство тому, кто оставил нам [pg 161] подобное откровение об обществе, когда Аврелий сдерживал германцев на Дунае или когда Пробус сокрушал захватчиков третьего века. Письма Цицерона предлагают, казалось бы, очевидное сравнение, которое может быть использовано в ущерб Плинию. Однако сравнение это довольно неуместно. Цицерон был человеком дела, находившимся в гуще великой революции, и его письма бесценны для изучающего политику в период великого кризиса в истории. Но в спокойное время правления Траяна автор писем должен был искать другие темы для интереса, кроме судьбы государства. Литература, критика, красоты природы, простое очарование деревенской жизни, тысячи банальных происшествий и эксцентричностей перезрелого общества в столице мира - все это давало готовое перо и гениальное воображение, способное идеализировать окружающее, достаточно материала. Некоторые считают Плиния посредственностью; но, подобно нашему Горацию Уолполу, он обладал острым чутьем, чтобы понять, что социальную рутину можно сделать интересной и что человек, обладающий умением это делать, может прославиться. Он искренне интересовался своим социальным окружением. А глубокий интерес к своему предмету - один из великих секретов литературного успеха. Плиний также понимал, что для того, чтобы произведение жило, оно должно обладать избранным стилем, который можно критиковать, но нельзя игнорировать. У него было похвальное стремление облечь свои мысли в форму художественного изящества, которое может сделать привлекательной даже обыденность. Такой хороший судья, как покойный мистер Пейли, без колебаний поставил латинство Плиния на один уровень с Цицероном. Письма Плиния, возможно, даже больше, чем шедевры эпохи Августина, очаровали вкус четвертого и пятого веков. Они стали образцами для Симмаха и Сидония, которые пытались, но очень по-разному, сделать для своей эпохи то, что Плиний сделал для своей.⁹¹⁹

Как и его подражатели, Сидоний и Симмах, Плиний хотел, чтобы его "Письма" вошли в будущее как шедевр стиля и как картина его эпохи. Мы знаем, что письма Симмаха были тщательно сохранены в двух экземплярах его писцами, вероятно, по его собственным указаниям, хотя они были отредактированы и опубликованы его сыном только после его смерти.⁹²⁰ Плиний, как и [pg 162] Сидоний, передавал свои Письма публике последовательными порциями в течение своей жизни.⁹²¹ Как и Сидоний, он чувствовал, что у него не хватит сил написать последовательную историю своего времени, и Письма обоих, вероятно, гораздо более ценны. Первая книга Плиния открывается своеобразным посвящением Септицию Клару, который был покровителем Суетония и стал префектом

претория при Адриане.⁹²² Плиний, кажется, отказывается от какого-либо порядка или принципа расположения в этих книгах, но это - прием художественной небрежности. Тем не менее, принцип европейских ученых в наши дни доказал, что и по дате, и по тематике "Письма Плиния" обнаруживают признаки самой тщательной организации. Книги были опубликованы отдельно, что было обычной практикой вплоть до конца римской истории литературы. Одна и та же тема вновь появляется в той же книге или в следующей.⁹²³ Группы писем, посвященных одному и тому же вопросу, располагаются в естественном порядке в следующих друг за другом книгах. Доказательство этого становится еще более очевидным, если умолчать или прямо указать на семейные отношения Плиния. Наконец, люди старшего поколения, которые занимают первые места в ранних письмах, исчезают к концу, а о более молодом поколении, Салинаторе или Уммии Квадрате, мы слышим только в поздних. Люди возраста самого Плиния, такие как Тацит или Корнут Тертулл, встречаются нам от первого до последнего. Даты выхода в свет различных книг установлены с достаточной степенью достоверности. Для нашей цели достаточно сказать, что самое раннее письмо относится к правлению Нервы, а девятая книга, вероятно, была представлена миру за год или два до того, как писатель был назначен Траяном на должность императорского легата Вифинии⁹²⁴.

Как мы уже говорили, легко, и, видимо, в угоду некоторым авторам, остановиться на тщеславии и самодовольстве автора этих писем. Некоторые считают его главным образом поэтом. Обнаружить слабые места Плиния - не великий подвиг критика: они лежат на поверхности. Но "securus judicat orbis terrarum", и Плиний выдержал проверку великого судьи. Люди его расы и возраста, говорившие и писавшие на самой совершенной латыни, присудили ему пальму первенства за изысканный стиль. Но Плиний обладал многими качествами [pg 163] сердца, которые должны покрыть множество грехов, даже более серьезных, чем те, в которых его обвиняют. Он обладал великим даром верной дружбы, и его обычной наградой было множество друзей. Высказывается сожаление, что Плиний не касается серьезных вопросов политики и философии, что в его "Письмах" скорее проглядывает поверхность общественной жизни, а более глубокие проблемы остаются нетронутыми. Сам Плиний, вероятно, принял бы эту критику как комплимент. Массу людей мало занимают неразрешимые вопросы. И Плиний, вероятно, заслужил лучшую оценку потомков, оставив нам яркую картину обычной жизни своего времени или своего класса, а не анализ его духовных бедствий и недугов. Этого достаточно у Сенеки, Аврелия и Лукиана. Разнообразие и живость зарисовок общественной жизни Плиния никогда не вызывают сомнений. Но наша благодарность возрастет, если мы сравним его "Письма" со сборниками его подражателей, Симмаха и Сидония, чьи скудные страницы редко перелистываются кем-либо, кроме нескольких любопытных и утомленных студентов. Марциал, в своем роде, возможно, даже более ясен и точен в своих портретах. Но Марциал - это, по сути, остроумец города, наблюдающий за его пороками, глупостями и модой острым, но довольно отстраненным глазом наблюдателя. Читая "Письма Плиния", мы чувствуем себя введенными в сердце этого общества в его лучшие часы; и, прежде всего, мы как бы переносимся в те тихие провинциальные города и уединенные сельские места, где, если жизнь была скучнее и спокойнее, чем в столице, дни проходили в тихом довольстве, не требуя бурных страстей, в упорядоченной утонченности, в добрых отношениях с соседями, среди неувядающего очарования старинных обществ и колдовства природы.

Плиний также оказал большую услугу, сохранив память о литературном тоне и привычках своего времени. Даже в тот век плодовитых произведений и слишком восторженных оценок Плиний, подобно Сенеке и Стацию, чувствовал, что любовь к умственным вещам ослабевает.⁹²⁵ И он считал почти религиозным долгом, как это делали Симмах и Сидоний

более чем три века спустя после него, пробуждать затухающий интерес к литературе и вознаграждать даже третьесортные [pg 164] усилия пышными похвалами. Он утверждает, что восхищаться и превозносить любые достижения в такой трудной области, как письмо, - дело долга.⁹²⁶ Однако Плиний отнюдь не был лишен критической честности и проницательности. Он мог быть строгим судьей своего собственного стиля. Он ожидал откровенной критики от своих друзей и принимал ее с благодарностью и добрым нравом.⁹²⁷ Для него это, действительно, практическая цель чтений перед окончательной публикацией. Он сделал поправки и исключения в "Историях" Тацита, которые великий автор представил ему на доработку.⁹²⁸ В его переписке с Тацитом прослеживается любопытная смесь тщеславия с ясным признанием огромного превосходства гения своего друга и уверенным предвидением его бессмертной славы. Он гордится тем, что их имена соединяются как имена вождей современной литературы⁹²⁹, и лелеет надежду, что, объединенные верной дружбой при жизни, они вместе уйдут в далекое будущее. Когда в 106 году Тацит попросил его рассказать о смерти старшего Плиния во время извержения Везувия, Плиний выразил твердую уверенность, что книге, над которой тогда работал Тацит, суждена вечная слава.⁹³⁰ Он не столь уверен в бессмертии труда Марциала,⁹³¹ хотя в полной мере оценивает блестящее и острое остроумие Марциала. С другой стороны, в письме к другу по поводу смерти Силия Италика он откровенно признает, что "Эпос о Пунической войне" - произведение скорее промышленности, чем гения.⁹³² И все же он не может позволить автору этой скучной механической поэмы уйти из жизни, не оставив никаких записей о своей карьере.⁹³³ Смерть в семьдесят пять лет последнего оставшегося в живых консула неронской эпохи, консула, в год правления которого завершилась тирания Нерона, вызвала чувство пафоса, которое, вероятно, было подлинным, несмотря на довольно напыщенное и педантичное его выражение. И хотя он написал "Пунику", труд, который был почти похоронен до XV века⁹³⁴, Силий, вероятно, был небезынской личностью. Он был делателем при Нероне и [pg 165] пользовался дружбой Вителлия, но он знал, как исправить свой характер при династии Флавиев, и с некоторым успехом занимал пост проконсула в Азии.⁹³⁵ Отныне он наслаждался буквенной непринужденностью и светским почетом, которые были привилегией его класса на протяжении веков. В конце концов он удалился на берега Кампании, где, переезжая с одной виллы на другую и окружая себя книгами и жемчужинами искусства, его жизнь протекала, не нарушаемая агонией Рима во время последнего террора цезарей. Среди своих многочисленных владений он был гордым обладателем одной из вилл Цицерона и земли, на которой спит Вергилий. День рождения великого поэта он отмечал со скрупулезной набожностью, а к его могиле всегда относился как к святыне. Эта внешне спокойная и удачливая жизнь, как и многие в те времена, закончилась добровольной смертью.⁹³⁶ Силий Италик, как в своей жизни, так и в своем конце, представляет собой истинный тип поколения, которое смогло согнуться перед бурей деспотизма и спастись зачастую с помощью позорных искусств, смогло восстановить свое достоинство и самоуважение в стремлении к литературным идеалам и, наконец, отстоять право сбросить бремя существования, когда оно стало слишком тяжелым.

Теория жизни Плиния ясно изложена в "Письмах", и, очевидно, ее придерживались многие представители того класса, к которому он принадлежал.⁹³⁷ Годы энергичной молодости должны были быть отданы служению государству, прохождению хорошо отмеченной и тщательно выверенной карьеры почетных граждан или напряженным ораторским поединкам в судах. Досуг последующих лет мог быть распределен между общественными обязанностями, удовольствиями или заботами в сельской усадьбе и воспитанием литературного вкуса путем чтения и подражания великим мастерам. Последнее было самым

неотложным долгом для тех, кто обладал хоть какими-то литературными дарованиями, поскольку очарование стиля давало единственную надежду пережить крушение [времени](#)⁹³⁸; для простого культурного человека - как самый изысканный и достойный способ заполнить пустующие места в жизни. Даже если длительная слава была недостижима, уже кое-что значило иметь возможность доставить удовольствие аудитории культурных друзей на чтении и насладиться триумфом часа. Должно быть, [pg 166] было много литературных кружков, которые, подпитывая тщеславие друг друга, также поощряли литературные идеалы и намекали на мягкую критику,⁹³⁹ в той вежливой деликатности выражения, в которой римлянин всегда был искусен. Один из таких литературных кружков выделяется на страницах Плиния. По крайней мере двое из его членов занимали высокие посты. Аррий Антонин, дед императора Антонина Пия по материнской линии,⁹⁴⁰ дважды с античным достоинством занимал пост консула и показал себя образцовым правителем в качестве проконсула Азии.⁹⁴¹ Он был предан греческой литературе и, похоже, предпочитал сочинять на этом языке. Мы не должны принимать буквально хвалебные отзывы Плиния о его аттицизме, изяществе и сладости его греческих эпиграмм. Но, похоже, он обладал способностью, которой Плиний тщетно пытался подражать, используя более бедные ресурсы латинского языка.⁹⁴² Среди друзей Антонина был Вестриций Спуринна, который защищал Плаценцию для Оттона, дважды был консулом при Домициане, и был выбран Траяном для командования войсками в кампании в Германии.⁹⁴³ Этот достойный ветеран, прошедший, казалось бы, незапятнанным через правление худших императоров, разнообразил и облегчил обычные будни своей старости сочинением стихов на греческом и латинском языках, которые казались его поклонникам необыкновенно сладкими. Сентий Авгурин, знакомый друг двух консулов, также был блестящим [стихотворцем](#)⁹⁴⁴, который мог увлечь Плиния декламацией, длившейся три дня, хотя тот факт, что Плиний был темой одного из стихотворений, может объяснить терпение или удовольствие. Одним из самых дорогих друзей Плиния был Пассенн Полл, который претендовал на родство с поэтом Проперцием и, во всяком случае, был родом из того же города в Умбрии. Время жестоко обошлось с Пассенном, если его лирические усилия напоминали, как нас просят верить, литературные достоинства его предка и даже Горация.⁹⁴⁵ Вергилий Роман посвятил себя комедии и, как считается, небезосновательно воспроизводил тонкие чары Менандра и Теренция, а также язвительные инвективы более древних [pg 167] греческих мастеров этого искусства.⁹⁴⁶ Но были и другие из окружения Плиния, которые пробовали более высокий и взвешенный стиль. Вероятно, главным из них был Титиний Капито, который, как свидетельствует [надпись](#)⁹⁴⁷, занимал высокие гражданские посты при Домициане, Нерве и Траяне. Он был восторженным покровителем литературы и охотно предоставлял свои залы друзьям-литераторам для их выступлений, которые он посещал с пунктуальной вежливостью. Храня память о великих людях Республики, Кассиях, Брутах и Катонах, он написал труд о смерти благородных жертв Террора.⁹⁴⁸ Он тщетно пытался привлечь Плиния к написанию исторических сочинений.⁹⁴⁹ Но человек, который больше думал о стиле и изящной благотворительности, чем об истине, был не тем, кто должен писать историю такого времени. Он оказал гораздо большую услугу, предоставив бесценные материалы для реконструкции ее социальной истории. Каниний Руф был соседом Плиния в Комо.⁹⁵⁰ Он был одним из тех, для кого прелести загородной жизни были опасным соблазном. Его вилла с колоннадами, "где всегда была весна", блестящие уровни озера под его верандой, русло с изумрудными берегами, бани и просторные залы - все эти прелести, похоже, ослабляли литературную энергию и амбиции хозяина. Каниний размышлял над созданием греческого эпоса о дакийских войнах Траяна.⁹⁵¹ Но, вероятно, он был одним из тех затянувшихся, медлительных писателей, которые встречаются нам у Марциала,⁹⁵² ожидая огня с небес, который никогда не приходит. Непреодолимая грубость варварских имен, от которой, как предполагает Плиний, можно было бы избавиться с

помощью гомеровского разрешения на количество, была, вероятно, не единственной трудностью Каниния.

Среди литературных друзей Плиния гораздо более важным человеком, чем Каниний, был Суетоний, но Суетоний, по-видимому, долгое время был парализован той же осторожной нерешительностью, чтобы оспаривать вердикт публики. Будучи моложе Плиния,⁹⁵³ Суетоний был одним из его самых близких друзей. Они [pg 168] оба принадлежали к тому кругу, который питал сенаторские традиции и ненависть к императорским тиранам.⁹⁵⁴ Жизнь Суетония не была очень эффективной или блестящей с мирской точки зрения. Несмотря на то, что он родился в обществе, которому были открыты все возможности,⁹⁵⁵ он был человеком скромных и уединенных вкусов, посвятившим себя тихим исследованиям и лишенным честолюбия и энергичного самоутверждения, которые необходимы для блестящего успеха. Вероятно, в течение нескольких лет он был профессором грамматики.⁹⁵⁶ Он предпринял полусерьезную попытку закрепиться в адвокатуре. В 101 г. н. э. он получил военный трибунал благодаря влиянию Плиния, но быстро отказался от командования.⁹⁵⁷ Отныне он полностью посвятил себя историческим исследованиям, которые, если и не принесли ему ослепительной славы, сделали студентов-историков, несмотря на некоторые оговорки относительно его источников, его должниками на все времена. Плиний очень уважал Суетония и всегда был готов подружиться с ним, будь то покупка тихого уединения под Римом⁹⁵⁸ или получение для бездетного антиквара *Jus trium liberorum* от Траяна⁹⁵⁹. Эти два человека были связаны друг с другом многими вкусами и симпатиями, не менее сильной из которых было любопытное суеверие, заразившее, как мы увидим в следующей главе, даже самые энергичные умы того времени. Однажды Суетонию приснился сон, который, казалось, предвещал неудачу в каком-то судебном деле, которым он занимался. Он обратился за помощью к Плинию, чтобы добиться отсрочки. Плиний не ставит под сомнение реальность подобных предупреждений, а лишь предлагает более радостную интерпретацию видения.⁹⁶⁰ Хотя биограф цезарей был предан исследованиям и самым прилежным учеником, он странно медлил с тем, чтобы его работы увидели свет. В 106 году он долго работал над трудом, который, вероятно, был *De Viris Illustribus*.⁹⁶¹ Плиний обрушился на него со шутливыми упреками по поводу бесконечного использования файла и умолял его опубликовать работу без промедления. По некоторым признакам выходит, что затянувшийся том появился только в 113 г.⁹⁶² Только в 118 г., когда Адриан прибыл [pg 169] с Востока после своего воцарения, Суетоний достиг ранга одного из императорских секретарей.⁹⁶³ Плиний, по всей вероятности, умер за несколько лет до возвышения своего друга.

Но хотя заря нового века более мягкого и менее подозрительного правления впервые со времен Августа оставила людям возможность писать правдивые отчеты о прошлом и даже очернять первых цезарей⁹⁶⁴, огромная масса культурных людей во времена Плиния, как и во времена Авзония и Сидония, была предана поэзии. Главной причиной такого направления римского ума, несомненно, была система, которой придерживались в школах. В первом веке, как и в пятом, годы становления мальчиков были почти полностью посвящены изучению поэтов. Предметами их шедевров не пренебрегал и опытный грамматик, который часто был человеком образованным, а иногда и человеком со вкусом; чтение поэзии становилось текстом для лекций по географии и астрономии, по мифологии или древностям религиозного ритуала и конституционным преданиям.⁹⁶⁵ Но стиль и выражение всегда представляли наибольший интерес в этих занятиях. Ухо южан всегда ощущало очарование ритмичной или мелодичной речи с той остротой удовольствия, которой обычно лишен наш более холодный темперамент. А эпоха Августа в течение одного поколения под вдохновением греков творила чудеса, формируя латинский язык, чтобы он стал подходящим проводником всех настроений поэтического чувства. Эта вдохновенная группа писателей,

чьим призванием было прославлять рассвет всемирной империи и древние достижения латинской [расы](#)⁹⁶⁶, поднялась на полную высоту своего призвания. Они сознавали, что пишут для далеких провинций, отвоеванных у варварства, и для далекого потомства.⁹⁶⁷ Они открыли и раскрыли в языке ресурсы, о которых до сих пор не мечтали. Они соединили с его родным достоинством и силой блеск, легкое изящество и пылкость, которые восхищали слух уличных мальчишек в Помпеях, грубых жителей Танаиса или Баэтиса.⁹⁶⁸ Уже при жизни Вергилий стал популярным героем. Его эклоги распевали на сцене; [pg 170] стихов "Энеиды" до сих пор можно увидеть на стенах кампанских городов, наряду со стихами Проперция. Вергилия, когда он приезжал в Рим, встречали толпы восхищенных людей. Когда его стихи читали в театре, вся публика поднималась на ноги, чтобы приветствовать императора.⁹⁶⁹ Он удостоился сомнительной, но значительной чести быть прочитанным александрийскими мальчиками на грубых оргиях Трималхиона.⁹⁷⁰ Никогда достойная слава не была завоевана так быстро и великолепно: редко литературная слава и влияние были такими продолжительными.

Эпоха Флавиев стала преемницей этого великого наследия. Уже были заметны зловещие признаки упадка оригинальности и силы, упадка самого языка.⁹⁷¹ Спор между любителями нового и любителями архаичного стиля бушевал в правление Веспасиана, и его еще можно было проследить в De Oratoribus Тацита или даже в стихах Марциала.⁹⁷² Уже появился вкус к Эннию и цicerоновскому ораторскому искусству, к диалекту героев Пунических войн, даже к "латыни двенадцати таблиц"⁹⁷³ - вкус, которому суждено было принести свои плоды на Мертвом море в эпоху Антонинов. Но кто бы ни критиковал [Цицерона](#)⁹⁷⁴, никто никогда не оспаривал превосходство Вергилия, а он и его современники по-прежнему оставались образцами для множества подражателей. Масса легкомысленных талантов, отброшенных назад самими собой из-за потери свободной республиканской жизни и общественных интересов, очарованных с раннего детства призрачными каденциями большого стиля, бросилась в стихосложение, чтобы коротать долгие часы безделья или добиваться теневой славы на дневном концерте, с еще более теневой надеждой на будущую славу. Большой стиль был чарующим и обманчивым. Он был столь совершенным инструментом, столь протеиновым в своей разнообразной силе, столь богатым в своих ресурсах, что человек с третьесортными способностями и тонким заурядным воображением, обученный искусному манипулированию освященной фразой, мог на мгновение обмануть себя и своих друзей слабыми отголосками музыки золотого века.

[pg 171]

Блеск унаследованной фразы скрывал от него самого бедность фантазии литературного дилетанта. И даже если он не заблуждался относительно своих сил, практика в искусном обращении с литературными символами, которую приобретали в школах, служила изысканным развлечением для слишком богатого досуга. Из диалога De Oratoribus и писем Плиния ясно, что медитативная жизнь, окруженная тихим очарованием ручья и леса, вдали от шума, раздоров и социальной рутины большого [города](#)⁹⁷⁵, привлекала многих людей гораздо больше, чем величайшие ораторские триумфы при столетнем дворе, которые, в конце концов, были такими бледными и буржуазными рядом со славой великих веков ораторского искусства. И хотя Апер в диалоге Тацита с насмешкой отзывается об уединенном и необщительном труде поэта, вознаграждаемом кратковременным успехом,⁹⁷⁶ нет сомнений в том, что стремление прославиться хотя бы на один день было мощным стимулом в то время, когда древние пути к славе были закрыты.

Именно для удовлетворения таких амбиций Домициан в 86 году н. э. учредил состязания на Капитолии, проводившиеся раз в пять [лет](#)⁹⁷⁷, а также ежегодный фестиваль в честь

Минервы на Альбанской горе. Подобный фестиваль, посвященный развитию греческой поэзии, был учрежден в Неаполе в честь Августа, на котором Стаций получил корону из кукурузных колосьев.⁹⁷⁸ А Нерон основал еще один, очевидно, только для собственного прославления.⁹⁷⁹ Фестиваль, учрежденный Домицианом, был более важным и продолжительным. Судьи были взяты из жреческих коллегий, и в окружении высших должностных лиц государства победивший поэт получал свою корону из рук императора. Перспектива такого отличия привлекала конкурсантов из далеких провинций. Любопытной иллюстрацией силы и мастерства литературной дисциплины в школах является тот факт, что дважды в течение нескольких лет корону из дубовых листьев завоевывали мальчики младше четырнадцати лет. Стихи одного из них до сих пор можно прочесть на его могиле.⁹⁸⁰

Но этих нечастых шансов отличиться не могло хватить [pg 172] толпе жаждущих композиторов. В те времена, хотя книготорговля была обширной и энергичной, не существовало организованной издательской системы, с помощью которой новое произведение можно было бы довести до сведения публики.⁹⁸¹ Автору приходилось рекламировать себя, устраивая чтения, на которые он приглашал своих друзей, и распространяя экземпляры своей книги. Мания декламации была темой сатириков со времен Горация до времен Эпиктета.⁹⁸² Марциал комично описывает, как исступленный поэт мучает своих друзей днем и ночью, преследуя их от бани до столовой, и сеет вокруг себя одиночество.⁹⁸³ Ювенал поздравляет своего друга с побегом в деревню от хриплого декламатора фригидной Тесеиды.⁹⁸⁴ В божественных сценах Петрония заядлый версификатор, который спокойно заканчивает отрывок, будучи выброшенным на берег после кораблекрушения, доставляет неудобства своими декламациями в банях и портиках Кротона и очень правильно побивается камнями толпой уличных мальчишек.⁹⁸⁵ Ни один аспект общественной жизни не занимает более заметного места в "Письмах Плиния", чем чтение новых произведений, эпосов или лирики, историй или речей, перед модными собраниями. Такой либеральный покровитель, как Титиний Капито, иногда предоставлял для этих целей зал. Но у тещи было много расходов, начиная с аренды стульев и заканчивая платой вольноотпущенникам и рабам, которые выступали в роли глашатаев. В кругу таких людей, как Плиний, посещение этих собраний было священным долгом и перед письмом, и перед дружбой. В год, когда урожай поэтов был более чем обычно обильным, нетерпеливый адвокат мог похвастаться, что не подвел никого, даже в месяц, когда суды были наиболее загружены.⁹⁸⁶ Несомненно, многие из модных бездельников, коротавших время на многочисленных курортах, посвященных сплетням и скандалам, были рады показаться в толпе. Старые друзья считали своим долгом поддержать и поощрить зарождающиеся литературные амбиции молодого честолюбца из их круга. Некоторых искренних ценителей литературного искусства привлек бы неподдельный интерес и желание поддержать литературную традицию, которая уже подавала признаки слабости и упадка. Но для многих эта обязанность, [pg 173] добавленная к бесконечному кругу других социальных обязательств, явно становилась отталкивающей и утомительной.⁹⁸⁷ Плиний мог с восторгом и восхищением слушать, как Сентий Авгурин читает свои стихи в течение трех долгих дней.⁹⁸⁸ Он спокойно ожидал, что его собственные друзья будут слушать столько же дней целый том его стихов или его Панегирик на Траяна.⁹⁸⁹ Таково было его высокое воспитание, его доброта и такая страсть к литературе в любой форме и любого качества, что он с трудом мог понять, как то, что для него казалось одновременно удовольствием и долгом, должно рассматриваться другими как невыносимая неприятность. К поведению таких людей он относится с некоторым презрением в одном или двух из редких отрывков, в которых он пишет о своем круге с некоторой суровостью. Некоторые из этих модных людей, задержавшись в каком-нибудь месте для сплетен до начала чтения, входили в зал с показной неохотой, а затем уходили, не дождавшись конца. Другие, с видом превосходства, сидели в гробовом

молчании и скрывали малейшее проявление интереса. Это казалось Плинию не только грубыми дурными манерами, но и пренебрежением литературным долгом.⁹⁹⁰ Аудитория должна не только поощрять честные усилия; она должна вносить свои суждения в совершенствование стиля. Плиний, как и Аристотель, очень верил в коллективное мнение людей, даже в вопросах художественного вкуса.⁹⁹¹ Он обычно читал свои произведения все более широкому кругу, каждый раз получая предложения по исправлению. Многие письма Плиния, как и диалог *De Oratoribus*, свидетельствуют о том, с какой остротой в те времена обсуждались вопросы стиля. Но, как и в кругу Сидония, эта энергия критики, возможно, объяснялась смутным сознанием убывающей силы.⁹⁹² Плиний, при всем своем доброжелательном оптимизме, то и дело отпускает фразу, выдающую беспокойство о будущем писем.⁹⁹³ Энтузиазм падает. Более того, в ней звучит едва завуалированное презрение к той жаждущей посредственности, которую Плиний и Титиний Капито считали делом чести поощрять. Мы чувствуем, что находимся на краю той безводной пустыни культурной [pg 174] импотенции, в которой вскоре загадочным образом исчезли свежесть и сила римской литературы.

Как ни велика была привлекательность столицы, ее светские круги с их разнообразными развлечениями, игры и зрелища, литературные новинки, но самый преданный "Арделио" в конце концов чувствовал, что напряжение и однообразие угнетают его.⁹⁹⁴ Сенека и Плиний, Марциал и Ювенал,⁹⁹⁵ с разных точек зрения сетуют или высмеивают бессмыслицу и рабство городской жизни. Римский этикет был, пожалуй, самым властным и требовательным из когда-либо существовавших. Утренние приемы, пунктуальное присутствие при принятии тоги, обручениях, скреплении завещаний или чтении утомительного эпоса, советы или поддержка в судах, поздравления друзей с каждым официальным успехом - эти и многие другие обязанности не оставляли людям, имевшим большой круг знакомых, ни минуты покоя. Отсюда восторг, с которым Плиний уходил в тишину Лаврентийского соснового леса, или чистый холодный бриз, дувший с Апеннин над его тосканской резиденцией.⁹⁹⁶ В этих спокойных уединениях усталый адвокат и литератор на некоторое время становился сам себе хозяином и забывал о шуме и давке улиц, ничтожных амбициях, злобных сплетнях и глупых слухах большого мира, надолго откладывая литературное занятие. Несомненно, деревенская жизнь все больше и больше доставляла ему удовольствие. Ее неподкупная, домашняя роскошь, обычные виды и звуки, античная простота обладают странным очарованием даже для такой закоренелой богемы, как Марциал.⁹⁹⁷ Но Плиний, помимо этих простых видов наслаждения, обладает острым и изысканным чувством красоты пейзажа. Он любит амфитеатр холмов, увенчанный вековым лесом, который смотрит вниз на богатые пасторальные склоны, виноградники или луга, яркие весенними цветами и омываемые извилистым Тибром; он любит пейзажи Комо, где вы наблюдаете за рыбаками за их трудом из какого-нибудь уединения на террасированном берегу.⁹⁹⁸ Где в античной литературе можно найти более четкое и ясное изображение романтической сцены, чем [pg 175] в его описании Клитумна?⁹⁹⁹ Знаменитый поток поднимается под низким холмом, затененным древними кипарисами, и расширяется в бассейн, в стеклянno-ледяных водах которого можно пересчитать гальку. Вскоре течение становится шире и стремительнее, и баржи проносятся под рощами ясеней и тополей, которые, благодаря своему яркому отражению, кажутся растущими в русле реки. Неподалеку стоит храм речного бога, множество других часовен и место древнего авгура; волшебное очарование античного религиозного благоговения сочетается с колдовством природы, и на красивых местах по берегам высятся многочисленные виллы. В Апеннинах и Лаврентийских лесах можно было вдоволь порезвиться. Но Плиний явно не был настоящим спортсменом. Однажды он говорит своему другу Тациту, который, похоже, поддержал его в этой неудаче, что, хотя он и убил трех кабанов, ему больше нравится сидеть с дощечками в руках возле сетей, размышляя на тихой

поляне. [1000](#) Страна очаровала Плиния, но самое большое ее очарование заключается в долгих безмятежных часах, которые можно посвятить литературным размышлениям. Часть дня Спуринна, человека, который командовал армиями и управлял провинциями и достиг семидесяти семи лет, посвящена сочинению лирики на греческом и латинском [языках](#) [1001](#). Плиний раз или два сетует на массу литературных талантов, которые по рассеянности или из любви к легкости были похоронены в этих сельских уединениях. [1002](#) Должно быть, было много деревенских сквайров, подобных Терентию, которые, казалось бы, потерянные в буколических занятиях, удивляли своего гостя чистотой вкуса и широтой культуры. Тот же зарытый талант мы часто встречаем спустя почти четыре столетия на страницах [Сидония](#) [1003](#).

Литература эпохи Флавиев сохранила для нас множество изображений римских вилл. Они занимали самые разнообразные места. Они располагались на скалах, где морская пена омывала их стены, [1004](#) или на внутренних озерах и реках, в лесах, или на отрогах Апеннин, между древним лесом и богатой равниной. [1005](#) Некоторые из этих особняков были отдаленными и уединенными. Но на берегу Неаполитанского залива, на Лаврентийском берегу или на берегах озера [Комо](#) [1006](#) они располагались густым скоплением. [pg 176] Строительство во времена Домициана было в моде, как и во времена Горация, и, как и тогда, все природные преграды бросали вызов, чтобы подготовить место по вкусу строителя. Во владениях Поллиуса Феликса в Сильвее целые холмы были сровнены с землей, а скалы расчищены, чтобы освободить место для дома с садами и лесом. [1007](#) Манлий Вописк построил два роскошных места на противоположных берегах Анио, где поток тихо скользил под развесистыми ветвями. [1008](#) Виллы прижимались к воде так близко, что в промежутке между ними можно было разговаривать и почти касаться руками. Любовь к разнообразию или обязанность сенаторов вкладывать треть своего состояния в итальянские [земли](#) [1009](#) могут объяснить количество загородных резиденций, которыми владели даже люди, не принадлежавшие к самому богатому классу. [1010](#) У Плиния были виллы в Лаурентуме, в Тифернуме Тиберинуме, в Беневентуме и более двух на озере Комо. [1011](#) У оратора Регула было не менее пяти загородных резиденций. [1012](#) Силий Италик имел несколько величественных резиденций в одном и том же районе Кампании, и с капризной легкостью переносил свои привязанности на каждое новое приобретение. [1013](#)

Проследить до мельчайших подробностей устройство одного из этих великих домов - задача не из легких и, возможно, не очень выгодная. Действительно, похоже, что в их архитектуре было много каприза и мало заботы о симметрии. Строитель, похоже, не задумывался о внешнем эффекте. Поймать романтический вид из окна, укрыться от знойной жары середины лета или от короткого декабрьского солнца, а главное - добиться идеальной тишины - вот те цели, которые, похоже, диктовали планы римского архитектора. [1014](#) Лаврентийская вилла Плиния и Суррентийская вилла Поллиуса Феликса из своих окон или колоннад открывали вид на лес, или горы, или море, или тучные стада, пасущиеся на луговой траве, или вид на острова у Кам [pg 177] панийского берега. [1015](#) Одна комната пропускает утреннее солнце, другая освещена вечерним сиянием. Здесь есть колоннада, где зимой можно прогуливаться вверх и вниз с закрытыми ставнями со стороны непогоды, а весной наслаждаться ароматом фиалок и умеренным солнечным светом. [1016](#) В особняках на Анио, по словам Статия, царит атмосфера вечной тишины, которую не нарушает ни блуждающий ветер, ни журчание ручья. [1017](#) Плиний описывает дальнюю комнату в Лаурентуме, в которую не проникает даже разрешенный шум сатурналий. [1018](#) Таким образом, эти виллы разбрасывали свои покои далеко и широко, расходясь во всех направлениях, в зависимости от фантазии хозяина или очарования соседних пейзажей.

Роскошь римской виллы заключалась скорее в просторности и разнообразии построек в соответствии со сменой времен года, чем в мебели для комфорта или великолепия. Во многих домах, правда, были дорогие вещи, столы из цитруса и слоновой кости, античные вазы бесценной стоимости.¹⁰¹⁹ Но покои самых величественных домов, вероятно, на современный вкус показались бы скудно обставленными. Именно на стены, потолок и колонны римлянин со вкусом тратил свое богатство. Дома Плиния, действительно, кажется, были мало украшены подобными дорогостоящими экспонатами.¹⁰²⁰ Но вилла Поллиуса Феликса, как и бани Клавдия Этруска, сияла всем великолепием разноцветных мраморов на плитах и колоннах, добытых в каменоломнях Фригии, Лаконии и Сиены, Кариста и Нумидии.¹⁰²¹ Плиний признается, что не является знатоком искусства. Он с сомнением говорит о достоинствах приобретенной им коринфской бронзы.¹⁰²² Но в своем кругу он был окружен художественным энтузиазмом, во многом, надо опасаться, претенциозным и невежественным. Распространение художественных богатств греческих земель наводнило Италию работами великих мастеров. Их коллекционеры, такие как Силий Италик, были нарасхват. мода стала такой общей и такой властной, что проникла даже в вульгарный круг людей вроде Трималхиона, который, толкуя сюжет чеканки на кубке, мог спутать Пуническую и Троянскую войны. В виллах, описанных [pg 178] Статием, кажется, что салоны и колоннады украшало искусство Апеллеса, Фидия, Мирона и Поликлета.¹⁰²³ Однако можно сомневаться, что многие из этих работ могли претендовать на столь прославленное происхождение. В те времена существовало множество легкомысленных приемов, которые могли легко обмануть вульгарного коллекционера путем более или менее удачного воспроизведения.¹⁰²⁴ Уверенная претензия на художественную разборчивость была не менее распространена в эпоху Флавиев, чем в более поздние времена, и, вероятно, была столь же ошибочной. Довольно подозрительно, что в попытках художественной оценки в этот период внимание, похоже, сосредоточено на предполагаемой древности, редкости или дороговизне материала. В восторженных описаниях в "Сильвеях" мало что указывает на подлинную оценку настоящего искусства.

Возможно, что великий римский загородный дом по своей обширности, хотя и не по статности экстерьера, превосходил соответствующие особняки нашего времени. Это было выражение в камне доминирующей страсти чрезвычайно богатого класса, опьяненного великолепием императорской власти и стремящегося создать памятники, достойные имперской расы. Кроме того, энергия римлянина всегда ликовала, торжествуя над природными трудностями. Как он прокладывал свои дороги через горы и болота, так он гордился тем, что воздвигал свои каменные сваи на самых непокорных и непослушных местах, а то и посреди волн. Но по масштабам своих парков и разнообразию цветочных композиций римляне самой роскошной эпохи редко дотягивали до современных английских стандартов. Территории вилл, которые плотной чередой выстроились вдоль лаврентийского или кампанских берегов, не могли быть очень обширными. Из окон Плиния открываются великолепные виды на лес, горы и луга, но все это находится явно за пределами его владений.¹⁰²⁵ Сады и кустарники очень искусственны, они расположены террасами или лабиринтами рядом с домом, или с живыми изгородями, подстриженными в форме животных, вдоль открытой колоннады. Ипподром в его тосканской резиденции, предназначенный для упражнений в верховой езде, образован линиями из самшита, лавра, кипариса и платана. Инжир и шелковица образуют сад на Лаврентийской вилле.¹⁰²⁶ Культивируемых [pg 179] цветов немного, только розы и фиалки. Но римляне компенсировали разнообразие пышным изобилием. Во время неронских оргий на египетские розы для одного банкета иногда тратилось целое состояние.¹⁰²⁷

Мы могли бы почти догадаться, как проходили дни среди таких сцен, даже не имея никакого официального дневника. Но Плиний оставил нам два описания дня джентльмена в деревне.¹⁰²⁸ Сам Плиний, как и следовало ожидать, просыпался рано, около шести часов, и в одной из спальных комнат, так тщательно отгороженных от голосов природы или домашнего шума, с закрытыми ставнями, размышлял над каким-нибудь литературным произведением. Затем, позвав своего амануэзиса, он продиктовал то, что сочинил. Около десяти или одиннадцати он уходил в тенистую обитель, выходящую на клумбу фиалок или в рощу платанов, где продолжал свою литературную работу. Затем следовала дорога, во время которой, согласно наставлениям и примеру дяди, он продолжал заниматься.¹⁰²⁹ Короткая сиеста, прогулка, декламация на греческом и латинском языках, по примеру Цицерона, гимнастические упражнения и ванна заполняли пространство до наступления времени обеда. Во время этой трапезы читали вслух какую-нибудь книгу, а вечерние часы оживлялись игрой или музыкой и обществом друзей. Время от времени охота и заботы о сельском поместье вносили разнообразие в этот распорядок. Распорядок дня Спуринны, который вызвал восхищение Плиния своей строгой регулярностью, во многом совпадает с его собственным, за исключением того, что Спуринна, похоже, больше говорил и меньше читал¹⁰³⁰.

Обычному английскому сквайру жизнь Плиния в деревне не показалась бы очень привлекательной. А его притворство в спорте, вероятно, высмеивалось даже в его время.¹⁰³¹ Но его "Письма" дают представление о сельском обществе, которое, как в своих удовольствиях, так и в своих заботах, вероятно, всегда было одинаковым из века в век в Европе. По пути в Комо Плиний однажды заехал на пару дней в свое тосканское поместье, чтобы принять участие в посвящении храма, который он построил для жителей Тифернума Тиберинума. После освящения последовал обед для его добрых соседей, которые избрали его покровителем своего городка, гордились его карьерой и тепло приветствовали его всякий раз, когда [pg 180] он появлялся среди них.¹⁰³² Есть также запись о восстановлении, повинувшись предупреждению прорицателя, древнего храма Цереры на его землях, с колоннадами, чтобы укрыть поклонников, которые часто посещали святилище. А почтенную деревянную статую богини, которая сильно обветшала, пришлось заменить более художественным изображением. Но жизнь римского собственника, конечно, имела свою прозаическую и хлопотную сторону, которую Плиний не скрывает. Есть интересное письмо, в котором он советуется с другом по вопросу покупки поместья.¹⁰³³ Оно примыкало, точнее, вклинивалось в его собственные земли. Им мог бы управлять один и тот же судебный исполнитель, а один и тот же штат рабочих и ремесленников обслуживал бы оба поместья. С другой стороны, считает Плиний, лучше не класть слишком много яиц в одну корзину. Разумнее иметь поместья, разбросанные по разным местам, и тем самым меньше подвергаться риску от одного удара бедствия. К тому же это поместье, каким бы заманчивым оно ни было, с его плодородными, хорошо поливаемыми лугами, виноградниками и лесами, обременено неплатежеспособными арендаторами, которые из-за плохого управления влезли в долги. Плиний, однако, склоняется к покупке по сильно сниженной цене¹⁰³⁴, и, чтобы покрыть платеж, хотя его богатство почти полностью состоит из земли, он может взять несколько займов под проценты, а остаток занять у своего тестя, чей кошелек всегда в его распоряжении. Плиния иногда беспокоили жалобы жителей его владений, и ему было очень трудно найти платежеспособных арендаторов на пять лет. Он делал либеральные послабления в арендной плате, но долги продолжали накапливаться, пока арендатор в отчаянии не оставлял попыток погасить долг. В такой ситуации Плиний решил применить другую систему аренды. Он заменил фиксированную арендную плату определенной долей продукции¹⁰³⁵, фактически системой метеков, и нанял несколько своих людей, чтобы следить за тем, чтобы доходы не уменьшались обманным путем. В другой раз он приходит в

замешательство, обнаружив, что из-за плохого урожая [pg 181] люди, которые заранее купили его виноград, окажутся в большом проигрыше. Он делает единую скидку для всех в размере около двенадцати процентов. Но он дает дополнительное преимущество крупным покупателям, а также тем, кто был своевременным в своих платежах. [1036](#) Характерно, что он говорит, вполне естественно, что домовладелец должен разделить со своим арендатором такие риски, связанные с непостоянством природы.

Такой хороший человек, конечно же, гораздо больше страдал от бед своих иждивенцев, чем от собственных денежных потерь. В один год среди его рабов было много смертей. Плиний остро чувствует это, но утешает себя мыслью о том, что он был либерален в вопросах освобождения от наказания и еще более либерален в том, что позволил своим рабам составлять завещания, действительность которых он поддерживает, как если бы они были юридическими [документами](#)[1037](#). Если Плиний проявляет слишком много самодовольства в этом человеческом сочувствии, то не приходится сомневаться, что, подобно Сенеке, он считал рабов покорными друзьями, людьми одной плоти и крови с хозяином, и что хозяин несет перед ними моральный долг, совершенно не считаясь с юридическими конвенциями [Рима](#)[1038](#). Когда дед его жены предложил провести многочисленные манумиссии, Плиний очень обрадовался появлению в муниципалитете стольких новых граждан. [1039](#) Когда его любимый читатель, Энколпий, заболел кровотечением, Плиний проявил искреннюю и самую нежную заботу о скромном партнере по учебе. [1040](#) Другой член его семьи, вольноотпущенник по имени Зосима, страдал от той же болезни. Зосимус, похоже, был отличным, верным и опытным человеком. Он был очень разносторонним, комедиантом, музыкантом, со вкусом читал всевозможную литературу. [1041](#) Его покровитель отправил его в Египет, чтобы поправить здоровье. Но из-за слишком большой нагрузки на голос у него возобновилась опасная болезнь, и он снова нуждался в перемене воздуха. Плиний решил отправить его на Ривьеру и просит друга, Паулина, предоставить Зосиму в пользование свою виллу и все необходимое внимание, за что Плиний [pg 182] возьмет на себя расходы. [1042](#) В своих социальных отношениях с вольноотпущенниками Плиний всегда проявляет себя идеальным, любезным джентльменом. Ювенал и Марциал с презрением отзывались о неравных обедах, где гости были разделены на группы, а скромникам подавали более бедное вино и более грубые яства. [1043](#) Плиний присутствовал на одном из таких развлечений и выражает свое презрение к вульгарному хозяину в выражениях, отличающихся незаслуженной энергией. [1044](#) Его собственные вольноотпущенники, как он говорит сотрапезнику, получают за его столом равное удовольствие. Если человек опасается расходов, он может найти выход из положения, сдерживая свою роскошь и разделяя простую пищу, которую он навязывает своей компании. Отношения Плиния с его рабами и вольноотпущенниками были очень похожи на те, которые добрый английский сквайр культивирует по отношению к своим домочадцам и иждивенцам. Ласковое сожаление о хорошем хозяине или хозяйке, запечатленное на многих надписях той [эпохи](#)[1045](#), показывает, что домочадцы Плиния отнюдь не были редким исключением.

Однако "Письма Плиния", при всем их милосердии и спокойном оптимизме, время от времени раскрывают и более мрачную сторону домашнего рабства. Человек преторианского ранга по имени Ларгий Македо, который забыл или, возможно, слишком ярко помнил свое собственное подневольное происхождение, был известен как жестокий и надменный хозяин. Когда он наслаждался купанием в своей Формийской вилле, его внезапно окружила толпа разъяренных рабов, которые с выражением ненависти и отвращения нанесли ему такие увечья, что он остался лежать мертвым на раскаленной мостовой. Некоторое время он казался или притворялся мертвым. Несколько оставшихся верными подхватили безжизненный труп под крики наложниц и понесли его во Фригидарий. Прохлада и шум

вывели его из обморока. Убийцы тем временем скрылись, но многие из них в конце концов были пойманы, и злодеяние было жестоко отомщено. [1046](#) В другом письме Плиний рассказывает о таинственном исчезновении некоего Метилия Криспа, гражданина Комо, для которого Плиний добился конного звания и сделал ему подарок в размере 400 000 HS. Метилий отправился в путешествие, и больше о нем ничего не было слышно. [1047](#) [pg 183] важно, что из рабов, сопровождавших его, никто не появился вновь. Среди таких опасностей, говорит Плиний, живем мы, хозяева, и никакая доброта не может избавить нас от тревоги. Сенека замечает, что жизнь хозяина постоянно находится в зависимости от его рабов. [1048](#) И жестокая строгость законодательства показывает, насколько реальной была опасность.

Плиний был еще младенцем в те злые времена, когда самоубийство было единственным убежищем от тирании, когда ланцет так часто открывал путь к "вечной свободе". Однако даже в его поздние годы люди нередко спасались от невыносимых бедствий или неизлечимых болезней добровольной смертью. [1049](#) Вопрос о нравственности самоубийства долгое время оставался дискуссионным. Были строгие моралисты, которые утверждали, что ни в коем случае нельзя покидать свой пост до финального сигнала к отступлению. Такие люди, как Сенека, считали, что этот вопрос должен решаться в зависимости от обстоятельств и мотивов. [1050](#) Он не стал бы оправдывать дикое, порывистое самоубийство, не имеющее оправдательной причины. С другой стороны, могли быть случаи, особенно при таком чудовище, как Нерон, когда просто глупо было бы не выбрать легкое освобождение, а не верную смерть в пытках и бесчестии. Вечный закон, определивший единственный вход в эту жизнь, милосердно предоставил нам множество выходов. Любая смерть предпочтительнее рабства. [1051](#) Итак, в случае болезни и старости речь идет лишь о том, стоит ли прожить остаток жизни. Если душевные силы приходят в непоправимый упадок, если болезнь мучительна и неизлечима, Сенека разрешил бы разумной душе резко покинуть свое разрушающееся жилище, но не для того, чтобы избежать боли или слабости, а чтобы избавиться от рабства никчемной [жизни](#) [1052](#).

Плиний не был философом, и у него не было разработанной теории самоубийства или чего-либо еще. Но о его мнении по этому вопросу можно судить по его замечаниям о деле Тиция Аристо, ученого юриста. По его словам, бросаться на смерть - это вульгарный, [pg 184] банальный поступок. Но взвешивание различных мотивов, обдуманый и рациональный выбор при определенных обстоятельствах могут быть доказательством высокого ума. [1053](#) Случаи самоубийства, описанные в "Письмах", почти всегда связаны с неизлечимой или затянувшейся болезнью. Самый известный - случай с роскошным Силиусом Италиком, который умер от голода на семьдесят пятом году жизни. [1054](#) Он был болен неизлечимой опухолью, которая была почти единственной бедой в его долгой и счастливой жизни. Кореллий Руф, который наблюдал за карьерой Плиния почти с родительской [заботой](#) [1055](#), решил закончить свою жизнь аналогичным образом. Плиний был безмерно опечален завершением жизни, в которой, казалось, было так много благ, высокого характера, большой репутации и влияния, семейной любви и дружбы. Однако он не подвергает сомнению последнее решение Кореллиуса. На тридцать третьем году жизни он заболел наследственной подагрой. В период бурной молодости он сдерживал ее приступы крайним воздержанием. Но с наступлением старости мучения, терзающие все конечности, стали невыносимыми, и Кореллиус решил положить конец безнадежной борьбе. Его упрямство не поддавалось никаким уговорам жены и друзей, и Плиний, которого позвали в качестве последнего средства, пришел только для того, чтобы в последний раз услышать от врача одно энергичное слово. [1056](#) Однажды, плывая по озеру Комо, Плиний услышал от старого друга трагическую историю о двойном самоубийстве с веранды, нависавшей над озером.

Муж долгое время страдал от отвратительной и безнадежной болезни. Его жена настаивала на том, чтобы узнать правду, и, когда она ей открылась, она убедила его прекратить жестокое испытание и пообещала составить ему компанию. Связанная вместе, пара совершила роковой прыжок1057.

Несмотря на его милосердие и оптимизм1058, было бы не совсем верно утверждать, что Плиний был слеп к недостаткам и порокам своего времени. Он с почти тацитским презрением говорит о наградах, которые ожидали расчетливую бездетность, и о [pg 185] жаждущей покорности охотнице за волей.1059 Рекомендую наставника для сына Кореллии Хиспуллы, он считает, что в эпоху опасной распущенности, когда молодежь была охвачена множеством соблазнов, безупречный характер учителя имел первостепенное значение.1060 Он сокрушается о деградации сенаторского характера, проявившейся в сквернословии и непристойных записях, которые иногда встречались на табличках для голосования августейшего органа.1061 Упадок скромности и учтивого почтения молодых к старшим очень огорчал столь учтивого джентльмена. Казалось, не осталось никакого уважения ни к возрасту, ни к авторитету. С их мнимым всезнанием и интуитивной мудростью молодые люди не желают ни учиться у кого-либо, ни подражать какому-либо примеру; они сами себе образец.1062 Среди множества безупречных и очаровательных женщин из окружения Плиния есть одно любопытное исключение, которое, как мы можем предположить, сформировалось в нероновскую эпоху. Умидия Квадратилла была дамой самого высокого ранга, умершей в возрасте восьмидесяти лет в середине правления Траяна.1063 Она сохранила до конца необычайное здоровье и бодрость и, очевидно, наслаждалась внешней стороной жизни со всей изюминкой, свойственной былым временам разгульной молодости. Ее внук, живший под ее кровом, был одним из самых дорогих друзей Плиния, безупречным и почти пуританским персонажем. Умидия даже в старости держала целую труппу пантомимиков и продолжала наслаждаться их сомнительными представлениями. Но ее внук никогда не стал бы их свидетелем, и, надо сказать, Умидия уважала и даже поощряла добродетель, превосходящую ее собственную.

Было замечено, что почти во всех этих случаях, когда Плиний может найти какие-либо недостатки в своем поколении, эти недостатки кажутся лишь оправданием добродетели некоторых из его друзей. Даже в его собственное время находились те, кто критиковал его за экстравагантное восхваление людей, которых он любил. Он воспринимает порицание как комплимент, предпочитая добросердечие, которое иногда обманывает, холодному критицизму, утратившему все иллюзии.1064 Плиний принадлежал к касте, которая была связана [pg 186] друг с другом самыми крепкими узами верности и традиций.1065 Члены этой касты были обязаны поддерживать друг друга советом, поддержкой и влиянием, от них ожидалось, что они будут способствовать продвижению товарища по карьерной лестнице, аплодировать и стимулировать его литературные амбиции, быть щедрыми на сочувствие, поздравления или денежную помощь во всех превратностях общественной или частной жизни.1066 Старшие мужчины, вынесшие на своих плечах тяжесть великих дел, признавали обязанность формировать характер своих младших путем наставлений и критики. Так старый солдат Спурина во время утренней прогулки излагал молодому товарищу весь свой богатый опыт. В этом духе Вергиний Руф и Кореллий поддерживали Плиния на протяжении всей его официальной карьеры, наставляя и поддерживая его.1067 Плиний, в свою очередь, всегда был щедр на такую помощь и считал делом гордости и долга оказывать ее. Иногда он добивается должности для сына друга или рекомендует человека императору за *Jus trium liberorum*.1068 Иногда он аплодирует ранним усилиям молодого адвоката, дает ему советы по поводу дел, за которые ему следует взяться, или дисциплины, необходимой для ораторского успеха.1069 С ним часто советовались по поводу выбора воспитателя для

мальчиков, и он отвечал со всей искренностью человека, который верил в бесконечную важность здорового влияния в первые годы жизни. [1070](#) Своим старшим друзьям он адресовал рассуждения о стиле, утешения в тяжелой утрате, поздравления с официальным назначением, описания какой-нибудь красивой сцены или живописного случая из сельской жизни. Он часто писал, подобно Симмаху, просто для того, чтобы поддержать связь дружеской симпатии беседой на бумаге. Его тщеславие слишком очевидно в некоторых из этих писем. Но это, в конце концов, невинное тщеславие, а всепоглощающая забота о сохранении тепла и солидарности дружбы и высокого тона в великом классе, к которому он принадлежал, вполне могла бы скрыть даже более серьезные недостатки. Если в [\[pg 187\]](#) этого класса и было слишком много самообольщения, если они часто предавались соблазнам легкомыслия и литературным пустякам в роскошных уединениях, то следует также помнить, что человек высокого ранга платил за свое место в римском обществе большой ценой, как деньгами, так и соблюдением очень строгого социального кодекса. И никто не признавал это обязательство с большей радостной готовностью, чем Плиний.

Плиний искренне переживал за то, чтобы родовитые юноши стремились к личному отличию. Любой отблеск щедрого честолюбия, любой признак напряженной энергии, способный спасти молодого аристократа от соблазнов легкости и богатства, встречался им с нескрываемым восторгом. Очевидно, он был очень восприимчив к очарованию манер, которым часто обладают молодые люди этого класса. Когда к этому добавлялась сила характера, его удовлетворение было полным. Отсюда его восторг, когда Фуск Салинатор и Умидий Квадрат, самые сливки римской знати, вступили в конфликт при центумвиральном дворе. [1071](#) И действительно, эти молодые люди, похоже, обладали многими достоинствами и добродетелями. В частности, Салинатор, обладавший изысканной литературной культурой, имел смешанное очарование мальчишеской простоты, серьезности и миловидности. [1072](#) Асиний Басс, сын Асиния Руфа, был еще одним из этой многообещающей группы юношей, безупречным, ученым и прилежным, которого Плиний хвалит за квесторство перед Фунданом, в то время, очевидно, назначенным консулом. [1073](#) В "Письмах" нет более искреннего чувства, чем скорбь Плиния о ранней смерти Юния Авита, другого многообещающего юноши. Плиний сформировал его характер и поддержал его при выдвижении на должность. Он помогал ему советами в учебе или в выполнении административных обязанностей. Авит отплатил за всю эту отеческую заботу покорностью и почтением, которые становились редкостью среди молодых людей того времени. Завоевав расположение и доверие старших на службе, Авит, несомненно, был обречен стать одним из тех справедливых и стойких императорских офицеров, как Корбуло или Вергиний Руф, многие из которых оставили после себя лишь имя в краткой надписи, но которые были славой и силой империи во времена ее глубочайшего упадка. Но все эти надежды Авита были погашены в один день.

[\[pg 188\]](#)

Праведные и добродетельные люди из окружения Плиния, Кореллий Руф, историк Титиний Капито, ученый юрист Пегас, магистрат Требоний Руф, подавивший игры во Вьенне, Юний Мауриций, который запретил бы их в столице, и многие другие подобные люди часто использовались для опровержения пессимизма Ювенала. В одной из предыдущих глав мы уже видели основания полагать, что взгляд сатирика на женский характер нуждается в подобном же исправлении. Даже в худшие царствования страницы Тацита открывают нам сильных и чистых женщин, как во дворце, так и в больших сенаторских домах. В широком философском кругу, вероятно, было много Аррий и Плотин. В "Агриколе" и в письмах Сенеки

к Марцию и Гельвии мы видим, что даже в самый мрачный час в домах царила атмосфера древнеримской сдержанности и трезвости, где добрые женщины оказывали сильное влияние на своих мужей и сыновей и где примеры старой республики, как библейские персонажи, служили укреплению добродетели. [1074](#) Сенека в своих взглядах на женщин, как и во многом другом, по сути, современен. Он, конечно, восхищается античным идеалом самодостаточной силы и домашней добродетели. Но он также верит в равную способность женщин к культуре, даже в области философии, и наполовину сожалеет, что старомодный предрассудок лишил Гельвию возможности получить философскую дисциплину. [1075](#) Тацит и Плиний, которые не очень-то верили в философию как в предмет изучения для мужчин, вряд ли рекомендовали бы ее женщинам. Но они жили среди женщин, которые были культурными в лучшем смысле этого слова. Третья жена Плиния, Кальпурния, могла оказать ему самое полное сочувствие в его литературных трудах. [1076](#) Но ее слава, о которой она, вероятно, мало мечтала, основана на чистоте и мягкости ее характера. Ее предки, как и предки Плиния, принадлежали к аристократии Комо. Ее тетка, Кальпурния Хиспулла, которая была близкой подругой матери Плиния, в годы девичества присматривала за ней с той заботой, которая сделала ее идеальной женой. Какой была Кальпурния в детстве, мы, вероятно, можем представить себе по прозаической элегии [pg 189] Плиния на смерть юной дочери Минуция Фундануса. [1077](#) Это картина прекрасного характера и прекрасной юной жизни, оборвавшейся слишком рано. Девушке еще не исполнилось четырнадцати лет. Она уже была обручена, когда ее настигла смертельная болезнь. Ее милая девичья скромность, сочетавшаяся с матросской серьезностью, очаровывала всех друзей ее отца. Она с любовью относилась ко всем домочадцам, своим воспитателям и рабам, кормилицам и служанкам. Бодрый ум победил телесную слабость, и она перенесла свою последнюю болезнь со сладостным терпением, ободряя отца и сестру и не уклоняясь от смерти.

Хотя мы знаем о многих счастливых супружеских жизнях в ту [эпоху](#)[1078](#), нет картины, столь полной чистой преданности и нежности, как та, что мы имеем в письмах Плиния к Кальпурнии. Это любовные письма в самом лучшем смысле и самом совершенном стиле. [1079](#) Юность Плиния давно прошла, когда он добился руки Кальпурнии, но их любовь друг к другу - это любовь юноши и девушки. Когда ей приходится отправиться в Кампанию по делам своего здоровья, он испытывает о ней всевозможные тревоги и просит ее писать раз или даже два раза в день. Плиний перечитывает ее письма снова и снова, как будто они только что пришли. Ночью перед ним стоит ее образ, а днем в положенный час ноги сами несут его в ее пустую комнату. Отдохнуть от этих мук любовника ему удастся только в то время, когда он занят в суде. Плиний часто заботился о здоровье Кальпурнии. Они не принадлежали к тому отвратительному классу, который предпочитал "награды бездетности", но их надежды на потомство рушились снова и снова. Эти горести передались тетке Кальпурнии и ее деду, Кальпурнию Фабату, щедрому старому оруженосцу из Комо, который, как и Плиний, желал иметь потомков в своем роду. Во время смерти старика Кальпурния находилась с мужем в Вифинии и хотела сразу же поспешить домой, чтобы утешить тетку. Плиний, не имея времени заручиться санкцией императора, дал ей официальный приказ пользоваться государственной почтой на обратном пути в Италию. В ответ на его письмо с объяснениями и извинениями Траян прислал свое одобрение в своем обычном любезном и учтивом стиле. Это последний взгляд на Плиния и Кальпурнию. [1080](#)

[pg 190]

Характер Плиния, представленный в его "Письмах", - это воплощение лучших моральных качеств великой эпохи, которая открылась после его смерти, в более добром и справедливом обращении с рабами, в высоком уважении к женщинам, в добросовестной заботе о

воспитании молодежи, в благотворном отношении к беспомощным и страждущим. Но было бы ошибочно считать эти идеи совершенно новым шагом. Опасно утверждать, что в римской социальной истории есть что-то совершенно новое. Дело в том, что моральные настроения, на которых основывались эти движения, витали в воздухе на протяжении многих поколений. Оно было распространено стоической проповедью братства и равенства людей как сограждан одного великого содружества. Обязанность выкупать пленных и помогать бедным проповедовал Цицерон за полтора века до появления "Писем" Плиния. [1081](#) Гораций несколькими годами позже задал мучительный вопрос: "Почему достойные должны нуждаться, а вы иметь богатство?" [1082](#) Сенека с благословением евангелиста проповедует все доктрины, на которых было основано гуманное законодательство эпохи Антонинов, все принципы гуманности и милосердия всех эпох. Он утверждает естественное равенство свободного и раба, а также право раба на доброту и внимание. [1083](#) Во многих местах он клеймит жестокость и презрение рабовладельца. Он проповедует терпимость к недоброжелателям, прощение оскорблений и обид. [1084](#) На примере Бога, который щедр и милосерден даже к злодеям, он внушает обязанность всеобщей доброты и отзывчивости. [1085](#) Ювенал не был философом, но он бессознательно глубоко впитал евангелие философии. За всем его горьким пессимизмом скрывается чистый и возвышенный нравственный тон, который иногда почти приближается к идеалу милосердия Св. Раб, которого мы пытаем или оскорбляем за какую-нибудь мелкую провинность, состоит из тех же элементов, что и мы сами. [1086](#) Чистота детства не должна быть осквернена пиршествами и примером интриг матери или грубых излишеств отца. [1087](#) Месть - удовольствие тщедушной души. [1088](#) [pg 191] Виновный может быть оставлен на растерзание невидимого инквизитора. Ювенал считает способность сочувствовать любому человеческому горю или боли бесценным даром природы, "которая дала нам слезы". [1089](#) Именно по ее велению мы оплакиваем беду друга или смерть младенца, "слишком маленького для погребального костра". Сцены страдания и жалости, которые сатирик набросал в некоторых нежных строках, несомненно, не были воображаемыми картинками. В своем современном самодовольстве мы склонны забывать, что, по крайней мере среди цивилизованных рас, человеческая природа в своих общих чертах остается практически неизменной из века в век. На неясной эпитафии этого периода можно прочесть слова - Bene fac, hoc tescum feret. [1090](#) Тот, кто знаком с надписями, может быть склонен сомневаться, что частные пожертвования при Антонинах были менее частыми и щедрыми, чем в наши дни.

Обязанности, связанные с богатством, как в Греции, так и в Риме, во все времена неукоснительно соблюдались общественным мнением. Во времена Цицерона и Симмаха, как и во времена Перикла. [1091](#) Богатые должны были платить большие деньги за почести и общественное внимание. [1091](#) Они должны были участвовать в развлечениях народа и содержать толпу клиентов и вольноотпущенников. В самой отдаленной муниципии те же амбиции и те же социальные требования, как мы покажем в следующей главе, создавали огромную нагрузку на ресурсы высшего класса. Люди, должно быть, часто разорялись из-за такой щедрой либеральности. Во времена правления Августа один крупный покровитель несколько раз дарил любимому вольноотпущеннику суммы в 3000 или 4000 фунтов стерлингов. В царствование Нерона потомку мецената пришлось стать пенсионером императора. Ювенал и Марциал рассказывают о шумных требованиях, с которыми обращались к великому покровителю. [1092](#) Мотивы такой щедрости богатого класса во все времена были неоднозначны и разнообразны. Но в наш период очевиден рост чисто гуманной благотворительности, чувства долга перед беспомощными, будь то молодые или старые. Со времен Гракхов государство взяло на себя непосильное бремя обеспечения продовольствием четверти миллиона пролетариев Рима. Но в [pg 192] дни Плиния оно признало новые обязательства. Важность образования и рост нищеты сильно действовали

на правящий класс, который под влиянием философии все больше и больше верил в долг благожелательности и преданности умственным вещам. Все императоры от Веспасиана до Аврелия либерально финансировали высшее образование.¹⁰⁹³ Но этот культурный фонд, который в итоге принес не только вред, но и пользу, не так интересен для нас, как благотворительные фонды для детей бедняков. По всей видимости, именно император Нерва, жесткий экономист, продававший императорскую мебель и драгоценности, чтобы пополнить [казну](#)¹⁰⁹⁴, первым выделил средства для детей нуждающихся родителей по всей Италии. Но эпиграфика рассказывает нам о благотворительности императоров больше, чем литературная история. Скрижаль из Велея - бесценная запись благотворительных мер, принятых Траяном. Мотивы великого императора были, вероятно, как предполагает его панегирист, не только благодетельными, но и политическими.¹⁰⁹⁵ Возможно, он хотел поощрить воспитание детей, которые должны были служить в армии государства, а также облегчить бедственное положение. Еще более очевидно, что это положение было направлено на стимулирование сельского хозяйства. Земельные собственники этого места, в количестве сорока шести человек, получили от государства закладную на сумму около 10 000 фунтов стерлингов в наших деньгах под пять процентов, что было меньше половины обычной ставки того времени.¹⁰⁹⁶ Эти проценты были направлены на содержание 300 бедных детей из расчета около 1 фунта 11 шиллингов в год на каждого ребенка мужского пола и 1 фунта на каждую девочку. Незаконнорожденные дети, которых, как можно отметить, было всего двое или трое из такого количества, получали меньшее пособие. Мальчиков содержали до восемнадцати лет, девочек - до четырнадцати. Это была смелая и мудрая попытка поощрить итальянское сельское хозяйство, остановить зловещее обезлюдение [Италии](#)¹⁰⁹⁷ и ответить на вопли бедняков. Адриан продолжил и даже дополнил благотворительность Траяна.¹⁰⁹⁸ Антонин Пий, в [pg 193] честь своей жены Фаустины, основал фонд для молодых девушек, которые должны были называться ее не совсем незапятнанным именем.¹⁰⁹⁹ Аналогичный благотворительный фонд был основан в честь ее дочери М. Аврелием.¹¹⁰⁰

Но в то время как императоры отвечали на призыв к благотворительности, используя ресурсы государства, из писем Плиния и надписей ясно, что частная благотворительность была еще более активной. У Плиния есть представление о пользе и ответственности богатства, которое, несмотря на учение Галилея, еще не очень распространено. Хотя он не был очень богатым человеком, он действовал в соответствии со своими принципами в таких масштабах и пропорциях, которых пока достигли лишь немногие из наших миллионеров. Щедрость Плиния - обычное явление социальной истории. У нас нет ни малейшего желания умалять заслуженную славу этого добрейшего из римских джентльменов. Но изучение надписей может склонить исследователя к мысли, что в безвестных городах по всему миру было много мужчин и женщин, обладавших такой же щедростью и общественным духом, как Плиний.¹¹⁰¹ У Плиния, как и у этих более безвестных благотворителей, движущим мотивом была любовь к родному городу или деревне, которые были домом их рода и где прошли годы юности. Плиний, выдающийся адвокат, знаменитый литератор, любимец римского общества, по-прежнему оставался верным сыном Комо, от которого его любовь никогда не отступала.¹¹⁰² Он следовал примеру своего отца и совершенствовал его в благотворительности для родного места.¹¹⁰³ Ему не нравились игры и гладиаторские представления, которые были самыми популярными объектами благотворительности в те дни. Но он выделил почти 9000 фунтов стерлингов на основание городской библиотеки с ежегодным пожертвованием более 800 фунтов стерлингов на ее содержание.¹¹⁰⁴ Обнаружив, что перспективные юноши Комо вынуждены ездить в Милан для получения высшего образования, он предложил [pg 194] оплатить одну треть расходов на среднюю школу в Комо, если родители соберут оставшуюся сумму. Письмо, в котором содержится это

предложение, показывает Плиния с лучшей стороны, мудрого и вдумчивого, а также щедрого. **1105** Он хочет, чтобы мальчики находились под защитой домашнего влияния, чтобы они полюбили свой родной город; и он ограничивает свою помощь, чтобы стимулировать интерес родителей к делу образования и к назначению учителей. Еще одну сумму в размере от 4000 до 5000 фунтов стерлингов он передал в Комо для поддержки мальчиков и девочек из бедных слоев населения. **1106** Он также оставил более 4000 фунтов стерлингов на общественные бани и почти 16 000 фунтов стерлингов своим вольноотпущенникам, а также на проведение общинных праздников. В двух своих поместьях он построил или отремонтировал храмы за свой счет. **1107** Его частные пожертвования были такого же масштаба. Не стоит делать циничный вывод о том, что Плиний рассказал нам обо всей своей щедрости. Любезная деликатность, с которой Плиний заявляет о праве второго отца на приданое дочери своего друга Квинтилиана, несомненно, спасет его от такого обвинения. **1108** В том же духе он предлагает Рوماتию Фирмусу 2500 фунтов, которые были необходимы, чтобы поднять его состояние до уровня всаднического звания. **1109** Когда Домициан изгнал философов, Плиний, бывший в то время претором, с неминуемым риском посетил своего друга Артемидора и одолжил ему без процентов значительную сумму денег **1110**. Дочь одного из его друзей осталась с запущенным именем; Плиний взял на себя все долги и оставил Кальвине наследство, свободное от всех тягот. **1111** Он подарил своей старой кормилице небольшое имение, которое обошлось ему примерно в 800 фунтов стерлингов. **1112** Но не столько поражает сумма подарков этого доброго человека, которая могла бы посрамить современного завещателя с десятикратным состоянием, сколько доброта, которая их побудила, и скромная деликатность, с которой они были сделаны.

Однако Плиний, как мы уже говорили, - лишь яркий пример многочисленного класса более скромных благотворителей. На тысячу человек, знающих его "Письма", найдется немного тех, кто читал каменные записи о подобной щедрости. Тем не менее, для тех, кто захочет их прочесть, эти памятники найдутся. И каждый, кто потратит несколько дней или даже несколько часов на изучение [pg 195] надписей ранней империи, обнаружит, что многие обычные, самодовольные предрассудки растаяли. Он обнаружит изобилие щедрости, направленной на то, чтобы добавить красоту, достоинство или удобство родительскому городу, облегчить скуку обычной жизни, объединить все сословия в общих сценах наслаждения, облегчить нужду и страдания среди неимущих. Мотивы этой необычайной либеральности действительно часто были смешанными, и, с нашей точки зрения, они часто были неверно направлены. Иногда дары делались лишь для того, чтобы завоевать популярность или отплатить за гражданские почести, оказанные населением. Слишком часто они посвящались гладиаторским представлениям и другим выставкам, которые только развращали зрителей. Однако большая их часть тратилась на общественно полезные объекты - бани, театры, рынки, новые дороги и акведуки, а также на общественные банкеты, которые объединяли все сословия. В те дни существовал огромный "гражданский пыл", почти страстное соперничество, чтобы сделать город-мать более приятным и более великолепным домом. Бесконечные фонды гражданских пиров для всех сословий, на которых не забывали даже детей и рабов, с раздачей денег в конце, смягчали резкие различия рангов и давали ощутимое облегчение бедности. Другие фонды были более определенно вдохновлены благотворительностью и жалостью. В отдаленных провинциальных городах находились благочестивые основатели, которые, подобно Плинию, Траяну и Антонинам, заботились о воспитании детей бедняков. Завещания оставлялись для удешевления основных жизненных потребностей. **1113** Не были забыты также престарелые и больные. В Лориуме, недалеко от старой родины Антонинов, скромный торговец пряностями в своем завещании предусмотрел бесплатную раздачу лекарств бедным жителям города. **1114** Бесчисленные дары и завещания коллегиям, которые в ту эпоху были

прибежищем бедняков, во всех регионах римского мира являются неопровержимым доказательством переполняющей благотворительности. Любовь Плиния к тихому городку, в котором прошло его детство, и свидетельства подобного патриотизма и благожелательности многих других людей заставляют нас приступить к изучению той свободной и щедрой муниципальной жизни, которая была великой славой эпохи Антонинов.

[pg 196]

ГЛАВА II

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Почти все близкие друзья Плиния, как и он сам, выросли в деревне, и, как мы видели, он оставил нам бесценную картину этой сельской аристократии в спокойной утонченности их загородных резиденций. Но об обычной жизни провинциального города мы узнаем от Плиния очень мало. Действительно, молчание римской литературы в целом относительно общественной жизни за пределами столицы весьма примечательно.¹¹¹⁵ В длинном ряду великих латинских авторов, от Энния до Ювенала, едва ли найдется хоть один, чьей родиной был Рим. Те, кто составляет славу римской литературы в эпической и лирической поэзии, в ораторском искусстве и истории, в комедии и сатире, родились в тихих провинциальных городках Италии или более отдаленных провинциях. Но воспоминания о сценах их детства, как правило, оказываются слабыми и редкими. Гораций, правда, проявляет нежное благоговение перед пограничной Апулией, где в детстве на полях горы Вультур он черпал вдохновение в колдовстве призрачных рощ.¹¹¹⁶ А Марциал, закаленный горожанин, никогда не забывал дубовые рощи и чугунолитейные заводы Бильбилиса.¹¹¹⁷ Но чтобы узнать о городском устройстве и жизни, об отношениях различных социальных слоев, о рутине магазинов и форумов, о деревенских обрядах и божествах,¹¹¹⁸ о томительных отголосках этой тусклой обычной жизни с ее пороками и искренней нежностью, с ее мелкими амбициями и безнадежными печалью, мы должны обратиться к каменным записям и к останкам погребенных городов, которые лопата вернула свету.

[pg 197]

Это молчание литературного класса объясняется не отсутствием у римлян любви к спокойствию, свежести и призрачному очарованию деревенских сцен, и уж тем более не черствостью по отношению к старым ассоциациям. Конечно, Вергилия нельзя обвинить в недостатке чувствительности. В "Эклогах" и "Георгиках" воспоминания о старой ферме в Андах пробиваются сквозь более условные чувства александрийской традиции. В пейзажах этих поэм есть "мшистые фонтаны и трава мягче сна", оттенки фиалки, мака и гиацинта, тень древнего илекса и желтое богатство кукурузных полей. Мы слышим рокот пчел, "стон голубей в вековых вязях", журчание реки, шепот ветра. Пасторальное очарование середины лета - от свежести полей под утренней звездой, через часы, наполненные песней цикад и мычанием стад вокруг водоема, через тихий, жаркий, пустой полдень, пока лунные лучи не заблестят на росистых травах [полян](#)¹¹¹⁹. Ни один любитель Вергилия не сможет забыть огонь старых чувств в муштре итальянского рыцарства в седьмой книге "Энеиды".¹¹²⁰ Тибур и Праенеста, Анагния, Номентум и Амитернум, и многие другие старые сабинские города, которые

посылают своих молодых воинов в бой, каждый запечатлен в воображении каким-то изяществом природной красоты или какой-то славой древней легенды. В эпоху Флавиев, как мы уже видели, великие вельможи располагали свои виллы на каждом приятном участке, где море, холм или лес открывали прекрасную перспективу и дарили благодатный воздух. К этим местам они спешили, как эмансипированные школьники, когда наступали погожие дни. Они искренне любили нетронутую сельскую местность с ее простыми природными удовольствиями, старинным земледелием, радостным изобилием, а главное - беспечной свободой и покоем.¹¹²¹ Большое очарование сельского уединения заключалось в его удаленности от "шума, дыма и богатства" Рима. Бегство от наказаний славы, от скуки бесконечных обедов, назойливости любопытных, злобы ревнивых соперников придает новую изюминку долгим спокойным дням под тенью илекса [pg 198] среди сабинских холмов.¹¹²² Гораций, вероятно, острее, чем Ювенал, ощущал очарование холма и ручья, сцен деревенских трудов и веселья. Однако утонченный здравый смысл Горация отшатнулся бы от декламационной экстравагантности, с которой Ювенал оправдывает отъезд своего друга из столицы, реалистично изображая все ее подлые беды, пороки и нелепости.¹¹²³ "Любить Рим в Тибуре и Тибур в Риме" было выражением чувств образованного римлянина в форме, которую он признал бы столь же справедливой, сколь и счастливой. Несмотря на очарование страны, для любого настоящего литератора или делового человека очарование Рима было непреодолимым. Плиний и, несомненно, сотни людей его круга, начиная с Августа и заканчивая Феодосием, ворчали по поводу того, как расточительно они тратили свою жизнь на однообразные общественные обязанности, столь же властные, сколь и тщетные.¹¹²⁴ Однако для Плиния, как и для Симмаха, перспектива никогда больше не увидеть город, столь соблазнительный и столь утомительный, была бы совершенно непереносимой. Марциал, удалившись в Бильбилис, кажется, жалеет своего друга Ювенала, беспокойно бродящего по шумной Субурре или торопливо взбирающегося на Келиан, чтобы повиснуть на окраине дамбы.¹¹²⁵ И все же в предисловии к этой последней книге Марциал, кажется, чувствует свое изгнание так же остро, как Овидий чувствовал его среди замерзших рек Скифии.¹¹²⁶ В "провинциальном уединении" ему не хватает сочувствующей публики, которая жаждала его последних эпиграмм, тонких критических суждений, которые можно было бы оценить, толпы элегантных бездельников, которые могли бы послужить материалом для его стихов.¹¹²⁷ И что хуже всего, самое знаменитое остроумие Рима теперь стало клеймом для невежественной злобы и зависти провинциальной клики. Марциал, очевидно, чувствует себя так же, как чувствовал бы себя доктор Джонсон, если бы его заставили доживать свои дни в Скае. Ювенал может сожалеть о простоте этих деревенских мест, где в праздничные дни в заросшем травой театре младенец на руках у матери вздрагивает от ужасных масок [pg 199] актеров, а эдилы занимают свои места в белых туниках, как скромная публика.¹¹²⁸ Но, несмотря на эти чувства, истинный римлянин испытывал определенное презрение к муниципальной жизни,¹¹²⁹ к узкому кругу ее интересов, смехотворному присвоению себе достоинства мелкими магистратами и провинциальности.¹¹³⁰ В самом деле, вполне естественно, что великолепие и яркая энергия жизни в столице мира должны отбрасывать провинциальную жизнь в тень. Однако сейчас мы можем осознать, как это вряд ли мог сделать римский остроумец или модный человек, что муниципальная система, охватившая весь мир от Солуэя до края Сахары, была не самой малой славой эпохи Антонинов. И при любой попытке оценить моральное состояние масс в ту эпоху влияние муниципальной жизни должно занимать большое место.

Проследить провинциальные города во всех их разновидностях и их эволюцию в руках римского государственного деятеля со времен Августа не входит в задачи этой работы.

Главное, что нас интересует, - это дух и стремительное развитие той блестящей гражданской жизни, которая не только покрыла восточный и западный миры материальными памятниками римской энергии, но и оказала глубокое влияние на благо, а иногда и на зло, на народный характер. Магические преобразования, произведенные римским правлением за полтора столетия, поражали воображение таких современников, как ритор Аристид. И обломки той блестящей цивилизации, которые сегодня встречаются взору путешественника в регионах, давно превратившихся в пустыню, не позволяют нам считать его панегирик Риму всего лишь риторикой. Регионы, некогда пустынные одиночества, густо усеяны процветающими городами; Империя - это царство городов. Мир отложил в сторону меч и со всей пышностью и радостью справляет всеобщий праздник. Всякая вражда и соперничество исчезли, и теперь города соперничают друг с другом только в своем великолепии и удовольствиях. Каждое пространство заполнено портиками, гимназиями, фасадами храмов, мастерскими и школами. [1131](#) [pg 200] Песчаные пустоши, бескрайние горы и широкие реки не представляют преград для путешественника, который везде находит свой дом и страну. Земля превратилась в огромный сад удовольствий. [1132](#)

Это светлое описание римского мира эпохи Антонинов, возможно, не подкрепляется обращением к сомнительной статистике других современников, таких как Аэлиан и Иосиф. Мы можем с сомнением принять утверждение, что в Италии когда-то было 1197 городов, или что в Галлии было 1200. [1133](#) В этих оценках, если они имеют под собой хоть какое-то основание, термин "город" должен быть принят в очень эластичном смысле. Но есть и другие, более достоверные подсчеты, которые в достаточной степени подтверждают восторженное описание Аристида. Когда римляне завоевали Испанию и Галлию, они обнаружили систему пагов или кантонов, в которых было очень мало крупных городов. 800 городов, которые, как говорят, были взяты Юлием Цезарем, могли быть не более чем деревнями. Но романизация обеих стран означала централизацию. Там, где римляне не находили городов, они их создавали. [1134](#) Постепенно, но быстро, изолированная сельская жизнь становилась более социальной и городской. В северо-восточной провинции Испании из 293 общин во времена старшего Плиния 179 были в некотором смысле городскими, а 114 оставались чисто [деревенскими](#) [1135](#), и мы можем быть уверены, что это огромный прогресс по сравнению с состоянием страны на момент завоевания. В правление Антонина Пия только 27 из этих сельских округов оставались без организованного гражданского центра. [1136](#) В Галлии Юлий Цезарь наложил печать Рима на провинцию Нарбо, основав города римского типа, и его политика была продолжена Августом. Свободная кантонная система почти исчезла из провинции на юге, хотя она еще долго сохранялась в северных областях Галлии. Однако даже на севере, на границах Германии, Кельн со времен правления Клавдия стал предметом зависти варваров за [Рейном](#) [1137](#), а Трев со времен Августа уже предвосхитил свою славу в качестве резиденции империи от Диоклетиана до Грациана и [Валентиниана](#) [1138](#). В Агри Декумате, между [pg 201] Рейном и Неккаром, остатки бань и акведуков, мозаики, бронзы и керамики, которые собирали и исследовали антиквары, свидетельствуют о существовании по меньшей мере 160 процветающих и цивилизованных [общин](#) [1139](#). Баден уже был многолюдным курортом благодаря своим целебным водам, когда в 69 г. н. э. он был предан огню и мечу Цециной во время его продвижения навстречу армии Оттона в долине По. [1140](#) На Дунае располагались процветающие общины римского происхождения. За 170 лет, в течение которых Дакия была включена в состав империи, более 120 городов было организовано расой завоевателей. [1141](#) Греческие города, такие как Томи на Эвксинском море, выражают свою благодарность своим покровителям в тех же формальных выражениях, что и Помпеи или Венусия. [1142](#) Если верить Филострату, в провинции Азия было 500 процветающих городов, которые более чем соперничали с величием Ионии до лидийского и персидского завоеваний. [1143](#) Многие из них были

древнего происхождения, но многие были основаны Римом.¹¹⁴⁴ Лаодикия считалась неважным местом в правление Тиберия, но богатство ее частных граждан было знаменито.¹¹⁴⁵ Один из них достиг состояния, которое позволило ему завещать ей сумму почти в полмиллиона. Старший Плиний мог насчитать 40 важных городов в Египте, население которого в его время составляло более семи миллионов человек¹¹⁴⁶, а Александрия, следующая после самого Рима, считалась самым ярким украшением империи¹¹⁴⁷.

Однако, пожалуй, нигде "римский мир" не творил таких чудес гражданского процветания, как в Северной Африке. О том, что население римской Африки в период империи было необычайно плотным, свидетельствует количество ее епископских владений, которое в V веке достигло 297.¹¹⁴⁸ До сих пор можно проследить остатки более 20 амфитеатров. Воистину, нет более поразительного доказательства широты и размаха римской цивилизации, чем обломки [pg 202] капитолий, форумов, акведуков и храмов в песчаных пустошах, которые сейчас не заняты даже местной деревней. В провинции Нумидия, в нескольких лигах от Сахары, римская колония Тамугади (Тимгад) была основана, как гласит надпись, Траяном в 100 году.¹¹⁴⁹ Там, на месте, где сейчас царит полное одиночество и запустение, французские исследователи обнаружили остатки оживленной и хорошо организованной общины. Город был построен третьим легионом, который на протяжении многих поколений, почти как наследственная каста, защищал римскую цивилизацию от беспокойных племен пустыни. Основные постройки были завершены, вероятно, в 117 году. То, что многое сохранилось спустя восемнадцать веков, свидетельствует о том, что работа была проделана хорошо и тщательно. Колесницы от колес карет до сих пор видны на главной улице, которую перекинула триумфальная арка, украшенная мраморными колоннами. Порттики и колоннады укрывали прохожих от жары, а в дальнем конце играли два фонтана. Вода, которой сейчас не видно на этом месте, тогда подавалась по каналам с холмов и распределялась по установленному тарифу между частными домами.¹¹⁵⁰ Форум был выполнен в обычном стиле, с приподнятыми боковыми дорожками и портиками, базиликой, зданием сената и трибуной, святилищем Фортуны Августы и толпой статуй императоров от Аврелия до Юлиана.¹¹⁵¹ В этом маленьком местечке был свой театр, где до сих пор можно увидеть сиденья, поднимающиеся в соответствии с их рангом. Внушительная капитель, в которой, как и дома, должным образом поклонялись римской Троице, Юпитеру, Юноне и Минерве, была восстановлена в правление Валентиниана I и посвящена Публию Казону Альбину, который был одним из последних представителей языческой аристократии и фигурировал в "Письмах Симмаха" и "Сатурналиях" Макробия.¹¹⁵² Надписи на этом месте свидетельствуют о регулярной муниципальной конституции с именами семидесяти декурионов, каждый из которых, вероятно, платил гонорар в 13 фунтов стерлингов или больше при вступлении в должность.¹¹⁵³ Почести дуумвирата и эдила стоили соответственно 32 и 24 фунта.¹¹⁵⁴ И здесь, как и в других местах, [pg 203] общественные памятники и здания, как правило, возводились благодаря частному честолюбию или щедрости. Статуя и небольшое святилище Фортуны Августы были подарены двумя дамами стоимостью более 200 фунтов стерлингов во времена Адриана.¹¹⁵⁵

Величайшей славой императорской администрации на протяжении почти двух столетий была умелая и политическая терпимость, с которой она примиряла центральный деспотизм с удивительным диапазоном местной свободы. Она не пыталась навязать единую организацию или бюрократический контроль огромной массе рас и народов, чья судьба Рима привела под ее власть. Напротив, на протяжении многих веков его руководящим принципом было, насколько это возможно, оставлять древние памятники нетронутыми и давать местным вольностям столько свободы, сколько было совместимо с безопасностью и

эффективностью имперского стража порядка и мира. Отсюда такое разнообразие в отношениях между провинциальными городами и Римом, представленное названиями свободных, федеративных или стипендиальных городов, *municipium* и *colonia*. Многие из них сохранили свои старые законы, конституцию и судебную систему. ¹¹⁵⁶ В некоторых случаях они сохранили названия магистратур, которые напоминали о днях независимости: в Афинах все еще были архонты, в африканских городах - суффеты, в Неаполе - демархи. Титул *medix tuiticus* все еще сохранялся то тут, то там в старых осканских общинах. ¹¹⁵⁷ Подавив национальный дух и предотвратив опасность вооруженного восстания, Рим терпел и даже поощрял муниципальную свободу более ста лет после того, как последняя тень народного правительства исчезла с его собственного форума. ¹¹⁵⁸ Центральный контроль и единообразие были установлены в тех ведомствах, которые влияли на мир и благосостояние всего огромного сообщества. Хотя теоретически вмешательство провинциальных губернаторов в местное управление было возможно в той или иной степени, можно не сомневаться, что гражданин Лиона или Марселя, Антиохии или Александрии часто осознавал ограничение своей свободы императорской [pg 204] властью. Пока дележ, конфискация и резня творили хаос на берегах Тибра, в провинциях в целом царили спокойствие и процветание. Народ избирал магистратов, которые управляли муниципальными делами без особого вмешательства со стороны правительства. Управление провинциями при Нероне, Отто, Вителлии или Домициане часто было не менее благоразумным и внимательным, чем при Веспасиане или Траяне. ¹¹⁵⁹ И худшие из императоров разделяют с лучшими всеобщую благодарность провинций за благословения "римского мира". ¹¹⁶⁰

Но хотя на протяжении многих поколений императорское правительство воздерживалось от централизации, многочисленные разновидности гражданской конституции в провинциях непреодолимо тяготели к единому типу организации. Свободные и федеративные общины добровольно стремились к положению колонии или муниципалитета. ¹¹⁶¹ Как провинциальный город должен был иметь свою столицу с культом Юпитера, Юноны и Минервы или привнесенными названиями улиц *Velabrum* или *Vicus Tuscus*, так и маленькая община называла себя *res publica*, ее общины - *populus*, ее курия - *senate* или *amplissimus et splendidissimus ordo*; ее магистраты иногда носили величественные имена претора, диктатора или цензора, в некоторых случаях даже **консула** ¹¹⁶². Это почти смехотворное подражание великому городу является примером магической силы, которую Рим всегда оказывал на своих самых отдаленных подданных и даже на внешний мир варварства, вплоть до последних дней, когда его силы иссякали. Легкость и быстрота сообщения по великим путям, частые визиты проконсулов, прокураторов и генералов с многочисленным обозом, сопровождавшим их, присутствие вездесущего римского торговца и путешественника поддерживали связь даже отдаленных мест со столицей [pg 205]. В далекие провинциальные города и пограничные лагеря регулярно доставлялись "acta diurna" с официальными новостями, скандалами и сплетнями. ¹¹⁶³ Последняя речь Плиния или самые свежие эпиграммы Марциала в течение короткого времени продавались на книжных прилавках Лиона или Вьенны. ¹¹⁶⁴ До появления железных дорог и пароходов можно сомневаться, была ли в истории эпоха, когда путешествовать было легче или более распространено.

Помимо огромного стимула, который дало торговле и коммерции умиротворение мира, либеральное любопытство, или беспокойная эннуия, или страсть к проповеди и распространению идей увлекли огромное количество людей в самые отдаленные страны. ¹¹⁶⁵ Странствующий софист попадал в города на краю скифских степей, в дома брахманов или в глубины Судана. ¹¹⁶⁶ Путешествие вверх по Нилу было частью либеральной

культуры во времена Лукиана, как и во времена Геродота. Романтическое очарование путешествий по Греции, вероятно, было усилено для многих рассказами о фессалийских разбойниках и колдуньях, которые встречаются нам в романе Апулея. Император Адриан, который посетил почти все интересные места в своих владениях, от Солуэя до Евфрата, и часто шел несколько дней во главе своих солдат, является истинным представителем миграционных вкусов своего времени. Сенека, правда, находит в этой жажде смены обстановки лишь симптом всеобщих волнений. С другой стороны, Эпиктет, и Аристид с восторгом рассказывают о всеобщей безопасности и благополучии, вызванных исчезновением разбойничества, пиратства и войн. Моря оживлены торговцами; пустыни стали густонаселенными местами промышленности; великие дороги проложены через широчайшие реки и самые непокорные горные преграды. Земля стала общим достоянием всех. И это не просто риторика. Путешествия во все уголки известного мира стали быстрыми и даже роскошными. Со времен Второй Пунической войны торговцы, курьеры и путешественники свободно перемещались по большим дорогам. [1167](#) Правительственный пост [pg 206], впервые организованный Августом по образцу персидского, регулярно предоставлял средства передвижения для чиновников или тех, кто был снабжен необходимым дипломом. Частные предприятия также организовывали средства передвижения, и у ворот таких провинциальных городов, как Помпеи, Праенеста или Тибур, находились станции почтовых корпораций (*cisiarii* или *jumentarii*), где можно было нанять повозки со сменой лошадей на каждом этапе. [1168](#) Скорость, с которой в те дни преодолевались огромные расстояния, на первый взгляд довольно поразительна. Цезарь однажды преодолел 100 миль в день в путешествии от Рима до Роны. [1169](#) Вольноотпущенник Айцелус за семь дней доставил весть о смерти Нерона Гальбе в Испанию, [1170](#) путь в 332 мили от Таррако до Клуниа был пройден со скоростью почти десять миль в час. Разумеется, это была скорость экспресса. Обычная скорость путешествия, вероятно, лучше представлена неторопливым путешествием Горация и Мецената в Брундизий или путешествием из Таррако в Бильбилис, описанным в книге Марциала. [1171](#) Примерно 130 миль в день составляло среднее расстояние, преодолеваемое по морю. Корабли отправлялись из Остии или Путеоли в любой порт Средиземноморья. От Путеоли до Коринфа было пять дней пути. Примерно столько же времени требовалось, чтобы добраться из Остии до Таррако. Корабль мог прибыть в Александрию из Палус Маэотис за две недели. [1172](#) Многие странствующие софисты, такие как Дион Хризостом или Аполлоний Тианский, преодолевали огромные расстояния пешком или со скромным кошельком на муле. Ритор Аристид однажды потратил сто дней на путешествие в середине зимы из Мизии в Рим. [1173](#) Но едва ли существовал предел роскоши и показному великолепию, с которым великие и богатые совершали свои путешествия, сопровождаемые или предваряемые отрядами лакеев и бегунов и везя с собой дорогие блюда и мирровые вазы. [1174](#) Тысяча карет, которые Нерон брал с собой в дорогу, мулы Поппеи с серебряными ногами, атрибуты роскоши, описанные Сенекой, если они не мифические, были, вероятно, исключительными проявлениями самовлюбленности, граничащей с безумием. [1175](#) Но практический и разумный комфорт в путешествиях [pg 207] был, возможно, тогда более распространен, чем совсем недавно среди нас. Кареты, в которых ездили два неутомимых Плиния, позволяли им читать в свое удовольствие или диктовать amanuensisу. [1176](#) Трактиры со времен Горация до времен Сидония, как правило, были плохими, а часто и неблагоприятными, и даже опасными местами отдыха. [1177](#) А для сна во время путешествия часто устраивали транспортные средства. Мы можем быть уверены, что многие императорские офицеры после Юлия Цезаря проводили ночи в своих каретах, когда спешили на соединение с войсками на Рейне или Дунае. При такой быстрой циркуляции чиновников и путешественников дальние пределы римского мира должны были, на взгляд обывателя, сужаться, самые отдаленные места все больше и больше

притягиваться к центру, а неиссякаемая жизненная сила императорского города распространялась с магической силой безмолвного преображения.

Способы возникновения и организации полностью развитых муниципалитетов эпохи Антонинов были весьма разнообразны. Там, где, как на греческом Востоке или в карфагенской Африке, уже существовали города, римляне, разумеется, использовали их при организации провинции, хотя и значительно увеличивали их число, как в Сирии, Понте и Каппадокии.¹¹⁷⁸ Там, где страна все еще находилась в кантональном состоянии, деревни или рынки группировались вокруг гражданского центра, и муниципальный город, такой как Ним или Лион, становился метрополией значительного участка территории. Колония Вьенна была гражданским центром аллоброгов.¹¹⁷⁹ При заселении Альп многие отдаленные горные кантоны были присоединены к таким городам, как Тридентум, Верона или Бриксия.¹¹⁸⁰ Иногда, как в Дакии, гражданская организация создавалась одним махом.¹¹⁸¹ Но хорошо известно, что, особенно на границах империи, в Британии, на Рейне и в Северной Африке, города II века часто вырастали из *castra stativa* легионов.

Великая реорганизация Августа сделала каждый легион постоянным корпусом, со своей историей и самобытностью. Для обеспечения спокойствия империи легионы были [pg 208] распределены по постоянным лагерям вдоль границы, единственными внутренними городами с регулярным военным гарнизоном были Лион и Карфаген.¹¹⁸² Многие легионы не меняли своих мест дислокации на протяжении многих поколений. *Tertia Augusta*, оставившая о себе столько воспоминаний в надписях Ламбезиса, оставалась, с единственным перерывом, в одном и том же округе со времен Августа до Диоклетиана.¹¹⁸³ Там в течение двух поколений она несла бессонную вахту против разбойничьих племен Сахары. Легион также мирно занимался возведением укреплений, строительством дорог и мостов, когда лагерь посетил Адриан в 130 году.¹¹⁸⁴ Постепенно солдатам разрешили создавать семейные отношения, более или менее регулярные, пока при Септимии Севере легионеру не разрешили жить в своем доме, как любому другому гражданину.¹¹⁸⁵ Судя по останкам в Ламбезисе, теперь можно с уверенностью сказать, что в III веке лагерь перестал быть домом для солдата. Сатлеры и лагерники издавна собирались в окрестностях лагеря, в хижинах, которые назывались *Canabae legionis*. Там долгое время солдат в свободное от службы время искал удовольствий и развлечений, там же он поселился и после смены Септимия Севера. Сначала Канаба Ламбезис была только викусом; при Марке Аврелии она стала муниципалитетом - Республикой Ламбезитанорум, с гражданской конституцией, знакомой нам по стольким надписям.¹¹⁸⁶ Легионеры, похоже, были счастливы и довольны в Ламбезисе; их сыновья обучались военному делу и следовали за своими отцами в строю;¹¹⁸⁷ легион стал в какой-то степени наследственной кастой. Старые ветераны оставались на месте своей службы, получив увольнение с пенсией из сундука.¹¹⁸⁸ Город развивался в обычном порядке и украсился капитолием, амфитеатром, двумя форумами, триумфальной аркой; а многочисленные памятники общественной и частной жизни, найденные на этом месте, свидетельствуют о высокоорганизованном обществе, слепленном из варварских и чуждых [pg 209] элементов и отмеченном неповторимым и стойким отпечатком Рима. Из таких случайных и бесперспективных материалов возникло множество городских общин, которые в своих очертаниях и в своем социальном тоне воспроизводили формы и дух свободной Римской республики. Капитолий и форум - лишь внешние символы более тесных родственных связей. Римская военная дисциплина не более полно овладела и преобразила нумидийского или кельтского рекрута, чем вдохновение ее гражданской политики, распространившееся среди рас, запятнанных рабством, или инстинкт любви к беззаконной, кочевой свободе, трезвая привязанность к упорядоченной гражданской

жизни, которая была послушна давней традиции, но при этом живо интересовалась своими собственными делами.

Едва ли о какой-либо стороне древней жизни надписи дают столь богатую информацию, как о духе и организации муниципалитетов. Здесь можно узнать подробности общинной жизни, которые никогда не упоминались в римской литературе. В этом источнике мы также должны искать единственные достоверные материалы для реконструкции муниципалитета I века. Альбом Канусия и таблички с законами Малаги и Сальпенсы не только разрешили не один вопрос о муниципальной организации ранней империи, но и позволили нам сформировать почти такое же четкое представление о ней, какое мы имеем о корпоративной организации наших собственных больших городов.

Но, в отличие от наших гражданских республик, римский муниципальный город был отчетливо аристократическим или, скорее, тимократическим по своей конституции. Место человека в общине, как правило, определялось его происхождением, служебным положением или способностью к тратам. Изречение Тримальchio было слишком буквально верно в муниципальной жизни той эпохи - "человек есть то, чего он стоит". Провинциальное общество уже разделялось и делилось, хотя и менее решительно, по тем жестким линиям материалистического разграничения, которые стали зияющими трещинами в обществе Феодосиева кодекса. В курию или сенат мог попасть только обладатель определенного состояния: в Комо, например, 100 000 HS, в других местах, возможно, даже больше. С другой стороны, самый богатый вольноотпущенник не мог стать членом курии или занять какую-либо гражданскую должность, [1189](#) [pg 210] хотя и мог быть украшен их знаками отличия. Его амбиции должны были быть удовлетворены принятием в орден авгуров, который по социальному статусу стоял после членов курии. В списке курии, который пересматривался каждые пять лет, порядок официального и социального старшинства соблюдался самым тщательным образом. В Альбоме Канусия 223 [1190](#) года н. э. первый ранг присвоен тридцати девяти покровителям, занимавшим императорские должности, сенаторам или рыцарям. Далее следуют местные магнаты, удостоившиеся избрания в одну из четырех больших муниципальных магистратур. Последними по порядку идут педани, то есть граждане, обладающие необходимой квалификацией, но еще не занимавшие никаких муниципальных должностей. В конце списка стоят двадцать пять *praetextati*, которые, вероятно, были сыновьями более знатных граждан и которые, как и сыновья сенаторов Республики, были молчаливыми свидетелями процессов в курии. Из этого органа, как и из всех магистратур, были исключены все лица, занимавшиеся какими-либо подлыми или позорными профессиями, а также огромная масса бедных граждан, *tenuiores*. На них несмываемым пятном лежала печать подневольного происхождения, обладания свободными душами. В бесчисленных надписях эта градация рангов резко подчеркнута. Если человек оставляет завещание на ежегодный праздник с распределением денег, богатый покровитель или *decurio* получит сумму, в пять раз превышающую ту, что полагается простому плебею. [1191](#) Различие рангов, даже в наказании за преступление, которое повсеместно встречается нам в Феодосиевом кодексе, уже проявилось. Честного человека нельзя унижить ни распятием, ни ударом жезла. [1192](#) Но именно на гробницах страсть римлян к каким-то различиям, пусть даже теневым, проявляется наиболее ярко. На этих плитах с мельчайшей тщательностью перечислены все ступени достоинства в долгой карьере. Даже торговец ароматическими веществами или тряпьем будет хвастаться тем, что занял какую-то мелкую должность в колледже своего ремесла. [1194](#) Но, хотя звания и должности [pg 211] в этих обществах ценились необычайно высоко, главным отличием было все-таки богатство. Города находились в руках богатых, и в обмен на социальное почтение и официальную власть от богатых ожидали щедрых пожертвований на все общественные нужды. Поклонение

богатству, монументальная лесть богатым покровителям и благодетелям были очень заинтересованными и подневольными. С другой стороны, вероятно, никогда не было времени, когда обязанности, связанные с богатством, были бы так властно навязаны мнением или так радостно и даже безрассудно выполнялись.

И все же, хотя эти общины были по сути аристократическими по тону и конституции, в эпоху Антонинов простолюдины все еще сохраняли некоторую власть. На многих надписях они фигурируют бок о бок с куриальным "ordo" и авгурами.¹¹⁹⁵ В правление Домициана они еще имели право избирать своих магистратов. Долгое время считалось, что с отменой всенародных выборов в Риме при Тиберии всенародное избрание высших магистратов должно было быть отменено и в муниципальных [городах](#)¹¹⁹⁶. Теперь это опровергнуто открытием законов Малаги и Сальпенсы, в которых содержатся самые подробные положения о свободных и незапятнанных выборах всего народа.¹¹⁹⁷ И мы все еще можем почти услышать шум дней выборов среди руин Помпеи.¹¹⁹⁸ Многие надписи Помпеи - это предвыборные плакаты, рекомендуящие конкретных кандидатов. Там красными буквами на стенах можно прочесть, что "цирюльники желают, чтобы Требий стал эдилом" или что "продавцы фруктов единодушно поддерживают кандидатуру Холкония Приска в дуумвирате". У носильщиков, погонщиков и торговцев чесноком тоже есть свой фаворит. Мастер-фуллер Везоний Прим поддерживает Кн. Гельвия как достойного человека. Даже дамы приняли участие в конкурсе и выступили с отдельными призывами. "Его маленькая возлюбленная" пишет, что она работает на Клавдия.¹¹⁹⁹ Личная популярность, несомненно, как и всегда, привлекала такую избирательную поддержку. Но изучающий надписи может склониться к мысли, что свободные и независимые избиратели также присматривались к человеку, который мог построить новую колоннаду для форума, или новую схолу для гильдии, или, лучше всего [pg 212] всех, выпустить на арену тридцать пар гладиаторов "с большим количеством крови"¹²⁰⁰.

Законы Малаги и Сальпенсы в мельчайших подробностях описывают все формы, которые должны соблюдаться при выборах магистратов. Обычно их было шесть: два [дуумвира](#)¹²⁰¹, которые были высшими должностными лицами, два эдила и два квестора на каждый год. Каждый пятый год вместо дуумвиров избирались два квинквенналы, на которых возлагалась чрезвычайная обязанность проводить муниципальную перепись.¹²⁰² Кандидаты на все эти должности должны были быть свободнорожденными, достигшими двадцатипятилетнего возраста, безупречного характера и обладателями определенного состояния. Квалификация была такой же, как и у лекса Юлия для приема в муниципальный сенат, который явно исключал лиц, занимающихся некоторыми неблагоприятными профессиями - гладиаторов, актеров, сутенеров, аукционистов и гробовщиков.¹²⁰³ В лучшие времена конкуренция за должности была, несомненно, острой, а кандидаты - многочисленными. В 4 г. н. э., в год смерти К. Цезаря, внука Августа, соперничество было настолько острым, что город Пиза остался без магистратов из-за серьезных беспорядков на выборах.¹²⁰⁴ Но зловещим фактом является то, что закон Малаги, принятый в правление Домициана, предусматривает случай, если кандидатов не будет. В этом случае председательствующий дуумвир должен был выдвинуть необходимое число кандидатов, они в свою очередь - равное число, а объединенные кандидаты должны были назначить третий набор, равный себе по числу. После этого выбор народа ограничивался этими невольными кандидатами. Город, очевидно, продвинулся на одну ступень к временам Нижней империи, когда магистраты назначались курией из своей среды, без всякого обращения к народу.¹²⁰⁵ Человек, действительно, мог колебаться, прежде чем предлагать себя на должность, которая требовала от ее обладателя больших расходов. Гонорар, выплачиваемый при поступлении, составлял в таком малоизвестном месте, как Тамугади, около 32 фунтов для дуумвирата и 24 фунтов для

эдила. [1206](#) В [pg 213] больших итальянских городах он, вероятно, был бы намного больше; в Помпеях вновь избранный дуумвир заплатил более 80 фунтов. [1207](#) Но человек, избранный народом, часто чувствовал себя обязанным превзойти голые требования закона или обычая расточительной либеральностью. Он должен был построить или отремонтировать какое-нибудь общественное сооружение, чтобы ознаменовать год своего пребывания в должности, а в честь этого хороший вкус требовал от него устроить дорогостоящие игры или дать банкет для горожан, с щедрым угощением для всех, как малых, так и великих. [1208](#)

Но в обмен на свои обязательства должность дуумвира давала несомненную власть и отличия. Эта должность была образом или тенью древнего консулата, и иногда, как свидетельствуют надписи, Адриан или Антонин Пий не гнушались принимать ее. [1209](#) Дуумвиры командовали местным ополчением, когда оно было призвано в случае необходимости. [1210](#) Они председательствовали на собраниях народа и курии, предлагали вопросы на обсуждение и проводили постановления в жизнь. Они обладали гражданской юрисдикцией в определенном объеме, а их уголовная юрисдикция, которая в III веке была передана императорским функционерам, по наиболее вероятному мнению, оставалась неизменной, по крайней мере, до конца I века. [1211](#) Эта судебная власть, однако, была ограничена *intercessio* коллег и правом апелляции. На них возлагались широкие обязанности в области финансов, сбора пошлин и налогов, а также взыскания всех денежных сумм, причитающихся муниципалитету. [1212](#) После падения свободной Республики, когда многие пути для честолюбия были закрыты, многие способные люди вполне могли удовлетворить свое стремление к власти и отличию, став дуумвиром провинциального города.

Курия, или местный сенат, представляет особый интерес для историка, поскольку именно превращению куриалов в наследственную касту, обремененную неисчислимыми обязательствами, в значительной степени был обязан упадок Западной империи. [1213](#) Но в правление Домициана курия по-прежнему возвышена и величественна. Хотя отдельный декурый редко или никогда не принимает титул сенатора в надписях, [1214](#) курия как [pg 214] целое часто носит августейшее имя и титулы величественного римского сената. [1215](#) И, несомненно, вплоть до середины второго века не было недостатка в кандидатах на вступление. Каждые пять лет список курии пересматривался и составлялся заново квинквенналами. Условия были такими же, как для занятия магистратуры, включая имущественный ценз, который в разных местах был разным. [1216](#) Число обычных членов обычно составляло 100 человек. [1217](#) Но оно пополнялось за счет патронов и других экстраординарных членов. При составлении списка квинквенналы сначала учитывали членов, внесенных в список на предыдущий срок, а затем тех, кто был избран в магистратуры после последней переписи населения. Если оставались вакансии, они заполнялись из числа тех, кто, не занимая пока никакой муниципальной должности, имел достаточное состояние. [1218](#) В "Альбоме Канусия" люди, занимавшие официальные должности, составляли не менее двух третей курии. Казалось бы, в составе такого органа должны быть обеспечены достаточные гарантии административного мастерства и опыта. И все же мы увидим, что именно из-за недостатка благоразумия или мастерства была открыта дверь для бюрократического вмешательства, которое во втором веке начало, с ужасающими результатами, подтачивать свободу и независимость муниципальной жизни.

Почести и полномочия провинциального совета долгое время были достаточны, чтобы компенсировать декурью тяжелые требования, предъявляемые к его щедрости. Для всех, кроме сравнительно немногих, карьера императорских чинов и отличий была закрыта. Его собственный город становился "патрией" каждого человека, как Комо даже для такого

человека, как Плиний, который играл столь большую роль в жизни столицы.¹²¹⁹ Во многих надписях той эпохи чувствуется отзвук подлинного общественного духа и любви к местному сообществу.¹²²⁰ Обширность и подавляющее величие всемирной империи, в которой отдельный гражданин был всего лишь атомом, заставляли людей жаждать любых отличий, которые, казалось, поднимали их над серым плоским уровнем, окружающим демократический деспотизм. И даже обычный [pg 215] декурио имел какие-то знаки отличия, чтобы выделить себя из толпы. пышные почетные титулы в Нижней империи, правда, еще не вошли в моду. Но куриалу полагалось почетное место на играх и праздниках, право на большую долю в раздаче денег частными благотворителями, освобождение, как одного из честных, от более унижительных видов наказания, бесплатное снабжение водой из общественных источников¹²²¹, а также другие привилегии и почести, которые варьировались в разных местностях. Полномочия курии также были весьма значительными. Дуумвиры действительно обладали широкими прерогативами, которые сильные люди могли иногда ущемлять.¹²²² Но в определенных случаях существовало право обжалования судебных решений дуумвиров в курии. Их контроль над играми и праздниками, а также над финансами общины был ограничен необходимостью консультироваться с курией и выполнять ее распоряжения.¹²²³ В lex Ursonensis мы находим длинный список вопросов, по которым дуумвиры были обязаны получать указания от курии.¹²²⁴ Кворум, необходимый для принятия действительного решения, в разных местах был разным. При избрании патрона по закону требовался кворум в две трети декурионов.¹²²⁵ Имена дуумвиров стояли во главе каждого куриального постановления, как и имена консулов в каждом сенатусконсульте.

После местной аристократии куриального ранга шли, в порядке социального старшинства, представители рыцарского сословия и ордена авгуров. Во второй половине I века конные звания присваивались, пожалуй, слишком щедро. И сатира не уставала высмеивать этих мнимых аристократов, вифинских рыцарей, как их называли, часто самого низкого происхождения, которые в публичных случаях вульгарно утверждали свое грибоедовское звание.¹²²⁶ В частности, армия вносила много новых рыцарей в общество провинциальных городов. Ветеран, часто скромного происхождения, занявший первое место среди шестидесяти центурионов легиона, после увольнения с хорошей пенсией иногда возводился в конное звание. Он часто возвращался в родные места, где становился известной личностью. Такие люди, наряду со старыми офицерами [pg 216] более высокого ранга, часто встречаются в надписях, наделенные жреческими и высшими магистратурами,¹²²⁷ и иногда избираемые в качестве покровителей общины.¹²²⁸ Многие из них, несомненно, были хорошими и общественными людьми, обладавшими особыми добродетелями, которые порождала жизнь в римском лагере. Но некоторые из них также демонстрировали грубое и жестокое самоутверждение и невежественное презрение к утонченности культуры, на которое Персий и Ювенал изливали свое презрение¹²²⁹.

Августалы, стоящие рядом с куриальным орденом, особенно интересны и как представитель широкого распространения культа императоров, и как сословие, состоящее из людей низкого или даже подневольного происхождения, которые сделали свое состояние на торговле, но чьи амбиции общество нашло возможность удовлетворить, не разрушая барьеров аристократической исключительности.¹²³⁰ Происхождение ордена Августалов долгое время было предметом споров. Но теперь уже не вызывает сомнений, что в провинциальных городах это был плебейский институт культа Августа и последующих императоров, созданный по образцу аристократического ордена *Sodales Augustales*, учрежденного Тиберием в столице.¹²³¹ Августалы избирались голосованием местной курии, без учета социального ранга, хотя, вероятно, с должным уважением к богатству, и включали в себя лидеров великого класса вольноотпущенников, появление которого является одним из

самых поразительных фактов в социальной истории того времени. Изображенные на десятках надписей, Августалы упоминаются в дошедшей до нас римской литературе лишь однажды, в романе Петрония, где это сословие увековечено и, вероятно, карикатурно.¹²³² Надпись, для которой Тримальхион дает поручение своему брату Августалу, камнерезу, должна зафиксировать его избрание в отсуврат, его многочисленные добродетели и его миллионы. Фактические памятники в Ассизи и Брешии показывают, что Тримальхион не был полностью вымышленной личностью.¹²³³

[pg 217]

Августалы, несмотря на вульгарное хвастовство и самоутверждение, которые во все века характеризовали подобные классы нуворишей, были очень важным и полезным орденом. Они охватывали весь римский мир на Западе. Их памятники можно найти не только почти в каждом городе Италии и в больших провинциальных столицах, таких как Лион или Таррако, но и в альпийских долинах и одиноких форпостах цивилизации на краю Сахары.¹²³⁴ Их особые религиозные обязанности требовали значительных расходов, от которых, несомненно, более аристократическое сословие было радо освободиться. Им приходилось нести расходы на жертвоприношения и празднества в определенные дни в честь умерших императоров. При поступлении в колледж они должны были платить вступительный взнос, который амбициозные люди часто превышали.¹²³⁵ Они были организованы по образцу других колледжей, с покровителями, квинквенналами и другими должностными лицами. У них были свои клубы, где регулярно проводились банкеты, они владели земельной собственностью и имели общие места погребения.¹²³⁶ Но их расходы и интересы ни в коем случае не ограничивались их ближайшим окружением. Они считали себя и вообще относились к государственным чиновникам, стоящим рядом с магистратами курии. Они имели право носить тогу с пурпурной каймой, а на улицах их сопровождали ликторы.¹²³⁷ Для них отводились почетные места на играх и праздниках. Хотя как класс они не имели права занимать места в курии или в муниципальных магистратурах, *ornamenta*, внешние знаки отличия и почести, связанные с этими должностями, иногда предоставлялись даже вольноотпущенникам, оказавшим услугу обществу. Так, один из августов, проложивший дорогу в Калесе, получил орнамент *decurio*.¹²³⁸ А другой, за оказанную Помпеям помощь, по указу курии был удостоен почетного места *bisellium*, которое обычно предназначалось для высших сановников.¹²³⁹ Но орнаменты и достоинства их собственной коллегии становились предметом гордости и честолюбия. Так, один человек хвастался тем, что его сделали *primus Augustalis perpetuus* по указу курии.¹²⁴⁰ Достойный из Брундизия получил от курии [pg 218] публичные похороны, с украшениями и знаками отличия августала.¹²⁴¹ Таким образом, в обществе с высокими традициями и доминирующим кастовым чувством орден августов стал стимулом и наградой для общественного духа нового класса, мощного по своему богатству и численности, но в целом обремененного наследием сомнительного происхождения. Для человека, который, возможно, еще мальчиком был продан на сирийском невольничьем рынке в униженное положение прислужника, и который путем мелких сбережений или низких услуг вырвался на сравнительную свободу запятнанной или презируемой профессии, это было большим подъемом - наконец-то занять видное место в своем муниципалитете и приобрести почет и уважение от тех, кто попирает его в юности.

Августалы разделяли с членами курии тяжелое бремя, которое общественные настроения в то время возлагали на богатых. Прямое налогообложение для муниципальных нужд в первом веке было почти неизвестно. Муниципалитеты часто владели земельной собственностью, рудниками или каменоломнями. Капуя, как говорят, имела отдаленные владения на острове

Крит. [1242](#) Города также получали доход от общественных бань, [1243](#) от аренды магазинов и лавок в общественных местах, от подачи воды в частные дома или поместья, а также от портовых сборов и пошлин. Очень значительную статью дохода, должно быть, составляла пошлина, которую платили все декурионы, авгуры и магистраты при вступлении в должность или достоинство. Со времен правления Нервы города имели право получать наследства и завещания. [1244](#) А при наступлении любого опустошительного бедствия, землетрясения или пожара, император никогда не медлил и не скупился на помощь. В 53 году н. э. город Болонья получил императорскую субсидию в размере около 83 000 фунтов стерлингов. [1245](#) Города Азии снова и снова получали помощь после опустошительных землетрясений. [1246](#)

Что касается муниципальных расходов, то бюджет был свободен от многих общественных повинностей, которыми обременены наши современные города. Высшие должности были неоплачиваемыми и, по сути, требовали большой щедрости от их обладателей. Низшие функции выполнялись [pg 219] в значительной степени общинными рабами. Уход за улицами, рынками и общественными зданиями, хотя теоретически и возлагался на общину через ее эдилов, на деле в огромной степени осуществлялся частными лицами. Городская казна, должно быть, часто терпела убытки, пытаясь обеспечить горожан кукурузой и маслом по ограниченным ценам, а власти часто поносили, как на пиру у Трималхия, за то, что они не сделали больше для удешевления жизненно необходимых товаров. [1247](#) Хотя наши сведения о муниципальных расходах на образование и лечение скудны, совершенно ясно, что в эпоху Антонинов община начала признавать свою обязанность обеспечивать и то, и другое. Веспасиан впервые выделил государственные средства для профессоров риторики в столице. [1248](#) Случай с Комо, описанный в "Письмах Плиния", вероятно, не был единичным. Обнаружив, что молодежь этого города вынуждена прибегать в Милан за высшим образованием, Плиний, как мы видели, предложил родителям основать по общей подписке общественную школу, а сам внес треть суммы, необходимой для ее основания, остальное должны были обеспечить горожане, в руках которых должно было находиться управление и подбор учителей. [1249](#) Греческие города имели общественных врачей еще за 500 лет до нашей эры, [1250](#) а Марсель и некоторые галльские города времен Страбона нанимали учителей и врачей за государственный счет. [1251](#) Регулярная организация общественного медицинского обслуживания в провинциях восходит к Антонину Пию, который обязал города Азии иметь определенное число врачей среди своих наемных служащих. [1252](#) Титул Archiater, который в Феодосийском кодексе обозначает чиновничий класс в провинциях, а также в Риме, встречается в надписях Беневента и Пизаурума, относящихся к более раннему времени. [1253](#) Но эти отделы муниципальных расходов вряд ли были еще полностью организованы в эпоху Антонинов и, вероятно, не были обременительными. Большую сферу расходов составляли базилики, храмы, амфитеатры, бани и мостовые, чьи [pg 220] исчезающие останки дают нам представление об одной из самых блестящих эпох в истории.

Муниципальные города в значительной степени полагались на добровольные пожертвования своих богатых членов, когда речь шла о грандиозных общественных работах. Но у нас есть много записей о таких предприятиях, осуществлявшихся за общий счет, и название специальной магистратуры (curator operum publicorum) для надзора за ними часто встречается в надписях. [1254](#) Эти предприятия часто были огромного масштаба. Знаменитый мост Алькантара был возведен при Траяне совместными усилиями одиннадцати муниципалитетов Португалии. [1255](#) В Вифинии финансы некоторых крупных городов были настолько серьезно дезорганизованы дорогостоящими и плохо управляемыми предприятиями, что молодой Плиний в 111 г. н. э. был послан Траяном в качестве императорского легата для исправления неправильного управления провинцией. [1256](#) Переписка Плиния проливает свет на многие моменты муниципального управления и

предвещает его грядущий упадок. Города, казалось бы, располагают достаточными средствами, но они грубо бесхозяйственны. Общественные деньги ищут вложения, но заемщики не могут найтись при нынешней ставке в 12 процентов. Плиний был бы склонен заставить декурионов стать должниками государства, но Траян приказывает установить достаточно низкую процентную ставку, чтобы привлечь добровольных заемщиков. [1257](#) Апамея, хотя и имела древнюю привилегию управлять своими делами, попросила Плиния изучить государственные счета. [1258](#) Он сделал то же самое с Прусой и обнаружил множество признаков свободных и безрассудных финансов, а также вероятные злоупотребления. [1259](#) Никея потратила 80 000 фунтов стерлингов на театр, который из-за некоторых недостатков в материалах или фундаменте оседал, а в стенах образовались большие трещины. [1260](#) Город также потратил большую сумму на перестройку своего гимназия в роскошных масштабах, но новый архитектор осудил его за радикальные дефекты структуры. Никомедия растратила 40 000 фунтов стерлингов на два акведука, которые либо обрушились, либо были заброшены. [1261](#) Разрешая строительство третьего, император вполне мог бы решительно приказать возложить ответственность за подобные промахи на соответствующих [pg 221] лиц. [1262](#) В том же городе, когда недавно случился пожар самого разрушительного вида, не было ни одного двигателя, даже ведра наготове, и жители безучастно наблюдали за происходящим. [1263](#) Плиний был очень усерден в разработке или продвижении инженерных улучшений для здоровья и удобства провинции, и часто обращался за квалифицированной помощью из Рима. Неполадки в работе гражданских конституций также доставляли ему немало хлопот. Эддикус или дефенсор требовал возврата денег, выданных некоему Юлию Пизону из казны Амисуса, что теперь запрещалось декретами Траяна. [1264](#) Как Плиний предлагал заставить членов курии принимать займы от государства, так и мы видим зловещие признаки желания заставить людей принимать куриальное достоинство сверх установленного законом числа, чтобы получить гонорар в размере от 35 до 70 фунтов при приеме. [1265](#) Lex Pompeia, запрещавший вифинской муниципии принимать в гражданство мужчин из других вифинских государств, долгое время игнорировался, и в ряде городов многие заседали в сенате в нарушение этого закона. Помпеянский закон также требовал, чтобы мужчина достигал тридцати лет, когда он избирался в магистратуру или занимал место в курии, но закон Августа снизил этот предел для мелких магистратур до двадцати двух. Это давало возможность пополнить ряды курии, которую захватили муниципальные цензоры. И если мелкий магистрат мог войти в курию в двадцать два года, почему бы другим не быть столь же подходящими? [1266](#) В другом типичном случае легат был обеспокоен пышным гостеприимством ведущих граждан. По случаю принятия тоги, свадьбы, избрания на гражданскую должность или посвящения общественного произведения не только вся курия, но и множество простых людей часто приглашались на пир и получали от хозяина по одному-два динария. [1267](#) Плиний, вероятно, был излишне встревожен. Надписи показывают нам те же сцены по всей империи [1268](#), и император со спокойным достоинством оставляет вопрос о подобных развлечениях на усмотрение своего лейтенанта.

[pg 222]

В этих знаменитых депешах императору представлено множество религиозных вопросов, особенно тех, что касаются веротерпимости христиан. [1269](#) Но, как бы ни были они глубоко интересны, они выходят за рамки данной главы. Мы заняты светской жизнью провинциального города. И в "Письмах Плиния" некоторые вещи предстают в ясном свете. Во-первых, при Траяне государство начало контролировать муниципалитет, особенно в управлении его финансами; но контроль этот скорее приглашался, чем навязывался. Во всяком случае, он стал необходим из-за злоупотреблений или некомпетентности. [1270](#) Ничто

не может быть более поразительным, чем контраст между гражданским безрассудством, разоблаченным Плинием, и ясной, терпеливой мудростью далекого императора. И еще в одном месте мы видим, что муниципалитеты вступили в тот катастрофический упадок, который должен был закончиться разрухой пятого века. Расточительное финансирование уже оказывает давление на членов курии, и членство в ней начинает считаться скорее бременем, чем честью. С правления Траяна мы начинаем слышать о кураторах, которые были императорскими офицерами, назначаемыми сначала для решения особых чрезвычайных ситуаций, но ставшими постоянными магистратами с огромными полномочиями, особенно в области финансов.¹²⁷¹ Свободная гражданская жизнь первого века незаметно попадает под роковые чары бюрократического деспотизма.

Города многое сделали для себя из общественных доходов.¹²⁷² Но есть много признаков того, что частные амбиции или благотворительность сделали еще больше. Каменные записи Помпеи замечательным образом подтверждают эти признаки. Помпеи, несмотря на известность, которую придала им их трагическая судьба, были всего лишь третьесортным городом с населением, вероятно, не более 20 000 человек.¹²⁷³ Их останки, действительно, оставляют впечатление, что значительная часть населения находилась в легком положении; но можно сомневаться, что Помпеи могли похвастаться наличием крупных капиталистов среди своих граждан. Ее гавань, расположенная в устье Сарно, была местом выхода для торговли Нолы и Нуцерии. [pg 223] В пригороде у моря находились соляные заводы. Рыбные соусы Умбриция Скаурса пользовались большой известностью.¹²⁷⁴ На вулканическом отрожке Везувия выращивали виноградную лозу и оливы; но вино Помпеи, по словам старшего Плиния, оставляло после себя тягучую головную боль. Из лавы вулкана изготавливали мельничные камни. Рыночные огородники вели процветающую торговлю, а помпейская капуста была знаменита. На возвышенности в сторону Везувия многие богатые римляне, Цицерон и Друз, сын Клавдия, построили загородные дома в том восхитительном климате, где зимы так коротки, а летний зной сдерживается неустанными бризами с гор или западного моря. Все это делало Помпеи процветающим и привлекательным местом, однако их торговля вряд ли давала шанс на огромные состояния, которые в те времена можно было сколотить в Путеолах или Остии.¹²⁷⁵

Тем не менее, многие общественные здания Помпеи были подарены частными лицами. Во времена правления Августа Голконии были большой семьей. М. Холконий Руф пять раз был обычным дуумвиром и дважды квинквенциальным дуумвиром; он был жрецом Августа и, наконец, был избран патроном города.¹²⁷⁶ Подобные достоинства в те времена налагали соответствующее бремя. В одной из надписей говорится, что при перестройке большого театра, вероятно, около 3 г. до н. э., Холконий Руф и Холконий Целер оплатили расходы на крипту, трибуны и все пространство для зрителей. Женщины не отставали от мужчин в своей общественной благотворительности. На восточной стороне форума Помпеи есть здание и ограждение с остатками портиков, колоннад и фонтанов, которые, как предполагается, были рынком тканей. В нише стояла мраморная статуя, посвященная помпейскими фуллерами Евмахии, жрице города. А сама Евмахия оставила запись о том, что она и ее сын возвели здание за свой счет.¹²⁷⁷ Посвящение, вероятно, относится к периоду правления Тиберия. Посетитель, который выходит из форума через арку у северо-восточного угла и сворачивает на самую широкую улицу города, вскоре доходит до небольшого храма Фортуны Августы, возведенного в правление Августа. И место, и здание были [pg 224] даром некоего М. Туллия, который, как и М. Холконий, пользовался всеми почестями, которые мог оказать город.¹²⁷⁸ Амфитеатр в юго-восточном углу города, место многих гладиаторских боев, о которых свидетельствуют надписи, был возведен двумя людьми высшего чиновничьего ранга, К. Квинкцием Вальгусом и М. Порцием, вероятно, теми же людьми, которые взяли на себя по

крайней мере часть расходов на меньший театр Помпеи.¹²⁷⁹ Последний случай проявления щедрого общественного духа, о котором мы упомянем, интересен во многих отношениях. Хорошо известно, что в 63 году н. э. землетрясение разрушило множество зданий и произвело большой хаос в Помпеях. Среди прочих построек был разрушен храм Исиды. Храм, остатки которого мы можем сейчас изучать, был построен мальчиком шести лет, Нумерием Попидием Цельсином, который в знак признания своей собственной или, скорее, отцовской щедрости, в столь юном возрасте был принят в "великолепный орден".¹²⁸⁰ Подобный способ вознаграждения отца путем выдвижения его малолетнего сына на преждевременные почести не является неизвестным в других надписях.¹²⁸¹

Литература той эпохи содержит множество свидетельств подобной щедрости частных лиц. Окружение и семья Плиния, как мы видим, были образцами лучших чувств того времени. Плиний не был очень богатым человеком, по меркам эпохи колоссальных состояний; однако его благотворительность, как по отношению к частным друзьям, так и к сообществам, в которых он был заинтересован, была на уровне самого большого богатства. Подсчитано, что в общей сложности он подарил своему раннему дому и отчизне, как он ее называл, более 80 000 фунтов стерлингов; и эти дары носили сугубо практический характер: библиотека, школьный фонд, фонд для воспитания бедных детей, храм Цереры с просторными колоннадами для укрытия торговцев, приезжавших на большую [ярмарку](#)¹²⁸². Великая дама Умидия Квадратилла, известная нам по письмам Плиния не совсем положительно, построила для Казинума храм и [амфитеатр](#)¹²⁸³. От старшего Плиния мы узнаем, что выдающиеся придворные врачи, два Стертиния, чей профессиональный доход, как говорят, составлял от 2000 до 5000 фунтов стерлингов в год, растратили свое огромное состояние на благотворительность [pg 225] городу Неаполю.¹²⁸⁴ Один частный гражданин взял на себя расходы по строительству акведука в Бордо, потратив на это 160 000 фунтов стерлингов.¹²⁸⁵ Другой благотворитель, некто Кринас, потратил на стены Марселя около 80 000 фунтов стерлингов.¹²⁸⁶ Дед Диона Хризостома посвятил все свое состояние на общественные нужды.¹²⁸⁷ Сам Дион, в соответствии со своими средствами, последовал примеру своего предка. Один только участок колоннады с магазинами и киосками, который он подарил Прусе, стоил около 1800 фунтов стерлингов. Когда Кремона была разрушена войсками Веспасиана в 69 г. н. э., ее храмы и форумы были восстановлены благодаря щедрому рвению частных граждан, после всех ужасов и истощения этого ужасного [конфликта](#)¹²⁸⁸.

Но принцем общественных благотворителей в эпоху Антонинов был великий софист Герод Аттик, воспитатель Аврелия, который умер в том же году, что и его ученик, в 180 году н. э. Он действовал в соответствии со своей теорией использования богатства в масштабах беспрецедентной щедрости.¹²⁸⁹ Его семья была высокого ранга и претендовала на происхождение от Эакидов с Эгины. Кроме того, они обладали, по-видимому, неисчерпаемыми ресурсами. Его отец потратил почти 40 000 фунтов стерлингов на пополнение императорского гранта на водоснабжение Троады. Благотворительность сына распространялась на города Италии, а также на Коринф, Фессалию, Эвбею, Беотию, Элиду и, прежде всего, на Афины. Он подарил акведуки Канусию и Олимпии, ипподром Дельфам, крытый театр Коринфу.¹²⁹⁰ Он устроил серные бани в Фермопилах для посетителей из Фессалии и с берегов Маликийского залива. Он помог в восстановлении Орикума в Эпире и щедро использовал ресурсы многих других приходящих в упадок городов Греции. Он, безусловно, был благосклонен, но в нем была и страсть к пышной славе, и он лелеял амбиции осуществить мечту Нерона, проложив канал через Коринфский перешеек.¹²⁹¹ Но Аттика, где он родился и где у него был княжеский дом на Илиссе, была главным объектом его щедрости. В своем завещании он оставил каждому афинскому гражданину ежегодный дар в размере одной мины. В один день он приносил в жертву богине-деве сто быков; а когда

наступали большие праздники, он [pg 226] пировал на диванах в Керамике, как народ по племенам, так и проживавшие там чужеземцы. Он восстановил древние святилища и стадионы, украсив их дорогим мрамором. А в память о Регилле, своей жене, он построил у подножия акрополя театр на 6000 зрителей, крытый кедровым деревом, который, по мнению Павсания, превосходил своим великолепием все подобные [сооружения](#)[1292](#).

Либеральность Ирода Аттика, какой бы удивительной она ни казалась, была исключительной по своим масштабам. Тот же дух царил среди ведущих граждан или великих покровителей сотен общин, многие из которых известны нам только по краткой надписи или двум; и у нас есть большие основания быть благодарными за это императорскому законодательству более поздних времен, которое сделало все возможное, чтобы сохранить эти каменные записи для глаз потомков.[1293](#) Однако, оценивая великолепный общественный дух, проявлявшийся в муниципальной жизни, следует напомнить себе, что многое неизбежно было утеряно под обломками времени, а то, что нам осталось, представляет собой гражданскую жизнь сравнительно короткого периода. Тем не менее, останки настолько многочисленны, что практически невозможно дать адекватное представление об их изобилии тем, кто не знаком с надписями. Объекты этой либеральности столь же разнообразны, как и потребности общества - храмы, театры, мосты, рынки, портик или колоннада, прокладка дороги или тротуара от форума до порта, ремонт акведука, прежде всего возведение новых бань или восстановление старых, возможно, с постоянным фундаментом, чтобы обеспечить свободное пользование этой величайшей роскошью юга. Благodeяние распространялось на всех граждан обоего пола, а в некоторых случаях даже на чужестранцев и рабов.[1294](#) В жестком, условном отчете об этой огромной массе щедрости есть почти монотонное однообразие. Все это кажется спонтанным ростом социальной системы. Один памятник воздвигнут сенатом и жителями Тибура человеку, который нес все его почести и оставил городу единственного наследника.[1295](#) На другом август Калес, получивший знаки отличия дуумвирата, рассказывает потомкам, что он проложил широкую дорогу через город.[1296](#) Другой фактор bene [pg 227] взял на себя основные расходы по строительству нового мясного рынка в Эзернии, а власти города предоставили колонны и плитку.[1297](#) Жрица Каламы в Нумидии потратила 3400 фунтов стерлингов на новый театр.[1298](#) Возможно, самым распространенным объектом частной либеральности было возведение или содержание общественных бань. Старый офицер четвертого легиона обеспечил бесплатное купание в Суэссе Сенонум для всех, вплоть до девушек-рабынь.[1299](#) В Бононии на те же цели было завещано 4350 фунтов стерлингов.[1300](#) Магнат из Мизенума завещал 400 грузов твердой древесины ежегодно для топки бань, но с условием, что его сын должен стать покровителем города, а его наследники должны получить все магистратуры.[1301](#)

Это лишь несколько примеров, взятых наугад из бесчисленных записей о подобной либеральности по отношению к родительскому городу. Пример императоров должен был стимулировать создание великолепных общественных работ в провинциях. М. Буассье заметил, что императорское правительство во все времена демонстрировало политическую или инстинктивную любовь монархии к пышности и великолепию.[1302](#) Римский кодекс, вплоть до конца Западной империи, свидетельствует о ревностной заботе о сохранении памятников и исторических зданий прошлого и с необычной энергией осуждает "грязную и постыдную" торговлю реликвиями древней славы, которая преобладала в последний век империи.[1303](#) После великих пожаров и опустошительных войн первой мыслью самого экономного или самого щедрого князя было восстановить в большем величии то, что было разрушено. После великого пожара 64 г. н. э., который превратил в пепел десять из четырнадцати районов Рима, Нерон немедленно приступил к восстановлению города в более упорядоченном виде, с более широкими улицами и открытыми пространствами.[1304](#)

Веспасиан, вступая на престол, обнаружил, что казна обременена долгом в 320 000 000 фунтов стерлингов. Однако экономный император без колебаний приступил к восстановлению Капитолия и всех других руин, оставшихся после великой борьбы 69 г. н.э., в результате которой возникла его династия. [1305](#) Он даже предпринял несколько новых [pg 228] работ большого масштаба, храм Мира и амфитеатр, по планам, разработанным Августом. Тит достроил Колизей и возвел знаменитые бани. [1306](#) Домициан еще раз восстановил Капитолий и построил множество новых зданий, храмы своему "божественному" отцу и брату, а также множество святынь его особой покровительнице Минерве; каменный стадион на 30 000 человек и Одеум на 10 000 зрителей. [1307](#) Плиний хвалил Траяна за бережливое управление казной в сочетании с великолепием общественных работ. [1308](#) Похвалы не были незаслуженными. Он построил доки и склады в Остии; провел новую дорогу через Помптинские болота; выделил деньги на акведуки и бани. [1309](#) Самым грандиозным его сооружением был новый форум между Капитолием и Квириналом, с величественными памятниками достижений его правления. Но принцем имперских строителей и инженеров был Адриан. Куда бы он ни отправлялся, он брал с собой в поездки отряд архитекторов, чтобы те добавляли что-то к великолепию или удобству городов, через которые он проезжал. "Почти в каждом городе, - говорит его биограф, - он возводил какое-нибудь здание". [1310](#) Но и столица не была обделена вниманием Адриана. Он восстановил исторические сооружения, такие как Пантеон и храм Нептуна, форум Августа и бани Агриппы, без показного вторжения своего имени. [1311](#) От своего имени он построил храмы Венеры и Ромы, мост через Тибр и величественный мавзолей, который, как и замок Сант-Анджело, связывает память о языческой империи с средневековым папством и современным миром. Пример имперских владык мира, несомненно, усилил различные импульсы, которые вдохновили посвятить столько богатств общественному служению или наслаждению во всех городах империи.

Но от богатого и общественно активного гражданина также ожидали, что он будет заботиться о непосредственном удовольствии или развлечении своих соседей в играх и пирах. Мы видели, что Плиний во время своего правления в Вифинии, похоже, считал публичные пиры, устраиваемые для всей общины по случаю [pg 229] частного ликования, опасными для общего спокойствия. Однако этот обычай встречается нам повсюду в надписях и даже в литературной истории того времени. Это просторное гостеприимство издавна требовалось от богатых и могущественных людей, от полководца во время его триумфа, от знатного вельможи в день его рождения или свадьбы дочери, от богатого мещанина при посвящении храма или форума, который он подарил городу, от человека, который был избран покровителем города в ожидании таких щедрот, не говоря уже о многих частных покровителях, чьи утренние приемы заполнялись голодной толпой, жаждущей приглашения на обед или его эквивалент в спортуле. [1312](#) Юлий Цезарь во время своего триумфа в 46 г. до н. э. накормил народ за 22 000 столов. [1313](#) В больших домах, таких как роскошная резиденция Каниния Руфа в Комо, были огромные банкетные залы для таких популярных трапез. [1314](#) Трималхион Петрония пожелал, чтобы на его могиле изваяли образ такого щедрого хозяина. [1315](#) В ту эпоху не было более популярного и эффективного способа выразить благодарность за почести, оказанные народным голосом, или завоевать их, чем большой пир для всей коммуны, обычно сопровождаемый раздачей денег в соответствии с социальным или должностным рангом. Самым популярным средством продления памяти было также завещать фонд для вечного поддержания таких пиров в честь умерших. [1316](#) Один П. Луцилий из Остии занимал все великие должности в своем городе и вознаграждал своих поклонников щедростью, которая, очевидно, была более чем эквивалентна официальным почестям, которые они оказывали. Он проложил длинную дорогу от форума к арке, восстановил храм Вулкана, куратором которого он был, а также храмы Венеры, Спеса и

Фортуны; он предоставил стандартные весы для мясного рынка и мраморную трибуну для форума. Но, вероятно, самым популярным его благодеянием был большой банкет для горожан, на котором для них было поставлено 217 кушеток.¹³¹⁷ Этот же щедрый человек дважды развлекал всех горожан за обедом. В другом месте ветеран с долгой и разнообразной службой поселился в Ауксуме, где его [pg 230] избрали покровителем общины. Его старые товарищи, центурионы Второго легиона (Traj. Fortis), воздвигли памятник в честь его добродетелей, а на посвящении он устроил банкет для горожан.¹³¹⁸ Еще один пример из множества, заполняющих надписи, может служить для завершения картины гражданского гостеприимства. Луций Корнелий из Суррентума после своей смерти удостоился чести публичных похорон по решению курии. Надпись на его статуе гласит, что, приняв мужское одеяние, он устроил для населения обед из теста и медовухи; став эдилом, он устроил состязание гладиаторов; и, дважды достигнув почестей дуумвирата, он отплатил за комплимент великолепными играми и пышным **банкетом**¹³¹⁹.

На этих увеселениях к угощению обычно добавлялся денежный подарок, который всегда распределялся в зависимости от социального ранга гостей - декурио, авгур или плебей.¹³²⁰ Иногда раздача принимала форму лотереи. Один высокопоставленный чиновник Беневента, который, вероятно, унаследовал состояние от своего отца, ведущего столичного врача, однажды разбросал среди толпы билеты, которые давали нашедшему право на подарок из золота, серебра, платья или другие более мелкие призы.¹³²¹ Женщины иногда появлялись на этих праздниках и в качестве хозяек, и в качестве гостей. Цезия Сабина из Вейи в день, когда ее муж развлекал всех горожан, пригласила на ужин родственниц декурионов, получив дополнительную роскошь в виде бесплатной ванны.¹³²² Любопытно отметить, что на празднествах, где развлекались женщины, четкое разграничение рангов соблюдалось так же строго, как и среди их родственников-мужчин. Так, при распределении в Вольцеи декурионы, авгуры и виканы получают соответственно тридцать, двадцать и двенадцать сестерций за штуку; в то время как среди дам трех социальных классов наблюдается пропорция шестнадцати, восьми и четырех. Не забывали на этих праздниках и о детях, даже о тех, кто принадлежал к классу рабов. Один любезный магнат из Ферентинума оставил фонд в размере около 750 фунтов стерлингов, чтобы ежегодно устраивать пиршество из теста и медовухи в свой день рождения для всех жителей с их женами, и в [pg 231] то же время 300 орехов было предоставлено для детей, подневольных и **свободных**¹³²³.

Эти провинциальные общества, как мы уже видели, были организованы по аристократическому или плутократическому принципу. Различие между *honestior* и *humilior*, которое становится таким жестоким в Феодосиевом кодексе, даже в эпоху Антонинов было более резким и более устойчивым, чем это соответствует нашим современным представлениям о социальной справедливости. Богатые обладают монополией на всю официальную власть и социальное старшинство; им принадлежит даже наибольшая доля в подарках и мизерных раздачах денег, от которых можно было бы ожидать, что богатство уйдет и будет презираемо. Их сыновья закрепили за собой в силу социальных условностей или народной благодарности и ожиданий положение, равное положению их предков. Тусклая плебейская толпа, если не считать права ежегодного голоса на выборах, которое через несколько поколений должно было быть отнято, кажется, имела не большее значение, чем рабы; она имела гораздо меньшее значение, чем те вольноотпущенники, которые имели удачу или ловкость быстро сколотить состояние и проложить себе путь в пропасть между привилегированными и лишенными наследства. И все же это вряд ли было бы полным и глубоким представлением о внутреннем устройстве и духе того муниципального общества. Кажущаяся жесткость и суровость разграничительных линий часто смягчалась социальным чувством, которое, с одной стороны, предъявляло высокие требования к рангу и богатству, а

с другой - объединяло все классы крепкими узами товарищества в общей общественной жизни. Вероятно, не было времени, когда богатство в большей степени рассматривалось как доверие, как собственность, в которой общество в целом имеет право участвовать. Не было эпохи, когда богатые люди более откровенно и даже безрассудно признавали это императивное требование. Действительно, трудно разложить на составные части сложную массу мотивов, побуждавших богатого бюргера идти на такие огромные, а зачастую и разорительные расходы ради общего блага или удовольствия. Конечно, здесь было много простого эгоистического честолюбия и любви к популярности. Страсть к известности, пожалуй, никогда не была столь сильной. Прямая или даже завуалированная коррупция избирателей была, конечно, строго запрещена законом.¹³²⁴ Но это был признанный [pg 232] принцип общественной жизни, что город должен чтить своих благодетелей и что те, кого он вознес до своих высших отличий, должны выражать свою благодарность каким-то вкладом в комфорт или удовольствия людей. Но, признав все вульгарные мотивы благотворительности, человек покажет себя очень ненаблюдательным или, наоборот, очень циничным исследователем того времени, если не признает, что среди этих бесчисленных благотворителей было немало людей, движимых не только чувством долга, но и настоящим пылом общественного духа, людей, желавших жить в любви и памяти своих собратьев и обладавших редким пониманием обязанностей богатства. Филострат своими словами оставил нам запись о принципах, которые вдохновляли Ирода Аттика на его почти баснословные пожертвования многим городам Азии, Греции и Италии. Ирод говорил, что истинное применение денег - это помощь нуждам других; богатство, которое охраняется скупой рукой, - это лишь "мертвое богатство"; сундуки, в которых оно хранится, - это просто тюрьма; а поклонение деньгам напоминает жертву, которую сказочные Алоиды принесли богу, посадив его в цепи.¹³²⁵ Основные черты человеческой природы необычайно неизменны из века в век, хотя объекты ее любви и преданности могут бесконечно меняться. Высшие бескорыстные порывы должны утверждаться в любом обществе, которое не погружается в бездну. Более свободные духом люди всегда будут готовы потратить силы или материальные средства на объекты, которые священны для их эпохи, хотя они могут показаться химерическими или недостойными для следующей. И мы вполне можем поверить, что человек, который во втором веке построил баню или театр для горожан, возможно, если бы он жил в пятом, посвятил бы церковь святому покровителю или завещал свои земли монастырю.

Эпоха Антонинов, с одной стороны, была, возможно, довольно грубой в своих идеалах, страстно любила пышность и блеск, гордилась гражданским достоинством и остро воспринимала легкость, комфорт и яркость, которые общие усилия или индивидуальная щедрость могли бы добавить к наслаждению жизнью. Это был также очень общительный век. Люди искали свое счастье в городе, а не в семье или государстве. Если их город не мог играть большую роль как независимое сообщество, [pg 233] он мог, благодаря самопожертвованию своих сыновей, утвердить свое достоинство среди соперников. Она могла бы стать обществом, которое люди с гордостью или любовью называли бы своей "родиной" и своим родителем и на которое они наперебой тратили бы свое время и свое золото. И зданиями, и банкетам, и яркими праздниками, на которые так много тратилось, наслаждались все граждане в равной степени, и самые низкие, и самые высокие, хотя высокие и низкие иногда по предписанию имели неравную долю в щедрости. Свободное пользование роскошными банями, хорошей водой с Атласа, Апеннин или Альбанских холмов, право посидеть в кругу своих товарищей, когда "Псевдолус" или "Адельфи" были выставлены на продажу, удовольствие прогуливаться в тенистых колоннадах форума или рынка, окруженных блестящими мраморами и фресками, с фонтанами, проливающими свою прохладу вокруг; доброе общение, которое в то время нивелировало все сословия, во многих

простых общих пирах, с раздачей монетки или двух в конце, чтобы напомнить или усилить удовольствие, - все это делало город настоящим домом, в какой-то степени почти большим семейным кругом. Несомненно, во всей этой гражданской жизни было много эгоизма и грубости. Какой поздний век может бросить первый камень? Однако изучение надписей эпохи Антонинов оставляет впечатление, что среди всех резко очерченных ранговых различий, среди всех мелких амбиций и самоутверждения, а также льстивого и ожидаемого раболепия, существовала и подлинная патриотическая доброжелательность, с одной стороны, и благодарное признание ее - с другой. Граждане запечатлели на многих табличках свою благодарность патрону, дуумвиру или августу, или простому старому центуриону, вернувшемуся из дальних пограничных лагерей, который вымостил их набережную, или восстановил их бани, или подарил им святилище Нептуна или Сильвануса. Они также хранили память о многих добрых меценатах, которые, как им казалось, навсегда оставляли средства на ежегодный пир со всеми строго установленными долями, чтобы спасти неизвестную могилу от всеобщего забвения. Таким образом, хотя жизнь древнего города имела свою подлую сторону, обнаженную Петронием с таким безжалостным раблезианским реализмом, она имела и более благородный аспект. Несмотря на аристократический тон городского общества в эпоху Антонинов, возможно, что разделение классов в наших крупных населенных пунктах [pg 234] морально более резкое и решительное, чем в те времена, когда пропасть между социальными рангами была теоретически непроходимой.

Однако у этой картины братской гражданской жизни есть и другая сторона. Если некоторые из ее удовольствий были невинными и даже смягчающими и возвышающими, то были и такие, которые потворствовали самым грубым и жестоким страстям. Любовь к развлечениям росла в римском характере по мере того, как цивилизация развивалась в организации и великолепии, и, к сожалению, любимые развлечения часто были непристойными и жестокими. Календарь того времени достаточно зловец. Количество дней, ежегодно отдававшихся играм и зрелищам в Риме, выросло с 66 в правление Августа, до 135 в правление Аврелия, и до 175, или даже больше, в четвертом веке. В этом подсчете не учитываются экстраординарные фестивали по особым случаям. [1326](#) Флавианский амфитеатр был открыт Титом с пышными выставками, продолжавшимися 100 дней. [1327](#) Дакийские триумфы Траяна отмечались подобными ликованиями в течение 123 дней, и 10 000 гладиаторов были спущены на арену. [1328](#) Ярость всех классов римского населения к этим зрелищам страдания и позора продолжалась до самого конца Западной империи. Смазливость пантомимы и резня на арене никогда не вызывали такого яростного и острого наслаждения, как в те времена, когда германцы громили ворота Трева и Карфагена. [1329](#)

Сейчас нам трудно понять эту жажду жестокости среди народа, в остальном высоко цивилизованного, страсть, которую испытывал не только низкий сброд, но даже культурные и гуманные люди. [1330](#) Несомненно, во все времена в римском характере присутствовала грубая нечувствительность к страданиям. Институт рабства, подразумевающий отказ в обычных человеческих правах для массы сородичей, как обычно, приводил к тому, что люди становились презрительно черствыми к судьбе всех, кто не принадлежал к привилегированному классу. Даже такой высокоморальный человек, как Тацит, осуждая Друза за злорадство по поводу его гладиаторских представлений, лишь презрительно отзывается о жертвах бойни. [1331](#) И аппетит рос вместе с тем, чем он питался. [pg 235] От отца к сыну, на протяжении почти семи столетий, римский характер все больше и больше затвердевал под влиянием лицензированной жестокости. Зрелища также окружались императорами, даже самыми великими и лучшими, по политическим соображениям с постоянно растущим величием. Флавианский амфитеатр, который остается памятником славы империи и ее позора, должно быть, был мощным развратителем. Там, ярус за ярусом,

собрались в концентрированном возбуждении и заразительном энтузиазме 87 000 зрителей. Императорское окружение и сам император, члены высших сенаторских палат, высшие государственные чиновники, жрецы, девственницы, придавали бесчеловечному зрелищу внушительное национальное достоинство. А время от времени восточный принц или посол, или вождь какого-нибудь полудикого племени в Германии или [Нумидии](#)¹³³² развлекали взоры толпы, сгрудившейся на верхних скамьях. Все приемы роскошного искусства использовались для того, чтобы усилить низменные привлекательные стороны сцены. Великолепная громада была украшена драгоценными камнями, изготовленными с большим художественным мастерством.¹³³³ Арена окрасилась в насыщенные цвета от солнечного света, проникавшего сквозь навесы. Воды благоухающих фонтанов взлетали высоко в воздух, распространяя свою ароматную прохладу, а музыка заполняла паузы в жутком противостоянии. С таких сцен, вероятно, и была срисована картина в Апокалипсисе: *Mulier circumdata purpura et coccino-mater fornicationum-ebria de sanguine sanctorum*.

В I и II веках страсть к жестокому возбуждению была так же сильна в провинциальных городах, как и в Риме. Возможно, отчасти это объяснялось однообразием провинциальной жизни. Ее также стимулировала легкость, с которой общественные настроения вымогали средства для этих удовольствий у более богатых граждан. Мнение влиятельного и просвещенного класса, за редким исключением, не делало никаких усилий, чтобы очистить и очеловечить грубость масс. Сенека и Демонакс действительно проявляют современную гуманность в своем взгляде на разлагающее влияние этих зрелищ.¹³³⁴ Гуманный магистрат Вьенны, некто Требоний Руфин, в царствование Траяна, самовольно отменив их в своем городе, был призван [pg 236] защищать свое поведение перед императором, а Юний Мауриций имел смелость выразить перед советом пожелание, чтобы они были отменены и в Риме.¹³³⁵ Август императорским эдиктом ограничил жестокие представления отца Нерона.¹³³⁶ Веспасиан, по словам Диона Кассия,¹³³⁷ не испытывал особого удовольствия от зрелищ на арене. Но императоры в целом, и не в последнюю очередь сыновья Веспасиана, поощряли и потворствовали жажде крови.¹³³⁸ Императорские гладиаторы были тщательно организованы Домицианом в четыре большие школы,¹³³⁹ с регулярной администрацией, возглавляемой офицерами высокого ранга. Нежный Плиний, который лично не любил подобные зрелища, приветствовал своего друга Максима за то, что тот устроил гладиаторское представление для жителей Вероны, чтобы почтить память своей умершей жены, в истинном духе старых Брути и Лепиди эпохи Пунических войн.¹³⁴⁰ В представлениях Траяна он нашел великолепный стимул для презрения к смерти.

Неудивительно, что, имея такие примеры и такое одобрение, народ безудержно злорадствовал над этими бесчеловечными видами спорта. Торговца тряпьем на обеде у Тримальчио, несомненно, привлекает эта жизнь.¹³⁴¹ Они собираются устроить трехдневный кровавый карнавал. Спасения не будет; мясник будет делать свою работу тщательно, на виду у всех зрителей амфитеатра. Именно в Этрурии и в Кампании, где жил Тримальхион, зародились гладиаторские бои. Кампанские хозяева развлекали ими своих гостей за ужином во времена, предшествовавшие второй Пунической войне.¹³⁴² И именно в кампанских городах в I веке наиболее ярко проявилось нередкое сочетание жестокости и сладострастия. Останки Помпеи предоставляют нам наиболее яркие и достоверные материалы для изучения спортивных вкусов провинциального города. Примечательно, что амфитеатр Помпеи, вмещавший 20 000 человек, был построен за пятьдесят лет до первого каменного амфитеатра, возведенного Статилием Тавром в [Риме](#)¹³⁴³. Примечательно также, что, хотя Помпеи упоминаются Тацитом лишь дважды, одно из упоминаний относится к кровавому бунту [pg 237], возникшему из-за игр в амфитеатре.¹³⁴⁴ В 59 г. н. э. римский сенатор в опале, по имени Ливиний Регул, устроил в Помпеях большое гладиаторское представление, которое

привлекло множество зрителей из соседнего города Нуцерия. Сцены арены вскоре были воспроизведены в ожесточенной уличной драке между жителями двух городов, в которой многие нуцерийцы были убиты или ранены. Катастрофа предстала перед императором и была передана им на рассмотрение сената, в результате чего Помпеи были сурово лишены своего любимого развлечения на десять лет. Но когда интердикт был снят, помпеянцы могли наслаждаться привычным удовольствием еще десять лет, пока оно не было окончательно прервано пеплом Везувия.

Здание в Помпеях, которое первоначально было колоннадой, связанной с театром,¹³⁴⁵ было превращено в казармы для школы гладиаторов во времена ранней империи.¹³⁴⁶ За колоннадой из более чем семидесяти дорических колонн был построен длинный ряд небольших камер, не имевших отверстий, кроме центрального корпуса. Здесь была столовая, а экседра на южной стороне служила комнатой отдыха для тренеров и мужчин в перерывах между упражнениями. Открытая площадка использовалась для тренировок. В этих зданиях было найдено множество образцов оружия гладиаторов, шлемы и поножи, богато украшенные рельефной резьбой, множество почтовых плащей, щитов и конских упряжей. В одной из комнат были найдены колодки и четыре скелета с кандалами на ногах. В другой - восемнадцать человек, укрывшихся в последней катастрофе, и среди них женщина в дорогих украшениях. Стены и колонны были покрыты надписями и грубыми зарисовками гладиаторской жизни. Граффити, связанные с ней, пожалуй, самые интересные в Помпеях. На некоторых гробницах за городом до сих пор можно прочитать объявления о предстоящих играх, написанные на стенах профессиональным рекламщиком, неким Аэмилием Целером, "при свете луны".¹³⁴⁷ В них сообщается, что дуумвир, эдил или фламен выставит двадцать или тридцать пар бойцов в календы мая или иды апреля. Будут также охота, атлетические [pg 238] игры, раздача подарков, будут предоставлены тенты. Заранее продавались программы с перечнем мероприятий. Содержание одной из них до сих пор можно прочитать нацарапанным на стене, с пометками на полях о результатах соревнований. В одном из состязаний Пугнакс на фракийском оружии победил Муррана Мирмиллона, сражавшегося на галльском оружии, с рыбой на шлеме; судьба Муррана описана в одной трагической букве р. (periit). Двое других сражались на колесницах по старой британской моде. А победивший Публий Осторий был, как можно предположить по его имени, вольноотпущенником, сражавшимся в качестве добровольного участника, согласно надписи, в свой пятьдесят первый бой.¹³⁴⁸ Гробница Умбриция Скавра, расположенная на шоссе за воротами Геркуланума, была украшена лепным рельефом с оживленными сценами охоты и битвы. Охотники с мечом и плащом, как современные тореадоры, вступают в схватку со львами или тиграми. Два гладиатора набрасываются друг на друга верхом. Вот побежденный боец с поднятой рукой взывает к жалости зрителей, а вот другой тонет в предсмертной агонии на песке. Рядом с фигурой нарисованы имя, школа и история борьбы каждого бойца.¹³⁴⁹ Всеобщее увлечение зрелищами выражено во многих грубых рисунках, нарисованных мальчишескими руками на стенах. Записи героев арены, очевидно, были тогда так же хорошо знакомы, как сейчас для нашей спортивной молодежи записи чемпионов по футболу или крикету. В перистиле дома на Нола-стрит можно прочесть имена около тридцати гладиаторов с указанием характера их оружия и количества проведенных ими боев. Портреты гладиаторов изображены на светильниках, перстнях и вазах того времени. Очарование их мужественной силы, по словам Ювенала, было роковым для спокойствия многих римских матрон большого мира. И более скромные девушки Помпеи оставили память о своей слабости в более чем одном откровенном всплеске довольно не девичьего восхищения.¹³⁵⁰

Из восхищенного суждения о славе эпохи Антонинов можно сделать серьезный вывод, что ее самые великолепные останки - это величественные здания, в ограде которых на протяжении столетий народ наслаждался страданиями и кровью [pg 239] самых благородных существ мира диких животных и галантных мужчин. Пустыни и леса Африки и самого отдаленного Востока предоставили для этих сцен своих слонов, пантер и львов. И каждая провинция империи посылала свой контингент новобранцев на арену: Галлия, Германия и Фракия, Британия и Дакия, деревни Атласа и пустыни Судана. [1351](#) Именно в зависимости от глубины впечатления, произведенного римской цивилизацией, амфитеатр был более или менее популярен в провинциях. В самой Италии эта страсть была, естественно, сильнее всего. В тихих местечках, утопающих в Апеннинах или в горах Самниума, регулярно устраивались зрелища, и в благодарность за доставленное удовольствие они сообщали об этом какому-нибудь магистрату или покровителю. [1352](#) Маленький городок Фидены в правление Тиберия на мгновение приобрел зловещую славу благодаря обрушению своего амфитеатра, в результате которого погибли или были искалечены 50 000 зрителей. [1353](#) Аугустал из Праенесте подарил своему городу школу гладиаторов и получил статую за этот вклад в удовольствия населения. [1354](#) А. Клодий Флакк из Помпеи, в свой первый дуумвират на Аполлинарии, устроил на форуме выставку боев быков, драки и пантомимы. Второе свое пребывание на этом посту он ознаменовал представлением тридцати пяти пар гладиаторов со сценой охоты на быков, кабанов и медведей. [1355](#) В Минтурнах памятник напоминает "прекрасным гражданам", что во время представления, продолжавшегося четыре дня, на их глазах погибли одиннадцать самых лучших гладиаторов Кампании, а также десять свирепых медведей. [1356](#) В Компсе в Самниуме, месте, о котором почти никто не слышал, простые люди воздвигли статую жрецу Магна Матер, который устроил им великолепное представление, а он, в свою очередь, вознаградил их благодарностью пиром для обоих полов, который продолжался два дня. [1357](#) Подобные свидетельства неуместной щедрости можно привести из Бовианума и Беневента, из Тибура и Перузии и многих других малоизвестных итальянских городов. Но жестокое бесчувствие эпохи, пожалуй, нигде не проявилось так ярко, как в дни, последовавшие за недолгой победой вителлианского оружия при Бедриакуме. Там, на этой ужасной равнине, где его соперник был разбит и завершил свою запятнанную жизнь бесславной смертью, Вителлий [pg 240] злорадствовал над обломками великой борьбы. Деревья были вырублены, посеы втоптаны в трясину; земля пропиталась кровью и гноилась, а растерзанные фигуры людей и лошадей все еще гнили, пока стервятники не завершили их расправу. В течение сорока дней после битвы император присутствовал на больших гладиаторских боях, устроенных его генералами в Кремоне и Бононии, как бы желая оживить память об этой бойне жестоким [подражанием](#) [1358](#). Мрачный литературный мститель этого кровавого карнавала изобразил конец императорского монстра в течение короткого времени в красках, которые никогда не померкнут: покинутый своими подлыми слугами, содрогающийся от жутких ужасов огромных, безмолвных одиночеств дворца, вытащенный из своего укрытия и брошенный с оскорблениями и поношениями вниз по Гемонской лестнице. Умиравший гладиатор из Кремоны был более чем отомщен. [1359](#)

Западные провинции, граничащие со Средиземноморьем, Галлия, Испания и Африка, больше всего прониклись духом, который породил великие амфитеатры Арля, Трева и Карфагена, Плаценции и Вероны, Путеоли, Помпеи и Капуи. Но Восток подхватил инфекцию, и гладиаторские бои проводились в Антиохии Писидийской, в Нисе Карийской и в Лаодикее; в Александрии со времен Августа был свой амфитеатр и школа гладиаторов под руководством высокого императорского чиновника. [1360](#) Тевтонские области на севере и Греция были почти единственными провинциями, в которых кровавые игры не пользовались популярностью. Единственным греческим городом, где вкус к ним был полностью развит,

был дворцовый город Коринф, который был римской колонией. В романе Апулея мы встречаем высокопоставленного коринфского магистрата, путешествующего по Фессалии, чтобы собрать самых известных гладиаторов для своих представлений.¹³⁶¹ Однако даже в Греции, даже в Афинах, которые со времен Тесея были домом доброй жалости, во времена Антонинов распространялись жестокие страсти. Плутарх призывает государственных людей запретить или ограничить эти выставки в своих городах.¹³⁶² Когда афиняне, желая соперничать с великолепием Коринфа, задумали устроить гладиаторское шоу, кроткий Демонакс велел им сначала опрокинуть свой алтарь жалости.¹³⁶³ Апостолы эллинизма, Дион, Плутарх, [pg 241] и Лукиан, единодушно осуждали учреждение, которое приносило самых храбрых людей в жертву жестоким страстям толпы.

Игры на арене иногда проводились за счет муниципалитета во время больших праздников, и руководил ими государственный чиновник, носивший титул [куратора](#)¹³⁶⁴. Но, пожалуй, чаще их устраивали за свой счет крупные магистраты или жрецы; или же какой-нибудь богатый парвеню, например, сапожник из Болоньи или фуллер из Модены, которых высмеивал Марциал, пытался с помощью такого представления пробиться в охраняемый загон римского ранга.¹³⁶⁵ Нередки были и завещания на создание постоянного агонистического фонда. Самый яркий пример такого завещания можно найти на надписи в честь щедрого дуумвира Писаурума. Он оставил общине капитал в размере более 10 000 фунтов стерлингов. Проценты от двух пятых этой завещанной суммы, возможно, составлявшие 500 фунтов стерлингов, должны были быть потрачены на общий пир в день рождения сына основателя. Накопленные проценты от оставшихся трех пятых, составляющие, возможно, 4000 фунтов стерлингов, должны были быть направлены на проведение раз в пять лет выставки гладиаторов.¹³⁶⁶ Эдил из Петрония собирается потратить от 3000 до 4000 фунтов стерлингов на трехдневное представление.¹³⁶⁷ Стоимость этих выставок, однако, должна была сильно варьироваться. Мы слышим об одной из них во II веке до н.э., которая стоила более 7000 фунтов стерлингов.¹³⁶⁸ Число пар, участвовавших в шоу, судя по надписям, варьировалось от пяти до тридцати. Представления длились от одного до восьми дней.¹³⁶⁹ Качество бойцов также было очень разным. Тиберий однажды вызвал из отставки несколько опытных ветеранов, заплатив за каждого около 800 фунтов стерлингов.¹³⁷⁰ С другой стороны, ворчун на обеде у Тримальхиона насмехается над скупым эдилом, гладиаторы которого были "людьми за два пенни", которых можно было опрокинуть одним вздохом.¹³⁷¹ Кроме больших императорских школ в Праенесте, Капуе или Александрии и "семей", которые во все времена содержали некоторые из крупных вельмож, там [pg 242] были бродячие отряды, содержавшиеся спекулятивными тренерами по найму, вроде той шайки, в которую Вителлий продал своего хлопотливого приспешника Азиатика.¹³⁷²

Профессия гладиатора долгое время считалась порочной, на нее накладывали запрет и общественные настроения, и закон. Это было призвание, в которое попадали самые мерзкие и несчастные представители человечества. Рабы, военные пленники или преступники, осужденные за тяжкие преступления, пополняли его ряды.¹³⁷³ Таким образом, смерть на арене часто действительно была отсроченным наказанием за преступление. Но даже в поздние времена Республики людей свободного происхождения иногда привлекала ложная слава или солидное вознаграждение за профессию. Вольноотпущенники иногда сражались по призыву своих покровителей.¹³⁷⁴ А когда Септимий Северус начал набирать преторианскую гвардию из провинций, молодежь Италии, которая долгое время пользовалась монополией на этот изнеженный корпус, удовлетворяла свои боевые или

хищнические инстинкты, вступая в ряды либо гладиаторов, либо разбойников.¹³⁷⁵ Гладиатор, действительно, должен был подвергаться страшным опасностям и жестокой дисциплине. Клятва обязывала его стойко переносить бичевание, сожжение или смерть.¹³⁷⁶ Его казармы были тщательно охраняемой тюрьмой, и, хотя его питание было обязательно хорошим, его обучение было полностью направлено на то, чтобы получить прекрасное боевое животное, которое будет давать хороший спорт на арене. И все же эта профессия, должно быть, обладала мощной притягательной силой. Некоторые из императоров¹³⁷⁷, Тит и Адриан, сами получали удовольствие от гладиаторских упражнений. Коммод, как бы подтверждая скандал о своем происхождении, действительно спустился на арену¹³⁷⁸, и императорскому примеру последовали люди высокого ранга и даже, по словам сатирика, матроны-вираго¹³⁷⁹. Блеск оружия, показная пышность сцены боя, аплодисменты тысяч зрителей на переполненных скамьях, очарование опасности - все это придавало жестокому ремеслу ложную славу.¹³⁸⁰ Толпа всех веков готова сделать героем человека, который может совершить редкие подвиги физической силы или ловкости. И [pg 243] искусный гладиатор, очевидно, стал героем во времена ранней империи, как и его коллега из красных или зеленых. Его профессиональный послужной список вызывал общественный интерес; число его боев и побед было написано на его могиле.¹³⁸¹ Его имя и черты лица были нацарапаны мальчишками на стенах улиц. Он вызывал неприкрытое и не всегда сдержанное восхищение женщин,¹³⁸² и его слава была воспета в классических стихах, а его жалкое достоинство в смерти было увековечено в мраморе. Воспоминания о более благородной свободной жизни иногда доводили раба арены до самоубийства или мятежа.¹³⁸³ Но чаще он гордился своим мастерством и мужеством и стремился продемонстрировать их. В правление Тиберия, когда представления были редкими, один мирмилло сетовал, что годы его славного расцвета проходят впустую.¹³⁸⁴ Эпиктет говорит, что императорские гладиаторы часто слышали молитвы о наступлении часа боя.¹³⁸⁵

Большие императорские школы были организованы по самым строгим военным принципам и находились под командованием прокурора, который часто занимал высокие должности в провинциях или в армии.¹³⁸⁶ При каждой школе был штат массажистов, хирургов и врачей, которые следили за общим состоянием здоровья ее членов. Существовали различные классы в зависимости от мастерства или продолжительности службы, и в конце концов человек мог стать тренером отряда. У гладиаторов, как и у всех других профессий во втором веке, были свои колледжи. Мы располагаем списком одного из них, составленным в 177 году н. э., коллегии Сильвана.¹³⁸⁷ Члены коллегии разделены на три декурии, очевидно, в соответствии с профессиональным рангом, также указаны их имена и оружие. Их товарищи часто воздвигали им памятники с перечислением их заслуг. Так, дорогой соратник поминает молодого секутора в Панорме, умершего на тридцатом году жизни, который сражался в тридцати четырех битвах и в двадцати одной вышел победителем¹³⁸⁸.

Наши власти не часто позволяют нам следовать за гладиатором в отставку. Суровая дисциплина лудуса, несомненно, делала лучше даже тех, кто был приговорен к ней за тяжкие преступления. Надписи содержат несколько кратких записей [pg 244] об их семейной жизни, которая, похоже, была такой же естественной и нежной, как и у любого другого класса; жены и дочери оплакивали хороших мужей и отцов в обычных выражениях, а отцы, в свою очередь, оплакивали невинные молодые жизни, оборванные жестокостью богов.¹³⁸⁹ Иногда гладиатора-ветерана могли склонить вернуться к старым сценам за высокую плату, или он мог стать тренером в одной из школ.¹³⁹⁰ Его сын мог подняться даже до рыцарского звания;¹³⁹¹ но карьера амбиций была закрыта для него самого пятном профессии, которую

люди считали необходимой для своих удовольствий, и к которой они относились с презрением.

Надписи воздают должное добровольному, единодушному великодушию, с которым люди несли дорогостоящие расходы, отдавали время и силы делам города. Однако существовала тенденция рассматривать общественные пожертвования как признание долга, как ответ на гражданские почести. Иногда мы даже можем видеть, что дар вымогался по настоянию народа, в некоторых случаях даже угрозами и силой.¹³⁹² Города воспользовались всеобщей страстью к месту и социальному старшинству и, часто из подлых побуждений, заполнили свои куриальные списки патронами и лицами, награжденными другими почетными знаками. В знаменитом списке совета Канусиума из 164 членов есть 39 патронов сенаторского или рыцарского ранга и 25 praetextati, простых мальчиков, которые почти наверняка принадлежали к тому же аристократическому классу и, вероятно, должны были стать будущими покровителями города¹³⁹³. Стремясь заручиться поддержкой богатства и социального престижа, муниципальный закон о возрасте для занятия должности магистра часто игнорировался, и даже младенцев иногда возводили в высшие гражданские почести.¹³⁹⁴ Должность патрона, похоже, очень ценилась, поскольку за нее платили большие деньги. Великий человек с либеральной душой мог быть патроном нескольких городов,¹³⁹⁵ а иногда этой чести удостаивались и знатные женщины.¹³⁹⁶ Ornamenta или внешние знаки официального ранга часто даровались людям, которые по закону не имели права занимать должность магистра. Иностранца-резидента (incola), [pg 245] или августа, могли кооптировать в "великолепный орден" курии, или разрешить носить его знаки, или знаки какой-либо должности, которую он фактически не мог занимать.¹³⁹⁷ Но очевидно, что такие отличия должны были быть куплены или погашены. Город редко чем-либо другим отплачивал за щедрую преданность, если только это не было место для могилы или обряд публичных похорон. Правда, щедрого благотворителя или магистра часто чествуют статуей и памятной табличкой. Действительно, эта честь оказывается так часто, что кажется, что она уменьшается до бесконечно малой величины.¹³⁹⁸ И она, на наш взгляд, еще больше уменьшается благодаря приятной конвенции, которая, кажется, сделала делом хорошего вкуса, что человек, которого так выделяют его сограждане, должен сам нести расходы на запись!¹³⁹⁹ На этом ожидания благодарной публики не закончились; ведь при посвящении памятника, казалось бы, необходимо было устроить пир в честь щедрого общества, которое позволило или потребовало от своего благодетеля оплатить расходы на памятник его собственной щедрости.¹⁴⁰⁰ Справедливости ради, однако, следует сказать, что эта гражданская подлость не была универсальной, и есть записи, показывающие, что даже беднейшие слои населения иногда подписывались между собой, чтобы оплатить честь, которую им предлагали оказать.¹⁴⁰¹

Эпоха Антонинов была веком великолепного общественного духа и великих материальных достижений. Но правда заставляет нас признать, что даже в эпоху Антонинов наблюдались зловещие признаки морального и административного упадка. Муниципальные благотворители были вознаграждены местной славой и щедрой лестью; но требования населения, вместе с силой примера и подражания, способствовали тому, что бремя, которое приходилось нести богатым, становилось все более тяжелым. Многие должны были разориться, пытаясь удержать свое место и удовлетворить взыскательные общественные чувства. Люди влезали в долги, чтобы сделать это¹⁴⁰²; и по мере того как муниципальная жизнь становилась менее привлекательной или более обременительной, открывалась карьера императорского чиновника, предлагавшая гораздо более высокие привилегии. Реорганизация [pg 246] императорской службы, проведенная Адрианом, имела огромные последствия для отвлечения амбиций от старых каналов. Она создала большую иерархию

должностей, которая вобрала в себя лучшие способности из провинций. Провинциалы со средствами и положением постоянно посещали столицу по частным делам или для удовольствия, или чтобы представлять свой город в качестве посланников императора. За время пребывания в столице они часто обзаводились влиятельными друзьями, а их сыновья, если не они сами, легко поддавались искушению отказаться от муниципальной карьеры ради перспективы получить высокое место в императорской армии или на гражданской службе.¹⁴⁰³ Правда, местные связи часто оставались неразрывными. Конечно, провинциальный город гордился тем, что его сыновья достигли выдающихся успехов в большом мире; и многие из тех, кто получил рыцарское или военное звание, в более поздние годы вернулись в родной город и были зачислены в число его покровителей. Мы можем быть уверены, что многие успешные люди, как Стертини из Неаполя, платили "плату за воспитание" самым щедрым образом. Но уже в правление Домициана, как мы видели, необходимо было предусмотреть случай, когда в муниципальные магистратуры не набиралось достаточного количества кандидатов. Уже при Траяне города Вифинии заставляют мужчин становиться членами курии и снижают возраст для получения официального звания.¹⁴⁰⁴ Плутарх сетует, что многие провинциалы отворачиваются от своих родных городов и добиваются выгодных должностей у дверей великих римских покровителей.¹⁴⁰⁵ Аполлоний Тианский был возмущен тем, что граждане Ионии на одном из своих больших праздников маскировались под римские имена.¹⁴⁰⁶ Прославленный сын Херонеи, с тоской оглядываясь на свободу и славу периклийской эпохи, откровенно признает, что под сенью римской власти гражданский горизонт затянулся.¹⁴⁰⁷ Занимать даже высшую магистратуру в Фивах или Афинах - совсем другое дело, чем в великие дни Саламины или Лектры. Но Плутарх принимает империю как неизбежность. Он ценит ее блага не меньше, чем Аристид или Дион Хризостом. В нем нет ни капли революционной ярости, которая заставляла Аполлония бросать упреки Веспасиану или хвастаться своим соучастием [pg 247] свержении Нерона.¹⁴⁰⁸ Он мало сочувствует философам вроде Эпиктета, которые хотели бы утопить интересы повседневной политики в более широкой жизни универсального содружества человечества. Империя уничтожила многое из гражданской славы и свободы, но давайте признаем ее компенсирующие блага упорядоченного мира. *Spartam nactus es, hanc exorna* - таким мог бы быть девиз политических советов Плутарха. Сам он, обладая широким диапазоном дарований и культуры, сделавших его имя бессмертным, не гнушался занимать скромную должность в бедном местечке, которое было его домом. И он ссылается на пример Эпаминондаса, который придал достоинство магистратуре, занимавшейся очисткой сточных канав и улиц Фив.¹⁴⁰⁹ Он говорит своему юному ученику, что, хотя сейчас нам не нужно вести войны, заключать союзы, мы можем вести войну каким-то дурным обычаем, возродить благотворительное учреждение, починить акведуки или возглавить жертвоприношение. Однако Плутарх прекрасно понимает муниципальные пороки своей эпохи: страсть к месту и должности, горячее беспринципное соперничество, которое опускается до любых демагогических искусств, продажность толпы и готовность богатых баловать их щедротами и зрелищами, безумную страсть к помпезным благодарственным декретам и памятным статуям; и, прежде всего, раболепие, которое оставляло даже жалкие остатки муниципальной свободы и всегда приглашало вмешательство принца по самым пустяковым поводам.¹⁴¹⁰ Подобные призывы парализуют гражданскую энергию и ускоряют неизбежное движение к деспотизму. Он призывает людей всеми силами стремиться к повышению тонуса своей общины, а не отказываться от нее из-за придиричивого презрения или стремления к более просторной и пышной жизни.

Растущее отвращение к муниципальным почестям было в определенной степени вызвано бюрократическими посягательствами на независимость курии. Уже при Траяне, как мы видели, появились явные признаки финансовой бесхозяйственности и упадка. Случай с

Вифинией в правление Траяна иногда рассматривается как исключительный. Можно усомниться, не является ли он ярким примером общей дезорганизации. Вероятно, вифинские города были не одиноки в своих непродуманных расходах на неправильно спланированные акведуки [pg 248] и театры. Апамея, конечно, была не единственным городом, который призвал императорского аудитора для проверки своих счетов. Надписи времен правления Траяна показывают, что во многих городах Италии - Комо, Канузиуме, Праенесте, Пизе, Бергаме и Каере - были назначены кураторы их администрации, некоторые еще при Адриане или Траяне.¹⁴¹¹ Эти чиновники, которые всегда не были связаны с муниципалитетом, взяли на себя финансовый контроль, который ранее принадлежал дуумвирам и квесторам. Часто это были сенаторы или эквиты высокого ранга, а один куратор иногда курировал несколько муниципалитетов. Особенно поучителен и интересен случай в Каере.¹⁴¹² Там императорский вольноотпущенник по имени Весбинус предложил возвести за свой счет клубный дом (phretrium) для августейших особ и попросил у муниципальных властей место рядом с базиликой. На официальном заседании курии участок был предоставлен ему с одобрения куратора Куриация Косануса и с благодарностью за его либеральность. Было составлено письмо на имя этого чиновника с изложением всего дела и просьбой о санкции. Куратор, написав из Америи, предоставил ее в самых сердечных выражениях. Примечательно, что в то самое время, когда Каэра советовалась со своим куратором по поводу предложения [Весбина](#)¹⁴¹³, вифинские города выкладывали Плинию и Траяну свои финансовые и инженерные трудности. Слава свободной гражданской жизни уже пошла на убыль. Муниципалитет приглашал или подчинялся императорскому контролю. Бремя должности стало перевешивать ее славу и отличие. Через поколение или два народ потеряет свою выборную власть, и курия будет назначать муниципальных чиновников из своих рядов. В конце концов она превратится в простую административную машину для взимания императорских налогов; люди будут бежать от ее непосильных обязательств в любое убежище, и бегство куриалов станет таким же судьбоносным, как приход [готов](#)¹⁴¹⁴.

Суждение о внешне великолепной городской жизни [pg 249] эпохи Антонинов будет зависеть от идеалов исследователя. Была искренняя любовь к общему дому, всеобщая гордость его великолепием и отличием. И обязанность, твердо возложенная общественными чувствами на обеспеченных людей, вносить из своего изобилия вклад в его материальный комфорт и славу, была свободно принята и щедро исполнена. Но и эти расходы не были направлены только на эгоистическое удовлетворение. Беспомощность сиротства и старости, скудость и однообразная скука жизни огромных слоев населения, образование молодежи вызывали жалость благотворителей. Повинуясь настроениям того времени, благотворительность часто растрачивалась на недостойные или даже, на наш взгляд, низменные и развращающие предметы. Люди, казалось, слишком много думали о пиршествах и жестоких развлечениях на один час. Однако когда вся община радовалась посвящению бани или храма, во всех слоях общества на мгновение возникала здоровая социальная симпатия, которая смягчала жесткие границы, разделявшие это древнее общество.

И все же, оглядываясь назад, мы не можем не чувствовать, что над всей этой сценой доброты, щедрости и социальной доброжелательности витает тень. Это не просто обреченность свободной гражданской жизни, которая так ясно написана на стенах каждого куриального зала собраний со времен Траяна, чтобы исполниться в затянувшейся трагедии четвертого и пятого веков; до неизбежной катастрофы еще триста лет. Это скорее чувство, которое, кажется, скрывается под многими фразами, наполовину жалкими, наполовину презрительными, Аврелия, написанными, возможно, когда он смотрел вниз на какое-то великолепное представление в амфитеатре, когда нумидийский лев был повержен ловким ударом охотничьего копья, или галантный Мирмилло с Темзы или Дуная опустил на песок в

своем последнем [бою1415](#). Это чувство Диона, когда он наблюдал за александрийцами, возбужденно бьющимися на скачках в цирке, или за городами Вифинии, охваченными судорогами из-за какого-то сомнительного вопроса о старшинстве или притязаниях на линию песчаных холмов. Это стремительно ускользающая тень того таинственного затмения, которое должно было лечь на интеллект и литературу до конца Западной империи. Это бремя всей религиозной философии от Сенеки до Эпиктета, [pg 250] которая была одним длинным предупреждением против опасностей материализованной цивилизации. К предупреждению языческого проповедника мало кто прислушался; урок не был усвоен вовремя. Возможно ли, что более возвышенные духовные силы окажутся столь же беспомощными, чтобы остановить странным образом похожий упадок?

[pg 251]

ГЛАВА III

КОЛЛЕДЖИ И ПЛЕБЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

Популяция или плебс муниципального города ранней Империи часто упоминается в надписях вместе с ордосом и авгурами, как правило, требуя какого-то благодеяния или отдавая честь какому-то благосклонному покровителю.[1416](#) Они также появляются в качестве получателей меньшей доли на общественных пирах и раздачах. Иногда они вступают в ожесточенные конфликты с высшими орденами, как в Пuteолах в правление Нерона, когда раздор был настолько угрожающим, что потребовалось присутствие преторианской когорты.[1417](#) Избирательные плакаты Помпеи также свидетельствуют о большом интересе народа к муниципальным выборам.[1418](#) Но о простых людях мы теперь, как правило, знаем в основном по надписям на их могилах. К счастью, во всех провинциях, а также в Италии существует огромное количество этих кратких воспоминаний о неизвестной жизни. И хотя римская литература, которая была продуктом аристократического сословия или его иждивенцев, обычно уделяет мало внимания презируемой массе, занятой на мелких работах или в мелких ремеслах, мы уже видели, что роман Петрония бросает на нее яркий свет в царствование Нерона.

Огромное развитие свободного пролетариата во времена ранней империи - одно из самых поразительных социальных явлений, которые выявило изучение надписей. Иногда принято говорить о том, что это общество полностью зависело от рабского труда для удовлетворения своих потребностей. И, несомненно, в свое время рабский труд занимал большую часть сферы промышленности. В [pg 252] время Республики семья даже умеренного достатка могла иметь 400 рабов, а Красс - до 20 000, которых он нанимал на различные производства.[1419](#) Но постепенно несколько причин сговорились, чтобы произвести великую промышленную революцию. Со времен Августа войны за границей, которые добавляли новые территории и поставляли толпы пленников на невольничьи рынки, стали реже. И вполне вероятно, что рождаемости среди рабского класса едва хватало для поддержания его численности на фоне истощения, вызванного смертностью и кастрацией. Практика эмансипации рабов из более интеллектуального класса развивалась так быстро, что ее даже пришлось ограничить законом.[1420](#) Хозяевам было экономически выгодно предоставлять умелым рабам долю в прибылях их промышленности, и накопленный таким

образом пекулий вскоре обеспечил средства для покупки эмансипации. В то же время распыление колоссальных состояний, нажитых в эпоху грабежей и завоеваний и растраченных в роскоши и излишествах, вместе с эксплуатацией ресурсов благоприятных регионов, которые теперь пользовались благами беспрепятственной торговли, быстрого сообщения и совершенной безопасности, должно быть, давало огромный стимул для свободной промышленности. Самый беглый взгляд на надписи под заголовком *Artes et Opificia*,¹⁴²¹ покажет огромное и процветающее развитие искусных ремесел, со всей мельчайшей специализацией искусств, которые ожидают высокоорганизованное и роскошное общество. Эпитафии этих безвестных тружеников были найдены во всех уголках римского мира, в отдаленных городах Испании, Галлии, Норикума, Дакии и Северной Африки, а также в древних центрах утонченности в Италии или на греческом Востоке. На одной-двух страницах вы можете прочесть простые записи уздечника или фляжника из Нарбонны, кабриолетчика из Сенегалии, бондаря из Трева, камнереза из Нима, торговца пурпуром из Аугсбурга, рядом с записями торговца шерстью из Брешии, окулиста из Болоньи, водопроводчика из Неаполя, продавцов благовоний на Виа Сакра и скромного фруктовика из Цирка Максимуса.¹⁴²² Многие из этих людей поднялись из [pg 253] рабства в класс вольноотпущенников. Большинство из них, очевидно, скромные люди, хотя, как и у одной женщины, торгующей жемчугом на Виа Сакра, у них могут быть свои вольноотпущенники и вольноотпущенницы, для которых они обеспечивают последнее пристанище рядом с собой.¹⁴²³ Парикмахер, аукционист или продавец кож, ставший владельцем земель и домов и даже способный устраивать гладиаторские представления, вызывал презрение Ювенала и Марциала.¹⁴²⁴ Но эти ничтожные люди, хотя и презираемые старым миром аристократических традиций, гордились своими ремеслами. Они рассказали потомкам, кем и чем они были, без всяких вульгарных утаек; более того, они оставили дорогие гробницы, на которых гордо красуются эмблемы или инструменты их мелких ремесел, подобно гербам наших семей, ведущих нежный род. В музее Сен-Жермен можно увидеть чучело продавца яблок, предлагающего свои плоды вниманию дам квартала; бондаря с бочкой на плече; кузнеца с молотом в руках в кузнице; сукновала, вытирающего и выделяющего ткань.¹⁴²⁵ Эта гордость за честное производство - новый и здоровый признак, как реакция на презрение к нему, укоренившееся в старом римском обществе и всегда благоприятное для аристократической касты, поддерживаемой рабским трудом. Несмотря на грубость и вульгарность внезапного богатства, изображаемого Петронием и Ювеналом, новый класс свободных ремесленников и торговцев часто, насколько мы можем судить по каменным записям, вел крепкую и здоровую жизнь, отрезвленную и достойную честного труда и гордости за мастерство и независимость. Слабые и презираемые по отдельности, они находили средства для развития организации, которая одновременно развивала социальное чувство, повышала их самоуважение и защищала их коллективные интересы. В то время как старая аристократия стремительно редела из-за порока и расточительности или конфискации, лидеры нового промышленного движения, вероятно, основали множество сенаторских домов, которые в четвертом и пятом веках, постоянно повторяясь, относились к ручной промышленности с возвышенным презрением и вели свой род от Аэмилия Павла или Сципиона, или даже от Энея или Агамемнона.¹⁴²⁶

Организация промышленности через коллегии достигла [pg 254] огромного развития в эпоху Антонинов, и еще большего в третьем веке, после того, как Александр Северус дал определенную санкцию и поощрение этим обществам. Записи об этом движении многочисленны, и мы можем, после научного просеивания последних лет, составить достаточно полное и яркое представление об этих корпорациях, которым, возникшим сначала спонтанно, вопреки правительству или при его неохотном попустительстве, суждено

было под императорским контролем окаменеть и превратиться в невыносимую систему кастового рабства в последний век существования Западной империи. [1427](#)

Содалитии и коллегии существовали с незапамятной древности. Некоторые промышленные коллегии и священные содалии восходят к Нуме и даже к основанию Рима. [1428](#) В дни расцвета Республики они размножались без ограничений и подозрений, единственными объединениями, на которые закон смотрел с опаской, были те, которые собирались тайно или по ночам. Только в последнее столетие Республики коллегии стали рассматриваться как опасные для общественного спокойствия, и они были, за некоторыми необходимыми исключениями, подавлены декретом сената в 64 году до н. э. В 58 году до н. э. Хлодием они были вновь возрождены для фракционных или революционных целей. [1429](#) Императоры Юлий и Август отменили право на свободное объединение, за исключением немногих, освященных их древностью или религиозным характером. [1430](#) И было принято постановление, что новые коллегии не могут быть созданы без специального разрешения. В середине II века юрист Гай утверждает, что создание новых коллегий сдерживалось законами, постановлениями сената и императорскими конституциями, хотя было разрешено некоторое количество обществ, как в Риме, так и в провинциях, например, общества рудокопов, солеваров, пекарей и лодочников. [1431](#) И вплоть до времени Юстиниана право свободной ассоциации ревностно охранялось как возможная угроза общественному спокойствию. Отказ Траяна санкционировать создание роты пожарных в Никомедии и причины, по которым он объяснил Плинию свое решение, служат лучшей конкретной иллюстрацией [pg 255] императорской политики в отношении коллегий. [1432](#) То, что опасность коллегий для общественного порядка не была мнимой, ясно из отрывка Тацита, описывающего кровавые беспорядки между жителями Нуцерии и Помпеи в правление Нерона, которые, очевидно, были разжигаемы "незаконными" [клубами](#) [1433](#). Еще более ярко это проявилось в серьезных беспорядках в царствование Аврелиана, когда 7000 человек были убиты во время организованной вспышки рабочих монетного двора. [1434](#) Однако совершенно ясно, что, несмотря на законодательство и императорское недоверие, коллегии размножались не только в Риме, но и в отдаленных, незначительных местах и даже в лагерях, от которых законодатель был специально настроен отвести их соблазн. В пустой пустыне, созданной всеобщим деспотизмом, тяга к сочувствию и взаимопомощи вдохновила великое общественное движение, которое законодательство было бессильно остановить. Как и в царствования Феодосия и Гонория, императорские эдикты и рескрипты были парализованы непроницаемой, спокойно непреодолимой силой всеобщей социальной потребности или настроения. Одно из простых средств уклонения было предложено самим правительством, вероятно, уже в первом веке. В надписи из Ланувия, датированной 136 годом н. э., приводится постановление сената о праве на объединение тех, кто желает создать погребальную коллегию, при условии, что ее члены будут собираться не чаще одного раза в месяц для внесения [взносов](#) [1435](#). Из ссылки Марциана на этот закон следует, что можно было проводить и другие собрания с целью соблюдения религиозных обрядов, тщательно соблюдая положения сенатусконсульта против незаконных коллегий. [1436](#) Моммзен показал, что многие другие благочестивые и благотворительные цели могли быть легко включены в сферу деятельности погребальной ассоциации. И обществу, которое желало делать ежемесячные взносы на любые цели, не составляло труда принять конкретную форму, признанную законом. В правление Аврелия, хотя членство в двух коллегиях все еще было запрещено, коллегии получили законное право получать завещания и эмансипировать [pg 256] своих рабов. И наконец, Александр Север организовал все промышленные коллегии и назначил их защитниками. [1437](#)

Закон против незаконных объединений, со всеми его серьезными наказаниями, оставался в имперском арсенале. Но империя, стремившаяся предотвратить объединение, на самом деле создала величайший стимул для объединения. Перед лицом этой всемирной и всемогущей системы отдельный подданный все больше и больше ощущал свое одиночество и беспомощность. Имперская власть могла быть благонамеренной и благотворной, но она была настолько ужасной и нивелирующей в огромном размахе своих сил, что изолированный человек казался в ее присутствии сведенным к ничтожности насекомого или песчинки. Более того, аристократическая конституция муниципального общества становилась все более и более исключительной. Если богатые декурионы и шли навстречу удовольствиям народа, то лишь при условии, что они сохраняли монополию на политическую власть и социальное первенство. Плебейская толпа, набранная из рабства и постоянно растущая в численности, а в высших слоях - и в богатстве, не мечтала разрушить эти барьеры исключительности; но она требовала и спокойно отстаивала право на организацию собственного общества для защиты от угнетения, для взаимного сочувствия и поддержки, для избавления от смертельной скуки безвестной и убогой жизни. По отдельности слабые и презираемые, они могли бы, объединившись, обрести чувство коллективного достоинства и силы. На наш взгляд, как, возможно, и на взгляд римского аристократа, это достоинство может показаться далеко не внушительным. Но все это в значительной степени зависит от воображения и широты умственного кругозора. Когда братство, многие из которых принадлежали к подневольному сословию, собиралось полным конклавом в храме своего божества-покровителя, чтобы принять официальный указ о благодарности благодетелю и побаловать себя скромной трапезой, или когда они проходили по улицам и форуму с развевающимися знаменами и всеми эмблемами своей гильдии, самый захудалый член чувствовал себя на мгновение приподнятым над тусклой, безнадежной безвестностью плебейской жизни.

Немалая часть древнеримского благочестия заключалась в скрупулезном почитании умерших и заботе о продлении их памяти твердыми мемориалами и торжественными ритуалами, возможно, для поддержания слабой связи с тенью, ушедшей [pg 257] в тусклый и довольно невеселый мир. Представление об этом другом состоянии всегда было смутным, а зачастую и чисто негативным. Не часто дух отправляется в путь, чтобы присоединиться к любимому человеку на Елисейских полях, и мы можем опасаться, что подобные фразы, когда они встречаются, скорее литературны и условны. ¹⁴³⁸ Надежда на блаженное воссоединение после смерти редко встречается нам, пока мы не подойдем к какому-нибудь памятнику христианского вольноотпущенника. ¹⁴³⁹ Но два самых глубоких чувства в римском сознании обязывали к ясной вере в жизнь за гробом: одно - семейная набожность, другое - страстное желание духа разлуки избежать пренебрежения и забвения. Кто бы ни бросил взгляд на некоторые страницы надгробных надписей, он будет поражен интенсивностью и теплотой привязанности, горечью утраты и скорби, которые были запечатлены на камне. Выражения, конечно, часто условны, как и некрологи во все века. Снова и снова появляется образцовая жена, любящая, целомудренная, благочестивая, женщина античного образца, хранительница домашнего очага, которая пряла среди своих служанок и сосала своих собственных детей, которая никогда не доставляла мужу ни минуты беспокойства, кроме как после своей смерти. ¹⁴⁴⁰ Хорошие мужья, похоже, встречались не реже. А горе жены иногда намного превосходит обычные формы восхваления или сожаления. В одном патетическом воспоминании о союзе, заключенном в ранней юности, одинокая жена умоляет невидимые Силы позволить ей увидеть своего супруга в ночные часы и быстро привести ее к нему. ¹⁴⁴¹ В менее регулярных, но часто столь же стабильных союзах рабов и солдат присутствует такая же чистая привязанность, и по контуберналу плачут с такой же благородной привязанностью, как и по великой госпоже, хотя небезупречная

латынь иногда выдает класс, к которому принадлежит автор. Мир рабов всегда должен иметь свой позор и трагедию; но многие надписи показывают, как приветливый отблеск света, что даже там человеческая любовь и семейные узы не всегда были осквернены.¹⁴⁴² Кормилица рабыни воздвигает памятник своему маленькому приемному ребенку; или господин и госпожа воздвигают ласковый памятник двум молодым *vernae* [pg 258], умершим в один день. Вольноотпущенник с теплой искренностью оплакивает дружбу, начавшуюся на невольничьем рынке и не прерывавшуюся до последнего рокового часа.¹⁴⁴³ На этих плитах мы видим обычные трагедии привязанности, которые воспроизводятся из века в век с небольшими изменениями. Преобладает нота: "*Vale vale in aeternum*", с мыслями о призрачном паромщике, адском потоке и безнадежной разлуке. Время от времени, но редко, душа весело покидает полюбившийся ей свет, радуясь избавлению от бремени старости.¹⁴⁴⁴ А иногда, тоже редко, мы встречаемся с холодной, жесткой грубостью, которая с полным удовлетворением оглядывается на сытую жизнь плоти и с радостным согласием принимает перспективу небытия.¹⁴⁴⁵

Настоящий римлянин испытывал ужас перед одиночеством смерти, перед тем днем, когда ни один добрый глаз не прочтет на плите его имя и стиль, когда ни одна рука не принесет ежегодное подношение вина и цветов. Жалко видеть, насколько всеобщим является желание, чтобы его помнили, которое испытывают даже рабы, люди, занимающиеся самыми презируемыми и нелюбимыми ремеслами. Младенец Юлий Диадумен, который дышал всего четыре часа, получает вечную память. Жена утешает свое горе мыслью, что имя и слава ее мужа будут навечно продлены плитой, которую она посвящает.¹⁴⁴⁶ На другом памятнике путешественника по Фламиниевой дороге просят остановиться и еще раз прочитать эпитафию девятилетнему мальчику.¹⁴⁴⁷ Многих мучает страх покинуть или нарушить свой "вечный дом". Старый ветеран завещает из своих сбережений сумму около 80 фунтов стерлингов, чтобы обеспечить запас масла для лампы над его могилой.¹⁴⁴⁸ Продавец благовоний из Монферрата оставляет прекрасный сад, чтобы обеспечить хранителям своей могилы ежегодный праздник в день его рождения и розы, которые будут возложены на нее навечно.¹⁴⁴⁹ Многие молитвы, обращенные к богам верхнего и нижнего миров, призывают проходящего путника не нарушать вечный покой.¹⁴⁵⁰ Отчуждение или осквернение могилы запрещается проклятиями или угрозой тяжелых [pg 259] наказаний.¹⁴⁵¹ Место погребения было желанным владением, которое нелегко было получить бедным и бездомным, и практичные люди защищали свой покой от незаконного вторжения, требуя от нарушителя уплаты большого штрафа в муниципальную или императорскую казну, или в Папскую коллегия. Это был самый действенный способ обеспечить покой умерших. Ведь государственные власти были напрямую заинтересованы в том, чтобы обеспечить наказание за осквернение. Но было бы интересно узнать, как долго эти положения, призванные навсегда защитить покой усопших, оправдывали надежды завещателя.

Главной целью множества коллегий, подобных той, что была у поклонников Дианы и Антиноя в Ланувиуме, после правления Нервы, несомненно, была забота о памяти их членов после смерти. В примечательной надписи Ланувия, как мы видели, зафиксировано официальное разрешение сената собираться раз в месяц для внесения погребальных пожертвований.¹⁴⁵² Это была важная уступка, которая повлекла за собой последствия, которые законодатель мог предвидеть, а мог и не предвидеть.¹⁴⁵³ Юрист Маркиан, который приводит несовершенную цитату из этой части декрета, добавляет, что собрания с религиозной целью не запрещались при условии соблюдения предыдущего законодательства против незаконных обществ.¹⁴⁵⁴ А закон Ланувийской коллегии показывает, как часто могли происходить такие собрания. Не требовалось особой изобретательности, чтобы умножить поводы для воссоединения. Годовщина основания, день рождения основателей или благотворителей, праздник

божества-покровителя, день рождения императора - все эти и подобные поводы служили законным предлогом для собраний общества, когда члены могли вместе пообедать и когда разговор не всегда сводился к погребальным делам колледжа. В то время, когда, согласно юридической теории, для каждого нового учреждения требовалось специальное разрешение, которое давалось с трудом, вся огромная плебейская масса мелких торговцев, ремесленников, вольноотпущенников и рабов была одним махом [pg 260] разрешена для организации своих погребальных обществ. Можно с уверенностью предположить, что при вольном толковании нового закона его санкция распространялась на многие коллегии, для которых погребальные обряды не были единственной или даже главной целью. И это было бы тем более легко, что многие промышленные колледжи, а возможно, еще большее количество строго религиозных колледжей, имели общее место захоронения и часто получали завещания на погребальные цели. Так, например, было с коллегией поклонников Геркулеса в Интерамне и аналогичной коллегией в Реате. [1455](#) Молодой бельгиец, принадлежавший к гильдии оружейников 20-го легиона, был похоронен своей коллегией в Бате. [1456](#) Некий К. Вальгий Фуск подарил коллегии мултеров Галльской Порты место погребения на Форуме Семпрония в Умбрии для их жен или наложниц и их потомства. [1457](#) Есть даже место погребения, должным образом определенное точными измерениями, для тех, "кто имеет привычку обедать вместе", - описание, которое со временем было бы так же точно применимо ко многим из этих клубов. [1458](#)

Благодаря редкой удаче мы попадаем в интерьер одного из чисто погребальных колледжей. Во времена правления Адриана в Ланувиуме существовал колледж, в котором, благодаря любопытной фантазии, сочеталось поклонение чистой Диане и обожественному приспешнику императора. Он был основан в 133 году н. э., через три года после трагической гибели молодого фаворита. А в 136 году покровитель общества, который также был магнатом города, созвал его в храме Антиноя. Там он объявил о дарении денежной суммы, проценты от которой должны были расходоваться на праздники божеств-покровителей, и распорядился начертать договор об основании на внутренних стенах портика храма, чтобы вновь принятые члены могли быть осведомлены о своих правах и обязанностях. Этот документ, обнаруженный среди развалин древнего Ланувия в 1816 году, раскрывает многие важные факты о создании и работе погребальных колледжей. [1459](#) В нем, как мы видели, приводится часть *senatusconsultum*, который [pg 261] разрешал существование таких колледжей, и после лояльных пожеланий процветания императору и его дому, он молит о честной энергии в содействии надлежащему погребению мертвых, чтобы регулярными платежами общество могло продлить свое существование.

Вступительный взнос в колледж составляет 100 сестерций (16s. 8d.), вместе с флягой хорошего вина. Назначена ежемесячная подписка в размере пяти ассов. Очевидно, что члены коллегии принадлежат к самому скромному сословию, а одно из положений показывает, что среди них есть даже рабы, которые с разрешения своих хозяев могли бы присоединиться к этим погребальным клубам. [1460](#) Братья не могли претендовать даже на возведение колумбария, а тем более на владение общим местом погребения. Они ограничились тем, что выдали похоронное пособие в размере HS.300 назначенному наследнику каждого члена, который не прекращал свои выплаты в общий фонд. [1461](#) Из этой суммы HS.50 должны быть выплачены членам, присутствующим на похоронах. Член общества, умерший завещанием, будет похоронен за счет общества, и никакие претензии на его оставшуюся долю в нем не будут признаны. Раб, чье тело после смерти оставалось у хозяина, должен был получить *funus imaginarium* и, возможно, кенотаф. В случае смерти члена общества в радиусе двадцати миль от Ланувиума, три члена общества, своевременно предупрежденные, назначались для организации похорон и должны были предоставить

отчет о понесенных расходах. Каждому назначалось вознаграждение в размере HS.20. Но если в их отчетах обнаруживалось какое-либо мошенничество, налагался штраф в размере четырехкратной суммы. Наконец, если член общества умирал сверх установленного срока, человек, организовавший его похороны, при надлежащем заверении семью римскими гражданами и предоставлении гарантии от любых дальнейших претензий, получал пособие на погребение с определенными вычетами.¹⁴⁶² Таким точным и упорядоченным образом, со всеми осторожными формами римского права, это маленькое бедное общество упорядочивало выполнение своего долга перед мертвыми.

Наши знания о погребальных колледжах еще более расширились благодаря надписи, датированной двадцатью годами позже [pg 262] Ланувия.¹⁴⁶³ В правление Антонина Пия некая дама по имени Сальвия Марцеллина решила почтить память своего мужа даром колледжу Эскулапия и Гигии. Она подарила ей место для святилища недалеко от Аппиевой дороги, мраморную статую Эскулапия и зал, выходящий на террасу, где должны были проводиться банкеты братства. К этому благодетелю Марцеллина вместе с неким П. Аэлием Зеноном, который, по-видимому, был ее братом, добавила два пожертвования в размере 15 000 и 10 000 HS соответственно, проценты от которых должны были распределяться деньгами или едой и вином на шести различных праздниках. Пропорции, причитающиеся каждому званию в коллегии, были определены на полном собрании, проходившем в святилище "Божественного Тита". Марцеллина приложила к своему дару определенные условия. Общество должно быть ограничено шестидесятью членами, а место каждого члена, после его смерти, должно быть заполнено кооптацией его сына. Если кто-либо из членов решит завещать свое место и долю, его выбор ограничивается сыном, братом или вольноотпущенником, и он должен заплатить за эту ограниченную свободу выбора, вернув половину своего пособия на погребение на грудь коллегии.¹⁴⁶⁴ Коллегия Эскулапия номинально является религиозной и погребальной корпорацией, однако в длинном документе есть только одно упоминание о погребении. Нет никакой информации о размере *funeraticium* или пособия на погребение, источниках, из которых оно было получено, или условиях, на которых оно должно было быть выплачено. Главной целью Марцеллины, по-видимому, было связать память о муже с рядом праздников, для сохранения которых она выделила средства, способствовать социальным связям и предотвратить вторжение чужаков, сделав членство практически наследственным.

Колледжи, о внутреннем устройстве которых мы попытались дать представление, в сборниках надписей классифицируются как религиозные корпорации. Они носят имя бога и обеспечивают торжественное погребение своих членов. Но в этом отношении они ничем не отличаются от многих других колледжей, которые считаются чисто светскими. По правде говоря, любая попытка провести резкое разделение этих обществ по такому принципу представляется тщетной. Если правительство [pg 263] признает культуру и религию законными объектами для объединения, то любой колледж, каким бы светским ни был его тон, может, и, вероятно, будет, прикрываться священными именами. Это не будет просто лицемерным притворством. Очевидно, что многие чисто промышленные колледжи, состоящие из бедных людей, которые не могли приобрести отдельное место для погребения и не могли без посторонней помощи нести расходы на обряд погребения, сразу же соображали свое удобство и удовлетворяли чувства братства, устраивая общее место погребения. Что касается религии, то уже привычно отмечать, что все греко-римские общества, великие или малые, опирались на религию. Государство, клан, семья находили свой идеал и самые прочные узы в почитании божественных или героических предков, в благоговейном отношении к духам, ушедшим в невидимый мир. Коллегии, как мы увидим далее, формировались по образцу города, которому они почти рабски подражали.¹⁴⁶⁵ Было

бы странно и аномально, если бы они отказались от своей модели в том, что было ее самой оригинальной и яркой характеристикой. И подобно тому, как Клисфен нашел божественных и героических покровителей для своих новых племен и земель, [1466](#) так и римский колледж, естественно, поставил бы себя под защиту одного из великих имен римского пантеона. Иногда, несомненно, в этом соответствии древним представлениям могло быть не так уж много искренности. Но нужно ли напоминать себе, насколько долгой может быть жизнь древних обществ, даже когда вера, породившая их, померкла и потускнела?

Обычная манера писать римскую историю концентрировала внимание на делах императора, жизни знатного сословия в столице или на расположении легионов и политической организации провинций. Это величественная и великолепная панорама. Но она способна бросить на жизнь масс еще более глубокую тень, чем та, в которую их обычно окутывает время. Мы склонны забывать, что за всей этой величественной жизнью скрывалась тихая, но необычайно оживленная промышленная деятельность, которая была ее необходимой основой и удовлетворяла все ее капризы. Тацит самым беглым образом рассказывает нам, что большая часть Италии [pg 264] была собрана на большую ярмарку в Кремоне, в те роковые дни, когда город штурмовала армия Веспасиана. [1467](#) Но что это было за сборище! В павильонах были разложены тонкие шерстяные ткани из Пармы и Мутины, мантии из Канузиума, пурпур из Тарентума, ковры из Патавиума. Торговцы из Ильвы привезли свои железные изделия, Помпеи - рыбные соусы, а Лукания - знаменитые колбасы. Не обошлось и без масла из Венафрума, а также знаменитых сетинских и фалернских виноградных вин. [1468](#) Улучшение больших дорог в правление Траяна должно было дать огромный стимул внутренней торговле. И мы можем быть уверены, что на азмильских или фламминских дорогах можно было увидеть множество мелких торговцев с вьюками, как, например, странствующего продавца меда и сыра, которого Луций в рассказе Апулея встречает, спеша в Гипату. [1469](#) По большим дорогам Испании со времен Августа проходил огромный трафик, который превратил даже далекий Гадес в великолепную империю и одно из самых богатых мест в римском мире. [1470](#)

Бродячие торговцы в Германии, Испании или Сирии по естественному инстинкту объединялись в своем изгнании. Во время восстания Юлия Цивилиса их находят поселившимися среди батавов, а коллегия перегринов оставила свой памятник в низовьях Рейна. [1471](#) Подобным обществом является *sodalitium urbanum* в Бракаре Августе. [1472](#) Другая коллегия торговцев встречается нам в Апулуме в Дакии. [1473](#) Сирийцы из Берита имели клуб в Путеолах, и было по крайней мере два клуба сирийских торговцев в Малаге. [1474](#) Могилы сирийских торговцев были найдены в Сирмиуме в Паннонии, и, с другой стороны, есть памятники римских купцов в Апамее и Траллесе, в Саламине и Митилене. [1475](#) Император Клавдий, должно быть, дал огромный стимул этой трансмаринной торговле, обеспечив страхование от потерь во время штормов и либеральную систему щедрот и вознаграждений за мореплавание. [1476](#) Аполлоний Тианский однажды выговаривал молодому спартанцу, который утверждал, что происходит от Калликратида, за то, что тот оставил истинную карьеру [pg 265] человека своей расы, чтобы посвятить себя торговле в Карфагене и Сицилии. Ювенал считает безумцем того, кто рискнет отправиться с грузом по ветреному Эгейскому морю. [1477](#) Но античная риторика, приписываемая Аполлонию, запечатлела тот факт, что в начале весны в царствование Домициана в Малее стоял большой торговый флот, готовый отправиться в западные моря. [1478](#) Эти странствующие купцы, куда бы они ни направлялись, объединялись в коллегии для взаимной защиты и общества. Точно так же старые солдаты, возвращаясь после долгой службы на границах, собирались в военные братства в таких местах, как Остия или Мизенум. [1479](#) Ветераны Августа, похоже, стали отдельным и признанным классом, как *Augustales*. [1480](#) Коллегии молодежи возникали

повсеместно со времен Нерона, в Беневентуме, Кремоне и Америи или в Могунтиакуме, Лауриакуме и Поэтовии.¹⁴⁸¹ Они создавались, подобно нашим спортивным клубам, для упражнений и здорового соперничества, часто под покровительством божественного героя, который для всех моралистов той эпохи стал мифическим типом континентальной бодрости ранней мужественности. Есть, по крайней мере, одно содатство, посвященное сохранению целомудрия.¹⁴⁸² Но его уравнивают клубы "поздно спящих" и "поздно пьющих" Помпеи.¹⁴⁸³

Коллегии, в которых объединялись ремесленники и торговцы эпохи Антонинов, почти бесчисленны, даже в тех записях, которые пощадило время. Они представляют почти все мыслимые отрасли промышленности, специальные навыки или социальные услуги, от людей, укладывавших мелкий песок на арене, до богатых виноторговцев Лиона или Остии.¹⁴⁸⁴ Простой каталог этих объединений в указателе даст расширенное представление об огромном диапазоне и мельчайшей специализации римской промышленности. Можно сомневаться, что аналогичное перечисление наших английских ремесел будет более длинным или разнообразным. Великие ремесла, которые служат для удовлетворения первых потребностей человеческой жизни, занимают, конечно, наибольшее пространство: пекари, суконщики, кузнецы, плотники и торговцы деревом [pg 266], ремесла, часто объединенные вместе, сапожники, сукновалы и чесальщики шерсти. Механики, которые делали оружие и двигатели для легионов, естественно, занимают видное место. Не менее известны и лодочники Остии, Роны и Соны.¹⁴⁸⁵ Моряки этих великих рек имели в Лионе несколько могущественных корпораций, и, судя по многочисленным надписям,¹⁴⁸⁶ их вождями и покровителями считались самые богатые горожане, люди, получившие целый ряд муниципальных почестей. В Арле, который в то время был большим морским портом, было пять корпораций моряков, и столько же в Остии, которым поручалась ответственная задача по доставке грузов африканских кукурузных кораблей в пекарни Рима.¹⁴⁸⁷ Сухопутный транспорт представлен коллегиями погонщиков мулов и ослов в Альпах и Апеннинах.¹⁴⁸⁸ Все многочисленные профессии и службы, которые служили удовлетворению потребностей или удовольствий столицы, были объединены подобным образом: актеры и рогачи, носильщики и павильонщики, вплоть до скромных торговцев пастилой и соленой рыбой.¹⁴⁸⁹ Мы видели, что даже гладиаторам в их тюрьмах-бараках было позволено создавать свои клубы. Хотя следы этих объединений можно найти в отдаленных и малоизвестных местах по всему римскому миру, именно в крупных торговых центрах, в Остии, Путеолах, Лионе и самом Риме, они оставили самые многочисленные останки. Вероятно, одной из их целей была защита своих членов от посягательств или фискального гнета. Страбон однажды столкнулся с депутацией рыбаков, направлявшихся к императору с просьбой о снижении пошлин.¹⁴⁹⁰ Однако было бы ошибкой полагать, что эти профсоюзы всегда организовывались для решения торговых задач или что отдельные коллегии состояли из людей, занимавшихся одним и тем же делом. В них было много почетных членов из богатых слоев населения, и даже в низших слоях, вопреки закону,¹⁴⁹¹ торговец солью мог быть зачислен в число лодочников Роны и членов колледжа строителей.¹⁴⁹² По правде говоря, главной целью объединения этих скромных людей была не столько защита их профессии, сколько поддержание [pg 267] полноты общения, поощрение товарищества и доброжелательности, облегчение скуки будничной жизни.

Наверное, ни одна эпоха, даже наша, не испытывала большей тяги к какой-то форме социальной жизни, более широкой, чем семья, и более узкой, чем государство. Это было движение, которому, как мы видели, даже самые великие и сильные императоры вынуждены были потворствовать. Оно проникало в общество вплоть до самых его низших слоев. Даже рабы и вольноотпущенники великих домов объединялись в колледжи. Коллегии

существовали и в императорском доме. ¹⁴⁹³ Т. Аэлий Примитив, начальник императорской кухни, будучи человеком с большими посмертными амбициями, оставил заботу о своем памятнике и памятнике своей жены коллегии палатинских поваров. ¹⁴⁹⁴ В надписях Моэзии есть альбом вакхического клуба домашних рабов, содержащий 80 имен, среди которых, очевидно, были разные классы, обозначаемые такими титулами, как *archimysta*, *bouleuta*, *frater* и *filius*. ¹⁴⁹⁵ Подобный клуб подневольного сословия, посвященный поклонению Исиде, существовал в Таррако. ¹⁴⁹⁶ Должностные лица другого клуба носят помпезные титулы трибуна, квестора и триумвира, а на плите записана благодарность некой Илары за то, что ее праху позволили смешаться в одной урне с прахом камергера Мида. ¹⁴⁹⁷ Провинциальный казначей в Эфесе, который был *verna Augusti*, поручает хранение памятника своей жены пяти коллегиям рабов и вольноотпущенников в доме императора. Одна из коллегий носит имя Фаустины. Другая коллегия посвящена культу ларов и изображений Антонина Пия. ¹⁴⁹⁸ Частные хозяева, похоже, поощряли создание подобных ассоциаций среди своих иждивенцев, а иногда и наделяли их вечным фондом. ¹⁴⁹⁹ Вероятно, это было не только любезно, но и политично - обеспечивать рабам социальные удовольствия в кругу домочадцев и таким образом противостоять привлекательности многочисленных клубов за пределами дома, которые свободно предлагали свое гостеприимство. ¹⁵⁰⁰ Мы можем быть уверены, что коллегия, "которая находилась в доме Сергия Паулина", не поощрялась хозяйкой без веских причин.

[стр. 268].

Таким образом, оказывается, что во всех частях римского мира, и в маленьком упадочном городке, и в великих торговых центрах, бурно развивается одно и то же великое движение ассоциации. Оно охватило почти все социальные слои и все ремесла, промыслы и профессии: пастильщиков, зеленщиков и продавцов благовоний в Риме, погонщиков мулов в Альпах, фуллеров в Помпеях, врачей в Беневенте, лодочников на Сене, виноторговцев в Лионе. Люди объединялись в эти группы по самым банальным или причудливым причинам или вообще без всякой причины, кроме той, что они жили в одном квартале и часто встречались. ¹⁵⁰¹ Судя по тому, что надписи дают нам представление о внутреннем убранстве некоторых из этих клубов, становится ясно, что их главной целью было общественное удовольствие. И это особенно верно в отношении клубов самых скромных слоев населения. М. Буассье хорошо подметил, что бедный рабочий, бедный вольноотпущенник с клеймом недавнего рабства на лице, который часто занимался каким-нибудь подлым или отвратительным занятием, среди общества, которое по традиции относилось к любому занятию, запятнанному рабским прикосновением, с отстраненным презрением, должны были чувствовать себя одинокими изгнанниками в пустыне большого города, самой ужасной пустыне в мире. Отдаленное великолепие двора и аристократической жизни, должно быть, усугубляло мрак изоляции и беспомощности. Навсегда отгородившись от блестящего мира моды, удовольствий и власти, чья светская жизнь казалась такой очаровательной, веселой и дружелюбной, презираемый и одинокий труженик искал убежища в маленьких сборищах таких же одиноких людей, как и он сам. На случайной встрече кто-нибудь, более энергичный, чем остальные, предлагал создать клуб по образцу старых торговых обществ, которые всегда были разрешены государством со времен Нумы, или более новых объединений, которые теперь негласно разрешались под прикрытием религии. Небольшая плата за вход покрывала их скромные расходы. В тот век щедрости и честолубия нетрудно было найти какого-нибудь влиятельного покровителя, любезного вельможу или честолубивого и щедрого парвеню, чтобы оказать младенческому обществу благосклонность, вместе с существенным пожертвованием на строительство дома-клуба и на простые удовольствия в день рождения и другие праздники, которые можно

было легко умножить. Затем братья [pg 269] собрались в торжественной обстановке, чтобы составить свой устав и почтить память своего благодетеля на одном из тех многочисленных памятников, которые освещают общественную жизнь, о которой литература эпохи обычно умалчивает.

Непрерывность и повторение доказанной политической организации - примечательная характеристика великих рас, которые оставили или должны были оставить свой след в истории. Британские поселенцы в прериях Орегона или Манитобы сразу же объединяются в общины, которые строятся по образцу такой же древней социальной системы, как и гептархия. Латинская раса отличалась, пожалуй, еще более упрямым консерватизмом, чем англичане. При самых разных обстоятельствах римлянин инстинктивно цеплялся за формы и институты, проверенные на прочность и эластичность и освященные вековым обычаем его расы. Самый отдаленный и самый скромный муниципалитет создавался по образцу великого "города, ставшего миром".¹⁵⁰² У него был свой сенат, *ordo splendidissimus et amplissimus*, и народное собрание, которое избирало магистратов. Муниципальные магистраты, если они не всегда носят древние имена, в теневой форме воспроизводят диктаторов, преторов, эдилов, квесторов и цензоров старой республики.¹⁵⁰³ Та же преемственность форм прослеживается и в коллегиях. Как муниципальный город был создан по образцу конституции государства, так можно сказать, что колледж был создан по образцу муниципального города. Колледж, действительно, стал для братства городом, одновременно и городом, и домом. Они применяют к нему такие термины, как *respublica collegii*.¹⁵⁰⁴ Собрания часто проходили в храме, будь то божество-покровитель или император, как собрания римского сената проходили в храме Согласия или Беллоны. Там они избирали своих административных чиновников, как правило, на один год, а в некоторых случаях, в силу особого отличия, пожизненно. Главы этих маленьких обществ носили различные имена: *magistri*, *curatores*, *quinquennales*, *praefecti* или *praesides*.¹⁵⁰⁵ У них также были *quaestors*,¹⁵⁰⁶ которые управляли их финансовыми делами, которые, хотя, возможно, и не в больших масштабах, все же предполагали вложение целевых денег, чтобы получить предписанные суммы, которые должны были быть распределены либо в качестве погребальных [pg 270] платежей, либо в виде еды и денег на высоких праздниках. Число членов обычно ограничивалось либо правительством в интересах общественного порядка, либо по воле благодетеля, чтобы предотвратить постепенное уменьшение стоимости делимых долей дохода.¹⁵⁰⁷ Поэтому периодический пересмотр списка членов проводился каждые пять лет, как это было в муниципалитете, главными должностными лицами, осуществлявшими на это время цензурные полномочия в миниатюре. К счастью, сохранились альбомы трех или четырех коллегий. Списки бросают яркий свет на их конституцию и социальный тон. В одной из предыдущих глав мы обратили внимание на строгую градацию социальных рангов в городском самоуправлении. Эта же особенность повторяется и в коллегиальной организации. В этих скромных плебейских коллегиях, состоящих из "людей без деда", из людей, возможно, чей отец был рабом, или из людей, которые сами были рабами, к нашему удивлению, проявляется пунктуальное соблюдение теневых социальных различий, унаследованное от исключительной аристократической гордости старой республики. Эта особенность вызвала у некоторых французских критиков и историков определенное восхищение,¹⁵⁰⁸ к которому нелегко присоединиться. Градация рангов для обеспечения преданности и порядка на государственной службе - вещь ценная и достойная восхищения. Но искусственные и нереальные различия, придуманные и присвоенные для того, чтобы польстить богатству, стимулировать или вознаградить щедрость богатого покровителя, удовлетворить вульгарное самодовольство парвеню, - это лишь унижительная форма мендиканства. Некоторое снисхождение, несомненно, полагается людям, которые еще находились под игом рабства или только-только освободились от него;

железо вошло в их души. Но и коллегия, и муниципалитет эпохи Антонинов не могут быть освобождены от обвинения в купленном или ожидаемом почтении к простому богатству. Поэтому мы не можем в полной мере разделить удовольствие месье Буассье от этих бледных и вульгарных репродукций иерархии настоящей аристократии. Но образ иерархии есть, и он очень поучителен. В коллегии кузнецов в Тарраконенсисе во главе списка стояли пятнадцать покровителей, за ними шли двенадцать декурионов, в том числе два доктора и прорицатель, один [pg 271] человек, выделенный почестями биселлиума, два почетных члена, двадцать восемь простых плебеев. Также в обществе было несколько "матерей" и "дочерей".¹⁵⁰⁹ В альбоме другого клуба в Остии приводится список из девяти покровителей, двух обладателей квинквенциального ранга и ста двадцати трех плебеев.¹⁵¹⁰ Во многих колледжах в число плебеев входили рабы, и не в одной надписи тщательно разграничиваются люди благородного и подневольного происхождения, причем рабы иногда помещаются в самом низу списка.¹⁵¹¹ И все же, несомненно, это был большой прогресс, когда рабы и свободные люди могли встречаться вместе на определенном равном уровне для делового или дружеского общения. Жесткие границы старого языческого общества действительно все еще заметны на лице этих клубов. И все же многие надписи оставляют впечатление, что эти маленькие общества старого языческого мира являются, в несовершенном виде, питомниками нежной благотворительности и братства, которые в застенчивом уединении молодая Церковь воспитывала в своих учениках как идеал для всего мира.

Эти колледжи становились домом для бездомных, маленьким отечеством, или patria, для тех, кто не имел своей страны. Иногда они могли собираться в низких тавернах, за которыми ревностно следили некоторые императоры.¹⁵¹² Но, как правило, они получали в свое распоряжение клубную комнату или schola - так раньше называли комнату отдыха при общественных банях. Иногда школа возводилась на собственные средства, а место для нее предоставлялось богатым меценатом или городским советом на свободном участке рядом с базиликой или театром.¹⁵¹³ Но чаще зал для них строил какой-нибудь щедрый друг. Подобная щедрость часто обеспечивала им маленькую часовню их божества-покровителя, с тенистым двором или балконом, открытым для воздуха и солнца, где братья принимали общую пищу.¹⁵¹⁴ Или богатый покровитель, желая обеспечить определенную заботу и религиозное соблюдение места своего последнего упокоения, завещал колледжу приятный сад, прилегающий к могиле, и дом, в котором они могли проводить свои собрания.¹⁵¹⁵ А в качестве дополнительной гарантии [pg 272] от пренебрежения и забвения была вложена сумма в 10 000 или 15 000 сестерций, чтобы обеспечить обед для колледжа в день рождения их благодетеля.¹⁵¹⁶ Шли годы, и место многих приятных встреч стало центром, вокруг которого сгущались большие чувства и даже гордость. Можно представить, что, если учесть разницу во времени и вере, маленькая школа или святилище с годами стали вызывать в людях нечто похожее на то, что вызывает освящение древней деревенской церкви в Англии или маленького Вефиля, построенного в год приезда Джона Уэсли. Стало почетным делать подарки школе, добавлять ей удобства или красоты. Один благотворитель выкупал право на старинный свет или возводил пограничную стену.¹⁵¹⁷ Другой дарил бронзовые канделябры на мраморной подставке с изображением Купидона, держащего в руках корзины.¹⁵¹⁸ Или колледж получал от своего куратора в дар несколько серебряных статуй богов в честь посвящения школы, с латунной табличкой, несомненно, фиксирующей это событие.¹⁵¹⁹ Дар места, где братья клуба могли бы быть похоронены рядом со своими женами или наложницами, вероятно, был для этих бедных людей не самым ценным благодеянием.¹⁵²⁰ Вероятно, было сделано множество скромных пожертвований, которые были слишком незначительны для памятника. Но так случилось, что у нас есть одна запись о дарах, явно принесенных бедными, незначительными людьми. Она содержится в очень интересной

надписи, найденной на камне возле театра в Филиппах в Македонии.¹⁵²¹ В ней говорится, что П. Хостилий Филадельф, в знак признания присвоенного ему звания эдила коллегии, взял на себя расходы по полировке камня и нанес на него имена членов коллегии Сильвана, числом шестьдесят девять, вместе со списком тех, кто принес дары их храму. Коллегия была религиозной, со священником, который назван в первую очередь. Это также погребальное общество, состоящее, по-видимому, из вольноотпущенников и рабов, принадлежащих либо колонии, либо частным хозяевам. Они только что возвели храм своего бога-покровителя, на который одни внесли денежные взносы, а другие сделали различные подношения для его украшения. Один [pg 273] брат преподнес изображение бога в маленьком святилище, другой - статуэтки Геркулеса и Меркурия. Еще один дарит часть каменной кладки перед храмом, и Хостилий за свой счет вырубает скалу, чтобы сгладить подход к святилищу. Большинство даров имеют ничтожную ценность: маленькая бедная картина стоит 15 денариев, мраморное изображение Вакха - не намного больше. Но это были подношения восторженного братства, и добрый Хостилий подарил им бессмертие, о котором они и не мечтали.

Взносы членов колледжа, как правило, были бы лишь жалким обеспечением социальной и религиозной жизни колледжа. Воспроизводя во многих чертах конституцию и тон города, колледж ни в чем не следовал своему образцу так близко, как в опоре на щедрость меценатов. Во главе альбома общества помещен список, иногда несоразмерно длинный, его покровителей. Бесчисленные надписи не оставляют сомнений в причине избрания патрона. Смысл его существования в клубе тот же, что и в городе; он должен обеспечивать роскошь или развлечения для общества, которые общество, как правило, не может получить самостоятельно. Отношения покровителя и клиента - это одна из всех особенностей древней жизни, которая, будучи столь далекой от духа нашего демократического общества, возможно, наиболее трудна для нашего понимания. Взаимные обязательства, навязанные мощным традиционным чувством, носили самый обязательный, а иногда и обременительный характер. А в той форме отношений между бывшим хозяином и вольноотпущенником, которая стала столь распространенной в первую эпоху империи, старый хозяин был обязан продолжать оказывать поддержку и защиту освобожденному рабу.¹⁵²² Хотя в положении клиента во времена Ювенала и Марциала было много гнусного и отвратительного, мы все же должны признать тот факт, что состояние богатого покровителя должно было платить тяжелую цену за социальное почтение. Не менее тяжелыми были требования, предъявляемые к меценатам муниципалитетов и коллегий.

Среди промышленных колледжей Империи наверняка существовали широкие различия по достоинству и значимости. Центонарии, фабриканты и дендрофоры из более важных центров, таких как Аквилея, Лион и Милан, [pg 274] лодочники Арля или Остии, вероятно, с презрением смотрели бы на флейтистов с Виа Сакра, охотников Корфиниума или погонщиков мулов из Порты Галлика.¹⁵²³ Соответствующим было и разнообразие в ранге покровителей. Некоторые из них - высокопоставленные чиновники Империи, прокураторы провинций, кураторы великих общественных работ или выдающиеся офицеры легионов. Или это люди, явно занимающие высокое положение и пользующиеся влиянием в своей провинции, жрецы алтаря Августа, авгуры колонии, магистраты или декурионы двух или трех городов.¹⁵²⁴ Иногда покровитель - крупный купец, имеющий склады масла или вина в Лионе, Таррагоне или Остии.¹⁵²⁵ Однако, несмотря на богатство, социальное положение патрона в те времена могло быть довольно неопределенным, и мы можем без труда, исходя из современных аналогий, предположить, что новый человек мог бы успокоить свое тщеславие или сделать свое положение менее туманным, будучи известным как титулярный

глава древней корпорации суконщиков, или дендрофоров, или лодочников на Соне. Вероятно, в захолустных городках, удаленных от резиденции империи, эти буржуазные достоинства ценились еще больше. [1526](#) Более скромные коллегии должны были довольствоваться одним из новых свободных людей, таких как вульгарные друзья Тримальхиона, которые после позорной рабской юности вскочили на ноги благодаря счастливой случайности или проницательности и искали компенсации за презрение большого мира в почтении и поклонении тех, кто ждал их щедрот.

Выборы покровителя были важным событием, особенно для бедного колледжа. И проходило оно с формальной точностью и с принятием достоинства, которые на таком расстоянии иногда кажутся смехотворными. В одном из городков Цизальпинской Галлии в 190 году коллегия кузнецов и суконщиков собралась на торжественное заседание в своем храме. Их квесторы, которые, возможно, имели в виду финансовое положение коллегии, внесли официальное предложение, чтобы коллегия показала пример разумного вознаграждения заслуг, избрав покровителем своего общества некоего Тутилия Юлиана, человека, отличавшегося скромностью и либеральностью. Собрание [pg 275] одобрило мудрое предложение квесторов и официально постановило, что достопочтенному Юлианусу следует предложить принять эту награду, извинившись за столь запоздалое признание его заслуг, и что над его дверью должна быть установлена медная табличка с копией этого [постановления](#) [1527](#).

Примечательно, что покровителями во многих случаях были севиры и августалы, которые в провинциях, как мы уже видели, обычно состояли из новых людей из числа вольноотпущенников. Хотя их значение и организационная сила неуклонно росли, провинциальные авгуры всегда занимали место после городских декурионов. Они часто проявляли безграничную щедрость по отношению к своему городу и своему ордену. [1528](#) Но ведущие авгуры, похоже, были столь же щедры и по отношению к другим корпорациям, которые находились под их покровительством. Нередко они были покровителями нескольких колледжей. [1529](#) Не составляет большого труда найти людей, которые были титулярными покровителями двух или трех, восьми или даже двенадцати или пятнадцати колледжей. Одна надпись, посвященная Кн. Сентию из Остии, кажется, включает в число его подопечных почти все промышленные колледжи этого оживленного порта. [1530](#) Сентий должен был быть очень богатым и очень щедрым человеком, чтобы принять покровительство стольких обществ, которые в те дни ожидали или требовали, чтобы их почести были оплачены солидными деньгами. Венчающая награда в виде статуи или долговечной надписи часто торжественно утверждалась со всеми видимыми формами почтения или нескрываемой лести на полном собрании общества. Но в подавляющем большинстве случаев нам забавно или неприятно читать, что после всех прочих щедрот благодетелю или его наследнику разрешается платить за запись народной благодарности. [1531](#) Этот факт может объяснить необычайное обилие этих почестей, хотя и несколько снижает их ценность в глазах потомков.

Но, помимо благодеяний, проистекавших либо из честолюбия, либо из настоящей щедрости, огромное количество было вызвано римской страстью к долгой памяти и непрерывности погребального ритуала. Само расположение множества гробниц на обочинах больших дорог за городскими воротами было молчаливым [pg 276] призывом к проезжающим мимо путникам не забывать об ушедших. Этот призыв также часто прямо написан на камне теми, у кого не было другого способа продлить память о себе или о близком человеке. Невозможно без умиления читать молитву старого испанского солдата о том, чтобы его собратья по коллегии никогда не испытывали такого горя, как он, если только

они будут вечно поддерживать лампаду, горящую над могилой его ребенка.¹⁵³² Более богатые люди принимали более тщательные меры, чтобы обеспечить заботу о своем "последнем доме".¹⁵³³ Они часто присоединяли к могиле поле или сады значительной площади, которые должны были возделываться для получения прибыли или для выращивания роз для ежегодного приношения. Вся территория, размеры которой во многих надписях определены с математической точностью, была окружена стеной. Внутри ограды находилось небольшое святилище со статуями умерших, беседка и колодец, а также зал, в котором родственники последующих поколений могли устраивать ежегодные пиры, пока связь не расторглась жестоким забвением **времени**¹⁵³⁴. Там будет домик (taberna), в котором может поселиться вольноотпущенник или иждивенец дома, чтобы следить за покоем умершего.¹⁵³⁵ Но все эти меры предосторожности, как считает завещатель, в конце концов будут разрушены превратностями человеческой судьбы.¹⁵³⁶ Перед его глазами, действительно, была судьба многих забытых и заброшенных могил старых достойных людей Республики. Семьи вымирают; верные вольноотпущенники и их дети не могут вечно нести свою вахту. Сад одичает, может наступить время, когда ни одна добрая рука не вознесет возлияния и не рассыплет розы в родовой день. Семьи вымрут, но колледж может существовать вечно благодаря постоянному обновлению своих членов". Вдохновленный этой идеей, достойный житель Нима создал погребальную коллегия, чтобы регулярно обедать в свою честь.¹⁵³⁷ Она должна была состоять из тридцати человек, и это число должно было поддерживаться путем кооптации на места умерших членов. Члены коллегии, которые были вынуждены отсутствовать, могли послать одного из своих друзей, чтобы тот присоединился к трапезе. Таким образом, умершего человека, который так заботился о том, чтобы продлить свою [pg 277] память, в недалеком будущем могли торжественно чествовать люди, едва знавшие его имя. Многие другие оставляли завещание коллегии, чтобы провести пир в день памяти наследодателя.¹⁵³⁸ Вольноотпущенник из Мевании оставляет крошечное наследство в 1000 HS гильдии суконщиков, покровителем которой он является, с условием, что не менее двенадцати человек из их числа будут пировать раз в год в память о нем.¹⁵³⁹ Более либеральное обеспечение для совместного времяпрепровождения было оставлено коллегии Сильвануса в честь Домициана. Она состояла из ренты четырех поместий с приданными имениями, которые должны были тратиться в дни рождения императора и его жены "на все времена", с жертвоприношениями, приличествующими такому священному сезону.¹⁵⁴⁰ Часто должным образом обеспечивалось благопристойное и впечатляющее исполнение обряда, который был одновременно религиозным долгом и приятным времяпрепровождением. Существует любопытное письмо времен Антонина Пия, содержащее дарственную грамоту коллегии фабрикантов в Нарбо в обмен на их постоянные услуги, оказываемые дарителю. Некий Секст Фадий дарит им сумму в 16 000 сестерций, проценты от которой должны быть разделены каждый год в конце апреля на вечные времена на пиру в день его рождения; гости на этом празднике должны быть одеты в свои самые красивые **наряды**¹⁵⁴¹.

Но самые полные и подробные сведения об этих скромных трапезах содержатся в документе, касающемся основания бедного колледжа Дианы и Антиноя, на который уже была сделана ссылка. Хозяин трапезы выбирался в обычном порядке из списка общества. Каждый брат должен был принять эту должность в свою очередь или заплатить штраф в размере пяти шиллингов из наших денег. Регулярных праздников клуба было шесть в году, в дни рождения Дианы и Антиноя, а также основателя и некоторых его родственников. В правилах проведения этих общих праздников есть некоторая неясность, и на первый взгляд они представляют собой смехотворный контраст со знаменитым банкетом понтифика во времена Юлия Цезаря, описанным Макробием.¹⁵⁴² М. Буассье, естественно, отказывается представить, что даже бедные братья клуба Дианы и Антиноя довольствовались бы хлебом,

четырьмя сардинами, бутылкой хорошего вина, горячей водой и [pg 278] сервировкой стола. Раб-управляющий Горация, вероятно, находил гораздо лучшее питание в своей попине. ¹⁵⁴³ Доктор Моммзен разрешил эту загадку. Из нескольких надписей видно, что спортивные игры резко отличались от раздачи хлеба и вина. ¹⁵⁴⁴ Спортивная игра была подарком более богатой пищи или лакомств, которые при публичных раздачах можно было унести домой; иногда это был денежный эквивалент. Если те, кто получал *sportula*, предпочитали наслаждаться ею за общим столом, назначенный член коллегии должен был приготовить еду или превратить деньги в посуду для пира. Хлеб и вино он мог добавить из собственного кармана, если они не были предоставлены фондом. Сколько средств на эти трапезы было выделено из средств клуба, а сколько - из кармана *magister coenae*, не всегда четко указано. Но мы можем быть уверены, судя по тону того времени, что дополнения к скромному меню часто делались за счет щедрости меценатов и служащих клуба.

Было бы бесполезно и неинтересно изучать во всех мельчайших подробностях систему *sportulae*, основанную столькими покровителями и благодетелями. Любой желающий может часами сдержанно рассказывать об этих теневых клубных праздниках II века. Пожалуй, самым ярким примером такого распределения является пожертвование Марцеллины и Аэлия Зенона маленькому колледжу Эскулапия, о котором мы уже упоминали в другой связи. ¹⁵⁴⁵ В семь различных годовщин и праздников денежные суммы с хлебом и вином раздавались братьям колледжа в должных пропорциях, в соответствии с их служебным положением и социальным рангом. Так, при дележе 4 ноября, в день праздника общества, денежные доли в соответствии с различными классами, начиная с отца коллегии и ниже, составляют шесть, четыре и два. Деление вина в соответствии с социальным рангом происходит в пропорции девять, шесть и три. Несколько иной шкалы придерживаются в день рождения императора Антонина Пия в сентябре и в день новогодних подарков в январе. Но в этих благодеяниях всегда соблюдается различие классов: покровитель, главные магистраты и [pg 279] магнаты общества всегда получают большую долю, чем безвестные собратья, стоящие в самом низу списка. В коллегии Эскулапия сама Марцеллина и Аэлий Зенон, два великих благодетеля общества, а также высшие сановники, получают в три раза больше, чем плебейская братия. Прекрасная Марцеллина, которая в IV веке, возможно, последовала бы за святыми Иеронимом и Павлом в Вифлеем, была вдовой доброго и нежного мужа, который был хранителем императорских картинных галерей. ¹⁵⁴⁶ Если бы она попала в ряды этого скрытого общества, которое начало укладывать своих мертвых в извилистых склепах под Аппиевым путем, она бы, конечно, раздала свои щедроты в другом масштабе и на других принципах. Ее завещание коллегии Эскулапия показывает, как глубоко в душе благотворительной язычницы, которая, вероятно, происходила из подневольных, лежал тот аристократический инстинкт римского мира, который пережил приход Божественного Крестьянина и проповедь галилейских рыбаков на четырехста с лишним лет.

Наиболее любопытными и интересными среди правил этих клубных развлечений являются те, что касаются порядка и приличия. Клуб Дианы и Антиноя был не слишком избранным, вероятно, состоял из бедных вольноотпущенников и рабов. ¹⁵⁴⁷ Манеры этого класса, если судить по картине, которую дает Петроний, были, мягко говоря, лишены сдержанности и самообладания. Главная цель таких собраний, как говорит нам основатель, заключалась в том, чтобы братья могли вместе весело и спокойно пообедать. ¹⁵⁴⁸ Поэтому он мудро распорядился, чтобы все серьезные предложения и жалобы оставались на деловых встречах. Если кто-то из членов покидает свое место или нарушает порядок, он должен заплатить штраф в размере четырех сестерций. Двенадцать сестерций - наказание за оскорбление сотрапезника. Человек, который под влиянием хорошего вина настолько забылся, что оскорбил главного начальника общества, должен был быть наказан штрафом в

двадцать сестерций, что, вероятно, послужило бы мощным препятствием к дурным манерам для большинства членов братства Антиноя.

Многие другие дары или завещания такого же характера, как [pg 280] Марцеллина, встречаются взору изучающего надписи. Мотивы их необычайно однообразны - отплатить за почести, оказанные колледжем, отпраздновать посвящение статуи, спасти от забвения имя, которое для нас - лишь обломки времени. В таких завещаниях все традиционно. Деньги почти всегда оставляют на одну и ту же цель - юбилейную трапезу в честь скромного покойника, императора или богов-покровителей. Иногда колледжу возвращается плата за погребение с мольбой, чтобы в день рожденья скудные гроши, полученные от дара, были потрачены на благочестивые обряды, а на могилу посыпаны розы. [1549](#) В другом случае просят лишь о том, чтобы лампада в скромном склепе горела вечно. Этим чувствам и чаяниям, уходящим корнями в грубое языческое прошлое еще до зари истории, суждено было продлить свое существование далеко в христианские времена. Лампада будет гореть над многими могилами святых или мучеников в четвертом или пятом веке. А простые праздники, которые суконщики Брешии, лодочники Остии или Лиона устраивали, чтобы воздать почести усопшему покровителю, будут отмечаться, часто с размахом, над христианскими мертвецами во времена святого Августина и святого Паулина из Нолы. [1550](#)

Доктор Моммзен считает, что коллегиальная жизнь, которая так пышно расцвела в ранней Империи, была создана по образцу священного союза римской семьи. [1551](#) И инстинкт римской природы к преемственности в учреждениях склоняет нас в пользу этой теории. В колледже, основанном Марцеллиной и Зеноном, есть отец и мать, и в других местах мы читаем о дочерях колледжа. Члены коллегии иногда называют себя братьями и сестрами. [1552](#) Один из праздников братства приходится на день, священный для "близкого родства", когда родственники собирались за общим столом, чтобы в любезном общении забыть любое нарушение привязанности. [1553](#) Они также встречались в первых числах января, когда обменивались подарками. Прежде всего, как и в первобытном обществе, они собирались в дни рождения почитаемых умерших, перед которыми они были в долгу и памяти. И во многих случаях члены общества покоились рядом [pg 281] друг с другом в смерти. [1554](#) В одном смысле колледж был домом братского равенства. Как отмечает М. Буассье, члены имели равные права на полном собрании клуба. Для принятия постановлений и избрания должностных лиц требовался кворум. А в полном конклаве раб имел равный голос со свободным человеком и, возможно, даже мог быть избран на достойное место. [1555](#) Таким образом, в очень скромном царстве он мог на время обрести власть над теми, кто привык его презирать. Правда, чтобы вступить в колледж, ему требовалось разрешение хозяина, а хозяин имел законное право отказать ему в последнем благе - погребении руками собратьев по колледжу. [1556](#) И все же это был, несомненно, большой шаг вперед, когда раб мог сидеть за столом или в совете на равных со свободными людьми и получать благочестивое римское погребение, а не быть брошенным, как падаль, в безымянную могилу. Общество одного из этих скромных колледжей, должно быть, часто на мгновение снимало усталость и страдания подневольной жизни, пробуждало или поддерживало в человеке чувство самоуважения и достоинства. Возможно, время от времени раб чувствовал себя даже на грани политического влияния, как, например, когда его колледж вывешивал на стенах Помпеи свои симпатии в предвыборной борьбе. Однако мы не должны позволять себе обманываться словами и видимостью. Несмотря на законодательные реформы, несмотря на растущие гуманные настроения, будь то в Порхе или в христианской церкви, участь раба и бедного плебея будет во многих отношениях столь же безнадежной и унижительной в царствование Гонория, как и в царствование Траяна [1557](#). Даже в царствование Траяна, правда, возможно, даже в царствование Нерона,

существовали большие дома, подобные дому младшего Плиния, где к рабам относились как к скромным друзьям, где их свадьбы чествовались присутствием хозяина, где, несмотря на юридические ограничения, им разрешалось распоряжаться своими сбережениями по [завещанию](#)¹⁵⁵⁸. А надписи фиксируют благодарность [pg 282] и привязанность к своим хозяевам и хозяйкам многих из тех, кто находился в рабстве или только что из него вышел. Но эти примеры не могут заставить нас забыть о жестоком презрении и варварстве, жертвой которых раб все еще оставался и которые должны были стать его уделом на многие поколения вперед. Поэтому улучшение положения раба или его бедного брата-плебея в результате теоретического равенства в колледжах может быть легко преувеличено. В самых скромных из этих клубов распределение хороших блюд и денег происходит не в соответствии с потребностями членов, а регулируется их социальным и должностным положением. Мы не можем быть уверены, что в социальном общении не соблюдаются те же самые различия. В наше время мы часто видим готовность обеспечить равенство материальных благ наряду с жесткой опекой над социальными различиями, которые для стороннего наблюдателя зачастую микроскопичны. И не удивительно было бы узнать, что "хозяин" или "мать" колледжа Антиноя оберегали свое достоинство ледяной сдержанностью на его торжественных собраниях.

Возникает вопрос, были ли обычные колледжи в каком-либо смысле благотворительными учреждениями взаимопомощи. И, конечно же, в надписях не хватает записей о завещаниях, сделанных непосредственно для помощи бедным, вдовам и сиротам или больным. Пожертвования или завещания богатых покровителей, похоже, преследовали в основном две цели: поминовение усопших и обеспечение общественных и дружеских развлечений. Правда, как и на городских праздниках, часто происходит распределение денег между членами колледжей. Но это, как представляется, лишено элементозного характера из-за того, что наибольшие доли достаются тем, кто, предположительно, меньше всего в них нуждался. Однако следует помнить, что до нас, вероятно, дошли воспоминания лишь о небольшой части этих даров, и что, если бы мы располагали полным списком всех пожертвований, завещанных некоторым колледжам, общая сумма, полученная каждым членом в год, могла бы быть весьма значительной, если судить по меркам обычных плебейских доходов. Для честолюбивого раба любая, пусть даже небольшая, прибавка к его растущему пекулию, которая позволила бы ему купить свободу, была бы, несомненно, благодарна.

Есть, однако, один класс колледжей, которые были без [pg 283] сомнения сформированы для удовлетворения различных потребностей в течение жизни, а также для обеспечения достойного погребения. Это военные клубы, на цели и структуру которых пролился свет благодаря изучению надписей в больших легионерских лагерях Северной Африки.¹⁵⁵⁹ Отрывок из Вегеция показывает нам, как предусмотрительно правительство заботилось о будущем рядового легионера.¹⁵⁶⁰ Хорошо известно, что при вступлении на престол каждого нового императора, или при наступлении какого-то интересного события в истории семьи принца, или при каком-то большом военном успехе, и часто без какого-либо конкретного обоснования, по всей армии распределялись пожертвования. Иногда они достигали значительной суммы, начиная с 25 денариев, пожалованных Веспасианом, и заканчивая 5000 денариев Аврелия.¹⁵⁶¹ Половина этой суммы по приказу откладывалась и оставалась в ведении знаменосцев, чтобы обеспечить пенсию при выходе солдата в отставку со службы. Другой фонд, совершенно иной, формировался за счет взносов самих солдат, чтобы обеспечить достойное погребение тем, кто умер на службе. Но закон, запрещающий создание колледжей, с особой суровостью обрушился на солдата.¹⁵⁶² Даже с религиозной целью ему не разрешалось вступать в такое общество. Однако этот запрет, по-видимому,

был смягчен в отношении офицеров и некоторых высококвалифицированных солдат. [1563](#) Среди надписей Ламбезиса мы находим несколько поучительных записей об этих военных колледжах. [1564](#)

Ламбезис, как мы видели, был одним из тех лагерей, которые превратились в регулярный муниципалитет после того, как Септимий Северус признал солдатские браки. Отныне лагерь стал лишь местом учений и тренировок и перестал быть домом солдата. А на месте солдатских бараков остались остатки нескольких зданий базиликальной формы, возведенных, вероятно, в III веке, которые были клубами офицеров *Tertia Augusta*. Интерьер был украшен статуями императорских особ, а на стене был начертан закон коллегии, [pg 284] начинающийся с выражения благодарности за очень либеральное жалование, которое позволяло коллегии обеспечивать будущее своих членов. [1565](#) Обеспечение осуществлялось различными способами. Молодому амбициозному офицеру разрешалось получить либеральный виатикум на путешествие за море в поисках повышения. Если продвижение по службе состоялось, он получал еще один грант на снаряжение. Половина суммы, выданной в этих случаях, милосердно выплачивалась ему в случае неприятной случайности - потери чина. Если он умирал на действительной службе, его наследник получал выплату в большем размере. А когда человек в свое время выходил в отставку, он получал ту же сумму под названием анулярий, что озадачило [антиквара](#) [1566](#).

Утверждается, что эти военные клубы были на самом деле и в первую очередь погребальными обществами. [1567](#) И обеспечение погребения, безусловно, было одной из их целей. Однако при чтении законов общества корнилов можно усомниться в том, что тема погребения занимает более важное место, чем другие обстоятельства жизни офицера, а в некоторых надписях погребение даже не упоминается. Пособие при выходе в отставку или повышении в звании, а также пособие наследнику в случае смерти военнослужащего - это одно и то же. Но, вероятно, большинству офицеров посчастливилось унести деньги с собой в мирную отставку, если не в более высокий чин в другом корпусе. В этом случае они, вероятно, присоединились бы к другому колледжу, будь то солдатский или ветеранский, и вновь обеспечили бы себе такой важный объект, как достойное и благочестивое погребение. Военные клубы, скорее, предназначены для страхования от основных рисков и расходов в карьере солдата. Расчет показывает, что после покрытия всех этих обязательств у военного колледжа должен был остаться значительный излишек. [1568](#) Как он был потрачен, небезопасно предполагать. Если бедные вольноотпущенники и рабы в Остии или Ланувии могли позволить себе скромные обеды с изрядной порцией хорошего вина, выпитого в память о щедром [pg 285] благодетеле, мы можем быть уверены, что коллегия корнилийцев в Ламбези разбавляла скуку лагеря приятными обедами, и что они были бы удивлены и забавлены в таких случаях, услышав, что их называют просто погребальным обществом.

Закон об основании колледжа Дианы и Антиноя выдает некоторую тревогу, чтобы не нарушить преемственность общества. И во многих завещаниях проявляется величайшая осторожность, чтобы не допустить злоупотреблений или отвлечения средств от их первоначальной цели. [1569](#) Читая эти записи о тщетных попытках продлить память о неясных жизнях, мы испытываем некое жалкое любопытство, желая узнать, как долго братства продолжали свои собрания или когда прекратились заявленные подношения вина и цветов. В одном случае любопытство удовлетворено, и перед нашими глазами предстает официальная запись об исчезновении колледжа. Он содержится в паре деревянных табличек, найденных в каменоломнях близ Альбурнуса, отдаленной деревни в Дакии. Документ был составлен, как показывают имена консулов, в 167 году, в год, следующий за яростным вторжением квади и маркоманнов в Дакию, Паннонию и Норикум, когда Альбурнус

был предан огню. [1570](#) Артемидор, раб Аполлония и магистр коллегии Юпитера Чернениуса, вместе с двумя квесторами официально заявляет, заверив семью свидетелями, что коллегия прекратила свое существование. Из пятидесяти четырех членов коллегии осталось только семнадцать. Коллега Артемидора по магистратуре с момента своего избрания ни разу не ступал в Альбурнус. Счета сведены, и в сундуке не осталось ни одного остатка. Уже давно ни один член не посещает собрания в назначенные дни, и, как само собой разумеющееся, подписка не выплачивается. Все это выражено на самой грубой и неграмматичной латыни, и в заключение Артемидор причудливо говорит, что если член общества только что умер, то он не должен думать, что у него больше нет коллегии или каких-либо претензий на похоронные выплаты! Смиранные братья общества, которых [pg 286] Артемидор упрекает в небрежности, возможно, бежали в какое-нибудь убежище, когда земли их хозяев опустошали маркоманны, или попали в яростный поток захватчиков, который в конце концов обрушился на стены Аквилеи.

[pg 287]

КНИГА III.

NEC PHILOSOPHIA SINE VIRTUTE EST NEC SINE PHILOSOPHIA VIRTUS

[pg 288]

[pg 289]

ГЛАВА I

ФИЛОСОФСКИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Философия во времена Сенеки сильно отличалась от великих космических систем Ионии и Магна-Грации или даже от системы более древнего стоицизма. Спекулятивный интерес задолго до его времени уступил место изучению нравственных проблем с определенной практической целью. Если метод поиска Сократа на целое столетие придал импульс абстрактному умозрению, то он оказал еще более сильное и долговременное влияние на отвлечение мысли от старых амбициозных путей к моральным вопросам. Его ученики Антистен и Аристипп подготовили почву для стоической и эпикурейской школ, которые доминировали в римском мире в последнее столетие Республики и первое столетие Империи. И даже Платон и Аристотель косвенно способствовали этому движению. Дело не только в том, что для обоих этих великих духов воспитание характера и реформа общества представляли глубокий интерес. Но даже в своей метафизике они прокладывали путь к более интроспективному и практическому повороту, который приняла послеаристотелевская

философия, наделяя то, что было простыми представлениями разума, более реальным существованием, чем вещи [чувства](#)¹⁵⁷¹. Идеи" или "формы", которые они противопоставляют миру конкретных вещей, на самом деле являются творениями индивидуального разума, реальность которых следует искать в [pg 290] глубинах сознания, как бы они ни были овеществлены и вознесены в некую трансцендентную область за пределы чувства и времени. У Аристотеля, как и у Платона, в конечном счете, высший разум - это истинная сущность человека, пришедшая в тело из божественного мира и способная подниматься к идеалу из тесных рамок чувственной жизни. Философ из "Федота", который упорно переводит взгляд с путаной фантазмагии чувств на ту область реального существования, вечную и неизменную, о которой он однажды имел представление, на самом деле является далеким прародителем мудреца стоицизма, который отрезает себя от внешних объектов желания, чтобы найти внутри высший закон и мир, который проистекает из жизни в гармонии с Разумом мира.

Древние школы, если они сохраняли формальную индивидуальность вплоть до времен [Юстиниана](#)¹⁵⁷², выработали себя. Множество схоляриев из всех городов греческого Востока не смогли пробить новую почву и довольствовались тем, что охраняли наиболее ценные или наименее уязвимые части древней традиции. Более того, тщательный анализ долгого курса спекуляций, приводящих к столь различным выводам, не имея никакого критерия для определения их претензий, породил скептицизм, который укрылся даже под великим именем Академии. И по мере того как вера в истинность систем ослабевала, исчезали и знаки разграничения между ними; люди были менее склонны к догматизму и начали отбирать и комбинировать элементы из долгое время разногласивших школ. В этом движении эклектик и скептик преследовали одну и ту же цель - поддержку и культуру индивидуальной нравственной жизни. ¹⁵⁷³ Скептик искал свой идеал в сдержанности суждений и нравственном спокойствии. Эклектик, не обращая внимания на спекулятивную последовательность и проявляя лишь второстепенный интерес к спекуляциям, искал в любом месте доктрины, обеспечивающие основу для нравственной жизни, и в конфликте систем по более глубоким вопросам отступал, как Цицерон, к интуиции и согласию сознания. ¹⁵⁷⁴ Творческой силы в философии больше не было. Спекулятивное любопытство, изображенное в "Фаэдо" или [pg 291] "Теэтете", утратило свою остроту. В нем появилась настоящая потребность в каком-то жизненном руководстве, в каком-то лекарстве от глубоко затаенных душевных недугов.

Угасание свободной гражданской жизни Греции, завоевания Македонского, основание всемирной империи Рима привели к серьезным нравственным изменениям. В старом городе-государстве религия, мораль и политический долг были связаны в благодатном единстве и гармонии. Гражданин черпал моральную поддержку и вдохновение в законах и институтах предков, наделенных почти божественным авторитетом. Даже Платон не порывает со старыми путями, а требует от старейшин своей Утопии, чтобы они, увидев видение Бога, вновь спустились к обычным задачам управления. Но когда корпоративная жизнь, обеспечивавшая столь яркие интересы и моральную поддержку, была разрушена, индивид был отброшен назад, на самого себя. Мораль окончательно отделилась от политики. Отныне великой проблемой философии стало то, как сделать характер самодостаточным и независимым; как найти блаженство человека в автономной воле, огражденной от всех нападков случая и перемен. ¹⁵⁷⁵ В то же время основание великих монархий, македонских или римских, охватывающих множество племен и рас и уничтожающих старые гражданские или национальные барьеры, прояснило идею

всеобщего содружества и поставило мораль на широкую основу общей человеческой природы и всеобщего братства. Мирской город былых времен, поглотивший, возможно, слишком полно, нравственную жизнь и совесть своих сыновей, исчез навсегда. А на его месте и над его руинами поднялась всеобъемлющая сила, которая, кажется, обладает всем размахом безличной силы природы, хотя иногда ею движет одна дикая, беззаконная воля. Если в обмен на потерю гражданской свободы, честолюбивой и патриотической энергии, гордости гражданской жизни она дала своим подданным чудесный мир, порядок и культуру, то не стала ли масса людей более грубой и материализованной? При большем материальном благосостоянии и лучшем управлении не понизился ли нравственный тон и идеал из-за отсутствия стимулов? Разве порок не стал более бесстыдным, а жадность ко всему приятному - более жесткой и жестокой? Не является ли масса людей [pg 292] безнадежным и усталым блужданием в запутанном лабиринте без подсказки? [1576](#)

С такими вопросами, звенящими в его внутреннем ухе, человек, в котором еще сохранился инстинкт доброты, вполне мог жаждать, помимо всего прочего, внутреннего закона жизни, который должен внести порядок в хаос его поведения и желаний. [1577](#) И философия, не сумев в великолепных усилиях покорить девственные высоты, вернулась к поведению, которое казалось тогда, даже больше, чем потерянному учителю нашей юности, "тремя четвертями жизни". Великая наука, которая в славе и свежести эллинского расцвета стремилась охватить все бытие и все знание, проникнуть в тайну вселенной и Бога, по общему согласию сузила свои усилия, чтобы облегчить борьбу этой преходящей жизни, установленной "между двумя вечностями". Человеческий дух, уставший от бесплодных поисков вечно исчезающего идеала знания, взялся за более скромную задачу решения вечно повторяющейся проблемы человеческого счастья и поведения. Отныне, несмотря на традиционные диалектические разногласия, все школы, стоические или эпикурейские, скептические или эклектические, ищут секрет внутреннего мира и с необыкновенным единодушием сообщают о своем открытии. [1578](#) Внутренняя жизнь духа становится всеобъемлющей. Спекуляции и политическая деятельность одинаково не важны для истинной жизни души. Спокойное равновесие внутренней природы, не нарушаемое ни переменами судьбы, ни уговорами желаний, - вот идеал всех, под какими бы словами он ни выражался. Какое отношение он имеет к какому-либо отдельному государству, осознающему свое гражданство в великом содружестве людей? Если секрет мира не может быть завоеван авантюрной мыслью в Бесконечность, то, возможно, он может быть найден в дисциплине непокорной воли. Философия должна стать проводником жизни, врачом духовных недугов. [1579](#) Она должна учить всему долгу человека - перед богами, перед государством, перед родителями и старшими, перед женщинами и рабами. Он должен попытаться выполнить более трудную задачу - привнести некий принцип порядка в суматоху [pg 293] эмоций и страстей: он должен научить нас, среди острых притязаний конкурирующих объектов желания, отличать истинное от ложного, постоянное от мимолетного.

Реформатор морали, конечно, не может обойтись без теории и основы общих [принципов](#) [1580](#), но он не должен забывать, что его главное дело - передать *ars vivendi*; он будет больше занят правилами, которые можно немедленно применить на практике, чем теорией морали. Глубокое знакомство с патологией души, детальное изучение слабостей характера, долгий опыт применения средств борьбы с ними будут стоять гораздо больше, чем энциклопедические знания о многовековых [умозрениях](#) [1581](#). Он не будет недооценивать нравоучительные беседы, имеющие практическую цель обратить души от их дурных путей; но он только презирает риторику классной комнаты, которая оскверняет торжественные темы суетным словотворчеством. [1582](#) Лучшая и наиболее плодотворная работа практической философии выполняется частным советом, приспособленным к особым

потребностям духовного пациента. Его нужно побудить к полному исповеданию болезней своей души.¹⁵⁸³ Его нужно приучить к ежедневному самоанализу, чтобы замечать любые признаки нравственного роста или отступления. Его нужно проверять, когда он слишком самоуверен, и подбадривать в унынии. Его энтузиазм должен быть подогрет соответствующими примерами тех, кто прошел по тому же пути и достиг [высот](#)¹⁵⁸⁴.

Эта серьезная цель философии отвечала практическому и напряженному духу римлян. И хотя в I веке было множество эффектных лекторов или проповедников, способных привлечь модную аудиторию, частный философский руководитель был гораздо более реальной силой. Триумф Аэмилия Павла привел в Италию множество греческих изгнанников, многие из которых нашли приют в качестве учителей в римских семьях.¹⁵⁸⁵ Панаэций, который произвел революцию в стоицизме и превратил его в действующую систему, оказал глубокое влияние на окружение Сципиона Аэмилиана, в доме которого он жил. Великие полководцы и вожди последней эпохи Республики, такие как Лукулл или Помпей, часто брали с собой философов. От Августа до [pg 294] Элагабала мы слышим об их присутствии при императорском дворе. Жена Августа искала утешения после смерти Друза у Арея, философского руководителя ее мужа.¹⁵⁸⁶ Многие из этих людей действительно не очень серьезно относились к своей профессии, и в слишком многих случаях они были просто льстецами и паразитами, которых богатый покровитель нанимал с показным удовольствием и относился к ним с презрением.¹⁵⁸⁷ И Нерон, и Адриан развлекались ссорами и тщеславием своих философов.¹⁵⁸⁸ Но в ужасе цезарей Клавдиев стоический руководитель часто был замечен исполняющим свою роль. Юлий Канус, когда Калигула приказал казнить его, держал рядом с собой философа, с которым до последнего рокового момента обсуждал будущее души.¹⁵⁸⁹ Офицер, принесший смертный приговор Фразее, застал его поглощенным беседой с киником Деметрием о тайне, которую через несколько мгновений должен был разрешить ланцет.¹⁵⁹⁰

Л. Анней Сенека был не самым выдающимся представителем этого великого движения за культивирование нравственной жизни в язычестве. Мусоний, его младший современник, и Эпиктет, ученик Мусония, занимались тем же лечением душ и преподавали практически одно и то же философское Евангелие. Они в равной степени уделяли лишь незначительное внимание логике и физике старых школ.¹⁵⁹¹ Добродетель для всех них является единственной великой целью философских усилий. Все они были глубоко впечатлены духовными потребностями [времени](#)¹⁵⁹², и все они чувствовали, что люди нуждаются не в тонких изысканиях или риторических демонстрациях, а в прямом, личном учении, вызывающем к совести. Для всех них философ - это врач душ. Мусоний и Эпиктет были, пожалуй, более возвышенными и непорочными личностями, чем Сенека. Особенно Эпиктет, судя по широте и простой привлекательности его учения, может показаться многим лучшим представителем философского директора, чем Сенека. Сенека, как богатый министр Нерона, вызывает в некоторых умах отвращение, которое мешает им отдать должное его неоспоримой силе и очарованию. Его очевидная непоследовательность [pg 295] осудила его в глазах эпохи, которая исповедует веру в учение Гора и боготворит грандиозное богатство и власть. Его риторика оскорбляет вкус, способный терпеть и аплодировать многословным банальностям, в которых мало следов искупительного искусства. Он не всегда может заслужить внимание кающегося грешника, чей мрачный опыт может сделать его послание более реальным и острым. Историк, однако, должен отбросить эти фарисейские предрассудки и отдать Сенеке то место учителя нравственности, которое его труды завоевали в эпохи не менее серьезные, чем наша. Мы также не должны бояться признать силу, которая заставила ранних отцов проследить духовное видение Сенеки до общения со Святым Павлом,¹⁵⁹³ подкрепленного фальшивой перепиской, которая навязывалась

Святому Августину и Святому Иерониму. [1594](#) Человек, который подходит к Сенеке, думая только о скандалах, почерпнутых у Тацита и Диона Кассия, [1595](#) и замороженный критикой, которая не может почувствовать силу гения, духовного воображения и глубокого морального опыта за риторикой, иногда вынужденной и экстравагантной, должен лучше оставить его в покое. Христианство двадцатого века вполне могло бы с восторгом приветствовать появление такого проповедника и, конечно, забыло бы все обвинения досужих сплетников в связи с появлением огромной и захватывающей духовной силы. Человека с любым историческим воображением должно поразить, что такая духовная отрешенность, такие возвышенные нравственные идеалы, такой чистый энтузиазм в деле спасения душ должны появиться из дворца, пропитанного всеми преступлениями призрачных рас греческой легенды. То, что придворный времен правления Калигулы и Клавдия, воспитатель и министр Нерона, не избежал некоторых пятен, вполне вероятно: то, что такой человек написал "Письма" и "De Ira" Сенеки, - почти чудо. Однако сияние искренности и убежденности, глубокое знание последних тайн виновных душ вполне могли быть наградой за такое испытание.

Карьера Сенеки, учитывая скрытый фонд морального энтузиазма, была действительно великолепной подготовкой к его миссии аналитика развращенного общества и проводника моральной реформы. Он прожил [pg 296] самые мрачные годы императорской тирании; он был в гуще ее интриг и посвящен в самые темные тайны; он пользовался ее благосклонностью и знал опасности ее ревности и подозрительности. Еще младенцем он приехал из Кордовы в Рим в последние годы правления Августа. [1596](#) Несмотря на слабое здоровье, он был ревностным учеником всех наук и философии того времени и попал под влияние Сотиона, члена Секстианской школы, сочетавшей строгий стоицизм с пифагорейскими правилами жизни. [1597](#) Будучи молодым адвокатом и преуспевающим чиновником, он прошел невредимым через ужас и жуткие слухи последних лет правления Тиберия. [1598](#) Его красноречие в сенате вызвало ревность Калигулы, и он едва избежал наказания. [1599](#) В правление Клавдия он, должно быть, входил в ближний круг двора, поскольку его изгнание на восемь лет на Корсику по приказу Мессалины стало наказанием за предполагаемую интригу с Юлией, племянницей императора. [1600](#) Сенека умел уклоняться от бури, и благодаря влиянию Агриппины он был отозван в качестве воспитателя молодого Нерона, а при его восшествии на престол через четыре года после этого стал его первым министром рядом с Бурром. [1601](#) Знаменитое пятилетие, оазис в пустыне деспотизма, было, вероятно, самым счастливым периодом в жизни Сенеки. Несмотря на некоторые сомнения, мечта о земном Провидении, столь же милосердном, сколь и сильном, казалась осуществленной. [1602](#) Но в конце концов это было головокружительное и тревожное возвышение, и влияние Сенеки поддерживалось только политическими уступками и постоянно находилось под угрозой из-за демонических амбиций Агриппины. [1603](#) У Сенеки были и враги, такие как П. Суиллий, завидовавшие его власти и миллионам и охотно указывавшие на лицемерие стоического проповедника, которого сплетни клеймили как прелюбодея и ростовщика. [1604](#) Смерть Бурра стала последним ударом для его власти. [1605](#) Его враги бросились в атаку. Император давно хотел стряхнуть с себя инкуб высшего духа; и [pg 297] богатства, острое красноречие и еще более острые сарказмы, сады, виллы и роскошное состояние великого министра наводили на мысль о возможном претенденте на княжество. Сенека поступил по своим принципам и предложил отказаться от всего. [1606](#) Но его пытки затянулись, и его гибель была отложена примерно на два года. Его освобождение произошло в результате жестокой мести за Пизонийский заговор. [1607](#)

Сенека был идеальным директором для высшего класса такой эпохи. Он поднялся до высшей должности в мировой монархии и провел годы в ежечасном страхе смерти. Он наслаждался обществом самых блестящих кругов, обменивался эпиграммами и репликами с лучшими из них; он также видел их погрязшими в разврате и предательстве, внушающими ужас низменными побуждениями. Он был свидетелем их фантастических попыток роскоши и самообольщения, слышал рассказы об изнуренном чувственном восприятии, неупорядоченных амбициях и неэффективных жизнях. **1608** Его ученики были если не из самого благородного класса, то, во всяком случае, из того, который испытал разочарование от богатства, моды и власти. А превратности его собственной судьбы и характера сделали его сильным и сочувствующим советчиком. Ему пришлось долго терпеть мучительный контраст великолепного положения и богатства с затаенным ужасом перед гибелью, которая может обрушиться на него в любой момент. Его мучили и другие контрасты, некоторые из которых были вызваны яростью завистливой ненависти, а другие, возможно, признавались совестью. Воспитанный на учениях Хрисиппа и Пифагора, он усмирил бурные страсти юности более чем монашеским аскетизмом. **1609** Он страстно принял этическое кредо, направленное на радикальную реформу человеческой природы, на торжество культурного и морализованного разума и социальной симпатии над грубым материализмом и эгоизмом эпохи. Он размышлял над доктринами о высшей жизни, о небытии чувственных вещей, о смерти и живущем в ней Боге, помогающем борющейся душе, о конечном счастливом освобождении от всех гнусных страданий и ужаса, пока все земные удовольствия и амбиции не померкли в присутствии славного нравственного идеала. **1610** И все же этот языческий монах, этот идеалист, который был бы в одном ряду со Святым Иеронимом или Томасом а-Кемписом, накопил [pg 298] огромное состояние и жил во дворце, вызывавшем зависть Нерона. Его подозревали в том, что он был любовником двух принцесс императорского дома. **1611** Его обвиняли в попустительстве или поощрении эксцессов Нерона и даже в том, что он был соучастником убийства Агриппины или ее апологетом. **1612** Некоторые из этих слухов, вероятно, ложные, работа развратного воображения в самый заброшенный век в истории. Однако в трудах Сенеки есть следы того, что он не прошел невредимым через ужасные испытания, которым подвергался характер в ту эпоху. Картины сладострастной легкости и изнурительной пресыщенности могут быть результатом острого сочувственного наблюдения, но могут быть и выражением покаянной памяти. **1613** В любом случае, он прочувствовал самые глубины нравственных бездн своего времени. У него не было иллюзий относительно реального состояния человеческой природы. Масса людей, все, кроме нескольких святых от природы душ, были преданы похоти, жадности или эгоистичным амбициям. Человеческая жизнь была непристойной и жестокой борьбой диких зверей за куски, выброшенные фортуной на арену. **1614** Мир и счастье раннего Эдема ушли навсегда, оставив людей на произвол истощенного аппетита или на полураскаянное чувство бессильной жизни, проведенной в погоне за фантомами воображаемых удовольствий, с обрывочными проблесками времени и мира, навсегда потерянного. **1615** На фоне такой сцены в свои последние годы, какой бы ни была его собственная практика, Сенека почувствовал страсть евангелиста, почти приближающуюся к страсти Св. Павла, чтобы открыть этим больным погибающим душам видение высшей жизни через практическую дисциплину философии.

Тенденция рассматривать истинную функцию философии как чисто этическую, реформирующую, направляющую и поддерживающую характер и поведение, находит свое наиболее яркое выражение у Сенеки. Он гораздо больше проповедник, духовный наставник, чем мыслитель, и он с гордостью признал бы это. Его высшая, можно сказать, единственная цель - это, по нашему современному выражению, к которому иногда приближается его собственное, спасение душ. Философия [pg 299] в ее высшем и лучшем смысле - это не стремление к знаниям ради них самих, не бескорыстная игра интеллекта, независимо от

интеллектуальных последствий, как в платоновском диалоге. [1616](#) Это прежде всего наука или искусство правильной жизни, то есть жизни, согласующейся с правым разумом. [1617](#) Ее великая цель - создание sapiens, человека, который в свете Вечного Разума видит истинные пропорции вещей, чьи привязанности обучены повиноваться высшему закону, чья воля закалена в непоколебимом соответствии ему во всех трудностях поведения. [1618](#) И настоящий философ больше не является холодным, отстраненным студентом, изучающим интеллектуальные проблемы, далеким от борьбы и страданий человеческой жизни. Он стал generis humani paedagogus, [1619](#) школьным учителем, который должен привести людей к Идеальному Человеку. По сравнению с этой миссией вся возвышенность или тонкость великих мастеров диалектики становится просто презренным пустяком, как если бы человек потерял себя в игре или в восторге от сладостной музыки, когда перед его глазами бушует великий пожар. В условиях всеобщего морального кораблекрушения как можно играть с этими старыми мирскими пустяками, в то время как погибающие протягивают руки за помощью? [1620](#) Не то чтобы Сенека презирал наследие античной мудрости, насколько оно имеет хоть какое-то евангельское значение для человечества. [1621](#) Он примет хорошее моральное учение из любого места, от Платона или Эпикура, так же охотно, как от Хрисиппа или Панаэтия. [1622](#) Он готов воздать почти божественные почести великим учителям человеческого рода. Но он также считает, что ни одно моральное учение не может быть окончательным. Через тысячу веков все еще будет возможность внести некоторые дополнения в послание прошлого. Всегда будет существовать потребность в новых корректировках и применении средств, которые передала мудрость [прошлого](#) [1623](#).

Нет нужды говорить, что Сенека почти презирал так называемые либеральные науки своего времени. [1624](#) Есть только одна по-настоящему либеральная наука - та, что направлена на освобождение воли от рабства желаний. Согласитесь, что в юности необходимо подчиняться грамматике в качестве [pg 300] умственной дисциплины; однако опыт показывает, что такая подготовка ничего не дает для формирования добродетельного [характера](#) [1625](#). Кто может уважать человека, который тратит свои зрелые годы, подобно Дидиму, на расспросы о возрасте Гекубы или Елены, или об имени матери Энея, или о характере Анакреона или Сафо? [1626](#) Человек с серьезными намерениями скорее постарается забыть эти пустяки, чем продолжит их изучение. И Сенека точно так же относится к прическам и словесным тонкостям некоторых старших стоиков. Он, правда, соглашается с их трояким делением философии на логику, физику и этику, но к первому отделу он, кажется, питает лишь слабое уважение, хотя раз или два он развлекает своего ученика Луцилия рассуждениями о роде и виде, или платоновских и аристотелевских "причинах", в стиле стоической схоластики. [1627](#) Сенека писал для потомков; у него было свое интеллектуальное тщеславие; и он, вероятно, хотел показать, что, хотя он не придавал большого значения таким исследованиям, это не было вызвано несовершенством его знаний. Ведь жизнь слишком коротка, а ее великие проблемы слишком актуальны, чтобы серьезный человек мог тратить свои драгоценные годы на бесплодную интеллектуальную игру. Он призывает Луцилия оставить эти бесплодные тонкости, которые низводят величайшую из всех тем до уровня интеллектуального жонглирования. [1628](#)

К кафедре физики Сенека относился с гораздо большим уважением, и, очевидно, уделял ей много внимания. До нас дошли следы некоторых утраченных его работ на научные темы, а также сохранился трактат в семи книгах "О естественных вопросах", который в средние века стал настольной книгой по науке. [1629](#) В нем рассматриваются такие темы, с которыми мы встречаемся в поэме Лукреция: гром и молния, ветры и землетрясения, восходящие и нисходящие источники. Но в ней, пожалуй, меньше научного духа, чем в Лукреции, по нашим современным меркам. Мы в изобилии ссылаемся на старые физические авторитеты,

на Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра, Диогена Аполлонийского, Цецину и Атталу. Но концепция какого-либо научного метода, выходящего за рамки более или [pg 301] менее гениальной гипотезы, или какой-либо научной проверки гипотезы, полностью отсутствует. Это, конечно, общая характеристика большинства научных усилий античности. Истина заключается в том, что, хотя Сенека, вероятно, проявлял некоторый интерес к природным явлениям, его гораздо больше интересовали человеческая природа и человеческая судьба. Древние стоики, с некоторыми вариациями, подчиняли физику этике, как имеющей низшее и лишь вспомогательное значение.¹⁶³⁰ Сенека доводит это подчинение почти до крайности, хотя иногда он также бывает непоследователен.¹⁶³¹ Он считает важным, что в то время как Мировой Дух спрятал золото, великого искусителя и развратителя, далеко под нашими ногами, он показал в таинственном, но помпезном великолепии в лазурном балдахине над нами небесные сферы, которые, как принято считать, управляют нашей судьбой в материальном смысле, и которые действительно могут управлять ею, поднимая наш разум к созерцанию бесконечной тайны и чудесного [порядка](#)¹⁶³². Для Сенеки, как и для Канта, существует мистическая связь между звездным небом над головой и моральным законом внутри. В прологе к "Естественным вопросам", увлекшись на мгновение грандиозностью своей темы, Сенека, кажется, возвышает созерцание бесконечных расстояний, таинственных глубин и величественного порядка звездного мира намного выше моральной борьбы нашей обыденной жизни. Земля сжимается до точки в бесконечности, муравейника, где человеческие насекомые размечают свои лилипутские территории и ведут войны и путешествия в течение часа жизни.¹⁶³³ Однако это скорее риторика, чем тщательное изложение реальных взглядов Сенеки. В "Письмах" нам снова и снова говорят, что главное - это добродетель, что победа над страстями возвышает человека до равенства с [Богом](#)¹⁶³⁴, что, освобождая разумную, или божественную, часть нас от рабства плоти, человек возвращает себе утраченную свободу, первозданное достоинство. Но в этой борьбе дух может освежить и возвысить себя, обратив взор к божественному миру, из которого он берет свое начало и в который он, возможно, вернется. По мысли Сенеки, так называемая физика на самом деле включает в себя [pg 302] теологию и метафизику. В созерцании необъятности материальной вселенной ум может быть пробужден к актуальности и интересу великих вопросов, касающихся Бога, Его отношения к судьбе, миру и человеку.¹⁶³⁵ Научный интерес у Сенеки, очевидно, не самый сильный. В нем все еще слышны отголоски старой философии, которая искала истинное величие и конечное блаженство человека в ясном видении абстрактной истины. Но Сенека стремительно движется по пути, ведущему к другому видению небесного города, в котором эмоции, страстное стремление к святости, как и к истине, смешиваются с идеалом бесстрастной вечности интеллектуальной интуиции и стремятся превозмочь его. В восторженном возгласе Сенеки о вратах освобождения, открываемых смертью, с учетом различий в ассоциациях и убеждениях, несомненно, звучит странная нота родственной симпатии, через пропасть в тринадцать веков, к Томасу [Кемпийскому](#)¹⁶³⁶.

По его словам, "Вопросы природы" были работой его преклонного возраста.¹⁶³⁷ Он имеет возвышенное представление о своей задаче, о важности предмета для правильной культуры духа, и он собирает всю свою оставшуюся энергию, чтобы сделать это справедливо. Но по интересности и исполнительности работа далеко не дотягивает до трактатов вроде *De Beneficiis*, а принцип назидания - *omnibus sermonibus aliquid salutare* [miscendum](#)¹⁶³⁸ - слишком навязчив и порой приводит к несочетаемым и почти смехотворным эффектам. Упоминание о кефали запускает его в рассуждения о роскоши.¹⁶³⁹ Рассуждения о зеркалах, казалось бы, вряд ли могут быть морализаторскими. Однако это изобретение дает Сенеке впечатляющие уроки самопознания и возможность прославить тот простой век, когда неопрятная дочь Сципиона, получившая свое скудное приданое в нежданном металле,

никогда не возбуждала своего тщеславия отраженным изображением своих прелестей. [1640](#) Тема молнии [pg 303] естественно дает повод для проповеди против страха смерти. [1641](#) Пролог, посвященный конфликту, который предстоит вести со страстью и роскошью, случайностью и переменами, резко завершается приглашением - *quaeramus ergo de aquis ... qua ratione fiant*. [1642](#) Исследование завершается образным описанием великого катаклизма, которому суждено разрушить существующий порядок. Землетрясения в Кампании в 66 г. н. э., естественно, дают много моральных уроков. [1643](#) Заключительный отрывок "Естественных вопросов", возможно, лучший и наиболее достойный Сенеки. Он говорит, что во всех этих исследованиях тайн природы мы должны действовать с благоговейной осторожностью и недоверием к себе, как люди закрывают свои лица и смиренно склоняются перед жертвоприношением. [1644](#) Сколько сфер, движущихся в глубинах космоса, еще ни разу не предстало перед глазами человека. [1645](#) Сам Великий Автор лишь смутно виден внутреннему взору, и есть огромные области Его вселенной, которые все еще недоступны нашему пониманию, которые ослепляют нас своим сиянием или ускользают от наших грубых чувств своей тонкой тайной. Мы стоим на пороге великих тайн. Есть много вещей, которым суждено быть открытыми в далекие века, когда наша память угаснет, [1646](#) и которые наше время не заслуживает раскрытия. Наши силы уходят на то, чтобы открывать новые пороки роскоши и чудовищные пороки. Никто не задумывается о философии; школы древней мудрости опустели и остались без главы. [1647](#) Именно в таком духе Сенека взялся за свою миссию спасителя душ.

Сенека в эпилоге к "Естественным вопросам" язвительно замечает, что, поскольку весь человеческий прогресс идет медленно, мы, даже при всех наших усилиях по самообольщению, еще не достигли законченного совершенства разврата; мы все еще совершаем открытия в области порока. В другом отрывке он утверждает, что его собственный век не хуже других. [1648](#) Но это только потому, что во все времена масса людей плоха. Подобный пессимизм в I и II веках был распространенным тоном. Мы встречаем его как у Персия, Петрония, Марциала и Ювенала, так и у Сенеки, Тацита, Плиния, Эпиктета, [pg 304] и Марка Аврелия. [1649](#) Жажда богатства и роскоши, неистовство порока, извращающего естественные здоровые инстинкты и нарушающего последние остатки скромности, сочетание показного и подлого в общественной жизни, трусость и жестокость, являющиеся близнецами изнеженного самообольщения, суэта культуры и исчезновение идеалов, смутная беспокойная тоска, витающая между пресыщением и страстью, между слабыми проблесками добра и позорным провалом, между приступами честолубия и самозабвенной тоской - все это и многое другое попадало в поле зрения Сенеки как наблюдателя или руководителя душ. [1650](#) Перед ним заблудший мир, бесплодно пытающийся вывести из беды анодины, протягивающий руки за помощью из любой точки. [1651](#) Всепоглощающая серьезность Сенеки, в которой, несмотря на всю его риторику, невозможно ошибиться, и его бесконечная итерация являются мерилем его чувства серьезности дела. Сенека - самый ранний и самый мощный апостол великого нравственного возрождения. Его отточенная фраза, его эпиграмматическая точка зрения часто кажутся неуместными; его иногда мишурная риторика иногда оскорбляет современный вкус. Нам часто не хватает строгой и простой серьезности Эпиктета, культивированной безмятежности и спокойной дальновидной покорности Марка Аврелия. И все же давайте признаем, что перед нами человек, со всеми его моральными недостатками, которые он свободно признает, со всей его риторикой, которая была частью его натуры, который чувствовал, что у него есть миссия, и намеревался выполнить ее всеми силами своего разума. Он - один из немногих языческих моралистов, согревающих нравственное учение эмоциями современной религии, трогающих его печалью и тоской, проистекающими из сознания безграничных возможностей человека и его фактической деградации; тот, в чьих глазах можно увидеть

amor ulterioris ripae, в чьем учении есть ищущие наставления, которые идут к истокам поведения и верны для всех возрастов нашей расы. В моменты спокойной логической последовательности он формально придерживается линий старой стоической системы. Но когда его охватывает энтузиазм человечества, страсть к завоеванию душ для добра и нравственной истины, все старые философские разногласия исчезают, новое вино разбивает старые бутылки; Платоновский дуализм, вечный конфликт [pg 305] плоти и духа, [1652](#) платоновское представление о Боге, а может быть, и более высокое представление о Творце, милосердном и любящем Хранителе, Дарителе всех благ, Силе, которая влечет нас к Себе, которая принимает нас после смерти и в которой наше вечное блаженство, - эти идеи, столь чуждые старому стоицизму, преобразуют его твердость, и его холодный, отталкивающий моральный идеализм становится религией. [1653](#) Система Сенеки - это действительно религия; это мораль, вдохновленная верой в духовный мир и "тронутая эмоциями". В одном замечательном письме он обсуждает вопрос о том, достаточно ли для ведения жизни наставлений без догм, может ли человек управлять своей жизнью эмпирическими правилами, без фундамента общих принципов. Может ли религия обойтись без догм? "[1654](#) Сенека, как казуист и духовный наставник, вряд ли недооценивал важность определенных наставлений, адаптированных к обстоятельствам дела. Философ, который был обычным чиновником в больших семьях, вероятно, имел дело в основном с наставлениями, опираясь на скрытый и редко подвергаемый проверке авторитет. Но Сенека - не обычный профессиональный директор. У него есть серьезная цель; он чувствует, что занимается самой важной из всех проблем - как сформировать или реформировать жизнь с учетом ее истинной цели, как конечное благо человека может быть реализовано только в добродетельных действиях. Но действия не будут правильными и добродетельными, если не будет правильной воли, а правильность воли зависит от упорядоченных привычек души [1655](#), которые, опять же, проистекают из правильных общих принципов или догм. Иными словами, истинная теория поведения необходима для добродетели в самом высоком смысле. Одни лишь императивные предписания и правила не могут придать поведению устойчивость и постоянство. Только мотив, ясное восприятие руководящего принципа может придать поступку особое моральное отличие. Чтобы обладать таким характером, внешний поступок должен быть укоренен в вере в рациональный закон поведения. Конкретные предписания могут вызвать внешнее послушание [pg 306] этому закону, но они не могут дать единообразия и определенности внутреннего света и регулируемой воли.

Сенека не является сектантом-догматиком, хотя он так много подчеркивает необходимость догмы для добродетельного поведения. Он смело заявляет, что не следует абсолютно ни одному из стоических врачей. Он защищает Эпикура от вульгарного непонимания его теории удовольствия и еще более вульгарных практических выводов из нее. Он часто с восхищением цитирует его максимы Луцилию. [1656](#) В своих взглядах на природу Бога и Его отношение к внешнему миру и человеческой душе Сенека часто, кажется, следует старой стоической традиции. Есть и другие отрывки, где он, кажется, колеблется между различными концепциями Бога: Творца вселенной, бесплотного Разума, божественного дыхания, распространяющегося через все вещи, великие и малые, Судьбы или неизменной цепи взаимосвязанных причин. [1657](#) Также ясно, что, судя по тону его ума и тому, что центром его философских интересов является нравственная жизнь человека, он склоняется к более этической концепции Божества, как Существа, которое любит и заботится о человеке. Все это можно признать, и на это мы еще обратим внимание на следующей странице. Однако в строгой теории Сенека, вероятно, никогда не отступал от физического или онтологического вероучения своей школы. В конечном счете он придерживался стоического пантеизма, который представлял Бога и вселенную, силу и бесформенную материю как в конечном счете выходящие из единого субстрата бесплотного огня Гераклита и в великом катаклизме вновь

возвращающиеся к своему [источнику1658](#). Он также теоретически придерживался стоического материализма и стоического принципа, что только телесные природы могут действовать друг на друга. [1659](#) Сила, которая превращает неопределенную материю в конкретную форму, есть дух, дыхание, в буквальном смысле слова, вплетенное в грубую материю и своим напряжением, наружу и снова внутрь себя, производя форму, качество и энергию. Простая материя никогда не могла придать себе форму или развить изнутри силу движения и действия. Но [pg 307] эта материальная сила, формирующая вселенную изнутри, также рациональна, а вселенная - разумное существо, направляемое живущим в ней разумом к predetermined целям и подчиняющееся универсальному закону. Бог стоиков, таким образом, представляет собой очень эластичную или всеобъемлющую концепцию. Его можно рассматривать как вездесущую, неуловимую силу, которую, за неимением более точного выражения, можно назвать воздухом, эфиром, огнем. Он - душа, дыхание, Anima Mundi. Он также универсальный закон, рациональный принцип, лежащий в основе всех, казалось бы, случайных и непостоянных явлений физической природы и человеческой жизни. Бога также можно с уверенностью рассматривать как вечную Судьбу, силу в безжалостной, но милосердной последовательности неизбежных причинно-следственных связей. [1660](#) А в более мягких и оптимистичных настроениях мы можем рассматривать Его как бдительное Провидение, заботящееся о людях больше, чем они сами о себе, спасающее их от последствий их собственных ошибок и проступков. У Сенеки он превращается в моральное и духовное существо, источник всех духовных интуиций и добродетельных эмоций, тайную силу внутри нас, способствующую праведности, как он является тайной силой во всей природе, обеспечивающей [порядок1661](#).

Противопоставление материалистической и идеалистической концепций Бога в позднем стоическом вероучении кажется несколько грубым и поверхностным. Какое человеческое представление о Нем свободно от подобных противоречий? Как может любая концепция Его, выраженная человеческим языком, избежать их? А в концепции души Сенеки, даже материальной, есть нечто настолько тонкое, неуловимое и неуловимое, что границы материи и духа, кажется, тают и [исчезают1662](#). Как бы ни был лоялен по форме стоический материализм, Сенека в конце концов рассматривает Бога не как простую материальную силу, сколь бы утонченной и бесплотной она ни была, но как духовную силу; не ограниченную, возможно, рамками личности, но инстинкт с моральными тенденциями, более того, моральный импульс, который никакая простая физическая сила никогда не сможет развить. [1663](#) Растущий дуализм метафизики Сенеки является результатом растущего дуализма его психологии. В согласии со старыми стоическими врачами он иногда формулирует материальную природу души и ее сущностное единство. Она, подобно Anima Mundi, [pg 308] теплое дыхание или тонкий огонь, пронизывающий все части тела, разряжающийся токами от центрального сердца к нескольким органам. Оно в первую очередь рационально, и все низшие силы страсти проистекают из контролирующего и объединяющего разума. Это искра универсального Духа, занимающая в человеческом организме то же место, что и Божественный Дух во Вселенной. [1664](#) Но опыт и размышления все больше и больше подталкивали Сенеку к принятию платоновского противопоставления разума и страсти, непрекращающейся борьбы плоти и духа, в которой старая стоическая теория единства разумной души имела тенденцию исчезнуть. [1665](#) Это лишь одна, но самая важная модификация античной теории, навязанная Сенеке более тесным применением теории к фактам человеческой жизни и более полным их анализом. И индивидуальное сознание, и зрелище человеческой жизни свидетельствуют о неизбежной склонности человеческой природы к разложению. Даже после великого катаклизма, когда из вод потопа возникнет новая земля и новый человек в совершенной невинности вступит в этот прекрасный удел, вскоре снова соберутся тучи и омрачат прекрасную обманчивую

зарю.¹⁶⁶⁶ И снова начнется изнурительная борьба плоти и духа, в которой плоть так часто оказывается победителем. Ведь для Сенеки, как и для орфических мистиков и Платона, тело - это тюрьма, а жизнь - одно долгое наказание.¹⁶⁶⁷ Таковы страдания этой земной жизни, такова опасность безнадежного разложения, что никто не принял бы дара существования, если бы мог предвидеть, какое зло его ожидает.¹⁶⁶⁸ И смерть, вызывающая ужас у слепых масс, на самом деле является единственной компенсацией за бедствия рождения, либо как счастливое возвращение к дорожному спокойствию, либо как врата к славной свободе и видению Божественного.¹⁶⁶⁹ Сенека, правда, не всегда выражает себя в таком ключе. Часто он - последовательный, ортодоксальный стоик, славящий округлое совершенство [pg 309] *sapiens*, торжествующего даже в этой жизни над всеми соблазнами чувства и заблуждениями извращенного разума и, в силу божественной силы внутри него, делающего себя, даже здесь, внизу, равным Богу в нравственной чистоте и свободе.¹⁶⁷⁰ В таких настроениях он будет придерживаться стоической психологии: разум - все во всем; добродетель - единая, полная, достигнутая одним высшим победоносным усилием. Но это видение постоянно пересекается и омрачается сомнениями, которые порождают ужасные факты жизни. Нравственная проблема становится все сложнее и сложнее, видение совершенства отдалается на бесконечное расстояние, а славное избавление от него откладывается на бессмертную жизнь, о которой древние стоики не часто мечтали.

Тем не менее, мы можем найти у Сенеки все стоическое евангелие и нравственный идеализм. "Nil bonum nisi verum" - вот основополагающий принцип. Неудачи, отклонения и грехи людей проистекают из ложного представления о том, что есть благо, порожденного искажающим влиянием внешних вещей на высший принцип. Скупые, амбициозные, чувственные люди живут в тщетной демонстрации. Они преследуют нереальные объекты желаний, которые обманывают разум и превращаются в прах после их завоевания. Царство Небесное внутри". Это свобода, мир, спокойное чувство власти над всем случайным, внешним и мимолетным, которое только и может реализовать высшее благо человека.¹⁶⁷¹ Оно достигается только добродетелью, то есть жизнью в повиновении закону разума, который имеет свой голос и представителя в каждой человеческой душе. Призыв подчиниться закону природы и разума просто призывает нас повиноваться нашей высшей части (*τὸ ἡγεμονικόν*), которая является непоколебимым свидетелем вечной истины вещей и, если ее не подкупить и не извратить, безошибочно укажет правильную линию поведения среди всех шумных или соблазнительных искушений плоти или мира. Ничто не является настоящим благом, если оно не отмечено печатью и знаком разума, если оно не находится в самой душе, если оно не подвластно нам самим. Все, что стоит иметь или желать, находится внутри. Внешние вещи, богатство, власть, высокое положение, удовольствия чувства - преходящи, обманчивы, непостоянны, дары Фортуны, и в равной степени находятся в ее [pg 310] милости. В безумной борьбе за эти эфемерные удовольствия мудрый человек незаметно удаляется со сцены жестокого и подлого грабежа, втайне храня в себе величайший приз из всех, который Фортуна не может ни дать, ни отнять.¹⁶⁷² Если бы эти вещи были действительно хороши, то Бог был бы менее счастлив, чем раб похоти и честолюбия, чем чувственник, очарованный любовницей или фавориткой, торговец, которого может разорить буря, богатый министр, который в любой момент может быть приговорен к смерти Нероном.¹⁶⁷³ Единственную настоящую свободу и человеческое достоинство можно найти в отказе от них. Если мы ревностно храним и почитаем божественный разум внутри нас и подчиняемся его внушениям, которые на самом деле являются голосом Бога, Вселенского Разума, то у нас есть неприступная крепость, которую не сможет взять штурмом никакая неблагоприятная судьба. Завоеванные таким образом мир и свобода могут быть названы, хотя Сенека и не называет их так, "миром Божьим". Ибо на самом деле это восстановленная гармония между человеческим духом и Разумом мира, прекращение изнурительного

конфликта между "законом в членах" и "законом разума", который так часто заканчивается другим миром - "mare mortuum", неподвижностью моральной [смерти](#)¹⁶⁷⁴.

Евангелие Сенеки, при всей его пронизательной силе, кажется, лишено некоторых необходимых элементов эффективной религии, способной воздействовать на характер. Откуда, спрашивается, должна взяться сила, которая побудит раскаявшегося совершить крутой подъем к спокойствию безупречной добродетели? И какова та награда, которая с лихвой компенсирует великое отречение? Что касается первого вопроса, то стоики отвечают на него однозначно. Реформирующей силой является божественный разум, обитающий в каждой человеческой [душе](#)¹⁶⁷⁵, который, если ему удастся или будет позволено освободиться от рабства чувственных вещей, неизбежно будет тяготеть к божественному миру, из которого он произошел. Вопрос о необходимости и свободе воли мало интересует Сенеку как практического моралиста. Теоретически он верит в старые стоические догмы по этому вопросу. [pg 311] С одной точки зрения, Бог может рассматриваться как вечная Судьба, неизбежный закон причинно-следственной связи. И как Всеобщая Причина, Он не может действовать иначе, чем действует, не нарушая Своей природы. Но Его действия самоопределены и потому свободны и спонтанны. ¹⁶⁷⁶ Эту свободу человек обретает, лишь вырвавшись из жестокого рабства страстей и внешних обстоятельств. Как практический учитель морали, Сенека обязан сказать, что мы можем встать на более высокий путь, если захотим. Первый шаг к свободе - твердо усвоить основной закон нравственной жизни: единственное благо заключается в соответствии разуму, высшей части нашего существа. Если мы подчинимся его велению, то сразу же отрешимся от обманчивой жизни чувств, и внутреннему взору сразу же откроется видение истинного блаженства в добродетели. Когда это видение увидено, мы должны стремиться сформировать в душе привычку, которая будет неуклонно соответствовать всеобщему закону и в конце концов породит устоявшуюся цель, неизбежно выливающуюся в добродетельный поступок. ¹⁶⁷⁷ Именно эта неподвижная и устойчивая решимость является стоическим идеалом, хотя опыт показывает, что она редко достигается. Таким образом, великое отречение - это вступление в состояние истинной свободы, которая реализуется только через подчинение закону разума, то есть Бога. Повинуясь рациональному закону, человек поднимается на уровень, намного превосходящий преходящие и теневые достоинства мира. Его рациональная и божественная часть воссоединяется с Божественным Духом, который "творит праведность"; он помещает себя в размах и свободу движения, которое находит свой образ и аналог в величественных и упорядоченных движениях небесных сфер. Если мы спросим, как может бедное человечество, столь униженное, столь огрубевшее, столь омертвевшее под давлением плоти и мира, когда-либо освободиться и подняться на эти эмпирейские высоты, то ответ будет таков: благодаря изначальной силе разумного, которое является божественным элементом в человеческой душе. Оно может быть, и в действительности так и есть, в массе людей, одурманенных и заглушенных соблазнами чувства и обманами мира. Но если в какой-то момент отрешенности и восторга, когда его похитители и тюремщики ослабят бдительность, он сможет вырваться из их лап, он [pg 312] сразу же устремится в область своего рождения и в свой истинный дом. Именно в родстве человеческого разума с Божественным, Причиной мира, мы должны искать примирение двух, казалось бы, противоположных точек зрения. В свое время стоический врач говорил нам, что в нравственной борьбе мы должны уповать на собственные силы. И снова Сенека, выражаясь почти по-христиански, утешает своего ученика видением Бога, протягивающего руку помощи борющейся добродетели, так же как он предупреждает отступника о глазе, "видящем тайное". Горе тому, кто пренебрегает этим Свидетелем. ¹⁶⁷⁸

С таким представлением об отношении человеческого разума к Божественному Сенека должен был верить, что человеческая природа, как она есть, отпала от первоначальной и спонтанной невинности. В равном наслаждении ничем не обусловленными дарами природы, в отсутствии скупости и роскоши, которые породило развитие искусств, эксплуатация скрытых богатств земли и конкурентная борьба, порожденная усложняющейся социальной жизнью, первобытный человек был свободен от страстей, превративших жизнь в ад¹⁶⁷⁹. Однако это блаженное состояние было скорее невинностью, чем добродетелью; оно было результатом неведения зла, а не решительного выбора добра.¹⁶⁸⁰ И человек, который посреди развращенного общества борется за добродетель, займет гораздо более высокое нравственное положение, чем наши простые предки, бродившие в неухоженном саду Золотого века. Для человека, родившегося в эпоху, когда благородные инстинкты умерли под влиянием жажды золота, власти и чувственных излишеств, добродетельная воля может быть завоевана только в тяжелой борьбе.

Столкнувшись с фактами жизни и воспылав страстью привлечь людей к высшему закону, поздний стоицизм в некоторых моментах должен был смягчить жесткие линии ранней теории. Суровый идеализм великих врачей был лишь мечтой о невозможной отрешенности, неумолимым требованием безжалостной логики. Добродетель, как соответствие непреложному закону разума, представлялась округлым, безупречным целым, к которому ничего нельзя добавить и в котором ничего не должно быть недостатка. Она предполагает, или [pg 313] тождественна, устоявшуюся интеллектуальную ясность, незамутненное знание истинного добра, которое неизбежно должно вылиться в совершенный поступок. Это единое, единообразное душевное состояние, из которого, как из одного корня, проистекают все отдельные добродетели.¹⁶⁸¹ Нравственная ценность поступка целиком зависит от воли, намерения, то есть от интеллектуального восприятия. И как нет градаций в душевном состоянии, так нет и градаций в нравственном поведении, которое из него проистекает. Нет различий между нравственно хорошими вещами, между "божественными" вещами; и поэтому, как и в старой кальвинистской системе, не существует промежуточного класса между мудрыми и глупыми, спасенными и погибшими. И обращение, "преображение", изменение от глупости к мудрости, считается мгновенным и полным.¹⁶⁸² Даже те, кто борется вверх, но еще не достиг вершины, все равно причисляются к глупцам, так же как человек, находящийся в нескольких дюймах под волнами, будет утоплен так же несомненно, как если бы он был погружен на глубину сажени. И поскольку в морали не существует среднего состояния, крайности обязательно являются законченными и совершенными типами добродетели и порока. Идеальный сапиенс, сочетающий в себе все моральные и интеллектуальные качества, которые составляют идеал безмятежной, безупречной добродетели, был предметом насмешек со времен Горация.¹⁶⁸³ Такой идеал, взлетев в чистые холодные области девственного снега, оставил огромную массу людей, барахтающихся в грязи и темноте. И именно в этом свете суровый стоик рассматривал состояние толпы. Все они одинаково плохи и всегда будут плохи, из века в век. Каждое поколение оплакивает свое вырождение, но оно не хуже своих предков, и его потомки будут не лучше. Единственное различие заключается в различной моде на пороки.¹⁶⁸⁴ На любой людной сцене, говорит Сенека, на форуме или в цирке, вы видите просто сборище диких зверей, зрелище воплощенного порока.¹⁶⁸⁵ В одежде мира они ведут бесчестную войну, ненавидя удачливых, попирая павших. [pg 314] Глядя на эту сцену бесстыдной похоти и корыстолюбия, где нарушаются все узы долга и дружбы, если бы мудрый человек оценил свое негодование по жестокости преступников, его гнев должен был бы закончиться безумием. Но все мы - плохие люди, живущие среди плохих, и должны быть мягкими друг к другу.

Идеализм и пессимизм ранних стоиков были в равной степени фатальны для любых усилий по реформированию морали. Холодное, безупречное совершенство человека торжествующего разума было невозможной моделью, которая могла лишь обескуражить и оттолкнуть стремящихся к высшей жизни. Призрачные моральные обломки обычной человеческой природы, в которых, казалось, не уцелело ни одного зародыша добродетельного порыва, не оставляли, казалось, никакой надежды на спасение или спасение. Если мораль должна была стать чем-то иным, кроме абстрактной теории, если она должна была иметь хоть какое-то отношение к реальному характеру и судьбе человека, ее требования должны были быть изменены. И во многих существенных моментах так оно и было, даже до Сенеки. [1686](#) Идеальное презрение ко всем внешним вещам должно было уступить место аристотелевскому признанию ценности некоторых из них для добродетельной жизни. И Сенека иногда является последователем Аристотеля, как, например, в признании, столь удобном для миллионера, что богатство может быть использовано мудрецом для более высоких моральных целей. [1687](#) Он не будет рабом денег, он будет их хозяином. Он впустит их в свой дом, но не в свое сердце, как вещь, которая в любой момент может взмахнуть крыльями, но которая тем временем может быть использована, чтобы подбодрить и согреть его в борьбе, и может быть направлена на благотворную помощь иждивенцам. Точно так же рядом с идеалом совершенного соответствия закону разума появился класс условных обязанностей. Абсолютное соответствие закону разума, реализация высшего блага через добродетель, остается высшим стоическим идеалом. Но если рядом с высшим благом разрешается придавать определенную ценность некоторым из внешних объектов желания, то, очевидно, возникает целый класс изменяющихся обязанностей в области выбора и [избегания](#) [1688](#). И снова идеал невозмутимого спокойствия, который приближался к апатии киников, был смягчен допущением рациональных склонностей чувств. [1689](#) Эти уступки им [pg 315] любопытным фактам человеческой жизни, конечно, изменили ужасную моральную антитезу мудрого и глупого, доброго и порочного. Где же на самом деле можно найти совершенно мудрого человека с его единой нравственной целью, непоколебимым спокойствием, полной уверенностью в собственной неприступной силе? [1690](#) Его не найти среди самых преданных приверженцев истинного философского вероучения. Даже Сократ не дотягивает до этого возвышенного стандарта. Если мы будем искать мудреца в сказочном прошлом, то найдем только героическую силу или блаженное, неискушенное невежество, которые в равной степени лишены первой необходимости добродетели. [1691](#) Поскольку совершенный идеал нравственной мудрости, невозмутимый, уверенный и безупречный, отступил на далекие идеальные расстояния, то и осуждение всех нравственных состояний ниже невозможного совершенства на огульное [порицание](#) [1692](#) должно было быть отменено. Сенека утверждает, что все люди плохие, но он вынужден признать, что не все они одинаково плохи, а есть люди, которые, хотя и не вполне освободились от ловушек мира и плоти, но достигли различных ступеней на пути восхождения. Он даже выделяет три класса профанов, людей, находящихся на пути нравственного прогресса. [1693](#) Есть человек, который победил многие серьезные пороки, но все еще находится в плену у других. Есть также человек, который избавился от самых худших пороков и страстей, но не защищен от рецидивов. Есть и третий класс людей, которые почти достигли цели. Они одержали великую нравственную победу; они обрели единственный истинный объект желания; они защищены от всякого шанса отпасть; но им нужен последний дар полной уверенности, предназначенный для истинно мудрых. [1694](#) Они не достигли венца осознанной силы. Сенека все еще находится в рабстве у жесткой стоической традиции, несмотря на свои отклонения от нее. Великая католическая

добродетель смирения для него по-прежнему, по крайней мере теоретически, является препятствием для высшего духовного звания.

И все же Сенека далеко не лишен смирения. Давая советы по совершенствованию, он откровенно признается, что сам далек от идеала.¹⁶⁹⁵ Действительно, его "Письма" показывают характер [pg 316], который, при высоких идеалах и энергичном стремлении, очень далек от безмятежной радости и покоя истинного стоического мудреца. У него нет того неуязвимого панциря, от которого отворачиваются все удары судьбы. Он снова и снова показывает, какую глубокую тень может набросить на его жизнь ужас перед капризным хозяином, как его могут потревожить даже мелкие неприятности бытия, обиды большого общества, страдания морского путешествия или шум бани.¹⁶⁹⁶ В советах, адресованных Луцилию, Сенека, вероятно, так же часто проповедует самому себе. Уныние, неустойчивость нравственных целей, привязанность к богатству и власти, навязчивые страхи или робкие предчувствия грядущего зла, от которых он постоянно предлагает духовные средства, диагностируются с таким мастерством и живостью, что вряд ли можно сомневаться в том, что врач сначала практиковал свое искусство на себе.¹⁶⁹⁷ Он также не полностью верит в собственную проницательность или в силу средств, накопленных древней мудростью. Большая трудность заключается в том, что моральный пациент, в меру въедливости своей болезни, не осознает ее.¹⁶⁹⁸ Общество, с его многообразными соблазнами богатства, роскоши и безответственной легкости, может настолько подавить врожденную склонность к добродетели,¹⁶⁹⁹ что внутренний монитор может замолчать, и человек может полюбить свою порочность.¹⁷⁰⁰ Если люди не становятся лучше, они неизбежно становятся хуже. В конце концов, существует такое состояние, как безнадежное, не подлежащее оглашению упрек. И все же даже в отношении закоренелого грешника Сенека не отчаивается полностью, пока в нем сохраняется какое-то божественное недовольство, пусть даже слабое, какое-то томительное сожаление об утраченной чистоте. Он не теряет надежды обратить даже такого насмешника, как Марцеллин, который развлекается тем, что высмеивает пороки и непоследовательность исповедующих философов, не жалея себя. Возможно, Сенека даст ему передышку в его падении.¹⁷⁰¹

Евангелие Сенеки, как он его проповедует, предназначено для ограниченного класса. При всей своей исповедуемой вере в равенство и братство людей Сенека через аристократа-эпикурейца Луцилия обращается к рабам богатства и порождаемых им [pg 317] пороков. Люди, которых он хочет спасти, - это хозяева больших семейств, живущие в величественных дворцах и стремящиеся спастись от усталости пресыщения, посещая Байи или Праенесту.¹⁷⁰² Это люди, у которых есть ужасные тайны, и чье кажущееся спокойствие постоянно нарушается смутными ужасами,¹⁷⁰³ чей интеллект растрачивается на суету условной культуры или логомахии бесплодной диалектики.¹⁷⁰⁴ Это люди, чья жизнь - запись слабых целей и противоречивых задач, и которых старость застает врасплох, когда они еще едва стоят на пороге настоящей нравственной жизни.¹⁷⁰⁵ Не имея ни религиозной, ни философской веры, смерть для таких людей - великий ужас, поскольку она навсегда закрывает ту жизнь плоти, которая была одновременно столь приятной и столь мучительной.¹⁷⁰⁶ В общении с такими людьми Сенека признает необходимость как великих принципов правильной жизни, так и конкретных наставлений, приспособленных к различным характерам и обстоятельствам. Истинным и прочным основанием поведения всегда должно быть ясное восприятие нравственной истины, рождающее правильно направленную цель и обеспечивающее правильный мотив. Например, без истинного представления о Боге как о духе поклонение будет грубым и антропоморфным.¹⁷⁰⁷ Доктрина братства всех людей во всеобщем содружестве - единственная прочная основа социальной благотворительности и гуманности по отношению к рабам. Однако одной догмы

недостаточно; необходимо добавить дисциплину. Моральному директору приходится иметь дело с очень несовершенными моральными состояниями, некоторые из которых находятся в зачаточном состоянии, и с его учениками, возможно, придется обращаться как с мальчиками, которые учатся писать, и пальцы которых мастер должен механически водить по доске. [1708](#) Скрытая доброта человечества должна быть освобождена от груза, который на протяжении несметных веков нагромождало на нее развращенное общество. Заблуждения мира и чувств должны быть разоблачены, суждения, сбитые с толку и ослепленные их очарованием, должны быть очищены и выверены, слабые должны быть ободрены, ленивые и отступники должны быть пробуждены к постоянным усилиям в привычном общении с каким-нибудь хорошим человеком, который уже проходил теми же путями. [1709](#) [pg 318] Так великий "Ars Vitae", основанный на нескольких простых принципах разума, превратился в сложнейшую систему казуистики и духовного руководства. Насколько она была успешной, мы не беремся судить. Но вдумчивый читатель "Писем Сенеки" не может не прийти к выводу, что даже в царствование Нерона должно было быть много профанов, кандидатов на полное стоическое вероисповедание. Если Сенека раскрывает глубины разврата своей эпохи, мы в равной степени обязаны верить, что он представляет и пытается стимулировать великое нравственное движение, глубокое недовольство жестким, грубым материализмом, тонко завуалированным под дилетантизм и напускную художественную чувствительность, типом которого был Нерон. Все произведения Сенеки, кроме "Трагедий", посвящены проблемам или бедам этой нравственной жизни, и потребность в совете или утешении, судя по всему, была настоящей. Луцилий, молодой эпикуреец-прокуратор, увековеченный в "Письмах", - лишь один из большого класса духовных искателей. Он не только излагает перед мастером свои собственные моральные трудности, но и приводит других духовных пациентов за советом. [1710](#) Очевидно, многие пытались уйти от тирании или соблазнов высокой жизни с более или менее устойчивым решением посвятить себя размышлениям и исправлению. Это любопытный языческий аналог христианского аскетического движения четвертого и пятого веков. [1711](#) И, как и во времена Иеронима и Паулина, во времена Нерона дезертиру, покинувшему ряды моды и удовольствий, пришлось столкнуться с бурей насмешек и искажений. Философское затворничество высмеивалось как простое вялое самообольщение, неумное уклонение от общественного долга, а то и просто маска для тайных пороков, в которых слишком часто с правдой обвиняли философа-диссидента. [1712](#) Иногда желание вести высшую жизнь открыто попиралось циничным эпикурейством. Добродетель и философия были пустой болтовней. Единственное счастье - максимально использовать чувства, пока они еще сохраняют свежую жажду наслаждений. Дни проходят быстро, чтобы никогда не вернуться, и мы можем с жаром пить [pg 319] радости плоти. Какая глупость - жалеть наследство ради неблагодарного наследника! [1713](#) Сенеке приходилось иметь дело со многими душами, колеблющимися между двумя идеалами. Один из его трактатов адресован родственнику, Аннею Серену, который полностью признался в смутном волнении, бессилии воли, конфликте нравственного оцепенения с высокой решимостью. [1714](#) В свои лучшие минуты Анней склоняется к простоте жизни и самоограничению. Однако посещение большого дома ослепляет его и нарушает его равновесие при виде войск нарядных рабов, дорогой мебели и роскошных пиров. В одно время его тянет к философскому спокойствию, в другое - он становится напряженным честолубивым римлянином былых времен, жаждущим сражений на форуме. Он постоянно колеблется между убеждением в тщете литературных пустяков и страстью к литературной славе. [1715](#) Не может ли Сенека, которому он обязан своим идеалом, найти какое-нибудь средство против этой постоянной склонности к рецидивам и нерешительности?

Именно в сочувственном отношении к таким случаям, а не в широкой философской теории, заключается особая сила Сенеки. Его советы были адаптированы к конкретным трудностям,

с которыми он сталкивался. Но многие из них имеют универсальное значение. Он поощряет желание удалиться в медитативное спокойствие, но только как средство нравственного исцеления.¹⁷¹⁶ Уединение не должно быть показным пренебрежением к мнению мира.¹⁷¹⁷ Оно также не должно быть простым прикрытием для робких или ленивых, уклоняющихся от тягот жизни. Вы должны удалиться от раздоров и соблазнов мирского города, чтобы посвятить себя делам духовного города, культивировать самопознание и самоуправление, вдохновлять душу созерцанием Вечного и Божественного. Уединение может представлять опасность, если человек не живет в присутствии "Того, кто видит в тайне"¹⁷¹⁸, от Которого не укроется ни одна злая мысль, к Которому не следует обращаться с молитвами о зле¹⁷¹⁹. И чтобы мысль о присутствии Бога не приходила домой с достаточной [pg 320] настойчивостью, Сенека советует своим ученикам вызывать образ какого-нибудь доброго человека или древнего мудреца и жить как бы под его оком¹⁷²⁰. Первый шаг в нравственном прогрессе - самопознание и признание своих недостатков.¹⁷²¹ Незнание нашей духовной болезни, обреченности затуманенной совести, представляет собой большую опасность и может быть признаком безнадёжного нравственного состояния. Отсюда вытекает необходимость постоянного ежедневного самоанализа. В тишине каждой ночи мы должны анализировать свое поведение и чувства в течение дня, тщательно отмечая, где мы не соответствовали высшему закону, и укрепляя себя любыми знаками самопобеды. Сенека говорит нам, что это была его собственная постоянная практика.¹⁷²² Ибо прогресс только медленный и трудный. Он требует бдительных и неустанных усилий, чтобы достичь той уверенной и устоявшейся цели, которая спонтанно выливается в чистоту помыслов и поступков и поднимает человека на уровень Божественной свободы. Не должно быть пауз для самодовольства, пока работа не будет завершена. В нравственности не может быть посредственности. Не должно быть никаких остановок и неустойчивости цели, никаких оглядок на обманчивые вещи мира. Непостоянство колеблющейся воли лишь сокращает срок этой короткой жизни. Как много тех, кто, даже ступая по последней ступени к смерти, только начинает жить, в истинном смысле этого слова, и кто упускает блаженство человека, который, овладев великой тайной, не может дополнить свое счастье удлиненными годами. На длинном отрезке времени любая жизнь - всего лишь миг, и из этого мига большинством людей по-настоящему прожита самая малая часть.¹⁷²³ И эта неустойчивая цель подвержена постоянным искушениям извне. Мы постоянно находимся в пределах видимости и слышимости островов Сирен, и только решимость Улисса поможет нам пройти мимо в безопасности.¹⁷²⁴ На самом деле ни один из островов Сирен не может быть более опасным, чем жизнь большого семейства в нероновскую эпоху, когда лакомства и пороки всех стран поражали чувства множеством соблазнов, а люди тщетно стремились к обостренной и острой чувствительности. Вечная смена обстановки на берегах Байи, [pg 321] в Апулии, в какой-нибудь Апеннинской долине, или на северных озерах, или еще дальше, на Роне, Ниле, Атласе, была целью измученного удовольствиями человека или человека, тщетно пытающегося исправиться. Но Сенека предупреждает своего ученика, что, куда бы он ни отправился, он возьмет с собой свои пороки и слабости.¹⁷²⁵ Пусть он попробует заняться своим спасением в своем большом дворце на Эсквилине. Окруженный великолепием и роскошью, пусть на время изолируется от них; пусть ляжет на жесткое ложе, будет питаться скудно, воображая себя доведенным до той нищеты, которой он так сильно и так глупо боится.¹⁷²⁶ Перемена будет полезна для тела и души; и временный аскет сможет вернуться к прежней жизни, по крайней мере, избавившись от одного из своих бедствий и освежившись новым чувством свободы.

Таковы некоторые из наставлений, которыми Сенека старался укрепить борющуюся добродетель своих учеников. Но он никогда не скрывал от них, что далекий идеал может быть достигнут только путем борьбы. "Vivere militare est". И почти словами святого Павла он

использует пример гладиатора или атлета, чтобы пробудить энергию стремящегося к нравственному совершенству. [1727](#) "Они делают это ради тленного венца". [1728](#) Награда стоического ученика тщетна и бедна для грубого материалиста. Но с безмятежных высот, откуда за борьбой наблюдает идеальный Разум, победителем может стать только тот, кто принял на вооружение слова: самопознание, отказ от себя, смирение. Только следуя по этому крутому пути, человек может достичь цели - обрести мир внутри себя и освободиться от суматохи случайностей и перемен. Несчастье чувственных, мирских и честолюбивых людей заключается в том, что они поставили свое счастье на то, что не в их власти, что является случайным подарком судьбы и может быть так же капризно отнято. Это состояние - рабство у внешних вещей, а удовольствие, которое можно извлечь из них, в конце концов, мимолетно. Поэтому чувственный человек одинаково несчастен, когда ему отказывают в удовольствиях и когда они исчерпаны. [1729](#) Он помещает свое счастье в один краткий [pg 322] момент, с опасностью или уверенностью либо в лишении, либо в пресыщении. Мудрец стоиков, напротив, построил свой дом на скале. Он избегает, согласно пифагорейской максиме, путей толпы и, доверяясь озарению божественного Разума, идет узким путем. [1730](#) Его путеводным светом является принцип, что "Царство Небесное внутри", что высшее благо человека зависит только от него самого, то есть от беспрепятственного выбора разума. Для такого человека "все вещи принадлежат ему", ибо все, что стоит иметь, находится внутри него. Его разум создает свой собственный мир, или, скорее, он заново открывает утраченный мир, который когда-то был его собственным. Он может, если захочет, уничтожить соблазны плоти и мира, которые перестают беспокоить, когда их созерцают. Он может в равной степени уничтожить скорби и внешние боли жизни, ибо каждый человек несчастен настолько, насколько он сам себя считает. [1731](#) Человеческая природа, даже не утешенная философскими учениями, оказалась способной с улыбкой переносить крайности пыток. Человек, овладевший великим секретом, что разум может своими скрытыми силами создавать собственную среду обитания, должен быть способен проявить выносливость Скаэволы или Регула. [1732](#) Все, что ему нужно сделать, - это разоблачить объекты своего ужаса. [1733](#) Ведь как люди обманываются демонстрацией материальных удовольствий, так же они не поддаются страху перед видениями. Даже последнее событие жизни не должно вызывать ужаса у мудреца, если исходить из любой рациональной теории будущего души. Старый мифический ад, камень Сизифа, колесо Иксиона, Цербер и призрачный паромщик могут быть отброшены в пределы басни. [1734](#) Для человека, который следует внутреннему свету, смерть должна быть либо возвращением в родовое спокойствие небытия, которое не оставляет воспоминаний, либо входом в блаженное видение Божественного. [1735](#) Даже в наше роскошное и развратное время мужчины и женщины всех сословий и возрастов демонстрируют готовность спастись от беды или опасности добровольной смертью. [1736](#) А что же в конце концов такое смерть? Это не конец жизни, не катастрофа одного мгновения. В час рождения мы вступаем на первый этап пути к могиле. Мы умираем ежедневно, и наш последний день [pg 323] лишь завершает процесс смерти длиною в жизнь. [1737](#) А что касается краткости наших дней, то жизнь не бывает короткой, если она была полной. [1738](#) Масса людей живет лишь в двусмысленном смысле; они задерживаются или вегетируют в жизни, они не живут по-настоящему. Многие из них уже давно мертвы, когда наступает час так называемой смерти. А люди, оплакивающие краткость своих дней, - величайшие расточители того, что никогда не может быть заменено. [1739](#) В самой длинной жизни, по здравому размышлению, как мала доля того, что действительно прожито! Все прошлое, которое могло бы стать надежным и драгоценным достоянием, отбрасывается жаждущим, мирским человеком. [1740](#) Мимолетное настоящее теряется в волнениях или безрассудных проволочках, или в проецировании себя на будущее, которое может никогда не наступить. Так старость преподносит нам сюрпризы, пока мы еще дети в нравственном [развитии](#) [1741](#).

В определенные моменты может показаться, что стоический идеал рискует слиться с эгоцентрической замкнутостью киника, утверждающего вызывающую независимость индивидуальной добродетели, ничтожество всех внешних благ, всемогущество одинокой воли. И, несомненно, в последней инстанции Сенека изобразил мудреца, загнанного в бухту и спокойно противостоящего ярости тирана, капризам судьбы, потере здоровья и богатства, а то и последней крайности - пыткам и бесславной смерти. Его собственное опасное положение и перспективы общества в правление Нерона вполне могли бы побудить человека, склонного к размышлениям, подготовить себя к судьбе, которая всегда была неизбежна. Но стоический врач никогда не мог согласиться с простым отрицательным идеалом, эгоцентричной независимостью индивидуальной души. Он был слишком культивирован, он слишком глубоко испил науку и философию прошлого, у него был слишком широкий взгляд на факты человеческой жизни и общества, чтобы низвести себя до моральной изоляции, которая могла превратиться в состояние грубого пренебрежения требованиями общественного долга и даже личного самоуважения.¹⁷⁴² Такая позиция была абсолютно невозможна для такого человека, как Сенека. Какой бы ни была его практика, очевидно, что по темпераменту он был почти слишком мягким и эмоциональным. Он был человеком с [pg 324] сильной тягой к сочувствию и щедростью по отношению к другим; он был последним человеком в мире, который мог наслаждаться уединенным раем самодовольного совершенства. Правда, римский мир в глазах Сенеки лежал в тени смерти, раздавленный вероломным деспотизмом и изнеженный грубыми потворствами. И все же, хотя он видит людей в этом ярком свете, он не презирает и не ненавидит их. Не зря Сенека в течение пяти лет был первым министром Римской империи. Стоять так близко к владыке мира и чувствовать пульс человечества от Британии до Евфрата, выслушивать их жалобы и пытаться удовлетворить их нужды - это было редкое образование в области социальной симпатии. Оно оказало глубокое влияние на М. Аврелия и оставило свой след в жизни Сенеки.¹⁷⁴³

В стоицизме и в его изложении Сенекой прослеживаются две противоборствующие тенденции. С одной стороны, человек должен стремиться к гармонии своей природы, подчиняя свои страсти и эмоции собственной высшей природе и освобождаясь от всякой зависимости от плоти или мира. С другой стороны, человек рассматривается как субъект универсального Разума, член универсального содружества, создателем и правителем которого является Бог.¹⁷⁴⁴ Один взгляд может заставить человека стремиться лишь к изолированному совершенству; он может породить философствующего монаха. Другая, более широкая концепция человечества заставила бы человека искать свое совершенство не только в личной добродетели, но и в активном сочувствии движению мира. Один импульс закончился бы своего рода духовным эгоизмом. Другой стремился бы к полному развитию духовных сил во взаимопомощи и сочувствии борющегося человечества, в дружбе¹⁷⁴⁵, в чувстве всеобщего братства и отцовства Божия. Есть два города, говорит Сенека, в которые может быть зачислен человек: одно - великое общество богов и людей, широкое, как солнечные пути; другое - Афины или Карфаген, к которым мы приписаны по случайности рождения.¹⁷⁴⁶ Человек может отдать себя на службу обоим обществам, а может служить одному и пренебрегать другим. Только мудрец в полной мере реализует свое гражданство в духовном содружестве, размышляя над проблемами [pg 325] человеческого поведения, природы души, вселенной и Бога и соотнося свое нравственное существо с вечным законом природы. Мудрец, Зенон или Хрисипп, может по праву посвятить себя исключительно созерцанию и нравственному самосовершенствованию.¹⁷⁴⁷ Он может не иметь, в силу своего богатства и положения, доступа к арене активной жизни. И, хотя он кажется затворником, на самом деле он может быть гораздо большим благодетелем для своего рода, чем если бы он возглавлял сенат или командовал армией. Бывают случаи, когда

человек вправе отказаться от общественной жизни, чтобы сосредоточить все свои силы на самосовершенствовании. И Сенека без колебаний советует Луцилию отказаться от служебных обязанностей.¹⁷⁴⁸ А вот наставление Зенона гласит, что мудрый человек будет служить государству, если на его пути не возникнет серьезных препятствий.¹⁷⁴⁹ Ведь, согласно стоическим принципам, все мы - члены друг друга и обязаны заниматься благотворительностью и взаимопомощью. А все рассуждения и размышления тщетны и несерьезны, если они не приводят к правильным действиям. Однако практическая трудность для сапиенса была велика, если не сказать непреодолима. Какому земному обществу он мог бы служить последовательно: Афинам, которые осудили Сократа на смерть, а Аристотеля отправили в изгнание?¹⁷⁵⁰ Как угодить вульгарной чувственной толпе, не расстроив при этом Бога и совесть? Может показаться, что истинный ученик стоицизма не может принимать участие в общественной жизни иначе, как в рамках некоего идеального полиса, о котором мечтали Платон или Хрисипп.¹⁷⁵¹ Здесь, как и в других местах, проблема решалась с разной степенью последовательности. Проблема сформулирована Сенекой: "Se contentus est sapiens ad beate vivendum, non ad vivendum".¹⁷⁵² Это постоянно повторяющийся конфликт между возвышенным идеализмом и фактами человеческой жизни, который из века в век смягчается, если не решается, казуистикой. Мудрый и добрый человек должен искать источники своего счастья в самом себе. Однако мудрый друг может пробудить его силы и предоставить объект для самопожертвования.¹⁷⁵³ Мудрый человек не будет впутывать себя в заботы семейной жизни.¹⁷⁵⁴ Однако жена и ребенок [pg 326] необходимы для придания полноты жизни гражданина. Поскольку человек существует для общего порядка, как он может избежать предоставления своих услуг государству, если только не существует какого-то непреодолимого препятствия? Противоречие между мечтой об одиноком совершенстве и альтруизмом решалось по-разному, и всегда конкретное решение можно было отстоять в свете великого закона жизни. Эпиктет, отрезанный от большого мира подневольным рождением и бедностью, мог спокойно относиться к браку, воспитанию будущих граждан и обязанностям политической жизни.¹⁷⁵⁵ С другой стороны, М. Аврелий, по природе такой же отстраненный, как Эпиктет, мог отказаться следовать трансцендентным советам Хрисиппа и Сенеки. Он мог бы мучительно пытаться примирить преданность неприятному политическому делу с мечтой о том невидимом содружестве, "в котором города людей - это как бы дома"¹⁷⁵⁶.

И все же, несмотря на эти сложности с общественным долгом, никто за пределами христианства, возможно, никогда не настаивал так мощно на обязанности жить для других, на долге любви и прощения, как это делал Сенека. Все мы, свободные или рабы, правители или подданные, члены друг друга, граждане всеобщего содружества.¹⁷⁵⁷ В каждом из нас есть частица Божественного духа. Ни один человек не может жить исключительно для себя.¹⁷⁵⁸ Если мы не делаем добра другим, мы делаем зло. Природа человека и устройство Вселенной обязывают нас стремиться к благополучию своих собратьев.¹⁷⁵⁹ Социальный инстинкт врожден и изначально заложен в нас. Когда человек бросается в мир при рождении или в естественном состоянии, со всеми своими огромными возможностями, которые еще не развиты, ни одно существо не является столь беспомощным.¹⁷⁶⁰ Только благодаря объединению и взаимным добрым услугам люди смогли отразить опасности, которые окружали младенчество расы, и покорить силы природы. Человек рожден для социального союза, который скрепляется согласием, добротой и любовью,¹⁷⁶¹ и тот, кто проявляет гнев, эгоизм, вероломство или жестокость по отношению к своим товарищам, наносит удар по [pg 327] корням социальной жизни. Зрелище всеобщей испорченности также не должно вызывать у нас ненависти или презрения к себе подобным.¹⁷⁶² Совершенно верно, что большинство людей плохие, и всегда будут плохими, за редким исключением. Если общество и является источником многих благ, то оно также и великий

развратитель, а покорение природы и развитие искусств пробудили ненасытные страсти, которые затемнили взор разума. [1763](#) И все же эта толпа грешников - наши братья, в которых заложены зародыши добродетели. Они выбрали широкий путь почти обязательно, потому что он широкий. Генерал может наказывать отдельных солдат, но вы должны помиловать армию, когда она отступает от стандартов. Истинно мудрые, не зная, смеяться им или плакать, будут смотреть на заблуждающиеся массы с добротой, как на больных, которым нужен врач. [1764](#) А кроме немногих истинно мудрых, кто может бросить первый камень? Все мы в большей или меньшей степени плохи, все мы заблудились. [1765](#) И все же мы постоянно проявляем крайнюю строгость к недостаткам других, забывая или игнорируя свои собственные. [1766](#) Как Бог долготерпелив к нарушителям и посылает Свой дождь и на злых, и на добрых, так и мы должны быть милосердны в суде и щедры в благодеяниях. [1767](#) Зрелище всеобщей жадности, эгоизма и неблагодарности не должно ожесточать нас против наших ближних, но, напротив, заставляет обратить взор на наши собственные недостатки. [1768](#) Иногда, правда, нотка смирения отсутствует, и Сенека предстает безмятежным *sapiens contra mundum*, или гордым римским господином, который не унижается до того, чтобы возмущаться или даже замечать оскорбления или обиды злобной толпы. [1769](#) Они пройдут мимо него, как разрешенные шутки рабов на сатурналиях. Он напоминает себе, что это нижний воздух мутится от бури и грома; эфир, который распространяется вокруг звезд, никогда не смущается и не омрачается бурей. [1770](#) Это один из повторяющихся у Сенеки контрастов между моральным тоном старого мира и наступающим великим движением. Но в итоге побеждает новое. Представление о Боге как о холодном разуме или безличном законе [pg 328] или судьбе уступает место мысли о Боге, который руководит своим провидением, который охватывает всех своей любовью, чья доброта так же безгранична, как и его сила, которому лучше всего поклоняться, подражая его доброте. [1771](#) По мере развития этого представления гордыня неуязвимого сапиенса, который мог бы сделать себя равным или более чем равным Богу, [1772](#) уменьшается и унижается. Все мы в большей или меньшей степени плохи, и нам следует быть мягкими друг к другу. [1773](#) Жалуемся ли мы на холодность и неблагодарность? Давайте подумаем, сколько доброты, оказанной нам в раннем детстве, нежности медсестры, мудрого совета друга или помощи в критические моменты мы небрежно выкинули из памяти. [1774](#) Недостатки, которые раздражают нас в других, часто таятся в нас самих. Прощайте, если хотите получить прощение; побеждайте зло добром; делайте добро даже тем, кто причинил вам зло. [1775](#) Будем же следовать безмятежному примеру тех Вечных Сил, которые постоянно осыпают своими благами даже тех, кто сомневается в их существовании, и с невозмутимой добротой переносят ошибки хрупких душ, спотыкающихся на пути.

И как мы не будем суровы к тем, кто принадлежит к нашему внешнему сословию, так мы смягчим участь тех, кого судьба обрекла на рабство. Даже раб допускается в тот великий город богов и людей, который не имеет границ, который охватывает все расы и сословия, где все ранги должны быть нивелированы сознанием общего Божественного происхождения и всеобщего братства людей. [1776](#) Завоевания Македонского и Рима, свергнув все старые национальные барьеры, подготовили путь для величайшего и плодотворнейшего триумфа античной философии. И стоической школе принадлежит слава предвосхищения пока еще далекой от осуществления мечты богов о человеческом братстве под светом Креста. Сенека никогда не поднимался выше и не заглядывал так далеко в будущее, как в своем отношении к рабству. Он намного опередил многих епископов, аббатов и христианских баронов средневековья. Может ли раб принести пользу? спрашивает он. [1777](#) Не является ли его служба, какой бы щедрой она ни была, просто долгом перед господином, который, поскольку он возникает [pg 329] из принуждения, не заслуживает благодарности? Сенека с неподдельной теплотой отвергает это низкое предположение. По тому же принципу

подданный не может оказать благодеяние своему монарху, простой солдат - своему генералу. Существует предел, за которым власть не может приказывать повиноваться. Существует грань между покорным подчинением и великодушным самопожертвованием. И раб часто переходил эту грань. Он часто переносил раны и смерть, чтобы спасти жизнь своего хозяина в бою. В годы террора он часто переносил последние пытки, чтобы не выдать своих секретов.¹⁷⁷⁸ Тело раба принадлежит его хозяину, его разум - ему самому.¹⁷⁷⁹ Его нельзя купить и продать. А в душе раб равен своему господину. Он способен на равную добродетель и равную культуру; более того, в том и другом он может превосходить своего господина. Он может принести пользу, если он может пострадать от оскорблений, которые наносят ему жестокость и похоть. Когда он дарит благо, он дарит его как человек человеку, как равный в великой семье, Отец которой - Бог.

Сенека дает яркую картину развращения женщин в условиях всеобщей разнузданности его эпохи.¹⁷⁸⁰ Однако у него есть возвышенный идеал того, какими могут стать женщины. Как и другим стоическим проповедникам, ему посчастливилось с младенчества быть окруженным хорошими женщинами. Он помнит нежность своей тетки, на руках которой он впервые попал в Рим ребенком, которая ухаживала за ним во время долгих болезней и, преодолев свою сдержанность, помогла ему в его ранней честолюбивой карьере. Ее безупречный характер избежал даже мелочности александрийских сплетников.¹⁷⁸¹ Его письма к матери, Гельвии, показывают матрону лучшего римского типа - сильную, самоотверженную, гордую своим материнством и презирающую экстравагантность и показное поведение своего класса. Несмотря на ограниченное представление отца о женской культуре, она получила образование в области либеральных наук и нашла в них убежище в несчастье.¹⁷⁸² Марсия была более мягкого типа и поддалась чрезмерному горю о потерянном ребенке. Однако именно в ней Сенека наиболее полно раскрывает свой идеал женского характера. Он не признает, что женщины менее способны к добродетели и культуре.¹⁷⁸³ [pg 330] Женщины обладают той же внутренней силой, той же способностью к благородству, что и мужчины. Муж Паулины, окруживший его ласковым сочувствием и готовый умереть вместе с ним, человек, наблюдавший суровое мужество и любящую преданность жен стоических мучеников, вполне мог иметь возвышенный идеал женского характера.¹⁷⁸⁴ Но для любого истинного ученика Порха этот идеал имел более надежное основание, чем любой личный опыт, каким бы счастливым он ни был. Вероучение, которого придерживался Сенека, было одновременно и нивелирующим, и возвышающим. Он находил единственное благородство или притязание на звание в высшей способности к добродетели.¹⁷⁸⁵ Он принимал в объятия своего равного милосердия все человеческие души, свободные или рабские, мужские или женские, как бы они ни классифицировались условно или случайно, которые имеют божественное происхождение и могут, если захотят, иметь возвышенное, возможно, вечное будущее.

А теперь, уходя от Сенеки, давайте забудем о прелестном изгнаннике на Корсике, возможном любовнике Юлии или Агриппины, миллионере-министре Нерона, который был окружен роскошью и состоянием, вызывавшими зависть [тирана](#)¹⁷⁸⁶. Вспомним скорее аскета ранней юности, который, вознесенный своими талантами на высокое место, должен был примирить невозможный идеал с гнусными или ужасными реалиями того положения, которое было одновременно "вершиной и пропастью".¹⁷⁸⁷ Он постоянно разрывался между идеалом возвышенного стоического вероучения и фактами окружающей его человеческой жизни, между собственными духовными стремлениями и соблазнами или потребностями оппортунистического государственного деятеля. Он был проникнут принципами жизни, которые могли быть полностью реализованы только в какой-нибудь платоновской утопии; ему приходилось иметь дело с людьми, какими они были в царствование Нерона, какими их

рисуют Тацит и Петроний. Если он не справился с невыполнимой задачей такого примирения, давайте отдадим ему справедливость, признав, что он сохранил ясность видения и изложил Евангелие высшей жизни, которое, при всех его ограничениях, обусловленных темпераментом или традицией, будет истинным для наших самых отдаленных потомков, что он имел видение Града Божьего.¹⁷⁸⁸ Он не был лично, возможно, такой чистой и ясной душой, как Плутарх, Аристид или Дион Хризостом. Но он [pg 331] полностью отбросил тот языческий антропоморфизм, который пересекал и нарушал их высочайшие видения Божественного.¹⁷⁸⁹ Сенека гораздо современнее и продвинутое даже величайших представителей неоплатонической школы, только потому, что он видел, что старое богословие безнадежно устарело. Он никогда не смог бы вступить в последнюю борьбу философского язычества с Церковью. И вот Церковь почти объявила его своим сыном, в то время как ей и не снилось родство с Плутархом или Плотинем.

Действительно, чтобы примирить учение Сенеки с учением великих аскетических христианских врачей, нужно было лишь изменить некоторые фразы. Многие заголовки "Подражания" можно было бы отнести к параграфам Сенеки - "о терпении к недостаткам других"; "о неумеренных привязанностях"; "о любви к уединению и молчанию"; "о размышлении о смерти"; "о смиренной покорности"; "о том, что презирать мир и служить Богу сладко"; "о признании собственных немощей и воспоминании о Божьих благах"; "о презрении к мирским почестям и суетным светским знаниям"; "о дне вечности и ограниченности этой жизни". По правде говоря, великие духи всех веков, обладавшие гением религии, после должной поправки на различие ассоциаций и фраз, странно схожи и гармоничны. И у Сенеки было одно большое превосходство над другими столь же религиозными душами его времени, которое позволяет ему приблизиться к средневековой и современной религиозной мысли - он полностью порвал с язычеством. Он начал с веры в Бога стоического вероучения; он никогда не упоминает стоическую теологию, которая пыталась примирить Его с богами пантеона. Несмотря на всю свою риторику, он пытается увидеть факты человеческой жизни и отношение человеческого духа к Божественному в свете разума, без вмешательства легенды. Бог для Сенеки - это великая Реальность, как бы ни описывала Его человеческая речь - как Судьбу, или Закон, или Вечную Причину, или бдительное любящее Провидение. Бог внутри нас, каким бы таинственным образом он ни проявлялся, вдохновляя на добрые решения, давая силы в искушениях, всевидящим оком наблюдая за исходом борьбы. Бог без нас, наделяющий нас добротой [pg 332] даже когда мы обижаемся, наказывающий нас в милосердии, цель всех рассуждений, Тот, от Кого мы исходим, к Кому мы идем по смерти. Истинное поклонение Ему заключается не в формальных молитвах и жертвоприношениях, а в стремлении познать и подражать Его бесконечной доброте. Мы, смертные, в нашей краткой земной жизни можем быть гражданами двух содружеств, одного - Рима или Коринфа нашего рождения, другого - великого города богов и людей, в котором все одинаково объединены, мужчины и женщины, свободные и свободные, как дети общего Отца. В этом идеальном гражданстве, в послушании закону духовного города, вечному закону, который делает праведность, человек обретает свою истинную свободу и окончательное блаженство в общении с родственными душами.

Однако, как и в средневековой и пуританской религиозной теории, у Сенеки наблюдается странный конфликт между пессимизмом и идеализмом. Для обреченного философа-государственника времен правления Нерона дни жизни человека немногочисленны и злы. Жизнь - лишь миг в череде бесконечных веков, и она так омрачена разнообразными грехами и печалью, что кажется, как и Софоклу, зловещим даром.¹⁷⁹⁰ С другой стороны, ее краткость не имеет значения; самая короткая жизнь может быть полной и радостной, если она достойна усилий, смирения и соответствия великому закону Вселенной. Мудрый и

благочестивый человек, постоянно осознающий краткость своего испытательного срока, может превратить каждый уходящий день в праздник и удлинить его в жизнь. Краткость жизни - лишь иллюзия, ибо долгота или краткость не имеют значения, когда измеряются днями вечности. А философ может объединить множество жизней в одном коротком отрезке. Он может присоединиться к компании мудрецов, которые прибавляют свои годы к его, советуют без горечи и хвалят без лести; он может быть принят в семью, чье богатство увеличивается тем больше, чем больше оно разделено; в нем все века могут быть объединены в одной жизни. [1791](#) Для такого духа смерть теряет все свои ужасы. Вечная тайна действительно может быть пронзена только воображаемой надеждой. Смерть, как мы можем быть уверены, может быть только изменением. Это может быть переход в спокойное бессознательное состояние, как перед нашим рождением, которое освободит нас от всех горестей и потрясений жизни здесь, внизу. С другой стороны, это может оказаться утром вечного дня, входом в сияющий и нетронутый мир бесконечных возможностей. В любом случае, дух, который [pg 333] приучил себя к повиновению вечному закону, не дрогнет перед судьбой, которая, несомненно, уготована вселенной - пожаром, потопом или другими катаклизменными изменениями. В будущем душу ждет либо вечное пребывание среди вещей божественных, либо возвращение в общую душу, и Бог будет всем во всем.

[pg 334]

ГЛАВА II

ФИЛОСОФСКИЙ МИССИОНЕР

Евангелие философии, излагаемое Сенекой, было скорее эзотерическим или аристократическим вероучением. При всех своих либеральных настроениях, космополитизме, ясной концепции человеческого равенства и братства, Сенека всегда остается руководителем душ, подобных его собственной, изнеженных богатством, измученных тоской усталой чувствительности, преследуемых ужасом цезарей. [1792](#) Действительно, стоицизм всегда был скорее вероучением для культурного высшего класса, чем для толпы. В период расцвета стоицизма его аппарат логических формул, тщательно разработанная физика и метафизика, по сути интеллектуальное решение проблем как мироздания, так и человеческой жизни, не позволяли ему стать популярной системой. А в поздние времена Республики теория стала важнее практики, и логика перешла в казуистику. [1793](#) Но в первом веке стоицизм стал в большей степени религией, чем философией или даже теологией. Его главное дело, по замыслу таких людей, как Сенека, - спасение душ от всеобщего [кораблекрушения](#) [1794](#), вызванного капризными излишествами роскоши, идолопоклонством миру и плоти, которое возникло из буйной гордости за материальные преимущества императорской власти, без отрезвляющего чувства долга или нравственного идеала. Но, по природе вещей, это разрушение характера наиболее ярко проявилось среди людей, которые находились в тесном контакте с полубезумными владыками мира в первом веке и обладали ресурсами, чтобы исчерпать возможности [pg 335] удовольствий или способности чувств к наслаждению. Именно людям этого класса, еще сохранившим томительные инстинкты добра, уставшим от потворства, озадаченным и

измученным конфликтом низшей природы со слабыми, но все еще тревожными протестами высшей, Сенека адресует свои советы.

Но что же делать с огромными массами, лежащими за пределами круга культивированного и изнуренного самообольщения, с тем плебейским миром, картину которого мы видели в их муниципалитетах и колледжах? Из записей об их повседневной жизни, их стремлениях, задачах и развлечениях ясно, что, хотя они, возможно, в целом не запятнаны таким глубоким разложением, как вельможи неронского века, их моральный тон и устремления едва ли соответствуют материальному великолепию империи. Даже если не принимать во внимание проблески низкой жизни у Петрония, Марциала и Апулея, если не принимать во внимание откровения Помпея и жуткие предания, которые преследуют руины бесчисленных театров и амфитеатров, предостережения проповедников той эпохи, таких как Дион Хризостом, и размышления бесконечно милосердного М. Аврелия не оставляют благоприятного впечатления о моральном состоянии масс.¹⁷⁹⁵ Как могло быть иначе? Старое язычество Рима действительно способствовало развитию определенных исконных чувств, которые были солью римского характера. Но, к сожалению, оно также дало санкцию на сцены похоти и жестокости, которые в более поздние времена свели на нет все хорошее, что оно сделало. Старая религия также не имела средств для назидания и воспитания характера. У нее не было организации для заботы и руководства душами, находящимися в моральных сомнениях и опасности. Если на основании нескольких примеров из древнего мира может показаться, что ее оракулы удовлетворяют такой духовный недостаток, то даже по языческим свидетельствам эта видимость обманчива. Поэты и моралисты громогласно осуждали бесстыдную нечестивость, которая часто выпрашивала санкцию пророческого святилища на какой-нибудь обдуманный грех,¹⁷⁹⁶ и это обвинение было подтверждено воскрешением этих старых ругательств из руин Додоны.¹⁷⁹⁷ Но даже без [pg 336] прямого свидетельства мы можем справедливо заключить, что в силу своего материального развития эпоха Антонина особенно нуждалась в духовном учении и евангелизации. Все усилия общества и частных лиц были направлены на обеспечение комфорта, великолепия или развлечений для масс. И в пределах своей амбициозности это прекрасно удавалось. Беспристрастный исследователь не должен отказываться признать, что у такой огромной энергии есть и хорошая моральная сторона. Богатых строго научили их долгу перед обществом, и они улучшили этот урок. Массы отвечали на их щедрый общественный дух благодарностью и привязанностью; а всеобщая доброта и братство, распространявшиеся среди всех слоев населения в дни высоких религиозных праздников или гражданских интересов, представляли собой очень полезное и приятное зрелище.¹⁷⁹⁸ Несомненно, произошло смягчение римского характера. А труды великих стоических юристов давали выход культурному нравственному чувству, выражаясь в более либеральном признании естественных прав слабых и угнетенных, женщин и рабов. Однако общество может быть гуманным и добрым, но при этом мирским и материализованным. По крайней мере, нам кажется, что силы эпохи Антонинов были направлены главным образом на популярные удовольствия и внешние украшения жизни, или на возрождение, часто в самых грубых и абсурдных формах, как мы увидим в следующей главе, суеверий прошлого. Со всеми своими гуманитарными чувствами и материальной славой римский мир вступил на тот роковой путь, который незаметным, но непреодолимым движением привел к стерилизации высшего разума и окаменению римского общества, завершившемуся катастрофой V века.

Триумфы и великолепие корпоративной жизни в эпоху Антонинов, безусловно, представляют собой ослепительное зрелище. Однако для студента, которого больше занимает болезненное нравственное воспитание расы, интерес лежит в другом направлении. Это был мирской век, но это был и век, облагороженный мощным протестом против мирской жизни.

И в этой главе мы изучим великое движение, которое под именем философии или культуры призывало массы людей к более высокому уровню жизни. У этого движения, как и у всех других подобных, были свои [pg 337] самозванцы, которые позорили его. Однако человек, который преследовал их с такой язвительной насмешкой и безжалостным презрением, человек, который был абсолютно скептичен в отношении ценности всех философских усилий, в конечном итоге очень близко подошел к тому взгляду на человеческую жизнь, который проповедовали те, кого он высмеивает. **1799** Лукиан не принадлежал ни к одной философской школе; он сам бы отверг приверженность какой-либо системе. Совет Тейресия Мениппу, когда тот искал его в тенях, несомненно, был бы советом Лукиана любому молодому ученику, обратившемуся к нему. Покончи со всеми этими словесными тонкостями и химерами, не клянись в верности никакой секте, пользуйся настоящим и воспринимай все с улыбкой. **1800** Но кто может читать "Диалоги мертвых", не чувствуя, что в Лукиане есть более глубокая и серьезная жилка, чем он сам признается? Хотя он и обливает презрением уличных проповедников-киников, хотя на "Аукционе жизней" киник продается за самую ничтожную цену, только кинику позволено перенести через реку смерти свои характерные качества, свою смелость и свободу слова, свой горький смех над глупостями и иллюзиями человечества. **1801** В этих диалогах есть много указаний на то, что, если бы Лукиан стал киническим проповедником, он вел бы ту же войну с удовольствиями и иллюзорными амбициями человека, он превзошел бы киников в жестокой откровенности разоблачений и обличений, как превзошел бы их в риторическом и образном очаровании стиля. **1802** Он имеет яркое и ужасное представление о смерти, великом нивелире, и видит все земное богатство и славу в сером свете земли, где все забыто. Звания и богатство, красота и сила, похоть очей и гордость жизни - все это остается позади, на границах царства "бездуховных голов". **1803** Если у Лукиана и есть какое-то Евангелие, то оно заключается в том, что Царство Небесное принадлежит бедным. Он, как и некоторые христианские отцы, готов осудить богатых на вечные муки. **1804** И поэтому мы не удивляемся, что Лукиан мало замечает великолепия своего века, разве что в [pg 338] фразе: "Великие города умирают так же, как и люди". **1805** Он, кажется, мало ценит его реальные заслуги перед человечеством. Его тщеславная, претенциозная философия, его эгоизм к богатству, его пороки, скрытые под личиной добродетели, вызывают его ненависть и презрение. И все же, читая некоторые произведения Лукиана, нельзя не почувствовать, что он, гениальный человек, каким он был, человек без возраста или человек всех веков, смотрит на человеческую жизнь с высоты, без ограничений времени, и выносит суждение, которое может быть повторено в тридцатом веке. **1806**

Эта возвышенная или воздушная отстраненность в отношении к трудам и амбициям людей, пожалуй, лучше всего видна в "Хароне". В этом произведении Лукиан показывает нам идеального зрителя, созерцающего сцену человеческой жизни. Паромщик мертвых, слышавший столько сетований от своих пассажиров по поводу утраченных радостей, хочет взглянуть на этот верхний мир, который, кажется, так трудно оставить позади. Он присоединяется к компании Гермеса, и чудом старого мира они обретают обсерваторию на высоких фессалийских горах, откуда могут некоторое время наблюдать за комедией или трагедией человеческой жизни. **1807** Волшебный стих Гомера дает призрачному гостю возможность наблюдать за происходящим далеко внизу. И что это за зрелище! Это сбивчивое зрелище различных усилий и страстей - люди плавают, сражаются, пашут, дают ростовщические ссуды, судятся в судах. Это также человеческий рой, жалящий и жалящийся. И над всем этим проплывает путаное облако надежд и страхов, глупостей и ненависти, любви к удовольствиям и любви к золоту. Еще выше можно увидеть, как вечные

судьбы прядут для каждого из этой пестрой толпы свою нить. Один человек, вознесенный на мгновение ввысь, с грохотом падает; другой, поднявшись на небольшую высоту, незаметно для себя опускается. И среди всего этого шума и волнения их надежд и тревог смерть любезно забирает их одним из своих многочисленных посланников. И все же они плачут и сетуют, забывая, что были лишь кратковременными обитателями земли и теряют лишь удовольствия мечты. [1808](#) Для Харона пузырьки в фонтане - самый верный образ их призрачной [pg 339] жизни: одни быстро образуются и лопаются, другие набухают для более долгой и показной жизни, но все в конце концов лопаются. Харон так тронут пафосом всего этого, что со своих горных вершин он хотел бы прочесть проповедь глупой толпе и предупредить ее о гибели, которая ждет всех. Но более мудрый и циничный Гермес говорит ему, что у всех, кроме немногих, уши заложены сильнее, чем у команды Одиссея, когда они проходили мимо островов Сирены.

Этот взгляд на человеческую жизнь, наполовину презрительный, наполовину жалостливый, который великий иконоборец всех мечтаний о религии или философии в свое время набросал с присущей ему изобразительной силой, был взглядом той самой философии, которую он высмеивал. Философия во второй раз обратилась с небес на землю. Попытка разгадать загадку мироздания с помощью одной формулы или тонкостей диалектики была оставлена. В "Аукционе жизней" Лукиана, где достоинства различных школ уравниваются и оцениваются в денежном эквиваленте, примечательно, что лишь незначительно и уклончиво упоминаются великие космические или метафизические теории Элеи или Ионии, пифагорейская доктрина чисел, эфесская доктрина вечного потока или идеальная система Платона. [1809](#) Мы видели, что, хотя Сенека проявляет определенный интерес к логике и физике более древнего стоицизма, он считает все чисто умозрительные исследования вспомогательными для нравственного прогресса. Такое же смещение интересов из области умозрения в область поведения еще более отчетливо прослеживается у Эпиктета и Аврелия. [1810](#) Философствующий император, конечно, изучал великие космические системы Гераклита и Эпикура, Платона и Аристотеля. [1811](#) Они служат декорацией или фоном, иногда, особенно у Гераклита, смутно видимым основанием для его теории поведения. Но, несмотря на печальный, утомленный взгляд на мелочность и однообразие краткого промежутка сознания между "двумя вечностями", вся мысль М. Аврелия сосредоточена на том, как достойно провести этот краткий миг. Так, Эпиктет спрашивает: "Какое мне дело до того, состоят ли все вещи из атомов или подобных частей, из огня или земли? Разве недостаточно знать [pg 340] природу добра и зла?" [1812](#) Так же, как во времена Сократа, все напряжение философии направлено на открытие правила жизни, источника нравственной ясности и руководства, с целью формирования или исправления характера.

Сенека и Эпиктет, Лукиан и Аврелий дают мрачную картину морального состояния масс. И мы вполне можем поверить, что, несмотря на великолепие той эпохи, несмотря на великое нравственное движение, бушевавшее среди лидеров общества, масса людей, как и в любую другую эпоху, не имела вкуса к идеалистическим взглядам на жизнь. И все же Сенека, несмотря на свой пессимизм, говорит о множестве людей, протягивавших руки за моральной помощью. Должно быть, существовал определенный спрос на популярное нравоучение, которое является яркой чертой того времени. Люди могли насмехаться над философским миссионером, но, похоже, они толпились, чтобы послушать его на ступенях храмов Рима или Эфеса, на больших площадях [Александрии](#) [1813](#), на колоннадах в Олимпии или под полуразрушенными стенами старой милезийской колонии на Эвксинском [море](#) [1814](#). Стремление носильщиков, кузнецов и плотников вступить в ряды кинических монахов, вызвавшее презрение [Лукиана](#) [1815](#), должно быть, соответствовало какому-то общему

спросу, даже если мотив бродячего миссионера был не из самых чистых. Должно быть, было много примеров нравственной искренности, как у Гермотима, который двадцать лет упорно пытался найти истинный путь жизни и лишь отдаленно видел небесный город. [1816](#) После обращения Диона, как это справедливо назвать, он считает священным долгом призывать людей на путь мудрости убеждением или упреком и обращаться даже к беспокойным массам. [1817](#) Мы увидим, насколько хорошо он выполнял этот долг. В течение почти столетия в Афинах мягкий Демонакс воплощал в себе идеал, который его друг Эпиктет сформировал в кинике, отце всех людей в Боге; его огромное возвышение свидетельствует, по крайней мере, о повсеместном уважении и восхищении таким учением и примером. [1818](#) Нет необходимости [pg 341] предполагать, что люди, которые считали за честь, если Демонокс приглашал себя к их столам, магистраты, которые вставали, чтобы оказать ему почтение, когда он проходил мимо, или буйное собрание, которое было потрясено его присутствием, были в целом людьми, которые заразились его моральным энтузиазмом. [1819](#) В то же самое время они жаждали, чтобы гладиаторские шоу были устроены под сенью Акрополя. Но это нечто, когда люди начинают почитать персонажа, вдохновленного моральными силами, о которых они имеют лишь смутное представление. И среди всего материального великолепия и видимого довольства эпохи Антонинов были признаки того, что люди начинают осознавать великую духовную потребность, которую они часто пытались удовлетворить с помощью накопившихся суеверий. Древняя рутина распалась; формы благочестия предков больше не удовлетворяли даже вульгарных людей; формы древней схоластики стали черствыми и холодными для культурных людей; старые философии оставляли людей в недоумении. Отныне философия должна превратиться в религию; философ должен стать "посланником Бога".

"Нет философии без добродетели; нет добродетели без философии", - сказал [Сенека](#)[1820](#) , и здесь он выразил поистине самую серьезную мысль своего и следующего века. Лукиан в диалоге, который, возможно, является его самым сильным разоблачением провала философии, свидетельствует о безграничных ожиданиях, которые она вызывала у своих приверженцев. Гермотим, пожилой энтузиаст, которого насмешник встречает, спеша с книгами в философскую школу, был пылким учеником в течение двадцати лет; он побледнел и увял от нетерпения. И все же он признает, что сделал лишь один шаг по крутой дороге вверх. Немногие, слабые и усталые, когда-либо достигают вершины. [1821](#) И все же Гермотимус доволен, если в конце усилий всей жизни он, хотя бы на мгновение, вдохнет воздух далеких высот и посмотрит вниз на человеческий муравейник внизу. Такие духи мечтают об апофеозе, подобном тому, что увенчал героя на горе Оэты, когда душа очистится от земных страстей, как от огня, и едва ли останется воспоминание об иллюзиях прошлого. [1822](#) Лициний, его друг, однажды сам имел видение небесного города, из [pg 342] которого изгнаны честолюбие и жадность к золоту, где нет ни раздоров, ни распрей, но граждане живут в глубоком мире трезвой добродетели. Однажды он услышал от одного пожилого человека, что любой человек, богатый или бедный, раб или свободный, грек или варвар, может разделить его гражданство, если только у него есть страсть к благородству и его не одолевают трудности пути. И скептик признается, что уже давно записал бы себя в число его граждан, но город далеко и виден лишь смутно. Дороги, которые, как говорят, ведут к нему, расходятся в самых разных направлениях, то через мягкие луга и прохладные тенистые склоны, то взбираясь по голым суровым скалам под нещадным пеклом. И у входа на каждую аллею стоит шумная толпа проводников, каждый из которых хвастается своим особым мастерством, поносит конкурентов и указывает на единственный верный путь, тайный ключ к которому есть только у него. Похожая сцена, в равной степени иллюстрирующая моральное брожение того времени, зарисована в другом очаровательном произведении. [1823](#) В нем деревенский Пан, с его воспоминаниями о пастушьей трубе и

покое аркадских пастбищ, описывает странную суматоху враждующих сект, которая царит вокруг его пещеры на краю Акрополя. Там, на Агоре, соперничающие учителя, со стекающими со лба каплями и венами, перекрикивают друг друга перед восхищенной толпой. А простодушное старое божество, которому незнаком язык их диалектики, похоже, считает, что победа достается самому громкому голосу и самому вопиющему самоутверждению.

Лукавая насмешка Лукиана, так часто переходящая в пафос, пожалуй, лучшее свидетельство всепоглощающего интереса, который его век испытывал к философии поведения. И это уже не было преследованием только интеллектуальной аристократии. Простые, невежественные люди подхватили страсть к апостольству. Повсюду можно было встретить знакомую фигуру в длинном плаще, с посохом и скрепой, проповедующую на площадях или в переулках толпам безграмотных людей.¹⁸²⁴ И проповедник часто такой же неуч, как и они, покинувший кузницу, столярную мастерскую или тюрьму для рабов,¹⁸²⁵ чтобы с большей или меньшей искренностью провозгласить свое простое евангелие отречения. Лукиан высмеивает ссоры и противоречия школ. И это правда, что старые [pg 343] имена все еще обозначали людей в разных лагерях, или, скорее, церквях. Но их ссоры у Лукиана и [Филострата](#)¹⁸²⁶ кажутся личными, порожденными нефилософскими амбициями и ревностью, жадностью или мелким тщеславием, а не полезными и стимулирующими столкновениями искренних умов, спорящих за то, что они считают великой системой истины. Соперники-софисты под Акрополем ссорились за аудиторию, а не за догму. Научный интерес к философии был в значительной степени мертв. В течение столетий не появилось ни одного великого оригинального мыслителя, который бы возродил его. А в чисто нравственной сфере, к которой теперь сводилась философия, естественной тенденцией различных школ, не исключая даже эпикурейской, была ассимиляция и эклектика.¹⁸²⁷ Все они были беспристрастно одарены в Афинском университете, и молодежь, охваченная энтузиазмом, посещала профессоров всех школ. Аполлоний, хотя и принял в конце концов пифагорейскую дисциплину, продолжал учиться в Эгеях у платоников и [стоиков](#)¹⁸²⁸, и даже у эпикурейцев. Сенека в юности попал под пифагорейское влияние, и он постоянно завершает письмо к Луцилию цитатой из Эпикура. Среди наставников Аврелия были перипатетик Клавдий Север и платоник Секст из Херонеи.¹⁸²⁹ Таким образом, хотя человек во II веке мог быть назван платоником или стоиком, киником или пифагорейцем, по его нравственному учению часто было трудно обнаружить его философское происхождение и родство. И как в современном христианстве, несмотря на сохранение сектантских ориентиров и обозначений, популярная проповедь почти всех сект стремится к определенному единообразию в акцентировании внимания на ограниченном числе важнейших моральных истин, так и проповедь языческой философии почти до изнеможения останавливается на тех же вечных принципах истинной выгоды и потери, иллюзий страсти, свободы через отказ от нее.

Нравственное учение или проповедь эпохи Антонинов, естественно, приспосабливали свой тон к вкусам аудитории; были и лекции в лекционном зале, и более грубые и шумные обращения к толпе. И те и другие проходили под именем философии, и те и другие часто унижали это великое имя жеманством и неискренностью, которые бросали дискредитацию на [pg 344] великое и благотворное движение реформ. Философский лектор, преследующий серьезные моральные цели, теоретически отличается от риторического софиста, который торгует поразительными эффектами, радуется демонстрации своего мастерства на любую тему, пусть даже тривиальную или гротескную, излагает мысли о мошке или попугае или рассуждает о пристойности брака весталки.¹⁸³⁰ Упражнения риторической школы продолжались пятьсот лет, и, оказав огромное влияние на римскую культуру, им суждено было продолжаться с небольшими изменениями до тех пор, пока готы не станут хозяевами

Рима. [1831](#) Жадность, легкомыслие и непомерное тщеславие этих интеллектуальных акробатов являются общим местом литературной истории. [1832](#) Теоретически софист и философ-лектор были разными. Но, к сожалению, масса свидетельств показывает, что во многих случаях лектор-философ становился просто показным ритором. Подобное осквернение серьезной миссии небезызвестно и в наши дни. Виноват в этом зачастую не проповедник, а его аудитория. Если люди приходят не за тем, чтобы стать лучше, а за тем, чтобы их развлекали, чтобы их уши успокаивали плавными речами, чтобы неглубокое интеллектуальное любопытство возбуждалось дешевыми демонстрациями словесных тонкостей и новизны, то несчастный проповедник часто опускается до уровня своей аудитории. И в том древнем мире, по свидетельству Сенеки, Мусония, Плутарха и Эпиктета, философский проповедник слишком часто подвергался искушению завоевать вульгарные аплодисменты вульгарным риторическим искусством. [1833](#) Иногда он был человеком не очень серьезных целей, не обладавшим ни настоящей наукой, ни оригинальностью. Он был воспитан в школе риторики, которая презирала все серьезные мысли и обожествляла мастера пышных периодов и гениальных оборотов речи. Кроме того, он слишком часто был просто тщеславным и корыстным авантюристом, торгующим на скудном запасе философских традиций и безграничном владении разносторонней риторикой, культивирующим интеллектуальную дерзость как изящное искусство, но при этом раболепно жаждущим аплодисментов своей аудитории. [1834](#) Многие сцены из поблекшей истории их неудач или тщетных триумфов дошли до нас [pg 345] от Плутарха, Эпиктета и Филострата. [1835](#) Иногда пустота на скамьях, вялый, невнимательный воздух, медленные слабые аплодисменты отправляли тщеславного проповедника домой с мрачными опасениями за свою популярность. В другие дни он был вознесен на седьмое небо восторженной толпой, которая сопровождала каждый ловкий поворот речи криками и жестами восторга, а также надуманными предисловиями одобрения. По окончании спектакля исполнитель-философ расхаживает среди своих поклонников, чтобы получить от них новые слова благодарности. "Ну, что вы обо мне думаете?" - "Совершенно чудесно, клянусь всем, что мне дорого." - "А как вам понравился отрывок о Пане и нимфах?" - "О, превосходно!" Именно так настоящий победитель душ описывает самозванца. [1836](#) Даже уважаемые преподаватели не гнушались дополнять эффект своих лекций тщательно отшлифованным красноречием, изысканным туалетом и утонченным достоинством. Таким придворным философом был Евфрат, сирийский стоик, с которым Плиний познакомился во время своей службы на Востоке. Евфрат был статным и красивым, с всклокоченными волосами и бородой, а его манера поведения вызывала благоговение, но не подавляла слушателя. [1837](#) Безупречный в своей жизни, он осуждал грех, но был милосерден к грешнику. Плиний, приятный человек, не имевший серьезных пороков, которые нужно было исправлять, нашел Евфрата очаровательным лектором, с тонким и витиеватым стилем, который пришелся ему по вкусу. Он относится к Евфрату скорее как к ритору, чем как к философу с торжественным посланием. Для таких серьезных моралистов, как Сенека, Мусоний, Плутарх и Эпиктет, показушный профессор искусства искусств был оскорблением. С их возвышенным представлением о задачах практической философии они могли испытывать лишь презрение или негодование к отполированному до блеска изысканному человеку, который обрезает или раздувает свои периоды, чтобы угодить ушам модной публики. Все они осуждают подобные выступления почти в одинаковых выражениях. Миссия истинной философии - заставить людей исследовать себя, вызвать стыд, боль и покаяние, открыть закон жизни и нравственной свободы, который может привести к исправлению и миру. [1838](#) [pg 346] "Нет ничего хорошего в бане или в рассуждениях, которые не очищают". Истинный ученик и истинный учитель будут слишком поглощены серьезностью дела, чтобы думать об удовольствии от простого стиля. Делать эстетический эффект предметом таких

бесед, когда на карту поставлена судьба характера, значит превращать школу в театр или музыкальный зал, а философа - в флейтиста. [1839](#)

Объем и единодушие этих критических замечаний в адрес философа-риторика показывают, что таких людей было много; но они также показывают, что должна была существовать огромная масса серьезных учителей, которых они пародировали. Возможно, слишком мало признается, что в первом и втором веках параллельно с евангелизацией Церкви велась большая пропаганда языческой морали. [1840](#) Проповедь была очень разного рода, в зависимости от характера аудитории. Проповедники, как мы уже говорили, принадлежали к разным школам, стоикам или платоникам, киникам или пифагорейцам; иногда, как Дион, они вообще не были приверженцами академических взглядов. Иногда проповедь приближалась к современным представлениям о своей [должности](#) [1841](#) ; в других случаях она касалась тем и использовала стиль, неизвестный нашим кафедрам. [1842](#) Жизнь Аполлония Тианского может быть романом; она, конечно, содержит много рассказов о чудесах и диковинах, что ставит под сомнение ее историческую ценность. Однако даже роман должен иметь за собой реальные факты, чтобы придать ему правдоподобность, а проповедь Аполлония, по крайней мере, кажется принадлежащей к миру реальности. Аполлоний, вероятно, был гораздо ближе к истинному церковнику и священнику современности, чем любой древний проповедник. Он был обучен всем философиям, он черпал вдохновение из источника всей духовной религии - Востока. Он был одновременно мистиком и ритуалистом. Он радовался общению с брахманами и занимался возрождением или реформой ритуала в бесчисленных греческих и итальянских храмах. [1843](#) Он обладал огромной и любопытной верой в древние легенды. [1844](#) Человек, который мог заниматься [pg 347] восстановлением истинной античной формы устаревшего обряда в Элевсисе, Афинах или Додоне, также придерживался представлений о молитве, жертвоприношении и мистическом общении с Богом, которые могли показаться непримиримыми с любым жестко формальным поклонением. [1845](#) Ритуалист был также проповедником высшей морали. Со ступеней храмов он, как и Дион после него, обращался к большим аудиториям, рассказывая об их выдающихся недостатках. В притче о воробье, который своим щебетанием призвал своих братьев к куче рассыпавшегося зерна, он учил жителей Эфеса долгу братской помощи. [1846](#) В Смирне, раздираемой междоусобными распрями, он проповедовал соперничество общественного духа. [1847](#) Даже в Олимпии, перед толпой, увлеченной распрями гонщиков, боксеров и атлетов, он говорил о мудрости, мужестве и воздержании. [1848](#) В Риме, под тиранией Нерона, он переходил от храма к храму, вызывая религиозное пробуждение своей проповедью. [1849](#) Один текст, возможно, содержит истину для всех поколений: "Моя молитва перед алтарями - дайте мне, боги, то, что мне причитается". [1850](#) Какой эффект на массы оказала такая проповедь, мы не можем сказать - кто может сказать в любое время? Но есть хорошо известные случаи обращения отдельных людей под влиянием языческой проповеди. Полемон, сын богатого афинянина, был очень беспутным юношей, растратившим свое богатство на низкие удовольствия. Однажды, придя с какого-то праздника, он вместе со своими спутниками ворвался в аудиторию Ксенократа, который как раз читал лекцию о воздержании. Ксенократ спокойно продолжал свои рассуждения. Подвыпивший юноша немного послушал, а затем сбросил с себя гирлянду, а вместе с ней и свои дурные наклонности; [в 1851 году](#) он стал главой Академии. Аналогичное изменение произвело учение Аполлония в развратном юноше из Корсиры, в чем не приходится сомневаться, хотя оно и сопровождалось [чудом](#) [1852](#).

Мусоний, другой проповедник, был младшим современником Аполлония. Его слава апостола философской жизни вызвала подозрения Нерона, и он был сослан в Гиару. [1853](#) [pg 348] Подозрения могли быть подтверждены его близостью с Рубеллием Плавтом и великими стоиками вроде Фрасея. [1854](#) Он встретил более мягкое отношение при Флавианах, [1855](#) и,

вероятно, увидел правление Траяна. Известно, что он ничего не написал. Фрагменты его учения в "Стобее", вероятно, взяты из записей его лекций, как учение Эпиктета было сохранено Аррианом. Мусоний - не философ-спекулянт, а врач душ. Философия - это путь к добру: добро - цель философии. И философия не является монополией интеллектуальной касты; это дело наставлений и практики, а не теории. Истинный учитель нравственности, работая над зародышем добродетели, который есть в каждой человеческой душе, думая только об исправлении своих учеников, а не об аплодисментах, может привести их к своему идеалу. Мусоний подкрепил строгие стоические и кинические заповеди аскетической дисциплиной пифагорейской школы. Он учил прощать обиды и быть мягким к обидчикам. Он один из немногих в античном мире, кто имеет представление об отдаленном идеале сексуальной добродетели. Хотя его аскетические принципы не заставляют его смотреть сквозь пальцы на благородный брак, он осуждает всякое безбрачие и требует равной добродетели от мужчины и женщины. ¹⁸⁵⁶ Он был, по словам Эпиктета, ищущим проповедником. Он обращался к совести, так что каждый слушатель чувствовал себя так, словно его собственные недостатки были выставлены перед его глазами. Его имя навсегда останется на страницах Тацита. Когда войска Веспасиана и Вителлия сражались в переулках и садах под стенами Рима, Мусоний присоединился к посланцам сената и, рискуя жизнью, рассказывал разъяренным солдатам о благах мира и ужасах гражданской войны. ¹⁸⁵⁷ Многие из моральных трактатов Плутарха, вероятно, были отредактированы на основе записей лекций, прочитанных в Риме. Как мы увидим в следующей главе, Плутарх - скорее моральный наставник и теолог, чем проповедник. Но его широкое знание человеческой природы, его острый анализ характера, мотивов и человеческих слабостей, его духовная пронизательность в обнаружении лекарств и источников силы, прежде всего его возвышенный нравственный идеал, сделали бы его сильным проповедником в любую эпоху мира. Но именно в [pg 349] рассуждениях Максима Тирского мы имеем, пожалуй, самое близкое приближение к нашему представлению о проповеди в древности. Вероятно, если бы кого-нибудь из нас попросили объяснить эту концепцию, он мог бы сказать, что проповедь основана на определенном представлении об отношении человека к Бесконечному Духу, что ее цель, с одной стороны, привести человека к общению с Богом, а с другой - научить его долгу перед ближними и перед самим собой. Дискурсы Максима обладают всеми этими характеристиками. Максим Тирский сейчас мало известен, и хотя для историка мысли и нравственной жизни он привлекателен, он не обладает силой великой личности. Однако вместе с Плутархом он показывает нам язычество в его лучшем виде, стремящееся реформировать себя, ищущее новые источники духовной силы, пытающееся соединить новые и более чистые духовные идеалы с избитой мифологией прошлого. Максим очень похож на одного из наших проповедников, который считает своим долгом назидать духовную жизнь своей паствы, не отрекаясь от религиозных традиций прошлого и не отказываясь принимать постоянно расширяющееся откровение Бога. Некоторые его рассуждения могут показаться нам фригидными и схоластичными, скорее литературными, чем религиозными. Но в других есть сочетание систематического богословия с мистическим пылом и нравственной целью, которые, кажется, вряд ли принадлежат древнему миру. ¹⁸⁵⁸

В своей оратории к [александрийцам](#) ¹⁸⁵⁹ Дион Хризостом с незаслуженной язвительностью отзывается о киниках, грубыми шутовскими речами изводящих зияющую толпу на площадях и в переулках или на папертях храмов. Он считает, что эти люди не приносят никакой пользы, а скорее вызывают презрение к имени философии. Вряд ли стоит напоминать читателю, что такой взгляд на профессию киника был весьма распространен в ту эпоху. Вульгарный киник с неопрятной бородой, в мантии, с кошельком и посохом, грязный, грубый и непристойный, оскорбляющий наглыми вопросами каждого прохожего, обменивающийся грубыми шутками и насмешками с толпой бродяг, которая собирается при его приближении, - самая

распространенная фигура в греческой и римской литературе того времени. Языческие "монахи-подвижники" были обрисованы со всеми пороками собаки и обезьяны Марциалом и Петронием [pg 350] и Сенекой, Дионом и Афинею, Алкифором и Эпиктетом, и прежде всего Лукианом. 1860 Великий противник всякой экстравагантности или энтузиазма в религии и философии с особой горечью относился к поздним последователям Диогена. Его враждебность, как мы можем предположить, направлена не против их догматов, а против их недостатка достойной культуры. В "Банкете" киник Алкидамас нарисован с грубой силой, которая должна соответствовать грубости темы. Он без приглашения врывается на званый обед к Аристанету, к ужасу компании, мечется по комнате, выхватывая куски из блюд, проносящихся мимо него, и наконец опускается на пол возле огромного кувшина с крепким вином. Он пьет за невесту без всякой элегантности, вызывает шута на поединок и, когда в непристойной суматохе гаснет светильник, наконец, обнаруживается в попытке обнять танцующую девушку. 1861 Но самая ожесточенная атака Лукиана на это сословие, пожалуй, прозвучала в диалоге "Беглецы". Философия в виде женщины, обливающейся слезами, предстает перед Отцом богов. Добросердечный владыка умиляется ее горю и спрашивает о его причинах. Философия, которой Зевс поручил нести исцеление и мир в человеческую жизнь во всем ее смятении, невежестве и насилии, рассказывает историю своих злоключений. 1862 Это картина вульгарного притворства, которым было опорочено и обесчещено ее честное имя. Наблюдая за любовью и почитанием, которые ее истинные слуги могут завоевать у людей, команда невежд, обученных самым низким ремеслам, оставила их, чтобы принять одежду и имя ее настоящих последователей. 1863 Это приятная перемена от жизни, полной трудов, опасностей и лишений, к легкому бродяжничеству, и это превращение не является трудным. Плащ и дубинка, громкий голос, наглое лицо и богатый запас грязных ругательств - вот все необходимое. Наглая самоуверенность имеет обычный успех у толпы, которая не способна разглядеть маскировку. Если кто-то пытается оспорить [pg 351] притязания самозванцев, ему отвечают ударом или насмешкой. Таким образом, с помощью террора или обмана они узурпируют уважение, причитающееся настоящему философу, и умудряются жить в достатке и даже в роскоши. И это еще не самое худшее. Ведь эти притворные аскеты, исповедующие презрение к наслаждениям и терпение всех трудностей, на самом деле являются грубыми обычными чувственниками, которые развращают и соблазняют. Многие из них сколачивают состояние в своих странствиях, а затем прощаются со скудостью, плащом и бадьей Диогена. И вот простые неученые люди начинают относиться к самому имени философии с ненавистью и презрением, и вся ее работа распадается, как еще одна паутина Пенелопы. 1864

Даже самый стойкий защитник кинического движения в целом вынужден признать, что обвинения против киников, возможно, во многих случаях были правдой. 1865 Это движение было особенно привлекательным для беззаконных, беспокойных прихлебателей общества, которые находили в открытом пренебрежении социальными ограничениями и бродячем существовании поле для свободы и возможность наживы. Некоторые из великих киников, действительно, интересовались физическими спекуляциями и были широко образованными людьми. 1866 Но киническое движение в целом не опиралось на научную традицию, и самому серьезному и эффективному проповеднику его доктрины требовалось лишь твердое знание нескольких простых истин, владение меткой и язвительной фразой. 1867 Не было профессионального барьера, чтобы исключить невежественного и продажного притворщика. Ведь киники, в силу самой природы своей миссии и целей, никогда не создавали организованных школ или обществ. Каждый шел своим путем в полной отрешенности. Для поверхностного наблюдателя единственной общей связью и характеристикой были чисто внешние признаки одежды, грубая осанка и показное презрение к самым обычным удобствам и приличиям жизни, которые легко могли принять на

себя плут и распутник. Поэтому со временем, хотя хорошие киники, такие как Демонакс или Деметрий, приобрели заслуженное влияние, жадность, разнузданность и жестокое [pg 352] насилие других сильно дискредитировали их имя. Эпиктет, у которого был возвышенный идеал кинического проповедника как посланника Бога, бесстрастно обличает грубые пороки претендентов на это высокое служение. 1868 Однако очевидно, что некоторые из самых серьезных обвинений, которые были разработаны развратным воображением, были, по нездоровой традиции, возведены даже на величайших и лучших из киников. 1869 А С. Августин, ссылаясь на эти нецензурные обвинения, с благородной прямоотой утверждает, что они не могли быть действительно выдвинуты против киников его собственного времени. 1870 Более того, римская природа никогда не относилась очень доброжелательно, даже в некоторых культурных кругах, к чему-либо под именем философии. 1871 Даже М. Аврелий не смог полностью избавиться от подозрений, с которыми к ней относились. А восстание Авидия Кассия в какой-то степени было вспышкой нетерпения по отношению к доктринерскому духу философа-аникула, как осмелился назвать его Кассий. 1872 И в движении киников было много такого, что особенно провоцировало обычного человека. Оно бросало перчатку материализованному веку. Оно проповедовало абсолютный отказ от всех социальных связей и обязанностей, от всех удовольствий и утонченности, которыми это общество себя окружило. В эпоху, которая даже на своих надгробных камнях несет печать накрахмаленной условности и приверженности привычкам и обычаям, киник был вызывающим бунтарем против всех социальных ограничений. В эпоху, которая становилась все более суеверной, он не стеснялся нападать на веру в богов, действенность мистерий, достоверность древнейших оракулов. 1873 И, наконец, если философия в целом после Домициана находила поддержку и покровительство при императорском дворе, то ни один император не оказывал киникам поддержки вплоть до Сирийской династии III века. 1874 Мы имеем здесь, несомненно, достаточное количество причин для того, чтобы колебаться [pg 353] принятии всеобщего осуждения класса людей, которые, вместо того чтобы обезоружить оппозицию, скорее, превозносят себя, провоцируя ее.

Хороший пример безжалостного и не совсем щепетильного отношения современников к киникам можно найти в рассказе Лукиана о смерти Перегрин. 1875 Перегрин был уроженцем Парима на Пропонтисе и человеком с большим состоянием. Он любил называть себя Протеом, и, действительно, странные перипетии его карьеры оправдывали принятие этого имени. 1876 Достигнув зрелого возраста, он скитался из страны в страну, а в Палестине присоединился к христианскому братству, в котором приобрел большое влияние, что вызвало подозрение правительства, и на некоторое время он был брошен в тюрьму. 1877 Его преследование вызвало, как безропотно признает Лукиан, всю бесстрашную любовь и милосердие поклонников "распятого софиста". Освобожденный философски настроенным правителем типа Галлиона, он отдал остатки отцовского имущества в размере пятнадцати талантов родному городу. 1878 Перегрин уже принял своеобразную одежду киника и отправился в новые странствия, разорвав из-за некоторых разногласий в вопросах ритуала связь с христианским братством. Тогда он попал под влияние египетского аскета и мистицизма Востока. Во время визита в Италию он приобрел известность своими яростными инвективами, которые не пощадили даже безупречного и кроткого Антонина Пия. 1879 Сам император не обращал на него внимания, но префект города решил, что Рим вполне может обойтись без такого философа, и Перегрину пришлось вернуться на Восток. Отныне Греция, и особенно Элида, была местом его трудов. Он не ослаблял своей энергии, беспристрастно выступая с обличениями и не щадя даже философствующего миллионера Герода Аттика за то, что тот обеспечивал посетителей Олимпии роскошью чистой воды. 1880 Он даже пытался подстрекать Грецию к вооруженному восстанию. Его слава и власть среди кинического братства были на пике, а может быть, и начинали ослабевать, когда [pg 354] ему пришла в

голову идея наэлектризовать мир и продемонстрировать триумф философии даже над смертью путем самосожжения в Олимпии. Там, на глазах у собравшихся со всех концов людей, подобно Гераклу, великому образцу киников, на горе Оэте, он решил уйти из жизни в пылании и славе погребального костра, зажженного его собственной рукой. И, возможно, какой-нибудь брат-киник с редким почерком пустил в ход сивиллины, которыми изобиловали те времена, повелевая людям готовиться к почитанию другого героя, которому вскоре предстояло воцариться вместе с Гераклом на широком Олимпе.

Такая карьера, двусмысленная, возможно, при самом милосердном подходе, привлекала внимание человека, который искренне верил, при всей своей настойчивости, что и религия, и философия прошлого изжили себя и теперь лишь эксплуатируются грубыми авантюристами в корыстных или честолюбивых целях. Более того, "Филоктеты" киника Геракла, его ученика Теагена, собирали большие аудитории в гимнасии Траяна в Риме. [1881](#) Самоубийство их вождя придало киническому братству новое вдохновение. Кто знает, может быть, вокруг его имени сложится легенда, ему воздвигнут алтари, и древний блеск "мерцающего Олимпа" будет способствовать прославлению бескультурных людей, которые оскверняют имя философии и оскорбляют культуру?

Невозможно не понять холодный безжалостный дух, в котором Лукиан, по его собственному признанию, взялся за разоблачение того, что он искренне считал притворным энтузиазмом. Даже любитель Лукиана испытывает своего рода шок от того, что в его обращении с киническим апостолом иногда звучит почти жестокая жесткость. Если проанализировать рассказ Лукиана о юношеских преступлениях Перегринуса, становится ясно, что обвинитель анонимен, а другие имена и подробности тщательно скрываются. [1882](#) Для самых серьезных обвинений в разврате юности не приводится никаких доказательств или авторитетов; они кажутся порождением тех сплетен, которые могут напасть на любой характер. Это обвинения, которые свободно распространялись в эпоху Перикла и Аврелия, в эпоху Эразма и Мильтона. Должно быть, в человеке, который стал великим лидером и пророком среди христиан Палестины и которому поклонялись почти как богу, было что-то по крайней мере [pg 355] замечательное и увлекательное, хотя и омраченное [экстравагантностью](#) [1883](#). Когда его бросили в тюрьму, его вдовы и сироты дежурили у ворот; его тюремщиков подкупили, чтобы они впустили кого-нибудь из братьев, чтобы утешить его одиночество; с городов Азии были собраны большие суммы на его поддержку и защиту. [1884](#) Передача отцовского имущества родному городу, акт щедрости, имевший много аналогов в ту эпоху, объясняется не более чем желанием замаять слух, что Перегринус убил своего отца. Это обвинение, очевидно, не имело под собой ничего более существенного, чем злобная сплетня. [1885](#) Переход Перегринуса из христианского в киническое братство не был столь поразительным в ту эпоху, как это может показаться нам. Переходы туда и обратно не были редкостью между обществами, которые объединяли аскетизм и презрение к миру. [1886](#) Более того, Лукиан, при всем своем тонком гении, был не в состоянии понять силу религиозного энтузиазма. Совершенно ясно, что Перегрин не был обычным киником; он почувствовал на себе чары восточного и пифагорейского мистицизма. Его кинизм, вероятно, был окрашен религией того же типа, что и у Аполлония Тианского. [1887](#) И именно неспособность оценить пыл этого мистического восторга у Перегринуса и его учеников ввела Лукиана в заблуждение и сделала его рассказ недостоверным.

Лукиан предполагает, что, посетив Олимпию в четвертый раз, он обнаружил, что влияние Перегринуса пошло на убыль. [1888](#) Однако даже из рассказа самого Лукиана ясно, что Перегрин и его дела привлекали почти столько же внимания, сколько и игры. По прибытии Лукиана первое, что он услышал, был слух о том, что великий киник решил умереть на

пылающем костре, подобно герою, который был мифическим покровителем школы. Перегрин утверждал, что своим [pg 356] замурованием он собирается самым впечатляющим образом научить людей относиться к смерти с легкостью. И многие киники читали проповеди на эту тему, самым великим проповедником был Теаген, к которому Лукиан испытывает особую неприязнь. Конечно, было много скептиков, как и сам Лукиан. И именно в уста одного из этих врагов секты, в ответ Теагену, Лукиан вложил клеветническую версию жизни Перегрин, [1889](#) на которую мы уже ссылались.

Лукиан с самого начала предполагает, что самомученичество Перегрин было вызвано простой вульгарной любовью к славе. [1890](#) Однако вполне возможно, что это несправедливое суждение. Стоическая школа, с которой киники были так близки, допускала, что при определенных обстоятельствах самоубийство может быть не только допустимым, но и достойным, более того, даже славным актом самоосвобождения. [1891](#) Сенека часто с радостью смотрел на него как на всегда открытую дверь спасения от бесчестия или пыток. Блестящий стоик Евфрат, любимец римского общества, изможденный возрастом и болезнями, искал и получил разрешение Адриана выпить болиголова. [1892](#) А сам император в последней болезни выпросил лекарство у своего врача, который покончил с собой, чтобы избежать соблюдения правил. [1893](#) Диоген вручил кинжал своему любимому ученику Антисфену, когда его замучила болезнь. [1894](#) Бремя кинической проповеди заключалось в небытии вещей смысла и презрении к смерти. Не может ли быть, что то, что Лукиан услышал из уст самого Перегрин, было правдой и что он, возможно, по смешанным мотивам, хотел своим поступком показать людям, как можно равнодушно относиться к последнему ужасу человечества?

То, что конец Перегринуса был окружен суевериями и превознесен грандиозными эффектами, более чем вероятно. Такие вещи были свойственны духу эпохи. А спокойный, критический здравый смысл Лукиана, не сочувствовавший этим слабостям, не видел в происходящем ничего, кроме расчетливого самозванства. Уже распространялись оракулы, в которых Пере [pg 357] grinus предстал в образе феникса, восставшего невредимым и помолодевшим с костра, предсказывая, что он будет духом-хранителем ночи, что в его честь будут воздвигнуты алтари и что он будет творить чудеса исцеления. Теаген провозгласил сибиллинский стих, призывающий людей, "когда величайший из киников взойдет на возвышенный Олимп, воздать почести ночному герою, восседающему рядом с Гефестом и князем Гектором". [1895](#) Лукиан оказался зажат в плотной толпе, пришедшей послушать последнюю апологию кинического апостола. Кто-то аплодировал, а кто-то обличал его как самозванца. Лукиан почти ничего не слышал в этой толпе. Но время от времени над ревом он слышал, как бледный, дрожащий старик говорит толпе, что, прожив жизнь, как Геракл, он должен умереть, как Геракл, и слиться с эфиром, "завершив золотую жизнь золотым концом". [1896](#) Лукиан думал, что его бледность вызвана ужасом перед близостью смерти. Скорее всего, это был результат аскетического рвения и чрезмерного возбуждения. Зрелище вызвало у Лукиана приступ довольно жестокого [смеха](#)[1897](#).

Заключительная сцена, происходившая в двух-трех милях от Олимпии, была заказана с торжественным религиозным эффектом. Она, очевидно, поразила воображение даже скептика. Был подготовлен высокий костер с факелами и охапками. Когда взошла луна, добровольная жертва появилась в одежде своей секты, окруженная ведущими учениками. Затем он разделся, возлил благовония на пламя и, обратившись к югу, воскликнул: "Демоны моего отца и моей матери милостиво примите меня". После этих слов он прыгнул в пламя, которое тут же охватило его, и больше его не видели. [1898](#) Братья-кинники долго стояли, глядя на костер в безмолвной скорби, пока Лукиан не вызвал их гнев несколькими насмешками,

возможно, не в лучшем вкусе. Возвращаясь в Олимпию, он размышлял о глупости людей и жажде пустой славы.¹⁸⁹⁹ Для Лукиана в этой трагической сцене не было ничего больше. По дороге он развлекался тем, что создавал миф и наблюдал, как он будет развиваться. Некоторым, кто встретил [pg 358] его на дороге, опоздав на зрелище, он рассказал, как, когда костер вспыхнул, произошло сильное землетрясение, сопровождаемое подземным громом, и из огня поднялся стервятник, провозгласивший высоким человеческим голосом, взмывая в небо: "Я оставил землю и иду на Олимп."¹⁹⁰⁰ Бедные глупцы, на легковерии которых Лукиан бессердечно играл, с трепетом стали расспрашивать его, куда летит птица - на восток или на запад. И, вернувшись в Олимпию, он был вознагражден так, как ему больше всего нравилось, обнаружив, что сказка, которую он лелеял, уже полностью выросла. Один почтенный человек, с которым он столкнулся, рассказал, что своими глазами видел стервятника, поднявшегося с костра, и добавил, что только что встретил самого Перегрин, который шел по "семиголосой обители", одетый в белое одеяние и с оливковым венком на голове.¹⁹⁰¹

Картина смерти Перегрин у Лукиана, что бы мы ни думали о ее справедливости и пронизательности, чрезвычайно ценна не только тем, что проливает свет на отношение Лукиана ко всем формам экстравагантности и суеверия. Несмотря на свое презрение к ним, он сам показывает, что киники были большой популярной силой. Мы также видим, что кинизм, несмотря на свой в целом деистический дух, иногда сочетался с реальными или аффектированными религиозными чувствами. Что касается реального характера Перегрин, то есть основания полагать, что Лукиан читал его не совсем верно. Впечатление, которое киник произвел на Аулуса Геллия, было совсем иным. Когда Геллий в студенческие годы жил в Афинах, он часто навещал Перегрин, который тогда жил в маленькой хижине в пригороде, и находил беседы киника полезными и высокопарными. В частности, Перегрин говорил своим слушателям, что возможность явного уклонения или сокрытия никогда не соблазнит мудрого человека на грех. Сокрытие действительно невозможно, ибо, по словам Софокла, "Время, всевидящее и всеслышающее, обнажает все тайны". Очевидно, у Перегрин были и другие поклонники, кроме братьев-киников, приветствовавших его апофеоз в Олимпии.¹⁹⁰² Кто в такую эпоху может провести границу между фанатиком и самозванцем?

Горечь, с которой Лукиан поносит киников [pg 359] своего времени, хотя и оправдывается скандальными нравами некоторых из них, свидетельствует о всемирном влиянии секты. Ряды этих грубых полевых проповедников не привлекли бы столько самозванцев, если бы эта профессия не обладала огромной силой и влиянием на массы. Более древний кинизм, возникший на основе более простого и популярного аспекта сократовского учения, давно исчез. Его место заняла стоическая система, которая дала широкое и тщательно разработанное научное обоснование учению о свободе и независимости добродетельной воли. Правила поведения выводились из четко сформулированной теории мироздания и человеческой природы и излагались со всей ловкостью законченного диалектика. Поздний стоицизм, как мы видели, подобно другим школам, был склонен пренебрегать теорией в стремлении сформировать добродетельный характер - тенденция, которая достигла своего апогея у Мусония и Эпиктета. Но по мере того, как стоицизм становился менее научным, он все больше и больше возвращался к духу и методу более древнего кинизма. Настоящий, искренний киник кажется почти философским идеалом Эпиктета. Таким образом, в первом веке после Рождества Христова кинизм вышел из своей долгой безвестности, чтобы занять место довольно односторонне популярного стоицизма. Это была действительно остроумная

или сенсационная проповедь нескольких великих моральных истин, общих для всех школ, которых настоятельно требовало состояние общества. [1903](#)

Идеал кинической жизни с нежным энтузиазмом нарисовал Эпиктет. [1904](#) Истинный киник - это посланник Зевса, чтобы сказать людям, что они заблудились вдали от верного пути, что они ищут счастья там, где его не найти. Его не найти ни в славе консульств, ни в золотом доме Нерона. [1905](#) Оно лежит рядом с нами, но в последнем месте, где мы когда-либо искали его, - в нас самих, в ясном видении правящих способностей, в свободе от рабства мнимому благу, вещам смысла. [1906](#) Эта проповедь должна была быть также проповедью на примере. [pg 360] Евангелие отречения дискредитировалось из века в век, когда оно звучало из уст человека, укутанного в пуховый комфорт, который никогда ни от чего не отказывался в своей жизни и беспечно указывает своей пастве на крутую дорогу, по которой он никогда не собирался ступить своими собственными ногами. Но киник Эпиктет, имеющий истинное призвание, мог бы указать на себя, без дома, жены и детей, без города, без имущества, оставившего все ради нравственной свободы. [1907](#) Он сделал это по призыву Бога, а не из простого каприза или желания незаконно скитаться по окраинам общества. [1908](#) Он сделал это потому, что состояние мира требует такого сурового самоограничения от вождя, который сохранил бы дисциплину армии, ведущей отчаянную битву. Это бой, подобный олимпийским схваткам, с которым ему предстоит столкнуться, и горе тому, кто вступит в него неподготовленным. [1909](#) Забота о жене и детях не для того, кто возложил на себя заботу о семье человека, кто должен утешать, наставлять и направлять их на правильный путь. [1910](#) Все мирские любви и связи должны быть отброшены тем, кто утверждает, что является "шпионом и глашатаем Бога". Киник - отец всех людей; мужчины - его сыновья, женщины - его дочери. [1911](#) Когда он обличает их, то делает это как отец в Боге, служитель Зевса. Он также не может принимать участие в управлении земным государством, которое является ничтожным делом по сравнению с тем служением, которое ему поручено. Как может он вмешиваться в управление Афинами или Коринфом, если ему приходится иметь дело с нравственной судьбой всего человеческого содружества. [1912](#) Владея в себе самом секретом счастья и горя, он никогда не опускается до вульгарной борьбы, где его могут одолеть самые низменные и убогие духи, за предметы, которые он приучил себя считать абсолютно безразличными или ничего не стоящими. Таким образом, он защищен от злобы судьбы, подлости и жестокости людей. Он спокойно перенесет удары или оскорбления, посланные Зевсом, как Геракл с радостью и триумфом переносил тяготы, которые возлагал на него Эврисфей. Истинный киник будет даже любить тех, кто издевается и оскорбляет его. [1913](#) Он также будет походить на своего героя-покровителя [pg 361] свежей стройной силой своего тела, которая является даром воздержания и долгих дней, проведенных под открытым небом. [1914](#) Кроме того, у него будет совесть чище солнца, чтобы, будучи в мире с самим собой и будучи уверенным в дружбе богов, он мог со всей смелостью говорить своим братьям и детям. [1915](#) Именно в таком нравственном служении нуждалась эпоха, и, несмотря на незаслуженную клевету и реальный позор многих продажных самозванцев в ее рядах, миссионерское движение киников отличалось несомненной силой и размахом. Сходство киников с раннехристианскими монахами и аскетами во многих отношениях часто замечалось, и люди иногда переходили из одного лагеря в другой без всяких насильственных ключей. [1916](#) Ритор Аристид, яростно нападая на секту киников, упрекает их в том, что они имеют много общего с "нечестивцами в Палестине". Татиан и другие гностические аскеты были в тесной связи с ведущими киниками. [1917](#) О том, как легко они были приняты в лоно Церкви, можно судить по рассказу Максима, египетского киника IV века, который продолжал носить отличительные знаки философского братства, пока не был поставлен епископом Константинополя. [1918](#) А современные восхваления кинической добродетели Иоанном Златоустом и Фемистием свидетельствуют сразу о важности

движения, сила которого не иссякала до падения Западной империи, и о его сходстве с родственным движением христианского аскетизма.

Эти "посланники Бога", как они утверждали, мало заботились, подобно Святому Павлу, о "мудрости мира", о причудах поэтов и о тех великих космических теориях, которые позволили Сенеке поддержать или возродить его нравственную веру. За редким исключением, таким как Эномай из Гадары, они редко излагали свои идеи в письменном виде. ¹⁹¹⁹ Вместо стройной диалектики стоиков они заменили острую язвительную эпиграмму и живую перепалку, которой предавался даже мягкий Демонакс. ¹⁹²⁰ Деметрий, переживший царствование Калигулы и Домициана, ¹⁹²¹ был человеком действительно влиятельным и выдающимся. Его почитал [pg 362] Сенека как нравственного учителя, обладающего огромным влиянием, "великого человека, даже если сравнивать его с величайшими" ¹⁹²², который жил в соответствии с самыми суровыми советами, которые он давал другим. Он с радостной стойкостью переносил холод, наготу и тяжелые условия жизни, он был человеком, которого не смог развратить даже век Нерона. Его бедность была подлинной, и он никогда не попрошайничал. ¹⁹²³ Он не придавал большого значения философской теории по сравнению с усердным применением нескольких проверенных и хорошо усвоенных наставлений. ¹⁹²⁴ Однако на нем было клеймо культуры, и однажды, когда его вкус был оскорблен плохим, бестактным читателем, который испортил отрывок из "Вакхов", он выхватил книгу из его рук и разорвал ее в клочья. ¹⁹²⁵ Хотя он презирал подстриженное, искусственное красноречие школ, в нем был огонь и импульс настоящего оратора. ¹⁹²⁶ Не имея большого вкуса к абстрактным размышлениям, он утешал последние часы Фрасеи в тюрьме рассуждениями о природе души и тайне ее отделения от тела во время смерти. ¹⁹²⁷ На некоторое время он заключил тесный союз с бродячим иерофантом философии Аполлоном Тианским, которых, вероятно, связывали общий аскетизм и общая ненависть к императорской тирании. ¹⁹²⁸ Ибо Деметрий, если и не был революционером, то был лидером философской оппозиции, которая нападала на императоров не столько в их политическом качестве, сколько потому, что они слишком часто представляли и стимулировали моральное беззаконие и материализм эпохи. Мы должны сочувствовать Деметрию, когда он смело встретил опасный взгляд Нерона словами: "Ты угрожаешь мне смертью, а природа угрожает тебе". ¹⁹²⁹ Но наши симпатии будут скорее на стороне Веспасиана, простого старого солдата, который, когда Деметрий открыто оскорбил его, отнесся к "кинической коре" со спокойным презрением. ¹⁹³⁰ По правде говоря, императоры Флавиев, вплоть до изгнания философов Домицианом, в целом, похоже, были снисходительны к откровенной свободе киников. ¹⁹³¹ Иногда, однако, дерзкого цензора приходилось сдерживать в интересах [pg 363] власти. Однажды, когда Тит находился в театре с еврейкой Береникой рядом, киник, носивший имя основателя секты, в длинной горькой оратории выразил народное чувство против того, что считалось позорным союзом. Этот киник Иоанн Креститель отделался бичеванием. ¹⁹³² Товарищ по имени Герос, однако, повторил оскорбительное изречение и лишился головы. Перегрин, за аналогичное нападение на Антонина Пия, был спокойно предупрежден префектом, чтобы покинул пределы Рима. В третьем веке произошла большая перемена в политической судьбе и отношении к секте; киников даже находят греющими в императорской благосклонности и оказывающими поддержку императорской власти. ¹⁹³³

Киники со времен Антисфена презирали народную религию и поклонение материальным образам божества. Они были, вероятно, самыми чистыми монотеистами, которых породила классическая античность. ¹⁹³⁴ Деметрий почти эпикуреец в своей вере в вечную судьбу и презрении к колебаниям воли и капризам, которые мифологическая фантазия приписывает олимпийским богам. ¹⁹³⁵ Демонакс, самый мягкий и гуманный представитель школы в

императорские времена, отказался приносить жертвы или даже добиваться посвящения в Элевсинские мистерии. [1936](#) Когда его обвинили в нечестивости перед афинским судом, он ответил, что в жертвоприношениях божество не нуждается, а что касается мистерий, то он стоит перед дилеммой: если они содержат откровение о том, что полезно для людей, он должен по долгу службы опубликовать его; если же они плохи и бесполезны, то он считает себя обязанным предостеречь людей от обмана. Но самым бесстрашным и язвительным нападающим на народное богословие среди киников был Эномай из Гадары в царствование Адриана. [1937](#) Эномай с откровенным презрением отвергал антропоморфные басни язычества. В частности, он направил свои самые яростные атаки против возрождения веры в оракулы и гадания, которая была характерна для эпохи Антонинов. Плутарх в очаровательной прогулке [pg 364] по достопримечательностям Дельф, в которой он выступает в роли Цицерона, описывает киника по имени Дидим, утверждающего влияние оракулов на характер человека. [1938](#) Но Эномай, каким мы знаем его по Евсевию, был гораздо более грозным и более безжалостным иконоборцем, чем Дидим. Он создал тщательно продуманную историческую демонстрацию, чтобы показать, что оракулы не были вдохновлены ни богами, ни демонами, но были очень человеческой уловкой, чтобы обмануть доверчивых людей. В связи с темой оракулов он затронул вопрос о свободе воли, утверждая неотъемлемую свободу человека и ответственность за все его действия, которая является необходимой предпосылкой свободы. Эномай относился к Додоне и Дельфам с таким наглым пренебрежением, что на расстоянии полутора веков память о нем вызвала такой гнев Юлиана, что императорский защитник язычества едва ли мог найти достаточно сильные слова для выражения своих чувств. [1939](#) Эномай - негодяй, который подрезает корни не только всякого благоговения перед божественными вещами, но и всех тех нравственных инстинктов, заложенных в наших душах Богом, которые являются основой всякого правильного поведения и справедливости. Для таких людей никакое наказание не может быть слишком суровым; они хуже разбойников и разрушителей. [1940](#)

Решительное неприятие форм народного культа и притязаний гаданий едва ли менее заметно в мягком и терпимом Демонаксе. [1941](#) Демонакс, чья жизнь длилась, вероятно, с 50 по 150 год н.э. [1942](#) , происходил из семьи на Кипре, отличавшейся некоторым богатством и знатностью, и обладал законченной литературной культурой. [1943](#) Но он с детства питал страсть к философской жизни, в соответствии с идеалом той эпохи. Его учителями были киники или стоики, а по умозрительным взглядам он был в целом эклектиком. За свою долгую жизнь он общался с Деметрием и Эпиктетом, Аполлонием и Геродом Аттиком. [1944](#) Когда его однажды спросили, кто его любимый философ, он ответил, что почитает Сократа, восхищается Диогеном и любит Аристиппа. [1945](#) Его тон имел, пожалуй, наибольшую близость к простоте [pg 365] сократовского учения. Но он не перенял иронии мастера, которая, будучи мощным оружием диалектики, часто оставляла ее субъекта в раздраженном и униженном состоянии. Демонакс был настоящим киником в своем презрении к обычным предметам жадности и честолюбия, [1946](#) в простой, строгой моде своей повседневной жизни и в острой эпиграмматической остроте, часто, на наш вкус, граничащей с грубостью, с которой он разоблачал притворство и обличал любую экстравагантность. [1947](#) Но хотя он культивировал строгую телесную дисциплину, чтобы максимально ограничить свои внешние потребности, он тщательно избегал показной необычности манер, чтобы завоевать вульгарную славу. Он был бесконечно милосерден ко всем людям, исключая только тех, кто, казалось, не мог надеяться на исправление. [1948](#) Его советы давались с аттическим изяществом и яркостью, благодаря чему люди уходили из его компании ободренными, улучшенными и с надеждой на будущее. Относясь к ошибкам как к болезни, свойственной человеческой природе, он нападал на грех, но был мягок к грешнику. [1949](#) Он ставил своей задачей улаживать вражду городов и стимулировать бескорыстный патриотизм; он

примирял ссоры родственников; он, бывало, наказывал преуспевающих и утешал неудачников и несчастных, напоминая тем и другим о краткости срока, отведенного на радость или печаль, и о долгом покое забвения, который скоро положит конец всем волнениям печали или радости.¹⁹⁵⁰

Но была и другая сторона его учения. Демонакс не был податливым и покладистым приверженцем обычаев, которые отвергал его разум. В начале своей карьеры, как уже говорилось, ему пришлось столкнуться с обвинением в афинских трибуналах, поскольку он никогда не был замечен в жертвоприношениях богам и отказался от посвящения в Элевсисе. В каждом случае он защищал свое несоответствие в самом смелом тоне.¹⁹⁵¹ Пророку, который, как он видел, занимался своим ремеслом по найму, он поставил дилемму: "Если ты можешь изменить ход судьбы, почему ты не требуешь более высокую плату? Если все происходит по указу Божьему, где же ценность вашего искусства?"¹⁹⁵² На вопрос, верит ли он в то, что душа бессмертна, он ответил: "Она так же бессмертна, как и все остальное".¹⁹⁵³ Он почти в жестоком стиле высмеивал женоподобность софиста Фаворина и экстравагантную скорбь Герода Аттика по своему сыну.¹⁹⁵⁴ Он [pg 366] не менее жестко разоблачал притворство мнимой философии, где бы он ее ни встречал. Когда молодой эклектик заявил о своей готовности подчиниться любому философскому призыву - из Академии, с крыльца или пифагорейской дисциплины молчания, - Демонакс воскликнул: "Тебя зовет Пифагор".¹⁹⁵⁵ Он порицал педантичный архаизм своего времени, говоря пораженному стилисту, что тот говорит по моде времен Агамемнона.¹⁹⁵⁶ Когда Эпиктет посоветовал ему жениться и стать отцом рода философов, он попросил безбрачного проповедника отдать ему одну из своих дочерей.¹⁹⁵⁷ Афиняне, из вульгарной зависти к Коринфу, предложили осквернить память о древности, устроив гладиаторские представления под сенью Акрополя. Демонакс, в истинном духе Афин времен Тесея, посоветовал им сначала смести алтарь Жалости.¹⁹⁵⁸

Демонакс прожил почти до ста лет. Говорят, что у него никогда не было врагов. Всякое его появление на публике вызывало всеобщее почтение. В преклонном возрасте он мог без приглашения войти в любой афинский дом, и там его принимали как своего доброго гения. Дети приносили ему свои маленькие подарки из фруктов и называли его отцом, а когда он проходил по рынку, пекари боролись за честь отдать ему свои хлеба. Он умер добровольной смертью и не желал никакой могилы, кроме той, что дала ему природа. Но афиняне знали, что видели в нем редкое явление доброты; они почтили его пышным и величественным погребением и долго оплакивали его. А скамью, на которой он сидел, когда уставал, они считали священным камнем и украшали ее гирляндами еще долго после его смерти.¹⁹⁵⁹

Демонакс, благодаря странному личному обаянию, достиг необычайной популярности и почитания. Но огромной массе философских проповедников пришлось столкнуться с недоброжелательством и презрением. Помимо грубости, высокомерия и непоследовательности многих из них, которые вызывали справедливое возмущение, сама их профессия была раздражающим вызовом для любящей удовольствия и мирской эпохи. Людям, которые превозносили блеск своей гражданской жизни и были полностью поглощены ею, которым [pg 367] льстили и угождали их судьи и популярные лидеры, вряд ли понравилось бы, если бы бродячий, бездомный учитель в нищенской одежде сказал им, что они невежественны, извращены и заблудились в лабиринте обмана. Им вряд ли было бы приятно услышать, что их цивилизация - пустая показуха, не имеющая прочного стержня, что их надежды на счастье от игр и праздников, от великолепия искусства в храмах и статуях - всего лишь мираж. Послание *Beati pauperes spiritu*-*Beati qui lugent* никогда не будет популярным. Таково было послание странствующего кинического проповедника своему

веку, а его неопрятная борода и потрепанный плащ, а также мода его жизни сделали его объектом дешевых и обильных насмешек. Иногда презрение было заслуженным; ни одно великое движение за возвышение человечества не обходилось без самозванцев. Однако суровый суд кинических миссионеров над своей эпохой - это суждение отточенного оратора, который так же, как Лукиан, презирал чувственного или наемного киника, но сам взял в руки ножны и посох, чтобы распространять то же Евангелие, что и киники. [1960](#)

Дион Хризостом, конечно, не был киником в академическом смысле, но он принадлежал к тому же великому движению. Он происходил из хорошей семьи в Прусе в Вифинии. [1961](#) Он был обучен всем искусствам риторики, преподавал и практиковал их в начале своей жизни. Подозрительная дружба привела к его изгнанию в царствование Домициана, и в изгнании, имея в качестве спутников "Федота" и "De Falsa Legatione", он скитался по многим землям, поддерживая себя часто ремесленной работой. [1962](#) Наконец, в своих скитаниях он оказался в тех краях, где дикие племена гетов полтора столетия досаждали далеким форпостам эллинской цивилизации на северных берегах Эвксина. [1963](#) Весть о смерти Домициана достигла лагеря на Дунае, когда там находился Дион. Солдаты, верные своему императору, были взволнованы и возмущены, но, поддавшись чарам красноречия Диона, они согласились на вступление в должность безупречного Нервы. Вскоре Дион вернулся в Рим и завоевал высокое расположение при дворе. Траян часто [pg 368] приглашал его к своему столу и брал его в качестве спутника в свою государственную карету, хотя честный солдат и не претендовал на то, чтобы оценить риторику Диона. [1964](#)

Во время изгнания, как он сам рассказывает, Дион обратился к более серьезным взглядам на жизнь. Триумфы обычной декламации перед модной публикой потеряли свой блеск. Дион осознал более высокую миссию перед тусклыми массами той далекой империи, по городам и пустыням которой он странствовал. [1965](#) Как глазах Сенеки, люди казались Диону, среди всей их честной, веселой жизни, протягивающими руки за помощью. Куда бы он ни шел, его в нищенском одеянии окружали толпы людей, жаждущих услышать любое слово утешения или совета в сомнениях и бедах своей жизни. Они принимали бедного странника за философа. Они засыпали его вопросами о великой проблеме - как жить, и элегантный софист был вынужден искать ответ для них и для себя. [1966](#)

Дион так и не смог избавиться от традиций и тона риторической школы. Стремление говорить в наиболее изящном и привлекательном стиле, любовь к усилению, неторопливому и тщательному развитию банальной и заезженной темы по-прежнему не покидают его. Его восемьдесят ораций - многие из них скорее эссе, чем популярные агитки. Они затрагивают самые разные темы - литературные, мифологические и художественные, политические и социальные, а также чисто этические и религиозные. Но, в конце концов, Дион - это безошибочно проповедник великого нравственного возрождения и реформ. Его нельзя однозначно отнести к какой-либо конкретной философской школе. Он - апостол греческой культуры, но при этом восхищается Диогеном, основателем киников. [1967](#) Если бы у него были философские корни, он, вероятно, восходил бы к ксенофоновскому Сократу. [1968](#) Но на самом деле он - риторический апостол [pg 369] тех немногих великих моральных принципов, которые витали в воздухе, общих для платоников, стоиков, киников, даже эпикурейцев. Философия для него - это действительно религия, наука о правильной жизни в соответствии с волей Небесной Силы. Но это также и практика правильной жизни. Ни один христианский проповедник, вероятно, никогда не настаивал более решительно на пропасти, которая отделяет обыденную жизнь чувств от жизни, посвященной нравственному идеалу. [1969](#) Единственная философия, достойная названия, - это искренний поиск пути к истинному благородству и добродетели, в послушании доброму гению, безошибочному

наблюдателю в груди каждого из нас, в советах которого кроется секрет счастья, правильно названного так. 1970 Поэтому Дион с презрением отзывается и о грубом кинике-самозванце, позорящем свое призвание шутовством и развратом, 1971 и о философском изысканце, который щекочет уши модной публики изысками фразы, но никогда не думает о том, чтобы попытаться сделать их лучшими людьми. Он испытывает искреннее негодование по поводу этих дилетантских пустяков, учитывая, что мир остро нуждается в практическом руководстве. 1972 Ведь Дион, после всех своих странствий по римскому миру, не питает иллюзий относительно его морального состояния. Он почти такой же великий пессимист, как Сенека или Ювенал. Несмотря на все свое величие и внешнее процветание, общество в царствование Траяна казалось Диону находящимся в гибельном состоянии. Вместе с его собственным обращением пришло и откровение о безнадежной растерянности людей в поисках счастья. Тускло осознавая свое бедственное положение, они в то же время совершенно не знают, как из него выбраться. Они мечутся туда-сюда в водовороте спутанных страстей и жажды материальных удовольствий. 1973 Материальная цивилизация без какой-либо сопутствующей нравственной дисциплины привела к привычному и неизбежному результату - постоянно растущему стремлению к богатству, наслаждениям и показным отличиям, которое заканчивается вечным разочарованием. Дион предупреждает жителей Тарса, что все они [pg 370] погружены в глубокий чувственный сон и живут в мире простых грез, в котором реальность вещей абсолютно перевернута. Их знаменитая река, их величественные здания, их богатство, даже их религиозные праздники, на которых они возвеличивают себя, - все это лишь видимость счастья. 1974 Его настоящий секрет, который заключается в умеренности, справедливости и истинном благочестии, полностью скрыт от их глаз. Когда этот секрет будет познан, их здания, возможно, станут менее величественными, золото и серебро не будут столь обильными, в жизни будет меньше мягкости и нежности, возможно, будет даже меньше дорогостоящих жертв по мере роста благочестия; но будет более ясное восприятие истинной ценности вещей и воздержанность духа, которые являются единственной гарантией постоянства общества. И моралист указывает своей аудитории на великопепные цивилизации прошлого, которые погибли, потому что были лишены души. Ассирия и Лидия, великие города Magna Graecia, жившие в мечтах о роскоши, - что они теперь? И, самый последний пример из всех, Македон, который продвинул свои завоевания до ворот Индии и завладел сокровищами великих восточных империй, исчез, а царская Пелла, родина расы, теперь представляет собой груду кирпичей. 1975

Нужно было обладать мужеством, проистекающим из энтузиазма и убежденности, чтобы проповедовать столь неприглядные истины в эпоху, которая превозносила свое материальное величие. Дион часто осознает трудность своей задачи; он прилагает все свои натренированные усилия, чтобы успокоить оппозицию и добиться того, чтобы его послание было услышано. 1976 Что касается реформы характера, то Дион не несет никакой новой вести. Это старое евангелие отречения ради свободы, доктрина правильной оценки конкурирующих объектов желания и истинных целей жизни. Дион, как и почти все греческие моралисты от Сократа и ниже, рассматривает нравственные ошибки и исправления скорее как дело разума, чем эмоционального порыва. Порок - это состояние одержимого ума, который потерял способность видеть вещи такими, какие они есть на самом деле; 1977 [pg 371] обращение должно осуществляться не путем обращения к чувствам, а путем прояснения умственного видения. Религия как средство исправления упоминается мало, хотя Дион говорит о любви к Богу как о поддержке добродетельного характера. Как опытный нравственный руководитель, Дион хорошо понимал необходимость постоянного повторения старых истин. Как больной нарушает предписания врача, прекрасно понимая, что делает это во вред себе, так и нравственный пациент может долго отказываться следовать жизненным

принципам, которые принял его разум.¹⁹⁷⁸ И поэтому проповедник, вместо того чтобы извиняться за повторение, будет считать это своим долгом и необходимостью.

Но Дион не ставил своей целью формирование какой-либо замкнутой добродетели, сосредоточившись на личном спасении. У него есть прекрасный отрывок, в котором он показывает, что уединение, (ἀναχώρησις) отрешенность духа, вполне возможно без ухода от шума мира.¹⁹⁷⁹ И он считал себя обязанным привнести высшие принципы поведения в гражданскую жизнь того времени. Из переписки Плиния с Траяном мы знаем, что великие города Вифинии, и не в последнюю очередь родина Диона,¹⁹⁸⁰ страдали тогда от неумелого управления и расточительного финансирования. Дион дополняет картину, показывая нам их жалкие препирательства и зависть по самым пустяковым поводам. Он обличает беспринципную лесть массам со стороны людей, единственной целью которых было преходящее отличие от муниципальных чиновников, страсть к месту и власти, без какого-либо трезвого желания служить обществу или возвышать его. Он также разоблачает капризы, ленивый эгоизм и мелочную неблагодарность толпы.¹⁹⁸¹ Дион, правда, идеалист, и его идеалы общества, возможно, не намного ближе к осуществлению в некоторых из наших великих городов, чем тогда. Он часто выступал со своими идеями перед самыми бесперспективными аудиториями. Некоторые из его лучших концепций социального переустройства были изложены перед грубыми собраниями на самой грани цивилизации.¹⁹⁸² Однажды в своих странствиях он оказался под стенами полуразрушенного греческого города, на который накануне напала орда скифских варваров. Там, на ступенях храма Зевса, он [pg 372] излагал жаждущей толпе подлых греческих торговцев, со всеми худшими пороками и лишь некоторыми поблекшими следами культуры их расы, истинный смысл городской жизни.¹⁹⁸³ Это общество людей под властью закона, из которого изгнаны алчность, неводержанность и насилие; маленький мир, который в своем мирном порядке и взаимосвязанных гармониях должен быть создан по образцу более величественного порядка великого города вселенной, города богов и людей.

Насколько далеки от их идеала были города его родной страны, Дион видел слишком хорошо. Городская жизнь Азии, ставшая результатом греческих завоеваний, пожалуй, никогда не была превзойдена по внешнему великолепию и процветанию, и даже по распространению интеллектуальной культуры. Палимнийские дни славного весеннего периода эллинской бодрости и гения в Милете, Фокее и Родосе, казалось, воспроизводились даже в глубине материка, который за 1500 лет превратился в пустыню.¹⁹⁸⁴ Сельское хозяйство и торговля в сочетании необычайную и процветающую деятельность. Образование было обеспечено и организовано, а литературная культура стала почти всеобщей.¹⁹⁸⁵ Нигде странствующий софист не находил более жаждущих слушателей, и ни одна часть римского мира в ту эпоху не дала такого количества учителей, врачей и философов. Одна-единственная провинция Вифиния в течение полувека могла похвастаться такими именами, как Арриан, Дион Кассий и сам Дион Хризостом. Но морально-политическое совершенствование не успевало за огромным материальным и интеллектуальным прогрессом. Жизнь городов действительно была очень интенсивной, но, в отсутствие более широких интересов великих дней свободы, они растрачивали свои силы в тщетной борьбе за призрачные отличия и преимущества. Постоянно шла борьба за "первенство" в провинции и за название метрополии. Эфесу, настоящей столице, противостояла Смирна, которая на своих монетах называла себя "первой по величию и красоте".¹⁹⁸⁶ Вражда между Никомидией и ее ближайшей соседкой Никеей вызывала у Диона особое беспокойство, а его речь [pg 373] к жителям Никомидии как нельзя лучше отражает описываемое нами зло.¹⁹⁸⁷

У этих двух городов много общего. Их семьи вступили в брак; они постоянно встречаются на своих рынках и больших религиозных праздниках. Их связывают бесчисленные узы частной дружбы. 1988 Первенство, за которое они борются, - всего лишь плод воображения; на кону нет никаких материальных преимуществ. Скорее, эти разногласия дают коррумпированному римскому правителю, который торгует ими, возможность нанести ущерб обоим претендентам. 1989 То же самое происходит и в других городах. Тарс ожесточенно спорит с Маллусом из-за всего лишь линии песчаных холмов на их границах. 1990 Родная Пруса Диона без всяких оснований ссорится с Апамеей, хотя эти два города тесно связаны друг с другом по природе и взаимно зависимы благодаря своей торговле и производству. Всю эту жалкую и глупую ревность Дион разоблачает с превосходным мастерством и смыслом; он использует огромное количество иллюстраций, рисуя счастье, которое сопутствует гармонии и доброй воле. Это закон вселенной, от крошечного насекомого, чья жизнь длится всего один день, до вечного шествия звездных сфер. Муравей в общей промышленности лилипутского содружества уступает своему брату-труженику или помогает ему в пути. 1991 Первоэлементы космоса закалены в соблюдении своих границ и законов. Само солнце каждую ночь скрывает свое великолепие, чтобы уступить место меньшему сиянию звезд. Это, конечно, риторика, но риторика с моральной нагрузкой. И невозможно не восхититься возвышенным тоном этого языческого софиста, проповедующего долг прощения, взаимной любви и почтения, благословение тихого духа, "который не ищет своего, не легко провоцируется, не мыслит зла" 1992. 1992 Есть определенный пафос в воспоминании о том, что в тех самых стенах, где произносились эти возвышенные речи, робкие компании мужчин и женщин собирались на ранней заре, чтобы петь гимны Тому, Кто за три поколения до этого в Галилее преподавал аналогичное Евангелие любви [pg 374] и самодостаточности, но со странным мистическим очарованием, не поддающимся языческому красноречию, и что Дион, похоже, никогда не знал тех, с кем он так близко сроднился. 1993

Во многих других орациях Дион стремился поднять моральный тон своей эпохи. Его речь к александрийцам - это, вероятно, его самый смелый протест против грехов огромного населения. Александрия представляла собой сплетение многих рас, в котором, вероятно, эллинский тип Птолемеев уступил место стойкой египетской морали. 1994 Это было население одновременно чувственное и суеверное, страстно преданное всем волнениям, будь то игры или оргиастические религиозные праздники, с насмешливой непочтительной жилкой, которая не щадила даже величайших императоров. Это была любопытная смесь - местонахождение самого знаменитого университета древнего мира, место сбора и рассадник идей, объединявших вековую мистику Востока с ясным, холодным разумом Эллады, и в то же время кипящий очаг непристойности, заразивший весь римский мир, толпа, которая приходила в безумное возбуждение от триумфа актера, или певца, или победителя в гонках на колесницах. 1995 Чтобы обратиться к такой толпе и обвинить ее в вопиющих недостатках, не требовалось обычной смелости. Жители Александрии буквально опьянены песней. Музыка, которая, согласно древнегреческой теории, должна регулировать страсти, здесь только раззадоривает их. 1996 А на скачках все человеческое достоинство, кажется, полностью теряется в тщетном волнении зрителей из-за какого-то ничтожества, претендующего на солидный денежный приз. 1997 Такая толпа вызывает только презрение своих правителей, и люди говорят, что александрийцев не интересует ничего, кроме "большого каравая" и зрелища скачек. 1998 Все достоинство, которое должно окружать великий народ, забыто в театре. Бесплезно хвастаться величественной и щедрой рекой, гаванями и рынками, переполненными товарами западных и индийских морей, гостями из всех стран, из Италии, Греции и Сирии, с Бористана, Оксуса и Ганга. 1999 Они приезжают, чтобы увидеть позор второго [pg 375] города в мире, который в беспечности процветания

утратил умеренное достоинство и упорядоченное спокойствие, составляющие настоящую славу великого народа.

В противовес лихорадочной роскошной жизни, ссорам и вульгарному возбуждению, царившим в больших городах, Дион оставил прозаическую идиллию, идеализирующую простые удовольствия и добродетели страны.²⁰⁰⁰ Это еще и причитания по поводу упадка Греции, когда на агорах исторических городов собирали урожай, а вокруг статуй богов и героев былых времен росли высокие травы.²⁰⁰¹ Путешественника, выброшенного на берег в результате крушения его судна в страшных Эвбейских впадинах, приютили грубые и радушные крестьяне. Их отцы попали в беду в результате конфискации имения одного знатного вельможи, попавшего в переделку с императором, и они устроили себе одинокий дом на пастбищном склоне, недалеко от ручья, под сенью деревьев. Они обработали несколько полей вокруг своей хижины, летом перегоняли скот на высокогорные пастбища, а зимой охотились на дичь по заснеженным тропам. О городской жизни они почти ничего не знают. Один из них, правда, дважды побывал в соседнем городе и живо рассказывает о том, что там видел. Все это - лишь тень или карикатура на старую гражданскую жизнь Греции. Здесь есть соперничающие ораторы, патриоты и демагоги, легкомысленная и капризная толпа, голосование за привилегию обедать в ратуше. Однако серьезная цель произведения - идеализировать простую добродетель и счастье деревенских жителей и обсудить удручающую проблему бедняков в больших городах.²⁰⁰² В основном это проблема современной городской жизни, и Дион, очевидно, глубоко задумался над ней и был острым наблюдателем социального несчастья, которое остается неизменным из века в век. Укрепленный божественным Гомером и обычным опытом, он указывает на то, что бедные более щедры и полезны нуждающимся, чем богатые из своих богатых запасов. Слишком часто кажущаяся щедрость богатого благотворителя носит характер займа, который должен быть возвращен с надлежащими процентами.²⁰⁰³ Борьба и соблазны бедняков в больших городах предполагают [pg 376] обсуждение вечной проблемы проституции, с которой, вероятно, ни один древний писатель не сталкивался так смело. Двойная деградация человечества, с которой она была связана в античном мире, мощно обрисована;²⁰⁰⁴ а утверждение, что потакание порочной безнравственности является единственной альтернативой коварным посягательствам на семейную добродетель, обсуждается с необыкновенной твердостью и в то же время деликатностью.²⁰⁰⁵ Та же отстраненность от современных предрассудков проявляется в отношении Диона к рабству. Он видит его пагубное влияние на хозяев, порождающее чувственность, томление и беспомощную зависимость от других в малейших услугах. Он указывает на то, что природа не дает никакого критерия, позволяющего отличить раба от свободного. Так называемый свободный человек самого высокого ранга может быть отпрыском подневольной любви, а так называемый раб может быть бесхитростным во всех смыслах человеком, обреченным на рабство по воле судьбы.²⁰⁰⁶ Как внешняя свобода не подразумевает моральных достоинств, так и юридическое порабощение не подразумевает моральной деградации.²⁰⁰⁷ Если бы моральная справедливость всегда определяла положение людей в обществе по их заслугам, хозяину и рабу часто приходилось бы меняться местами.²⁰⁰⁸ В суждениях Диона об изнуряющем воздействии рабства на класс рабовладельцев и об отсутствии каких-либо моральных или умственных различий, оправдывающих этот институт, он находится в исключительном согласии с Сенекой.

Сходство тона между Сенекой и Дионом, пожалуй, еще более заметно в их отношении к монархии. Унаследованный, как и многое другое, от великих греческих мыслителей V и IV веков до н. э., идеал благодетельного и бескорыстного князя, истинного "пастыря народа", антитезы незаконного и чувственного тирана, стал, отчасти, несомненно, под влиянием

риторских школ, общим достоянием культурных умов. Веспасиан придал ей определенную реальность, а его сын Домициан показал, как легко царь может превратиться в тирана. Мечта о земном провидении, председательствующем над римским миром, засияла более ярким блеском с воцарением Траяна, и Плиний, его панегирист, оставил нам очерк о принце-патриоте, [pg 377] который почти полностью совпадает со строками идеала Диона.2009 И Дион, и Плиний были любимцами Траяна, и некоторые из ораций Диона были произнесены перед его двором. Как придворный проповедник, он по праву может похвастаться тем, что не является простым льстецом, хотя мы можем подозревать, что его образ идеального монарха мог быть истолкован как взятый из характера Траяна, так же как его образ тирана, вероятно, был навеян Домицианом.2010 Тем не менее, мы вполне можем поверить оратору, когда он говорит, что человек, который одел бороду одному ценой долгого изгнания и нищеты, вряд ли станет льстить другому за золото или почести, которые он презирал. И в этих рассуждениях Дион, кажется, полон чувства божественной миссии. Однажды во время своих странствий он заблудился где-то на границах Аркадии и, поднявшись на холм, чтобы восстановить путь, оказался перед грубым, разрушенным святилищем Геракла, увешанным подношениями погонщиков.2011 Возле них сидела пожилая женщина, которая сказала ему, что у нее есть дух прорицания от богов. Пастухи и крестьяне приходили к ней с вопросами о судьбе своих стад и урожая. И вот теперь она доверила Диону послание к великому правителю многих людей, с которым, по ее предсказаниям, Дион должен был вскоре встретиться.2012 Это была история о Геракле, великом благодетеле людей от восхода до заката солнца, который своей простой силой сокрушил всех беззаконных чудовищ и подарил миру упорядоченный мир. Его отец прорицаниями и знаменами вдохновил его на благородный подвиг и однажды, когда Геракл был еще мальчиком в Фивах, послал Гермеса, чтобы тот показал ему видение двух вершин и укрепил его в добродетели.2013 Они поднялись из одних и тех же скалистых корней, среди обрывистых скал и глубоких оврагов, под шум многих вод. Сначала они казались единой горной массой, но вскоре разошлись в разные стороны: одна была священна для Зевса, другая - для беззаконного Тифона. На одном из гребней, возвышающемся в безоблачном эфире, восседает Царство в образе прекрасной, величественной женщины, облаченной в сверкающие белые одежды и держащей скипетр из металла ярче и чище любого серебра или золота. Под ее пристальным взглядом, излучающим достоинство, добрые чувствовали [pg 378] веселую уверенность, а злые дрожали и отступали. Ее окружали служительницы такой же красоты, как она сама, - Справедливость, Мир и Порядок. Пути к другой вершине были многочисленны и тайны и вели через пропасть, залитую кровью или заваленную трупами. Вершина ее была окутана туманом и облаками, и там восседала Тирания на гораздо более высоком и помпезном троне, украшенном золотом и слоновой костью и многими другими великолепными цветами, но трон этот качался и был неустойчив. Она старалась походить на короля, но все это было лишь пустым притворством. Вместо любезной улыбки - подневольная, лицемерная усмешка, вместо взгляда, исполненного достоинства, - злобный оскал. А вокруг нее сидела толпа, носившая зловещие имена - Жестокость и Похоть, Беззаконие, Лесть и Подлость. На вопрос Гермеса юный Геракл сделал свой выбор, и отец поручил ему стать спасителем людей.

Таким образом, Дион, подобно Эсхилу, перерабатывает старый миф, превращая его в средство морального наставления, так же как он находит в Гомере истинного учителя царей.2014 Теория идеальной монархии разработана так подробно, что, возможно, несколько утомила императора. Но на самом деле она основана на нескольких великих принципах. Истинные цари, по выражению Гомера, - сыновья Зевса и пастыри народа. Вся подлинная политическая власть зиждется на добродетели и, в конечном счете, на благосклонности Небес. Царь назначается Богом, чтобы работать на благо своих подданных. И поскольку его власть божественна, являясь на земле образом суверенитета Зевса, монарх

должен быть скрупулезно религиозным человеком в самом высоком смысле этого слова,²⁰¹⁵ не просто принося дорогие жертвы, но праведно, усердно и самоотверженно исполняя обязанности своего торжественного служения. Многочисленные титулы, обращенные к отцу Зевса, отражают множество аспектов царской деятельности и добродетели. Истинный принц будет отцом своего народа, окруженным и охраняемым любящим почтением, которое никогда не перерастет в страх. Его единственной целью будет их благо. Он будет неусыпно следить за слабыми, беспечными, теми, кто не заботится о себе. Распоряжаясь бесконечными ресурсами, он будет знать меньше простых удовольствий, чем любой человек в его царстве. При такой огромной ответственности он будет самым трудолюбивым из всех. Его единственное преимущество перед рядовым гражданином - в его безграничной [pg 379] дружбе; ибо все люди должны быть доброжелателями того, кто обладает столь благодетельной властью, с кем, исходя из его концепции своей миссии, они должны чувствовать абсолютную идентичность интересов. И самая большая потребность царя - это дружба, чтобы обеспечить его мириадами рук и глаз в огромной работе правительства.²⁰¹⁶ Здесь кроется самый резкий контраст между истинным царем и тираном, контраст, который был обычным явлением в античности, но который был заново отмечен сопоставлением правления Домициана и правления Траяна. Всеобщая ненависть, преследовавшая плохого цезаря даже за могилой, стиравшая его имя с памятников и закрывавшая глаза даже на промежутки времени, когда он преследовал серьезные цели для общего блага, была ужасной иллюстрацией одинокого безразличия эгоистичной власти.²⁰¹⁷ Вместо верной и благодарной дружбы деспот был осмеян продажной лестью, которая была лишь его подражанием. Хороший монарх будет относиться к льстецам как к фальшивым монетчикам, которые вызывают подозрение в подлинной валюте. К этому и другим советам Диона последующие императоры часто не прислушивались. Однако даже последние теневые принцы пятого века исповедовали себя хранителями рода человеческого и были угнетены идеалом всеобщего благодеяния, который они не в силах воплотить в жизнь.²⁰¹⁸

До сих пор мы были заняты проповедями Диона о личном поведении, реформе гражданской жизни или обязанностях императорской власти. Нельзя сказать, что он обсуждает эти темы без ссылки на религиозные убеждения и устремления.²⁰¹⁹ Но религия здесь скорее на втором плане; почитание Небесных Сил скорее предполагается как необходимая основа для правильно организованной человеческой жизни. Однако есть одна оратория, представляющая огромный интерес для современного ума, в которой Дион обращается к корню всей религии, исследует источники веры в Бога и оправданность антропоморфных образов в его изображении. Это изречение было вызвано посещением Олимпии, когда Дион был уже в преклонных годах.²⁰²⁰ Игры в Олимпии были ослепительным и [pg 380] вдохновляющим зрелищем, а толпа, собравшаяся туда со всех концов света, была великолепной публикой. Но под звуки священной трубы и голос глашатая, возвещающего о победителе, Дион отворачивается от всего великолепия юношеской силы и грации, даже от легендарного блеска великого праздника²⁰²¹ к величественной фигуре Зевса Олимпийского, высеченной рукой Фидия более 500 лет назад, и к мыслям о божественном мире, которые она навеивает. Этот величайший триумф идеализма в пластическом искусстве, вдохновленный знаменитыми строками "Илиады", был, по общему признанию всей античности, шедевром Фидия. Древние писатели многих эпох теряются в восхищении от сочетания величия и благодати, которые выражало божественное изображение. Для глаз Лукиана оно казалось "сыном Кроноса, спустившимся на землю и поставленным сторожить одинокую равнину Элиса".²⁰²² Там оно простояло более 800 лет, пока не было сметено в яростной, последней попытке свергнуть религию прошлого. Однако величественный образ, вызвавший ярость иконоборцев времен правления Феодосия, вдохновил Диона на мысли о

Божественной природе, которые выходили далеко за рамки язычества поэзии и толпы. Его восхищение вызывал не только шедевр художественного и конструктивного мастерства, притягивавший взоры и переносивший превратности стольких веков, но и нравственное воздействие этого чуда искусства на зрителя. Самое дикое и свирепое из грубых созданий могло быть успокоено и смягчено воздухом величественного мира и доброты, который парил вокруг золота и слоновой кости. "Тот, кто из смертных людей наиболее измучен духом, испив чашу многих горестей и бедствий, стоя перед этим образом, думаю, должен полностью забыть все ужасы и беды этой земной жизни" [2023](#).

Но мысли Диона в присутствии величественной фигуры в Олимпии занимают более широкий диапазон. Его тема - не что [pg 381] иное, как истоки нашего представления о Боге и место искусства в религии. Он презирает гедонистический атеизм. Наше представление о Боге является врожденным, изначальным, универсальным для всех человеческих рас. [2024](#) Оно - продукт высшего разума, созерцающего величественный порядок, мельчайшее приспособление и благодетельное обеспечение человеческих потребностей в мире природы. В этом великом храме, с его чередованием мрака и блеска, с его многочисленными голосами радости и ужаса, человек постоянно проходит посвящение в Великие Мистерии, более масштабные, чем в Элевсисе, и сам Бог руководит обрядами. Вера в Бога в первую очередь не зависит ни от каких человеческих учений, так же как и любовь ребенка к родителям. Но эта изначальная интуиция и вера в божественные силы находит выражение в гении вдохновенных поэтов; она подкрепляется императивными предписаниями основателей и законодателей государств; она принимает внешнюю форму в бронзе или золоте, слоновой кости или мраморе под искусной рукой великого художника; она развивается и излагается philosophy. [2025](#). Как и все глубочайшие мыслители своего времени, Дион убежден в несомненности существования Бога, но он в равной степени осознает удаленность Бесконечного Духа и слабость всех человеческих усилий приблизиться к нему или представить его человеческому разуму. Мы для Диона подобны "детям, плачущим в ночи, у которых нет иного языка, кроме крика". [2026](#) И все же ребенок будет стремиться изобразить лицо Отца, хотя оно скрыто за завесой, которая никогда не будет снята в этом мире. Гений поэзии, обладающий самой универсальной способностью давать слово религиозному воображению, стоит на первом месте по порядку и силе. Закон и институт следуют за ним. Пластические искусства, в условиях жестких ограничений, приходят позже, чтобы воплотить божественные мечты старших бардов. Дион много размышлял о сравнительной силе поэзии и искусства скульптора в выражении мыслей и чувств человека о Божественной природе. Безграничная власть или свобода языка находить символ для каждой мысли или образа в фантазии видна на пике у Гомера, который [pg 382] буйствует в почти беззаконном использовании своих даров. [2027](#) Но главная важность обсуждения заключается в обвинении Фидия за попытку изобразить в видимой форме великую Душу и Правителя вселенной, Которого смертный глаз никогда не видел и не сможет увидеть. Его защита очень интересна и как четкое заявление об ограниченности пластических искусств, и как оправдание материальных образов Божественного.

Фидий в свою защиту утверждает, что художник не мог, если бы захотел, отказаться от древней религиозной традиции, которая была освящена в народном воображении романтикой поэзии [2028](#); это неизменно. Допустим, что Божественная природа далека от нас и недоступна нашему пониманию; но, как маленькие дети, оторванные от родителей, чувствуют сильную тоску по ним и тщетно протягивают руки в своих мечтах, так и род человеческий, от любви и родства, жаждет вечно приближаться к невидимому Богу

молитвами, жертвами и видимыми символами. Более грубые расы изображают своего бога на деревьях или бесформенных камнях, или ищут странный символ в низших формах животного мира.²⁰²⁹ Высшие могут найти возвышенное выражение Его сущности в солнце и звездных сферах. Для чистого и бесконечного разума, породившего и поддерживающего вселенную жизни, ни один скульптор или художник Эллады никогда не находил и не сможет найти полного и адекватного выражения.²⁰³⁰ Поэтому люди укрываются в средстве и вместилище самого благородного духа, известного им, - в форме человека. И Бесконечный Дух, из которого человек - это излияние, может быть, лучше всего воплощен в форме Его ребенка.²⁰³¹ Но никакие усилия или экстазы художественной фантазии, в форме или цвете, никогда не смогут повторить путь гомеровского воображения в его величии и бесконечном разнообразии выражения. Скульптор и живописец имеют установленные границы своего мастерства, за которые они не могут выйти. Они могут апеллировать только к глазу; их материал не обладает бесконечной пластичностью и упругостью поэтического диалекта многих племен и многих поколений. Они могут уловить лишь одно мгновение действия или страсти и навсегда запечатлеть его в бронзе или камне. И все же Фидий с некоторой [pg 383] скромной самоуверенностью утверждает, что его концепция Зевса Олимпийского, хотя и менее разнообразна и соблазнительна, чем гомеровская, хотя он и не может представить взору грохочущую молнию, зловещую звезду или вздымающийся Олимп, возможно, более возвышенна и [вдохновляющая](#)²⁰³². Зевс Фидия - это миролюбивое и нежное провидение спокойной и гармоничной Греции, величественный даритель всех благ, отец, спаситель и защитник людей. Многочисленные имена, которыми люди называют его, могут найти свое отражение в кропотливой работе резца. В линиях этого величественного и благодатного образа проступают тени кроткого царя и отца, внимающего молитвам, хранителя гражданского порядка и семейной любви, защитника чужеземцев и силы, дарующей плодородный урожай стадам и полям. Зевс Фидия и Диона - бог милосердия и мира, не помнящий о войнах гигантов.²⁰³³

Дион - популярный учитель морали, а не мыслитель или теолог. Но этот экскурс в область теологии показывает его с лучшей стороны. И он подготавливает нас к изучению некоторых более формальных попыток найти теологию в поэзии легенды.

[pg 384]

ГЛАВА III

ФИЛОСОФСКИЙ ТЕОЛОГ

Время было подходящее для теодицеи. Религия любого настроения и тона, любого возраста и климата витала в воздухе, а философия отказалась от спекуляций и обратилась к направлению поведения и духовной жизни. Задача философии - найти единое во множестве, и никогда еще религиозная жизнь людей не предлагала упорядочивающей силе философии более обескураживающей множественности и разнообразия, чтобы не сказать хаоса. Скептицизм нероновской эпохи почти исчез. Единственными выдающимися рационалистами во II веке были Лукиан и Гален.²⁰³⁴ Это был век настоятельных духовных жажд, как среди культурных людей, так и среди вульгарных. Но тонкие абстракции старой латинской веры и блестящий антропоморфизм Греции перестали удовлетворять даже толпу. Это был век, жаждущий религиозной системы, менее формальной и холодно внешней,

религии, более удовлетворяющей глубокие чувства, религии, которая должна предложить божественную помощь в человеческих нуждах и страданиях, божественное руководство среди тьмы времени; прежде всего, божественный свет в тайне смерти. Слава классического искусства была таинственно закрыта. Это был век скорее материального великолепия и, на первый взгляд, буржуазных идеалов приходской славы и простого наслаждения часом. И все же эпоха Антонинов имеет некоторые претензии на духовное отличие. В смутных, подсознательных чувствах масс, как и в определенных духовных усилиях высших умов, действительно происходило великое движение к главному принципу поведения и духовному видению. Люди часто, действительно, следовали за [pg 385] болотным светом по странным извилистым тропам в пустыни, населенные призраками суеверий старого мира. Но свет Святого Грааля наконец-то забрезжил в глазах некоторых возвышенных умов. С первых лет второго века мы можем проследить то великое объединенное движение нового платонизма и возрожденного язычества,²⁰³⁵ которое так долго тормозило триумф Церкви, но, тем не менее, по Божественной воле, должно было подготовить людей к нему.

Старая религия не полностью утратила власть над умами людей, как об этом иногда говорят в слишком категоричных выражениях. Пунктуальный ритуал, с которым, согласно величественному повествованию Тацита, Веспасиан восстановил Капитолий, благочестивая забота, с которой молодой Аврелий произносил салическую литанию на непонятных теперь словах, бесчисленные жертвы, которые он приносил богам-покровителям Рима в страшные дни моровой язвы и сомнительной войны, - все это свидетельствует о силе религии Нумы. Спустя два столетия после того, как Аврелий скончался в могиле, божества, которые лелеяли римское государство и следили за его развитием, все еще оставались объектами почитания консервативного круга Симмаха. Религия, которая была вплетена во всю структуру правительства и общества, которая давала свою санкцию или благословение каждому действию и происшествию в индивидуальной жизни, которая была вездесущей в играх и фестивалях, в храмах и votivных памятниках, находилась далеко за пределами влияния меняющейся моды на преданность. Это был мощный стимул патриотизма, мощные узы гражданской и семейной жизни; он накладывал чары благоговения и святости старого мира на все, к чему прикасался. Но для более глубоких духовных потребностей и эмоций он давал мало питательных веществ. Чтобы найти облегчение и очищение от чувства вины, ободрение и радостное возвышение благочестивых чувств, утешение в обычных жизненных невзгодах и надежду в тени смерти, люди должны были обратиться к другим системам. Восточные религии хлынули, как поток, и захлестнули весь Запад. Один Антонин построил святилище [Митры](#)²⁰³⁶, другой принял постриг [Исиды](#)²⁰³⁷. Жрецы и аколиты египетской богини были повсюду, распевая свои литании в торжественных процессиях [pg 386] по улицам, наставляя и крестя своих катехуменов, и, в чередующемся мраке и блеске своих мистерий, неся зачарованную душу к границам жизни и смерти.²⁰³⁸ Митра, "Непобедимый", оправдывал свое имя. В каждом районе от Эвксинского моря до Солуэя он приносил язычеству новое послание. Очищенный от всех грубых мифов, персидский бог света пришел как посредник и утешитель, чтобы успокоить несчастных и разбитых сердцем и дать очищение мистической крови. Его иерархия посвященных, его успокаивающие символические таинства, его великолепный ритуал и его обещание бессмертия тем, кто выпьет мистическую Хаому, удовлетворяли и стимулировали религиозные желания, которые должны были найти свое полное удовлетворение в служении Церкви.

Но религиозное воображение не было удовлетворено историческими и аккредитованными системами. Путешествия и завоевания пополняли духовное богатство или бремя римской расы. В одиноких альпийских перевалах, в пустынях Африки или в йоркширских далях, в каждом древнем лесу или тайном источнике, мимо которых он проходил в своих странствиях

или походах, римлянин находил сонмы новых божеств, возможных помощников или возможных врагов, чью благосклонность было целесообразно завоевать.²⁰³⁹ А если он не знал их странных необычных имен, то старался умиловить их всех вместе, без всякого имени или под любым удобным им именем.²⁰⁴⁰ И, как будто это смутное множество призрачных сил было недостаточно велико для преданности, плодородие воображения создало множество гениев, преследующих или охраняющих духов, привязанных к каждому месту или сцене, к каждой группе или корпорации людей, имевших место в римской жизни. Были гении тайного источника или рощи, лагеря, легиона, когорты, римского народа, и, прежде всего, гений императора.²⁰⁴¹ Апофеоз продолжался - апофеоз не только императоров, но и философов-теургов вроде Аполлония, приспешников вроде Антиноя, просто самозванцев вроде Александра Абонотейского.²⁰⁴² Старые оракулы, которые были подавлены или пришли в упадок в царствование Нерона, ожили и стали популярными в царствование Траяна. Были открыты новые источники прорицаний [pg 387] вдохновения, некоторые из них на время превзошли древнюю славу Дельф или Додоны.²⁰⁴³ По словам Лукиана, прорицания раздавались с каждой скалы и каждого алтаря.²⁰⁴⁴ Любая форма откровения или гадания, любой путь доступа к Божественному, с нетерпением искали или принимались с благочестивой доверчивостью. Изучение предзнаменований и снов было сведено к форме псевдонауки множеством писателей, подобных Артемидору. Священное искусство исцеления с помощью ночных видений нашло приют в очаровательных храмах Асклепия, которые возвышались возле стольких освященных источников, с прекрасными перспективами и благодатным воздухом, где бог открывал свое средство во сне, и знания, наполовину иератические, наполовину медицинские, применялись для облегчения страдальцев.²⁰⁴⁵ Чудеса и особые провидения, самые чудесные или самые гротескные, описывались с беспрекословной верой не только фанатиками вроде Аэлиана, но и такими учеными историками, как Тацит и Суэтоний. Рассказам о колдовстве и странном чародействе так же охотно верят за обеденным столом Тримальхиона²⁰⁴⁶, как и в одиноких фессалийских деревнях. На более высоком уровне новой пифагорейской веры все возможно для чистого духа. Такой душе Бог откроет Себя многими голосами, к которым глуха грубая человеческая глина; будущее обнажит свои тайны; природа уступит свои скрытые силы. Духовная отрешенность торжествует над материей и временем, и пифагорейский апостол предсказывает чуму в Эфесе, изгоняет бесов, воскрешает мертвых, исчезает как фантом из лап Домициана.²⁰⁴⁷

На первый взгляд, такое состояние религии, как было описано выше, может показаться просто обескураживающим хаосом бесконечно разделенных духовных интересов. Люди, похоже, переняли мифологию каждой расы и добавили к ней новую мифологию, отличающуюся положительно безграничной плодovitостью. На одной votивной табличке можно найти имена великих богов Лациума и Греции, Персии, Коммагены и Египта, а рядом с ними - странные имена британских или швейцарских, кельтских, испанских или мавританских богов и смутно обозначенные духи, которые теперь, казалось, мириадами парят вокруг сцен человеческой жизни.²⁰⁴⁸ И все же, [pg 388] незаметно для обычного верующего, среди всего этого сумбурного брожения утверждал свою власть некий принцип единства или постижения. Хотя старые боги в произведении Лукиана могли комично жаловаться, что их вытесняют с Олимпа Митра, Анупис и их варварская компания²⁰⁴⁹, на самом деле в языческих культах было мало ревности или отвращения. Древний ритуал терял свою точность очертаний; почтенные божества классического мифа теряли свою индивидуальность, которая так долго отличала их в народном воображении.²⁰⁵⁰ Провинции и атрибуты родственных божеств перетекали друг в друга и в конце концов были отождествлены; синкретизм витал в воздухе. Без объединяющей помощи философии обычное благочестие бессознательно осуществляло обширный процесс упрощения,

который стремился к идеальному единству. В "Священных ораториях" Аристида Посейдон, Афина, Серапис, Асклепий сбрасывают свои особые полномочия, которыми они были так долго известны, и поднимаются, без всякой опасности столкновения, к всеохватывающему господству. Так, Исида Апулея, "богиня мириад имен", в своем видении Луцию смело заявляет, что она "царица мира теней, первая из обитателей небес, в которой все боги находят свой неизменный тип".²⁰⁵¹ Конечно, до самого конца обычная суеверная преданность масс, вероятно, была мало затронута великим духовным движением, которое в высших слоях формировало языческую веру в приближение к монотеизму. Простой крестьянин все еще держался за свое любимое божество, как его потомок-католик сегодня за своего любимого святого. Но именно в высших умах можно по-настоящему проследить движение великих духовных сил. Посвящение Апулея во все мистерии, благоговейные посещения Аполлонием всех храмов и оракулов от Ганга до Гвадалквивира, утренние службы Александра Севера в часовне, где хранились образы Авраама и Орфея, Аполлония и Христа²⁰⁵²; эти и многие другие примеры всеобъемлющей преданности указывают на цель той платонистской теодицеи, изложение которой является целью данной главы.

Зрелище огромного цветения чистого язычества, [pg 389] большей частью порожденного вполне мирскими страхами, надеждами и желаниями, для таких людей, как Лукиан, было зрелищем, которое могло, в зависимости от настроения, вызвать слезы или смех. Но тот же великий импульс, который ввергал толпу в столь дикое любопытство суеверия, пробуждал в образованных людях более возвышенные представления о Божественном и чувства более чистой преданности. И порой в одном сознании можно увидеть как самые высокие, так и самые низкие проявления протеинового религиозного инстинкта. Было ли когда-нибудь такое сочетание чувственного воображения с идеалом аскетической чистоты, ужасов и темных искусств анильного суеверия с мистическим видением Бога, как в душе Апулея? Художник самых жутких сцен в античной литературе, похоже, лелеял веру в небесного Царя, Первопричину всей природы, Отца всех живых существ²⁰⁵³, Спасителя духов, неподвластного времени и переменам, далекого, невыразимого. Молитва благодарения Исиде могла бы, *mutatis mutandis*, быть почти предложена в христианской церкви. Концепция единства и чистоты Божественного Единого была бесценным завоеванием греческой философии, в первую очередь Платона. До римского мира ее донесло учение стоицизма. Но в монотеизме первого и второго веков Империи звучит новая нота. Бог перестал быть просто интеллектуальным постулатом, необходимым венцом и владыкой великой космической системы. Он стал нравственной необходимостью. Его существования требует как сердце, так и разум. Люди жаждали Бога не для объяснения Вселенной, а для разрешения загадки их собственной жизни; не слепой силы, величественно и безжалостно движущейся к "какому-то далекому событию", а Бесконечного Отца, направляющего в мудрости, лелеющего в милосердии и, наконец, принимающего к Себе Своих детей. Такова концепция Бога, которая, от Сенеки до Аврелия, овладевает лучшими умами, как стоиками, так и платониками.²⁰⁵⁴ Сенека, как мы видели в предыдущей главе, часто говорит в жестких тонах старого стоицизма. Иногда [pg 390] Бог, природа, судьба, Юпитер - это идентичные термины²⁰⁵⁵. Но холодная, материалистическая концепция Бога непримирима со многими местами в его сочинениях. Подобно Эпиктету и Аврелию, Сенека часто гораздо более эмоционален, можно сказать, гораздо более современен, чем его исповедуемое вероучение. Материалистическая *Anima Mundi*, связанная со вселенной и природой человека, становится бесконечно благосклонным Творцом, Провидением и Хранителем, Отцом и почти Другом людей. Он - автор всех благ, но никогда - зла: Он нежен и милосерден, и приписывать Ему бурю, мор, землетрясение или различные язвы человеческой жизни - нечестие. Все это - результат действия физических законов. Такому Богу следует безгранично благодарить за Его доброту, смиряясь с мудрыми наказаниями Его руки. Он

наказывает тех, кого любит. В тяжелой утрате Он берет только то, что дал. Он - наш готовый помощник во всех нравственных усилиях; ни одно доброе дело невозможно без Его поддержки. В обмен на все Свои блага Он не требует ни дорогостоящих материальных подношений, ни крови жертв, ни дымящихся благовоний, ни преклонения в молитве. Вера в Бога - вот истинное поклонение Ему. Если вы хотите умиловить Его, подражайте Его благодати. А для избранной души день смерти - это день рождения вечности, когда груз телесных вещей стряхивается, и бесконечное величие бессмертной жизни раскидывается без тревожной тени.²⁰⁵⁶

Не менее поразительна теплота благочестивых чувств, которыми наполнено нравственное учение Эпиктета и Аврелия. Они действительно не отказались от старого стоического принципа, согласно которому конечное благо человека зависит от правильности его воли. Но стоический мудрец уже не одинокий атлет, побеждающий своей гордой силой без посторонней помощи и в своей победе возвышающийся чуть ли не до Зевса. Растущий нравственный опыт учил смирению и внушал чувство зависимости от Высшей силы, сочувствующей человеку.²⁰⁵⁷ Ни один истинный стоик, конечно, никогда не мог забыть о Божественном элементе в каждой человеческой душе, который связывал ее с космической душой и благодаря которому человек мог привести себя в гармонию с великим полисом [pg 391] богов и людей. Но, так или иначе, Божественная сила, имманентная миру, из тусклого, холодного, непроницаемого закона, судьбы или безличной силы постепенно превращается в Существо, если не отдельное от человека, то, во всяком случае, его высшее, его Создателя и Хранителя, а в конечном итоге - в Отца, от которого он исходит и к которому возвращается после смерти. Кто-то может подумать, что это падение с возвышенного уровня старой школы. Ответ заключается в том, что прежние попытки найти спасение с помощью чистого разума в повиновении закону целого, хотя они и были великолепны, не были действенной религией для человека в его нынешнем виде. Вечная инволюция духа и материи в старом стоическом вероучении, холодная, безличная, непознаваемая сила, которая под любым именем - Закон, Причина, Судьба, Необходимость - пронизывает вселенную, обязательно исключают идею замысла, провидения, моральной заботы о человечестве. Неведомая сила, требующая абсолютного повиновения, не имеет ни помощи, ни признания для своего поклонника. Монизм старых стоиков рушится. Человеческий дух, стремясь осознать свое единство с Вселенским Духом, все острее ощущает вечное противостояние материи и духа, не получая при этом никакой помощи в конфликте от той силы, которая его предписывает; он "оказывается один в чужом мире". У истинного стоика нет реального объекта поклонения. Если он и обращается к бесстрастному центру и душе своей вселенной, иногда в восторженных тонах любовной преданности, то это лишь жалкая иллюзия, порожденная верой прошлого или вдохновленная смутным предвидением веры грядущего времени. Как может комплекс слепых сил вызвать какую-либо преданность? Он требовал безропотного подчинения и самопожертвования, но не давал никакой помощи, кроме имени Божественного начала в человеческой душе; он не давал мудрецу вдохновляющего примера в конфликтах страстей, под обструкцией, обструкцией и гонениями. А между тем в этой бесплодной борьбе человеческий характер через стрессы и бури развивал новые силы и добродетели, возвышенное мужество перед лицом беззаконной власти, благочестивое смирение перед ударами судьбы, нежное внимание и милосердие даже к рабам и изгоям общества - идеалы чистоты, неведомые античному миру в его расцвете. Мудрец, согласно ортодоксальной теории, мог бы покоиться в безмятежном довольстве округлого совершенства. Но человеческая природа устроена иначе. Пропорционально духовному прогрессу растет сила духовных стремлений; *beati [pg 392] mundo corde, ipsi Deum videbunt*. Плодотворной частью стоицизма как религии было учение о том, что человеческий разум - это часть мировой души, искра Божественного разума. Поначалу это понималось лишь в

духе материалистического пантеизма.²⁰⁵⁸ Родство между индивидуальной и общей душой было не более чем физической доктриной. Но у таких умов, как Эпиктет и Сенека, она приобрела глубокий духовный смысл; она прикоснулась к источнику всей настоящей религии. Чистый разум никогда не сможет решить религиозную проблему. История религий показывает, что концепция Бога, способная эффективно воздействовать на составную человеческую природу, никогда не достигается спекулятивным интеллектом. То, что не может сделать разум, делает "подсознательное я"²⁰⁵⁹, которое является тусклым местом глубоких интуиций, преследуемых смутными воспоминаниями, наследственными привязанностями и эмоциональными ассоциациями, источником странного гения, героического самопожертвования, бесконечного стремления. Там пульсирует прилив, "который черпает из безбрежной глубины". Так стоик более позднего времени стал мистиком, в том смысле, что "любовью и эмоциями он разрешил дуализм мира".²⁰⁶⁰ Бог больше не является простым физическим законом или силой, пусть даже сублимированной, несущейся в безжалостном порыве или монотонности циклических изменений. Бог находится внутри человеческой души, не как искра эмпирического огня, но как голос совести, духовный наблюдатель и утешитель, "Святой Дух"²⁰⁶¹, побуждающий, охраняющий, утешающий в жизни и смерти. Бог больше не встречается в упорядоченном движении сфер, повторяющихся процессах или катаклизмах материальной вселенной. Он слышен в тихом и спокойном голосе. Так поздний стоицизм переплавляется в возрожденный платонизм.

Вероятно, Сенека и Эпиктет, если бы их допросили, лояльно перевели бы свои самые восторженные и благочестивые высказывания в холодные термины стоической ортодоксии. Но эмоциональный тон - действительно новый элемент в их учении, и язык духовной отрешенности, радостной покорности Высшей Воле, свободного и радостного повиновения ей в доверии любви был бы абсурдным, если бы был обращен к [pg 393] абстрактному закону или физической необходимости.²⁰⁶² Отцовство Бога и родство всех людей как Его сыновей - основополагающий принцип нового вероучения, обязывающий нас не совершать ничего недостойного такого происхождения.²⁰⁶³ В другое время мы - солдаты Божьи на войне со злом, связанные военным послушанием, спокойно ожидающие последнего сигнала к отступлению со сцены борьбы.²⁰⁶⁴ Бесконечная доброжелательность Бога утверждается перед лицом всех видимых доказательств обратного. Это, конечно, тем более легко для того, кто воспитан в доктрине, что внешняя удача жизни не имеет ничего общего с настоящим счастьем человека. Страх перед Богом изгоняется чувством Его совершенной любви. Всевидящее око, всеохватывающее провидение не оставляют места для забот и предчувствий. Стоический оптимизм теперь основан на личном доверии к любящей и праведной воле: "Я - Твой, делай со мной, что хочешь". "Ибо все содействует ко благу любящим Его". Внешние страдания и очевидные несчастья послушных сынов Божьих не являются камнем преткновения для веры.²⁰⁶⁵ Великий герой Геракл, сын Зевса, подвергся тяжким испытаниям, выполняя сверхчеловеческие задачи, и завоевал свой венец бессмертия через труды и сражения. "Кого Он любит, того наказывает". Даже явная несправедливость - это лишь обучение через страдания. Все это "лишь легкие страдания" для того, кто видит должные пропорции вещей и знает Зевса как своего отца. Даже для бедных, хромых, слепых, если они обладают божественной любовью, вселенная - это великий храм, полный тайн и радости, а каждый день - праздник. В обыденной жизни, когда мы пашем, копаем, едим, мы должны петь гимны Богу. "Что еще я могу делать, - говорит Эпиктет, - хромой старик, кроме как петь хвалу Ему и увещевать всех людей присоединиться к той же песне?"²⁰⁶⁶ Кто скажет, какая глубина религиозного чувства, завуалированная под старомодными фразами, была в этом изречении Аврелия: "Все гармонирует со мной, что гармонирует с тобой, о Вселенная. Ничто для меня не является ни слишком ранним, ни

слишком поздним, что является своевременным для тебя. Ибо ты - все, в тебе - все, [pg 394] к тебе все возвращается". Поэт говорит: "Дорогой город Хекропса"; а разве ты не скажешь: "Дорогой город Зевса?" [2067](#)

Отношение таких душ к внешнему поклонению в каждую эпоху можно легко определить и без свидетельств их слов. Если Бог благ и желает только добра своим созданиям, то стремление умиротворить Его гнев и отвратить Его капризные суды становится нечестьем. Если конечное благо человека лежит в нравственной сфере, в справедливости, мягкости, воздержанности, послушании высшему порядку, то молитва о внешних благах, о потворстве чувству или честолюбию свидетельствует о безнадежном заблуждении относительно природы Бога и высшего предназначения [человека](#) [2068](#). С другой стороны, не отказываясь от учения о том, что высшее благо зависит от добродетельной воли, поздние стоики и платоники стали чувствовать, что человек нуждается в поддержке и вдохновении в своей нравственной борьбе со стороны высшей Силы, Силы, которая находится вне его и за его пределами, но которая близка ему по природе и сочувствию. Молитва больше не является средством получения временных благ, "о которых достойным не нужно молиться, а недостойные не получают". Это укрепляющее общение с Высшим, акт благодарения за уже полученные благословения, побуждение к более полной и божественной жизни. [2069](#) Это усилие благодарности и поклонения, чтобы черпать из Божественного источника все нравственные силы.

Для современников всегда остается загадкой, как души, живущие в таком духовном мире, отказывались порвать с языческим идолопоклонством. Сенека, правда, презирал грубость мифов в утраченном трактате о [суевериях](#) [2070](#) ; он не питал симпатии к внешним обрядам поклонения. Но каким-то странным образом Аврелий примирил пунктуальную преданность народным богам со строгим пантеизмом или монотеизмом. Именно у таких платоников, как Дион или Максим Тирский, мы встречаем попытку апологии антропоморфного символизма Божественного. [2071](#) Оправдание кроется в огромной пропасти, которая отделяет далекую, невыразимую и немислимую чистоту Бога от слабости и грубости человека. Немногие [pg 395] могут взиать без помощи мысли на открытое Божественное величие. Образы, обряды и священные мифы были придуманы мудростью прошлого, чтобы помочь памяти и воображению слабых обычных душ. Символы менялись в зависимости от бесконечного разнообразия рас. Животные или деревья, горы или реки, грубые неотесанные камни или чудеса Фидия из золота и слоновой кости - все это лишь знаки или изображения, с помощью которых душа устремляется к Бесконечной Сущности, которую никогда не видел смертный глаз и не изображал человеческий фантазм. Символ, привлекательный для одной расы, может быть бедным и презренным в глазах другой. Поклонение животным в Египте потрясло умы, которые были вознесены к небесам покоряющим величием богини Девы или Зевса Олимпийского. Человеческая форма, как избранная обитель излияния Божественного Духа, вполне может показаться Диону и Максиму самым благородным и подходящим символом религиозного поклонения. Однако, в конце концов, все они готовы терпеть любые отклонения религиозной фантазии, оправданные его использованием. [2072](#) Самый совершенный символ - лишь слабое подобие "Отца и Творца всего, Который старше солнца и небес, сильнее времени и веков и быстротечного мира перемен, не названный никаким законодателем, Которого ни язык не может выразить, ни глаз увидеть. Не в силах постичь Его истинную сущность, мы ищем ее в именах или образах, в животном или растении, в реке или горе, в блестящих формах из золота, серебра и слоновой кости. Все, что у нас есть прекраснейшего, мы называем Его именем. И из любви к Нему мы, как и подобает влюбленным, цепляемся за все, что напоминает о Нем. Я не спорю с разнообразными образами, если мы стремимся познать, полюбить, вспомнить Его". [2073](#) Это вспышка

терпимого и эклектичного платонизма, готового потворствовать всему в самых грубых религиозных образах. Но более добросовестное изучение даже греческой легенды требовало, как мы увидим, более глубокого решения, чтобы объяснить темные обряды и легенды, бросающие тень на Бесконечную Чистоту.

Стоическая теология, превращавшая богов легенд в тонкие абстракции, различные потенции Бесконечного Духа, взаимодействующего со Вселенной,²⁰⁷⁴ была в некоторых отношениях конгениальна [pg 396] римскому уму и отражала дух старой римской религии. Эта религия сухих абстракций, в которой не было ни мифа, ни призрачного очарования поэтического воображения,²⁰⁷⁵ легко поддавалась системе, объяснявшей богов с помощью аллегорий или физического рационализма. Это не было эйрениконом для второго века, по крайней мере, среди вдумчивых, благочестивых людей. Философские усилия столетий веков закончились эклектикой в пользу чисто моральной культуры и глубоким скептицизмом в отношении достижения высшей истины с помощью разума.²⁰⁷⁶ Простое интеллектуальное любопытство, желание знания ради него самого и надежда на его достижение странным образом отсутствуют в самых возвышенных умах, у Сенеки, Эпиктета и Аврелия.²⁰⁷⁷ Такие люди, как Лукиан, иногда в полумеланхолии, полупрезрительной насмешке, забавлялись тем, что высмеивали хаотичные результаты интеллектуальных амбиций прошлого.²⁰⁷⁸ Они в равной степени признавали огромную силу того духовного движения, которое пробовало все пути аккредитованной религиозной системы или нового суеверия, которые могли бы привести посвященного к какому-то проблеску божественного мира. И бок о бок с возрождением суеверий старого мира, из какого бы источника они ни исходили, распространялись более возвышенные и этические представления о Боге, смутное чувство греха и человеческой слабости, потребность в очищении и поддержке со стороны Божественной руки. Стоицизм, при всем его суровом величии, потерпел неудачу в своем толковании как человека, так и Бога. Популярная теология, как бы ни успокаивала она старые ассоциации и невоспитанные чувства, часто вызывала шок в обостренном нравственном чувстве и высших духовных интуициях. Однако благородное очарование проверенного временем ритуала, торжественного или величественного, эмоциональное воздействие и тусклое обещание откровения в тайнах многих святынь, соблазнительные притяжения новых культов со странным смешением чувственного и мистического - все это сплетало вокруг человеческой души такой заколдованный лабиринт духовного очарования, что выбраться из него было невозможно, даже если бы и хотелось. Но его уже не желали даже самые высокие интеллектуалы. Попытки чистого разума разгадать тайну Бога и предназначения человека потерпели неудачу. И все же люди продолжали "искать Бога, чтобы найти Его". И [pg 397] Бог, которого они искали, был тем, на кого они могли положиться, в ком они могли обрести покой. Откуда должно было прийти откровение? Где искать посредника, который примирил бы древние верования или басни с очищенным представлением о Божестве и стремлением к высшей нравственной жизни?

Возрожденная пифагорейская и платонистская философия, взявшаяся за решение этой проблемы, на самом деле была частью великого духовного движения, центром которого была Александрия.²⁰⁷⁹ В этом месте встречи Востока и Запада, всех систем мысли и культа, синкретизм смешал все верования. Адриан в своем письме к Сервиану цинично замечает, что одни и те же люди были готовы беспристрастно поклоняться Серапису или Христу.²⁰⁸⁰ Философия все больше и больше становилась религией; ее первая и высшая цель - правильное познание Бога. И философия, не найдя помощи ни в жизни по природе, ни в божественном элементе в индивидуальном сознании, должна была теперь искать опору в Боге, выходящем за пределы природы и сознания, в Боге, подобного тому, которого предвещал мистицизм Востока или системы Пифагора и Платона. Но такой Бог, выходящий

за пределы природы и сознания, далекий, невыразимый, лишь в редкие моменты высшей экзальтации смутно постигаемый человеческим [духом2081](#) , не мог вызвать полного любовного доверия и горячего благоговения, которые жаждали предложить люди. Небеса так далеки от земли, а земля так омрачена туманом чувств, что любой отблеск откровения должен быть принят, откуда бы он ни пробивался. Таким образом, всеобъемлющий синкретизм, хотя и удовлетворял благочестие предков и естественный инстинкт всех религий укорениться в прошлом, давал надежду на просветление от сходящихся огней. Вернее, любая религия, завоевавшая почитание людей, может передать луч от центрального Солнца. Верующий в Бога, жаждущий общения с Ним, помощи из Его рук, может путем благоговейного отбора найти во всех религиях то, что удовлетворит его потребности. Откровение было настоящим требованием. Где люди могут найти его, как не в благоговейном изучении великих исторических попыток человечества прорвать завесу?

[pg 398]

Философия, которой предстояло попытаться возродить язычество во втором веке и которая должна была вести свои последние битвы в четвертом и пятом, восходила к Пифагору и Платону. Родство Платона с древним мистиком хорошо известно. И читатель "Фаэдо" или "Республики" не удивится тому, что последователи двух мастеров греческой мысли, которые больше всего верили в духовное видение и в упорядоченную нравственную жизнь, объединились в попытке, которая продолжалась до конца Западной [империи2082](#) , соединить возвышенный мистицизм с верой предков. У этих двух систем было много общего, и все же каждая вносила свой особый элемент в великое движение. Пифагорейство, хотя его происхождение и окутано тайной, всегда было наполнено мистицизмом Востока. Платонизм был по сути философией греческой культуры. Движение, в котором соединились их силы, было движением, в котором новый эллинизм царствования Адриана укрепился для восстановления западного язычества с теми более чистыми и возвышенными представлениями о Боге, изначальной родиной которых является Восток. Попытка язычества реабилитировать себя во втором веке в немалой степени черпала вдохновение в регионах, ставших колыбелью христианской веры.[2083](#)

Сенека, похоже, считал пифагорейство вымершим.[2084](#) Однако один из его собственных учителей, Сотирон, практиковал аскетизм,[2085](#) а в I веке до н. э. антиквары обнаружили следы по меньшей мере девяноста трактатов членов школы, многие из которых были подделаны под древние имена.[2086](#) Как дидактическая система школа, действительно, давно исчезла, но пифагорейский аскетизм, похоже, никогда не терял своей непрерывности. Он вызывал насмешки в Новой комедии. Возможно, она сыграла свою роль в формировании эссенской и терапевтической дисциплины.[2087](#) В I веке до н. э. у нее был выдающийся приверженец П. Нигидий Фигул и ученый толкователь в лице Александра Полигистора. О ее непреходящей силе в качестве духовного вероучения, родственного язычеству, свидетельствует тот факт, что Иамблих, один из последних неоплатоников и один из ярых приверженцев суеверия, изложил пифагорейскую систему во многих трактатах и написал образную биографию [pg 399] великого основателя.[2088](#) Современникам он лучше всего известен по романтической жизни Аполлония Тианского, написанной Филостратом по заказу Юлии Домны, жены Септимия Севера, которая сочетала с сомнительной добродетелью любовь к мистицизму родного Востока.[2089](#) Аполлоний окружен своим биографом атмосферой таинственности и чуда. Но хотя критически настроенный историк должен отвергнуть многое из этого повествования, вера пифагорейского миссионера времен правления Домициана вырисовывается в четких очертаниях. Аполлоний - истинный представитель нового духовного движения. Его матери было видение еще до его рождения. Его раннее обучение в

Эгах было эклектичным, как дух эпохи, и он слушал учение врачей всех школ, не исключая даже эпикурейской.²⁰⁹⁰ Но он рано посвятил себя суровому аскетизму пифагорейской секты, носил чистое белье, воздерживался от вина и плоти, соблюдал пятилетнее молчание и сделал храм своим домом. Поклонение Асклепию, набравшее в то время необычайную популярность, особенно привлекало его своей атмосферой безмятежности и ритуальной чистоты, а также сновидческими оракулами о благотворном исцелении. Аполлоний странным образом сочетает в себе, подобно Плутарху и эклектичным платоникам, решительный монотеизм с консервативной преданностью древним богам. За высшим вдохновением он обращается к Востоку, к мудрецам Ганга. Он каждый день поклоняется солнцу.²⁰⁹¹ Однако он проявляет глубокий интерес к народной религии многих стран, по которым он путешествовал. Он часто посещал храмы всех богов, беседовал со жрецами о древних преданиях их святынь, исправлял или восстанавливал, с авторитетом, который, кажется, никогда не оспаривался, их ритуалы там, где они были забыты или изуродованы с течением веков.²⁰⁹² Он искал посвящения во все мистерии. Он написал книгу "О жертвоприношениях", в которой рассматривались самые мельчайшие детали поклонения.²⁰⁹³ Он проявлял глубокий интерес к древним легендам и славе великих эллинских героев, и, проведя странную ночь с тенью Ахилла в Троаде, он заставил фессалийцев [pg 400] восстановить его утраченные почести.²⁰⁹⁴ Храмы признали в нем одновременно защитника и реформатора. Оракулы Ионии не скрывали своего восхищения его пророческим даром и приветствовали его как истинного сына Аполлона.²⁰⁹⁵ Его визит в Рим в самый мрачный час нероновского террора, похоже, вызвал странный религиозный пыл; храмы были переполнены верующими; это было языческое возрождение.²⁰⁹⁶

Однако этот странный миссионер придерживался принципов, которые должны были стать роковыми для языческого культа. Он черпал свой главный принцип из восточного пантеизма, который мог показаться непримиримым с антропоморфизмом Запада. Действительно, под Бесконечным Духом, как в платоновской теодицее, языческие боги находят место в качестве Его служителей и **наместников**²⁰⁹⁷. Но вечная антитеза духа и материи, презрение к телу как унижительной тюрьме божественного начала в **человеке**²⁰⁹⁸, аскетическая теория о том, что, распяв плоть и ослабив ее силы, дух может стать открытым для небесных влияний, - все это доктрины, которые могут показаться совершенно враждебными грубому материалистическому ритуалу. И на самом деле Аполлоний в какой-то степени следовал своим принципам. Он презирал популярное представление о гадании и магии.²⁰⁹⁹ Единственная законная способность предвидеть будущее или влиять на материальный мир дана душе, которая чиста от всякой плотской скверны и потому близка к Богу. Он глубоко чувствует, что мифы, распространяемые поэтами, понизили идеал Бога и характер человека, и предпочитает басни Эзопа, в которых ложь фантазии используется для определенной моральной цели.²¹⁰⁰ Калечение отца, штурм Олимпа гигантами, кровосмешение и прелюбодеяние среди богов должны быть осуждены, как бы они ни были прославлены поэзией. Аполлоний презирал египетское поклонение животным, даже когда его защищала диалектическая тонкость Греции.²¹⁰¹ Его отталкивала грубость кровавых жертвоприношений, пусть и освященных вековым обычаем. К более благородному символизму [pg 401] эллинского искусства он, как и Дион, испытывал определенную симпатию, но только как к символизму. Любой разумный образ Высшего, не выводящий душу за пределы чувства, наносит ущерб его цели и унижает чистую религию. Изобразительные или скульптурные формы - лишь вспомогательные средства для того мистического воображения, через которое только и можно увидеть Бога. Наконец, его представление о молитве носит исключительно духовный или этический характер. "Даруйте мне, боги, то, что мне причитается" - вот высшая молитва Аполлония.²¹⁰² Однако, как мы уже видели, религия Аполлония имеет глубокую практическую направленность. Он был

великим проповедником. Он обращался к огромным толпам людей со ступеней храмов в Эфесе или Олимпии, обличая их роскошь и женолюбие, их вражду и подлые гражданские амбиции, их любовь к легкомысленным видам спорта или кровавым разборкам на арене.²¹⁰³ Помимо познания Бога, он проповедовал важность самопознания и внимательного отношения к голосу совести. Он увенчал свою жизнь тем, что бесстрашно отстаивал дело праведности в страшной палате Домициана.

Примерно в то время, когда Аполлоний остриг бороду последнему из Флавиев и проповедовал языческое возрождение в портиках римских храмов, вероятно, Плутарх, в некоторых отношениях родственный ему по духу, выступал в Риме в качестве лектора.²¹⁰⁴ Величайший из биографов не имел достоверной биографии.²¹⁰⁵ Немногие достоверные факты о его жизни следует почерпнуть из его собственных сочинений. Он был потомком древнего рода из Хаэроanei, известной как место трех исторических битв, "место танцев Бога войны", а его прадед рассказывал о великом конфликте при Актиуме.²¹⁰⁶ В 66 году н.э, когда Нерон то выделялся, то позорился как соперник на греческих празднествах, Плутарх был молодым студентом Афинского университета под руководством Аммония²¹⁰⁷, который, если и внушил ему восхищение Платоном, то также научил его свободно черпать из всех сокровищ греческой мысли. Плутарх, прежде чем окончательно обосноваться в Херонее, успел увидеть кое-что из великого римского мира. Он посетил Алекс [pg 402] андрию и часть Малой Азии.²¹⁰⁸ В раннем возрасте он был нанят представлять свой родной город по общественным делам,²¹⁰⁹ и он посетил Рим, вероятно, в правление Веспасиана, и еще раз, в правление Домициана.²¹¹⁰ Это было время, когда оригинальный гений в римской литературе показывал признаки провала, но когда минутное античное обучение становилось страстью.²¹¹¹ Это также был век нового софиста. Эллинизм витал в воздухе, и в лекционные театры стекались желающие послушать философского оратора или профессионального художника слова.²¹¹² Хотя Плутарх никогда не упоминается в письмах Плиния рядом с такими людьми, как Евфрат, он нашел свою аудиторию в Риме, и знаменитый Арулен Рустик был однажды среди его слушателей.²¹¹³ Разбирая императорские библиотеки, он также познакомился на приятных светских вечерах со многими учеными и чиновниками, некоторые из которых входили в круг Плиния и Тацита²¹¹⁴.

Но его родная Греция с ее великими воспоминаниями и родная Хаэроanea, с которой его связывало благочестие предков, имели для такого человека, как Плутарх, гораздо большее очарование, чем столица мира. При нашей любви к волнениям и личному престижу трудно представить, как человек огромной культуры и блестящих литературных способностей мог выдержать монотонность буржуазного общества в обезлюдившей и приходящей в упадок Греции.²¹¹⁵ Однако Плутарх, похоже, находил это легким и даже приятным. Он был слишком велик, чтобы позволить вульгарным мнениям или эфемерным амбициям перечеркнуть и нарушить его собственную схему жизни. Его семейные отношения были милыми и счастливыми. Его супружеская жизнь воплотила в себе самые высокие идеалы счастливого брака.²¹¹⁶ Он пользовался почтительной привязанностью своих братьев и старших родственников. Мелкие магистратуры, в которых он считал своим долгом служить [pg 403] своем родном городе, в его глазах были достойны мысли о том, что Эпаминондасу когда-то было поручено очищать улицы Фив²¹¹⁷. Его жречество Аполлона в Дельфах, вероятно, было гораздо более привлекательным, чем императорские почести, которые, согласно легенде, предлагали ему Траян и Адриан.²¹¹⁸ Для его исторического и религиозного воображения древнее святилище, которое смотрело на залив с подножия "Сияющих скал", было священным, как никакое другое место на земле. Хотя во времена Плутарха Дельфы утратили свое величие и славу,²¹¹⁹ они все еще были окружены очарованием вековой святости и могущества. Это было место, откуда божественные голоса предупреждали или советовали

царям Лидии, вождям диких орд на Стримоне, посланникам римских Тарквинов, всем эллинским городам от Эвксинского моря до Атлантики. Мы до сих пор можем практически обойти все его античные сокровища под его чутким руководством. Вероятно, самые счастливые часы Плутарх проводил, сопровождая гостей - профессора, возвращавшегося из Британии в Тарс, спартанского путешественника, только что вернувшегося из далеких индийских морей, - вокруг этих священных сцен; мы можем слышать их дебаты о сомнительном качестве дельфийского стиха или об источниках его вдохновения; мы можем наблюдать, как они делают паузы, чтобы вспомнить историю заплесневелой бронзы или мрамора, и пробуждают отголоски тысячелетней давности.²¹²⁰

Плутарх, должно быть, был быстрым и неутомимым работником, ведь его труды почти сопоставимы с трудами Варро, Цицерона или старшего Плиния. Тем не менее он находил время для приятных визитов во все уголки Греции, где были истории или сокровища для антиквара. Он пользовался дружбой самых ярких интеллектуалов того времени: Ирода Аттика, [ритора-миллионера](#)²²²¹, Фаворина, великого софиста из Галлии, близкого друга Ирода и советника императора Адриана, Аммония, который был воспитателем Плутарха; многих других, известных в свое время, но для нас являющихся лишь тенью. Они встречались во многих местах: в Хаэронее, в Гиамполе, в Элевсисе после мистерий, в Патрее, в Коринфе во время [pg 404] Истмийских игр, в Фермопилах, в Афинах в доме Аммония или в Эдессе, Бадене Эвбейском, где в весеннее время люди находили приятное жилье и оживленное общение, чтобы разбавить монотонность посещения [бань](#)²²². У Плутарха был большой круг родственников: его дед Ламприй, рассказывавший от очевидца о веселье Антония в [Александрии](#)²¹²³; старший брат Ламприй, истинный беотиец, любивший хорошие блюда, военные танцы и [шутки](#)²¹²⁴; младший брат Тимон, к которому Плутарх был преданно [привязан](#)²¹²⁵. Его обычное общество, не слишком выдающееся в социальном плане, состояло из грамматиков, риторов, сельских врачей, лучших из тех, кого могла позволить себе округа.²¹²⁶ Разговоры часто ведутся на самые тривиальные или абсурдные темы, хотя и не более абсурдно-тривиальные, чем те, на которых отточенный софист демонстрирует свое изящество в лекционном зале.²¹²⁷ Однако не исключаются и более серьезные темы,²¹²⁸ и застольные разговоры Греции конца I века бесценны для изучающего общество. В таких сценах Плутарх не только культивировал дружбу, великое искусство жизни, не только наблюдал за игрой интеллекта и характера; он также находил разрядку от строгих трудов, которые принесли ему славу. Несомненно, не последнюю роль в его величии сыграло то, что в обстановке, которая для большинства талантливых людей была бы бесконечно унылой, он с неумемной жизненной силой гения сумел идеализировать общество приходящей в упадок Греции, связав его с прошлым.

И с такой способностью воскрешать прошлое даже скука маленького беотийского городка была вполне терпимой. Мы можем представить себе Плутарха, смотрящего на тихую улицу в еще пустой полдень, когда он сидел, пытаясь возродить древнюю славу своей расы и сравнить ее с завоевателями, одновременно напоминая владыкам мира, которые в ранней юности Плутарха, казалось, безудержно растрачивали свое наследие, о суровой, простой добродетели, которой оно было завоевано. Ведь в "Жизни великих греков и римлян" нравственный интерес стоит на первом месте. Плутарх пишет именно биографию, а не историю.²¹²⁹ Декорации и декорации, конечно, должны быть; но главная цель Плутарха - обрисовать характеры великих актеров на сцене. Поэтому он может пропустить исторические факты, представляющие более широкий интерес, а также записать, казалось бы, незначительные происшествия или высказывания, которые освещают тот или иной персонаж. Но Плутарх прекрасно видит и живые социальные сцены, и великие кризисы истории. Описание лихорадочной деятельности кишачей промышленности в великие дни

Фидия в Афинах, прочитанное однажды, невозможно забыть.²¹³⁰ Столь же неизгладимы картины последнего утра молодого Катона, когда он дочитывал "Фаэдо" и птицы начали щебетать,²¹³¹ бегства и убийства Помпея, самоубийства Оттона на ужасном поле Бедриакума, которое, казалось, искупало всю его злую жизнь. Мы также не можем забыть его описание одной из самых печальных сцен греческой истории, которая тронула даже Фукидида сдержанным пафосом, - отступление афинян от стен Сиракуз.

Плутарх был прежде всего моралистом, обладавшим гением религии. Его этические трактаты заслуживают тщательного изучения и столь же сочувственного изложения, чтобы пролить свет на моральные устремления эпохи, как доктор Махаффи умело использовал их для изображения ее социальной жизни. Нужно быть очень невообразимым человеком, чтобы не почувствовать очарование их откровения. Но человек с чисто умозрительным интересом, вероятно, будет разочарован. Плутарх не является оригинальным мыслителем в области морали или религии. У него нет нового Евангелия, которое он мог бы изложить. Он не обращается к истокам поведения или веры. Обладая обширными познаниями в области умозрительного прошлого, он мог бы написать бесценную историю античной философии. Но он этого не сделал. И, как человек гениальный, с сильной практической целью принести моральное благо своим братьям, его выбор призвания должен быть принят без колебаний. Он был величайшим эллинистом своего времени, когда эллинизм захватывал [pg 406] римский мир. Он также был человеком высоких нравственных идеалов, искреннего благочестия и всепоглощающего интереса к судьбе человеческого характера. Со всем этим богатством знаний, философских и исторических, со всем этим знанием человеческой природы, какую более благородную задачу мог поставить перед собой человек, чем попытаться дать какое-то практическое руководство поколению, сознающему свою нравственную слабость и разрывающемуся между новыми духовными идеалами и мифологиями прошлого? Острую необходимость в нравственной культуре и реформе характера, в руководящей силе поведения глубоко чувствовали все великие серьезные умы флавийской эпохи, Плиний и Тацит, Ювенал и Квинтилиан. Но Плутарх, вероятно, чувствовал это острее, чем кто-либо другой, и прилагал бесконечные усилия, чтобы удовлетворить его. Это была эпоха, когда философский директор и философский проповедник, как мы уже видели, встречались повсюду. И Плутарх в полной мере участвовал в этом движении и оказал влияние на широкий круг людей.²¹³² Если он и не разработал оригинальной этической системы, то внимательно изучил искусство нравственной реформы, и христианские гомилисты, от Василия до Джереми Тейлора, свободно черпали из кладезя его наставлений и наблюдений. Во многих трактатах он анализировал преобладающие пороки и недостатки своего времени - лесть, тщеславное любопытство, раздражительный нрав или ложную скромность - и давал правила для их лечения или избегания. В этих наставлениях основополагающим принципом является принцип Мусония, возможно, адаптированный из оракула жителям Цирры: "Вести войну с пороком днем и ночью и никогда не ослаблять бдительности".²¹³³ Призыв к реформам звучал в ушах Плутарха тем громче, что он представлял себе высокий идеал того, какой может стать жизнь, если, не отдавая ее на волю страстей и случайных влияний, с ранней юности формировать характер в соответствии с умеренной гармонией. Для такой души каждый проходящий день мог бы стать радостным праздником, вселенная - величественным храмом, полным славы ее Создателя, а жизнь - приобщением к радости ее святых тайн.²¹³⁴

В работе по моральной и религиозной реконструкции Плутарх и его современники могли полагаться только на философию как на руководство. Философия для Плутарха, Аполлония или Аврелия имела совсем иное значение, чем для великих [pg 407] мыслителей Ионии и Магна-Грации. Она не только покинула область метафизических спекуляций; она потеряла

интерес даже к простой теории морали. Она стала скорее искусством, чем наукой жизни. Учитель искусства не может полностью отрешиться от научной теории. В ту эпоху часто спорили об относительной важности практических наставлений и этической теории. Но тенденция, несомненно, заключалась в том, чтобы подчинить догму назиданию.²¹³⁵ А там, где догма была необходима для практического эффекта, она могла быть почерпнута из самых противоположных мест. Сенека с удовольствием завершает письмо цитатой из Эпикура. М. Аврелий апеллирует как к примеру Эпикура, так и к учению Платона.²¹³⁶ Человек может заниматься космическими спекуляциями; у "Тимея" было много комментаторов в первом и втором веках.²¹³⁷ Но для Плутарха и его современников великая задача философии состояла в том, чтобы внести некий порядок в моральный и религиозный хаос. Нужны были не оригинальные мысли или открытия, а применение разума, воспитанного изучением прошлого, к моральным и религиозным проблемам настоящего. Философ иногда, на наш взгляд, кажется пустяком, касающимся мельчайших деталей внешнего облика, идиомы или одежды; он дает наставления по воспитанию детей; он занимается любопытными вопросами ритуального и антикварного интереса.²¹³⁸ Эти кажущиеся деградации великой миссии, в конце концов, лишь подчеркивают тот факт, что философия теперь была озабочена человеческой жизнью, а не проблемами спекуляции. Фактически она превратилась во всеобъемлющую религию. Она давала лекарства от моральных болезней; она давала рациональный критерий, по которому должны были оцениваться или объясняться все мифы и ритуалы.²³⁹

Плутарх был эклектиком в том смысле, что, зная все моральные системы прошлого, он был готов заимствовать из них любые принципы, которые могли бы поддержать характер. Мог ли он, родившись на четыре или пятьсот лет раньше, сам создать или разработать оригинальную теорию - вопрос, на который можно ответить по-разному. Можно без колебаний согласиться с распространенным мнением, что [pg 408] Плутарх не обладал гением оригинальных рассуждений. Если бы он попал под влияние Сократа, то не так уж точно, что он не мог бы сочинять диалоги с определенным очарованием свежей диалектики и живописной драматической силой. Немного неисторично осуждать гениального человека за недостаток умозрительной оригинальности, который родился в эпоху, когда умозрение иссякло, а мысль была лишь вспомогательным средством для ведения. Когда диссонирующие школы оставили высоты метафизики и космологии, чтобы посвятить себя нравственной культуре, возникла неизбежная тенденция к эклектизму, к гармонии нравственной теории. Практический интерес возобладал над бесконечно раскольническими силами спекулятивного разума. Антиох, учитель Цицерона,²¹⁴⁰ хотя и стремился восстановить платонизм, поддерживал существенное согласие великих школ по важнейшим вопросам и свободно принимал доктрины Зенона и Аристотеля²¹⁴¹. Панаэций, главный представитель римского стоицизма во II веке до н. э., горячо восхищался Платоном и Аристотелем и в некоторых существенных пунктах отказался от более древнего учения Порха.²¹⁴² Сенека, как мы видели, часто, кажется, придерживается самых жестких и отталкивающих догматов древнего вероучения. Однако ощущение практических трудностей заставило его смягчить и изменить многие из них - тождество разума и страстей, безразличие так называемых "благ", необходимость мгновенного обращения, неприступное и недостижимое совершенство мудреца. Собственная этическая система Плутарха, насколько у него есть система, представляет собой соединение платонических и аристотелевских идей с некоторым оттенком стоицизма.²¹⁴³ Платонизм, который избавился от своих скептических тенденций в I веке до н. э., имел мало приверженцев в Риме в I веке империи.²¹⁴⁴ Стоическая и эпикурейская системы разделяли верность мыслящих людей, пока не началось энергичное возрождение эллинизма. Эпиктет действительно говорит о женщинах, которых привлекала предполагаемая свобода сексуальных отношений в "Утопии"

Платона.²¹⁴⁵ Сенека часто ссылается на Платона и, несомненно, находился под влиянием его духа. [pg 409] Но во втором веке симпатический союз платоновских и пифагорейских идей с энергичным религиозным возрождением стал реальной силой, оказавшей судьбоносное влияние на будущее философии и религии в течение трех столетий. Почитание Плутарха перед основателем Академии, даже в мелочах, было беспредельным.²¹⁴⁶ Она стала для него почти культом. И он выражал самое искреннее почтение своему кумиру, подражая в некоторых своих трактатах мифической окраске, с помощью которой автор "Федота" и "Республики" пытался придать телесность и реальность невидимому миру.²¹⁴⁷ Плутарх очень резко осуждал грубые и софистические приемы полемики, с помощью которых соперничающие школы оспаривали догматы друг друга.²¹⁴⁸ Однако его вряд ли можно оправдать за некоторую резкость в его полемике против стоиков и эпикурейцев. Архиепископ Тренч в своей увлекательной и сочувственной книге о Плутархе сетует на то, что он не дал более щедрого признания этой благороднейшей и истинно римской школе, которая была последним убежищем и цитаделью свободы.²¹⁴⁹ Мы можем присоединиться к архиепископу и пожелать, чтобы Плутарх, не поступаясь принципами, был более терпим к системе, с которой у него было так много общего и которая в его время избавилась от своей прежней жесткости. Но по сути своей он был практиком, с определенной нравственной целью. Он брал из любого источника принципы, которые казались ему верными человеческой природе и которые давали надежную основу для усилий учителя нравственности. Но он чувствовал себя в равной степени обязанным отвергнуть систему, которая поглощала и уничтожала эмоциональную природу в [разуме](#)²¹⁵⁰, которая подрезала корни нравственной свободы, которая не признавала никаких степеней в добродетели или пороке, которая обескураживала и презирала первые слабые попытки слабого человечества к высшей жизни и замораживала его в безнадежном бессилии отдаленным идеалом холодного, безупречного совершенства, внезапно и чудесным образом вознесенного к божественной независимости от всех незначительных благословений и помощи [добродетели](#)²¹⁵¹. [pg 410] Такой идеал может быть великолепным, но это не жизнь. Для человека, созданного таким образом и помещенного в такую среду, опасно приучать свою душу рассматривать все вещи как мимолетное и однообразное зрелище, культивировать *taedium vitae*, или спокойное смирение с ничтожностью человека, помещенного на короткое время между двумя [вечностями](#)²¹⁵². Философский страдалец может заставить себя выдержать круг человеческих обязанностей и жить для содружества людей; он может быть щедрым к неблагодарным и терпимым к вульгарным и легкомысленным; он может сделать свою жизнь вечной жертвой долга и высшего закона, но все это в действительности является патетическим протестом против безжалостной Силы, которая сделала человека таким маленьким и таким большим, обреченным на жизнь листьев и насекомых, но мучительно жаждущим бесконечного будущего.

В отношении некоторых великих центральных истин, таких как внутренняя сущность счастья и братство людей, Плутарх и стоики были едины. И общий тон его морального учения несет на себе многие следы стоического влияния.²¹⁵³ Но стоическая психология, стоический фатализм и пантеизм вызывали всю противоречивую ярость Плутарха.²¹⁵⁴ Стоик утверждал сущностное единство души, что разум и страсть - это не два разных начала, но что страсть - это разум, развращенный и направленный на неправильные цели. Это одна и та же простая, неделимая сила, которая смещается и изменяется, подчиняясь противоположным влияниям. Страсть, по сути, - это порывистое и ошибочное движение разума, а порок, по старой сократовской фразе, - это ошибка в суждении, приступ незнания истинных целей действия. Но поскольку, согласно стоической теории, человеческий разум является частью

божественного, разврат становится, таким образом, разложением божественного начала, и гарантия какой-либо надежды на исправление теряется. Для себя Плутарх принимает платоновское деление души на рациональный, духовный и сгущающийся элементы с некоторыми аристотелевскими изменениями.²¹⁵⁵ Великий факт нравственной природы человека - естественное противостояние между страстями и рациональным элементом души; оно соответствует аналогичному делению в мирской душе.²¹⁵⁶ Весь опыт свидетельствует о постоянном, естественном и устойчивом восстании низшего против высшего. Принципы, столь чуждые и несопоставимые, невозможно отождествить, так же как невозможно отождествить охотника и его добычу.²¹⁵⁷ Но, хотя в нерегулируемом характере они находятся в жестоком противостоянии, их можно, благодаря надлежащей культуре, привести в конце концов к гармонии. Функция высшего элемента заключается не в том, чтобы погасить низший, а в том, чтобы направлять, контролировать и возвышать его.²¹⁵⁸ Страсть - это сила, которая может быть растрачена в бродячем, диком избытке, но которая также может быть использована для придания силы и энергии добродетели. Чтобы избежать пьянства, человеку не нужно выливать вино; он может умерить его силу. Сдерживаемый гнев - стимул для мужества. Страсть, по сути, является сырьем, которое разум отливает в формы практической добродетели, а руководящим принципом в этом процессе является закон среднего между избытком и недостатком страсти.²¹⁵⁹ Это, конечно, заимствовано у Аристотеля, а вместе с ним и теория воспитания по привычке, которая Платону казалась популярной и ущербной концепцией формирования добродетельного характера.²¹⁶⁰ Под сильным давлением просвещенной воли дикие мятежные силы низшей природы приводятся в соответствие с высшим законом. Это медленный, кропотливый процесс, требующий бесконечного терпения, ежедневной и ежечасной бдительности, самоанализа, откровенного признания недостатков перед другом или мудрым руководителем душ.²¹⁶¹ Он требует мельчайшего внимания к деталям поведения и обстоятельствам, а также неуклонного противостояния унынию, вызванному отступлением колеблющейся воли.²¹⁶² В такой системе надежда на реформу заключается не в каком-то внезапном перевороте. Плутарх не верит в мгновенное обращение, которое в один миг изменит укоренившиеся годами тенденции и вознесет человека на высоту совершенства, не опасаясь его падения. Эта тщетная мечта древнего стоицизма, не признававшего никаких степеней в добродетельном прогрессе, делала добродетель недостижимым идеалом и парализовывала усилия. Она не подходила для эпохи, пораженной или благословленной растущим чувством нравственной слабости и жадно хватающейся за любую духовную опору. Плутарх скорее любит рассматривать характер в образе святого и царственного здания, чей фундамент [pg 412] выложен золотом, а каждый камень должен быть выбран и тщательно подогнан к линии разума.²¹⁶³

Плутарх также воспринял от перипатетической школы принцип, который в конце концов был вынужден признать Сенека, что самый прекрасный образец мудрости и добродетели не вполне самодостаточен, что добродетельная деятельность нуждается в материале для работы²¹⁶⁴, и что блага мира, на своем месте, так же необходимы для нравственного музыканта, как флейта для флейтиста. Прежде всего, Плутарх, придерживаясь такой теории характера, должен был утверждать кардинальную доктрину человеческой свободы. Он глубоко верил в троякое Провидение, осуществляемое отдаленным верховным божеством, низшими небесными силами и демонами.²¹⁶⁵ Но Провидение - это благотворное влияние, а не сокрушительная сила необходимости. Для Плутарха фатализм - это гибель нравственных усилий. Предвидение и судьба не совпадают и не созвучны. Хотя небесные силы все предвидят, не все предопределено.²¹⁶⁶ Закон судьбы, как и законы земной юриспруденции, имеет дело со всеобщим и только последовательно с частным случаем. Определенные последствия неизбежно следуют из определенных действий, но сами действия не являются

неизбежно предопределенными.²¹⁶⁷ Человек, по природе своей самое беспомощное и незащищенное из животных, становится властелином творения благодаря своему превосходному разуму и присваивает все его силы и богатства своими трудовыми искусствами.²¹⁶⁸ И искусство из искусств, искусство жизни, не доверяя случаю и не поддаваясь какому-либо причудливому всемогуществу судьбы, использует волю и разум для овладения материалами, из которых выковывается счастье. Таким образом, надежда на благородную жизнь надежно ограждена крепостью автономной воли. Для стойка порочный человек был глупцом, чей разум безнадежно одержим. Платоник лелеял лучшую надежду, что разум, хотя и омраченный на время и побежденный силами чувства, никогда не сможет согласиться с грехом, что в каждой человеческой душе все еще остается свидетель вечного закона поведения.

[pg 413]

С такой верой такой искренний человек, как Плутарх, должен был стать проповедником праведности и духовным наставником. Многие из его моральных трактатов - это расширенные записи частных советов или более формальные наставления в лекционном зале. У него были ученики по всему римскому миру: в Риме, Хаэронее, Эфесе и Афинах.²¹⁶⁹ Его концепция философского собрания, на котором обсуждались серьезные вещи, возможно, является ближайшим приближением язычника к концепции христианской церкви.²¹⁷⁰ Теоретически, рассуждения философа на высокие нравственные темы были более торжественным делом, чем показная декламация софиста, главной целью которого было ослепить и поразить свою аудиторию демонстрацией риторической легилименции на самые тривиальные или избитые темы. Но проповедник морали в те времена, надо опасаться, часто забывал о серьезности своей миссии и унижал ее личным тщеславием и мишурной риторикой, чтобы получить дешевые аплодисменты.²¹⁷¹ Софист и философ на самом деле слишком часто были неразличимы, а философский класс часто звучал новомодными выражениями восхищения. Все это вызывает у Плутарха возмущенное презрение. Это проституирование благородной миссии. Это превращает школу в театр, а реформатора душ - в льстеца. Требовать риторики от истинного философа - все равно что требовать, чтобы лекарство подавали в лучшей аттической посуде.²¹⁷² Профессия философа становится в глазах Плутарха настоящим священством для спасения душ. Он не одобряет распространенную в лектории софистов привычку предлагать лектору тонкие или легкомысленные вопросы, чтобы продемонстрировать свою сообразительность. Но он хотел, чтобы те, кто испытывал нравственные затруднения, оставались после проповеди, поскольку таковой она была, и обнажали свои недостатки и душевные проблемы.²¹⁷³ Он следил за нравственным прогрессом своих учеников, например, когда Фундануса поздравляют с растущей мягкостью нравов.²¹⁷⁴ В те [pg 414] дни философа обвиняли, и часто слишком искренне, в грубой непоследовательности в его личном поведении. Плутарх твердо верил в то, что учить нужно на собственном примере. Проповедник высшей жизни должен внушать такое уважение, чтобы его хмурый взгляд или улыбка сразу же отражались на ученике.²¹⁷⁵ Плутарх, очевидно, применял свои средства на себе. Его большая галерея героев прошлого была предназначена прежде всего для того, чтобы принести пользу другим. Но по мере работы он обнаружил, что и сам "извлекает немалую пользу, вглядываясь в эти истории, как в стекло, чтобы выстроить свою жизнь по образцу и подобию этих добродетельных аристократов"²¹⁷⁶.

Плутарх, как мы видели, вел решительную войну с более древними стоическими и эпикурейскими системами; однако его практическое учение окрашено духом тех и других. Это, пожалуй, лучше всего видно в трактате "О спокойствии", который мог быть написан

почти Сенекой. Хотя в других местах Плутарх придерживается перипатетической доктрины о том, что полноценная жизнь в добродетели не может обойтись без внешних даров судьбы, он, как никто другой из стоиков, утверждает, что жизнь приобретает свою основную окраску от характера, что "Царство Небесное внутри", что никакие изменения внешней удачи не могут успокоить душевные волнения. Кажется, что слушаешь стоического врача, когда слышишь, что большинство бедствий черпают свою тяжесть и горечь из воображения, что чрезмерное стремление к вещи порождает страх ее потерять и делает наслаждение слабым и неопределенным, что люди, забывая прошлое в исчезающем настоящем, теряют непрерывность своей жизни.²¹⁷⁷ Сам ли Плутарх или какой-нибудь христианский проповедник говорит нам, что кажущееся бедствие может быть величайшим благословением, что величайшая глупость - это неблагодарность и недовольство повседневным жребием, что никакое богатство или звание не может дать такого очарованного спокойствия духа, как совесть, незапятнанная злыми делами или мыслями, и способность смотреть на судьбу непредвзятым взглядом?²¹⁷⁸ Несомненно, величайший литературный гений своего века, похороненный в скучном беотийском городке, советует нам думать о том хорошем, что у нас есть, вместо того чтобы завидовать жизни, чьи внутренние горести нам неведомы, Кто всегда смотрит на вещи с более светлой стороны и украшает неясный [pg 415] жребий благодарным довольством, кого не раздражает чужая великолепная удача, потому что он знает, что кажущийся успех часто бывает жалкой неудачей и что в каждом человеке заложены источники счастья или несчастья.²¹⁷⁹

Дисциплина, с помощью которой можно достичь этого мудрого настроения, содержащего мудрость всех веков, изложена Плутархом во многих трактатах, которые являются записью многих духовных советов. Великий секрет заключается в страсти влюбленного к идеалу и презрении к пошлым предметам желаний.²¹⁸⁰ Однако нравственный рост должен быть медленным, хотя и устойчивым и неспешным, а не стремительным, как лихорадочное возбуждение, которое может вскоре привести к истощению.²¹⁸¹ Истинный стремящийся к нравственному совершенству не позволит сбить себя с пути препятствиями, которые встречаются ему у входа на узкий путь, не будет соблазнен пышностью стиля или тонкостью риторики, чтобы забыть истинную внутреннюю суть философии. Он не будет просить свидетельства о своих добрых делах или росте добродетели; он будет сторониться высокомерия простого претендента. Напротив, он будет смиренным и скромным, суровым к собственным недостаткам и мягким к чужим. Подобно неопиту в таинствах, он будет потрясен благоговейным молчанием, когда свет прольется из внутреннего святилища.²¹⁸² Это смирение будет культивироваться ежедневным самоанализом, и в этом самоанализе никакие грехи не покажутся малыми, и никакое пополнение растущего нравственного богатства, каким бы незначительным оно ни было, не будет презираемо.²¹⁸³ Чтобы стимулировать усилия, мы должны ставить перед глазами великие исторические примеры достижений или самопобед, а в случае сомнений или затруднений спрашивать, как бы поступили в подобном случае Платон или Сократ?²¹⁸⁴ Там, где они пострадали, мы будем любить и чтить их еще больше. Память о них будет действовать как священное заклинание.

Плутарх проповедовал Евангелие веселой и довольной жизни и, очевидно, следовал тому, что проповедовал. Однако, как и у всех тонко чувствующих людей, у него бывали часы, когда пафос [pg 416] жизни наваливался на него тяжелым грузом, и смерть казалась суверенным средством от всего этого. Тот, кто разделяет вульгарное представление о том, что греки, даже великой эпохи, были расой, живущей в вечном солнечном свете и беспечном наслаждении часами, должен прочитать "Утешение Аполлония" по поводу смерти его сына. Он найдет там цитаты всех великих поэтов, от Гомера и ниже, в поддержку самого пессимистического взгляда на человеческую жизнь.²¹⁸⁵ В области философии он находит

самое яростное выражение в учении Гераклита, которое так сильно повлияло на мысли великого учителя Плутарха и окрасило многие размышления М. Аврелия.²¹⁸⁶ Наша жизнь - лишь миниатюрный аналог всеобщего потока, и каждый момент - это место встречи жизни и смерти. Годы, много их или мало, - это лишь точка, миг на пути бесконечного возраста.²¹⁸⁷ Благородную полноту жизни следует искать не в сумме лет, а в округлой полноте добродетели. Когда мы смотрим на случайности, перемены и печали жизни, смерть кажется великим избавителем, и в определенные моменты ее можно приветствовать как последний, лучший дар Небес.²¹⁸⁸ Будь то непробудный сон или вступление на другую сцену бытия, она не может быть злом; возможно, она может быть и благословением. Если после него ничего не будет, мы лишь вернемся в спокойное дородовое бессознательное состояние.²¹⁸⁹ А если будет другая жизнь, то для добрых и благородных людей наверняка уготовано место на каком-нибудь счастливом острове Запада или в другом мистическом регионе, который мы можем представить себе, если пожелаем, в орфических видениях, прославленных Пиндаром.²¹⁹⁰

Сейчас мы стоим на пороге другого мира, из которого в эпоху Плутарха доносилось множество голосов. После того как философия сделала все возможное, чтобы привести жизнь шестидесяти или семидесяти лет в нравственную гармонию с ее музыкой в самой себе,²¹⁹¹ ее усилия заканчиваются меланхоличным сомнением. Предписание Сенеки и Плутарха жить под опекой какого-нибудь мудреца-покровителя прошлого выявило необходимость внешней помощи [pg 417] для добродетельной воли. Страсть к продолжению существования отрезвлялась чувством постоянной моральной ответственности и тенью грядущего суда. Над борющейся человеческой жизнью на земле и в далеких таинственных далях за ее пределами открывались перспективы сверхъестественного мира. Когда философия сделала все возможное, чтобы излечить болезни человечества, перед ней встала другая задача - дать человеку истинное знание о Боге и уверенность в Его помощи в этом и следующем мире. Философия веками держала перед глазами людей тусклое видение Его, возвышенного, далекого, невыразимого. Но это было видение для немногих, а не для многих. Оно было скорее метафизическим, чем нравственным и духовным. Оно не обращало внимания на мифы и тайны, с помощью которых человечество пыталось разгадать свои духовные загадки. Истинная религиозная философия не могла игнорировать эти долгие муки человечества. Необходимо было найти средство, чтобы примирить древнее религиозное воображение с наилучшим представлением о Божественном.

Проблема действительно не была новой, разве что в том смысле, что интенсивное возрождение религиозной веры или суеверия требовало новой теодицеи. Уже в шестом веке до нашей эры простая вера в легенды была поколеблена высшими умами в ходе великого философского движения, охватившего многие эпохи. Одни с презрением отвергали мифы. Другие придерживались метода более или менее критического отбора. Иные пытались найти в них историческое ядро или эзотерический смысл, завуалированный в аллегории. Те же методы вновь появились в эпоху Варро и Скаэволы,²¹⁹² а пять веков спустя - в теологии Макробия.²¹⁹³ Однако усилия платоников II века представляют особый интерес, поскольку со времен Ксенофана, Эвгемера и Варро в великую проблему были внесены некоторые новые элементы.

Для Плутарха теология - венец всей философии.²¹⁹⁴ Сформировать истинные и достойные представления о Божественном существе не менее важно, чем воздать Ему благочестивое поклонение. Возвышенное представление Плутарха о Бесконечном и Высшем, как и у Максима Тирского, доминирует во всей его системе. В любопытном [pg 418] трактате об Исиде и Осирисе он пересматривает многие приемы схоластической тонкости, многие

грубые догадки эмбриональной науки, многие мечты пифагорейского мистицизма, чтобы найти внутренний смысл в египетском мифе. И все же во всей этой холодной схоластике бальзамируется высшее и чистейшее выражение плутарховского представления о Высшем. В конце концов он порывает со всеми низшими мирскими представлениями о Божественном и открывает проблеск блаженного видения. "Пока мы здесь, внизу, - говорит он, - обременены телесными привязанностями, мы не можем иметь никакого общения с Богом, разве что в философских размышлениях мы можем слабо прикоснуться к Нему, как во сне. Но когда наши души освободятся и перейдут в область чистого, невидимого и неизменного, этот Бог станет их проводником и царем для тех, кто зависит от Него и с неутолимой жаждой взирает на красоту, о которой не могут говорить человеческие уста". "Для Плутарха Бог - это Единое, Высшее, Вечное Существо, удаленное на бесконечное расстояние от изменчивого и смертного - Существо, о котором мы можем сказать только "Он есть", которое живет в вечном "сейчас", о котором было бы неразумно и нечестиво говорить в терминах будущего или [прошлого](#)²¹⁹⁶. Он - Единый, Абсолют элеатской или пифагорейской философии, Демиург Платона, первичная движущая сила Аристотеля, мир-душа стоиков. Однако Плутарх так же далек от эпикурейства, изгоняющего Бога из вселенной, как и от восточного или западного пантеизма, смешивающего мир и Бога.²¹⁹⁷ Плутарх никогда не отказывается от Божественной личности, в каком бы смысле он ее ни понимал. Бог - это высшее совершенство добра и разума, Творец, бдительное и благосклонное Провидение мира, Автор всех благ. Его власть, конечно, не безгранична. В мире существует сила зла, которую необходимо признать. И поскольку добро не может быть автором зла, происхождение зла следует искать в отдельном и изначальном принципе, отличном от Бога, но не равном ему: принцип, признанный во многих теологиях и философиях Востока и Запада и называемый многими [pg 419] именами - Ариман или Аид, "диада" Пифагора, "раздор" Эмпедокла, "другой" [Платона](#)²¹⁹. Его местопребывание - мир-душа, которая занимает место рядом с Богом и материей, вызывая все смертоносное в природе, все нравственные расстройства в душе человека. Материя - место обитания как зла, так и добра.²¹⁹⁹ В своих низших областях она может казаться полностью овладевшей злым принципом; однако в своей сущности она действительно борется за добро и, как женский принцип, восприимчива к формирующему влиянию Божественного, равно как и подвержена вторжениям зла. Теория творения Плутарха - это, в основном, теория "Тимея" с примесью стоической космогонии. Через число и гармонию божественный разум вносит порядок в массу беззаконного хаоса. Но хотя Бог стоит вне космоса как его создатель, Он не просто божественный мастер, но и проникающая сила. Ведь от Него исходит душа, которая соприкасается с миром и поддерживает его. Через мир-душу Бог соприкасается со всеми силами и провинциями вселенной. Однако во всей вселенной, как и в человеческой душе, всегда присутствуют два элемента бок о бок, принципы разума и неразума, зла и добра.²²⁰⁰

Видение единого вечного, бесстрастного Духа, удаленного от мира случайностей, перемен и земной почвы, было завоеванием греческой философии, над которым она трудилась 800 лет. Но это было видение, далекое от мира; оно было отделено непроходимой пропастью как от мечтаний эллинской легенды, так и от борющейся жизни человечества. Поэты, и даже поэт божественного вдохновения, завещали массу легенд, часто шокирующих позднейшее нравственное чувство, но всегда соблазнительных своим воображаемым очарованием. Как примирить поэтические вымыслы, так долго пленявшие воображение, с высшими духовными интуициями - вот в чем заключалась проблема. Эта проблема была не так уж и нова. Она привела Ксенофана к открытому бунту, она волновала умы благоговейного Пиндара и скептического Еврипида. Она навела Платона на мысль о необходимости переосмысления мифа в свете божественной чистоты.²²⁰¹ Но [pg 420] новый эллинизм II века был великим литературным, даже более чем теологическим или философским,

движением; и слава греческой литературы была неразрывно связана со славой и позором греческой мифологии. Отбросить и отречься от мифов означало выдать ложь божественных поэтов. Объяснить их физическими аллегориями в духе стоического богословия или низвести "блаженных" Олимпа до уровня земных царей и воинов в манере Эвгемера - значит разрушить очарование поэтической легенды и нарушить инстинкты благочестия предков.²²⁰² Кроме древних богов Рима и Греции было много других претендентов на преданность. Персия и Фригия, Коммагена и Египет, все регионы от Сахары до Камберленда пополняли пантеон. Солдаты и путешественники привозили свои рассказы о джиннах и демонах с островов в Британских морях и с берегов Индийского океана.²²⁰³ Как мог человек, воспитанный в мистическом монотеизме 800 лет, примириться с этим огромным количеством чуждых суеверий?

С другой стороны, откуда ни возьмись, открылось новое духовное видение, чуждое древнему миру. Дело не только в том, что концепция Бога стала более чистой и возвышенной; изменилось все отношение высших умов к Вечному. Великая духовная революция совпала с великой политической революцией. Видение божественного мира, которое удовлетворяло людей в эпоху Перикла или во время Пунических войн, когда религия, политика и мораль были связаны в неразрывной гармонии, когда, если духовное видение было ограничено, духовные потребности были менее шумными, а моральная жизнь менее беспокойной и самосознательной, больше не могло успокоить тоску высших умов. И мораль, и религия стали менее формальными и внешними, более проникновенными и требовательными. Молитва больше не была формальной литанией о мирских благах или греховных поблажках, но беседой с Богом в момент духовного возвышения.²²⁰⁴ Истинной жертвой больше не была "кровь быков", но спокойный дух. Наряду с чувством немоции и недоумения люди ощущали потребность в [pg 421] очищении и духовной поддержке. Старые мистерии и новые культы Востока породили тоску по сакраментальному миру и уверенность в другой жизни, в которой кривое должно быть выпрямлено, а извращенное восстановлено.

В Максиме [Тирском](#)²²⁰⁵, хотя он и не претендует на репутацию сильного и оригинального мыслителя, мы видим этот новый религиозный дух второго века, возможно, в его чистом виде. Человек - это загадка, противоречие, существо, находящееся на границе двух миров. Будучи зверем по своей плотской природе, он сродни Богу в своей высшей части, более того, он сын Божий.²²⁰⁶ Даже самые благородные духи здесь, внизу, живут в каком-то полумраке, или в пьянящем возбуждении, опьянении чувств. И все же, как ни тесно ей в тюрьме плоти, душа может подняться над туманной областью вечных перемен к свету Вечного. Ибо в дремоте этой земной жизни чистый дух иногда посещают видения, приходящие через врата рога,²²⁰⁷ видения иного мира, виденного в прежние времена. И, следуя им, нравственный герой, подобно Гераклу, образцу напряженной добродетели, через труды и невзгоды может обрести корону. В этом бурном море времени философия дает нам завесу Лейкотей, чтобы очаровать беспокойные воды. Правда, только после смерти душа обретает полное видение Бога. Ведь Высшее отделено от нас огромной пропастью. Однако анализ души, который Максим отчасти заимствует у Аристотеля, обнаруживает в нас Его местопребывание, высший разум, ту силу интуитивного, всеобъемлющего, мгновенного видения, которая отличается от медленных и пробных операций понимания. Именно с помощью этой высшей способности мы видим Бога, насколько это возможно в этом смешанном и несовершенном состоянии.²²⁰⁸ Ибо видение Бога может быть в какой-либо степени достигнуто только путем абстрагирования от чувств, страстей и всего земного, в борьбе, постоянно поднимающейся вверх, за пределы путей небесных шаров, в область вечного спокойствия, "где не выпадает ни дождь, ни град, ни снег, но белое безоблачное сияние распространяется над всем".²²⁰⁹ А когда мы можем увидеть Бога? "Ты увидишь Его полностью, - говорит Максим, - только когда

[pg 422] Он призовет тебя, в старости или смерти, а пока проблески Красоты, которую не видит глаз и не может изъяснить язык, можно получить, если сорвать пелены и покровы, скрывающие Его [великолепие2210](#). Но не оскверняй Его тщетными молитвами о земных вещах, которые принадлежат миру случая или могут быть получены человеческими усилиями, о которых достойным не нужно молиться и которые недостойные не получают. Единственная молитва, на которую отвечают, - это молитва о благе, мире и надежде в смерти ["2211](#).

Как мог платоник II века, спрашиваем мы, придерживающийся такого духовного вероучения, примириться с греческой мифологией, да что там, со всеми мифологиями, со всей эгоистической грубостью их ритуалов? Плутарх и Максим Тирский отвечают на этот вопрос благочестиво изобретательным толкованием древней легенды и отчасти системой демонов, духов-посредников и служителей, которые заполняют промежуток между неизменным Бесконечным и областью греха и перемен.

В религии, говорят они, мы должны принимать человеческую природу такой, какой мы ее находим. Мы принимаем законы не для молодой расы, только что появившейся на свет, а для расы с представлениями о Божественном, уходящими корнями в бесчисленные века. Возможно, среди них есть избранные, способные в редкие моменты возвысить свой разум до чистого видения Вечного. Но небо так далеко от земли, а земля так омрачена туманом чувства, что храм, образ, священная литания и мифы, созданные гением поэтов или навязанные законодателями, необходимы для поддержания и выражения смутной бессильной тоски массы людей.[2212](#) Высшие интуиции религии должны быть переведены в материальный символизм; "здесь мы видим, как сквозь темное стекло". И символы священной истины столь же разнообразны, как и многочисленные племена людей. Некоторые, например, египетское поклонение животным, относятся к деградирующему типу. Греческий антропоморфизм, хотя и не дотягивает до величия и чистоты Бесконечного, все же представляет собой его благороднейший образ, поскольку прославил художественным гением человеческое тело, избранное в качестве земного дома разумной души.[2213](#) И дело мифа и пластического искусства действительно едины; более того, между поэтической мифологией и религиозной философией нет ни противостояния, ни контраста. Это разные методы преподавания религиозной истины, адаптированные к разным стадиям интеллектуального развития. Миф - это поэтическая философия простого возраста, для ушей которого мистическая истина должна быть услаждена музыкой, возраста, глаза которого не могут вынести созерцания неприкрытого Божественного великолепия.[2214](#) Философская теология предназначена для века рационализма и исследования; она была бы непонятна для простого воображаемого детства расы. Максим, как и Плутарх, верит, что мифопоэтический век обладал, наряду с захватывающим художественным мастерством, всей умоизрядительной глубиной и тонкостью последующих эпох. Почти ругательством было бы представить, что Гомер, Гесиод или Пиндар были меньшими философами, чем Аристотель или Хрисипп.[2215](#) Предполагалось, что ранние мифотворцы и законодатели обладали священным знанием огромной ценности и несомненной истины, которое они тускло освещали в символизме причудливой сказки или аллегории.[2216](#) Миф одновременно скрывает и раскрывает тайну Божественного. Если человек подходит к его толкованию с должной дисциплиной и пронизательностью, ядро духовного или физического смысла, благоговейно завуалированное от профанного глаза, раскроется. Таким образом, поздний философ-богослов не вчитывается в гротескные фантазии далекой древности, а развивает и интерпретирует мудрость, более оригинальную, чем его собственная. В этом процессе открытия заново утраченной традиции он отбрасывает массу ошибочных толкований, извративших первоначальную доктрину, путем буквального принятия того, что на самом деле

является образным, путем злоупотребления именами и пренебрежения реалиями, путем остановки на символе вместо того, чтобы подняться к божественному факту²²¹⁷.

Трактат Плутарха об Исиде и Осирисе является лучшей иллюстрацией такого отношения к мифу. Теология Плутарха, хотя и является в первую очередь эллинской, не ограничивает свой взгляд греческим Олимпом; она призвана стать наукой о человеческой религии в целом. Она дает официальное выражение растущей тенденции к синкретизму. Главная ее истина заключается в том, что как солнце и луна под разными именами проливают свой [pg 424] свет на всех, так и боги по-разному вызываются и почитаются различными племенами людей.²²¹⁸ Но есть один верховный Правитель и Провидение, общие для всех. И низшие божества разных стран часто могут быть идентифицированы богословом под всеми разновидностями названий и атрибутов. Так, для Плутарха, как и для Геродота, древние культы Египта были прототипами или аналогами греческих культов.²²¹⁹ В Дельфах был храм Осириса, а Клия, которой адресован трактат Плутарха, была не только наследственной жрицей египетского бога, но и занимала ведущее место среди женщин-служительниц Диониса.²²²⁰ Вполне уместно, что столь католическая по своим симпатиям особа должна была посвятить ей трактат, в котором Плутарх излагает свою всеобъемлющую теологию.

В этом трактате мы видим, как новая теология ведет безнадежную борьбу, пытаясь объединить мысли Пифагора и Платона с грубостью египетского мифа. Это яркий, но не единственный пример неправильного применения диалектического мастерства и знаний, чтобы найти мысли настоящего в фантазиях прошлого, и из ошибочного благочестия игнорировать поступательное движение человечества. Произвольные интерпретации мифа, в равной степени неисторические и ненаучные, заставляют нас удивляться, как они вообще могли прийти в голову людям умным и образованным. Однако объяснение этому искать не так уж далеко. Более возвышенные представления о Боге, очищенная и проясненная религиозная интуиция не сразу находят замену старому символизму для выражения своих видений. Религия, как никакой другой институт, зависит в своей силе от древности, от очарования предков. Религиозный символ вдвойне священен, если он служил преданности многих поколений.

Истолковывая могущественный культ Исиды, быстро распространявшийся по западному миру, Плутарх преследовал две цели. Благоговейным объяснением ее легенд и ритуалов он хотел противостоять ее аморальным и суеверным тенденциям²²²¹; также он хотел, обсуждая столь многообразный культ, как культ Исиды, развить свое отношение к мифу в целом. Мы [pg 425] не можем подробно следовать за ним в его обзоре различных попыток философии найти основу истины в египетской легенде. Некоторые из этих объяснений, такие как эвemerистские, он сразу же отверг бы как атеистические.²²²² В отношении других, основанных на физической аллегории, он не был бы столь догматичен, хотя и отверг бы как нечестивую любую тенденцию отождествлять богов с природными силами и продуктами.²²²³ Как положительный вклад в религиозную философию, трактат ценен прежде всего своей теорией зла и демонических сил, и прежде всего учением о единстве Бога, центральной истиной всех религий.

Даэмонология платоников II века уходила корнями глубоко в эллинское прошлое, и ей суждено было иметь долгое будущее. Но она была вызвана к жизни потребностями языческого возрождения эпохи Антонинов. Доктрина принимала различные формы в предшествующей греческой мысли со времен Гесиода, и в руках Плутарха, Апулея и Максима Тирского она имеет различные аспекты и служит различным целям. Прежде всего, это была апологетика язычества в эпоху, разрывавшуюся между возвышенным представлением о едином бесконечном Отце и легендами о многих землях и многих веках,

освященными давней традицией, но часто шокирующими духовное чувство. По мере того как представление о Боге становилось чище и, казалось, уходило в более отдаленные дали, души, подобные Апулею, приверженные древним обрядам, находили в демонах, колеблющихся между землей и эфиром, средства передачи ответов на молитвы, внушения снов и пророчеств, упорядочивания всех механизмов [гадания](#)²²²⁴. Другим, например Максиму Тирскому, эта доктрина казалась духовной поддержкой человеческих слабостей, хранителями в искушениях и жизненных кризисах, посредниками между человеческим духом, заключенным на время в темницу плоти, и отдаленной чистотой Высшего.²²²⁵ По мнению других, демон не является внешней силой, но обитает внутри каждой души, как ее божественная часть, своего рода идеальная личность,²²²⁶ в следовании призрачным побуждениям которой кроется секрет счастья. [pg 426] Наконец, доктрина создала эсхатологию, с помощью которой перед более чистыми духами открывались перспективы нравственного совершенства в грядущих мирах, а бесконечная ответственность этой жизни ужасала угрозами бесконечной [деградации](#)²²²⁷.

Демоны, пришедшие на помощь мифологии в эпоху Антонинов, были составными существами, с двойной природой, соответствующей двум мирам - божественному и человеческому, которые они связывали воедино. Они одновременно божественны по силе и знанию и сродни человечеству по чувствам и страстям.²²²⁸ Они даже подвержены смертности, что доказывает знаменитая история о голосе, долетевшем до египетского лоцмана с Эхинадских островов и возвестившем, что великий Пан умер.²²²⁹ Их сфера - среднее пространство между возвышенным эфиром и туманами земли. Это духовное посредничество, как указывает Максим, не является исключительным принципом. Во вселенной существует цепь бытия, как она была разработана в космической теории Аристотеля, по которой отдаленные крайности соединяются на последовательных стадиях и могут быть смешаны или примирены, в среднем или сложном, как в музыкальной гармонии. Этот принцип можно увидеть в соотношении великих физических элементов. Так, например, огонь и вода находятся на противоположных полюсах: они не могут сразу перейти друг в друга, но воздух служит средой между ними и примиряет их противоположность, участвуя в тепле одного элемента и влаге другого.²²³⁰ Предложения космической теории, казалось, получали поддержку от многих историй, которые в тот век пышных суеверий были приняты даже в образованных кругах. Путешественники, возвращавшиеся из Британии, рассказывали странные истории о пустынных островах в северных морях, где обитали джиинны.²²³¹ Спартанец, посетивший Дельфы, рассказывал, как на берегу Индийского океана он встретил отшельника с прекрасным лицом и стойкостью против всех болезней, который говорил на многих языках и черпал свои мистические способности из общения с духами, которые преследовали эти далекие одиночества.²²³²

Плутарх также обосновывает свою теорию демонов, ссылаясь на авторитет Гесиода, Пифагора и Платона, Ксенократа [pg 427] и Хрисиппа.²²³³ Он мог бы добавить к этому списку и других. Ибо, действительно, концепция этих посредников между бесплотным миром и миром чувств имеет долгую историю - слишком долгую, чтобы развивать ее в наших нынешних рамках. Самое раннее ее появление в Греции - в "Трудах и днях" Гесиода, который впервые определенно набросал великую шкалу бытия - боги, герои, демоны и смертные люди. Демоны у Гесиода - это люди золотого века, перешедшие в блаженную и бессмертную жизнь, но связанные симпатией с теми, кто еще на земле, - "служители добра и хранители людей".²²³⁴ Эта концепция была представлена в то время, когда действовали новые моральные и духовные силы, которым суждено было оказать глубокое и длительное влияние на язычество в течение тысячи лет. Очарование сияющего Олимпа и слава героических сражений угасали. Люди погружались в рутину, остро ощущая жизненные неурядицы и

печали. С жадой поддержки и утешения, которых не могла дать религия Гомера, пессимистический взгляд на жизнь, окрасивший поэзию Гесиода, искал утешения в мистицизме, совершенно чуждом Гомеру и даже Гесиоду. Чувство, что человечество вышло из славного расцвета и в своей слабости и ужасе перед смертью нуждается в новых утешениях, было встречено системой, которая, хотя Орфей, возможно, никогда не существовал, всегда будет называться его именем.²²³⁵ Хтонические божества, Дионис и Деметра, заняли видное место, которого они не имели у Гомера. Бессмертная жизнь стала затмевать настоящее, и в мистериях люди находили некую уверенность в бессмертии и подготовку к нему, очищаясь от пятен времени. Эта идея, оказавшая столь глубокое влияние на последующую мысль, о том, что в человеке есть божественное начало, которое освобождается из темницы плоти во время смерти, стала общепринятой доктриной. В то же время вера в помощников и посредников, наполовину человеческих, наполовину божественных, служила поддержкой человеческой слабости. Героическая душа, победоносно прошедшая через испытания этой жизни, могла в другом мире стать хранителем и примером для тех, кто еще находился на земле.

В ионийской и элеатской школах этой доктрины придерживались [pg 428] в том или ином смысле все великие мыслители: Фалес, Анаксимандр, Гераклит, Ксенофан. Для Фалеса мир был полон демонов.²²³⁶ По мистическому учению Гераклита, вселенная кишит такими духами, ибо в вечном потоке и изменении божественное постоянно переходит в смерть смертной жизни, а смертное - в божественное.²²³⁷ Эмпедокл, в соответствии со своим космическим дуализмом, впервые провел различие между добрыми и злыми демонами и вслед за Пифагором связал теорию демонов с доктриной падения из божественного сословия, долгого изгнания и воплощения в животных формах.²²³⁸ Именно в тусклой системе Пифагора эта доктрина стала действительно религиозным догматом, как это было для платоников эпохи Антонина. Пифагор был скорее жрецом и мистиком, чем философом. У него было гораздо больше общего с орфиками, с Абарисом и Эпименидом, чем с Фалесом или Анаксимандром. Его школа, о которой мы вряд ли можем говорить, связывала учение о демонах с доктринами метемпсихоза, очищения и искупления в ином мире. Души, освобожденные из темницы плоти, подвергаются чистилищу, которое длится тысячу лет. Некоторые из них победоносно проходят это испытание и возносятся в высшие сферы. Других держат в цепях Эринни. Блаженные души становятся демонами или добрыми духами, колесящими по вселенной и проявляющими себя в снах, предзнаменованиях и призрачных видениях, иногда даже становясь видимыми глазу.²²³⁹ Но их высшая функция - направлять людей на путь добродетели при жизни, а после смерти очищать развоплощенный дух, который в свою очередь может стать демоном. Такова теория, которую, с некоторыми изменениями, приняли поздние платоники. Ее популяризировал Пиндар, "Гомер пифагорейской школы". Он был очарован ее доктриной о переселениях души, о ее испытаниях в будущей жизни, о ее наказании или возвышении до высокого духовного ранга демона или героя. Во второй олимпийской оде наказание [pg 429] нечестивцев и блаженство благородных духов в компании Пелея и Ахилла на счастливых островах изображены во всех сияющих образах Апокалипсиса.²²⁴⁰

Даэмонология Пифагора, как и доктрина метемпсихоза в ее моральном аспекте, была воспринята Платоном то ли как серьезная теория, то ли как философский миф. Главные отрывки Платона, где упоминаются демоны, наполнены таким мифическим колоритом, что, пожалуй, было бы опрометчиво извлекать из них какую-либо четкую догматическую теорию.²²⁴¹ Но Платон, твердо придерживаясь отдаленной чистоты Бога, стремился

заполнить промежуток между смертным и Бесконечным градированной схемой сверхчеловеческих существ. Демон - это соединение смертного и божественного, преодолевающее пропасть между ними. Это сила, которая передает Богу молитвы и жертвы людей и доносит до людей повеления и награды богов, которая действует в пророчествах, жертвоприношениях и тайнах. И снова демон - это сила, которая приписывается каждой душе при рождении и которая после смерти проводит ее в вечный мир, чтобы она получила суд за свои деяния и, возможно, была осуждена вновь вернуться на землю. Разум в человеке, его истинно божественная часть, также называется демоном, его добрым гением. Это сила, родственная миру невидимого, бессмертная и способная к возвышенной судьбе.

Как и его учитель Платон, Максим Тирский, похоже, ничего не знает о злых демонах, которых, как мы увидим в дальнейшем, Плутарх использовал для объяснения безнравственности мифа. Для Максима демоны - это скорее ангельские служители, посланные, чтобы давать советы и помогать слабым смертным людям.²²⁴² Они - необходимые посредники между единым Высшим и нашей хрупкой смертной жизнью. Обитая в области между землей и эфиром, они имеют смешанную смертную и божественную природу, слабее богов и сильнее людей, слуги Бога и надзиратели людей, родством с теми и другими соединяющие слабость смертного с Божественным. Велико множество этого небесного воинства, толкователей между Богом и людьми: "трижды десять тысяч их на плодоносной земле, бессмертных, служителей Зевса", исцелителей больных, открывателей темного, помощников [pg 430] ремесленника, спутников путника. На суше и на море, в городе и в поле они всегда с нами. Они вдохновили Сократа, Пифагора, Диогена или Зенона; они присутствуют во всех человеческих душах. Только потерянная и безнадёжная душа остается без опеки такого неземного друга.

Ранняя платоновская или пифагорейская демонология не использовалась для объяснения или реабилитации политеизма. Хотя Платон не стал изгонять миф из своей "Утопии", он наложил запрет на поэтов-мифопоэтов, которые приписывали свой авторитет рассказам о преступлениях и страстях богов. Миф мог быть терпим в воспитании молодежи только в том случае, если он соответствовал стандарту божественного совершенства.²²⁴³ Бог не может быть автором зла, зло - это порождение материи; оно - ограничение или случай мимолетного мира чувств. Оно относительно и преходяще, и никогда не может проникнуть в царство идеала. Но для Плутарха зло было высшим принципом вселенной, вечно присутствующим наряду с добром, хотя, возможно, и не обладающим равным размахом и силой.²²⁴⁴ И Плутарх не стал бы изгонять и отрекаться от поэтов за то, что они приписывали богам страсти и преступления, которые были бы позорны для человечества. Он не стал бы отказываться от древнего ритуала, потому что он содержал элементы мрака и нечистоты, которые шокировали утонченное нравственное чувство. Мифология и ритуал, в том виде, в каком они были созданы поэтами или навязаны законодателями, переплетались со всей жизнью народа и составляли важнейший элемент славы эллинского гения. Благочестие и эстетическое чувство дельфийского жреца все еще цеплялись за древние ритуалы и легенды, даже когда возвышенная мораль платоника была оскорблена грубостью, которая смешивалась с их художественным очарованием. Неужели нельзя было морализировать языческую систему, не дискредитируя ее авторов, примирить требования разума и консервативного религиозного чувства? Разве нельзя одновременно спасти чистоту и величие Бога и вдохновение поэтов?

Для Плутарха учение о демонах, казалось, давало ответ на этот вопрос; оно также удовлетворяло другие духовные желания, которые были не менее насущными. Потребность в некоем смешанном [pg 431] посреднике между бесплотным миром и областью чувств

становилась все более настоящей по мере того, как философская концепция Бога отступала в более отдаленную и величественную чистоту. Градация духовных сил, принятая многими великими умами со времен Гесиода, одновременно охраняла отстраненность Высшего и удовлетворяла тягу религиозного инстинкта к каким-то средствам контакта с ним, к божественной помощи в испытаниях времени. В теологии Плутарха эти духи-посредники также были призваны объяснить оракулы и все формы пророчества, вдохновенный энтузиазм художников, мудрецов и поэтов. Наконец, с помощью мифической фантазии теория проливали свет на судьбу душ за пределами могилы и подтверждала божественную справедливость видением грядущего суда.

Даэмонология Плутарха, как он сам признает, является наследством прошлого. Демоны - это существа наполовину божественные, наполовину человеческие; они богоподобны по силе и интеллекту, но человечески по страстям, порожденным плотью. Это воинство духов обитает в пограничной области под луной, между чистым неизменным регионом небесных сил и регионом изменчивых и смертных. Связывая два мира своей составной природой, демоны различаются по степени добродетели; одни из них более сродни Божественному совершенству, другие более запятнаны злом низшего мира.²²⁴⁵ Добрые духи, как их описывает Максим Тирский, являются истинными слугами Бога и верными хранителями человеческой добродетели. Но плохие демоны занимают особое место в теологии Плутарха. Это развитие не было неестественным. Его концепция бессмертия и необходимость очищения в ином мире ставили вопрос о судьбе душ, чьи пятна были несмываемыми. Если на очищенные души, как на демонов, возлагаются обязанности милосердия, то не могут ли нечистые продлить свою вину в причинении вреда и развращении человечества? Не объясняется ли существование таких мрачных духов тем, что в мире есть зло, на которое нельзя смотреть сквозь пальцы? Хотя следы этого морального дуализма были обнаружены задолго до времени Плутарха, как в греческой поэзии, так и в умозрительных построениях, именно Ксенократ впервые сформулировал доктрину злых демонов применительно к мифологии.²²⁴⁶ "Не может [pg 432] быть, - учил он, - чтобы несчастливые дни и праздники, проводимые с бичеванием и постами, причитаниями и разрываниями, нечистыми словами и делами, отмечались в честь благословенных богов или добрых демонов. Они скорее предлагаются тем могущественным и ужасным духам зла в воздухе, чей мрачный характер умилощивляется такими мрачными обрядами". Эти злоеущие духи заявляют о своей огромной власти и проявляют свою злобу не только в чуме, моровой язве, засухе и всех опустошающих судорогах физического мира, но и в моральном извращении и обмане человеческой расы. Они ответственны за все, что шокирует нравственное чувство в нечистых или жутких историях, которые поэты рассказывают о богах, и в мрачных или непристойных обрядах, которые совершаются в их честь. Поэты и ранние мифотворцы не выдумали зло в мифах и обрядах; они были обмануты относительно авторов зла. Каждый из благословенных богов имеет при себе демона, который в некотором смысле является его аналогом, обладает его силой, но может совершать от его имени любые моральные преступления и требует, чтобы его почитали и умилощивляли в соответствии с его собственной злой природой. Плохие демоны, по сути, маскируются под богов и навлекают на них позор. Не Благословенные изуродовали отца, не подняли мятеж на Олимпе и не были изгнаны, не опустили до любовных утех со смертными женщинами. Это дело рук духов зла, использовавших свое коварство, чтобы обмануть простой век. Его поэзия была соблазнена наложить магические чары на их похоти и преступления; его суеверия были запуганы, чтобы умиротворить извергов позорными оргиями или темными кровавыми обрядами. Поэты и основатели ритуалов были верны сверхъестественным фактам, но они не видели, что в сверхъестественном порядке есть как злые силы, так и добрые. Они были здоровы в своих записях, но ошибались в своей интерпретации. Таким образом, Плутарх и его школа

стремились примирить рациональную веру с грубостью суеверия, спасти святость Бога и славу Гомера.

Но плохие демоны, призванные спасти древние культы, в итоге оказались опасными союзниками. Мало кто из тех, кто действительно знает его, будет склонен сомневаться в искреннем монотеистическом благочестии Плутарха. А сочувствующий критик даже не откажет ему в определенном уважении к его старинной [pg 433] привязанности к формам культа предков. Он не знал других путей приближения к Божественному. И все же только настоятельные религиозные желания и духовные противоречия той эпохи могли оправдать или объяснить систему, которая была губительна как для язычества, так и для философии. Соединение грубого суеверия с гениальной теологией, лицензия на тонкость, примененная к древним легендам, требовала слишком большого доверия от культурных людей и слишком большой тонкости от вульгарных. Она подрывала и без того рухнувший политеизм; она делала философию апостолом веры в зловещую демоническую силу. Если рядом с каждым богом сидел злой гений, чтобы объяснять зло в природе или мифе, не наступит ли день, когда и друзья, и враги будут путать демона и бога?²²⁴⁷ Не приведет ли философия к катастрофическому падению и оправданию магии, заклинаний и всех теургических изысков? Этот день действительно наступил в IV веке, когда платонизм и политеизм в тесном союзе делали последний рывок против победившей Церкви. Но и тогда еще сохранялся чистый платонизм, а также чистое язычество, поддерживаемое мистериями Митры или Деметры. Но язычество, которое христианской империи было труднее всего победить и которое распространилось далеко в христианские века, - это вера в магию и оккультные силы, основанные на учении о демонах. И христианский спорщик, с такой же твердой верой в демонов, как и язычник, обратил эту доктрину против той веры, для поддержки которой она была придумана. Различие добрых и злых демонов, впервые проведенное Ксенократом и Хрисиппом и развитое Плутархом, было охотно подхвачено Татианом и Климентом Александрийским, Минуцием Феликсом и Киприаном.²²⁴⁸ Но добрые стали небесным воинством Христа и Его ангелов, а злые были отождествлены с языческими богами. Каковы были бы муки Плутарха, если бы он мог предвидеть, что его теология, разработанная [pg 434] с такой благочестивой тонкостью и тщательностью, однажды будет использована против благодатных сил Олимпа, и что духи, которых он придумал для их защиты, будут изгнаны как злобные изверги торжествующей диалектикой С. Августина.²²⁴⁹

Даэмонология Плутарха также дала теорию пророческих сил, и особенно вдохновения в Дельфах. Именно в портиках святилища Аполлона или среди памятников древней славы и преданности были вдохновлены самые интересные религиозные сочинения Плутарха. Вероятно, он до последних дней своей долгой жизни носил почести дельфийского жречества. Но в те годы, когда Плутарх заказывал жертвоприношение или шествие, или обсуждал античные и философские вопросы с путешественниками из Британии или восточных морей, Дельфы в значительной степени утратили свое древнее могущество и славу. Великие политические и экономические перемены свели функции оракула к сравнительно скромной сфере. К нему больше не обращались за советом по государственным делам великие властители Востока и Запада. Крестьяне Беотии или аркадские пастухи теперь приходили узнать о причинах неурожая или падежа стад, спросить совета о покупке участка земли или браке ребенка. Еще во времена Цицерона вера в оракулов сильно [пошатнулась](#)²²⁵⁰, и даже к самым почитаемым святыням уже не прибегали, как в старину. Мощные философские школы, киники и эпикурейцы, презрительно отзывались обо всех гадательных искусствах. Многие древние оракулы давно замолчали. В Беотии, где во времена Геродота воздух был полон вдохновения,²²⁵¹ древняя магия сохранилась лишь в окрестностях Лебадеи. Овцы паслись вокруг вееров Тегиры и птоанского

Аполлона. Если в старые времена в Дельфах при стечении народа требовались услуги двух, а то и трех пифийских жриц, то во времена Плутарха достаточно было одной жрицы.²²⁵² Но второй век принес вместе с общим религиозным возрождением и восстановление древней веры в оракулы. Голос Дельф был на время заглушен Нероном, а священная пропасть завалена трупами, потому что жрица [pg 435] заклеила императора как еще одного Ореста.²²⁵³ Но оракул, хотя и лишился большей части своей славы, во втором веке вернул себе часть своей популярности. Он снова получал подношения от богатых жертвователей. Император Адриан характерно проверил его всезнание вопросом о месте рождения Гомера. Любопытные путешественники из дальних стран, даже философы кинической и эпикурейской школ, приезжали посетить древнее святилище, обойти его античные сокровища и обсудить тайну его вдохновения.²²⁵⁴ У ворот святилища вырос новый город; роскошные храмы, бани и залы собраний сменили уединение и руины многих поколений. Благочестивому Плутарху казалось, что сам бог вернулся с властью на свое древнее место.²²⁵⁵

Возрождение Дельф радовало сердце Плутарха как знак возрождения религии и эллинизма. И хотя оракул больше не обладал экуменическим первенством, его древность и претензии на вдохновение, очевидно, привлекали многих любопытных исследователей. К их беседам нас допускают дельфийские трактаты Плутарха. Его герои носят имена школ старого мира, но в их дискуссиях чувствуется странный современный тон. Иногда нам кажется, что мы слушаем дебаты о богодухновенности Писания между агностиком, католиком и уступчивым приверженцем широкой церкви. Сам Плутарх или его представитель, как правило, удерживает равновесие между крайними точками зрения и пытается примирить требования разума и веры. Очевидно, что даже в ту эпоху религиозного возрождения не было недостатка в скептиках, подобных Лукиану. Даже в священных Дельфах можно было услышать эпикурейца, который говорил, что, поскольку среди тысячи случайных пророчеств о природных событиях одно может казаться совпадающим с фактом, из этого не следует, что предсказание было верным и истинным в момент избавления;²²⁵⁶ блуждающее слово иногда может попасть в цель. Исполнение - это простое совпадение, счастливая случайность. Скептик Боэций легко опровергается ортодоксальным Серапионом, который [pg 436] апеллирует к известным оракулам, которые действительно исполнились, причем не просто в свободной, кажущейся форме, а с точностью до мельчайших деталей времени, места и способа.²²⁵⁷ В этих дискуссиях, хотя кавилянт выслушивается с терпимой вежливостью, ясно, что вера всегда остается на первом месте. Однако даже вере приходится сталкиваться с очевидным вырождением, которое вполне может вызвать некоторую тревогу. Например, разве не удивительно, что от имени бога музыки многие оракулы произносятся в тривиальных, плохо написанных стихах?²²⁵⁸ Может быть, Аполлон - более плохой художник, чем Гесиод или Гомер? С другой стороны, можно сказать, что бог слишком возвышен, чтобы заботиться о том, чтобы украшать свои изречения литературной формой, или, по более вероятной версии, он вдохновляет видение, но не стих. Но что делать с оракулами более поздних времен, которые излагаются в самой грубой прозе? Не является ли это тревожным признаком вырождения? Может ли это быть достойно бога? Защитнику веры нетрудно рассеять это подозрение. Даже в великие века мы знаем, что оракулы иногда произносились в прозе,²²⁵⁹ а в древние времена возбужденные чувства естественным образом переходили в стих.²²⁶⁰ Величественный гекзаметр был подходящей формой изречения, когда оракулу приходилось иметь дело с великими событиями, затрагивающими судьбы городов и народов. Вдохновение не зависит от окружающих обстоятельств, и функции оракула изменились со времен Креза и Фемистокла. Весь стиль человеческой жизни и вкусы людей

стали менее внушительными и величественными. Изменение стиля оракула - лишь часть общего движения.²²⁶¹ На протяжении веков простая проза занимала место художественного ритма в других областях, помимо сферы пророчества. Мы не презираем философию Сократа и Платона, потому что она не доходит до нас в стихах, как рассуждения Фалеса, Парменида и Эмпедокла. И кто может ожидать, что простая крестьянская девушка, которая сейчас занимает треножник, будет говорить тоном Гомера?²²⁶² Тусклое величие старых поэтических оракулов действительно имело некоторые преимущества, помогая запоминанию благодаря использованию размеренных и музыкальных выражений и скрывая полный смысл бога от непочтительных или враждебных глаз. Но [pg 437] их напыщенная двусмысленность, предоставляющая, казалось бы, столько лазеек для уклонения, порочила священное искусство и поощряла подражательную изобретательность множества продажных самозванцев, которые вокруг великих храмов обманывали слух рабов и глупых женщин насмешками над таинственной торжественностью пифийского [стиха](#)²²⁶³.

Более серьезный вопрос о причинах исчезновения оракулов приближает дискуссию к великой проблеме источников вдохновения. Правда, этот факт в какой-то степени можно объяснить естественными причинами. Оракулы никогда не прекращались, но их число уменьшилось. Бог соизмеряет Свою помощь людям с их нуждами, и по мере того, как они становятся более просвещенными, они чувствуют меньшую потребность в сверхъестественном руководстве. Однако это, безусловно, опасная позиция. Но, несомненно, бедность и обезлюдение Греции - достаточное основание для того, чтобы объяснить исчезновение оракулов. Страна, которая едва ли может выставить на поле боя три тысячи гоплитов - столько, сколько одна только Мегара отправила на битву при Платее, - не может нуждаться в многочисленных святилищах, которые процветали, когда Греция была в своей славе.²²⁶⁴ Но можно признать, что оракулы могут исчезать и исчезают. И это ни в коем случае не унижает могущество Бога. Ведь не сам великий Бог произносит предупреждение или пророчество голосом жрицы. Такая доктрина принижает Его величие и могущество. В пророчестве и гадании, как и в других областях, Бог действует через инструменты и агентов на определенную материю и в согласии с физическими причинами. В данном случае речь идет о человеческой душе, на которую в большей или меньшей степени могут действовать сверхъестественные влияния.²²⁶⁵ Возбуждающей причиной "энтузиазма" или вдохновения, внезапно стимулирующего душу, может быть какой-то пар или выдох из земли, как, например, тот, что поднимался из расщелины под дельфийским треножником.²²⁶⁶ Наконец, есть демон, сверхъестественное существо, которое, как мы видели, благодаря своей составной природе является каналом симпатии между человеческим и Божественным.²²⁶⁷ Но среди причин афлатуса или вдохновения [pg 438] некоторые могут в некоторых случаях исчезнуть и перестать действовать. Пьянящий дым или пар - это сила разной интенсивности, и она может исчерпать себя и израсходоваться, как может иссякнуть источник или выработаться шахта.²²⁶⁸ Демон может переместиться из одного места в другое, и с его исчезновением оракул умолкнет, как давно умолк оракул Тейресия в Орхомене, подобно тому как умолкает лира, когда музыкант перестает ударять по струнам.²²⁶⁹

Во всей этой теории Плутарх тщательно оберегает себя от чисто материалистической теории фактов вдохновения.²²⁷⁰ Физические причины могут способствовать и предрасполагать, но сами по себе физические причины не объясняют фактов вдохновения. Демон - это необходимый посредник между человеческой душой и Богом, вестник божественного замысла. Но настоящая проблема вдохновения - в душе самого человека, в возможности контакта души со сверхъестественной силой. Этот вопрос освещен у Апулея и Плутарха, а также у Максима Тирского при обсуждении демона Сократа. По естественному инстинкту

антонинианские платоники обратились к великому учителю Платона за поддержкой системы, которая должна была связать религию с философией с помощью демонической теории. В диалоге Плутарха "Гений Сократа" подробно обсуждаются различные теории этого таинственного влияния, бытовавшие в античности. Язык, на котором Сократ или его ученики говорили о его монистах, допускал различные интерпретации. Был ли его демон внешним знаком, как в предсказаниях, слышимым голосом, или внутренним, возможно, сверхъестественным светом, голосом разума, говорящим с высшими способностями души, не произнося ни слов, ни символов?²²⁷¹ Грубые представления о нем можно сразу отбросить. Демон Сократа не принадлежит к грубому материализму гаданий, хотя философ мог предсказать катастрофу Сиракуз.²²⁷² Это также не была обычная способность острой интеллектуальной проницательности, усиленная и обостренная культивированием опыта. Еще меньше это была галлюцинация, [pg 439] граничащая с безумием, которая является всего лишь извращением чувств и разума. Это была скорее духовная интуиция, непосредственное видение, не затемненное и не ослабленное прохождением через какие-либо символические средства чувств, вспышка внезапного озарения, подобная той, что дается лишь избранным чистым и возвышенным духам, в которых с самого начала высшая часть души всегда высоко поднималась над мутным и омрачающим влиянием чувств.²²⁷³ То, что такая способность существует, несомненно для платоника и пифагорейца. Но в массе людей она борется с плотскими силами, то терпит поражение, то побеждает, то вдохновляет идеалами, то жжет угрызениями совести, пока, может быть, поздно и медленно, после наказаний и борьбы, не выныривает в некое спокойствие. Пифагорейцы, такие как Аполлоний, учили, что прорицательская, мантическая способность в человеке более открыта для высших влияний, когда освобождается от тела во сне, и что она может быть освобождена в часы бодрствования путем воздержания и аскетической дисциплины.²²⁷⁴ Плутарх делал акцент на последней части этой теории, но высмеивал идею о том, что душа может быть наиболее ясной и восприимчивой, когда ее силы расслаблены. Но возможности высшего разума в возвышенных душах почти безграничны. Разум, который является демоном в каждой из них, когда ему не мешают телесные препятствия, открыт для самого легкого, самого бесплотного прикосновения. Дух может действовать напрямую, оказывая непосредственное влияние на дух, без какой-либо чувственной помощи в виде слов или знаков.²²⁷⁵ Это влияние - "ветер, дующий туда, куда он велит", или странное внезапное озарение, открывающее истину, как вспышка. Развоплощенный дух, очищенный и освобожденный от рабства тела и ставший настоящим демоном, обладает всеми этими способностями и восприимчивостью в полной мере. Но он не обретает никакой новой силы, когда покидает тело, хотя его духовные способности могли быть притуплены и затруднены плотью. Солнце не теряет своего родного сияния, когда на мгновение его заслоняют облака.²²⁷⁶ И таким образом, Сократ может даже здесь, внизу, обладать духовным видением, недоступным нам; Пифия может быть вдохновлена демоном святилища, чтобы прочесть будущее кампании. И нет ничего более [pg 440] чудесного в предсказаниях, чем память.²²⁷⁷ В этом неустанном потоке бытия настоящее краткого ощущения - это всего лишь миг между прошлым, которое перестало быть, и будущим, которое должно родиться. Если мы еще можем уловить одно, то не можем ли мы предвидеть другое?

Таким образом, с помощью далеко идущей теории вдохновения Плутарх стремился реабилитировать веру в прорицания. Более возвышенное философское представление о Высшем спасено от загрязнения чем-либо земным благодаря учению о демонах, которые сами освобождаются от тела, но, благодаря высшим способностям, присущим всем душам, могут непосредственно воздействовать на тех, кто еще находится во плоти. Влияние это прямое и непосредственное, но не зависящее от чисто физических причин или темперамента. "Сокровища находятся в глиняных сосудах". Но полное видение доступно

только духу, незагрязненному и не подверженному влиянию чувств и страстей. Плутарх готовит почву для "экстаза" позднего неоплатонизма. Все эти рассуждения, конечно, вели к возрождению языческих суеверий. Однако интересно наблюдать, как во многих вспышках озарения Плутарх открывает истину для всех поколений. Мы, в наше время, пожалуй, слишком склонны ограничивать силы человеческого духа областью чувств и наблюдений. Ослабление веры в духовный мир и высшую интуицию вполне может быть посещено соответствующей Немезидой - помрачением божественного видения, будь то религиозная вера или художественное вдохновение. Мечта о земном рае, обогащенном всеми чувственными удовольствиями благодаря науке, работающей в рабстве простой пользы, может иметь серьезные последствия для духовного будущего человечества. Возможно, потребуется горький опыт, чтобы развеять грубые иллюзии; но люди могут вновь поверить вместе с Плутархом, что в глубине каждой души есть отверстие в божественный мир, из которого, как и в древности, может исходить прикосновение невидимой руки.

[pg 441]

КНИГА IV.

ADSCENDENTIBUS DI MANUM PORRIGUNT

[pg 442]

[pg 443]

ГЛАВА I

СУЕВЕРИЕ

Суеверие во все века является термином с неустойчивым значением. Люди даже одного и того же времени то применяют его, то отрицают его применение к одному и тому же верованию. Благочестивые убеждения одного периода могут стать простыми суевериями для другого. И, наоборот, то, что какое-то время может считаться чуждым суеверием, со временем может стать общепринятой частью родного вероучения. Такова была история тех восточных культов, которые будут описаны в следующих главах. Сначала они подпадали под определение суеверия, данное Цицероном: любая религиозная вера или практика, выходящая за рамки предписаний предков.²²⁷⁸ Но наступил день, когда они стали самыми популярными культами римского мира, когда великие вельможи и даже сам принц были их восторженными приверженцами.²²⁷⁹ Религия Митры, когда она была ограничена неясным кругом рабов или вольноотпущенников в Остии, была суеверием для понтификальной коллегии. Она заняла место культа римской Троицы, когда Аврелиан построил свой храм Солнца и наделил его священством.²²⁸⁰

Плутарх посвятил целый трактат теме суеверий. И его концепция суеверия больше похожа на нашу, менее формальную и внешнюю, чем у Цицерона. Он развивает свой взгляд на деградацию религиозного чувства, противопоставляя его атеизму. Атеизм - это великое бедствие, слепота разума к добру и любви, которые управляют вселенной. Это скорее исчезновение способности, чем ее извращение.[2281](#) [pg 444] Но суеверие одновременно и верит, и трепещет. Оно признает существование сверхъестественных сил, но для него они - силы зла, готовые причинить боль и вред, к которым можно обращаться только в ужасе и с раболепной прострацией. Этот дьявольский страх перед Богом наполняет всю вселенную призраками. Он не оставляет дьяволопоклоннику убежища от ужасов, которые преследуют его днем и ночью. Куда он может убежать от этого ужасного присутствия? Сон, который должен дать передышку от забот жизни, для его лихорадочного ума кишит призрачными ужасами.[2282](#) А смерть, последний сон, который должен положить конец жизненным невзгодам, лишь разворачивает перед суеверным приверженцем ужасную сцену огненных рек и черноты тьмы, звуков наказания и невыразимого горя.[2283](#) Для такой души праздники религии предков теряют всю свою торжественную радость и ободряющее утешение. Святыни, которые должны служить убежищем для смятенного сердца, даже для преследуемого преступника, становятся для него местом пыток. И верующий в Бога злобной жестокости в отчаянии предается мрачным обрядам из чужих стран и тратит свое состояние на самозванцев, торгующих его страхами. Лучше, говорит благочестивый Плутарх, вообще не верить в Бога, чем корчиться перед Богом, который хуже самого страшного из людей. Неверие, каким бы бедствием оно ни было, по крайней мере, не позорит Божество, существование которого оно отрицает. Истинное нечестие - верить, что Бог может быть безрассудно неверным и мстительным, непостоянным и жестоким.[2284](#)

Серьезность и даже горечь, с которой Плутарх осуждает унижительный страх перед сверхъестественными силами, заставили некоторых неглупых критиков предположить, что он симпатизировал скептику.[2285](#) Как такая мысль могла возникнуть в голове того, кто читал его трактат "Гений Сократа", "Исида и Осирис" или "Задержки божественной справедливости", трудно представить. Ненависть Плутарха к суевериям - это ненависть искренне благочестивого человека с возвышенным представлением о Божественной любви и жалости, которого возмущает пародия на чистую религию, [pg 445] повторяющаяся из века в век. Это чувство человека, для которого религия - одна из самых возвышенных радостей жизни, когда он видит, что она превращается в орудие пытки. Но сила протеста показывает, насколько необузданным было зло в ту эпоху. Лукреций с интенсивностью гения ощущал все страдания, которые извращенные представления о Божественной природе причиняли человеческой жизни.[2286](#) Но сила римского суеверия бесконечно умножалась со времен Лукреция. Это уже не было преувеличенным благоговением римлян перед молнией, полетом птиц, внутренностями жертвенной жертвы или трепетным соблюдением торжественных слов родовых формул, каждый слог которых нужно было оберегать от искажения или опущения. Все земли, павшие от ее меча, во времена Плутарха усугубляли духовное бремя Рима. Если в некоторых случаях они обогащали ее довольно скудное духовное наследие, то в некоторых случаях они также умножали источники сверхъестественного ужаса. Если в мистериях Исида и Митры они возвышали душу в духовной задумчивости и давали обещание грядущей жизни[2287](#), то здесь они посылали римских матрон купаться в ледяном Тибре на рассвете и ползать на кровоточащих коленях по Campus Martius, или покупать толкование сна у какого-нибудь прорицателя из Палестины или гороскоп у какого-нибудь торговца астральными преданиями[2288](#). Платоник, вскормленный на чистом теизме "Федота" и "Республики", и жрец того веселого святилища, которое юный Ион каждое светлое утро обмахивал миртовыми ветвями и окроплял водой касталийского источника[2289](#), чье святое служение

радовало даже в годы отрочества, - человек с таким опытом испытывал естественный ужас перед темными страхами, грозившими заслонить лучезарные видения Дельф и Олимпа.

Ливий жаловался на пренебрежение в его время знаками и предзнаменованиями, которые раньше считались достойными исторической записи.²²⁹⁰ Презрение к авгурам во времена Цицерона едва ли скрывалось среди культурных людей.²²⁹¹ Подробности некоторых частей древнего птичьего предания ускользнули от исследований старшего Плиния. Император Клавдий, сетуя на забвение древней науки, потребовал постановления сената о восстановлении ее [pg 446] прежней эффективности.²²⁹² Это некоторые признаки того общего упадка старой римской религии в последний век Республики, который отчасти был вызван философским просвещением, отчасти смятением и деморализацией гражданских распрей, но, возможно, еще больше - опасными соблазнами иноземных суеверий.²²⁹³ Среди советов Мецената Августу нет более серьезного и весомого, чем предостережение против этих оккультных искусств.²²⁹⁴ Августу советуют соблюдать и принуждать к соблюдению освященных временем форм предков, но он должен изгнать колдунов и прорицателей, которые могут посеять семена заговора против принца. Совет был принят к исполнению. В то время как император восстанавливал разрушенные храмы и возрождал древние латинские обряды, 2000 книг нелегальных гаданий в один день были преданы огню.²²⁹⁵ Старая религия, вобравшая в себя так много от авгуров Этрурии,²²⁹⁶ сама, конечно, не была свободна от суеверий. Гнев Лемуров,²²⁹⁷ темнота внутреннего леса, вспышка молнии, полет птиц, внутренности жертвы - все это вызывало страх и могло заставить человека прервать путешествие или разогнать народное собрание. Но римляне в ранние века, следуя своей упорядоченной правовой моде, уменьшили силу этих ужасов с помощью сложного искусства, которое обеспечивало удобный ресурс государственного управления и средство успокоения тревог толпы.

Но со второго века до нашей эры с Востока хлынули чуждые и нерегулируемые суеверия, чтобы нагрузить человеческий дух или заменить ослабевающую веру в итальянские предсказания. В 139 году до н. э. Корнелий Сципион Гиспалус тщетно пытался эдиктом остановить вторжение гадателей по звездам.²²⁹⁸ Но трактаты об этой мнимой науке были в моде во времена Варро, и великий ученый цитирует их с одобрением.²²⁹⁹ Эти самозванцы кишели в Риме во время заговора Катилины,²³⁰⁰ раздувая надежды заговорщиков. [pg 447] Суетоний превзошел самого себя, собрав из многих источников сведения о знамениях и чудесах, предвещавших великую судьбу, а также смерть Августа. Примечательно, что среди этих предсказаний есть и основанные на астрологии.²³⁰¹ В день рождения императора П. Нигидий, ученый астролог, обнаружил, что положение звезд предвещает грядущего повелителя мира. Сам Август получил аналогичный прогноз от Теагена, звездочета из Аполлонии. Он составил свой гороскоп, и на серебряной монете был выбит знак Козерога.

Этим фаталистическим суеверием были заражены почти все преемники Августа в первом и втором веках. Астрология по сути своей является фаталистическим вероучением, и наследник великого приза - принципата с абсолютным контролем над цивилизованным миром - обычно обозначался той слепой безличной силой, чьи указы можно прочесть в положении вечных сфер или в знаках и предзнаменованиях на земле. Суетоний, Тацит, Дион Кассий с видимой верой описывали предсказания будущего могущества, которые собирались вокруг популярного кандидата на престол, или мрачные предупреждения о грядущей катастрофе, которые возбуждали страхи принца и придавали смелости его врагам и соперникам. Нетрудно понять, почему императоры сразу поверили в эти черные искусства и прониклись глубоким недоверием к их профессорам. Они хотели сохранить монополию на эти ужасные знания, чтобы не возбуждать опасные надежды у возможных претендентов.²³⁰²

Консультация с халдейским провидцем о судьбе принца или его гороскоп всегда были подозрительны и часто могли оказаться роковыми.²³⁰³ Удивительно, что люди так безоговорочно верили в мастерство этих восточных самозванцев и так не верили в их честность. В первом веке их изгоняли снова и снова, но гонения только усиливали их власть, и они всегда возвращались, чтобы оказывать еще большее влияние, чем прежде.²³⁰⁴ Никогда не было более яркого доказательства бессилия правительства перед лицом глубоко укоренившихся народных убеждений.

Тиберий, который, вероятно, не имел настоящей религиозной веры, был, [pg 448] с юности, рабом астрологии.²³⁰⁵ При его рождении один адепт предсказал его великую судьбу.²³⁰⁶ В его окружении был Трасилл, известный профессор этой науки, которому часто приходилось читать по звездам перед лицом смерти, и в своем мрачном уединении в Капрее он был окружен "халдейским стадом".²³⁰⁷ Клавдий был педантом и антикваром в своих религиозных вкусах, и, хотя он пытался возродить старую римскую авгурию, он изгнал астрологов.²³⁰⁸ Великий вельможа, имевший дерзость посоветоваться с ними о времени смерти императора, разделял ту же участь. Нерон, презиравший все обычные религии, кроме религии сирийской богини, стал жертвой суеверного террора. Фурии убитой Агриппины, как в эсхиловской трагедии, преследовали его во снах, и он прибегал к помощи магии, чтобы вызвать и умиловить ужасные тени.²³⁰⁹ Когда к концу его правления перспективы становились все более угрожающими, появление кометы заставило его обратиться к астрологу Бальбиллу, который посоветовал отвести от императора предвещающую опасность уничтожением крупных вельмож. Одни предсказывали, что Нерон однажды будет покинут и предан, другие утешали его обещанием великой монархии Востока с резиденцией в Иерусалиме.²³¹⁰ Страшный год, последовавший за смертью Нерона, был полон предзнаменований, и все соперники за престол в равной степени были рабами адептов, которые использовали их амбиции или страхи. Конец Гальбы с самого начала его правления предвещали зловещие сны и знамения.²³¹¹ Надежды Оттона уже давно разжигались прорицателем Селевком,²³¹² а также Птолемеем, который был его спутником во время командования в Испании.²³¹³ Когда он выиграл опасный приз, Оттона мучили ночные видения духа Гальбы, который он использовал все средства, чтобы усыпить. И все же этот человек отправился на битву на По, демонстративно пренебрегая предзнаменованиями, которые предписывала древняя религия.²³¹⁴ Его конец, который, благодаря определенному спокойствию [pg 449] благородству, казалось, искупил его жизнь, был предрешен знамением, которое Тацит фиксирует как факт. В тот самый час, когда Оттон опускался на свой кинжал, в часто посещаемой роще поселилась птица странной формы и сидела там, не тревожимая ни прохожими, ни стаями других птиц вокруг.²³¹⁵ Астрологи составили гороскоп соперника Оттона Вителлия, и их предсказания его судьбы вызвали у его родителей сильное беспокойство. Он следовал предсказаниям немецкой колдуньи. Однако, как и многие представители его класса в ту эпоху, он не испытывал особого уважения к аккредитованным верованиям. С тревогой отмечали, что он вступил в свой понтификат в черный день Аллии.²³¹⁶ Астрологи, вероятно, показались ему скорее опасными, чем полезными, и он приказал изгнать их из Италии.²³¹⁷ Но любопытным признаком их сознательной власти и дерзости является то, что на эдикт Вителлия был немедленно издан неизвестными руками издевательский ответный эдикт, предписывающий смерть гонителя в течение определенного дня.²³¹⁸

Императоры династии Флавиев, несмотря на то, что их власть была стабильной, а мир успокаивался, были не менее преданы восточным суевериям, чем любой из их предшественников. Веспасиан, правда, снова изгнал астрологов, но лучших из них все равно оставил при себе.²³¹⁹ Он обращался к оракулу на горе Кармель и повиновался

видению, полученному в храме Сераписа.²³²⁰ Его сын Тит, у которого, возможно, были романтические мечты о восточной монархии, обращался к иностранным оракулам, поклонялся в египетских храмах и твердо верил в науку о звездах.²³²¹ Домициан был, пожалуй, самым суеверным из всей своей расы. Строитель римских храмов и реставратор римской ортодоксии также твердо верил в планетарные предания. Он жил в вечном страхе перед своим внезапным концом, точный час и способ которого халдеи предсказали ему еще в ранней юности.²³²² Среди множества причин, по которым он жестоко преследовал ведущих вельмож, одной из самых смертоносных было обладание императорским гороскопом. С его стороны преследуемый тиран также усердно изучал часы рождения подозреваемых или возможных [pg 450] претендентов на трон. В последние месяцы его правления террор становился все сильнее и сильнее; никогда за один и тот же промежуток времени молнии не были так сильны. Капитолий, храм Флавиев, дворец, даже спальная комната самого Домициана - все было поражено с небес. Во сне одержимому императору привиделась Минерва, богиня, которую он особенно обожал, покидающая свою часовню с предупреждением, что она больше не сможет спасти его от гибели. За день до смерти император предсказал, что на следующий день луна в знаке Водолея будет кроваво-красной. В последнее утро его жизни провидец, вызванный из Германии для толкования угрожающих предзнаменований и предсказавший грядущие перемены, был приговорен к смерти.²³²³

Адриан, этот любитель экзотики и любопытства, был особенно очарован Востоком. Вероятно, у него не было какой-либо устоявшейся веры, но он занимался астрологией, как и всеми другими искусствами.²³²⁴ Это было занятие, которое культивировалось в его семье. Его двоюродный дед, Аэлий Адриан, был знатоком науки о звездах и прочитал предсказание о будущем величии своего племянника.²³²⁵ Когда будущий император был молодым военным трибуном в нижней Мёзии, он нашел подтверждение этому предсказанию у местного астролога. Он проконсультировался о своих перспективах с вергилианскими родами, что дало не менее обнадеживающие результаты. Он с большим любопытством практиковался в других темных магических искусствах, а загадочная смерть Антиноя на Ниле, как многие полагали, была совершена ради безопасности императора.²³²⁶ Адриан был рад думать, что дух его приспешника перешел в новую звезду, которая тогда впервые появилась. Каждое 1 января Адриан с полной уверенностью предсказывал события года, вплоть до своего последнего часа.²³²⁷ Даже последний великий императорский деятель нашего времени не свободен от подозрений в том, что он приобщился к темным искусствам. Юлий Капитолин сообщает о слухе, что Аврелий советовался с халдеями по поводу страсти Фаустины к гладиатору.²³²⁸ В своем [pg 451] рассказе о знаменитом дожде, который чудесным образом освежил римские войска во время Маркоманнской войны, Д. Кассий приписывает чудо магическим искусствам египетского колдуна, которого Аврелий держал в своей ставке.²³²⁹ Однако Ксифилин, приписывающий чудо молитвам Громового легиона, категорически отрицает, что император дал добро этим самозванцам. Еще один подозрительный случай дошел до нас со слов Лукиана. Когда война на Дунае была в самом разгаре, новый оракул Александра из Абонотеича, благодаря смелости и мастерству, быстро приобрел необычайное влияние даже среди величайших вельмож Италии. Рутилий, один из главных среди них, был его особым покровителем и почитателем и фактически женился на дочери Александра от любовной связи с Селеной! Вероятно, благодаря его влиянию в штаб-квартиру императора было отправлено прорицание в стихах старого дельфийского образца, предписывающее бросить в Дунай пару львов с дорогими жертвами и всеми благовонными запахами Востока.²³³⁰ Прорицание было исполнено, но за обрядом последовала ужасающая катастрофа для римского оружия. Самозванец оказался на высоте положения и защищался примером двусмысленности дельфийского оракула для Креза перед победой

Кира. Какое участие в этой сцене принимал М. Аврелий, мы не беремся сказать, но вряд ли церемония могла быть проведена без его попустительства. Философская позиция Аврелия также не исключает возможности определенной веры в прорицания и предсказания. Он верил, что все в нашем земном жребии предначертано от вечности, и вместе со стоическим фатализмом он мог придерживаться почти универсальной стоической веры в способность узнавать постановления судьбы.[2331](#)

Почти все писатели, от которых мы черпаем впечатления о той эпохе, были в большей или меньшей степени подвержены ее суевериям. Даже старшего Плиния, который почти с презрением отвергал народную религию, сон побудил написать историю войн в Германии.[2332](#) Его племянник, хотя и радовался тому, что его возвели в авгуры, и восстановил храм Цереры на своих землях, похоже, придерживался старой религии скорее [pg 452] из чувства, чем из какой-то реальной веры. Но он искренне верил в сны и явления и посылает своему другу Суру подробный рассказ о романе с привидениями в Афинах.[2333](#) Его друг Суэтоний был встревожен сном об успехе дела, в котором он должен был участвовать. Плиний утешил его избитым толкованием снов с помощью противоположностей.[2334](#) Биограф цезарей может поспорить с Дионом Кассием за честь быть, вероятно, самым суеверным летописцем, когда-либо имевшим дело с великими событиями. Суэтоний шокирован высокомерием Юлия Цезаря, когда тот с презрением отнесся к предупреждению прорицателя, полученному при осмотре внутренностей жертвы.[2335](#) Он прославляет благочестивого Августа длинным каталогом знаков и небесных предзнаменований, которые предсказывали события его карьеры.[2336](#) Суэтоний, должно быть, так же увлеченно собирал эти сказки старых жен, как и более трезвые факты истории,[2337](#) и, если верить ему, дворец цезарей в течение ста лет был полон сверхъестественных чудес и ужасов магии и мрачных пророчеств, как фессалийские деревни Апулея.[2338](#) Суеверия цезарей Клавдиев и Флавиев нигде не могли найти более сочувствующего летописца.

Как ни превосходит Тацит Суэтония по гениальности, даже он не освободился от суеверий эпохи. Но он колеблется в своей суеверии, как и в своем представлении о Божественном управлении миром.[2339](#) Хотя он иногда упоминает и кратко обсуждает догматы эпикурейской и стоической школ, не кажется вероятным, что Тацит имел большой вкус к философии. Полный старых сенаторских идеалов, он считал, что такие занятия, если их углублять или проводить с поглощающей серьезностью, не подобают серьезности и достоинству человека, занимающего высокое положение и занимающегося делами.[2340](#) Кроме того, его взгляды на человеческую судьбу и Божественное правление были окрашены и опечалены Террором. Пережив правление Домициана и увидев все ужасы его [pg 453] близкого окружения, став свидетелем, в унижительном молчании, эксцессов неистовой власти и рабской покорности, Тацит мало верил ни в Божественную благосклонность, ни в искусственную человеческую [добродетель](#)[2341](#). Даже спокойствие и безопасность правления Траяна казались ему лишь шатким промежутком, которым не следует слишком охотно или уверенно наслаждаться, между ужасом прошлого и вероятными опасностями грядущей эпохи.[2342](#) Развращение римской добродетели справедливо заслужило гнев богов, которые больше не приходили, чтобы защитить, но только чтобы отомстить.[2343](#) И в хаосе человеческих дел божественная справедливость запуталась; добрые страдают наравне с виновными.[2344](#) Среди неясных и осторожных высказываний мы можем понять, что, по мнению Тацита, правящей силой в судьбах людей является судьба, которая слепа к бедам тех, кто является ее добычей.[2345](#) Вероятно, он придерживался широко распространенного убеждения, что судьба каждого человека предопределена его рождением, и, хотя он глубоко презирает продажность и лживость племени халдеев, он, вероятно, колебался в действительности их преданий.[2346](#) Он также не отвергал чудеса и сверхъестественные

предзнаменования на основании научной концепции Вселенной.²³⁴⁷ Его язык на такие темы часто, возможно, намеренно двусмыслен. Иногда он сообщает, что рассказ о предзнаменовании - это всего лишь пошлое суеверие. Но в других случаях он рассказывает о чудесах без малейшего проявления [скептицизма](#)²³⁴⁸. А в его повествовании о смерти Оттона и чудесах Веспасиана, угрозах небес, положивших начало короткому правлению Гальбы в темноте, сменяемой яркими молниями, пренебрежительных знамениях грядущей гибели Иерусалима, блеск оружия враждующих армий в небе, призрачные голоса богов, выходящих из Святой Святых, как и в рассказе о многих других предзнаменованиях, снах или оракулах, историк придает благоговение и величие суеверию, которое он не отвергает прямо.²³⁴⁹

Не стоит также высокомерно удивляться тому, что величайший [pg 454] мастер исторической трагедии, родившийся в такую эпоху, должен был нарушить равновесие своей веры. Его младенчество и отрочество совпали с последними годами Нерона.²³⁵⁰ Его юношеское воображение, должно быть, было расстроено и воспалено рассказами, циркулировавшими в старых сенаторских домах, о диких излишествах и таинственных преступлениях на Палатине, о смелых капризах императорских блудниц, о царской власти, сказочном богатстве и роскоши императорских вольноотпущенников, о безумии великой линии, которая основала империю и которой, казалось, суждено было закончить ее позором и всеобщей гибелью. То, что судьбы мира оказались во власти Палласа, Калигулы или Агриппины, было жестоким испытанием для любой веры. Карнавал похоти и резни, в котором исчезла [династия](#)²³⁵¹, потрясение от жестокой борьбы на По, где легионы Востока и Запада с демонической силой сражались за великий приз, углубили ужасы трагедии и мрачные сомнения ее будущего историка. Заря робкой надежды, вспыхнувшая под спокойным, сильным правлением Веспасиана, в ранней юности Тацита была омрачена старым безумием власти, которое, казалось, возродилось в последнем из Флавиев. Такого опыта и такой атмосферы было достаточно, чтобы расстроить любое воображение. Дикое титаническое честолюбие цезарей Клавдиев, странная смесь порочного, наследственного [безумия](#)²³⁵² с разгоряченным воображением, которое, опьяненное почти сверхчеловеческой силой, мечтало о неслыханных завоеваниях природы, сделало императоров Юлиев-Клавдиев в глазах людей расой полузверей, полубогов. Люди ненавидели их и не любили, но при этом готовы были их обожествлять. Не казалось неестественным, что Калигула возвел гигантскую арку над Форумом, чтобы связать императорский дворец с храмом Юпитера на Капитолии.²³⁵³ Люди долго отказывались верить в смерть Нерона, и его повторного появления ожидали целые поколения.²³⁵⁴ Несмотря на возрождение Августа, спокойная, хотя и довольно формальная, здравость старой римской религии утратила свою власть над культурными умами. Восток с его фаталистическими суевериями, апофеозом возвышенного земного суверенитета, воцарением злой силы рядом с доброй, завершал ниспровержение национальной веры. Воздух был [pg 455] полон беззакония и сверхъестественного. Наука в современном смысле слова еще не родилась; она представляла собой лишь рудиментарную массу случайных догадок, имевших столь же мало прав на власть над разумом, как и легенды, порожденные тем же беззаконным воображением. Философская спекуляция в любом высоком смысле слова почти исчезла. Самая могущественная система, которая еще сохранялась, превратила богов в простые имена для различных потенциалов той тусклой и ужасной Силы, которая трепещет во вселенной, которая с самого начала определяет судьбы людей и народов и которая соизволяет огласить свои постановления в знамениях или прорицаниях. Потрясенные и беспомощные перед лицом жестокого и вездесущего деспотизма, не имея света от аккредитованных систем философии или религии, что удивительного в том, что даже самые высокие и культурные умы были омрачены и озадачены, и даже готовы были прислушаться к колдовству таинственного Востока?

Колеблущееся принятие народной веры в ясновидение вряд ли удивляет нас в таком человеке, как Тацит, обескураженном хаосом Империи и не имеющем достаточных оснований для религиозных или философских убеждений. Гораздо удивительнее обнаружить, что такой отстраненный ум, как Эпиктет, признает в некотором роде силу гадания. Он признает, что людей толкает к этому трусость или эгоистичная жадность.²³⁵⁵ Он соглашается, что прорицатель может предсказывать только внешние изменения судьбы, а на их моральное воздействие, на вопрос, являются ли они действительно добром или злом, он не может пролить свет. И все же даже этот проповедник универсального Провидения, доктрины, согласно которой наше истинное благо и счастье находятся в наших собственных руках, не будет полностью отрицать, что авгур может предсказывать будущее. Мы должны, говорит Эпиктет, приходить к нему за советом без всякой корысти, как путник спрашивает у встречного человека, какая из двух дорог ведет к концу его пути.²³⁵⁶ Но поле для таких советов ограничено: там, где достаточно света разума или совести, искусство прорицателя либо бесполезно, либо развращает. Никакие зловещие знаки не должны удерживать человека от того, чтобы разделить опасность друга, даже если прорицатель может предупредить об изгнании или смерти.

После Аристиды, вероятно, нет писателя, который бы так ярко раскрыл [pg 456] смешение пиетизма и суеверий того времени, как Аэлиан. Хотя он предпочитал писать свои произведения на греческом языке, он был уроженцем латинского Праенеста, этого прохладного убежища усталого римлянина и места, где находилось знаменитое святилище Фортуны Примигении.²³⁵⁷ Вопрос о том, относится ли Аэлиан ко II веку или к III, является спорным. Но более вероятным выводом, в пользу которого говорит авторитет Суидаса, является то, что он жил вскоре после Адриана.²³⁵⁸ Его исторические "Рассуждения" являются хорошим примером того не критического отношения к истории и любви к сенсациям, которые презирал Лукиан.²³⁵⁹ Но именно во фрагментах его работы о Провидении мы имеем лучшую иллюстрацию его религиозных взглядов. Непосредственное вмешательство небесных сил, чтобы вознаградить благочестивого верующего или наказать непокорного скептика, провозглашается триумфально. Чудеса, оракулы, предсказания и предупреждающие сны потрясают читателя на каждой странице. Аэлиан ведет войну à outrance с женоподобной и профанной командой эпикурейцев, которых он, несомненно, безжалостно передал бы в руки светской власти, будь у него такая возможность.²³⁶⁰ Он с восторгом описывает физические недуги, которые, как говорят, поразили Эпикура и его братьев, и преследования их секты в Мессене и на Крите.²³⁶¹ После рассказа о каком-то особенно впечатляющем вмешательстве Провидения он обрушивает яростные анафемы на самых известных скептиков - Ксенофана, Диагора и Эпикура.²³⁶² Он преследует Эпикура до самой могилы и обрушивает все свое презрение на то, что неверующий сластолюбец устраивает раз в два года банкеты в честь своей тени.²³⁶³ Он радуется судьбе того, кто без посвящения пытался увидеть священное зрелище в Элевсисе и погиб, упав со своего тайного наблюдательного пункта.²³⁶⁴ Нет нужды говорить, что чудесные исцеления Асклепия рассказываются с самой буйной верой. Трагический поэт Аристарх и комедиант Теопомп были избавлены богом от истощения и безнадежной болезни.²³⁶⁵ Другому пациенту святилища было видение, которое [pg 457], вероятно, часто было реальным фактом: жрец стоял ночью у его постели и приносил советы по исцелению.²³⁶⁶ Но апогея смехотворного легкомыслия достигает рассказ о благочестивом петухе Танагры.²³⁶⁷ Эта благосклонная птица, будучи искалеченной на одну ногу, явилась в святилище Асклепия, протягивая поврежденную конечность, и, заняв место в хоре, исполнявшем утреннюю паремию, молила бога об облегчении и исцелении. Наступал вечер, и благодарная птица, с поднятым гребнем, величественной походкой и хлопая крыльями, озвучивала свое избавление в своеобразных хвалебных нотах! Божественное возмездие также проявляется в

снах. Путешественник, остановившийся на ночь в Мегаре, был убит за кошелек с золотом хозяином постоянного двора, и его труп, спрятанный в навозной телеге, вывезли через ворота перед рассветом. В этот самый час его призрак явился одному из жителей города и поведал ему историю трагедии. Коварный убийца был пойман в том самом месте, которое указал призрак.²³⁶⁸ Последний сон Филемона имеет более приятный характер.²³⁶⁹ Поэт, находившийся тогда в полном расцвете сил и обладавший всеми своими способностями, однажды в своем доме в Пейрее имел видение. Ему показалось, что он видит девять девиц, выходящих из дома, и слышит, как они прощаются с ним. Проснувшись, он рассказал эту историю своему мальчику и закончил пьесу, над которой работал; затем, завернувшись в свой плащ, он лег спать, а когда его пришли будить, он был уже мертв. Аэлиан заставляет Эпикура отрицать, что девы из видения были девятью Музами, покидающими обитель, которая вскоре должна была быть осквернена смертью.

Публий Аэлий Аристид - один из лучших представителей союза высокой культуры с силами религиозного возрождения. Он видел начало и конец эпохи Антонинов. Он родился в 117 году н. э. в Адриане, в Мизии, где его семья занимала высокое положение, а отец был жрецом Зевса. Он получил самое полное риторическое образование и был учеником Геродоса Аттика. Путешествуя по Греции, Италии и Египту и демонстрируя свое мастерство в соответствии с модой того времени,²³⁷⁰ Аристид завоевал великолепную репутацию, которая раздула [pg 458] его тщеславие до размеров, редких даже в том классе, чье тщеславие было пресловутым. Он добился от Аврелия восстановления разрушенной Смирны, произнес орацию, которая довела императора до слез.²³⁷¹ Слабое от природы телосложение и склонность к эпилепсии привели к болезни софиста, которая продолжалась тринадцать лет. Во время этого долгого испытания у него развилось мистическое суеверие, которое, наряду с постоянно растущим самосознанием, вдохновило его на "Священные оратории", появившиеся в 177 году, уже после восстановления его здоровья. Он посетил множество мест священного врачевания - Смирну, Пергам, Кизик, Эпидавр - и часто в каталептическом состоянии, между сном и бодрствованием, ему являлись во сне Высшие Силы. Они давали ему рецепты самых странных лекарств, а также хвалебные отзывы о его непревзойденном таланте, которые ему было торжественно предписано посвятить празднованию своего избавления от Божественной благосклонности.²³⁷²

Аристид ревностно повиновался Божественному повелению. Но было ли его единственным вдохновением простая благодарность и безыскусное благочестие, перечеркнутое суеверием, как принято считать, можно сомневаться.²³⁷³ Истина заключается в том, что в Аристиде встретились все сложные влияния его эпохи, как интеллектуальные, так и духовные. Он был наиболее развитым представителем риторической школы с ее искусным владением фразой, непомерной гордостью за силу слова, безразличием к истине в сравнении с риторическим эффектом. Вся сила возрожденного эллинизма была сосредоточена в этом декламаторском мастерстве.²³⁷⁴ В то же время религиозное возрождение было очень далеко от возвращения к старой религии в ее четких твердых очертаниях и простой цельности.²³⁷⁵ Зевс, Афина и Посейдон эпохи Аристида не были божествами великого века. Многие влияния размыли четкие очертания эллинского воображения и приукрасили исконную веру как Греции, так и Рима. Люди хотели верить в древних богов, но это уже не были боги Гомера или Эсхила, боги, которым поклонялись люди, сражавшиеся [pg 459] в Самнитской или Пунической войнах. Греческая философия на протяжении восьми веков преподавала учение о единой Божественной силе или сущности, выходящей за пределы сил и ограничений чувства или имманентной в мимолетном мире случайностей и перемен. Языческая теология разработала небесную иерархию, в которой Божество, удаленное на бесконечное расстояние, было отдаленно связано с человечеством

посредством градуированной шкалы низших духовных существ, демонов и героев.²³⁷⁶ Затем появились религии Востока с их доктринами искупления греха и аскетической подготовки к общению, а также видениями бессмертия. И, наряду со всеми этими событиями, наблюдался заметный рост вульгарного суеверия, веры в сны, предзнаменования и оракулы, в любой путь к "великой тайне". Софистическая риторика, по своей природе и функции, должна была отражать религиозный дух эпохи во всей его запутанности. Древние мифы, действительно, были возрождены и украшены богатыми поэтическими красками. Но не простая, наивная, старая языческая вера вдохновляет художника-риторика. Пантеистические или теософские доктрины, витавшие в воздухе, нарушали античный характер.²³⁷⁷ Но софист, если он иногда и улавливает тон нового мистицизма или даже рационалистического толкования, в целом остается ортодоксом и предаёт анафеме нечестие вольнодумной философии с той же энергией, что и Аэлиан. Прежде всего, Аристид согласуется с безграничной верой в чудо и небесные видения, которая была широко распространена.

По какой бы причине ни возникло поклонение Асклепию, в эпоху Антонинов оно приобрело необычайную популярность.²³⁷⁸ Условия здоровья и болезни настолько неясны, влияние воли и воображения на наши телесные состояния настолько заметно, что во все века границы между естественным и непознаваемым размыты и могут быть легко перейдены. Медицинская наука, вплоть до эпохи Гиппократ или Галена, не отказалась от веры в магическое и таинственное.²³⁷⁹ Инкантии долгое время занимали свое место рядом с более научными средствами лечения. Здоровье - самое ценное и самое ненадежное из земных благ, поэтому не странно, что в эпоху возрождения веры в сверх [pg 460] естественное, бог здоровья должен был занять место даже наравне с великими олимпийскими богами. Его храмы возвышались в каждой стране, где преобладала греческая или римская культура. Как правило, они строились с учетом красоты пейзажа, или достоинств какого-нибудь чистого, холодного, древнего источника, или других дарующих здоровье свойств местности, которые могли бы усилить более таинственное влияние религии. В каждом храме существовала иерархия священников, которые охраняли традиции иератического церемониала и медицинской науки.²³⁸⁰ Был главный жрец, который мог быть, а мог и не быть обученным врачом. Были дадучи и пирфоры, которые следили за пунктуальным обслуживанием алтарей. Были неокори, которые, вероятно, были врачами, и которые ждали пациентов, истолковывая их видения и часто дополняя их другими собственными видениями.²³⁸¹ Были также медсестры более низкого ранга, мужчины и женщины, которые, если мы можем судить по Аристиду, выполняли сочувственную часть наших больничных медсестер.²³⁸² Пациенты приходили со всех частей греко-римского мира. После определенных подношений и обрядов больной занимал свое место в длинном дортуаре, где часто находились кровати на 200 или 300 человек, с окнами, открытыми всю ночь для южных ветров. Больной приносил свои покрывала и делал подношение на алтарь. На длинной галерее зажигались лампы, священник читал молитвы на вечерне. В более поздний час свет гасили, предписывали строгую тишину, а надежда на какое-нибудь успокаивающее видение свыше оставалась священником в качестве прощального подарка или приветствия, когда он удалялся.²³⁸³

Гадание по снам было одним из самых древних и универсальных суеверий в языческом мире.²³⁸⁴ Оно также было одним из самых живучих до последних дней язычества на Западе. Бог Эпидавра все еще посещал своих почитателей по ночам, когда С. Иероним писал свой комментарий к Исайе.²³⁸⁵ Не является это суеверие и противоестественным. Сон, самое загадочное из физических явлений, рождает психические состояния, которые постоянно удивляют. Мысли и силы, латентные в часы бодрствования, затем оживают со странной

яркостью [pg 461] и энергией. Память и воображение действуют с силой, которую в эпоху веры вполне можно принять за вдохновение. Иллюзия раздвоения личности, проистекающая из беспомощности разума реагировать на впечатления чувств, также легко переходит в иллюзию посланий и подсказок от сил, находящихся за пределами нас самих. Таким образом, религиозные надежды и желания могут легко и искренне казаться исполненными.

Но внешние причины также усиливали в древнем мире обманы внутреннего духа. Оракул снов обычно находился в месте, где природа могла затронуть трепет и воображение жертвы. Мало кто мог спуститься во мрак пещеры Трофония, не подготовив свою фантазию к видениям.²³⁸⁶ Выдохи из тайных расщелин, как в Дельфах и Лебадее, при содействии странных заклинаний нимф, которые преследовали такие места, часто вызывали физическое возбуждение, сродни безумию. Опиаты и зелья, вводимые жрецами под воздействием торжественных религиозных обрядов, готовили верующего к голосам из другого мира.²³⁸⁷ Душа и тело еще больше готовились к прикосновению божественной руки строгим постом, который предписывался в качестве подготовительной дисциплины во многих мистериях возрождающегося язычества.²³⁸⁸ Небесное видение могло прийти только к ясному духу, очищенному, насколько это возможно, от грубости плоти.²³⁸⁹ Ἑκοίμησις ради исцеления стал великим и, вероятно, в основном благотворным учреждением в храмах многих божеств,²³⁹⁰ прежде всего в храмах Исиды, Сераписа и Асклепия. Храм Сераписа на Канопе во времена Страбона был переполнен пациентами самого благородного ранга и славился чудесными исцелениями.²³⁹¹ Среди многочисленных атрибутов царицы Исиды ни один не производил более глубокого впечатления, чем ее благотворная сила исцелять даже самые отчаянные случаи.²³⁹² Ее храмы возвышались повсюду. Ее толкователи снов были известны со времен Цицерона.²³⁹³ В ее святилище в Смирне Аристид пережил многие из своих самых поразительных опытов. По словам Диодора, ее жрецы могли привести множество доказательств того, что великая богиня способна излечить [pg 462] самую затяжную болезнь. Но великим целителем был, конечно же, Асклепий. Остатки его великолепного святилища в Эпидавре свидетельствуют одновременно о его славе и могуществе, а также о сценах и занятиях, в которых проводили свои дни и ночи благочестивые искатели здоровья. В его храме на острове в Тибре еще во времена Иамблиха искали мечты об исцелении. Его святилище в Пергаме, где происходило множество странных видений Аристида в его многолетней борьбе с болезнью, было одним из самых известных, и за вдохновенными снами к нему долгое время после этого обращался император Каракалла.²³⁹⁴

Было бы бесполезно рассуждать о сравнительном влиянии на конституцию страдальца разумного медицинского лечения и суеверий, стимулируемых более или менее благочестивыми искусствами. Достоинства травяных или минеральных снадобий, регулируемого питания и воздержания, купания в природных лечебных водах, а главное - постоянной свежести воздуха, должно быть, стали традицией в этих священных домах бога здоровья. Физическая болезнь часто коренится в моральном расстройстве, и для таких беспокойных, запятнанных душ, с наследственным ядом в жилах и нервах, яркая жизнерадостность, упорядоченное спокойствие и уверенность ритуала, который так очаровал душу Плутарха, могли изгнать на время многих злых духов и стереть память о старых грехах. Успокоенный и облегченный душой и телом, страдалец лежал в тускло освещенном коридоре и погружался в сон, уверенный, что бог каким-то образом даст знать о своей силе в ночных видениях.²³⁹⁵ Через раздвижную панель, скрытую в стене, тусклая фигура милостивого вида могла скользнуть к его кушетке и прошептать странные сладкие слова утешения. Но во многих случаях нет необходимости предполагать существование освященного самозванства.²³⁹⁶ Ослабленный организм, нервы, расшатанные длительными

страданиями, воображение, возбужденное священными литаниями, призрачными советами и рассказами о чудесах, всепроникающей атмосферой незапамятной веры, легко могли породить видения, которые казались пришедшими из другого мира.²³⁹⁷

[pg 463]

Но из какого бы источника ни исходили видения, они оказывали мощное воздействие на воображение, а через него и на телесное здоровье. Некоторые из рецептов, действительно даваемых этими ночными голосами, могут показаться нам нелепыми или даже опасными.²³⁹⁸ Но тон и обстановка этих святилищ, а также ощущение того, что они окружены как Божественным, так и человеческим сочувствием, вероятно, противодействовали любому плохому влиянию шарлатанства. Спокойный, безмятежный порядок, который иератический дух культивирует наилучшим образом, бодрящая рутина священной службы, неразлично сочетающаяся со служением страждущим, освящающая и облагораживающая его, доверие, внушаемое спокойной жизнерадостностью священников и служителей, подкрепленное бесчисленными случаями чудесных исцелений, зафиксированными на [стенах](#)²³⁹⁹, - все это должно было оказать мощное и благотворное влияние. И не все посетители были инвалидами. Игры и фестивали собирали многих просто для общения и развлечений. Театр в Эпидавре, должно быть, обеспечивал постоянное развлечение для гораздо большего числа людей, чем пациенты храма.²⁴⁰⁰ Здоровый режим, о котором имеются многочисленные свидетельства,²⁴⁰¹ очарование искусства и окружающие красоты холмов и лесов сами по себе были склонны восстанавливать мир и равновесие расстроенных нервов. А социальная жизнь, особенно для греков, была, вероятно, самым сильным влиянием из всех. Из рассказа Аристиды мы видим, что за неприятными случаями наблюдал круг любопытных сочувствующих.²⁴⁰² На мраморных сиденьях, которые до сих пор можно увидеть на этом месте, должно быть, сидело множество людей из многих поколений, слушая музыку или декламацию, обсуждая высокие темы жизни и смерти или развлекаясь тривиальными сплетнями, свойственными всем мужским собраниям.

Среди таких сцен Аристид провел тринадцать лет расцвета своей мужественности. Со всем эгоизмом жалеющего себя инвалида он записал мельчайшие подробности своих недугов. Кажется, у него были расстройства всех органов, водянка, астма, диспепсия, опухоль огромных размеров и мучительные боли, доводившие его до крайней степени слабости.²⁴⁰³ Но необычайная стойкость и жизнеспособность [pg 464] этого человека поражает еще больше, чем его страдания. Аристид считал здоровье величайшим из всех благ, условием, от которого зависит ценность всех остальных благ. И он действовал в соответствии с этим убеждением. Его стодневное путешествие в Рим - это чудо выносливости.²⁴⁰⁴ Мучимый лихорадкой и астмой, неспособный принимать никакую пищу, кроме молока, он пробирался то через равнины, превратившиеся в озера, то через замерзший Гебрус, среди бури, дождя и ледяного холода.

Последствия этого путешествия, усугубленного астмой, водянкой, нервным истощением, описаны с болезненной яркостью. Римские хирурги справлялись с ними таким образом, что остается только удивляться, как пациент выжил после таких рваных ран.²⁴⁰⁵ Инвалид поспешил домой в Азию по морю. Путешествие было долгим и утомительным, настоящая Одиссея бурь и скитаний. Аристид достиг Смирны в середине зимы, и все врачи были озадачены тем, чтобы найти хоть какое-то облегчение его бед.²⁴⁰⁶ В дальнейшем он в течение тринадцати лет переходил из одного храма в другой по велению богов - из Смирны в Пергам, или Хиос, или Кизик, или Эпидавр - переносил зачастую страшные лишения на суше или на море. Описание его страданий иногда вызывает подозрение, что горячее

воображение и тщеславие литератора усилили эффект. Опухоль чудовищных [размеров2407](#) , агония сердцебиения и одышка, мучительная диспепсия, головокружение и невралгия, от которой у него сводило конечности и позвоночник, казалось, выгибался наружу, как [лук2408](#) , - вот лишь некоторые из болезненных ужасов, которые его терзали.

Божественные предписания часто были столь же удивительны, сколь тяжела была болезнь. Свежий воздух, физические упражнения, купание в священных колодцах, пост и воздержание, действительно, часто могли быть разумным лечением. Но к ним добавлялись удивительные рецепты пищи или лекарств, чистки и кровопускания, которые истощали тело, лишая его остатков сил, и приводили в ужас лечащих врачей.[2409](#) Но это было [pg 465] не самое худшее. Снова и снова Аристиду предписывали при сильной лихорадке два или три раза искупаться в ледяной реке, текущей в половодье, а затем пробежать милью на полной скорости перед лицом северного шторма. Он повиновался, несмотря на все уговоры, и докторам и его встревоженным друзьям оставалось только следовать за ним и ждать результатов применения столь необычных средств. Как ни странно, их опасения и предчувствия оказались беспочвенными. Религиозное возбуждение в сочетании с огромным тщеславием и странной жизненной силой победоносно пронесли Аристиду через все эти [испытания2410](#) , и друзья приняли его по их окончании с неопишуемой теплотой, распространявшейся по всему телу, легкостью и бодростью духа, которые с лихвой вознаградили его за эти странные тяготы суеверия.

Вера Аристиды, должно быть, была очень крепкой. Его мучения продолжались почти тринадцать лет, в течение которых божественные предписания, казалось, только усиливали их остроту. Но его поддерживала вера в то, что он - особый объект Божественной благосклонности, и он упорно следовал Божественным рецептам, которые обычный человеческий ум и благоразумие отвергли бы. Никакие сомнения, которые тревожили его сопровождающих, не приходили ему в голову. Насколько затянулась его болезнь из-за этого упорного следования иллюзиям сна и [суеверий2411](#) , несмотря на советы специалистов, - вопрос, о котором бесполезно рассуждать. Вероятно, воображение и непомерное тщеславие Аристиды делали его более трудным пациентом, чем обычных людей, посещавших эти святыни врачевания. Очевидно также, что с культом Асклепия был связан целый корпус более или менее квалифицированных медиков. Практикующие врачи приходили в [храмы2412](#) с доброжелательностью и любопытством, свойственными их ремеслу во все века, чтобы наблюдать и изучать или советовать осторожное толкование ночных откровений. Аристид сохранил имена некоторых из них - Феодот, Асклепий и Сатир. Долгое наблюдение за причудами индивидуального темперамента и конституции должно было подсказать вдумчивым умам, обладающим некоторыми инстинктами научного метода, что сверхъестественные видения должны быть истолкованы в свете опыта. Ужасный сон Аристиды о том, что все его кости [pg 466] и сухожилия должны быть вырезаны, в руках верного санитаря превратился в предсказание обновленной жизненной [силы2413](#). И хотя некоторые из медсестер, которым он так благодарен, подтвердили его видения точно такими же откровениями,[2414](#) другие, более опытные врачи, открыто порицали его слишком самоуверенное доверие к своим снам и нежелание испытать эффект более научного лечения.[2415](#) Их предложения, однако, иногда были настолько суровыми и героическими, что мы можем извинить его за то, что в целом он предпочел более терпеливые и мягкие методы бога. Иногда страдальцу являлись прозрения Афины, Аполлона, Сераписа и других великих божеств, что возвышало его над обычными жертвователями.[2416](#) А сам Асклепий, которому он особенно предавался, не только облегчал его физические мучения, хотя и после

долгих лет, но и наделял его доселе неизвестными способностями к риторике и искусной речи. Бог стал покровителем всей его профессиональной жизни.²⁴¹⁷ А Аристид считал его источником свежего вдохновения в том словесном искусстве, в котором он был величайшим мастером своего времени. Нетрудно догадаться о смысле этого самообмана. Прежде чем Аристид начал посещать храмы бога, он уже был законченным ритором, обладавшим всем мастерством, которое могли передать греческие школы.²⁴¹⁸ Годами страдавший от телесных страданий, оторванный от той жизни, в которой так щедро вознаграждали его аплодирующие толпы, тщеславный и честолюбивый декламатор потерял не только свое телесное здоровье, но и всю радость и волнение риторического триумфа. Внезапно он обнаружил, что его равновесие восстановлено, прилив сил вернулся в прежние русла. Он снова мог извлекать музыку из почти забытого инструмента. Он снова собрал полный зал для лекций. Что удивительного в том, что, восстановив свои силы, он почувствовал их удвоение, а бога, исцелившего его телесные недуги, посчитал автором нового литературного вдохновения?

[pg 467]

Долг был возвращен в этих "Священных орациях".²⁴¹⁹ Одни считают их выражением подлинного мистического благочестия, другие склонны думать, что неисправимый ритор столь же очевиден, как и благочестивый приверженец.²⁴²⁰ Было бы излишним скептицизмом сомневаться, что Аристид верил в свои видения и в благодетельную силу бога, за которую он был полон благочестивой благодарности. Однако риторический дух той эпохи обладал необычайной силой влияния. Он овладел не только способностью произносить речи, но и всем умом и жизнью ритора. Страсть произвести на аудиторию поразительный или соблазнительный эффект стала второй натурой. Истина стала второстепенным вопросом, но не из-за моральных уклонов, а под влиянием длительного обучения. Поэтому мы можем сохранять веру в подлинную набожность или суеверие Аристида, но при этом с недоверием относиться к его рассказу. Благочестие или мистическое суеверие могло быть не менее искренним, хотя и смешивалось с вопиющим тщеславием и выражалось в тщательно вылепленных и окрашенных фразах школ. Не стоит сомневаться в благочестии Аристида и потому, что он считал себя особым объектом Божественной благосклонности. По такому принципу любая молитва о личных благах превратилась бы в профанированный эгоизм. И хотя Аристид глубоко осознавал, что он был первым из греческих [ораторов](#)²⁴²¹, он также был глубоко благодарен за Божественную благодать, которая обновила его силы во славу Божью и на радость и пользу человечеству. Был ли бы он доволен тем, что наслаждался своими мистическими восторгами, не публикуя их для мира, - вопрос, на который можно ответить по-разному, в зависимости от милосердия и духовного опыта того, кто его ищет.

Многие другие, менее известные святилища, чем Эпидавр, предлагали подобные откровения. В ту эпоху боги были щедры на пророческие дары, и сны посылались так же свободно, как и ожидались. Нет более яркого примера суеверия той эпохи, чем трактат Артемидора о толковании снов. Артемидор жил в конце второго века. Он был уроженцем Эфеса, но называл себя Далдианом, чтобы разделить свое отличие с малоизвестным городком в Лидии, [pg 468] который был местом рождения его матери.²⁴²² Трактат состоит из пяти книг, три из которых посвящены Кассию Максиму, римлянину, который был знатоком этой мнимой науки; остальные надписаны сыну автора. Несмотря на абсурдное легкое верие, дику и извращенную изобретательность и холодную, квазинаучную терпимость к некоторым худшим моральным преступлениям древности, Артемидор, похоже, был серьезным и трудолюбивым человеком, который писал с ошибочной целью оказать услугу

как своей эпохе, так и потомкам.²⁴²³ Как и другие благочестивые люди того времени, он был уязвлен профаническим отношением скептиков,²⁴²⁴ и решил опровергнуть их твердыми доказательствами просеянного опыта. Он также хотел дать наставление толпе, которая верила в свои видения, но была в недоумении из-за отсутствия четких канонов толкования. Очевидно, что на плаву существовала обширная онейрокритическая литература. Но, по мнению Артемидора, ей часто не хватало глубины и **системности**²⁴²⁵, а случайные догадки слишком часто заменяли собой тщательные, исчерпывающие наблюдения и четкий научный метод. Артемидор был вдохновлен видением Аполлона, своего родового покровителя.²⁴²⁶ Он приобрел все известные трактаты о снах.²⁴²⁷ Он объехал всю Азию, Грецию, Италию и крупные острова, посещая большие праздники и центры населения и советуясь со всеми провидцами и предсказателями, даже с теми, кто пользовался самой низкой репутацией. Он приложил максимум усилий, чтобы выяснить факты, связанные с исполнением снов, и сравнить и просеять факты, полученные в результате собственных наблюдений. Ни один строгий ученый, изучающий природу в наши дни, не относился к себе серьезнее, чем этот собиратель самых диких и нелепых галлюцинаций языческого воображения. Артемидор действительно верил, что основывает вечную науку, которой будут руководствоваться все грядущие поколения.

Однако основа всего этого, по сути, ненаучна. По мнению Артемидора, сны не являются результатом естественных причин, физических состояний или внушений памяти и [pg 469] ассоциаций. Они посылаются непосредственно каким-то богом, как обещание или предупреждение о будущем. И никакая кажущаяся неудача предсказания не должна склонять нас к тому, чтобы усомниться в правдивости божественного автора. Артемидор утверждает так же категорично, как и Платон, что боги никогда не могут лгать.²⁴²⁸ Но хотя иногда они выражаются ясно, они также часто скрывают свой смысл в теневой, загадочной форме, чтобы испытать веру и терпение людей.²⁴²⁹ Поэтому необходимо искусное толкование, которое требует широчайшей наблюдательности, острой критики в сочетании с благоговейной верой и почтением к древним обычаям и традиционным преданиям. Любопытно видеть, как этот апостол того, что, на наш взгляд, является пагубным суеверием, презрительно отзывается о более новых или низких формах гадания.²⁴³⁰ Пифагорейские чтецы снов, толкователи по руке, лицу и форме, толкователи сита, блюда и игральные кости - все это обманщики и шарлатаны. Лишь старые и проверенные предания о птицах и жертвенных внутренностях, о снах, звездах и небесных знамениях должны быть приняты ортодоксальной верой. Нет нужды говорить, что Артемидор верил в астрологию так же, как и в онейромантию. Оба верования восходят к младенчеству расы, и оба распространили свое господство далеко в Средние века.²⁴³¹

В нашем пространстве было бы невозможно дать сколько-нибудь подробное представление о трактовке снов Артемидором. Да и попытка не вознаградит за труды; любопытный специалист должен сам прочитать трактат. Он найдет в нем одну из самых поразительных попыток одержимого легковерием человека замаскировать себя под формы научного исследования. Он найдет, казалось бы, искреннее благочестие, соединенное с непроверенной записью самого отвратительного ханжества беззаконной фантазии. Он найдет тонкость и формализм системы и различия, достойные законченного школьника XIV века, и все это используется для того, чтобы придать порядок и смысл самым диким капризам вульгарной фантазии. Классификация снов Артемидора - это большой труд, и она дана в исчерпывающем порядке. Все возможные темы, а также многие, которые кажутся современному человеку почти невыносимыми, каталогизированы, каждая на своем месте, с соответствующими принципами объяснения. Иерархия [pg 470] богов и героев в их различных рангах, небесные шары, различные части телесного каркаса, от волос на голове

до пальцев на ногах и ногтей, различные занятия и многообразные происшествия в жизни человека от колыбели до могилы, [2432](#) весь список животных, растений и лекарств, которые служат ему, - все это и многое другое, что может мыслимо или немыслимо войти в ткань сновидения, тщательно собрано и упорядочено для руководства будущему исследователю. И это требует не только усилий по логической классификации, но и огромного знания обычаев и особенностей различных [рас](#)[2433](#), особых атрибутов каждого из богов, а также детального знакомства с естественной историей того времени. Ведь при толковании снов нельзя пренебрегать особыми обстоятельствами и деталями. Может иметь огромное значение, к кому приходит один и тот же сон - к богачу или [бедняку](#)[2434](#), к мужчине или женщине, к замужней женщине или девственнице, к старому или молодому, к королю или подданному. Для одного он может означать величайшее благословение, для другого - бедствие или смерть. Например, для жреца Исиды увидеть во сне бритую голову - доброе предзнаменование; для любого другого человека это предвещает зло. [2435](#) Видеть во сне голову льва или слона - предсказание возвышения над своим родом; а видеть во сне рога быка - предвещает насильственную смерть. [2436](#) Видеть во сне сапожное и плотницкое дело - предвещает счастливый брак и дружбу, но видение кожевнического двора, связанное с дурными запахами и смертью, может предвещать позор и бедствие. [2437](#) Видеть во сне, что вы пьете холодную воду, - благоприятный знак; но привидевшаяся струя горячей жидкости, будучи неестественной, может предвещать болезнь или неудачу. [2438](#) Одному человеку приснилось, что его мать рождает его во второй раз; в результате он вернулся из изгнания на родину, нашел свою мать больной и унаследовал ее имущество. Другому привиделась олива, падающая из его головы; он обрел бодрость и ясность мысли и языка, достойные богини, которой посвящена олива. [2439](#) Было бы утомительно и даже отвратительно приводить другие примеры этого бесполезного и почти [pg 471] идиотского суеверия, маскирующегося под науку. Кропотливый студент может легко классифицировать способы толкования. Они довольно однообразны и основаны на причудливых, но очевидных умозаклчениях, поверхностных аналогиях, простой игре слов и невозможных этимологиях. Толкования настолько же скучны и однообразны, насколько разнообразны и фантастичны сны. Многие из этих видений кажутся дичайшими галлюцинациями извращенного безумия. Трудно представить себе обычное состояние ума и привычки народа, чей сон преследуют столь незаконные видения. Пожалуй, еще труднее представить себе отца, с безграничным трудолюбием, которым он так гордится, составляющего такой каталог для изучения своим сыном. [2440](#)

Лукиан устами Момуса презрительно отзывается о новых оракулах, которые скачут со всех скал, продают свою ложь по два обола за штуку и затмевают древнюю славу более древних святынь. [2441](#) В последний век Республики и в первый век Империи вера в оракулы переживала заметный упадок. Ликование христианских отцов по поводу запустения древних очагов пророчества, похоже, нашло отклик в записях языческих авторов. Цицерон говорит, будто Дельфы почти безмолвны. [2442](#) Страбон сообщает нам, что Дельфы, Додона и Аммон разделяли всеобщее презрение, которое обрушилось на прорицания. [2443](#) Из Плутарха мы узнаем, что в Беотии, самой известной родине этого искусства, все прорицательские святилища были безмолвны и пустынные, за исключением святилища Трофония в Лебадее. [2444](#) Любопытные исследователи давали различные объяснения этой ослабевающей вере. Страбон считал, что с распространением римской власти сивиллины пророчества и этрусские авгуры затмили греческие и восточные оракулы. Объяснение Плутарха, как мы видели, вовлечено в интересную дискуссию о различных источниках вдохновения и, в частности, о службе демонов. Один из теоретиков позитивного типа объясняет неудачу греческих оракулов растущей депопуляцией Греции. Это вопрос спроса и предложения. Другие находят [pg 472] объяснение в физических изменениях, которые

погасили или отвлекли выдох, возбуждавший пророческие способности пифии. Другой опирается на теорию демонического вдохновения, которое, будучи таинственно дано, может быть столь же таинственно [отозвано](#)²⁴⁴⁵.

Затмение оракулов было действительно фазой языческого неверия или безразличия, которое имело тенденцию к исчезновению к концу первого века н. э. И затмение, возможно, не было таким полным, как его представляют. Цицерон сам советовался с пифией о своей будущей славе и получил ответ, который раскрыл его характер.²⁴⁴⁶ Германик в правление Тиберия посетил святилище кларийского Аполлона и Аписа в Мемфисе;²⁴⁴⁷ Тиберий попробовал священную лотерею в Падуе,²⁴⁴⁸ Калигула - лотерею Фортуны в Антиуме.²⁴⁴⁹ Нерон, хотя, как говорят, он завалил трупами священную пропасть в Дельфах, прежде искал бога света на свое гибельное [будущее](#)²⁴⁵⁰. Перед алтарем невидимого бога на горе Кармель Веспасиан получил впечатляющее пророчество о своем грядущем величии.²⁴⁵¹ Тит получил подтверждение своих надежд в святилище пафийской Венеры.²⁴⁵² Когда эти владыки мира, некоторые из которых были отъявленными скептиками, отдавали дань уважения древним домам пророчества, можно сомневаться, что их престиж был серьезно поколеблен.

Хотя Дельфы уже давно не обладали той огромной политической и даже международной властью, которой они обладали до персидских войн, но даже в дни своей наибольшей безвестности они были местом, куда обращались многие, кто приходил к ним за советом в обычных жизненных заботах. Аполлоний Тианский в царствование Нерона посетил старые оракулярные центры - Дельфы, Додону, Абэ и святилища Амфиарая и Трофония.²⁴⁵³ Похоже, что они все еще действовали, хотя мудрецу пришлось, выполняя свою миссию, исправить их ритуал. Более новые основания, как, например, в Абонотеикосе, сочли политичным прислушаться к авторитету оракулов, таких как оракулы Клара и Дидимы, с большим прошлым.²⁴⁵⁴ Если завоевания Рима на время затмили их славу, то легкость и быстрота сообщения по римским дорогам и безопасность морей, должно быть, увеличили число их почитателей со всех концов света. Для нас было бы откровением обнаружить тунгрийскую когорту на отдаленной станции в Британии, устанавливающую вотивную надпись, повинуюсь голосу кларианского Аполлона.²⁴⁵⁵ Если новые оракулы появлялись в эпоху Антонинов, то старые, конечно, не были заброшены. В правление Траяна святилище в Дельфах оправилось от разрушения, вызванного насилием Нерона.²⁴⁵⁶ А Адриан, как мы уже видели, проверил вдохновение пифии вопросом о месте рождения Гомера, на который ответил стихом, прослеживающим его родословную до Пилоса и Итаки.²⁴⁵⁷ Древние оракулы были в полной силе при императорах третьего века. Некоторые из величайших и наиболее почитаемых - Дельфи, Дидима, Маллус и Додона - умолкли лишь в царствование Константина.²⁴⁵⁸

Но старые оракулы не могли удовлетворить всеядное суеверие того времени. Всплеск новых оракулов можно сравнить, пожалуй, с раскольническими тенденциями протестантизма в некоторых странах при каждом новом возрождении религиозного возбуждения. Любой новый путь к "великой тайне" сразу же становился предметом нетерпения. И самый последний претендент на вдохновение иногда грозил затмить тысячелетнюю традицию и утвердить экуменическую власть.

Один из таких случаев был запечатлен и разоблачен с графическим мастерством и проникательной наблюдательностью величайшего гения эпохи. Описание Лукианом основания нового оракула Асклепия в Абонотеихосе в Пафлагонии, если оно и лишено того сочувственного отношения, которого достигла или может достичь современная критика, является непревзойденным разоблачением суеверия того времени. И краткий рассказ об этом самозванстве, вероятно, даст более яркое представление о нем, чем любая абстрактная диссертация.

Александр, основатель, был человеком среднего происхождения, но с выдающимися природными данными. Высокий и красивый в обычной степени, он обладал глазами с пронзительным взглядом, взглядом вдохновения и голосом самым ясным и сладким.²⁴⁵⁹ Его умственные дары были равны его физическому обаянию. В памяти, быстроте [pg 474] восприятия, пронзительности и тонкости ему не было равных. Но с ранней юности, с налетом пифагорейского аскетизма, он обладал всеми пороками, которые делают из него законченного развратника.²⁴⁶⁰ После юности, проведенной в сладострастии, в сотрудничестве с единомышленником не лучшего характера, он решил основать оракул. Время было благоприятным для такого предприятия. Никогда еще эгоистическое желание и ужас, близнецы-корни суеверий, не были так сильны в человечестве.²⁴⁶¹ Проблема заключалась в том, где основать новую святыню. Она должна быть основана среди тупого населения, готового принять любую сказку о чудесном с самым отъявленным легковерием.²⁴⁶² Пафлагония показалась пронзительным наблюдателям самой подходящей добычей. Были откопаны таблички, предсказывающие прозрение Асклепия в Абонотеиче. Сивиллинский оракул в загадочных стихах возвестил о приходе бога. Александр, великолепно одетый, появился на сцене со всеми признаками таинственного безумия, и пафлагонцы пришли в истерическое возбуждение.²⁴⁶³ Их последний новый бог был выловлен из озера в виде молодой змеи, искусно запечатанной в гусиное яйцо. Когда разбитая скорлупа показала зарождающееся божество, толпа пришла в экстаз от восторга по поводу чести, оказанной их городу. Вскоре на смену младенцу-рептилии пришла уже взрослая, к которой с помощью элементарного искусства была приделана человеческая голова. Ее продемонстрировали толпе, толпившейся в приемной самозванца, и они ушли, чтобы разнести по всей Азии весть о неслыханном чуде.²⁴⁶⁴ Александр внимательно изучил систему древних оракулов и принялся подражать ей. Он получал вопросы на запечатанных табличках и, со всей древней пышностью и церемонией присутствия, возвращал их, казалось бы, нетронутыми, с надлежащим ответом. Но Лукиан подробно объясняет, с каким искусством печать на письме была ловко сломана и восстановлена.²⁴⁶⁵ Раскаленная игла и нежная рука могли легко раскрыть секрет вопроса и скрыть уловку. Оракул был в первую очередь медицинским. Рецепты давались в более или менее двусмысленных выражениях. Плата за каждую консультацию составляла, в пересчете на наши деньги, [pg 475] небольшой шиллинг.²⁴⁶⁶ Александр был, очевидно, пронзительным бизнесменом, и его умеренная плата привлекала толпы вопрошающих, доход оракула вырос, по словам Лукиана, до огромной по тем временам суммы - почти 7000 фунтов стерлингов в год.²⁴⁶⁷ Но управляющий был либерален к своему многочисленному штату секретарей, толкователей и версификаторов.²⁴⁶⁸ Кроме того, у него были миссионеры, которые распространяли его славу в чужих землях и предлагали услуги оракула в возвращении беглых рабов, обнаружении зарытых сокровищ, исцелении болезней и воскрешении мертвых.²⁴⁶⁹ Его слава привлекала даже варваров на окраинах цивилизации, и после некоторого промежутка времени, необходимого для поиска переводчика среди пестрой толпы, стекавшейся со всех земель, ответ приходил даже на кельтском или сирийском языке.²⁴⁷⁰ Слава оракула, разумеется, вскоре распространилась в Италии, где высшие вельможи, жаждавшие любой новизны в религии, были увлечены притязаниями Александра. Никто из них не стоял выше Рутилиана ни по характеру, ни по официальному положению. Но он был рабом всякого экстравагантного суеверия.²⁴⁷¹ По дороге он падал ниц и унижался перед любым камнем, который блестел маслом или был украшен гирляндами. Он посылал одного эмиссара за другим в Абонотеихос, чтобы посоветоваться с новым богом. Они возвращались, одни полные искреннего энтузиазма, другие скрывали свои сомнения заинтересованным

преувеличением увиденного. Вскоре общество и придворный круг ощутили весь восторг от новой религиозной сенсации. Великие вельможи поспешили в Пафлагонию и стали легкой добычей благосклонного обаяния и хитроумного шарлатанства Александра.²⁴⁷² Некоторых, кто обращался к оракулу с вопросами, которые могли иметь зловещий смысл и наводить на опасные амбиции, он умел запугать и заставить служить ему намеком на возможное разоблачение.²⁴⁷³ Все вернулись, чтобы раздуть славу пафлагонского оракула и сделать его модным в Италии. Но никто не был так очарован, как Рутилий. Этот великий римский аристократ, проверенный долгой служебной карьерой,²⁴⁷⁴ [pg 476] в зрелом возрасте шестидесяти лет опустил до того, чтобы жениться на предполагаемой дочери вульгарного шарлатана Селене, которая удостоила его той любви, которую издревле дарила Эндимиону!²⁴⁷⁵ И Рутилиан отныне стал самым стойким защитником Александра против всех нападок скептиков. Ибо, несмотря на легкоеверие толпы и гостей из Рима, среди них, очевидно, был сильный отряд стойких несогласных. В те дни последователи Эпикура были даже в Пафлагонии, и, по странному стечению обстоятельств, последователи Христа оказались единым фронтом против новой вспышки язычества с атеистической философией Сада²⁴⁷⁶. Честный эпикуреец однажды уличил Александра в вопиющем обмане и едва избежал того, чтобы фанатики Пафлагонии забили его камнями до смерти.²⁴⁷⁷ Одна из книг Эпикура была публично сожжена на агоре по приказу Александра, а пепел брошен в море. Сам Лукиан, со своим хитрым, забавным скептицизмом, проверял и разоблачал мастерство оракула с неминуемым риском для жизни²⁴⁷⁸.

Но, несмотря на все разоблачения и противодействие, оракул, управляемый с таким искусством и поддерживаемый с таким слепым энтузиазмом, на некоторое время покорила римский мир. Это был период бедствий и мрака. Чума и землетрясения добавляли свои ужасы к задумчивой неопределенности смутного конфликта на Дунае.²⁴⁷⁹ Эмиссары Александра разъезжали повсюду, пользуясь всеобщим ужасом. Предсказания о грядущем зле были безопасны в такое время; с нетерпением искали любую крупницу утешения или надежды. Гекзаметрический стих, обещающий помощь Аполлона, был начертан над каждым дверным проемом как амулет против ужасного мора 166 г. н. э. Другой приказал бросить в Дунай двух львят, чтобы сдержать наступление маркоманнов.²⁴⁸⁰ Оба предсказания оказались печально неудачными, но не поколебали авторитета самозванца, который нашел легкое оправдание в темноте старых дельфийских изречений. Он учредил мистерии по образцу Элевсиса, из которых христиане и эпикурейцы были исключены под торжественным запретом. Сцены старой и новой мифологии были представлены с блестящими эффектами - труд [pg 477] Лето, рождение Аполлона, рождение Асклепия, прозрение Гликона, новое дивное змеиное божество Абонотеиха, любовь Александра и Селены. Второй Эндимион спал, как на Латмусе в древней истории, а богиня Луны в лице великой римской дамы спустилась сверху, чтобы посвататься к слишком реальному земному любовнику²⁴⁸¹.

История Лукиана о возникновении нового оракула в Пафлагонии, возможно, не свободна от подозрений в личной антипатии к его основателю. Он приписывает Александру не только самый дерзкий обман и расчетливое шарлатанство, но и самые отвратительные пороки, известные античному миру. Последние обвинения могут быть правдой, а могут и не быть. Теологическая или антитеологическая ненависть во все века слишком часто использовала отравленную стрелу. И моральный облик Александра интересует нас меньше, чем духовное состояние его многочисленных поклонников и почитателей. Вряд ли его можно оправдать в той или иной форме более или менее благочестивого самозванства. Насколько оно сопровождалось настоящим религиозным энтузиазмом - это проблема, которая будет решаться по-разному, и вряд ли стоит тратить время на исследование, даже если бы существовали материалы для определенного ответа. Но готовность всего населения

приветствовать появление нового бога и признание его притязаний самыми культурными и высокопоставленными людьми Римской империи - это факты, на основании которых свидетельство Лукиана, обращенное к современникам, не может быть отвергнуто. В наших знаниях об этом периоде из других источников также нет ничего, что могло бы вызвать сомнения. Творческая мифология ожила. Незадолго до прозрения Гликона в соседней части Малой Азии апостолы Павел и Варнава после чудесного исцеления импотента с трудом избежали божественных почестей. Гностическая секта Карпократиане примерно в то же время построили храм в честь юного сына своего основателя.²⁴⁸² Богиня кукурузы Аннона впервые появляется в I веке, а надписи, как в Италии, так и в Африке, были сделаны в честь власти, возглавлявшей комиссариат римской толпы.²⁴⁸³ Юный фаворит Адриана, после своей таинственной смерти в водах Нила, был прославлен мгновенным апофеозом. [pg 478] Его статуи возвышались на каждой рыночной площади и во дворе храма; предполагалось, что его душа нашла приют в новой звезде в области млечного пути; в его честь возводились храмы, и странный культ сохранялся по меньшей мере сто лет после того, как можно было найти какие-либо мотивы для поклонения.²⁴⁸⁴ Братья-киники и зияющая толпа, стоявшая вокруг костра Перегринна в Олимпии, как мы видели, с нетерпением приветствовали бегство великой души, чтобы присоединиться к героям и полубогам на Олимпе.²⁴⁸⁵ Культ Аврелия поддерживался энтузиазмом, весьма отличным от обычного апофеоза главы римского государства. Нам рассказывают, что его обожали представители всех возрастов, полов и сословий еще долгое время после его смерти. Его священное изображение находило место среди пенатов в каждом доме, и дом, где его не чтили, был более чем подозрительно благочестив. Вплоть до времен Диоклетиана считалось, что святой и философский император, проповедовавший невозмутимое безразличие к случайностям и переменам жизни, посещает своих беспокойных почитателей снами, содержащими обещания или предупреждения²⁴⁸⁶.

Максим Тирский, возможно, не преувеличивал, когда считал небесное воинство трижды десятитысячным.²⁴⁸⁷ Циничный сластолюбец времен правления Нерона, утверждавший, что в одном из городов Магна-Греции обитает больше богов, чем людей, лишь использовал комическую гиперболу для подтверждения поразительного факта.²⁴⁸⁸ Антропоморфные представления о Божестве, которые были широко распространены, легко преодолевали промежуток между человеческим и Божественным. Толпы людей в эпоху Антонинов были так же готовы признать бога в человеческом облике, как и афиняне времен Писистрата, которые верили, что видят в гигантском Фие прозрение великой богини их Акрополя, ведущей тирана домой.²⁴⁸⁹ В умах философского меньшинства, воспитанного на теологии Платона, могло существовать смутное представление об одной ужасной и отдаленной Силе, далекой от земной грубости, намного превосходящей мечты мифологической поэзии и материалистическое воображение масс. Однако [pg 479] даже философия, как мы уже видели, поддавалась жажде непосредственного контакта или какого-то средства общения с Бесконечным Духом. Демоны Плутарха и Максима Тирского на самом деле были новой философской мифологией, созданной для того, чтобы придать смысл и мораль старым богам. Эти сонмы вредоносных или служительских духов, которыми платоник окружает жизнь человека, божественные по своей силе, человеческие по своим страстям или симпатиям, действительно принадлежат к тому же порядку, что и Посейдон, преследующий Одиссея бурей, или богиня Луны, спустившаяся на Латмус, чтобы поцеловать спящего Эндимиона. Антропоморфное язычество было далеко не мертво; ему суждено было жить открыто еще более трехсот лет и продлить тайную жизнь тонкого влияния под измененными формами, срок которых кто возьмется определить?

Демоны платоновских философов нашли свой аналог в популярном культе гениев. Если во втором веке была заметна тенденция к синкретизму и монотеистической вере, то не менее заметным было стремление к бесконечному умножению духовных сил. Тенденция к созданию божественных представителей физических сил и тусклых абстрактных качеств с ранних веков была свойственна римскому уму. Все явления природы - каждое действие, стремление или превратность человеческой жизни - находили духовного покровителя в римском воображении.²⁴⁹⁰ Но в эпоху, с которой мы имеем дело, эта тенденция получила огромный импульс, и надписи императорского периода обнаруживают почти неисчерпаемую плодovitость религиозной фантазии. В каждой местности, в каждом обществе и роде занятий людей есть свой гений-покровитель, которому воздаются божественные почести или записываются, - кантон, муниципалитет, курия; источник или роща; легион, когорта или отряд; коллегия павильонщиков, кузнецов или актеров; императоры или даже сами великие [боги](#)²⁴⁹¹.

Старые боги Лациума все еще сохраняли преданность простых масс, о чем свидетельствуют толпы надписей. Но древняя религия, в ее более грубых формах, разделяла и локализовала Божественную силу бесконечными разграничениями места и функций. Хотя римский центурион или купец мог [pg 480] верить в силу знакомых богов, которые следовали за ним под их защитой, и никогда не забывал их, все же в каждом регионе, куда его заносило странствие, были свои особые духи, которые обладали особой силой в своих владениях, и которых необходимо было умиловить. На сотнях провинциальных надписей мы можем прочесть католическое суеверие римского легионера. Тайна пустыни или леса, опасности похода и бивака стимулировали его преданность. Если он не знает имен незнакомых божеств, он будет обращаться к ним коллективно, бок о бок с богами, которых его учили почитать. Он будет поклоняться "genius loci"²⁴⁹², или всем богам Мавритании или Британии. Так божества Эльзаса, Дакии и Лузитании, Сахары и Камберленда легко заняли свое место в его растущем пантеоне.²⁴⁹³ Они постоянно отождествлялись с великими фигурами греческой или римской мифологии. Многие надписи посвящены Аполлону Гранну Эльзасскому, к которому Каракалла обращался за восстановлением своего здоровья вместе с Сераписом и Эскулапом.²⁴⁹⁴ Аполлон Беленус, любимое божество в Южной Галлии, был особым покровителем Аквилеи.²⁴⁹⁵ Батукард и Коцид получили обеты и посвящения в Камберленде и Вестморленде, Алардус и Аго в Пиренеях, Абноба в [Шварцвальде](#)²⁴⁹⁶; и многие другие божества со странными, необычными именами, как и их провинциальные избиратели, были удостоены священного римского гражданства и заняли место, хотя и более низкое, с Сераписом из Александрии или Асклепием из Эпидавра. Местным героям также поклонялись в придорожных святилищах или алтарях, которые встречались путникам на одиноких перевалах. В самом сердце Нубийской пустыни надписи, выцарапанные на обелиске или портике храма, свидетельствуют о всеобъемлющей вере римского легионера.²⁴⁹⁷ В Карлсбурге в Трансильвании легат 5-го легиона записывает свою благодарность Эскулапию и всем богам и богиням этого места, а также своей жене и дочери за восстановление зрения.²⁴⁹⁸ Преторианский префект, посетив горячие источники Вифа, оставил изящную надпись на [pg 481] богам вечного огня.²⁴⁹⁹ Легат 5-го легиона воздает благодарность Гераклу и genius loci в банях в Дакии, посвященных герою.²⁵⁰⁰ Многие плиты воздают почести нимфам, охранявшим тайный источник, особенно там, где источник, давно забытый, возобновил свое течение.²⁵⁰¹ Главный магистрат Ламбези особенно благодарен за то, что за год его службы город освежился новым фонтаном.²⁵⁰² Герои поэтических легенд все еще верили, что их преследуют места их сражений. Аполлоний однажды провел ночь в призрачной беседе с тенью Ахилла рядом с его могилой в Троаде, и божественный воин поручил ему передать свои упреки за пренебрежение его поклонением в старом

фессалийском доме мирмидонов.²⁵⁰³ В Троаде был герой гораздо более позднего времени, проконсул Нериллин, который, как считалось, произносил оракулы и исцелял больных.²⁵⁰⁴

Во времена столь яркой веры в универсальное присутствие божественных существ вера в чудо была само собой разумеющейся. Христиане и язычники, по крайней мере, находили общий язык. Христианские апологеты не оспаривали возможность языческих чудес или даже языческого оракульного вдохновения. Любопытно видеть, что Ориген и Цельс в том, что касается вероятности повторения чуда, находятся на очень близком уровне духовной веры, и что христианский апологет сражается со связанной рукой. Он лишен возможности наносить удары в самое сердце вражеской позиции. Боги язычества остаются для него живыми и могущественными духами, хотя и духами зла.²⁵⁰⁵ Языческая демонология, в худшем ее проявлении, была принята защитником Церкви. Однако трудно представить, как, исходя из таких принципов, он мог бы справиться с демоном аполлинийского святилища в Дельфах, когда он обличал спартанца Глаука за одну только мысль о нарушении веры его друга²⁵⁰⁶, или с демоном, скрывавшимся под чистым величественным обликом Афины Полисухос, когда она бросила [pg 482] девичью защиту богини вокруг Антигоны Афинской. В области чудес во втором веке язычники могли легко сравниться с христианами. Боги в каждой роще и фонтане, на каждой горной вершине; боги, дышащие ветром и сверкающие молнией, лучом солнца и звезды, сотрясающие землетрясение или ноябрьский шторм в Эгейском море, следящие за каждым обществом людей, собравшихся для какой-либо цели, охраняющие одинокого охотника или путешественника в Альпах или Сахаре, - то, что называется чудом, стало для язычников таким же естественным, как восход солнца. На самом деле, если бы боги не демонстрировали свою силу каким-то поразительным образом, их поклонники были бы шокированы и разочарованы. Но боги не подвели своих почитателей. Такая беспрекословная и властная вера всегда вознаграждается или всегда может объяснить свои разочарования. Эпикурец, киник или аристотелик могли бы с холодным презрением отнестись к рассказам о чудесах. Такой иллюминат, как Лукиан, не принадлежащий ни к какой школе и живущий только в свете ясного культурного смысла, мог бы трястись от смеха над сказками, за которые ручалась спиритуалистическая философия. Но веяние времени было направлено против всех подобных протестов. Божественная сила была повсюду, и чудо витало в воздухе.

Уже достаточно сказано о снах, знаках и предзнаменованиях, которые в первом и втором веке предвещали каждое восшествие на престол и каждую смерть принца, и которые даже Тацит описывает с более или менее колеблющейся верой. Достаточно было сказано и о чудесах исцеления, которые творили сыновья Асклепия в его многочисленных святилищах от Пергама до острова на Тибре. Чудеса, сотворенные Веспасианом в Александрии, - самый заезженный пример веры в чудо, потому что эта история рассказана величайшим мастером яркого повествования в книге, которую читал каждый образованный человек. Рассудительный Веспасиан не был уверен в своей силе придать энергию импотенту даже на основании сна, посланного Сераписом, так же как он шутил на смертном одре о своем приближающемся апофеозе. Но за эффективность императорского прикосновения ручались очевидцы, которым Тацит не отказывал в доверии. Летописец эпохи Диоклетиана окружил смертное ложе Адриана подобными чудесами. Слепой из Паннонии [pg 483] подошел и прикоснулся к охваченному лихорадкой императору, и тот сразу же вновь обрел зрение. Легенда о Громовом легионе долгое время была ареной борьбы противоположных верований, одинаково доверчивых и одинаково стремящихся заручиться поддержкой сверхъестественных сил. Своевременное выпадение дождя с одинаковой уверенностью приписывали заклинаниям египетского колдуна, молитвам верующих в Юпитера или молитвам верующих в Христа. Апулей, которого самого преследовали за занятия черным

искусством, наполнил свой фессалийский роман самыми поразительными историями о фантастическом колдовстве. Возможно, он копировал другие незаконные романы, но вряд ли он стал бы уделять столько места этим странным искусствам, если бы его публика не испытывала тревожной веры в них. Дом Медеи во времена Аврелия был настоящей пещерой ведьм: воздух дрожит от суеверного страха: все кажется возможным в области чудесных метаморфоз или чудовищных пороков. Если бы Апулей хотел дискредитировать суеверие, скрестив его с отвратительной чувственностью, ему вряд ли удалось бы это лучше. Но, скорее всего, с извращенным мастерством он стремился создать произведение, которое могло бы поразить воображение призраками наследственной чувственности и возрожденного в удвоенной силе духовного ужаса. Египетский жрец с тонзурой и в льняных одеждах воскрешает мертвеца, который "плавал в стигийских потоках". Или вы попадаете в лабораторию ведьмы, открытую всем ветрам и заваленную обломками человеческой жизни - расколотыми на жестоких скалах башнями кораблей, свернувшейся кровью и изувеченной плотью убитых людей, беззубыми черепами, изгрызенными хищными зверями. Вы видите, как на ваших глазах происходит превращение под воздействием таинственных приправ, как из плоти появляются перья, а человек погружается в форму осла. Подобные истории, которые для нас являются сказками старых жен, могли иметь странное очарование для эпохи, когда человеческая жизнь рассматривалась как рабство судьбы или игра непостижимых сил невидимой вселенной.

[pg 484]

ГЛАВА II

ВЕРА В БЕССМЕРТИЕ

Большая часть очарования тех восточных религий, к изучению которых мы собираемся приступить, заключалась в уверенности, которую они, казалось, давали в бессмертной жизни. Поэтому необходимым предисловием к такому обзору будет рассмотрение некоторых представлений о состоянии усопших, которые миссионеры Иисуса и Митры считали преобладающими в умах своих будущих почитателей. Бессмертие, в любом достойном смысле этого слова, неотделимо от идеи Бога. А представление о продолжении жизни всегда должно зависеть от характера верований народа в силы невидимого мира. Пантеон тусклых фантазмов или абстракций не обещает человеческой тени большего, чем оцепенелое призрачное будущее. Нектар и амброзия олимпийских пиров могут иметь свой человеческий аналог в "вечном дебоше". Платоник находит свою вечную надежду в освобождении из темницы плоти и в непосредственном видении того Единства всей красоты, истины и добра, которое является его высшим представлением о Боге. Но религия не только обязательно окрашивает представление о вечном состоянии: она также может служить основанием для веры в него. И религия, которая может дать людям твердую основу для этой веры, будет иметь огромное преимущество перед другими, менее ясными и уверенными в существовании иного мира. Общеизвестно, что длинный ряд философских аргументов в пользу бессмертия сам по себе имеет мало убедительной силы. Они не сильнее и, возможно, не настолько сильны, как аргумент от желания продолжать жизнь, неизбежного в человеческом духе, на котором так много акцентировал внимание Плутарх.²⁵⁰⁷ Даже

среди [pg 485] торжествующей диалектики "Фаэдо" иногда слышны нотки сомнения в любом человеческом доказательстве бессмертия, а также призыв к некоему "божественному учению" как к спасательному кругу в опасных морях.²⁵⁰⁸ Неистребимый инстинкт человечества жаждет голоса откровения, чтобы разрешить тайну жизни и смерти.

Римский дух, вплоть до эпохи Антонинов, был подвержен многим влияниям, которые внушали самые разнообразные идеи о будущем государстве. Литературные и погребальные останки от Нерона до Аврелия полны противоречий по этому вопросу. В отсутствие авторитетного откровения в столь темной для разума области это не удивительно. Даже христианское учение, хотя и предлагает надежное обещание будущей жизни, не приподняло завесу великой тайны, и материальные образы Апокалипсиса, или теневые намеки Иисуса или С. Павла, не оставили верующему двадцатого века более ясного представления о жизни за гробом, чем то, которое было дано Платону, Цицерону, Вергилию или Плутарху. "Мы не знаем, кем мы будем", - таков ответ каждого провидца всех времен. Что-то всегда будет "запечатывать уста евангелиста", как ключ Эвмолпиды закрывал уста тех, кто видел видение в Элевсисе.²⁵⁰⁹ Таким образом, язычники ранней империи, в отсутствие догм и церковного учения, могли с полной откровенностью выражать свое неверие или различные представления о бессмертии, в зависимости от множества влияний, которые их обуревали. Эти влияния не могли быть разделены даже в одном и том же сознании. Даже поэт-провидец, который должен был стать проводником Данте в тенях, не смог соединить вековую веру латинской расы с мечтами о будущем блаженстве или муках, которые пришли к нему из пифагорейского или платоновского учения.²⁵¹⁰ В шестой книге "Энеиды" эсхатология старого Рима и Греции сочетается, но не смешивается с доктринами переселения и чистилища, пришедшими от Пифагора или орфических мистиков. Вергилий, по сути, отражает путаницу верований, которая преобладала в его собственную эпоху и которая в первую очередь характерна для эпохи Антонинов.

[стр. 486].

Наряду с другими архаичными элементами латинской веры, культ Манеса сохранял свою силу, особенно в уединенных домах старого итальянского благочестия. Древнейшее индоевропейское представление о состоянии после смерти было представлением о продолжении или слабом, теневом воспроизведении земной жизни; это не было представлением об огромном и таинственном переходе к сверхъестественному порядку. Считалось, что дух умершего пребывает в тусклом существовании в склепе или могиле рядом с привычной усадьбой.²⁵¹¹ Гробница - это не временная тюрьма, а вечный дом,²⁵¹² и часто представляет собой помещение, где живые члены семьи или клана могут собираться в торжественные дни вокруг праха умершего.²⁵¹³ Предусмотрено пропитание для этой призрачной жизни. Вместе с ними хоронят сосуды для еды и питья, оружие воина, инструменты рабочего, косметику женщины, детские игрушки.²⁵¹⁴ Или же на могилах изображают их весело занимающимися привычными ремеслами,²⁵¹⁵ а не со сложенными руками и спокойными, ожидающими лицами, как у мраморных форм, которые лежат в нефах наших соборов в ожидании Воскресения.

При таких взглядах на гробницу вечная забота о ней становилась для римлянина делом первостепенной важности. Это часовня или алтарь, а также последний дом.²⁵¹⁶ Это место встречи, в слабом призрачном общении, общества, которое охватывало своими торжественными обрядами членов домашней церкви на свету или в тени. Все осторожные формы римского права используются для того, чтобы усыпальница с ее садом и оградой не перешла в чужие руки. Место его расположения точно описывается, с мельчайшими измерениями, а нарушителю или отчуждателю грозят проклятиями или штрафами, которые

должны быть внесены в государственную казну.[2517](#) Здесь, среди своих детей и отдаленных потомков, среди своих вольноотпущенников и вольноотпущенниц, римлянин мечтал покоем вечно, никем не потревоженный.[2518](#) И многие призывы доходят до нас с оригинальной плиты, чтобы не нарушать вечный покой.[2519](#) Что представляла собой эта тусклая [pg 487] жизнь под мрамором или дерном, по крайней мере в поздние времена, насколько она включала в себя более или менее яркое сознание того, что происходит в мире наверху, насколько это было оцепенение, почти переход в "вечный сон", кажется неопределенным. Фразы на могиле во все эпохи склонны переходить в условные формы, а личный темперамент и воображение всегда должны придавать картине различные краски. Однако такие фразы, как "вечный сон", вероятно, ни в одно время не подразумевали полной бессознательности. Старая латинская вера в то, что маны имеют реальную жизнь и некую связь с живыми, была все еще сильна и ярка в эпоху, которая жаждала получить или ответить на голоса из мира за пределами чувств. Желание сохранить, несмотря на разрыв и шок смерти, связь между живыми и ушедшими было одним из самых сильных инстинктов латинской расы. Это было не просто воображение, перенесенное в далекие годы, которое жаждало ежегодного подношения фиалок и роз или благочестивого прощания с проходящим мимо путником.[2520](#) Обитатели склепа по-прежнему оставались членами семьи, с которой их навеки связывала смутная симпатия, выражавшаяся в ритуальном общении. Каждый год, в родительские дни в феврале, устраивался общий праздник, который весело отмечался в честь всех, чей дух был умиротворен.[2521](#) На восьмой день, в праздник сага cognatio, устраивался семейный пир любви, на котором забывались ссоры, а члены мира духов присоединялись к священной трапезе. Но помимо этого общественного и национального праздника, день рождения каждого усопшего отмечался подношениями вина, масла и молока. Могилу посещали торжественной процессией; мертвые и живые разделяли священную трапезу; цветы разбрасывали, и с напутствием или молитвой о помощи и удаче тень оставляли для нового упокоения.[2522](#) Многие плиты с тревогой предусматривают эти причастия и подношение фиалок и роз в их сезон.[2523](#)

Но римлянин в своей гробнице жаждал быть рядом со звуками [pg 488] оживленной человеческой жизни и чувствовать шаги благочестивых ног, которые могли на мгновение отклониться в сторону, чтобы почтить память незнакомца. Это чувство выражено в длинных рядах склепов, которые стоят вдоль многих больших дорог, таких как Виа Аппиа, или путь из Помпеи в Нолу.[2524](#) Было много таких, как Тит Лоллий, который положил себя рядом с дорогой в Акве Секстиа, чтобы прохожие могли вечно приветствовать его дух аве.[2525](#) Другие оставляют молитву о всех благах тем, кто остановится на мгновение и прочтет легенду: "Пусть земля осветит их, когда они тоже уйдут"[2526](#). Ужас одинокой души, отрезанной от любезного общения живых и задерживающейся в забытой могиле, к которой ни одна любящая рука больше не принесет возлияния или фиалки весной, которая однажды не пробудит ни памяти, ни сочувствия ни в одном человеческом сердце, был для старого римлянина самым страшным ужасом в смерти. Эту страсть к постоянной памяти, особенно у великих благодетелей своего рода, Цицерон использует в качестве аргумента в пользу бессмертия[2527](#), а страсть к долгой жизни неразличимо сочетается с желанием, чтобы ее долго помнили. Даже Эпикур, апостол уничтожения, в своем последнем завещании предусмотрел ежегодные жертвоприношения в честь себя и своего ученика Метродора - любопытный пример агностического конформизма.[2528](#) Страсть к воспоминаниям находила отклик в покорной преданности многих поколений. Культ мертвых надолго сохранился в культе мучеников, а языческие пиршества у их гробниц вызывали тревогу и недоумение у Августина и Паулина [Нольского2529](#).

Древний римлянин думал о своих ушедших друзьях как о компании хороших и добрых духов, которые присматривают за семьей на земле. Но существовало и другое представление о духах потустороннего мира, то ли заимствованное из мрачных суеверий Этрурии, то ли восходящее к временам, предшествовавшим упорядоченному почитанию мертвых.²⁵³⁰ Лемуры были именем страшным. Они [pg 489] были темными, злобными духами, которые жаждали крови, поскольку ушли из этой жизни насильственным путем. Их праздник Лемурии в мае был совершенно отличен от праздника Манеса, а бытовой ритуал отгонять призраков плевком черных бобов и девятикратной формой экзорцизма смахивает на далекую эпоху. Эти зловещие силы умилоstellивались кровью, особенно кровью людей, сражавшихся на арене.

Посещения этих существ, будь то духи-покровители или злые силы, ожидали и верили в них на протяжении многих веков все слои римского общества. Древняя вера латинян в состояние мертвых была, по словам Цицерона, подтверждена многими рассказами о духовных явлениях. Есть патетические поминания, которые заканчиваются призывом, в котором одинокая жена умоляет потерянного человека иногда возвращаться во сне или видении.²⁵³¹ Одна бодрая надпись бросает вызов скептику, чтобы он заключил пари и провел эксперимент по вызову из невидимого мира.²⁵³² Распространение кремации вместо погребения постепенно привело к новому представлению о духе как о существующем отдельно от тела, которое теперь превратилось в горстку серого пепла.²⁵³³ И духи больше не прилеплялись к телу в семейном склепе, а собирались в туманной области около центра земли, где, согласно мрачным этрусским фантазиям, они находились под жестокой опекой проводника мертвых, жестокой фигуры с крыльями и длинной, матовой бородой, вооруженной молотом, который веками появлялся в человеческом облике, чтобы завершить последнюю ужасную сцену в гладиаторских боях.²⁵³⁴ В каждом латинском городе в Мундусе были устроены своеобразные ворота, представляющие собой глубокую траншею, призванную изображать перевернутые небеса, которая выкапывалась до того, как прокладывался поморий. Его нижнее отверстие закрывал камень Манес, который в три торжественных дня, в августе, октябре и ноябре, поднимали, чтобы духи из глубины могли на время пройти в верхний мир. Таким образом, была дана общественная санкция вере в торговлю между этой и следующей жизнью.²⁵³⁵

[pg 490]

Цицерон говорил, что вера в бессмертие поддерживается фактом возвращения духов в мир чувств. В первом и втором веках не было недостатка в таких вспомогательных средствах для веры. Явления стали обыденными фактами жизни, и только самые твердые умы оставались недоверчивыми по отношению к ним. Философы всех школ, кроме эпикурейской, были подхвачены этим течением. Филопсевды Лукиана - блестящая попытка высмеять суеверия эпохи, но атака была бы дискредитирована, если бы не имела под собой фактической основы. Там, у больничной койки Эвкрата, который сам пропитан философией, собрались стоик, перипатетик, пифагореец, платоник и опытный врач.²⁵³⁶ И они рассказывают друг другу самые странные и захватывающие истории о чудесном. Ион, ученик платоников, был свидетелем изгнания черного и дымного демона.²⁵³⁷ Эвкрат видел таких духов тысячу раз и с долгой привычки потерял всякий страх перед ними. В старину он однажды среди бела дня увидел в лесу гигантскую фигуру Горгоны и, повернув волшебное кольцо, открыл ему залив Тартара, адские реки и даже смог узнать некоторых призраков, живущих внизу.²⁵³⁸ В другой день, когда он лежал на ложе и читал "Фаэдо", явилась его "святая жена", недавно умершая, и упрекнула его в том, что среди всех вещей, сожженных на ее костре, была забыта одна туфелька с золотым шитьем, которая проскользнула под шкаф.²⁵³⁹ Плутарх сообщает о

появлении таких призрачных посетителей в Хаэронее, по-видимому, с совершенной верой.²⁵⁴⁰ Младший Плиний консультировался со своим другом Суром по поводу реальности таких явлений и раскрывает свою веру в жуткой истории о доме с привидениями в Афинах, где беспокойный призрак, часто нарушавший тишину ночи лязгом цепей, был выслежен до тайны скрытой могилы.²⁵⁴¹ Суэтоний, конечно, приветствует подобные истории со всех сторон. Прежде чем полусгоревшие останки Калигулы были незаметно доставлены к позорному захоронению, хранителей Ламийских садов каждую ночь тревожили призрачные ужасы.²⁵⁴² Страницы Диона Кассия изобилуют подобными чудесами. [pg 491] Когда Нерон попытался перерезать Коринфский перешеек, мертвецы во множестве восстали из своих могил.²⁵⁴³ В такую эпоху зловещее искусство "вызывания" приобрело странную привлекательность и важность. Заклинаниями и заклинаниями Гекату вызывали, чтобы она послала духов, часто со злыми целями.²⁵⁴⁴ Ходили мрачные слухи о том, что заклинания укреплялись кровью детей. Многие императоры от Тиберия до Каракаллы занимались этим колдовством.²⁵⁴⁵ Когда Нерона преследовали фурии его убитой матери, он, как говорят, принес магическую жертву, чтобы вызвать и успокоить ее дух.²⁵⁴⁶ Ранние неоплатоники, конечно, охотно признавали реальность таких визитов из невидимого мира. В тревожных поисках хоть какой-то связи между этим миром и другим, Максим пытается подкрепить свою доктрину о демонах рассказами о явлениях.²⁵⁴⁷ Гектора часто видели шныряющим по Троаде в сияющих доспехах. В устье Бористена Ахилл был замечен мореплавателями, проплывавшими мимо его острова, с его желтыми локонами и золотым оружием, и он пел свою боевую песнь.

Расширяя свою довольно пустую и бедную концепцию будущего государства, латинская раса, как и в других областях, довольствовалась скорее заимствованиями, чем изобретениями. Шестая книга "Энеиды" была попыткой не только прославить легендарных героев Рима, но и успокоить новую или возрожденную тоску по надежде на бессмертие, после того как опустошающий нигилизм эпикурейской философии исчерпал себя.²⁵⁴⁸ У Вергилия есть некоторые штрихи старой римской веры в мертвых, но пейзаж его "Инферно" в основном заимствован из греческой поэзии, вдохновленной орфизмом, а видение морализируется, а также запутывается элементами, заимствованными у Пифагора или Платона.²⁵⁴⁹ Сцена спуска Энея в подземный мир происходит у Авернского озера, где среди мрачного леса находилась пещера кумейской Сибиллы. Кумы были древнейшей греческой колонией на Западе. Ее основание было заложено задолго до времен Ромула. Богатая, процветающая и культурная, в то время, когда римляне были группой грубых воинов, она, должно быть, рано передала греческие [pg 492] идеи религии поднимающейся державе на Тибре.²⁵⁵⁰ Этруры, которые так сильно повлияли на тон римской религии, также попали под греческое влияние. Призрачный паромщик мертвых был знакомой фигурой в этруском искусстве. Таким образом, как на юге, так и на севере Лациум имел точки соприкосновения с миром эллинской легенды. А с первых дней Республики поклонение греческим богам - Аполлону, Асклепию или Диоскурам - стало естественным в Риме. Вероятно, еще более ранним было влияние оракулов Греции через Дельфы и оракул в [Кумax](#)²⁵⁵¹.

На пороге подземного мира Эней и сивилла сталкиваются с чудовищными формами эллинской легенды - кентаврами и сциллами, гарпиями и горгонами, огнедышащими химерами и шипящей гидрой Лерны.²⁵⁵² Им предстоит пройти девятикратную преграду Стикса на серо-стальной коре Харона. Грозный паромщик адского потока, неряшливый и неопрятный, с горящими глазами, окружен пестрой толпой, густой, как осенние листья, стремящейся к дальнему берегу. Высадившись на пустыре, заросшем тиной и [осокой](#)²⁵⁵³, они проходят мимо псарни трехголового Цербера и попадают на судейское место, где Минос назначает каждой душе свою участь, в соответствии с делами, совершенными в теле. Затем

они пересекают "поля скорби" [2554](#), где находятся печальные царицы греческой трагедии, чьи бурные любви стали их гибелью, и среди них финикийская Дидо, которая с каменным молчанием и отвращенным взглядом погружается во тьму [леса](#) [2555](#). На рассвете они оказываются перед тюрьмой проклятых, возвышающейся среди складок огненной реки, со стенами из железа и адаманта, за порталами которой наблюдает бессонная фурия в кроваво-красном одеянии. [2556](#) Изнутри доносятся крики мучений и лязг цепей, когда великие бунтари и злодеи старого мира - Иксион, Салмонея, титаны - подвергаются пыткам плетью, колесами и стервятниками. [2557](#) И вместе с ними, разделяя те же муки, те, кто нарушил великие законы, на которых строился римский характер. [2558](#) Через другие сумрачные пути и циклопические порталы они наконец достигают дома блаженных, как он был [pg 493] изображен задолго до этого в апокалипсисе Пиндара - лугов и счастливых рощ Элизиума, под другим солнцем и другими звездами, чем у нас, и купаясь в великолепии более сильного воздуха. [2559](#) Здесь вечный дом героических душ более благородного века, людей, погибших за родину, святых священников и бардов, основателей искусств, смягчающих и украшающих жизнь людей. Но хотя их дом сияет неземным великолепием, они, по древнеримской и древнегреческой моде, заняты трудами или удовольствиями своей земной жизни. Юношеские формы напрягают свои сухожилия на борцовском поле, как в старину. Древние воины Трои несут рядом свои тенистые колесницы, их копья воткнуты в болото, их кони пасутся на лугу. Другие поют старые песни или танцуют, а сам бард Фракии играет на лире, как в те дни, когда он пронесся на "Аргон" через "Столкнувшиеся скалы" в поисках золотого руна. [2560](#)

Видение завершается сценой, которую критика давно признала непримиримой с эсхатологией греческой легенды, которой до сих пор следовал поэт, но которая взята из философии, призванной управлять мыслями людей о бессмертии в течение многих веков. В лесистой долине, далеко в стороне, через которую мирно скользила Лета, собрались бесчисленные толпы людей, пьющих "воду безопасности и забвения". Это они, как объясняет Анхис своему сыну, прошли тысячу чистилищных лет, чтобы смыть пятна плоти в прошлой жизни, и, стерея память о ней, теперь ждут призыва Судьбы к новой жизни на земле. [2561](#) Эта теория жизни и смерти, идущая от Пифагора и популяризированная платонизмом с некоторыми стоическими элементами, получила огромную популярность среди образованных людей последнего периода Республики. Варро принял его в качестве фундаментального постулата своей теологии, а Цицерон запечатлел его в своем сне о Сципионе, который послужил текстом для неоплатонистских гомилий в последние дни Западной империи. [2562](#) [pg 494] Огненный дух оживляет материальную вселенную, от самой далекой звезды в эфире до самой низкой формы животной жизни. Души людей - это искры или эманации этой всеобщей души, которые спустились в темницу тела и за время своего рабства подверглись загрязнению. [2563](#) И стены темницы на время скрывают от их глаз небеса, с которых они пришли. И когда смерть освобождает их, они не избавляются от въевшейся в них порчи. Тысячу лет они должны страдать от очищения наказанием, пока пятна не будут смыты, а глубоко въевшаяся порча не будет выжжена, как огнем. Только тогда чистый остаток бесплотного духа может вступить в новую земную жизнь.

Вергилий в своей "Некуе" отразил путаницу в представлениях о будущем состоянии, царившую в его время. Для его поэтической чувствительности древнеримская вера в манов, греческие легенды о Тартаре и Элизиуме, пифагорейская или орфическая доктрина о последовательных жизнях и чистилищном искуплении имели каждый свое очарование и определенную истину. На такую туманную и неопределенную тему, как будущая жизнь, самые острые умы могут иметь колеблющиеся представления и в разных настроениях облекать их в различные обличья. Это сфера деятельности протеинового поэтического

воображения, вдохновленного религиозной интуицией, а не строгого догматика. Но великий поэт, подобный Вергилию, не только выражает эпоху как таковую: он возвышает и прославляет то, что выражает. Он придает четкую форму тому, что туманно, распространяет тепло и богатство красок на то, что тускло и пусто, и придает абстрактному учению философии сияние и проникающую силу, которая может тронуть даже немыслящую массу людей. Кроме того, видение Шестой книги, как и всей "Энеиды" в целом, несет в себе нотки патриотизма. У воды Леты собрались, ожидая своего призыва к земной жизни, все великие души от Сильвия Альбана до великого Юлия, все Сципионы, Гракхи, Деции и Фабриции, которым суждено было через бури и потрясения подарить миру спокойствие римского мира.²⁵⁶⁴ Поэт римской судьбы пользовался удивительной славой среди своих соотечественников. Люди вставали, чтобы оказать ему честь, когда он входил в театр; [pg 495] уличные мальчишки Помпеи царапали его стихи на стенах.²⁵⁶⁵ Можем ли мы сомневаться, что самая великая часть его великой поэмы, которая на мгновение приподнимает завесу невидимого мира, оказала глубокое влияние на религиозное воображение будущего?

Долгое время господствовало мнение, что период ранней империи был периодом неверия или скептицизма в отношении будущей жизни. Это мнение было основано на литературных свидетельствах, принятых без особой критики. Цицерон и Сенека, Ювенал и [Плутарх](#)²⁵⁶⁶ говорили об Инферно греческой легенды, его Цербере и Химере, мраке Тартара, как о простых баснях старых жен, в которые перестали верить даже дети. Но к подобным свидетельствам всегда следует относиться с большой долей осторожности. Члены сравнительно небольшого литературного и интеллектуального кружка склонны воображать, что их идеи распространены гораздо шире, чем это есть на самом деле. Вполне возможно, что вдумчивые люди, проникнутые платонической или пифагорейской верой в грядущую жизнь, отвергали как антропоморфные грезы inferнальные пейзажи греческой легенды, так же как вдумчивый христианин наших дней вряд ли представит свое грядущее блаженство в великолепных красках Книги Откровения. Однако масса людей всегда будет искать конкретные образы для воплощения своих смутных духовных желаний. Они всегда живут в тех неопределенных сумерках, в которых границы между изображенным символизмом и духовной реальностью размыты и стерты. Лукиан был пессимистом в отношении духовного прогресса, и, возможно, он преувеличивал материалистические суеверия своего времени; у него было достаточно поводов для этого. И все же, каким бы художником он ни был, его творчество было бы бесполезным и дискредитированным в его собственное время, если бы не имело прочной основы в виде общепринятых верований. И мы не можем не признать его свидетельство о том, что видения мрачного паромщика над водами Стикса, ужасного судьи, мук Тартара, асфоделевых полей и воды Леты, бледных нейтральных теней, бродящих в ожидании возлияния на могиле, заполняли большое пространство в воображении [толпы](#)²⁵⁶⁷. Плутарх, который иногда соглашается с Ювеналом и Сенекой в том, что касается всеобщего недоверия, в других случаях утверждает, что многие раскаявшиеся грешники испытывают полезный страх перед [pg 496] легендарными мучениями заблудших душ и что они стремятся очистить свою вину перед ужасным испытанием Вечного [Суда](#)²⁵⁶⁸. И какими бы чистыми и утонченными ни были его собственные представления о грядущей жизни, никто не оставил более яркой картины пламени, мрака, звуков мучительных страданий из темницы проклятых, которые угнетали воображение толпы в его время. Одна часть этого видения была особенно живучей.²⁵⁶⁹ Вера в ворчливого паромщика мертвых, который сурово взимал плату за проезд и отгонял от берегов Стикса тех, кто не имел права пересекать страшный поток, была широко распространена и сохранилась далеко в средневековые времена. На протяжении многих веков, задолго до и после пришествия Христа, в рот трупа клали монету, которая должна была обеспечить переход тени в нижний мир.²⁵⁷⁰

Можно предположить, что надписи дают авторитетное свидетельство о вере простых людей в будущее состояние. Погребальные памятники из всех частей римского мира почти бесчисленны для периода ранней империи. Однако эти записи, как бы ни были многочисленны, не столь ясны и удовлетворительны, как некоторые считают. Слова на надгробии иногда являются искренним выражением настоящей привязанности и веры. Нередко они также являются чисто условными, представляя собой респектабельное, историческое вероисповедание, которое может не совпадать с мнением человека, установившего плиту. Как француз, который с младенчества не заходил в церковь, может похоронить свою жену со всеми торжественными формами, с которыми католическая церковь обряжает покой уходящей души, так и римский язычник может часто начертать на своей семейной могиле слова, выражающие древнее вероучение его расы, а не его личные убеждения. Наследственность в религии - это сильное влияние, которое может ввести в заблуждение исследователя более позднего возраста. Эпитафию не следует воспринимать как исповедание веры.

Большая часть этих надписей составлена из одних и тех же фраз, с небольшими вариациями. Посвящение Dis Manibus, представляющее старую римскую веру, является заголовком [pg 497] большинства из них. Свод - это "вечный дом", покой которого охраняется молитвами или угрозами и мольбами. Редко встречается посвящение "праху" умерших. Много посвящений "вечному покою".²⁵⁷¹ Но, конечно, довольно нелепо находить в выражениях, которые почти в той же форме встречаются в нишах катакомб, оттенок эпикурейства. Бедному грамматiku из Комо, оставившему все свое имущество городу, можно позволить наслаждаться "спокойным миром", который он требует после всех бед своей жизни, не подозревая, что он имел в виду мир небытия.²⁵⁷² Благочестивый христианин может радоваться избавлению от страданий старости и даже приветствовать смерть как последнее лекарство от всех смертных недугов.²⁵⁷³ Смерть и сон всегда казались близкими родственниками, и когда римлянин говорил о сне смерти, он, вероятно, не часто имел в виду, что она не пробуждает. Утро, как мы уже видели, в старых представлениях было не очень ярким. "День вечности" не был озарен золотым великолепием счастливых островов Пиндара; он был серым, печальным и спокойным. Но о том, что он ощущался как реальное существование, свидетельствует настойчивое требование десятков памятников регулярно обслуживать живых. Завещатель принимает все возможные меры, чтобы его семья или его клуб вечно поддерживали это сочувственное соблюдение.²⁵⁷⁴ С идеей длительного существования, конечно же, сочетается воображаемая надежда на то, что память о нем сохранится среди людей. И, вероятно, большинство погребальных надписей выражают в первую очередь это чувство. Но то же самое можно сказать и о памятниках всех эпох, и это не дает оснований для выводов о том, какого мнения о бессмертии придерживались те, кто их воздвиг. На этих памятниках в изобилии выражена самая чистая привязанность, а иногда, хотя и нечасто, присутствует надежда на воссоединение после смерти. Жена филолога из Нарбонны с уверенностью ожидает встречи с ним, или мать молит сына взять ее к себе.²⁵⁷⁵ Такие выражения естественного чувства, одинаковые из века в век, действительно мало что значат как свидетельства религиозной веры. Но в надписях нередко упоминания о Тартаре и Елисейских полях, о Плутоне и Прозерпине, об Оркусе, похитившем кого-то в расцвете сил. "Одна маленькая душа была [pg 498] принята в число богов".²⁵⁷⁶ Есть и другие, пропитанные распространенной философией, которые говорят о возвращении души к своему источнику, или о ее растворении в бесконечном эфире, или о переходе в далекий дом среди звезд.²⁵⁷⁷ Однако, как говорит М. Буассье,²⁵⁷⁸ это, должно быть, мечта небольшого меньшинства. Погребальные надписи оставляют впечатление, что вплоть до окончательного триумфа церкви отношение римлян к смерти в основном оставалось таким же, как у их далеких предков времен самнитских и пунических войн. Это было социальное чувство, перспектива

тусклой жизни, зависящей от памяти живых, ужас перед одиночеством и покинутостью, жажда мимолетной молитвы даже от незнакомца. Благословение дается тому, кто не забывает о благочестивом долге перед тенью. На того, кто отказывается от него, ссылается самое горькое для римского воображения проклятие: "Пусть он умрет последним из своей расы".

Но никакая догматическая церковная система не мешала римлянину откровенно выражать свое неверие в будущее. И отказ от всякой надежды на будущее, иногда в сочетании с грубым удовлетворением чувственным прошлым, является нотой не одной эпитафии этого периода. Матриния, жена эпикурейского философа К. Матриния Валентия, посвящает табличку его "вечному сну", что в данном случае не является условным выражением.²⁵⁷⁹ Другие, еще более решительным языком, выражают свою увядшую веру в то, что эта краткая жизнь - лишь миг сознания между пустотой прошлого и пустотой будущего, и фиксируют свое безразличие к переходу в небытие, из которого они пришли. Часто встречается формула: "Non fueram, non sum, nescio"; или "Non fui, fui; non sum, non curo". В другом случае добавляется "non mihi dolet".²⁵⁸⁰ Субъекты некоторых из этих эпитафий, похоже, буквально повиновались совету своего учителя Лукреция, хотя и в ином смысле, чем он, и восстали сытыми на жизненном пиру. Они с циничной грубостью выражают единственную веру в радости плоти и совершенное удовлетворение от того, что они ими воспользовались. [pg 499] "Бальнеа, Вина, Венера", - подытоживает рассказ.²⁵⁸¹ "Что я съел, что я выпил, то мое. Я прожил свою жизнь".²⁵⁸² И уходящий сладострастник призывает своих друзей последовать его примеру: "Друзья мои, пока мы живы, давайте жить"; "Ешьте, пейте, веселитесь, а потом присоединяйтесь к нам".²⁵⁸³ Ветеран пятого легиона пишет, вероятно, с большой долей правды, что "пока он жил, он пил с доброй волей".²⁵⁸⁴ и он увещевает своих оставшихся в живых друзей пить, пока они живы. Под исповедальней собора Святого Петра в Риме в 1626 году был найден памятник Агриколе из Тибура и его жене. На нем была изображена фигура, держащая кубок с вином, и надпись, настолько откровенно сладострастная, что по приказу Папы все это было уничтожено. Из сохранившейся копии следует, что Агрикола был вполне доволен своей жизнью и рекомендовал свой пример другим, "поскольку все заканчивается могилой или погребальным костром".²⁵⁸⁵ Но подобные надписи - исключение. Погребальные записи в целом дают картину общества, очень похожего на наше собственное, с теплыми родственными или дружескими чувствами, привязанностью к предкам, готовностью надеяться, если иногда нет ясности и уверенности в вере.

Вероятно, среди простых людей вера в бессмертие была гораздо более устоявшейся, чем среди высокообразованных. Философия Греции пришла в культурный римский мир со множеством различных мнений по величайшей проблеме человеческой судьбы. И величайшие умы, от Цицерона до Аврелия, отразили разногласия философии. Некоторые из тех, кто в более возвышенных настроениях оставлял светящиеся картины будущего блаженства, также иногда обнаруживали настроение меланхолического сомнения в том, что будущая жизнь может быть осознанной. В последнем поколении Республики, деморализованном междоусобной борьбой, преобладала философия Эпикура.²⁵⁸⁶ Она гармонировала с упадком старой римской религии и с более катастрофическим моральным упадком в высшем культурном классе. Культивированный патриций, одурманенный пороком и роскошью или опьяненный [pg 500] возбуждением гражданской войны и мечтами о беспорядочных амбициях, отбросил всякий духовный идеализм и откровенно принял незаконную вселенную и жизнь в удовольствиях или власти, которая должна была закончиться смертью. Великая поэма Лукреция, величайшее произведение в латинской, если не в любой другой литературе, смеющее не только самые глубокие убеждения латинской расы, но и инстинктивные желания человечества, была геркулесовой попыткой

избавить людей от ужасов греко-этрuscoго суеверия. Даже веселая фривольность комической сцены показывает ужас, который путь в Ахерон внушал бездумной толпе²⁵⁸⁷ - ужас, от которого со всем пылом евангелиста Лукреций пытался избавить своих соотечественников²⁵⁸⁸. И ни одно послание Эпикура не кажется его римскому толкователю столь полным мира и благословения, как евангелие небытия после смерти, "утреннего и непробудного сна", которым заканчивается суетливая лихорадка жизни. Как мы не чувствовали беспокойства, когда на Италию обрушилась буря пунийского нашествия, так же мы не будем чувствовать себя, когда партнерство души и тела будет расторгнуто, даже при столкновении и слиянии всех элементов в каком-то великом космическом изменении.²⁵⁸⁹ Более древний стоицизм допускал надежду на ограниченное бессмертие до следующего великого катаклизма, в котором, после многих веков, все вещи будут поглощены.²⁵⁹⁰ Но Хрисипп допускал такое длительное существование только для великих душ. А Панаэций во II веке до н. э., среди прочих отклонений от старого вероучения своей школы, отказался даже от этой не слишком удовлетворительной надежды на бессмертие.²⁵⁹¹ Аристотель, хотя и придерживался мнения о неизменности чистого мыслящего принципа после смерти, не давал надежды на существование отдельной сознательной личности. А поздние перипатетики, такие как Александр Афродисийский, пошли дальше своего учителя в догматическом отрицании бессмертия.²⁵⁹² Любую поддержку инстинктивной тяге человечества к длительному существованию в философии могли предложить [pg 501] платоновская и неопифагорейская школы. Их влияние росло вместе с растущей тенденцией к возрождению веры в сверхъестественное. Ибо Платон, с его глубокой верой в божественное родство человеческого духа, всегда должен быть великим лидером тех, кто ищет в философии толкователя и защитника религиозной интуиции. Фаэдо" стал последним утешением для многих жертв воинской повинности или имперской тирании. Возможно, его изящные аргументы были не совсем убедительными, как, впрочем, и для платоновского Сократа. Но Платон был не просто диалектиком, он был также провидцем и поэтом. А в таком туманном вопросе, как бессмертие, где простое интеллектуальное доказательство, по общему признанию, может быть не более чем предварительным и шатким, люди с глубоким духовным инстинктом всегда чувствовали магнетизм поэта, который мог облечь свои интуиции в формы воображения, который, благодаря более острой чувствительности и более широкому видению, мог придать авторитет и ясность духовным интуициям расы.²⁵⁹³ Философия Порхи придала эпохе Антонина некоторые из ее самых возвышенных характеров. Но это не была философия будущего. Она была слишком холодной и эгоцентричной. В ней было слишком мало теплоты сочувствия религиозным инстинктам, которые становились все более и более настоящими. Хотя, как мы видели у Сенеки, она была смягчена элементами, заимствованными из платоновских источников, у Эпиктета и Аврелия, несмотря на редкую духовную возвышенность, она демонстрирует прежнюю отстраненность от массы людей и холодную сдержанность в великом вопросе о будущем души.

Не приходится сомневаться, что в последнюю эпоху Республики негативная философия в сговоре с упадком религиозного чувства подавляла надежду на бессмертие среди культурного класса. Лукреций, конечно, не был одиноким членом своего ордена. Его великая поэма, сочетающая в себе диалектическую тонкость, поэтическое очарование и возвышенную нравственную искренность, возможно, заставила многих обратиться в свою увядающую веру. В споре о судьбе заговорщиков-катилинистов Юлий Цезарь мог утверждать, не опасаясь противоречий или неодобрения, что смерть - последний срок как радости, так и печали в жизни человека.²⁵⁹⁴ Эта философия, [pg 502] самом деле, теряла силу во времена Августа, и ее силы были исчерпаны еще до конца первого века. Однако старший Плиний, видевший правление Веспасиана, почти яростно осуждает тщеславие или безумие, мечтающее о призрачной жизни за гробом и лишаящее великого очарования

последнее благодеяние природы.²⁵⁹⁵ Сенека в этом, как и во многих других важных вопросах, не отличается устойчивостью и последовательностью. В моменты духовной экзальтации его переполняет апокалиптический восторг от видения вечного мира. В другое время он говорит с холодной покорностью, которая, похоже, была в моде у людей его класса и времени, о возможности исчезновения в смерти. Для измученного трудом духа, уставшего от тягот и разочарований жизни, смерть станет тихой гаванью отдыха.²⁵⁹⁶ В старые ужасы о Хароне и Цербере, о страшном Судье и мучениях Тартара больше не верят даже дети.²⁵⁹⁷ Лишенная своих мифических ужасов, смерть, будучи потерей сознания, должна быть отрицанием боли, желания и страха. По сути, это возвращение в небытие, из которого мы пришли и которое не оставило о себе никакой памяти. *Non miser potest esse qui nullus est.*²⁵⁹⁸ Литераторы и люди мира в эпоху Флавиев, как и их преемники с тех пор, вероятно, мало занимались проблемой, которая так долго обсуждалась и так по-разному решалась. Квинтилиан рассматривает вопрос о существовании развоплощенного духа как открытый для диалектических дебатов.²⁵⁹⁹ Тацит, одновременно доверчивый и скептический, высказывается о бессмертии не яснее, чем о чудесах, предзнаменованиях или Провидении. В своем панегирике Агриколе он выражает слабую, благочестивую надежду на вечный покой для своего героя, если в каком-то другом мире есть место для благочестивых теней, и мудрецы правы, считая, что великие души не погибают вместе с телом.²⁶⁰⁰ Это очень осторожная и гипотетическая надежда; и, вероятно, единственное бессмертие для его друга, в которое Тацит был очень уверен, - это неугасающая слава, которой перо гения может наделить своего субъекта. Тацит, как и многие представители его [pg 503] класса, испытывал старое римское недоверие к философии, а философские взгляды, которые были присущи людям его поколения, не содержали ни уверенности, ни утешения в отношении вечной судьбы души.

Адриан, самый интересный из императоров, вероятно, был скептиком в этом вопросе, как и во всех других. Величайший практический гений в императорской линии в области религии и спекуляций питал безграничную страсть ко всему любопытному и экзотическому.²⁶⁰¹ Путешествуя во главе своих легионов по всемирным владениям, он снимал нужду практического управления, посещая места исторической славы или дома древней религии как на Востоке, так и на Западе. Восток особенно привлекал его своей безграничной плодovitостью суеверий. Он приезжал, чтобы узнать, есть ли что-то в этих откровениях невидимого мира; уезжал, чтобы посмеяться над ними. Его ненасытное любопытство имело бесконечное разнообразие настроений и открывало двери для всех влияний многих верований. Реставратор древних святынь, поклонник Эпиктета, увлекающийся астрологией, почитатель *Элевсиса*²⁶⁰² и всех тайн Востока, щедрый покровитель всех профессоров философии и искусств, человек, который любил также озадачивать и высмеивать их,²⁶⁰³ имел, вероятно, мало собственных устоявшихся убеждений. Его последние слова, обращенные к душе, в которых смешались легкость и пафос, кажется, выражают скорее сожаление об оставленном позади солнечном свете, чем надежду отправиться в туманное путешествие в неизвестность.

Эпоха Антонинов была для масс веком растущей веры, и все же три или четыре величайших ума, люди, глубоко испившие философию или обладавшие редким духовным видением, либо отрицали, либо сомневались в последней надежде человечества. Эпиктет прибыл из Фригии как раб вольноотпущенника Нерона.²⁶⁰⁴ Еще во времена рабства он впитал учение Мусония.²⁶⁰⁵ Он получил свободу, но жил в бедности и физической немощи, пока во время гонений в царствование Домициана его вместе со всем племенем философских проповедников не изгнали из Рима,²⁶⁰⁶ и он поселился в Никополе в Эпире, где Арриан услышал его рассуждения о высшей жизни. [pg 504] Согласно биографу Адриана, он жил в

величайшей близости с этим императором.²⁶⁰⁷ Он не раз ссылается на правление Траяна,²⁶⁰⁸ но вряд ли верна традиция, которая относит его жизнь к правлению Аврелия, хотя великий император-философ во многом был обязан его учению.²⁶⁰⁹

Эпиктет - пример глубоко религиозного человека, для которого личное бессмертие не является необходимостью его религии. Великий закон жизни - радостное подчинение воле Бога, вселенскому порядку. К смерти, как к событию, которое рано или поздно должно наступить, следует относиться без страха. Трепет, который она вызывает, подобен вздрагиванию детей перед трагической маской Горгоны или фурии. Поверните маску, и ужас исчезнет.²⁶¹⁰ Ведь что такое смерть? Разделение души и тела, растворение нашего каркаса в родственных элементах.²⁶¹¹ Дверь открыта, Бог зовет вас к себе, и нет никакого ужасного будущего. Аид, Ахерон и Коцит - это всего лишь детские фантазии.²⁶¹² Вы перейдете в ветер, землю или огонь, из которых вы пришли. Ты не будешь существовать, но станешь чем-то другим, в чем мир сейчас нуждается, так же как ты пришел в свое нынешнее существование, когда мир нуждался в тебе. Бог послал вас сюда, подвергнув смерти, чтобы вы немного пожили на земле во плоти, исполняя Его волю и служа Его целям, участвуя в зрелищах и праздниках. Но зрелище для вас закончилось; идите, куда Он поведет, с обожанием и благодарностью за все, что вы видели и слышали. Освободите место для других, которым еще предстоит родиться в соответствии с Его волей.²⁶¹³ Подобный язык, кажется, дает слабую надежду на какую-либо личную, сознательную жизнь за пределами могилы. Эпиктет, как и благочестивые иудеи многих псалмов, кажется, удовлетворен нынешним видением Бога, независимо от того, есть ли более полное видение за завесой. Однако в других местах он использует почти платоновский язык, который, кажется, подразумевает, что душа имеет отдельную жизнь, что она на время заключена в узы плоти и что после смерти она переходит к родственному источнику, из которого [pg 505] она возникла.²⁶¹⁴ Однако даже здесь не обязательно подразумевается надежда на индивидуальное бессмертие, на какое-то будущее воспроизведение в более высоком масштабе земной жизни; скорее всего, она вообще отсутствует. Глубоко религиозному духу Эпиктета достаточно того, что Бог призывает нас; куда Он нас призовет, остается на Его волю.

Гален-врач демонстрирует подобную отрешенность от обычных надежд человечества на будущую жизнь, хотя она проистекает из совершенно иной среды и воспитания, чем у Эпиктета. Гален родился в царствование Адриана и умер в царствование Септимия Севера, он представляет религиозный дух эпохи Антонинов в своей твердой вере в духовную силу и Провидение.²⁶¹⁵ Но в философии он был эклектиком из эклектиков. Его медицинское образование началось в возрасте семнадцати лет. Влияние платоника Альбина из Смирны, а также пребывание в Александрии, хотя и дали ему широкий круг симпатий, объясняют смешанный и разнородный характер его философского вероучения, которое содержит элементы всех систем, кроме системы Эпикура.²⁶¹⁶ Результатом этого является любопытное колебание и равновесие между противоречивыми мнениями по самым важным вопросам. В частности, он не уверен в природе души и ее отношении к телу. Платоновское учение о том, что душа - это нематериальная сущность, независимая от телесной опоры, кажется Галену весьма спорным. Как могут нематериальные сущности иметь какую-то отдельную индивидуальность? Как они могут распространяться по телесному каркасу, изменять и возбуждать его, как в лунатизме или пьянстве? И опять же, если верна доктрина перипатетиков о том, что душа - это "форма" тела, то мы вскоре окажемся в стоическом материализме, от которого сторонился Гален. Душа станет, как в известной теории, опровергнутой в "Фаэдоне" ²⁶¹⁷, "темпераментом" телесных состояний, а ее превосходная выносливость, ее бессмертие станут беспочвенной мечтой. В этих великих вопросах осторожный ученый не рискнет прийти к какому-либо догматическому [заключению](#)²⁶¹⁸.

Гален приехал в Рим в 164 году, в начале правления Аврелия. Вскоре он достиг большой славы в своей профессии, и когда в 168 году он вернулся в свой родной [pg 506] Пергам, императоры отозвали его, чтобы встретиться с ними в Аквилее. Это было тревожное время. Шел второй год кампании против маркоманнов, и легионы, вернувшиеся с Вером с Востока, принесли с собой следы моровой язвы, распространившей по всей Италии опустошение, от которого она не оправилась в течение многих веков. Рабы были призваны к оружию, как во время пунического нашествия, гладиаторы и даже разбойники Далмации, а скопление войск на Адриатике только усилило злобу чумы.²⁶¹⁹ Гален оставался в армии еще некоторое время, используя свои знания для смягчения ужасов болезни. В 170 году он вернулся в Рим и был оставлен там на попечение молодого Коммода. Философский император и его философский врач, должно быть, часто встречались в те страшные годы. И мы можем быть уверены, судя по отстраненности М. Аврелия, что их беседы выходили за рамки санитарных мероприятий в лагере. Когда смерть витает в воздухе, как могли два таких человека, обученные у таких мастеров, не расспросить друг друга о последствиях смерти? Во всяком случае, факт остается фактом: М. Аврелий в этом вопросе такой же покорный, как Эпиктет, такой же нерешительный, как Гален.

М. Об Аврелии принято говорить как о воплощении платоновской мечты о философе на троне. И все же это описание, без некоторых дополнений и пояснений, несколько обманчиво. Философом, в широком умозрительном смысле, он, конечно, не является в своих "Медитациях". Бесконечному любопытству интеллекта, страсти пронзить завесу неведомого, построить великую космическую систему он, похоже, мало симпатизировал.²⁶²⁰ Его философия - венчающий пример того, как философия покидает высоты и сосредотачивается на поведении, которое становится не просто "тремя четвертями жизни", а всем, и его философия - это действительно религия. Это религия, потому что в ее основе лежит великий принцип беспрекословного, безропотного подчинения воле Бога, закону всей Вселенной. Это религия, потому что отталкивающее и строгое учение древнего стоицизма, как и у Эпиктета, наполнено сиянием эмоций.²⁶²¹ И все же эта религия, которая [pg 507] предъявляет такие огромные требования к человеческой природе, отрезает себя от любой поддержки в надежде на будущую жизнь.

В вопросе о бессмертии Аврелий иногда колеблется. То он ставит вопрос гипотетически, то предлагает бессмертие как альтернативу исчезновению после смерти. "Если ты действительно отправишься в другую жизнь, то боги не нужны даже там. Но если в состоянии, лишенное ощущений, то ты перестанешь удерживаться болью и удовольствиями и будешь рабом сосуда".²⁶²² В одном сомнительном отрывке он говорит о "времени, когда душа выпадет из этой оболочки, как ребенок из утробы матери".²⁶²³ Он не догматизирует столь темный вопрос. Но его любимая концепция смерти - это концепция изменения, трансформации, растворения в первоначальных элементах. Бесконечный дух, эманацией которого является индивидуальная душа, пронизывает вселенную, и в момент смерти конечный дух вновь поглощается Бесконечным.²⁶²⁴ С этим соединена доктрина темной эфесской философии, которая через платонизм оказала глубокое влияние на последующую мысль. Жизнь - лишь миг сознания в неустанном потоке бесконечной мутации²⁶²⁵; это сон, просто пар, пребывание мимолетного странника. И последней мыслью Аврелия, вероятно, было то, что после последней смертной перемены не остается места для надежды на отдельное сознательное существование. Душа и тело плывут по течению вечной трансформации, и это конкретное "я", со всеми его мечтами и воспоминаниями, никогда больше не возникнет в виде отдельной личности.

М. Аврелий, судя по тому, как часто он возвращается к этой теме, похоже, полностью осознает инстинктивную страсть к продолжению жизни. Но он отказывается признать ее изначальной и законной, а значит, требующей какого-то объяснения.²⁶²⁶ Тем более ему не придет в голову возводить ее, как это делали Цицерон и Плутарх, в мощный аргумент в пользу какого-то соответствующего удовлетворения в другом мире. Это просто один [pg 508] иррациональных appetitов, форма восстания против всеобщего порядка, который должен быть подавлен и подчинен неумолимому закону. Мы не находим у Аврелия и ощущения необходимости исправления несправедливостей времени, создания сферы для завершения неэффективных жизней, где кривое может быть выпрямлено, а извращенное - восстановлено. Он, по-видимому, не сочувствует печали, которую так часто испытывают самые благородные умы, когда им приходится уходить, так мало сделав и так мало узнав. У философа, кажется, нет желания исследовать в будущей жизни секреты вселенной, продлить в более счастливых условиях бесконечные поиски идеала в искусстве, знании и мысли, которые, кажется, так жестоко затруднены краткостью жизни здесь, внизу. Этот любящий отец, муж и друг, кажется, даже не мечтает о воссоединении с родственными душами. И, прежде всего, этот глубоко религиозный и благочестивый дух, кажется, не имеет представления, как это иногда мелькает у Сенеки и Плутарха, о будущем блаженстве в полном видении Бога. Этот строгий отказ, если он был сознательным, от чувств и надежд, столь дорогих человечеству, вызывает определенное восхищение, как результат суровой самодисциплины. Это отказ от тех чувств, которые считаются всего лишь прихотями и самообольщением, перед холодным светом истины, и как таковой он всегда должен вызывать благоговейное уважение. И все же, насколько полно отречение отрезает М. Аврелия от духовного движения своего времени, от великого движения человечества вперед к духовному восстановлению!

Отношение М. Аврелия к инстинктивному стремлению к бессмертию отчасти продиктовано логической верностью фундаментальным принципам его теории жизни, отчасти личным темпераментом и печальным опытом. Космическая теория Гераклита, бесконечный поток циклических изменений, оставляла мало оснований для веры в неизменность сознания. Стоический принцип подчинения закону целого обязывал спокойно и даже радостно соглашаться с тем, что нам уготовано. Весь долг, все блаженство человека заключаются в том, чтобы привести свою волю в соответствие с Вечным Разумом и превратить эту краткую мирскую жизнь в малый аналог порядка могущественного мира. С одной точки зрения, отдельная человеческая жизнь бесконечно мала, всего лишь [pg 509] точка в бесконечном веке,²⁶²⁷ взволнованная надеждами и страхами, которые являются лишь мимолетными мечтами сиюминутного сознания. Величайшие черты его земного дома уменьшаются до ничтожных размеров перед взором разума. Азия - всего лишь уголок, море - капля, Афон - крохотный комочек во вселенной.²⁶²⁸ Жизнь - настолько малое явление, что смерть не представляет собой зла.²⁶²⁹ И все же, если посмотреть с другой стороны, демон, божественная искра внутри каждого из нас, может своей неодолимой силой создать в каждом человеческом духе нравственное целое, которое за короткое время своего отдельного существования может обрести округлую гармонию и совершенство всего огромного порядка - оно может стать совершенной миниатюрой вселенной Бога.²⁶³⁰ Этот совершенный результат, достижимый, хотя и столь редко достигаемый, является тем идеалом, который один только придает достоинство человеческой жизни. Идеал человечества лежит не в какой-то будущей жизни или грядущей эпохе; он может быть, если воля должным образом пробуждена к своей божественной силе, реализован здесь и сейчас, в наш короткий промежуток сорокалетней зрелости²⁶³¹. Избавьтесь от грубых страхов и надежд, устремитесь только к тем нравственным целям, которых воля, поддерживаемая демоном внутри, может непременно достичь, отбросьте страх порицания со стороны

эфемерной толпы вокруг нас, жажду славы среди эфемерных поколений, которых мы не увидим²⁶³², позвольте божественному импульсу внутри нас тяготеть к своей орбите, и эта бедная человеческая жизнь будет втянута в вечное движение великого целого и, с момента беспокойного сознания, станет истинной жизнью в Боге. Такая жизнь, исполнив истинный закон своего бытия, сама по себе округляется и завершается: ей не нужны мечты о будущем блаженстве, чтобы исправить свои неудачи или вознаградить свои усердные усилия. Смерть для такой души становится несущественным происшествием, вписанным, как и все остальные изменения, в общий порядок. А продолжительность или краткость жизни не стоит и оценивать. Самая долгая жизнь - едва ли миг в вечности: самая короткая - достаточно долгая, если прожить ее хорошо. Эта жизнь, установленная вечным законом, - целое, вещь сама по себе, вещь с бесчисленными аналогами в бесконечном прошлом, которой суждено бесконечно воспроизводиться в годы безграничного будущего.²⁶³³ Сожалеть о [pg 510] ее краткости не более рационально, чем оплакивать быстрое прохождение весенней поры, чье славное обещание, но вечно увядающее очарование, приходили и уходили одним и тем же путем через мириады забытых лет.

Таков идеальный взгляд на строгое вероучение, обладающее собственным величием, которое все поколения Запада согласны почитать. Но темперамент и история Аврелия также сыграли свою роль в формировании его взглядов на жизнь и смерть. При безграничном милосердии, снисходительности и даже любви к своим собратьям он был пессимистом в отношении человеческой жизни.²⁶³⁴ У него были веские основания быть таким. Говоря словами того, кто знал тот век так, как может знать только гений в сочетании с образованностью, *le monde s'attristait*; и не без оснований. Горизонт потемнел от зловещих грозных туч. Внутренние силы Империи были парализованы таинственной слабостью. Тусклые орды за Дунаем наступали с такой силой, которую можно было отразить только в ходе многих изнурительных кампаний. Голод и мор приносили ужасы страшнее маркоманских. Это было начало конца, хотя конец долго откладывался. Мир становился все печальнее; но не было человека печальнее, чем святой стоик на троне, которому приходилось не только противостоять германцам на Дунае и переносить тревоги одинокой власти, но и терпеть более острые муки души, которая видела духовные возможности человеческой природы, но также всю ее ничтожность и подлость. Императору были необходимы все уроки самодисциплины и сдержанной покорности, которые он мучительно усваивал сам и которые преподавал стольким поколениям. Мало было более благородных душ, но и мало более безнадежных. Подобно заклтому насмешнику того времени, хотя и с совершенно иной точки зрения, он видит, что эта эфемерная жизнь с ее преходящими удовольствиями и триумфами закончится в пыли и забвении.²⁶³⁵ И ее хрупкость дополняется лишь ее усталой одинаковостью из века в век. Ветреный поток бесконечных изменений проносится вокруг в вечном вихре.²⁶³⁶ Это беспокойное изменение - движение циклического однообразия.²⁶³⁷ Вернитесь к Веспасиану или [pg 511] Траяну: вы найдете то же повторяющееся зрелище: люди замышляют и сражаются, женятся и умирают.²⁶³⁸ Дочь, наблюдающая у смертного одра своей матери, вскоре уходит из жизни под другими взглядами. Душа в видении может путешествовать далеко и осматривать бесконечность веков.²⁶³⁹ Она может простираться вперед в бесконечные грядущие века, как и возвращаться в историческом воображении через безграничное прошлое. И все же он не находит ничего странного в опыте прошлого, как не будет ничего нового и в опыте наших отдаленных потомков. Человек, чей путь длится уже сорок лет, если он обладает хоть какими-то способностями к восприятию, сконцентрировал в своем кратком промежутке образ всего, что было, и всего, что когда-либо будет в человеческой мысли или судьбе. Будущее не позолочено никакими мечтами о прогрессе: его не изобразить в волшебном свете платоновской утопии или Града Божьего, спускающегося с небес, как невеста.²⁶⁴⁰ Из этой

"земной грязи", из этих бедных легкомысленных душ, какое небесное содружество может когда-либо возникнуть? ²⁶⁴¹ Мораль такова, как с точки зрения высокой философии, так и печального опыта: "Будь доволен, ты совершил свое плавание, ты сошел на берег, покинь корабль".

Но даже в язычестве, задолго до рождения Аврелия, дрейф мысли к цели личного бессмертия был сильным и интенсивным. И это было лишь одним из следствий движения, глубоко затронувшего человеческую мысль и заставившего стоицизм перестроиться, как в учении Сенеки. Чистый разум не мог объяснить отношение человека к Вселенной, он не мог удовлетворить самые глубокие человеческие инстинкты. Максимум "живи в соответствии с природой" стоик трактовал как жизнь в соответствии с нашей собственной высшей природой, Божественным началом внутри нас. Однако такая трактовка лишь подчеркивала непримиримое несоответствие между двумя концепциями природы - физической вселенной и человеческого духа. В одной из них есть глубины и тайны, которым нет ответа в другой. Для решения проблем человеческой судьбы, таинственного диапазона человеческих устремлений необходимо нечто большее, чем разум. Природа, как система холодных безличных процессов, не сочувствует человеку, она может быть ледяным равнодушием или активной враждебностью. Приведение своей [pg 512] жизни в соответствие с предполагаемыми диктатами абстрактного Разума, утверждающего себя в физических законах, которые, казалось бы, часто высмеивают самые благородные усилия и стремления человека, требует от человеческой природы раблепной покорности и призывает ее отречься от значительной части своих исконных сил и инстинктов. Человек, всего лишь призрак самого себя, ослабленный до бескровной тени, оказывается в присутствии силы, холодной, неумолимой, безнравственной, по человеческим меркам, силы, которая уничтожает отдельные жизни, чтобы служить некоему абстрактному и мечтательному идеалу целого. В более древнем стоицизме не было объекта для поклонения. Ибо нельзя поклоняться безличному закону, не обладающему моральными качествами. Вы можете с презрительным спокойствием подчиниться ему, но вы не можете почитать или обожать его. Неудивительно, что стоический мудрец, который мог победить все материальные препятствия с помощью морального энтузиазма, иногда превозносился над Зевсом, который представлял собой просто бесстрастный физический закон. Такая идея - ведь ее нельзя назвать существом - не имеет морального значения, она не дает ни примера, ни поддержки, ни вдохновения. Мудрец может на мгновение одержать сверхчеловеческий триумф, бросив вызов искушениям или бедствиям, которыми его окружила природа, но это одинокий триумф нечеловеческой гордыни. ²⁶⁴² Возможно, победу ему принесло божественное начало внутри него, но оно воспринимается как простое истечение той тонкой материальной силы, которая движется под всеми явлениями физической природы. Поддаваясь импульсу такой силы, вы просто ставите себя в один ряд с другими иррациональными субъектами безличного закона. Здесь, надо ли говорить, нет никакого стимула к нравственной жизни, здесь есть ее абсолютное отрицание. Сродство человеческой души с душой мира - всего лишь физическая доктрина, каким бы изысканным и тонким ни было "огненное дыхание", являющееся общим элементом обоих. Но длительное изучение и анализ этики в сочетании с проникновением платонизма постепенно глубоко изменили стоическую концепцию природы Бога и отношения человека к Нему. Бог все больше и больше становился личностью, нравственной силой, отцом. А обитающий в человеке Бог становился голосом совести, утешающим, побуждающим, поддерживающим, внушающим идеал более полного общения в другой сфере. Неужели жажда продолжения жизни в общении с родственными душами, [pg 513] с Божественным Духом, который сделал нас теми, кто мы есть, должна была быть низведена в лимб антропоморфных мечтаний?

Сенека, как мы видели в предыдущей главе, все еще сохраняет некоторую жесткую ортодоксальность старого стоицизма. В своих письмах к Луцилию он иногда использует язык старого стоического материализма.²⁶⁴³ Но можно не сомневаться, что Сенека усвоил и другие, антагонистические ему концепции. Бог становится более Личностью, отличной от мира, который Он создал, которым Он управляет, который Он направляет к нравственным целям.²⁶⁴⁴ Он не просто высший разум, Он также совершенная мудрость, святость и любовь. Он больше не просто слепая сила или судьба; Он - любящий, бдительный Отец, а добрые люди - Его сыновья. Видимые бедствия, которые им приходится терпеть, являются лишь необходимой дисциплиной, ибо "кого Он любит, тех испытывает и закаляет наказанием".²⁶⁴⁵ Бог никогда не может причинить вреда, ибо Его природа - любовь, и мы постоянно получаем от Него блага.²⁶⁴⁶ В своем взгляде на строение человека Сенека еще больше отклонился от вероучения своей школы. Он, похоже, действительно иногда утверждает, что душа материальна, но это материя настолько тонкая и неуловимая, что неотличима от того, что мы называем духом. А этические занятия Сенеки заставили его отказаться от стоической доктрины простого единства души в пользу платоновского дуализма с противопоставлением разума и животного импульса. Последний имеет свое место в теле, или плоти, как он часто его называет. И о плоти он говорит со всем презрением, свойственным "Федоту". Это всего лишь оболочка, оковы, тюрьма или скромная обитель, которую душа занимает лишь на короткое время.²⁶⁴⁷ С плотью дух должен вести вечную войну, как с чужеродной силой, которая подавляет его родную энергию, затемняет его зрение и извращает его суждение об истине. Истинная жизнь духа, как и в теологии Платона, начнется только тогда, когда неравное партнерство будет **расторгнуто**²⁶⁴⁸.

Ортодоксальная стоическая доктрина допускала ограниченное бессмертие, до следующего великого космического пожара. Но было сомнительно, что даже такое продолжение существования является настоящей личной жизнью, и некоторые стоические врачи считали его привилегией только [pg 514] великих душ.²⁶⁴⁹ Как и почти все философы этого времени, Сенека иногда, кажется, допускает возможность возвращения в дородовое небытие после смерти. "Non potest miser esse qui nullus est" - это утешение, которым часто утешаются даже те, кто надеется на что-то лучшее, чем покой уничтожения.²⁶⁵⁰ Это утешение, которое могло быть очень реальным для людей, живших в царствование Нерона. В худшем случае смерть может быть только растворением, а огненные реки и муки Тартара - лишь плод поэтической фантазии. Разум, приученный подчиняться универсальному закону, не уклонится от участи, которая ожидает вселенную в результате пожара или катаклизмов. Его будущей судьбой может быть только либо спокойное вечное пребывание среди родственных душ, либо поглощение общим целым.²⁶⁵¹ Но в моменты духовного возвышения такая альтернатива не удовлетворяет Сенеку. Он вышел далеко за пределы мрачной покорности или изящного презрения, свойственных аристократическому самоубийству, или даже веры в ограниченное бессмертие. У него есть надежда, временами более ясная, чем та, что испытывал платоновский Сократ в последний вечер в тюрьме. Смерть - это уже не сон, не пустой покой после тщетных волнений жизни: это врата в вечный мир. Краткое пребывание в теле - это прелюдия к более долгой и благородной жизни.²⁶⁵² Час, перед которым вы содрогаетесь как перед последним, на самом деле является днем рождения вечности, когда разум, вырвавшись из оков, во всей радости своей свободы будет изъясняться на свету, и перед ним развернутся все тайны и величие звездных миров, без преследующей тени.²⁶⁵³ Нет, это видение морализируется почти по-христиански. Мысль о вечности заставляет нас думать о Боге как о свидетеле каждого поступка, помнить о том "решающем часе", когда, сняв все покровы и маскировки, будет вынесен приговор нашей жизни. Это также дает надежду навсегда очиститься от пятен плоти и вступить в общение с духами блаженных.²⁶⁵⁴ Таким образом, словно [pg 515] взором Вечности, человек должен отстраниться от всех

низменных и подлых сторон своей телесной жизни и таким образом подготовить себя к великому испытанию и блаженству грядущей жизни.

В апокалипсисе Сенеки заложена новая нота в языческих размышлениях о бессмертии. Мы оставили далеко позади мысли о манах, преследующих гробницу предков и успокаивающих их в возвращенные годы струей вина или букетом фиалок. Мы больше не наблюдаем, вместе с Пиндаром или Вергилием, за духами, греющимися на Елисейских лугах и овеваемыми океанским бризом. Мы далеко на пути к Граду Божьему, *cujus fundamenta in montibus sanctis*. И действительно, Сенека, вероятно, продвинулся к нему так далеко, как никогда не продвигался ни один человек, родившийся в язычестве. Нет ничего удивительного в том, что в условиях ожесточенной религиозной борьбы четвертого века его нравственный энтузиазм, его взгляд на эту жизнь как на испытание для следующей, его светлое видение почти христианского рая должны были навести на мысль о воображаемом общении со святым Павлом.²⁶⁵⁵

Каковы были влияния, которые действительно сформировали его высшую концепцию будущего состояния, сколько в ней было от чистой и энергичной духовной интуиции, сколько от платонических и пифагорейских источников, мы не можем утверждать. В самых восторженных представлениях Сенеки о бессмертии сама пышность риторики кажется выражением сильного личного чувства. Но Сенека был очень открытым и чувствительным умом. Одним из его учителей был Сотийон, которого, как и его учителя Секстия, называли пифагорейцем, и который, руководствуясь истинно пифагорейскими принципами, учил Сенеку воздерживаться от животной пищи.²⁶⁵⁶ Мы можем быть уверены, что ни один пифагорейский учитель той эпохи не преминул бы обсудить со своим учеником проблему будущей жизни. Правда, Сенека лишь раз или два упоминает о доктрине предыдущей жизни, а о пифагорейской школе он говорит лишь для того, чтобы отметить тот факт, что в его время она была без главы.²⁶⁵⁷ Но это не исключает предположения, что он мог ощущать ее влияние в годы становления юности. А пифагорейцы ранней империи были весьма эклектичной школой. [pg 516] Они все еще воспроизводили дух своего основателя в математической символике, в идеале аскетизма, в ярко выраженной религиозной тенденции.²⁶⁵⁸ Но они многое переняли от платонизма, а также от Ликейя и Порха. Этими смешанными влияниями объясняются и те глубокие изменения, которые стоицизм претерпел в сознании Сенеки. Его презрение к телу или плоти, а также многие фразы, в которых описывается ее судорожное, понижающее влияние, напоминают о пифагорейской и платонистской школах.

Но Сенека - непоследовательный, хотя и красноречивый и сильный излагатель той веры в личное бессмертие с его моральными последствиями, которая восходит через многие века к Платону, Пифагору, неясным апостолам орфического откровения, возможно, к Египту.²⁶⁵⁹ Мифический Орфей представляет собой, в области религии и теории жизни и смерти, огромный переворот в греческой мысли и стойкий дух, оказавший глубокое влияние вплоть до последних лет язычества на Западе.²⁶⁶⁰ С именами Орфея и Пифагора связаны уверенная вера в бессмертие, представление об этой жизни как лишь подготовительной и вторичной по отношению к следующей, необходимость очищения и искупления за деяния, совершенные в теле, доктрина переселения и последовательных жизней, возможно, в животных формах. Орфей также был мифическим основателем мистерий, в тайных преданиях которых посвященные всегда должны были получать утешительные заверения о будущей жизни.²⁶⁶¹ Один из представителей в одном из диалогов Цицерона с глубокой благодарностью вспоминает свет надежды и бодрости, который священные обряды пролили на него и в жизни, и в смерти.²⁶⁶² А Плутарх после смерти своей дочери напомнил жене об

успокаивающих словах, которые они вместе слышали от иерофанта в дионисийских мистериях.²⁶⁶³ Задолго до их дня Платон часто искал в этих высоких темах своего рода высокоцерковную санкцию или внушение для предварительных выводов диалектики.²⁶⁶⁴ Великое имя Орфея, [pg 517] и мистические предания этой эзотерической веры, действительно, во времена Платона были печально удешевлены и деградированы толпой наемных самозванцев.²⁶⁶⁵ И даже почтенные обряды Элевсиса, возможно, содержали элемент грубости, пришедший из тех времен, когда к природным процессам относились неприкрыто.²⁶⁶⁶ Но философия и разум, которые очистили и возвысили религию в целом, оказали ту же услугу и мистериям, и орфические и пифагорейские стали почти взаимозаменяемыми.²⁶⁶⁷ Эти системы представляют собой объединенные усилия по решению тех великих вопросов, которые лежат на границе религии и философии, вопросов, на которых спекулятивный интеллект так часто терпит неудачу и вынужден опираться на веру и религиозную интуицию.²⁶⁶⁸ В эпоху, которая оставила любопытные спекуляции, весь интерес которой был сосредоточен на нравственной жизни, в эпоху, которая жаждала духовного видения и сверхъестественной поддержки, такая по сути религиозная философия, как новое пифагорейство, должна была стать великой силой. Беспристрастно собирая из древних школ все, что соответствовало ее главной цели, сохраняя скрупулезное почтение ко всему преданному прошлому, она проливали на все высший свет, исходящий, как верили ее приверженцы, из земель [рассвета](#)²⁶⁶⁹. Сохраняя освященное место для всех богов народной традиции, связывая людей с Бесконечным посредством градуированной иерархии духов с их домом в звездах, она поднялась до концепции Единого, чистого, бесстрастного Существа, которому не нужно приносить кровавых жертв, которому лучше всего поклоняться молчаливым поклонением и жизнью в чистоте. И чтобы культивировать эту чистоту, грубость тела должна быть ослаблена строгими правилами жизни.²⁶⁷⁰ И хотя Высший так далек и так бесплотен, Он не оставил нас без посланников и толкователей, чтобы преодолеть огромный промежуток между нами и Бесконечным с помощью снов, видений и прорицаний. Нас окружает мир странной демонической жизни, мир духов и героических душ, подобных нашей.²⁶⁷¹ Ибо хотя мы погружены в чуждый элемент плоти, наша сложная душа все же имеет божественную часть, которая может даже здесь, внизу, общаться с Божественным. Во время [pg 518] периода принуждения и испытательного срока она действительно может быть непоправимо испорчена контактом с материей. Оно может также, прислушиваясь к голосу философии, сохранить себя чистым и непорочным от такого осквернения. Когда наступает смертельное разделение двух природ, божественная часть не погибает вместе со своей плесневелой тюрьмой, но в грядущих веках она может иметь совершенно иную судьбу, в зависимости от того, как протекала ее земная жизнь. Эта жизнь и вечное состояние связаны между собой неизбежной нравственной последовательностью; что мы сеем, то и пожнем в последующих жизнях. В невидимом мире происходит Великий суд, имеющий судьбоносные последствия на всю жизнь. Дух, отказавшийся поддаться соблазнам плоти, в будущей жизни может подняться на эмпирейские высоты, которые человеческое воображение не в силах представить. Душа, оскверненная окружающей средой, может пройти долгое испытание в три тысячи лет, а затем вернуться к новому пребыванию в человеческом облике, или же безнадежно опуститься на все более низкие глубины деградации.

Биография Аполлония Тианского - это, конечно, в некотором смысле роман.²⁶⁷² Однако вряд ли стоит позволять рассказам о чудесах заслонять ее ценность как картины верований той эпохи. Мы не сомневаемся, что пифагорейский апостол времен Флавиев обошел весь римский мир, проповедуя свое евангелие нравственной и ритуальной чистоты, зажигая или удовлетворяя веру в мир духов, пытаясь странным образом примирить мистический

монотеизм и преданность чистой жизни души со скрупулезным почитанием всех мифологий. На первый взгляд может показаться странным, что такой мистик, как Аполлоний, представитель пифагорейской школы, так редко обращается к теме бессмертия. Дело в том, что Аполлоний не был догматическим проповедником; он мало занимался теориями. Его главным делом, как он считал, была практическая мораль, реформа или восстановление ритуала там, где он пришел в запустение и упадок.²⁶⁷³ Проникнутый верой в духовный мир, он, похоже, принял в качестве постулата вечность души и ее кратковременное воплощение на земле. Во время пребывания во плоти ее посещают видения свыше, [pg 519] и такие откровения даются пропорционально ее аскетической чистоте.²⁶⁷⁴ Какое представление о будущей жизни имел Аполлоний, мы не можем сказать; но ее реальность для него была самоочевидной истиной. Мы окружены духами ушедших, хотя и не знаем об этом. Плавая среди островов Эгейского моря, он однажды порадовал своих учеников рассказом о том, что встретил тень Ахилла у его могилы в Трое.²⁶⁷⁵ Люди говорили, что герой действительно умер, и в старом доме мирмидонов его поклонение было забыто. Но Аполлоний в молитве, которой он научился у мудрецов на Ганге, призвал героическую тень развеять все сомнения, явившись на его зов. В тот же миг гробницу сотрясло землетрясение, и рядом с ним появился юноша дивной красоты и нечеловеческого роста, облаченный в фессалийскую мантию. По мере того как Аполлоний смотрел на него, его рост становился все более величественным, а красота - все более великолепной. Но мудрец не испытывал слабых опасений даже в присутствии столь величественного духа и засыпал его вопросами, представляющими скорее антикварный, чем духовный интерес. Действительно ли Елена была в Трое? Почему Гомер не упоминает Паламеда? Герой разрешил свои сомнения, послал фессалийцам предупреждение о восстановлении забытых почестей и в мягком великолепии исчез с первыми [петухами](#)²⁶⁷⁶.

Биография Аполлония завершается рассказом, который бросает яркий свет на духовные искания той эпохи. Мудрец твердо верил в переселение и бессмертие, хотя и не поощрял споры на эти высокие темы.²⁶⁷⁷ После его смерти молодежь Тианы была занята торжественными мыслями. Среди них был один скептик, который тщетно просил ушедшего философа вернуться из страны духов и развеять его сомнения относительно будущей жизни. Наконец, однажды он уснул среди своих товарищей, а затем внезапно встал, как безумный, с криком: "Я верю тебе!". Тогда он рассказал друзьям, что видел дух мудреца, что тот действительно был среди них, хотя они об этом не знали, и распевал чудесную песню о жизни и смерти. В ней рассказывалось об освобождении души от тленного каркаса и [pg 520] ее стремительном полете в бесплотные миры. "Ты узнаешь все, когда тебя уже не будет; но пока ты еще среди живых, зачем стремиться пронзить тайну?"²⁶⁷⁸

Новая платонистская школа, во главе которой стояли Плутарх и Максим, была в эту эпоху великими апостолами надежды на бессмертие. Платонисты в своей теории разума и Бога, неопифагорейцы в своей вере в открытость человеческого духа в его лучших проявлениях для сверхъестественных воздействий, они считали доктрину грядущей жизни аксиомой. Правда, автор "Утешения Аполлония", как и Сенека, временами колеблется между идеей исчезновения жизни после смерти и надеждой на вечное блаженство.²⁶⁷⁹ Это произведение полно пессимистических мыслей о жизни, в нем запечатлено множество печальных изречений греческих поэтов о ее краткости и несчастье.²⁶⁸⁰ Приносящая гораздо больше горя, чем радости, жизнь вполне может рассматриваться как таинственное наказание. То фракийское племя, которое оплакивало каждое рождение, как другие оплакивают смерть, имело истинную философию человеческого существования. Великое утешение в том, что, по выражению Гераклита, смерть и жизнь едины, мы умираем каждый миг с момента рождения. Смерть - великий целитель, по словам Эсхила, избавитель от

проклятия существования, будь то вечный сон или далекое путешествие в неведомые края. Перспектива пустого небытия не внушает ужаса, ведь душа лишь возвращается в свое первоначальное бессознательное состояние. Но такое настроение вряд ли устраивало автора, и перед завершением он прибегает к утешению мистической традиции или поэтическому видению, что для благородных людей есть место, уготованное в грядущих веках, после Великого суда, когда все души, обнаженные и лишенные всех атрибутов и маскировок, должны будут ответить за деяния, совершенные в теле²⁶⁸¹. Ту же веру Плутарх исповедует своей жене в "Утешении" в связи со смертью их маленькой дочери, которая произошла, когда Плутарха не было дома. Потеря чистой светлой юной души, полной любви и доброты ко всем, даже к своим безжизненным игрушкам, была, очевидно, тяжелым ударом.²⁶⁸² Но Плутарх хвалит простую сдержанность жены и ее воздержание от пышного парада обычного траура. Все подобные проявления казались ему вульгарной невоздержанностью [pg 521] и самообольщением.²⁶⁸³ Да и зачем горевать о том, кто избавлен от всех скорбей? У нее были свои маленькие радости, и, не зная других, она не испытывает боли от потери. Однако Плутарх не хочет, чтобы его жена смирилась с холодным утешением, которое приносит смерть в бессознательном состоянии. Он напоминает ей о более светлом и радостном видении, которым они наслаждались вместе, причащаясь к дионисийским мистериям. Если душа неумирающая, если она имеет божественное происхождение и божественную судьбу, то краткость ее заточения и изгнания - благословение. Плененная птица может привыкнуть и полюбить свою клетку. И самое страшное несчастье старости - это не седина и немощь, а тупая поглощенность плотским и забвение божественных вещей. "Кого любят боги, умирают молодыми". Призывая их рано, они избавляют их от долгих скитаний²⁶⁸⁴.

Вера в бессмертие у Плутарха - это религиозная вера, практический постулат. Он нигде не обсуждает исчерпывающим образом основы этой веры. Скорее, она неотделима от его представлений о Боге и его справедливости, а также об отношении человеческой души к Богу.²⁶⁸⁵ Он признает, что перспектива награды или наказания в ином мире мало влияет на поведение людей.²⁶⁸⁶ Немногие верят в рассказы о мучениях проклятых. А те, кто верит, могут успокоить свои страхи и приобрести грубое бессмертие с помощью инициаций и индульгенций.²⁶⁸⁷ Однако невозможно сомневаться в том, что для Плутарха надежда на вечную жизнь была драгоценным достоянием. Он с силой и даже резкостью осуждает эпикурейскую школу за их попытку лишить человечество этой надежды под предлогом избавления людей от груза суеверных страхов. Они подобны людям на борту корабля, которые, сообщая пассажирам, что у них нет лоцмана, утешают их дальнейшей информацией, что это не имеет значения, так как они обязательно наедут на скалы.²⁶⁸⁸ Великое обещание Эпикура состояло в том, чтобы освободить людей от призрачных ужасов, которыми поэтическая фантазия наполнила пейзажи подземного мира. Но при этом он наделил смерть новым ужасом, бесконечно худшим, чем баснословные муки проклятых. Это было тонкое заблуждение, которое учило, что, поскольку аннигиляция предполагает исчезновение сознания, оплакивание утраты радостей и яркой энергии [pg 522] жизни было просто воображением, спроецированным на пустое будущее, где никакие сожаления никогда не смогут нарушить спокойствие небытия²⁶⁸⁹. Плутарх придерживался своей точки зрения на психологию. Страсть к продолжению существования, по сути, является самой сильной в нашей природе. С верой в бессмертие Эпикур считает самые сильные и дорогие надежды массы людей. Эта жизнь действительно полна боли и печали, но люди страстно цепляются за нее, просто как за жизнь, в самые темные часы. И они готовы отважиться на самые страшные ужасы Цербера и Химеры ради шанса на продолжение существования.²⁶⁹⁰ Лишение мечты о счастье в другом мире - это реальная потеря, даже если, когда наступит серый день небытия, сознание потери исчезнет. Разве легко сказать

благородным духам, нравственным атлетам, которые всю жизнь боролись со злом, что они боролись за корону видения? [2691](#) Разве это пустяк для идеалиста, который, несмотря на все препятствия жизни во плоти, укреплял свои благородные силы в надежде на вечную свободу и полное видение истины, что та настоящая жизнь, к которой, как ему казалось, смерть была лишь вратами, в конце концов, всего лишь иллюзия? Не пренебрегает Плутарх и той живостью любви, которая во все века стремилась смягчить горечь расставания надеждой на воссоединение и признание в иных [мирах](#)[2692](#).

В "Утешении Аполлония" лишь вскользь упоминается о наказании за незаконное богатство и власть, как дополнение к награде за добродетель.[2693](#) Но этот аспект бессмертия подробно рассматривается в замечательном трактате "Об отсрочках божественного возмездия". Проблема наследственной вины и наказания детей за грехи отцов в этом мире, с учетом справедливости и благосклонности Бога, приводит к мысли о другом суде, который может ужасным образом исправить несправедливость времени.[2694](#) Доктрина Божественного провидения и [pg 523] доктрина бессмертия стоят или падают вместе.[2695](#) Бог не мог бы так заботиться об эфемерных душах, цветущих на короткое время и затем увядающих, как в женских скороспелых садах [Адониса](#)[2696](#). Прежде всего, Аполлон был бы величайшим обманщиком, бог, который так часто торжественно с треножника приказывал совершать обряды изгнания и воздавать посмертные почести ушедшим возвышенным душам.[2697](#) Однако, как и его великий учитель Платон, Плутарх чувствовал, что полная уверенность в долгой мечте человечества лежит за завесой - мы не знаем, кем станем. И, как и его учитель, он прибегал к апокалиптической силе религиозного и поэтического воображения, чтобы укрепить колеблющиеся выводы разума.

Провидческая сила и обаяние великого мастера, чье правление продлилось на века после времени Плутарха, видны, возможно, в слабом отражении, в мифическом прогнозе Плутарха о будущем души. Психология Платона, его резкое противопоставление разума низшей природе, укорененной в плоти, его видение Вечного Блага, его глубоко нравственная концепция ответственности земной жизни, ее безграничные возможности будущих беспрепятственных интуиций, ее возможная вечная деградация через века циклических изменений - все это, вместе с родственными элементами, возможно, с семитского Востока, оказало глубокое влияние на религиозные умы. Величие С. Августина нигде так не проявляется, как в его откровенном признании духовного величия Платона. И этот великий дух, столь проворный в диалектической тонкости, столь возвышенный в своей силе подняться над теснящими ограничениями нашей земной жизни, также, благодаря своему яркому поэтическому сочувствию, наиболее готов помочь слабым обычным душам подняться "по алтарной лестнице". Никогда чистый отстраненный интеллект не был так гармонично соединен с пылающим воображением, никогда бесплотная истина не была так облечена в теплые краски и великолепие мира чувств. Там, где разум напрягает все свои силы, чтобы разгадать вечную загадку, на помощь приходят экстатическое видение и религиозный миф, выходящие за пределы пространства и времени.

Платон и платонический Сократ полностью осознают, что выводы философского разума о будущем состоянии могут быть [pg 524] только предварительными. Поэтому они часто опираются на божественную доктрину, традицию или мифопоэтическую силу, с помощью которой поэтическое воображение открывает туманные области мира за пределами чувств. Видения Тимарха и Феспесия у Плутарха, как и Некуя из "Федота" и "Республики", - это попытка религиозного воображения проникнуть в темноту, от которой отшатывается разум. Не странно, что эти усилия были предприняты тем, кто, наряду с самой чистой концепцией

нематериального духа, все еще верил в действенность легенды и материального символа для раскрытия истины, которую они скрывали.[2698](#)

Феспий Солийский, человек злой жизни, однажды упал с высоты, был принят за мертвого, но на третий день, накануне своих похорон, снова ожил. Он вернулся к жизни изменившимся человеком после чудесного опыта. Его душа, вырвавшись из тела, плыла по морю света среди звезд.[2699](#) Он видел другие души, возникающие в виде огненных пузырей, которые лопались и давали тонкую форму, похожую на человеческую.[2700](#) Три или четыре он узнал и хотел бы поговорить с ними, но они казались бредовыми или бессмысленными и сторонились его, в конце концов образовав маленькие компании, которые проносились в диких беспорядочных движениях, издавая странные крики плача или ужаса. Тогда душа старого знакомого окликнула его и стала его проводником, указав на то, что души действительно умерших не отбрасывают тени, будучи совершенно прозрачными, окруженными светом. Однако на некоторых из них видны чешуйки, шрамы и пятна. Адрастея - неизбежный судья всех, и через трех служителей три великих класса преступников получают свою судьбу. Одни быстро наказываются на земле, другие получают более суровый приговор в тени. Совершенно неизлечимых безжалостно преследуют эринны и в конце концов погружают в темную бездну, об ужасах которой невозможно рассказать. Второй класс подвергается жестокому чистилищу, в ходе которого некоторые духи стирают все свои пятна и становятся чистыми и блестящими. Но там, где зло более упрямо, а страсть вновь и вновь заявляет о своей власти, душа долго сохраняет цвет, соответствующий ее специфическому пороку. У подлого скупердя [pg 525] душа темная и убогая; у жестокого - кроваво-красная; у завистника - фиолетовая и синюшная. Не дожидаясь самых страшных вечных мук, души с ненасытной тягой к плотским наслаждениям тяготеют к рождению в низких животных формах.[2701](#)

Затем Феспий и его проводник на крыльях света переносятся к другим, менее мрачным сценам. Над пропастью Забвения, устланной цветами и травами, источающими душистый запах, над отверстием, через которое Дионис перешел на свое место среди богов, парили облака духов, похожих на птиц, с весельем и радостью вдыхая аромат. И снова шли они, пока не пришли к кратеру, из которого текли разноцветные потоки, то белоснежные, то [радужные](#)[2702](#), а неподалеку находился оракул Ночи и Селены, из которого выходили сны и призраки, чтобы бродить среди людей. Затем Феспий был ослеплен сиянием, которое падало от дельфийского треножника вверх, к вершинам Парнаса; ослепленный сиянием, он слышал только пронзительный голос женщины, распевавшей песню, которая, казалось, говорила о часе его собственной смерти. Эта женщина, как объяснил его проводник, была Сибиллой, обитающей на лике луны. Из-за движения луны вперед он не смог до конца уловить слова Сибиллы, но услышал пророчество об опустошении Кампании огнем Везувия и гибели императора.

Затем последовали другие сцены наказания, среди которых Феспий увидел своего собственного отца, восставшего из бездны, покрытого бородавками и следами пыток, которые были применены за давно сокрытое преступление. Наконец, дружелюбный проводник исчез, и Феспий был вынужден идти дальше под натиском страшных призраков, чтобы увидеть новые сцены мучений. Лицемер, скрывавший свои пороки под покровом благопристойности, был вынужден с бесконечной болью и искажениями выдать свою внутреннюю душу. Скупых людей демоны поочередно погружали в три озера: кипящее золотое, ледяное свинцовое и твердое железное. Но самая страшная участь постигла тех, чьи грехи были возложены на их невинных потомков на земле, которые преследовали их

проклятиями или вились вокруг них [pg 526] облаками, как пчелы или летучие мыши, постоянно сохраняя память о переданной вине и [страданиях](#)²⁷⁰³.

Видение Тимарха в фрагменте "Гений Сократа" имеет совсем другой мотив, чем тот, который вдохновил видение Феспедия. Феспий вернулся с сообщением о бесконечных последствиях греха в мирах за пределами чувств и о далеко идущих обязанностях земной жизни.

Переживания Тимарха в пещере Трофония должны были научить учению о существовании, помимо низших сил, родственных плотской природе, чистого интеллекта или демона, который, приходя из Божественного мира, может улавливать его голоса и передавать их смертным здесь, внизу. Тимарх спустился в пещеру Трофония и провел в ее странной темноте две ночи и один день, в течение которых ему открылось чудесное откровение мира духов.²⁷⁰⁴ Его высшая часть, освободившись от швов на голове, вышла в пеллюцидный эфир. Там не было никаких следов земного пейзажа, но вокруг него проплывали бесчисленные острова, переливающиеся цветами лазурного огня, среди тонов, доносящихся из бесплотных далей.²⁷⁰⁵ Из зияющей бездны наплывающей тьмы доносились бесконечные стенания и стоны. Невидимый проводник объяснил ему четырехчастное деление вселенной и границы ее областей. Выше всех находится сфера Единого и Невидимого. Следующая по порядку - область чистого разума, владыкой которой является Солнце. Третья - спорная земля между чистым разумом и разумным и смертным - область души, хозяйкой которой является Луна. Стикс - граница между этим лунным царством и низким миром материи, греха и смерти. Три царства под высшим соответствуют трем элементам нашей составной природы - разуму, душе и телу.²⁷⁰⁶ Эта смертная жизнь - временное и неравное партнерство Божественного разума с низшими аппетитами, уходящими корнями в плоть. Это изгнание, заточение; это также испытание высшей части человеческой природы, и выход из него приходит к ней через двойную смерть. [pg 527]

Первая, несовершенная и неполная, - это отделение души от тела в том, что люди называют смертью, отпадение грубых оболочек материи. Эта смерть находится под властью Деметры. Вторая, под опекой Персефоны, - более медленный процесс, в котором бесплотный разум, истинная вечная личность человека, окончательно освобождается от связи со страстной и чувствительной природой, которая сродни телесному организму. После первой телесной смерти все души некоторое время блуждают в пространстве между Луной и Землей. В видении Тимарха он увидел над бездной тьмы множество звезд с диковинным разнообразием движения. Одни вырывались из пропасти с прямолинейным стремительным движением. Другие колебались, отклоняясь то вправо, то влево, или, поднявшись вверх, снова погружались в бездну. Эти движения, как объяснил невидимый проводник, представляют собой различные тенденции душ, соответствующие силе или слабости духовной силы внутри них. Во всех душах есть элемент Божественного разума, но в разных натурах он по-разному смешивается с низменными элементами. В одних он полностью утопает и поглощается жизнью чувств. В других разумная часть возвышается над низшей телесной жизнью и ведет почти отдельное существование. И все же есть натуры, в которых рациональное и иррациональное начала ведут долгий и нерешительный конфликт, пока, наконец, страсти не признают своего законного хозяина и не становятся послушными небесному голосу внутри. Погибшие и безнадёжные души, восставшие на мгновение после смерти, отталкиваются от луны с яростными вспышками гнева и возвращаются в мир чувств и тлена, чтобы пройти второе рождение. Более чистые души принимаются ею для более возвышенной судьбы. В некоторых из них чистая духовная часть под действием любви Солнца освобождается от низших сил души, которые увядают и исчезают, как и тело на земле. Другие, сохраняя составную природу, хотя уже не запятанные плотью, обитают на Луне в виде демонов, но часто возвращаются на Землю с различными миссиями, чтобы вдохновлять оракулов и мистерий, спасать людей от преступлений или наказывать, помогать

борящимся на суше или на море. Но даже демоны могут лишиться своего высокого сана. Если, выполняя свои обязанности по обеспечению и оказанию помощи, они проявят гнев, благосклонность или зависть, они [pg 528] могут быть вновь низвергнуты в чистилище материальной [формы](#)²⁷⁰⁷.

Вполне возможно, что несимпатичный критик расценит такое воображаемое вторжение в невидимое как причуду беззаконной фантазии, вряд ли достойную хроники. И, как и все подобные попытки, апокалипсис Плутарха может быть легко воспринят с легкой насмешкой. Более серьезному критику он кажется порочным из-за радикальной непоследовательности. Начав с принципа абсолютно нематериальной природы бессмертной части человека, он, тем не менее, изображает его будущее существование в самых теплых тонах мира чувств. Его борьба, его мучения, его блаженство описываются в терминах, которые могут показаться подходящими только для телесной природы. Все это правда; и все же ответ, который Плутарх, вероятно, дал бы на любые подобные возражения, очень прост. Как можно вообще говорить о чистом бесплотном духе, как можно его представить, кроме как в символизме обычной речи? Утончите и утончите свой язык до предела, и он все равно сохранит ассоциации и воспоминания, пусть слабые и отдаленные, о материальном мире. Миф и символ необходимы для любого выражения человеческой мысли как о Боге, так и о будущем души. Бесконечный Дух и будущая судьба конечного существа, которое является Его ребенком, в равной степени находятся за пределами человеческого чувства и речи. Когда человеческий дух исчерпывает все свои усилия воображения, чтобы пронзить тьму мира за могилой, он находит убежище в какой-нибудь религиозной системе, которая утверждает, что имеет божественное послание и говорит тонами другого мира. Голос из вечности пришел в смятенное язычество из Египта и с Востока.

[pg 529]

ГЛАВА III

ДРЕВНЕРИМСКАЯ РЕЛИГИЯ

Хорошо известно, что со времен второй Пунической войны и до возрождения Августа старая римская религия приходила в упадок. Однако к огульным утверждениям о религиозном состоянии любой эпохи следует относиться с некоторой долей осторожности. Они часто небезопасны в отношении современного общества; тем более они должны быть осторожны в отношении общества, которое известно нам почти полностью по литературным остаткам сравнительно небольшого культурного класса. Даже в этом ограниченном кругу мы можем знать лишь мнения немногих, и почти ничего о его молчаливых членах, а тем более о чувствах его женщин и иждивенцев. Глубокая тень лежит на тех отдаленных графствах и тихих деревенских городках Самниума или Ломбардии, где характер оставался незапятнанным во времена Нерона или Домициана, и где религия Нумы долго не поддавалась карательным эдиктам Феодосия и Гонория. Лукреций, чья миссия заключалась в освобождении людей от ужасов старых латинских и этрусских суеверий, не боролся с воображаемым врагом. Мрачный энтузиазм, с которым он вступает в борьбу, показывает силу противника. Бабушка Атика и Теренция, жена Цицерона, были робкими почитателями. Среди аристократических авгуров времен Цицерона были твердо верующие в священных птиц, а Лентул, единомышленник Катилина, безоговорочно доверял оракулам [сивиллы](#)²⁷⁰⁸.

Тем не менее не приходится сомневаться, что в правящих и мыслящих кругах последнего века Республики царили скептицизм и даже открытое презрение к старой религии. Многие причины привели к упадку старой римской [pg 530] веры. Вряд ли культурный римлянин времен Сципиона Эмилиана, Цицерона и Цезаря, воевавший и путешествовавший по многим странам, изучавший их мифологию и философию, мог согласиться с верой простых крестьян Лациума, учредивших Амбарвалию и Луперкалии, приносивших внутренности собаки [Робигусу2709](#) и молоко Палесу и Сильванусу, поклонявшихся Юпитеру Феретрию под горным [дубом2710](#). С тех далеких времен Лаций подвергся многим влияниям и добавил в свой пантеон множество новых божеств. Боги Эллады стали отождествляться с богами Рима или разделять их почести. Синкретизм начал действовать в Италии за много веков до дней Плутарха и Аристиды. И старые итальянские божества, обладавшие лишь теневой индивидуальностью, без поэзии легенды, которая придавала бы им человеческий интерес, растворились друг в друге или в формах чужой мифологии. Греческая литература стала знакома образованным людям со времен Ганнибаловой войны, и такой писатель, как Еврипид, пользовавшийся огромной популярностью, должно быть, повлиял на многих тем дерзким мастерством, с которым он принизил достоинство и приглушил сияние великих фигур греческой легенды. Комическая сцена усовершенствовала этот урок. В начале второго века Энний перевел "Священную историю" Эвгемера и познакомил своих соотечественников с теорией, которая низвела Юпитера и Сатурна, Фавна и Геракла до уровня земных царей и воинов. Но греческая философия была великим растворителем веры. Системы Новой Академии и Эпикура были открыто или коварно враждебны религиозной вере. Но они не имели столь долгого и могущественного господства над римским разумом, как стоицизм, и, хотя ранний стоицизм оказывал философское покровительство народной религии, можно сомневаться, что он стимулировал веру. Между стоической доктриной и древнеримской религией действительно было определенное сходство, как и между стоической моралью и древнеримским характером. Разрешая богов с помощью аллегорий и псевдонаучных теорий в различные потенции великого мира-души, последователь Зенона, казалось, не делал особого насилия над смутными персонифицированными абстракциями старого латинского вероучения. Прежде всего, за исключением Панаэция, стоические врачи не ставили под сомнение способности к гаданию и предвидению, столь существенный элемент [pg 531] в религии Рима. Способность предсказывать будущее была естественным следствием провидения и благосклонности богов.[2711](#) Однако, хотя стоик и стремился обнаружить зародыш истины, он не скрывал своего презрения к мифологической шелухе, в которой она была скрыта, и ко многим культовым практикам.[2712](#)

Квинт Сказвола и Варро приложили все силы тонкого антиковедения и благоговения, чтобы поддержать веру предков. Но они также резко проводили границу между религией философии и религией государства. Варро дошел до того, что заявил, что народная религия была творением ранних государственных [деятелей2713](#), и что если бы эту работу пришлось делать заново, она могла бы быть сделана лучше в свете философии. Стоик Цицерон, как и Сенека после него, относился к рассказам о богах как к простому анильному суеверию.[2714](#) Вероятно, именно в таком тоне вели свои уединенные дебаты представители замечательного круга, окружавшего Сципиона и Лаэлия. Панаэций, их философский наставник, меньше, чем любой великий стоик, сочувствовал народной теологии.[2715](#) Полибий отводил мало места Провидению в делах человеческих и считал римскую религию приемом государственных деятелей, позволяющим управлять массами с помощью тайн и ужаса.[2716](#) И все же эти люди были восторженными поборниками системы, которую они считали иррациональной, но которая была освящена незапамятной древностью. Лаэлий защищал институты Нумы в речи золотого красноречия, вызвавшей восхищение Цицерона, как и Симмах пять веков спустя перед советом Валентиниана.[2717](#) Разрыв между эзотерической верой и официальной

профессией, должно быть, коварно понизил моральный тонус тех, кто был одновременно мыслителем и государственным деятелем. Такая ложная позиция поражала некоторых ораторов в теологических диалогах Цицерона, а его собственное мнение делает загадкой.²⁷¹⁸ Внешнее и утилитарное отношение к [pg 532] государственной религии едва ли обеспечивало даже пунктуальное или благоговейное соответствие в последнюю эпоху Республики. Гадания и предсказания стали просто двигателями политических интриг, и аристократический магистрат едва ли мог воспринимать предзнаменования без улыбки. Варро не мог подавить страх, что старая религия, на которую он потратил столько знаний, может погибнуть от простой небрежности.²⁷¹⁹ Знание литургических обрядов стало угасать, и Варро пришлось вспоминать имена забытых богов. Древнее священство высшего ранга оставалось незаполненным в течение семидесяти лет.²⁷²⁰ Десятки самых почтенных храмов были преданы разрушению,²⁷²¹ а о древних братствах, таких как *Titii* и *Fratres Arvales*, почти ничего не слышно на протяжении многих поколений до реформ эпохи Августа.

В рамках данной работы мы не будем подробно рассматривать тему этой великой реформы или реакции. Обычно говорят, что крутой имперский государственный деятель преследовал в первую очередь политические цели, в особенности возвышение и безопасность княжества. И уж точно Овидий, стремившийся заинтересовать своих соотечественников в возрождении религии, не проявляет особой серьезности в вопросах религии и морали. Он так же легкомысленно относится к развлечениям на Олимпе, как и к интригам в *Campus Martius* и *Circus*. Однако вполне возможно, что после ужасных оргий гражданских распри, через которые прошел римский мир, Август был убежденным представителем раскаявшегося желания вернуться на старые пути. Римский характер, сквозь все дикие отклонения судьбы, был устойчивым типом. И Август, если он и предавался в юности нечестивым утехам, напоминающим о беспутных выходках *Алкивиада*²⁷²², обладал двумя великими чертами старого римского ума - формализмом и суеверием. Он безгранично верил в сны и предзнаменования. Он не приступал к серьезным делам в Неделю.²⁷²³ Когда ему пришлось произносить погребальную речь над своей сестрой Октавией, перед трупом задержали занавес, чтобы глаза понтифика не были осквернены видом смерти.²⁷²⁴ Можно подумать, что его [pg 533] религиозное возрождение не было вдохновлено реальными религиозными чувствами. Однако нелишне напомнить, что древнеримская религия, освящая и торжествуя сцены и поступки человеческой жизни, была, по сути, формальной религией; главным был *opus operatum*. Ее задача состояла в том, чтобы отвести гнев или завоевать благосклонность тусклых неземных сил; она не была направлена прежде всего на очищение или возвышение души. Прежде всего, оно с самого начала было вплетено в структуру общества и государства. Спустя четыре столетия после того, как Август оказался в могиле, только в результате жестокого удара, причинившего бесконечные мучения даже языческим мистикам неоплатонической школы, Рим был отлучен от богов, которые на протяжении двенадцати сотен лет были хранителями и спутниками его карьеры. Алтарь Победы, который Август установил в здании Сената и перед которым двенадцать поколений сенаторов после него возносили свои молитвы за вождя государства, самый священный символ языческой империи, был снят только после яростной, упорной борьбы.

Религиозное возрождение Августа, возможно, не вызвало никаких глубоких религиозных чувств; они, как мы увидим, должны были прийти из другого источника. Но оно вдохнуло новую жизнь в официальную религию государства, которая сохранялась до нескольких лет перед вторжением Алариха. Титул Августа, который принял новый император, ассоциировался у римлян с величием Юпитера и святостью всех святых мест и торжественных обрядов.²⁷²⁵ Это было начало той теократической теории монархии, которой суждено было достичь кульминации под влиянием солнцепоклонничества в третьем

веке и распространиться в эпохи, далекие от поклонения Юпитеру или Солнцу. Хотя советы Мецената, записанные Дионом Кассием, могут быть апокрифическими, Август действовал в их духе.²⁷²⁶ Будучи триумвиром, он воздвиг святилище Исиды,²⁷²⁷ став императором, он не одобрял чужеземных культов.²⁷²⁸ Его миссией было восстановление древней религии Лациума. Он сжег две тысячи книг поддельных предсказаний, сохранив только сивиллины оракулы.²⁷²⁹ Он восстановил древние [pg 534] храмы, некоторые из них, такие как храмы Юпитера Феретрия и Юноны Соспиты, были созданы еще при Римском государстве, и призвал своих друзей сделать то же самое для других памятников преданности. Самые щедрые дары из золота и драгоценностей были посвящены в капитолийских храмах. Была восстановлена точность древних предсказаний. Древние жреческие должности, долгое время остававшиеся вакантными, были заполнены, а священные коллегии возвысились в достоинстве и богатстве.²⁷³⁰ Особое внимание было уделено тому, чтобы вернуть весталкам целомудренное достоинство, от которого они отпали на сто лет. Прежде чем занять свое место, каждый сенатор должен был совершить молитву с возлиянием ладана и вина перед алтарем. Три культа, особо связанные с судьбой Августа или его рода, - Венеры Генетрикс, Марса Ультора и Аполлона Палатинского - были возрождены с особым блеском.²⁷³¹ Император уделил особое внимание древним священным коллегиям, таким как Салии и Арвалы, которые восходят к временам гораздо более ранним, чем Республика. На фоне всех государственных забот он постоянно посещал их заседания. Опасное право кооптации было потихоньку отменено, и в конечном счете члены коллегий были обязаны своим назначением священноначалию государства.²⁷³² Коллегии стали самой любезной и почтительной поддержкой власти принца. Молитвы о его безопасности вскоре нашли место в их старинных литаниях. С некоторой долей правды было сказано, что салийцы и арвальцы, похоже, больше думают об императорах, чем о богах. В колледжах царила придворная память обо всех юбилеях императорской семьи. Братья Арвалы добились позора, похвалив Нерона по возвращении после убийства [Агриппины](#)²⁷³³, и с одинаковым пылом давали клятвы всем императорам 69 [года](#)²⁷³⁴.

Но именно благодаря главному понтификату императоры одновременно сделали больше всего для укрепления и возвеличивания своей светской власти и для продления господства старой латинской религии. Это был высший религиозный сан Древнего Рима. Коллегия, главой которой был император, как Pontifex Maximus, осуществляла верховный и всеобъемлющий контроль над всей сферой религии.²⁷³⁵ На нее возлагалась обязанность поддерживать [pg 535] исконную чистоту и точность национального культа, а также подавлять тенденции к нововведениям и принятию чуждых обрядов. Он выбирал девственниц, охранявших вечный огонь, и вершил суд над заблудшими весталками и их предателями. Он обладал особой юрисдикцией в вопросах усыновления, погребения и священных мест.²⁷³⁶ Начиная с Августа каждый император был также главным понтификом;²⁷³⁷ даже христианские принцы от Константина до Валентиниана и Валенса носили этот почетный титул в надписях и принимали понтификальные одежды.²⁷³⁸ Таким образом, императоры стремились в своих религиозных атрибутах связать себя со священной традицией Нумы и римских царей. Со временем императорский дом все больше претендовал на понтификальные почести. Нерон, действительно, был членом всех священных коллегий, а также главным понтификом.²⁷³⁹ Но вплоть до правления Веспасиана только один из "цезарей" мог принадлежать к священной коллегии. Но его сыновья Тит и Домициан до его смерти были кооптированы в понтификат и все жреческие коллегии.²⁷⁴⁰ Начиная с Адриана понтификат и все высшие сакральные почести принадлежали всем назначенным преемникам императора.²⁷⁴¹ Антонин Пий имеет на своих монетах знаки четырех жреческих коллегий.²⁷⁴² М. Аврелий стал одним из членов Салийского братства на восьмом году жизни,²⁷⁴³ а в девятнадцать лет был принят во все коллегии.²⁷⁴⁴ Коммод

достиг тех же священных почестей еще до того, как принял тогу,²⁷⁴⁵ а еще через пять лет стал Pontifex Maximus. Так глубоко политика Августа проникла в сознание его преемников. Неудивительно, что никогда в великие времена Республики формы древней религии не соблюдались так скрупулезно, как в царствование Аврелия.²⁷⁴⁶

Частные мнения после августовского возрождения сильно разнились в вопросах веры. Такие люди, как старший Плиний и Сенека, насмеялись над антропоморфной религией. Такие люди, как Ювенал и Тацит, придерживались колеблющегося мнения и, вероятно, отступали от веры. Другие, как Суетоний, были жадными коллекционерами каждого клочка чудесного. Императоры, сменившие [pg 536] Августа, были, за исключением Нерона, верными сторонниками и защитниками государственной религии. Тиберий, хотя лично и не заботился о религии, проявлял скрупулезное уважение к древним обычаям, пополняя древние жреческие коллегии и оберегая сивиллины от интерполяций.²⁷⁴⁷ Он также неодобрительно относился к импортированным из Египта обрядам.²⁷⁴⁸ Клавдий, одновременно педантичный и суеверный, возродил почтенные обряды времен Тулла Гостилия, и, когда злосчастная птица прилетела в храм Юпитера, император, как верховный понтифик, произнес перед собравшимся народом торжественную речь об искуплении.²⁷⁴⁹ Нерон и неронские соперники за империю в ожесточенном конфликте, последовавшем за его смертью, действительно, часто, хотя и не всегда, пренебрегали древними обрядами, но все они были рабами суеверия.²⁷⁵⁰ Флавианы и Антонины были религиозными консерваторами в духе Августа. Есть памятник Веспасиану 78 года н. э. как "восстановителю храмов и общественных церемоний".²⁷⁵¹ Восстановление Капитолия, сгоревшего во время гражданской войны, было одной из первых задач его правления. И эта церемония произвела такое впечатление на воображение юного Тацита, что он с тщательной тщательностью записал величественный и точный ритуал старого времени, который соблюдал император²⁷⁵². Домициан продолжил реставрацию в еще более пышных масштабах; он был почитателем Минервы и строгим защитником старых аскетических религиозных законов.²⁷⁵³ Император Адриан, чей характер представляет собой загадку контрастов, если судить по его последнему знаменитому jeu d'esprit на смертном одре, вероятно, умер скептиком. Однако его биограф говорит нам, что он был внимательным хранителем древнего ритуала.²⁷⁵⁴ Архаистическая мода на литературный вкус, начавшаяся в I веке и достигшая кульминации в правление Адриана, благоприятствовала и гармонировала со скрупулезным соблюдением древних форм в религии.²⁷⁵⁵ Гений одного слишком рано ушедшего из жизни человека сделал больше, чем легион исторических критиков, чтобы изобразить нам печальное, покорное благочестие духа эпохи Антонинов, пропитанного философией, которая [pg 537] сделала миг яркого художественного восприятия великим концом жизни, но все еще инстинктивно, с древнеримской любовью к незапамятным формам во время сбора урожая или ежегодного приношения умершим членам семьи.²⁷⁵⁶ Безрадостное отрицание Эпикура и столь же увядающая теология стоиков не могли ослабить в римских сердцах чары родовых чувств, которые теснились вокруг склепа у серого старинного дома рода, глядящего на Тирренское море, или благоговение перед древней рощей или источником, священным для Сильвануса и нимф, или спокойную, незлобивую радость от ритуала, в котором каждое действие было продиктовано любовью к церемониальной чистоте и точности и напоминало о незапамятном прошлом. В такой семье и в такой атмосфере выросли два великих Антонина. Первый, который был прежде всего честным деревенским джентльменом, любил охоту, рыбалку и веселый сбор винограда в Лориуме, никогда не отказывался от всех положенных жертвоприношений, если только не был болен. На его монетах изображены легенды о младенчестве Рима.²⁷⁵⁷ Еще в детстве Аврелий славился знанием римских ритуалов. Зачисленный в коллегию салиев на восьмом году обучения, он исполнял все священные обряды с совершенным самообладанием, декламируя по памяти, без чьей-либо

диктовки, каждое слово древней литургии, которая в его поколение стала почти нечленораздельной.²⁷⁵⁸ В ужасе перед нашествием маркоманнов он задержал свой отъезд на место войны, чтобы созвать вокруг себя всех жрецов; он приказал очистить город торжественно и благопристойно, не исключая даже обрядов чужих земель; и в течение семи дней изображения богов пировали на своих кушетках по всем [улицам](#)²⁷⁵⁹.

Императоры, начиная с Августа, считали религию мощным союзником суверенитета, а пример повелителя мира - огромной силой. Однако можно усомниться, что в вопросе религиозного консерватизма императоры скорее следовали за общественным мнением, чем вели его за собой. Богов в те времена создавали наперечет; апофеоз витал в воздухе со времен Нерона до времен Севери. Петроний, с преувеличением, имеющим под собой определенную основу, утверждает, что в Кротоне можно было с большей готовностью набрести на бога, чем на человека.²⁷⁶⁰ [pg 538] старшего Плиния использует почти такую же силу языка. Ворчун Лукиан возмущенно жалуется на моду, по которой древних богов Олимпа затмевают божественные изгои всех времен. И, как мы увидим в дальнейшем, надписи свидетельствуют об огромной пропаганде поклонений, по тону и духу явно враждебных старой религии латинской расы. Однако надписи также показывают, что старым богам действительно было мало чего бояться от новых. Изучение указателя почти к любому тому Корпуса убедит студента в том, что троица Капитолия - Юпитер, Юнона и Минерва, Геркулес и Сильван, нимфы, Семо Санкус и Деа Диа, Марс и Фортуна - далеко не пренебрегаемые, были популярны как никогда.²⁷⁶¹ В эпоху растущего монотеизма царь богов, конечно, все еще занимал свое прежнее место. Юпитеру поклоняются под многими именами; его часто объединяют или отождествляют с каким-нибудь провинциальным божеством древней славы.²⁷⁶² Но Юпитер - везде. Повелитель грома и бури имеет святыни на высоких перевалах Апеннин или Альп,²⁷⁶³ а солдаты или путешественники оставляют памятники своей благодарности за его защиту во время опасных путешествий.²⁷⁶⁴ Женщины кампанских городов идут в процессиях, чтобы просить его послать дождь.²⁷⁶⁵ Антонин Пий построил храм Юноне Соспите в Ланувии, где у богини была священная роща и поклонение великой древности.²⁷⁶⁶ Квинкватрии Минервы с особым почетом отмечались не только Домицианом, но и многочисленными и влиятельными классами, которые пользовались ее божественным покровительством, врачами и художниками, ораторами и поэтами.²⁷⁶⁷ Некоторые из старых латинских божеств, кажется, даже выросли в популярности во времена ранней империи. Геркулес, бог изобилия, сильной правды и доброй веры, чья легенда переплетается с самыми почтенными именами римской истории, имеет свои алтари и памятники повсюду.²⁷⁶⁸ Сочетая со своим родным латинским характером поэтический престиж своего брата из греческой легенды, он стал символом мирового [pg 539] завоевания, и в конце концов был связан с триумфом "непобедимого" Митры. Его изображение отчеканено на монетах некоторых императоров. Септимий Север, Каракалла и Диоклетиан считали его своим великим божественным покровителем и образцом.²⁷⁶⁹ Сильван, бог первобытного леса, а когда лес отступил, бог пастуха и земледельца, хранитель границ, приобрел странную популярность в эпоху городов. Однако иногда мы забываем, что это была эпоха, в которой также существовала очаровательная деревенская жизнь. Один римский кавалерийский офицер в Британии оставил воспоминание о своей благодарности Сильвану за поимку дикого кабана непревзойденных размеров и силы,²⁷⁷⁰ который долго не поддавался охотнику. В одном из лесных кантонов Альп прокуратор императорских владений в красивых стихах выразил свою благодарность богу дикой природы, чей образ был запечатлен в развилке священного ясеня.²⁷⁷¹ Это запись многих дней, проведенных на одиноких лесных тропах, в сочетании с молитвой о благополучном возвращении на италийские поля и в сады Рима. Нимфы и речные боги пользовались всеми своими старыми почестями. Во времена Плиния на берегах Клитумна выросли часовни и общежития, где

верующие легко совмещали удовольствие с религиозным долгом. Нимфы получали благодарности за открытие скрытых источников или за возрождение давно высохшего фонтана.²⁷⁷² Эскулапий, который был натурализован в Италии с начала III века до н.э., занял ведущее место в эпоху Антонинов. Был ли это "век валетудинариев", как было сказано, можно сомневаться; но это был век, жаждавший здоровья, которое так часто приходит со спокойным умом. Что бы мы ни думали о силе старых олимпийцев, благотворное влияние бога Эпидавра не подлежит сомнению. За 300 лет до нашей эры он был призван в Рим и поселился на острове в Тибре, где в течение многих веков дарил свою помощь в снах. Его поклонение распространилось далеко и широко, и он был одним из последних, кто поддавался натиску церкви.²⁷⁷³

Непоколебимость старой религии, возможно, [pg 540] еще ярче проявляется в долгой непрерывной жизни священных коллегий, таких как Салии и Братья Арвалы. Арвальское братство было, вероятно, древнейшей священной корпорацией Лациума, поскольку его литургия, сохранившаяся в Актах от правления Августа до правления Гордиана, является древнейшим образцом латинского языка.²⁷⁷⁴ Согласно легенде, первыми его членами были двенадцать сыновей Акки Ларенции, приемной матери Ромула, а сам Ромул сначала носил титул магистра братства.²⁷⁷⁵ Его богиня-покровительница, Деа *Диа*²⁷⁷⁶, была, как следует из самого ее имени, одним из тех тусклых теневых представлений, которые были дороги древнеримскому благоговению; ей поклонялись в тихом уединении древних рощ, по стволам которых никогда не звенел железный *топор*²⁷⁷, силе, столь же неуловимой и многообразной для изобразительной фантазии, как тайные силы, которые поднимают из борозды кукурузный колос. Весь тон античного ритуала напоминает о том времени, когда латинская раса была племенем земледельцев, простодушно веривших, что ежегодный прирост их полей зависит от благосклонности тайных неземных сил. Собрания коллегии проходили три дня в мае, точные даты были определены и торжественно объявлены их хозяином 3 января.²⁷⁷⁸ Праздник начинался и заканчивался в доме хозяина в Риме, а промежуточный день проводился в священной роще на правом берегу Тибра, примерно в четырех милях от города. Было много пиров, на которых присутствовали братья Камилли, четверо сыновей высокородных сенаторов. Кукурузу нового и предыдущего года трогали и благословляли; богине приносили возлияния и фимиам, и все обряды совершались с многочисленными переменами костюмов, которые неукоснительно соблюдались.²⁷⁷⁹ Во время церемоний, проходивших в роще, всегда приносилась искупительная жертва из двух свиней и белой коровы, чтобы искупить использование любого железного орудия или другое нарушение древнего ритуала.²⁷⁸⁰ Жирные ягнята приносились в жертву Деа Диа, а на алтаре стояли древние глиняные сосуды грубой работы, напоминающие сосуды эпохи Нумы.²⁷⁸¹ Кукурузные колосья, сорванные на соседнем поле, [pg 541] благословлялись и передавались из рук одного члена в руки другого, а затем в обратном порядке, и, наконец, в закрытом храме, наряду с торжественными танцами, с древних свитков звучали знаменитые песнопения, слова которых давно стали незнакомы даже антиквару. После очередной трапезы в зале братства его члены переходили в цирк и давали сигнал к началу *скачек*²⁷⁸².

Об этом ритуале, о котором так мало было слышно до эпохи Августа, мы знаем главным образом из Актов, найденных на месте древней рощи. Памятники о нем относятся ко времени правления Августа и заканчиваются 241 годом н.э.²⁷⁸³ В его списках фигурируют представители высшей аристократии и принцы императорского дома. Членство в коллегии было высоким отличием, и иногда оно присваивалось по настоятельной рекомендации императора.²⁷⁸⁴ Коллегия, очевидно, стала большой поддержкой императорской власти.

Императоры избирались магистрами Коллегии, и мы можем прочитать, что на ее заседаниях присутствовали Калигула, Нерон, Веспасиан и Тит. В первые дни января по старой римской моде даются самые торжественные обеты за безопасность императора, Юпитеру, Юноне и Минерве, Салусу и Деа Диа, и они должным образом оплачиваются подношениями быков с позолоченными рогами.²⁷⁸⁵ Братство было настолько подневольным или настолько преданным трону, что их молитвы с одинаковым пылом возносились за трех императоров в ужасном 69 году н.э.²⁷⁸⁶ Клятвы, данные за Гальбу в первую неделю января, были с готовностью перенесены на дело Оттона на следующий день после убийства Гальбы.²⁷⁸⁷ Коллегия собралась для жертвоприношения в честь понтификата Оттона в тот день (14 марта), когда он отправился навстречу своей гибели в битве на По. Через тринадцать дней после его смерти, когда весенний воздух еще был омрачен гниющими кучами на равнине Бедриакума, Вителлию были даны столь же пылкие и столь же политичные клятвы. Летом следующего года прибытие Веспасиана в столицу братья Арваль отпраздновали жертвоприношениями Юпитеру, Юноне, Минерве и Фортуне Редукс.²⁷⁸⁸

Коллегия, как само собой разумеющееся, воздавала должные почести дню рождения императора и всем важным юбилеям в его [pg 542] семье. Интересно, что на протяжении многих лет во всех записях коллегии фигурирует нероновский кружок, Отос и Вителлий, а также Валерии и Корнелии.²⁷⁸⁹ Он, очевидно, был посвящен Нерону. Братья празднуют его день рождения и все гражданские и сакральные почести, воздаваемые ему.²⁷⁹⁰ Они дают обеты за его жену Октавию, а вскоре после этого - за безопасность Поппеи во время родов. Матрицид боялся возвращаться из Кампании после своего противоестественного преступления, но его поклонники хорошо знали, как унижена римская аристократия, и обещали ему восторженный прием. Арвальское братство, в которое тогда входили Регул и Меммий, искупило это обещание и принесло дорогостоящие жертвы за его благополучное возвращение в столицу.²⁷⁹¹ Они осуждают тайные заговоры против его священной особы и благодарят за раскрытие заговора Пизонов.²⁷⁹²

Сохранившиеся молитвы и поздравления за безопасность Веспасиана гораздо более тихие и сдержанные, чем за его жестокого сына Домициана.²⁷⁹³ Народная радость по поводу благополучного возвращения Домициана после двусмысленных побед в Германии или Дакии верно повторена, и записаны горячие мольбы за его безопасность от всех опасностей и за вечность империи, пределы которой он расширил. Более искренние тона звучат в молитвах весной 101 г. о благополучном возвращении Траяна, когда он отправлялся в свой первый поход на Дунай, и о его возвращении домой четыре года спустя.²⁷⁹⁴ Арвальские записи о правлении Адриана заслуживают внимания прежде всего благодаря его письмам в коллегию, в которых он рекомендовал своих друзей для избрания.²⁷⁹⁵ В правление Антонина Пия в Актах регистрируются те пылкие аплодисменты, которые встречаются нам в поздних августовских историях:²⁷⁹⁶ - "O nos felices qui te Imperatorem videmus; Di te servent in perpetuo; juvenis triumphis, senex Imperator!" Молодой Аврелий впервые упоминается в 155 г. н. э. Вероятно, самым искренним изречением в арвальских литургиях является прошение о его безопасности и безопасности Л. Вера в те годы, когда Квади и Маркоманны пронеслись через Рецию и Юлийские Альпы к берегам Адриатики.²⁷⁹⁷

[pg 543]

Таким образом, античный ритуал деревенского братства был превращен в мощную поддержку императорской власти. Ни одна часть августовского возрождения, пожалуй, не была столь успешной. Вероятно, мало кто из императоров или братьев-аристократов, произносивших литанию за безопасность императорского дома, верил в ее действенность. Но церемония связала князя с самыми почтенными традициями Лациума, а Ромула - с

первым магистром коллегии. Когда мы читаем подробные и официальные записи этих грубых жертвоприношений и грубых, фантастических обрядов, с пением молитв, которые уже не понимают, мы поражаемся тому, как на протяжении стольких веков сохранялись религиозные идеи, которые римский разум, казалось бы, должен был перерасти. Однако в подобных исследованиях часто возникает опасность рассматривать общество как однородную массу, движущуюся по одним и тем же линиям и пронизанную через все свои слои одними и теми же влияниями. В другой главе мы показали, что массы, вероятно, никогда не были столь суеверны, как во втором веке. И самое удивительное, что наплыв чужеземных религий, вызванный широкими завоеваниями Рима, так и не смог до конца поколебать верховную привязанность народа к своим древним богам. Правда, дрейф в сторону монотеизма ощущался даже среди толпы. Но если образованные люди могли найти выражение этой тенденции в поклонении Исиде или Солнцу, то смутный монотеизм народа обратился к прославлению Юпитера. Посвящения ему наиболее многочисленны во всех странах. Его часто связывают с другими богами или со всеми богами,²⁷⁹⁸ но он всегда остается верховным. И хотя он повелитель бури и грома,²⁷⁹⁹ к нему также обращаются с эпитетами, которые показывают, что он становится моральной и духовной силой. На многих камнях он изображен как правитель и хранитель всего сущего, наблюдатель, опекун и небесный покровитель, высший и лучший в небесной иерархии.²⁸⁰⁰ Однако не менее очевидно, что другим богам поклонялись в том же духе, что и в древности. Римская религия была по сути своей практичной. Молитвы и обеты были средством получения мирских благ. От богов ожидалось, что в обмен на поклонение они будут полезны для верующего. Из надписей видно, что такая концепция религии была столь же [pg 544] распространена в эпоху Антонинов или восточных принцев, как и при Республике. Моряк все еще благодарит Нептуна и морских богов за свое спасение.²⁸⁰¹ Удачливый торговец все еще чтит Меркурия.²⁸⁰² Минерва Мемор получает благодарность за помощь в болезнях. Одна дама из Плаценции даже дает обеты за восстановление своих волос.²⁸⁰³ Повторное появление скрытого источника все еще приписывается милости нимфы.²⁸⁰⁴ И во многих храмах целительная сила Эскулапия признается благодарными почитателями.²⁸⁰⁵

Более сложную проблему представляет отношение культурного класса к старым мифологиям. Со времен Ксенофана и Платона философия восставала против унижения Божественного характера древними легендами. Она веками учила единству таинственной Силы или Добра, которые скрываются за изменчивой сценой чувств. Более того, философия на протяжении многих поколений покидала вершины умозрительных изысканий и решала задачу применения духовных истин, добытых в школах, к проблемам практической религии и человеческой жизни. И у Цицерона, и у Сенеки, и у Плутарха, и у Аврелия существуют представления о Боге и полагающемся Ему поклонении, о молитве, о связи поведения с религией, которые кажутся непримиримыми с соответствием старой религии Рима. Как может человек, вскормленный на таких духовных идеях и утонченный тысячелетней культурой, принимать участие в грубом материалистическом поклонении, да еще и галантно защищать его от всех нападок?

Соответствие высокообразованных умов древним системам, которые их разум перерос, не всегда можно объяснить легким обвинением в нечестности. И это объяснение еще менее приемлемо в древности, чем в современности. Римская религия не требовала исповедания веры в какую-либо теорию о невидимом; все, что она требовала, - это церемониальная чистота и точность. И римский мир никогда не скандалил от вида отъявленного скептика или распутника, занимающего пост главного понтифика. Если же человек сам был более щепетилен, ему на помощь приходила философия, будь то паперть или академия. Она рассказывала ему, что хрупкое [pg 545] человечество, неспособное постичь Бесконечного

Бога, расчленило и отделило от него различные силы и добродетели, которые оно обожествляло под материальными формами в соответствии со своими разнообразными [потребностями](#)²⁸⁰⁶. Или же он находил место для всех языческих богов, как служителей или духов-посредников в огромной бездне, отделяющей нас от неприступного и бесконечного Духа.²⁸⁰⁷ Если легенды, которые собирались вокруг популярных богов, оскорбляли нежное нравственное чувство, людей учили, что кажущаяся грубость была аллегорической шелухой или причудой поэтической фантазии, скрывающей полезную истину. Таким образом, пантеиста или монотеиста, который никогда бы не создал для себя подобную религиозную систему, учили культивировать двойное "я" в вопросах религии, благоговейно поклоняться вместе с толпой и верить вместе с Зеноном или Платоном.

Поборник язычества в диалоге Минуция Феликса утверждает, что в тусклости и неопределенности вещей самый безопасный путь - держаться богов наших отцов.²⁸⁰⁸ Склонность скептика была укреплена консервативным инстинктом латинской расы и ее любовью к прецедентам и точности форм. Кроме того, религия Нумы, вероятно, как никакая другая, была вовлечена и переплетена со всей жизнью народа. Она пронизывала всю ткань общества; она освящала и возвышала каждую общественную функцию, каждый акт или случай частной жизни. Отказаться от древних богов означало отрезать себя от римского общества, что сурово чувствовали христиане. В современном христианстве ни одна церковь, вероятно, никогда не добивалась такого успеха в отождествлении себя с национальной жизнью во всех ее аспектах. Как при Республике, так и при Империи религия была неотделима от патриотизма. Имперский понтифик был обязан следить за чистотой и преемственностью латинских обрядов. Он мог быть насмешником, как Нерон, или духовно настроенным стоиком, как Аврелий, исихастом, как Коммод, или приверженцем сирийских культов, как восточные принцы III века. Но он серьезно относился к своим обязанностям. Он танцевал с салийцами, [pg 546] или с благодарностью принимал магистерство Арвальского братства, или приказывал провести лектистернию, чтобы отвратить мор или угрожающее вторжение. Императорские коллегии все еще проводили свои собрания накануне революции Феодосия. Античные вельможи все еще обсуждали приятные вопросы ритуала в царствование Гонория. В конце V века Луперкалии все еще праздновались с грубыми, полудикими обрядами, восходящими к доисторическим временам.²⁸⁰⁹ Имперская политика, основанная Августом, несомненно, во многом вдохновляла этот конформизм. Но старые римские чувства, страсть, с таким трогательным красноречием выраженная Симмахом, ощущать связь с далеким [прошлым](#)²⁸¹⁰ через цепь непрерывной преемственности, были главной опорой государственной религии в четвертом веке, как и в первом. И все же среди крупных вельмож, которые были ее последними поборниками - Флавианов, Претекстатов или Волузианов, - существовала духовная жажда, которую религия мало удовлетворяла. Они искали ее в обрядах и мистериях восточных земель, которые имели мало общего со старыми римскими религиозными чувствами. В этих чуждых обрядах они находили новую религиозную атмосферу. Священник, отделенный от мира, с его пожизненными обязательствами и ежедневными службами в храме, становится в некотором роде служителем духовной жизни своей паствы. Вместо холодного соблюдения церемоний пробуждаются экзотические эмоции, часто до такой степени, что это опасно для характера. Через ряд таинств, с аскетической подготовкой к ним, верующий под руководством священника поднимался к некоему видению вечного мира, с новым представлением о грехе; эта жизнь и следующая были связаны в моральной последовательности, с огромными вопросами бесконечного блаженства или бесконечной деградации. В храме Magna Mater, Исиды или Митры в царствование Юлиана мы далеки от поклонения Ларесу и принесения телицы в жертву Деа Диа в роще на Тибре. Мы движемся к духовной тайне и сакраментальным утешениям средневековой церкви.

ГЛАВА IV

МАГНА МАТЕР

Самым ранним захватчиком с Востока трезвой благопристойности древнеримской религии и почти последним, кто уступил, была Магна Матер из Пессина. Нет ни одного языческого культа, который С. Августин и многие отцы до него осуждали бы с таким возмущенным презрением, как ее.²⁸¹¹ И действительно, старые римляне, принадлежавшие к культурному классу, долгое время относились к ней с подозрением. На протяжении многих поколений после ее приема на Палатине ни одному римлянину не разрешалось поступать на ее официальную службу. Но было что-то в этом шумном и кровавом ритуале и в жестоких, аскетических жертвах его почитателей, что оказывало неодолимую власть на воображение вульгарных людей; и даже Лукреций испытывал определенный воображаемый трепет перед увенчанной башней фигурой, запряженной львами и обожаемой городами многих стран²⁸¹². Варро, который, вероятно, не питал особой любви к неримским ритуалам, нашел место для фригийской богини в своих *théodicée*.²⁸¹³ Ее крещение кровью в *taurobolium* было обрядом столь странного чарующего влияния, что понадобилась вся сила христианской империи, чтобы отменить его. А на многих последних надписях IV века величайшие имена римской аристократии оставляют запись о своем очищении в любопытной фразе *renatus in aeternum*.²⁸¹⁴ В юности С. Августин видел, как по улицам Карфагена проходили процессии женоподобных фигур с капающими локонами, раскрашенными лицами и мягкой женской походкой, просящих милостыню у толпы. Его ужас при воспоминании об этой сцене, вероятно, проистекает почти [pg 548] столько же из мужественных инстинктов римлянина, сколько из отвращения христианского моралиста к развращающему суеверию.²⁸¹⁵

Но С. Августин хорошо знал силу этого суеверия. Более 600 лет Великая Мать была возведена на престол на Палатине; более 300 лет она пленяла самые отдаленные провинции Запада.²⁸¹⁶ В ужасе Второй Пунической войны, в 204 году до н. э., она была вызвана торжественным посольством из своего первоначального дома в Пессине в Галатии. Повинуясь сивиллиному повелению, римские юноши с чистыми руками вместе с римскими матронами приветствовали ее в Остии.²⁸¹⁷ Корабль, который вез ее вверх по Тибру,²⁸¹⁸ когда он сел на мель, был отправлен вперед, чтобы подтвердить ее оклеветанную добродетель прикосновением девственницы из дома Клавдиев.²⁸¹⁹ Постановлением сената в 191 г. до н. э. странная богиня обрела дом на Палатине, рядом со святилищем Аполлона, и был учрежден великий апрельский праздник Мегалеса.²⁸²⁰ Но чужеземный характер культа сохранялся еще долго. Это было время, когда страсть к религиозному возбуждению витала в воздухе и когда ее эксцессы приходилось сдерживать всеми силами государства. Ни одному римлянину не разрешалось принимать фригийское жречество в течение столетия после пришествия Великой Матери.²⁸²¹ Но к концу Республики богиня захватила все воображение, и ее жрецы и символы встречаются нам у всех поэтов великого века.²⁸²² Август восстановил ее храм; некоторые из его вольноотпущенников были среди ее жрецов;²⁸²³ Ливия изображена с короной башен на челе.²⁸²⁴ Затем наступил долгий промежуток времени, до смерти Нерона, в течение которого о фригийской богине почти не слышно.²⁸²⁵ С приходом Флавиев восточные культы наконец вступили в долгое и неоспоримое царствование. Веспасиан восстановил храм Великой Матери в Геркулануме,

который был разрушен [pg 549] землетрясением.²⁸²⁶ В правление Траяна ее поклонение проникло на Испанский полуостров,²⁸²⁷ и она, наряду с другими восточными божествами, встречается в городах новой провинции Дакии.²⁸²⁸ Первые проблески тавроболиума появляются до середины II века, и богиня появляется на монетах Антонина [Пия](#)²⁸²⁹. Тавроболиум для этого императора был предложен "с намерением" в Лионе в 160 г. н.э.²⁸³⁰, и есть несколько посвящений Magna Mater в то же время, сделанных коллегиями дендрофоров в Остии.²⁸³¹ Тертуллиан рассказывает, как верховный жрец Кибелы тщетно предлагал свою кровь за безопасность Аврелия, через семь дней после того, как император умер в своих покоях на Дунае.²⁸³² В рамки нашего исследования не входит проследить огромную популярность этого культа при князьях III века. Это был период великого триумфа духовных сил Востока. В конце четвертого века Великая Мать и Митра оказались в центре языческого сопротивления религиозной революции Феодосия и его [сыновей](#)²⁸³³.

Поклонение Кибеле, пришедшей из тех же регионов, что и троянские предки Рима, поначалу было патрицианским культом.²⁸³⁴ Члены самых гордых домов принимали участие в том, чтобы она заняла место в римском пантеоне.²⁸³⁵ Однако, как мы уже видели, римлянам на протяжении многих поколений запрещалось записывать себя в ее женоподобное жречество. По странному противоречию чувств, люди были очарованы ритуалом, но презирали его участников. Легенда, которую стоики и неоплатоники интерпретировали как полную физического или метафизического [смысла](#)²⁸³⁶, содержала также элементы человеческого интереса, которые привлекали массы, всегда жаждущие эмоционального возбуждения. Любовь Великой Матери к прекрасному юноше, его неверность и покаянное членовредительство под сосной; страстная скорбь по утраченной любви, а затем восстановление самодельной жертвы, вечно сопровождаемой хором жрецов, принесших [pg 550] такую же жестокую [жертву](#)²⁸³⁷ - все это, столь чуждое древнеримским религиозным чувствам, в конце концов одержало победу над ними новизной и трагическим интересом. Легенда была переработана в драму, которая на весеннем празднике богини была поставлена с поразительным, если не сказать художественным, эффектом. В первый день дендрофоры несли в храм священное дерево, увитое фиалками. Затем наступал перерыв на день, а на третий жрецы с неистовыми жестами и всклокоченными волосами предавались дичайшему трауру, нанося себе на руки и плечи раны, из которых потоками текла кровь. Эти самоистязания сопровождалась суровым постом. Затем наступила полная смена ощущений. В день, называемый Иларией, почитатели предавались экстазам радости, празднуя восстановление Аттиса. В последний день праздника торжественная процессия направилась к ручью Алмон, чтобы искупать богиню в его водах.²⁸³⁸ Священный камень, привезенный из ее дома в Азии, и самый священный символ поклонения, завернутый в одежды, везли на повозке с песнопениями и музыкой, с тем грубым, неприкрытым натурализмом, который так часто шокирует и удивляет нас в языческом ритуале, пока мы не проследим его до истоков.

Правительство долгое время относилось к культу Кибелы как к иноземному поклонению.²⁸³⁹ Название ее великого праздника - греческое. Однако еще до конца Республики римляне были зачислены в жреческие и священные коллегии, а длинные списки этих официальных приверженцев можно почерпнуть из надписей императорского периода. Архигаллус, или верховный жрец, часто появляется на италийских и провинциальных памятниках. Его можно встретить в Мериде, Капуе, Остии и Лионе, в Нумидии и Португалии.²⁸⁴⁰ Он, должно быть, исполнял свою роль на многих тавроболиях, увенчанный лавровыми венками, в митре, с кольцами в ушах и нарукавниками, с изображением Аттиса на груди.²⁸⁴¹ Имена рядовых священников многочисленны, от вольноотпущенника из дома Августа до великих вельмож времен правления Феодосия и Гонория.²⁸⁴² Священство иногда было пожизненным или

многолетним. [pg 551] Жрец в Салоне в Далмации исправно исполнял священные обязанности в течение семнадцати лет.²⁸⁴³ Женщины, естественно, допускались к жречеству культа, главным интересом которого были любовь и горе женщины. Иногда это были скромные вольноотпущенницы с греческими именами, иногда они носили самые гордые имена римской аристократии.²⁸⁴⁴ Дендрофоры, которые в праздничные дни несли священное дерево, составляли религиозную коллегию, и их записи встречаются на многих памятниках италийских и провинциальных городов - Комо, Остии и Кумы, Кесарии (Афр.), Валентии и Лиона.²⁸⁴⁵ Другими коллегиями были каннофоры и чернофоры, хранители мистических символов.²⁸⁴⁶ Певчие, барабанщики и цимбалисты были незаменимы во время больших церемоний, таких как тавроболиум,²⁸⁴⁷ и были расположены по рангам. В более низкой степени это были вергеры и аппариторы, которые следили за часовнями богини.²⁸⁴⁸ И, наконец, простые поклонники, которые также объединялись в гильдии, со всеми обычными должностными лицами таких корпораций. Этот культ, как и многие другие, существовал не только для церемониальных обрядов, но и для общения и социального возбуждения, и, благодаря многочисленным грациям религиозных привилегий, он должен был привлечь огромное количество людей к священному служению во времена империи.

Но страницы Апулея и другие источники показывают нам, что, помимо официального духовенства и членов коллегий, существовала, как это случается со всеми народными религиями, масса нелегализованных последователей и просто неблаговидных бродяг, которые использовали имя Великой Матери, чтобы использовать невежественную преданность и религиозную возбудимость деревенского народа. Роман Апулея, как предположил доктор Махаффи, вероятно, заимствован из более ранних источников и приукрашен для того, чтобы удовлетворить развратные вкусы деградировавшего общества.²⁸⁴⁹ Однако его картины деревенской жизни в Фессалии, хотя они, возможно, не всегда точны с местной точки зрения, вряд ли могут быть чисто фантазийными. Сцены, возможно, не всегда фессалийские, но то, что они в основном правдивые картины деревенской жизни в эпоху Антонинов, можно доказать на основании других авторитетов. Апулей был слишком осторожным художником, чтобы полностью оторвать себя [pg 552] от реальной жизни своего времени. И что это за картина! Воздух прямо-таки трепещет от демонического ужаса и силы. Ведьмы и развратные колдуны в изобилии; одинокий трактир со своими странными соблазнами; одинокий деревенский домик со своей трагедией незаконной любви или целомудренной преданности мертвым. Разбойники в горных дебрях делят добычу и обсуждают планы будущих незаконных приключений. Горные уединения, одинокие деревни или замки среди лесов пробуждаются от воя гончих, которые выгоняют кабана из его логова, а неверный предатель отдает на милость своего друга. Мы встречаем странствующего торговца сыром и благородного изгнанника, направляющегося в Закинф. Мы наблюдаем за набегом на дом банкира в Фивах и за тем, как крестьяне натравливают своих собак на проходящего мимо путника; за наглостью странствующего легионера; за ужасами рабской тюрьмы с ее истощенными, голодными и заклепанными формами; за похождениями пышнотелых жен, за комическим сокрытием и разоблачением любовников в манере Боккаччо. Можно с уверенностью сказать, что мерзость и суеверие, изображенные Апулеем, легко могут найти параллель на римской сцене или на страницах Марциала.

Во всей этой социальной панораме, романтической, забавной или отвратительной, нет более отталкивающей и, вероятно, более правдивой сцены, чем та, в которой появляются странствующие жрецы сирийской богини. Это божество, как и многие другие восточного происхождения, часто отождествлялось с Великой Матерью. Апулей, вероятно, спутал их; обряды их поклонения часто были одинаковыми, и картина у Апулея может быть принята за изображение оргий многих странствующих отрядов исповедуемых почитателей Великой

Матери в эпоху Антонинов.²⁸⁵⁰ Предводитель - старый евнух с дикими растрепанными локонами - человек самых низменных нравов, носящий с собой изображение богини и взимающий подаяние с суеверных деревенских жителей. Его сопровождает достойная его команда - жалкие люди, оскверненные всеми худшими пороками древнего мира и бесстыдно демонстрирующие свою деградацию. Но с этой дикой развязностью они сочетают пронизательный взгляд на бизнес. Они знают все искусства, чтобы привлечь внимание толпы клоунов, чья серая скучная жизнь и врожденное суеверие заставляют их жаждать любого зрелища, которое опьянит их новизной бурных ощущений. Эти [pg 553] люди находятся на том уровне, где похоть и страсть к крови и страданиям легко уживаются с религиозным возбуждением. После ночи моральных ужасов нечистая братия в разных костюмах отправляется на поиски щедрот в сельской местности. С раскрашенными щеками, в белых или желтых одеждах, пересеченных пурпурными полосами, с обнаженными до плеч руками, с мечами или топорами, они дико пляшут под звуки флейты.²⁸⁵¹ С непристойной жестикуляцией и нестройными воплями они безумно кусают свои руки или режут их ножами. Один из группы, словно охваченный особым вдохновением, задышавшись и пытаясь под дурманом, выкрикивает признание в каком-то грехе против святых обрядов и требует наказания от своих собственных рук.²⁸⁵² Жестким узловатым бичом он терзает себя, а кровь льется потоками. Наконец жестокое безумие истощает себя и получает вознаграждение в виде подношений зрителей. Мука и сыр, молоко и вино, медные и серебряные монеты охотно сыплются на самозванцев и так же охотно собираются.²⁸⁵³ Удивленные страшными оргиями порока, негодяи вынуждены наконец отступить перед возмущенным нравственным чувством жителей деревни. Они бегут ночью, а на следующий день снова находят удобное пристанище в доме одного из жителей, преданного служению богам и не замечающего самозванства их служителей.²⁸⁵⁴

Эпизод с Апулеем наводит на любопытные мысли о моральном воздействии этих эмоциональных культов. То, что на ранних стадиях они не оказывали возвышающего морального влияния, - более того, их приверженцы могли сочетать строгое следование обрядам с большой распушенностью жизни, - совершенно точно. Делиас и Синтиас поэтов, соблюдавшие посты Исиды, точно не были образцами добродетели. Принятие тонзуры и льняной одежды таким развратником, как Коммод, не успокаивает нас. И все же принцы с высоким характером во втором и третьем столетиях одаривали восточные культы ликом императорской власти.²⁸⁵⁵ А в последние годы [pg 554] язычества на Западе Мать Богов нашла своих последних и самых доблестных защитников среди знатных вельмож с высокой репутацией и искренней языческой набожностью. Это было странное превращение. И все же проблема, возможно, не является неразрешимой. Религия может деградировать, поскольку с возрастом ее власть над обществом становится все более уверенной. Но во времена морального обновления и перед лицом мощного духовного соперничества религия может очиститься от нечистот молодости. Религиозные системы также могут возвышаться благодаря растущей моральной утонченности общества, которому они служат. Только так можно объяснить тот несомненный факт, что фригийские и египетские культы, изначально запятнанные грубостью натурализма, стали проводниками теплых религиозных чувств и послужили стимулом к высшей жизни. Идеализм человечества, благодаря странной алхимии, может чудесным образом преобразить самые бесперспективные материалы. И тот, кто будет рассматривать Изиду и Озириса, Матер Деум или Аттиса времен правления Августа как воплощение тех же идеалов в эпоху правления Грациана, совершит грубую ошибку. Но в этих восточных культах даже в самые ранние времена содержались зародыши их будущего великого развития и могущества. Старая религия Лациума, наряду со многим здравым и серьезным, укрепляющим характер, была также жесткой, холодной и церемониальной. Она могла сформировать и освятить воинственное и завоевательное государство; она мало

удовлетворяла жажду нравственного возрождения или общения с Высшей силой. Она не могла успокоить чувство ошибки и слабости призрачным утешением и сакраментальным отпущением грехов. Более того, ей не хватало той теплоты интереса и сочувствия, соединяющей человеческое и Божественное, которая помогла сделать христианство религией западной цивилизации, и которая в слабой форме сделала язычество Востока кратковременным соперником Церкви. Эти восточные культы, часто возникавшие на основе грубой символики чередования и повторяющихся процессов [природы](#)²⁸⁵⁶, часто вызывавшие опасную возбудимость и неконтролируемые эмоции, все же содержали зародыш религиозного духа, гораздо более близкого нашему, чем старое строгое латинское вероучение. Божественная смерть и восстановление, чередование радости и печали по поводу божественного события, инстинкт с человеческим интересом, успокаивающее искупление и очищение от грехов, отягощающих совесть, - прежде всего, надежда на грядущую жизнь, запечатленная в воображении символом и зрелищем, - вот те [pg 555] элементы, которые, действуя на настоятельную религиозную тоску, дали новую жизнь язычеству и подготовили или отсрочили победу Церкви. Религия Великой Матери, на первый взгляд, давала самые скудные надежды на нравственное послание или духовную поддержку. Поначалу она выражала чувства грубых деревенских людей по поводу повторяющейся смертности и воскрешения материальной жизни в порядке времен года. Элемент человеческого чувства, который он содержал, был грубо выражен в кровавых обрядах увечья. Этот культ часто осквернялся и позорился шайкой женоподобных и похотливых самозванцев. Однако жители фессалийской деревни Апулея, которые прогоняли этих бродяг со своих полей, очевидно, ожидали от них чего-то лучшего. Они презирали отъявленных лицемеров, но не переставали верить в свою религию. Духовный инстинкт человечества, как это часто бывало, торжествовал над пороками исторической системы, извлекал из нее добро, отвергал зло и делал ее органом какой-то духовной жизни. Так Великая Мать стала Матерью всех, воцарившись рядом с Отцом богов и людей. Она носит целомудренные почести богини-девственницы. Аналогичным образом преобразуются Аттис и ее любовь к Аттису. В синкретизме эпохи, стремившейся собрать все силы язычества и заставить их сблизиться в духовном единстве, Магна Матер и Аттис объединили свои силы с Митрой-завоевателем.²⁸⁵⁷ В тавроболииуме был разработан ритуал, в котором язычество, грубое и материалистичное, в какой бы несовершенной форме оно ни было, приблизилось к религии Креста.

Величайшим и самым впечатляющим обрядом в поклонении Кибеле был тавроболиум. Ни один из них не вызывал такого подозрения и негодования у христианских апологетов, от Тертуллиана до Пруденция, потому что в своей церемонии очищения кровью и в своих предполагаемых эффектах морального возрождения и отпущения грехов он казался изобретенной изобретательностью демонов пародией на жертву на Голгофе.²⁸⁵⁸ Не исключено, что последние поборники древних культов имели какую-то подобную вызывающую цель, когда вписывали в протокол своего очищения слова "in aeternum renatus" [pg 556]. Но в происхождении этого обряда не может быть сомнений - он был чисто языческим. Его появление во фригийском церемониале сравнительно позднее. Поклонение Magna Mater было, по сути, оргиастическим культом, причем теологически засушливым. Но синкретизм второго и третьего веков пришел ему на помощь. И культы Персии, Сирии и Фригии были готовы объединиться и заимствовать друг у друга символы и доктрины, которые удовлетворяли духовные потребности того времени. Тауроболиум с его идеями очищения и бессмертия перешел в эпоху Антонинов из поклонения Анаитису Каппадокийскому в поклонение Magna Mater и дал Великой Матери новую власть над религиозным сознанием. В ранних votivных табличках название обряда - *taurobolium*. Анаитис был отождествлен с Артемидой Таурополь из Браутона, чья легенда, согласно народной этимологии, по мере

распространения милезских исследований в Эвксинском море стала отождествляться с культом жестокой богини таврического Херсонеса.²⁸⁵⁹ И еще одним этимологическим чудачеством и изменением буквы мы приходим к обряду заклания быка в поздней империи. Вопрос о том, стал ли тавроболиум когда-либо частью службы Митре, является спорным.²⁸⁶⁰ Конечно, синкретическая тенденция эпохи, тот факт, что самым популярным митраистским символом было убийство мистического быка, и упоминание тавроболиума на многих надписях, посвященных Митре, должны были бы подготовить нас к выводу, что обряд в конечном итоге был общим для персидских и фригийских божеств. Какой бы ни была правда в этом вопросе, в последние века язычества на Западе эти два культа были близкими союзниками. Аттис все больше и больше превращался в солнечное божество в эпоху, кульминацией которой стало поклонение солнцу Юлиана.²⁸⁶¹ Гелиолатрия, последнее прибежище монотеизма в язычестве, отказавшемуся принять религию Галилеи, вобрала в свою систему все великие культы сильной жизненной силы, [pg 557] сгладила их различия, подчеркнула их сходство, используя все усилия фантазии, лженауки или безрассудной этимологии, и в конце концов "Sol invictus" и Митра остались хозяевами поля. Но Magna Mater, пусть и недостойная изначально, разделила победу. Если она могла заручиться поддержкой аккредитованного духовенства, издавна признанного государством, и впечатляющим обрядом кровавого крещения, то Митра, с другой стороны, обладал моральным и духовным посланием, уверенностью в будущей жизни и захватывающей силой мистического и сакраментального общения, что делало его союз еще более ценным. Великая Мать, действительно, допускала женщин в ряды своего духовенства, в то время как обряды Митры, вероятно, исключали их.²⁸⁶² Таким образом, Фабия Акония Паулина, в то время как ее муж, Веттий Агорий Пратекстат, мог написать себя "pater patrum", не имела митраистского знака, который она могла бы поставить рядом со своим посвящением Гекате и элевсинским богиням.²⁸⁶³ Но эта пара была объединена в таинстве тавроболиума. И у Великой Матери, вероятно, никогда не было более чистых или искренних почитателей.

Когда тауроболиум впервые появился на Западе, точно неизвестно.²⁸⁶⁴ Самый ранний памятник относится к 134 г. н. э. во времена правления Адриана, когда церемония, по-видимому, была связана с небесной Венерой. Самая известная надпись, связывающая обряд с Великой Матерью, относится к 160 году н. э., когда некий Л. Аэмилий Карп, авгур и член коллегии дендрофоров в Лионе, совершил обряд "ради безопасности" Антонина Пия и императорского дома.²⁸⁶⁵ Обряд совершался по велению богини или по вдохновенному совету жреца.²⁸⁶⁶ Обряд проводился, как правило, ранней весной и часто растягивался на три-четыре дня.²⁸⁶⁷ Это был дорогостоящий обряд, и расходы иногда брала на себя община, которая совершала жертвоприношение.²⁸⁶⁸ Церемонией руководили *xviri*, и на ней присутствовало большое количество народа, с магистратами во главе. Нет нужды снова описывать сцену, так хорошо известную по стихам Пруденция, в которой освященный бык с торжественными формами закалывается на возвышении и омывается потоками своей крови верующих, помещенных в траншею внизу.²⁸⁶⁹ Считалось, что этот обряд придает некую силу и очищение, действие которых длилось в течение двадцати лет, когда таинство часто возобновлялось. Как мы уже видели, иногда его проводили "с намерением" для царствующего императора и его [дома](#)²⁸⁷⁰, и это еще один пример того, как религия использовалась для укрепления власти цезарей. Значительное число памятников в Италии и провинциях отмечают, в выражении, возможно, заимствованном у церкви, благодарность того, кто "рожден заново для вечной жизни". Вероятно, грубый ритуал часто выражал лишь внешнее и материалистическое представление о религиозном влиянии. С другой стороны, следуя за посвящением в мистерии Митры или будучи тесно связанным с ним, он легко мог стать символом моральной и духовной истины или, во всяком случае, записью моральных устремлений.

Ведь в синкретизме и монотеистическом дрейфе эпохи более могущественные культы утратили твердость своих изначальных линий и склонялись к поглощению и ассимиляции. Между этими культами почти не было раздоров и отталкиваний; они свободно заимствовали друг у друга легенды и ритуальную практику, даже характерные знаки отличия менялись местами. Легенда и тон поклонения Кибеле естественно связывали ее с другими, происходящими из того же региона, такими как сирийская богиня, небесная Венера и Беллона.²⁸⁷¹ Фанатизм, членовредительство, искупление кровью были общими узлами между ними. Свирепая богиня из Каппадокии, посетившая Суллу во сне, вероятно, впервые была представлена римлянам в это время. Ее жрецы и жрицы в темных одеяниях были знакомыми фигурами в эпоху Августа: они резали себя, как галлы Магна Матер, собирали кровь в щиты и обливали ею своих последователей, которые верили в ее искупительную силу. Но Магна Матер, как обещает ее имя, приняла более мягкий характер, и ее отождествляли иногда с Майей, [pg 559] Опс и Минервой; иногда с Деметрой, Бона Деа и Фауной, как Аттис отождествлялся с Гераклом.²⁸⁷² В последнюю эпоху великая богиня стала всеобщей Матерью, полной нежности и благодати, дарующей мир через свои очистительные обряды. Она, наряду с культами Исиды и Митры, которые в следующий раз привлекут наше внимание, является примером процесса Божественной эволюции, в ходе которого, в болезненном прогрессе человечества, грубые усилия религиозного символизма очищаются и возвышаются. Это пример того, как человеческий дух, отказываясь порвать со своим прошлым, иногда преуспевает, хотя бы на время, в том, чтобы налить новое вино в старые бутылки.

[pg 560]

ГЛАВА V

ИСИДА И СЕРАПИС

Поклонение Исиде и Серапису, считая с того дня, когда оно утвердилось в афинском порту, более семи веков господствовало над народами Европы. Его влияние в западных провинциях империи и в столице, по приблизительным подсчетам, охватывает период в 500 лет. В действительности, это был не старый туземный культ долины Нила, который завоевал такую империю над культурными интеллектами от Хаэронии до Темзы. Древнее египетское богослужение претерпело огромные изменения в горниле всех верований в Александрии. Оно было захвачено и использовано в политических целях Птолемеями.²⁸⁷³ Оно было связано с самыми духовными силами эллинского благочестия в Элевсисе и Дельфах;²⁸⁷⁴ оно было преобразовано тонким синкретизмом поздней греческой философии; и через секретарей посольств, египетских рабов и купцов, которые хлынули в порты южной Италии во втором веке до н.э., она проникала или проникала в часовни великих домов в Риме, пока, в конце концов, императоры не стали с гордостью принимать ее постриг, ходить в процессиях, строить и украшать египетские храмы.²⁸⁷⁵

Исиакский культ завоевал греческий мир еще до того, как стал силой в Италии. В четвертом веке до нашей эры торговцы с Нила имели свой храм Исиды в Пейреях;²⁸⁷⁶ в третьем веке поклонение было допущено в стены Афин.²⁸⁷⁷ Примерно в то же время богиня нашла [pg 561] дом на Сеосе и Делосе, в Смирне и Галикарнасе, а также на побережье Фракии.²⁸⁷⁸ Она была знакомым божеством в Орхомене и Хаэронии на протяжении многих поколений до

того, как Плутарх нашел в ее легендах благоприятное поле для изложения своего конкордата между философией и мифом. Не стоит удивляться и тому, что он выбрал египетские культы. Ведь Исида и Осирис в греческих и итальянских землях были совсем другими объектами почитания, чем боги, носившие эти имена в египетской легенде.²⁸⁷⁹ С седьмого века до н. э. греки с азиатского побережья прочно обосновались в устье Нила.²⁸⁸⁰ Греческие наемники служили в египетских войсках в южных пустынях; а греческие полукровки издавна развлекали и ублажали путешественников из Милета или Галикарнаса, выступая в роли переводчиков и проводников по местам, представляющим незапамятный интерес. Когда Геродот посетил эту страну, идентичность греческих и египетских богов была давно признанным фактом.²⁸⁸¹ С пятого века до нашей эры египетская троица Исиды, Осириса и Гора нашла своих двойников в лице Деметры, Диониса и Аполлона. Поход афинского флота в 460 году, вероятно, ускорил и подтвердил процесс **синкретизма**²⁸⁸², и толпы путешественников, пропитанных орфическим и пифагорейским мистицизмом, вернулись из долины Нила, чтобы распространить доктрину общей веры. После основания Александрии эта теория стала пропагандироваться. Первый Птолемей стремился объединить две расы под своей властью с помощью эклектики, центром которой на протяжении семи веков была Александрия. Он нашел искусных союзников в лице Мането, египетского жреца, написавшего трактат о внутреннем смысле мифов, и Тимофея, отпрыска Эвмолпидов из Элевсиса.²⁸⁸³ Орфический и дионисийский мистицизм был соединен с исихастским поклонением. Легенда о Египте была переработана. Появилось новое божество, которому было суждено великое будущее во всех землях под властью Рима. Происхождение Сераписа до сих пор остается **загадкой**²⁸⁸⁴, и новейшим критикам, возможно, придется согласиться с путаным или [pg 562] взвешенным суждением Тацита.²⁸⁸⁵ Египетские археологи утверждали, что он был родом из Ракотиса или Мемфиса, и истолковывали его имя как соединение Осириса и его земного воплощения, быка Аписа.²⁸⁸⁶ Более популярной была история о том, что первый Птолемей после неоднократных ночных видений отправил посланников, чтобы привести его из Синопа, где его отождествляли с Плутоном, богом подземного мира. Другие традиции связывали его с Селевкией в Каппадокии или с Вавилоном.²⁸⁸⁷ Возможно, источником рассказа Тацита послужила ложная этимология, спутавшая холм близ Мемфиса с названием Синопа.²⁸⁸⁸ Как бы то ни было, Серапис занял место Осириса; они никогда не появляются вместе в надписях. Младенец Гор получил греческое имя Гарпократ, а Серапис, Исида и Гарпократ стали египетской троицей для греко-римского общества. Анубис, служитель Троицы, был легко отождествлен с Гермесом, "проводником душ" в греческой легенде.

Синкретизм и мистицизм были великой силой в Элевсисе, откуда происходил советник Птолемея Тимофей. И там весь интерес был сосредоточен на будущей жизни и на подготовке к ней с помощью священного ритуала и моральной дисциплины. Орфический и пифагорейский мистицизм, уходящий корнями в Египет или на далекий Восток, вернулся к своим истокам, чтобы помочь превратить культы Египта в поклонение всему миру. Толпа изобретательных теологов принялась за работу, используя физические объяснения, дикущую этимологию и причудливые аналогии, чтобы завершить синкретизм. И конечным результатом их усилий, сохранившимся в знаменитом трактате Плутарха об Исиде, стал тринитарный монотеизм с изначальным дуализмом доброго и злого начал.²⁸⁸⁹ Но идея Бога, хотя и ограниченная в одном смысле признанием координирующей злой силы, с другой стороны, имеет тенденцию становиться более всеобъемлющей. В надписях Серапис постоянно связывается с Юпитером и Sol Invictus.²⁸⁹⁰ В орациях Аристиды он становится центром вселенной.²⁸⁹¹ Исида из "мириад имен" стремится поглотить все другие божества, [pg 563] и обращалась к своим почитателям как "Ты, которая есть все".²⁸⁹² Исида из сна Луция у Апулея - вселенская мать, создательница всего сущего, царица мира теней, первая

из обитателей небес, в которой все боги имеют свой неизменный тип.²⁸⁹³ Она также является преимущественно силой, которая может очищать и утешать, и дарить надежду на вечную жизнь.

Исиакский культ прибыл в Италию, вероятно, через порты Кампании. В частности, ПUTEОЛИ был крупным перевалочным пунктом для торговли с Александрией. Иностранные купцы, моряки и рабы прибывали туда каждый день, и за столетие между 204 и 100 гг. до н. э. между Птолемеями и римским сенатом прошло более десяти посольств с толпой секретарей и слуг.²⁸⁹⁴ Вероятно, храм Сераписа в ПUTEОЛАХ существовал уже в 150 году до н. э., а старый храм Исида в Помпеях, разрушенный землетрясением 63 года н. э., можно отнести к 105 году до н. э.²⁸⁹⁵ Но возведению храмов должен был предшествовать период менее формального и более неясного поклонения, и мы можем заключить, что Исида обосновалась в Южной Италии, по крайней мере, в начале второго века до н.э. Таким образом, хотя прошло несколько поколений, прежде чем поклонение завоевало, перед лицом яростных гонений, надежное место в Риме, его первое появление совпадает с упадком старой религии, религиозным волнением в начале второго века до н.э. и огромной тягой народа к более эмоциональной форме поклонения.

Годы в конце третьего и начале второго века до нашей эры были в Италии годами странного религиозного возбуждения. В 204 году из Пессина привезли великую богиню.²⁸⁹⁶ В 186 году был принят декрет о пресечении вакхического скандала.²⁸⁹⁷ Магна-Греция и Этрурия были первыми пунктами, подвергшимися вторжению оргиастических обрядов. Но вскоре они проникли и в столицу, что привело к результатам, которые встревожили и потрясли старые римские чувства. Поначалу видимость аскетизма маскировала опасность. Но вскоре обряды дали возможность для самых диких вольностей и [pg 564] политических интриг. 7000 мужчин и женщин оказались так или иначе причастны к этому движению.²⁸⁹⁸ В течение пяти лет после большого скандала апокрифические книги Нумы были найдены на территории монастыря Кн. Теренция на Яникуле. Подделка была вскоре обнаружена, и они были публично сожжены в Комиции претором Л. Петилием.²⁸⁹⁹ Но подозрительным было то, что свитки были из египетского папируса, до тех пор неизвестного римскому миру, и что они содержали догмы пифагорейской религии, которая была столь же странной. Почти наверняка в те же годы, когда дионисийский фанатизм пришел в Остию, египетские культы были привезены купцами и моряками в ПUTEОЛЫ. Осирис и Дионис уже давно отождествлялись александрийскими богословами; оба они были покровителями мистических обрядов, которые по форме и сути имели много общего, а пифагорейская система, объединившая столько влияний философии и религии Востока и Запада, была естественным спонсором новых культов. Возможно, это был какой-то эклектичный александриец, наполовину платоник, наполовину буддист, преданный исихастскому поклонению, но готовый связать его с дионисийскими легендами Дельф, Китарона и Элевсиса, который написал тайные свитки и закопал их в саду на Яникуле. Зарождалось движение, которому, так часто отталкиваемому силой правительства и консервативных чувств, суждено было оказать огромное влияние на последние три века существования язычества на Западе.

Существует правдоподобное предположение, что легкость и полнота, с которой вакхическое движение было подавлено в 186 году до н. э., объясняется отвлечением религиозного интереса на египетские мистерии. Культ Исида действительно был очень привлекателен для разных умов. Но для широких масс, рабов, вольноотпущенников и бедных трудящихся, ее великое очарование заключалось в пышности ритуала и страстных эмоциях, вызываемых

оплакиванием мертвого Осириса и его радостным воскрешением. Именно этот аспект культа подвергается нападкам и осмеянию со стороны христианских апологетов времен правления Александра Севера и Константина.²⁹⁰⁰ Богиня, одной из особых функций которой [pg 565] была забота о роженицах, особенно привлекала женскую чувствительность. Как и в культе Magna Mater, женщины занимали видное место в ее службах и процессиях, и записи об этих священных достоинствах появляются на памятниках великих римских дам вплоть до конца Западной империи. История исихастского культа в Риме от Суллы до Нерона - это история великого народного религиозного движения в конфликте с реакционным консерватизмом, космополитического чувства, противостоящего старым римским настроениям.

О популярности Исиды говорит тот факт, что реакционер Сулла, вернувший избрание главного понтифика священной коллегии, был вынужден признать исихастскую гильдию пастофоров в 80 году до н.э.²⁹⁰¹ Четыре раза за десятилетие 58-48 годов до н.э., ожесточенная борьба возобновлялась между правительством и теми, кто хотел поставить Исиду рядом с древними богами; а в 50 г. до н. э. консул, не найдя рабочего для возложения рук на ее святилище, вынужден был раздеться и сам применить топор.²⁹⁰² Победа консерватизма была лишь временной и очевидной. В течение пяти лет после возобновления ожесточенных разрушений в 48 г. до н. э.,²⁹⁰³ белая мантия, тонзура и маска Анубиса должны были стать обычным зрелищем на улицах, когда эдил М. Волусий, один из тех, кого триумвиры запретили, смог легко скрыться в этой маскировке.²⁹⁰⁴ Влияние Клеопатры на Юлия Цезаря преодолело его собственные предрассудки и, вероятно, ускорило триумф народного культа. Триумвирам пришлось умиротворить общественные чувства, воздвигнув храм Исиды в 42 году до н.э.²⁹⁰⁵ Жрицы и почитательницы Исиды отныне встречаются среди вольноотпущенниц великих домов и любовниц литераторов эпохи Августа.²⁹⁰⁶ И хотя реакция, последовавшая за битвой при Актиуме, в которой боги Лациума и Нила выступили друг против друга,²⁹⁰⁷ изгнала Исиду на некоторое время за пределы поморья,²⁹⁰⁸ преданность масс [pg 566] ей, кажется, никогда не ослабевала, и ее жрецов с тонзурой и белой палантинкой можно было увидеть повсюду. Во времена правления Тиберия восточным культам был нанесен серьезный удар. Согласно Иосифу, великая дама по имени Паулина была, по сговору жреца, соблазнена в одном из исихастских храмов распутным любовником в облике Анубиса, и это преступление было сурово наказано императором.²⁹⁰⁹ Тацит и Суэтоний, похоже, не знают об этом конкретном скандале, но они фиксируют массовое изгнание на Сардинию лиц из числа вольноотпущенников, зараженных иудейскими или египетскими суевериями. В гроте Кальяри можно увидеть запись неясного романа и трагедии, которая, возможно, была связана с этим преследованием. Атилия Помпелла, носившая также многозначительное имя Бенедикта, в результате какого-то великого бедствия последовала за своим мужем Кассием Филиппом в изгнание. Их союз продлился два с половиной сорока года, когда муж был поражен болезнью в этом смертоносном климате. Как и другая Алкестида, Атилия своими обетами и преданностью отдала свою жизнь за его жизнь. Муж вернул долг, о чем свидетельствуют эти надписи, и пара покоится в смерти под скульптурной змеей богини, которой они, вероятно, поклонялись.²⁹¹⁰

В дальнейшем при императорах Исида почти не встречала сопротивления. Клавдий жестко преследовал иудейские и друидические обряды, но, с другой стороны, он был готов перенести обряды Элевсиса в Рим.²⁹¹¹ Вероятно, он был столь же терпим к обрядам Египта. В его правление вольноотпущенники великих консульских домов совершали посвящения Исиде.²⁹¹² Нерон презирал все религии, кроме религии сирийской богини; однако Исиде, вероятно, нечего было бояться принца, которого тронули очарование и тайны Востока и который в конце концов принял бы префектуру Египта.²⁹¹³ Однако Отхо был первым римским императором, открыто принявшим участие в египетских обрядах.²⁹¹⁴ Флавианы

все попали под чары восточных суеверий. Веспасиан уединился в [pg 567] храме Сераписа; повинаясь сну бога, он согласился совершать чудеса исцеления.²⁹¹⁵ Во время ожесточенной гражданской войны 69 г. н. э., когда Капитолий был взят штурмом и сожжен вителлианцами, в храме Исиды как раз шла служба, и Домициан, переодевшись в ее священные одеяния, спасся среди толпы жрецов и аколитов.²⁹¹⁶ Он вернул долг, отстроив храм Исиды в Кампус Мартиус в 92 г. н. э. с большим размахом.²⁹¹⁷ Язвительные замечания Ювенала по поводу "бритого, одетого в лен стада" и благочестивые аскезы женщин, поклоняющихся Исиде, показывают, насколько сильную власть получила богиня в его время, даже над легкомысленными и самовлюбленными людьми. Адриан, конечно же, имел богов Нила в Канопусе своей космополитической виллы в Тибуре.²⁹¹⁸ Коммод шел в процессии с бритой головой и изображением Анубиса в руках.²⁹¹⁹ Триумф Исиды в эпоху Антонинов был полным.

Серапеум в Александрии был для египетского культа тем же, чем Храм был для религии Израиля.²⁹²⁰ А всемирная торговля и далеко распространившееся влияние второго города империи могли обеспечить широкое распространение даже религии, менее приспособленной для удовлетворения духовных потребностей того времени. Рабы и вольноотпущенники всегда были самыми ревностными приверженцами и апостолами чужеземных обрядов. Имена людей этого класса встречаются на многих памятниках как носители исихастских должностей или либеральные благотворители. Маленькое братство домашних рабов в Валентии в Испании было объединено в культе.²⁹²¹ Мелкие торговцы из Александрии кишели в портах Средиземноморья, особенно в портах Кампании, а возле Ноланских ворот Помпеи были обнаружены скромные гробницы небольшой колонии этих эмигрантов.²⁹²² Матросы и офицеры кукурузных флотов из Африки также способствовали распространению славы Исиды и Осириса. В правление Септимия Севера их главный офицер, К. Валерий Серен, был неокором Сераписа.²⁹²³ Александрия также отправляла на Запад толпы художников, философов и ученых. Несколько человек египетского происхождения занимали высокие посты в императорском доме, [pg 568] в качестве библиотекарей или секретарей в первом и втором веках. Херемон, который был библиотекарем в Александрии и написал теологический трактат об Исиде и Осирисе, стал воспитателем Нерона.²⁹²⁴ Ученик Херемона, Дионисий, был библиотекарем и императорским секретарем в царствование Траяна. А Юлий Вестин, занимавший эти должности при Адриане, описан в надписи как главный понтифик Египта и Александрии - сочетание достоинств, которое, вероятно, позволяло ему оказывать мощное покровительство исихастским обрядам в Риме.²⁹²⁵ Влияние, столь надежно укрепившееся на Палатине, несомненно, распространялось на самые отдаленные уголки империи. Если Исида могла бросить вызов всей силе республиканского правительства, то что она могла сделать, когда императоры были зачислены в ее жречество, а императорские министры, переписывающиеся со всеми префектурами от Британии до Евфрата, были погружены в ее мистические предания?

Уже в правление Нерона Лукан мог говорить об Исиде и Осирисе как о божествах не только Рима, но и всего мира.²⁹²⁶ Плутарх и Лукан, с разных точек зрения, являются свидетелями одного и того же всемирного движения. Это суждение подтвердится даже при беглом осмотре религиозных записей в надписях. Хотя Исида и Серапис не были специфически солдатскими богами, как Митра и Беллона, у них было много почитателей среди легионов на дальних рубежах. Легат легиона Терция Августа, который, вероятно, был египетского происхождения, ввел эти обряды в лагере Ламбезиса, и трудами многих благочестивых рук его солдат был построен храм Исиде и Серапису.²⁹²⁷ Серапис часто появляется на африканских памятниках, иногда в паре или отождествленный с Юпитером или

Плутоном.²⁹²⁸ В Дакии и Паннонии культы Египта, вероятно, не были так популярны, как культ Митры, но они оставили следы во всех крупных населенных пунктах.²⁹²⁹ В нескольких надписях²⁹³⁰ Исида называется [pg 569] туземным именем, например, Норея, а в других мы находим поучительное смешение пластов четырех мифологий. Тацит считал, что обнаружил аналог Исиды в лесах Германии.²⁹³¹ Ее, несомненно, можно найти в Голландии и Кельне.²⁹³² Офицеры шестого легиона поклонялись ей в Йорке.²⁹³³ Французские антиквары проследили следы египетских богов почти во всех старых важных местах своей страны, во Фрежюсе, Ниме и Арле, в Лионе, Клермоне и Суассоне.²⁹³⁴ Святилища Исиды были исследованы в Швейцарии и на немецких курортах.²⁹³⁵ Сцены, которые были столь распространены в Риме, Помпеях или Коринфе, - процессия бритых, в белых одеждах жрецов и аколитов, марширующих под звуки песнопений и варварской музыки, со священными изображениями и символами культа, который был заложен на Ниле за века до времен Ромула, и преобразованного эклектической тонкостью платоновских теологов в космополитическую религию, воспроизводились в отдаленных деревнях на краю Сахары и Атлантики, в долинах Альп или Йоркширских далей.

В чем секрет этой силы и очарования религии расы, чей культ собаки и кошки так часто становился объектом насмешек сатириков и поэтов-комиков? На этот вопрос нельзя дать однозначного ответа. Великая сила Изиды "мириад имен" заключалась в том, что, преобразенная греческим влиянием, она обращалась ко многим направлениям интеллекта и удовлетворяла многие религиозные потребности или прихоти. Для философа ее легенды давали богатый материал для примирения религии и псевдонауки, для перевода мифа в древнюю космическую теорию или для поглощения проблемных мифологий в систему, которая, возможно, больше, чем любая другая, за исключением Митры, склонялась к платоновской идее единства Бога. Мистик, мечтавший об экстазе божественного единения, в котором границы чувств и личности могут быть оставлены позади в смутном восторге воображаемых эмоций, находил в зрелище своего внутреннего святилища странную силу, намного превосходящую самые волнующие эффекты Элевсиса. Женщины особенно видели в божественной матери и плакальщице прославленный [pg 570] тип своего пола, во всех его бедах и нежности, такой, какой их дочерям в грядущие века суждено было найти в Деве-Матери.²⁹³⁶ Аскетический импульс, который редко был далек от глубочайшего религиозного чувства, черпал утешение и чувство искупления в покаянном воздержании и подготовке к святым таинствам. Простые люди, на которых влияет главным образом внешняя сторона религии, получали удовлетворение своих потребностей в пышности и торжественности утренних жертвоприношений и вечерни, в многоцветных процессиях, подобных той, что в весеннее время под звуки гимнов и литаний несла священный корабль к берегу.²⁹³⁷ И в эпоху, когда люди повсеместно объединялись в клубы и колледжи для взаимной помощи и комфорта, священные гильдии Исиды, очевидно, имели огромное влияние. Нельзя отрицать, что под ее торжественными формами, как и почти во всех языческих культах, часто таилось зло, хотя была и необоснованная клевета.²⁹³⁸ И все же в религии должна была быть какая-то странная сила, способная на мгновение поднять воображение чувственника, подобного Апулею, почти до высоты и чистоты Экхарта и Таулера.²⁹³⁹

Триумф Исиды и Сераписа в западном мире - поучительный эпизод в истории религии. Это, как и в случае с Митрой, любопытный пример союза консервативного чувства с очищающим и преобразующим влиянием растущего нравственного чувства. Религия имеет двойную силу и очарование, если за ней стоит почтенное прошлое. Древний символизм может быть порождением эпохи грубых представлений о Божественном, он может быть даже гротескным и отталкивающим, на первый взгляд, для более утонченного духовного чувства развитой

нравственной культуры. Однако религиозный инстинкт всегда будет стремиться сохранить преемственность с прошлым, как бы он ни трансформировал наследие более грубых эпох. Как христианские богословы долгое время находили предвосхищение Евангелия среди патриархов и царей-воинов Израиля, так и языческие богословы, такие как Плутарх или Аристид, могли обнаружить в культах Египта все свои самые высокие космические теории и удовлетворение всех своих духовных потребностей.²⁹⁴⁰ С непоколебимой верой Плутарх и ему подобные [pg 571] считали, что под грубыми мифическими выдумками ранних веков скрывается глубокое понимание тайн природы и духовных потребностей человечества. Земля Нила с ее очарованием незапамятной древности долгое время считалась колыбелью всего самого лучшего и глубокого в философской и религиозной мысли Эллады. Боги классического пантеона отождествлялись с богами Египта.²⁹⁴¹ Пифагор и орфические мистики черпали свое вдохновение из того же источника.²⁹⁴² Завоевания Александра и основание Александрии привели к сосредоточению философских и религиозных идей Востока и Запада, Индии, Палестины, Персии и Греции. В Александрии были смешаны и преобразованы все философии и мифологии тонкой диалектики Греции. Культ животных в Египте, действительно, всегда был камнем преткновения для греков и римлян.²⁹⁴³ Он вызывал презрение и насмешки комиков и сатириков.²⁹⁴⁴ Он был легкой добычей для насмешек толпы. Однако даже прорицаемая собака или ибис могли найти искусных, если не убежденных, защитников среди греческих эклектиков, которые направили все силы эллинской изобретательности на дело антиквариата в религии.²⁹⁴⁵ Их родная мифология была не лишена следов зоолатрии. Их собственный бог врачевания, ставший столь популярным во всех странах, всегда был связан в искусстве и легендах со змеей. Змея Акрополя, которая ежедневно съедала священную облатку, была вечной спутницей богини-покровительницы Афин.²⁹⁴⁶ Разве Зевс в своих многочисленных похождениях не находил легкий доступ к прекрасным жертвам своей любви в облике животных? Божественные добродетели лишь в малой степени отражены в животных, которые имеют свое применение в мире. Если вся религия - лишь символизм, то почему бы многообразному благодетелю невидимых Сил не быть выраженным в форме существ, которые служат человеку и общаются с ним, так же уместно, как и в безжизненной бронзе или мраморе?

Но хотя люди могут пытаться примирить теологию даже с поклонением животным формам, Изиды и Серапис завоевали преданность [pg 572] деревенских жителей отдаленных деревень в Испании и Британии благодаря совсем иным духовным влияниям. Возможно, собакоголового Ануписа и несли в процессиях.²⁹⁴⁷ Формы священных животных, наряду с Ио и Андромедой, могли быть изображены на фресках Геркуланума или Помпеи.²⁹⁴⁸ Но памятники западных провинций, как правило, необычайно свободны от грубости раннеегипетской зоолатрии.²⁹⁴⁹ И нет даже намека на нее в знаменитой картине посвящения Луция в "Метаморфозах" Апулея. В этой завораживающей сцене Исида - вселенская мать, Природа, царица миров света и тьмы, вечный тип всех меньших божеств. А в надписях она предстает как Сила, которая "есть все во всем"²⁹⁵⁰. Каковы бы ни были ее особые функции: богиня весны или моряка на море, хранительница женщин в муках материнства, "царица мира"²⁹⁵¹, проводница и спасительница душ при переходе в мир за гробом, - она остается верховной силой, к которой обращаются под многими именами, с добродетелями и милостями, столь же разнообразными, как и ее имена. А Серапис, согласно более поздней теологии, не является президентом какой-либо провинции во вселенной. Он не владыка только моря, земли или воздуха; он повелитель всех стихий, податель всех благ, хозяин человеческой жизни. Именно так приветствует его Аристид после своего спасения от морских опасностей.²⁹⁵² Но хотя Серапис во многих памятниках возвышается рядом с Юпитером, царица Исида также является верховной в мире живых и мертвых.

И хотя в александрийской религии прослеживается явная тенденция к монотеизму, привлекавшая такие умы, как Плутарх, ей не удалось полностью покончить с политеизмом и сопутствующими ему суевериями. Попытка объединить религию и философию была далеко не полной. Философия, действительно, заменила абстрактную теорию поэзией легенды. Она упорно пыталась утвердить сущностное единство Божественной природы. И Плутарх в своем трактате об Исиде заявляет, что Бог один и тот же во всех землях, под какими бы именами Ему ни поклонялись.²⁹⁵³ Но трактат [pg 573] в то же время показывает, насколько смутной и неурегулированной все еще была теология Александрии, и как трудно ей давалась задача соединить платонизм с навязчивой традицией старого идолопоклонства. Физика, метафизика, этимология - все это используется с бесконечной изобретательностью, чтобы восстановить тайный смысл, который, как предполагается, древняя мудрость скрыла под формами легенды. Но произвольная фантазия играет слишком большую роль в этих случайных догадках, и нет никакой системы, чтобы преодолеть пропасть между платонистом-эклектиком и суеверными массами. Поклонение Исиде на практике было связано со всеми царящими суевериями, с гаданиями, магией, астрологией, онейромантией. Мането, один из основателей поклонения Серапису, написал для греческого мира трактат о влиянии звезд на судьбу человека.²⁹⁵⁴ Египетские астрологи всегда пользовались большим спросом. Императоры Оттон и Аврелий возили их с собой.²⁹⁵⁵ Многие римские дамы в болезни не принимали пищу или лекарство, пока не определяли безопасный час, сверяясь с Петосирисом.²⁹⁵⁶ Поклонник исихазма с энтузиазмом верил в сны, посланные его любимыми божествами. На многих надписях можно прочесть запись об этих ночных предупреждениях.²⁹⁵⁷ В синкретизме того времени Серапис стал отождествляться с греческим богом врачевания, и пациенты, спавшие в египетских храмах, получали во сне вдохновенные рецепты от своих недугов.²⁹⁵⁸ Иногда божество ручалось, что наделит поклоняющегося чудесными способностями к исцелению. Скептически настроенного Веспасиана придворные медики в Александрии убедили испытать действие его прикосновений на слепом и парализованном человеке, которому было дано божественное указание обратиться за помощью к императору.²⁹⁵⁹ Культивированный Аристид твердо верил в эти послания небес. Он даже верил, что Серапис может воскрешать мертвых.²⁹⁶⁰

Однако Аристид в своем прозаическом гимне Серапису дает нам представление о лучшей стороне этой религии. В конце концов, суеверия, которые группировались вокруг нее, были универсальными [pg 574] верованиями эпохи, распространенными среди самых культурных и самых невежественных людей. Вопрос для современного студента заключается в том, обеспечивали ли эти александрийские культы реальную духовную подпитку для своих почитателей. И, несмотря на многие свидетельства обратного, беспристрастный исследователь должен прийти к выводу, что культ египетских божеств, благодаря своему внутреннему монотеизму, идеалу аскетической чистоты, видению великого суда и грядущей жизни, был настоящим прогрессом по сравнению с народной религией старой Греции и Рима. Исида и Серапис вместе с Митрой готовили западный мир к религии, которая должна была успокоить долгие муки человечества более совершенным видением Божественного. Современному человеку невозможно осознать, какие эмоции может вызывать символика Деметры, Митры или Исиды, уходящая корнями в грубое языческое прошлое. Но ни один читатель Апулея, Плутарха или Филострата не должен не осознавать бурлящую духовную энергию, которая во втором и третьем веках искала выражения и успокоения. Она попадала на странные извилистые пути и часто заблуждалась в фантазмах старого суеверия, прославленного новым духом. Но давайте вспомним о непреходящей силе наследственного благочестия и древних ассоциаций, а также о магическом умении религиозного сознания поддерживать связь между разделенными поколениями, очищая грубость прошлого и

превращая вещи абсурдные и оскорбительные в освященные носители высоких духовных чувств. Никто, кто читал у Апулея о посвящении Луция в исихастские мистерии, не может сомневаться в том, что воздействие, оказанное на его жертву, было глубоким и возвышающим. Благочестивое художественное мастерство не было лишним для усиления эмоций в поклонении Исиде, как это не возбраняется и в наших христианских церквях. Но молитва благодарения, вознесенная Луцием, могла бы, *mutatis mutandis*, быть произнесена новообращенным на собрании в лагере или бретонской крестьянкой после первого причастия. Это благочестивое выражение глубоких элементарных религиозных чувств - благоговения и благодарности, смирения и радости, безграничной надежды и доверия. В том же тоне Аристид поет свою прозаическую кантику Серапису. Здесь нет ни малейшего воспоминания о грубых богах Нила. Александрийский бог теперь равен или противопоставлен Зевсу, владыке жизни и смерти, который заботится о смертных людях, утешает, облегчает, поддерживает. Он [pg 575] действительно ужасная сила, но полная любви-доброты, нежности и милосердия.²⁹⁶¹ У Плутарха мы достигаем, пожалуй, еще большей духовной высоты. Осирис, который в старой легенде олицетворял Нил или грубые плодоносящие силы природы, переходит в Вечную Любовь и Красоту, чистую, бесстрастную, удаленную от любой области изменений или смерти, недостижимую в своем бесплотном великолепии, разве что в моменты вдохновенной задумчивости мы можем слабо коснуться его, как во сне.

В "Метаморфозах" Апулея богиня, явившаяся в видении Луцию, обещает, что, когда его смертный путь завершится, он найдет ее, освещающую стигийский мрак. И, помимо материнской любви, с которой она обнимала своих почитателей в этой жизни, великой притягательной силой ее культа было обещание благословенного будущего через сакраментальную благодать, которую она предлагала для грядущего мира. Серапис тоже с самого начала является богом подземного мира, "проводником душ", а также судьей на Великом суде.²⁹⁶² Орфические предания, мистерии элевсинских богинь и Диониса веками преподавали смутную доктрину бессмертия под покровом легенды, через живописные эффекты своих драматических мистерий. Они впервые открыли греческой расе, что грядущая жизнь - это истинная жизнь, для которой нынешняя была лишь чистилищем. В грубой форме они учили, что будущее блаженство может быть обеспечено только очищением от пятен времени.²⁹⁶³ Эта доктрина, возможно, была заимствована из Египта, и Египет вновь придал ей новый смысл и силу. Александрийское поклонение пришло с более глубокой верой и более впечатляющим ритуалом, со снами и видениями, с мистическими преданиями, с аскетической подготовкой к святым тайнам, с финальной сценой во внутреннем святилище, когда верующий, казалось, переносится далеко за пределы пространства и времени в бесплотные дали.²⁹⁶⁴ Душе, действительно, должно было пройти через множество тел и смертных жизней, прежде чем она достигнет жизни вечной. Но девиз веры исихастов, начертанный на многих гробницах, гласил: εὐψύχει, "будьте мужественны", [pg 576] "пусть Осирис даст воду освежения".²⁹⁶⁵ Повсюду лотос, образ бессмертия, в своей чашечке, раскрывающейся на каждом рассвете, появляется на символах культа. А Гарпократ, бог, одержавший победу над смертью, предстает в образе ребенка, выходящего из мистического цветка. Может показаться, что римская практика сжигания мертвых навсегда отделяет судьбу тела от судьбы духа, хотя на самом деле речь идет о более или менее быстром распаде смертной оболочки на ее первоначальные элементы. Но, как мы видели, человек ранней империи все больше и больше стремился сохранить нетронутой "горстку белого праха", извлеченную из костра, и призывал гнев Исиды на осквернителя.²⁹⁶⁶ Большой целью многих колледжей было обеспечить своим скромным членам нишу в колумбарии. Александрийская вера в бессмертие по милости Изиды и Сераписа, вероятно, не слишком интересовалась способом воскрешения.

Несомненно, еще один секрет популярности египетских культов заключался в их впечатляющем ритуале, отделении духовенства от мира и товариществе гильдий, в которых состояли их приверженцы. Апулей оставил нам бесценную картину исихастского ритуала в посвящении Луция в Кенхреях и еще раз в Риме. Все в церемониале направлено на разжигание благочестивого энтузиазма. Софокл и Пиндар восхваляли блаженство тех, кто видел мистическое видение.²⁹⁶⁷ Опыт Луция, похоже, подтверждает свидетельства греческих поэтов. После того как богиня пообещала ему освобождение от грубой формы и обязала его строго повиноваться, Луций с величайшим рвением вступает в "священную войну". Он поселяется в святилище и просит допустить его к причастию. Но почтенный понтифик требует, чтобы он дождался знака божественной воли. Луций продолжает поститься и молиться, пока наконец не приходит знак; когда он приходит, он спешит на утреннее жертвоприношение. Вносят свитки, покрытые символами Древнего Египта, а затем, перед толпой верующих, его окунают в священную купель. Вернувшись в храм, когда он лежит, расprostершись [pg 577] перед образом богини в молитве, тот шепчет ему "непроизносимые слова". Еще десять дней проходят в строжайшем затворничестве и воздержании от удовольствий плоти, а затем наступает венчающий обряд - торжественное бдение во внутреннем святилище. Там, как и в Элевсисе, перед его глазами, вероятно, прошла яркая драма божественной смерти и воскресения, во вспышках сияния и ужасных видениях, среди мрака и мелодий странной музыки. Но рассказ о том, что он видел и слышал, никогда не мог быть полностью раскрыт для смертного уха.

В истории этого поклонения действительно есть несколько гнусных и подозрительных черт. Как и в случае с тавроболием,²⁹⁶⁸ таинствами Исиды и Сераписа нельзя было насладиться без значительных затрат. И Луций столкнулся с трудностями в покрытии расходов.²⁹⁶⁹ Но, будь то язычество или христианство, регулярное жречество и тщательно разработанный ритуал не могут поддерживаться без пожертвований верующих. Наверное, не было ни одной религии, в которой священников не обвиняли бы в продажности. Но Луций не находит здесь камня преткновения. Никакие материальные подношения не могут отплатить за доброту и любовь богини. Он испытывает к ней не только почтение и благодарность, но и любовь сына к божественной матери. Аскетическое уединение дало естественный результат - экстаз воображения и мистическую экзальтацию. Долгие, тихие часы восторженной преданности перед священной фигурой в тишине святилища, призрачные видения высшего часа откровения произвели глубокое впечатление на душу, которая была глубоко запятнана другими видениями старого мира греха.

Ежедневный ритуал Исиды, который, похоже, был столь же регулярным и сложным, как и ритуал католической церкви, оказывал огромное влияние на сознание римлян. Каждый день совершалось два торжественных богослужения, на которых выступали жрецы в белых одеждах и тонзурах, с аколитами и помощниками всех степеней.²⁹⁷⁰ Утренняя литания и жертвоприношение были впечатляющей службой. Толпа верующих заполняла пространство перед часовней на раннем рассвете. Священник, поднявшись по скрытой лестнице, раздвинул завесу святилища,²⁹⁷¹ и предложил святой образ [pg 578] для их поклонения. Затем он совершал обход алтарей, читая литанию и окропляя их святой водой "из тайного источника". В два часа дня прохожие могли слышать из храма на Кампус Мартиус песнопения вечерни.²⁹⁷² Фреска из Геркуланума дает нам представление об этой службе. Это поклонение святой воде, символически представляющей плодоносящую и не дающую смерти силу Осириса. Жрец, стоящий перед священным местом, поднимает на грудь священную урну для поклонения толпы. На алтаре курится жертва, и два хора поют под аккомпанемент сейстроны и флейты.²⁹⁷³ На другой фреске из Геркуланума изображена бородатая, темнокожая фигура, увенчанная лотосом, в позе танца перед толпой зрителей

под звуки музыки. Можно предположить, что перед нами пантомимическое представление страсти Осириса и ее радостного завершения.²⁹⁷⁴ В этой публичной церемонии было много торжественной помпезности и поразительных сценических эффектов. Но из Апулея ясно, что важной частью поклонения была также долгая молчаливая медитация перед образом богини. Поэты говорят о почитателях, сидящих таким образом перед алтарем, а в храме в Помпеях была найдена скамья, которая, судя по ее положению, вероятно, была занята такими молчаливыми поклонниками.²⁹⁷⁵

Великими праздниками египетского культа были благословение священного сосуда пятого марта и празднование поисков и обретения Осириса в ноябре. Годовщина смерти и воскрешения бога строго соблюдалась большим количеством людей, особенно среди женщин. Языческие и христианские писатели одинаково высмеивали театральную скорбь и радость по богу, который так часто находили и так часто теряли.²⁹⁷⁶ Смерть Осириса от рук Тифона, разрывание божественной формы и рассеивание разорванных останков страстно оплакивались в сочувствии со скорбящей Исидой. От избытка горя почитатели били себя в грудь, рвали руки и с нетерпением следовали за ней. Когда на [pg 579] третий день бог был найден и восстановлен, это радостное событие приветствовалось с необычайным ликованием и отмечалось пиром посвященных. Для некоторых из этих святых дней рубрики предписывали длительную подготовку к посту и аскетическую воздержанность. Но о том, что общая строгость жизни не требовалась от почитателей Исиды, по крайней мере, в период ранней Империи, можно судить по тому, что хрупкие Цинтия и Делия у Проперция и Тибулла были одними из самых регулярных в соблюдении ритуалов.²⁹⁷⁷ Праздник священного судна Исиды, знаменующий открытие навигации и получающий благословение богини, в период ранней Империи отмечался с торжественной помпой и энтузиазмом в прибрежных городах Средиземноморья. Блестяще яркое описание такой сцены в Кенхреях оставил Апулей. Это был большой народный карнавал, во время которого длинная процессия, наряженная в самые фантастические и разнообразные костюмы, проводила священный корабль к берегу. Женщины в белых одеждах разбрасывали по дороге цветы и благовония. Толпа представителей обоих полов несла факелы и светильники, символизирующие правление Матери звезд. Музыка флейты и трубы тем временем наполняла воздух священными симфониями, а группа юношей в белоснежных одеяниях распевала гимн. Волна за волной прибывала толпа тех, кто был допущен к полному причастию, все они были облачены в льняные одежды, а мужчины отмечены постригом. За ними следовали жрецы, каждый из которых нес какой-нибудь символ многочисленных сил и достоинств богини: светильник в форме лодки, "алтари помощи", золотую пальму, жезл Меркурия. В пикселе несли священные тайны и, наконец, самый почтенный символ - небольшую урну из блестящего золота, украшенную в тонкой работе фигурами из египетских легенд.²⁹⁷⁸ Эта священная ваза, содержащая воду священной реки, которая была эманацией Осириса,²⁹⁷⁹ завершала процессию. Прибыв на край моря, главный жрец торжественно освятил священный сосуд и нарек его священным именем. Украшенное золотом и цитрусовым деревом, с изображениями древних легенд, оно расправило свои белые паруса и понесло [pg 580] вдаль обеты и подношения верующих за безопасность тех, кто на глубине.

Восточные религии императорского периода отличались от родной религии Лациума наличием многочисленного и высокоорганизованного жречества, а также интенсивным сакральным духом.²⁹⁸⁰ В эпоху растущей религиозной веры эта особенность придавала им огромную силу. Жрец стал необходимым посредником в общении с Богом. Это также одна из многих черт позднего язычества, которая подготовила и смягчила переход к господству средневековой церкви. Было бы утомительно и невыгодно перечислять различные степени исихастского жречества. Были верховные жрецы особого достоинства, которых также

называли пророками.²⁹⁸¹ Но и обычные жрецы могли выполнять многие из их функций.²⁹⁸² Были толкователи снов, одевальщики и хранители священного гардероба богини,²⁹⁸³ чьи обязанности должны были быть обременительными, если судить по списку одеяний, драгоценностей и священной мебели, сохранившихся в надписях или найденных в развалинах исиакских святилищ.²⁹⁸⁴ Было замечено, что бродячие вестготы в южной Галлии, должно быть, получали редкую добычу, если им посчастливилось наткнуться на один из великих храмов Исиды. Писец Пастофори у Апулея также является важным должностным лицом. Он созывает священное собрание и читает "просительную молитву" за императора и всех подданных, находящихся на своих местах и постах.²⁹⁸⁵ Музыка играла большую роль в ритуале; гимны пелись под звуки флейт, арф и кимвалов, а песнопевцы и паэнисты Сераписа составляли отдельный орден.²⁹⁸⁶ Молитва, которую Луций возносит богине, у Апулея организована как метрическая литания.²⁹⁸⁷ Женщины часто появляются в надписях и в наших текстах в качестве жриц и занимают видное место во всех торжественных ритуалах.²⁹⁸⁸ И очевидно, что при всей своей сакральности, культ давал полное признание благочестивым [pg 581] грузчикам всех степеней и полов. У всех, кто посвятил себя служению, есть свое место и своя функция. Посвященные могли даже носить тонзуру в обычной мирской жизни. Для этого, правда, требовалось определенное мужество перед лицом римских насмешек. Но религиозные люди с древнейших времен в Греции и Италии объединялись для взаимной поддержки в священные гильдии, обозначаемые различными именами, Isiaci, Pastophori или Anubiaci. В III веке до н. э. такие общества встречаются в Сеосе и Пейреях.²⁹⁸⁹ На стенах Помпеи они оставили свои призывы к избирателям голосовать за кандидатов в эдилы.²⁹⁹⁰ Они были организованы по образцу древних коллегий, разделенных на декурии, с директором и казначеем, "отцом" или "матерью", или покровителем во главе.²⁹⁹¹ Исиакские гильдии, должно быть, оказали сильное влияние на распространение религии Александрии. Но они также, вероятно, были одной из причин подозрительного отношения к этому культу со стороны республиканского правительства, и в полной мере проявили себя только во II веке, когда коллегии в целом получили молчаливую санкцию императоров. То, что императоры не испытывали особого страха перед этими иностранными священными корпорациями, стало ясно, когда один из императоров действительно принял постриг Исиды.²⁹⁹²

Исиакская система была энергичной и самоуверенной, но ее вряд ли можно назвать опасной или революционной. Она отбросила в тень многих старых богов, но в ее синкретизме нашлось место и для многих из них. Его внутренний монотеизм, по моде тех дней, распахнул объятия милосердия для всех древних богов. Один из жрецов Исиды мог называться Иакхагогом или Митрой;²⁹⁹³ статуи Диониса, Венеры и Приапа стояли во дворе Исиума в Помпеях.²⁹⁹⁴ Исида Апулея провозглашает свое тождество почти со всеми великими силами классической легенды и собирает их в себе. Но Исида отождествляет себя только для того, чтобы завоевать и поглотить. А ее жречество сформировало агрессивную и могущественную касту. Священнические коллегии латинской религии никогда не были, за исключением [pg 582] случая с весталками, отделены от обычной жизни. Высший понтификат занимали занятые миряне, консулы, императоры или великие воины. После исполнения своей роли в каком-нибудь великом обряде римский священник возвращался к своему гражданскому месту и обязанностям. А в Греции в III и II веках до н. э. даже исихастское священство занимало должность лишь на год, а то и на месяц, а священные процессии одно время требовали разрешения местного совета на Самосе.²⁹⁹⁵ Но когда мы доходим до времен Апулея, все это меняется. Главный жрец в Кенхреях, очевидно, великий церковник, носящий священное восточное имя Митра.²⁹⁹⁶ Он оставил обычную гражданскую жизнь и, вероятно, отказался от своего греческого имени, чтобы взять новое имя "в религии". Каждый день в храме должны были совершаться как минимум две

торжественные службы, помимо частного руководства душами, которое, очевидно, стало регулярной частью жреческих функций. При больших храмах, рядом с алтарем, есть "дом духовенства", где живут священнослужители. Он называется Пастофорион, и его покои были обнаружены в обломках храма в Помпеях.²⁹⁹⁷ Один из этих пресвитериев стал сценой соблазна, который потряс религиозный мир в правление Тиберия и отправил стольких благочестивых изгнанников в уединение на Сардинии. Служители Изиды и Сераписа отмечены постригом и исихастской привычкой, которые встречаются нам на страницах поэтов от Тибулла до Ювенала,²⁹⁹⁸ а также на фресках Помпеи и Геркуланума. Воздержание, которое требовалось в качестве подготовки к причастию для обычных верующих, было пожизненным обязательством для священника. Им категорически запрещалось употреблять шерстяную одежду, вино, свинину, рыбу и некоторые овощи.²⁹⁹⁹ Целомудрие было необходимо для празднования святых тайн, и даже Тертуллиан ставит жрецов Изиды в пример исповедующим Христа последователям. Священство перестало быть второстепенным делом; оно поглощает [pg 583] всю жизнь человека, выделяет его в святилище как раздатчика священных привилегий, обладающего страшной силой открывать тайну вечности и готовить души к встрече с великим испытанием.

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы понять, чем очаровали Исида и Серапис людей, переросших суровую и трезвую, но не вдохновляющую веру. Они пришли на Запад в момент кризиса великой духовной и политической революции, с очарованием иноземной тайны и незапамятной древности земли, чьи летописи уходят в века, задолго до того, как возникли Рим и Афины. Но вместе с античным очарованием религия сочетала в себе моральные и духовные идеи поколений, переросших грубый символизм поклонения природе. Ежегодные праздники могли сохранить память о мифе, который в своей грубости и жестоком трагизме когда-то изображал плодоносящее влияние таинственной реки на земли, ожидающие его прихода, или угасающую силу растительной силы и солнечного тепла. Но Серапис, новый бог Птолемеев, стал повелителем жизни и смерти, проводником и спасителем душ, великим судьей всех в потустороннем мире, ужасной силой, но более склонной к милосердию, чем к осуждению.³⁰⁰⁰ И Исида возвысилась до столь же безграничного владычества, но еще более нежного. Ее воле подчиняются и высшие, и низшие силы: она топчет Тартар под ногами, но при этом заключает всех, особенно слабых и несчастных, в объятия своего милосердия.³⁰⁰¹ Кроме того, она владеет тайной невидимого мира и может осветить для своего поклонника стигийский мрак. Но исихазм, как и орфическое откровение, хотя и давал благословенное обещание грядущей жизни, обставлял его серьезными условиями. В это краткое время испытательного срока душа должна под призрачным руководством подготовиться к великому испытанию. Таинства и мистерии помогают укрепить верующего перед лицом смерти, но, чтобы извлечь всю их пользу, он должен проявить воздержанность, отказаться от удовольствий чувств и очистить себя для видения Бога.³⁰⁰² Священный ритуал египтянина может пленить чувства и воображение своей пышностью и музыкой, пылающими алтарями и многоцветным символизмом. Но в тишине святилища поклоняющегося учили находить моменты [pg 584] самой чистой и возвышенной преданности в молчаливой медитации перед Царицей небес и теней. Одиноким, слабым и покинутым находили в святой гильдии приют и утешение, место в ритуале ее торжественных сезонов, которые связывали каждого с каждым в любви Божественной Матери.

ГЛАВА VI

РЕЛИГИЯ МИТРЫ

Из всех восточных религий, привлечших внимание Запада в последние три века Империи, религия Митры была самой могущественной. Это также система, которая по разным причинам представляет наибольший интерес для современного студента. Это, возможно, самый высокий и яркий пример последних усилий язычества примириться с великим моральным и духовным движением, которое неуклонно и с нарастающей силой двигалось к более чистым представлениям о Боге, об отношениях человека с Ним и о грядущей жизни. Это также величайшая попытка синкретизма поглотить, не уничтожая, богов классического пантеона в культе, который был почти монотеистическим, преобразовать старые формы поклонения природе и космического символизма в систему, которая должна была обеспечить одновременно некоторую форму моральной дисциплины и реального удовлетворения духовных потребностей. В этом стремлении митраизму не помешало наследие грубых легенд, как культам Пессина и Александрии. Он действительно был порожден тем же строем религиозной мысли, что и они. Он никогда не мог оторваться от своего источника как культ сил природы.³⁰⁰³ Но поклонение Солнцу, с которым Митра был неразрывно связан, было самой чистой и естественной формой преданности, если только элементарным силам вообще следовало поклоняться. И язычество все больше и больше склонялось в период империи к тому, чтобы сосредоточить свое почитание на источнике всего света и жизни. Солнце было для Платона высшим материальным символом Бесконечного Блага. Неопифагорейство и неоплатонизм рассматривали его как священный [pg 586] образ силы, непостижимой для человека.³⁰⁰⁴ "До того, как религия, - как было сказано, - дошла до того, чтобы провозгласить, что Бога следует искать в царстве идеального и абсолютного за пределами мира чувств, единственным рациональным и научным культом был культ Солнца".³⁰⁰⁵ Гелиолатрия также гармонизировала с абсолютизмом в государстве, как это ясно понимали старые персидские цари и их подражатели, императоры третьего века. Великий храм Солнца, который Аврелиан, сын жрицы божества, основал в Кампус Мартиус, с его высокими понтификами и величественным ритуалом, воздавал честь не только великому владыке небесных сфер, но и монарху, который являл собой величественный образ его власти на земле и был наделен его особой **благодатью**³⁰⁰⁶. Сила Митры в четвертом веке заключалась в том, что, хотя он был нежен и терпим к старым национальным культам и никогда не порывал с внутренним духом язычества, он создал всеобъемлющую систему, которая возвышалась над всеми национальными барьерами, которая удовлетворяла философскую мысль века в своем мистицизме и давала утешение и надежду на бессмертие через свои таинства.

Митра был одним из самых древних и почитаемых объектов языческой преданности, так как он был одним из последних, кто был свергнут. В слабых очертаниях его можно проследить до колыбели арийской расы.³⁰⁰⁷ В Ведах он - бог света, и, как бог истины, ненавидящий всякую ложь, он несет в себе зародыш того нравственного характера, который вырос в великую силу в последнюю эпоху его поклонения на Западе. В Авестах, священных книгах религии Ирана, которые, как бы поздно они ни были отредактированы, все еще хранят очень древнее вероучение, Митра имеет такую же четко определенную личность. Он - сияющий бог, который, кажется, появляется на рассвете из скалистых вершин восточных гор, который проезжает по небу в упряжке из четырех белых коней; но он не солнце, не луна и не звезда, а дух света, вечно бодрствующий, наблюдающий тысячью глаз, от которого ничто не может ускользнуть и ничто не может обмануть.³⁰⁰⁸ И вот, хотя он дает тепло и прирост земле, здоровье и богатство людям, он также с самого начала является моральной силой. Он дарует

мудрость [pg 587] и честь, чистую совесть и согласие. Он ведет беспристрастную войну со злыми силами тьмы и охраняет своих верных воинов от коварства врага. Он - друг и утешитель бедных; он - посредник между землей и небом; он - владыка грядущего мира.³⁰⁰⁹ Но его место в зороастрийской иерархии не всегда было одинаково высоким. Когда-то он был лишь одним из язатов, созданных верховным Ормуздом.³⁰¹⁰ Но Митра по-прежнему обладает атрибутами хранителя и спасителя; ему приносят жертвы, возлияния, омовения и литании, как в последние дни его власти на Западе. И снова ему отводится более высокое место; он - наместник далекого, невыразимого Ормузда, посредник, через которого верховная власть сокрушает злых демонов и ведет войну с Ахриманом; его вызывают в одних и тех же молитвах бок о бок с Верховным. Великие цари, особенно поздние, считают Митру своим особым покровителем, клянутся им в своих самых торжественных **клятвах**³⁰¹¹ и призывают его в час битвы. Если он был богом смиренных и страждущих, то он также был богом принца и благородного воина, и таким мы найдем его в конце.

Персидское завоевание Вавилона оказало длительное влияние на религию Митры. Там он столкнулся с сакральной системой, уходящей корнями в незапамятную цивилизацию. Завоеватели, как это часто бывает, были в некоторой степени покорены побежденными.³⁰¹² Начался синкретизм; божества двух рас были примирены и отождествлены. Магические искусства и астрология долины Евфрата наложились на более чистую маздеанскую веру и никогда не ослабляли своего влияния, хотя и не смогли остановить ее развитие как моральной системы. Ормузд был отождествлен с Бэлом, Митра - с Шамашем или богом Солнца. Астральные и солнечные предания, вера в мистические числа, которые культивировались в Вавилонии на протяжении многих поколений, заняли свое место в теологии Митры, и они оставили свой след во многих часовнях на Дунае и Рейне. Однако Митра, отождествленный с Солнцем в Вавилоне, так и не вошел в культ солнечного божества на Западе.³⁰¹³ На многих поздних [pg 588] надписях Митра и Солнце упоминаются бок о бок как равные и союзники. Однако связь Митры с Вавилоном никогда не забывалась ни греками, ни римлянами. Клавдиан связывает его с мистериями Бэла.³⁰¹⁴ Жрец, который с помощью множества странных обрядов в пустынном бессолнечном месте у Тигра проводит Мениппа в подземный мир, носит одежду Меди и носит имя Митробарзанес.³⁰¹⁵

С разрушением Персидской империи и распространением магического влияния в Малой Азии культ достиг своей последней стадии перед тем, как приступить к завоеванию Запада. Монархи Понта, Армении, Каппадокии и Коммагены, претендовавшие на происхождение от Ахеменидов, были политическими или восторженными приверженцами религиозных традиций Ирана.³⁰¹⁶ Хотя они почитали Ормузда и Анаитиса, Митра был их особым покровителем, как и для Артаксеркса.³⁰¹⁷ Имя Митры постоянно появляется в названиях царских домов, таких как Митрадат и Митробарзанес. Надпись на гробнице Антиоха Коммагенского, который кичился своим происхождением от Дария, сына Гистаспеса, свидетельствует о совершении торжественных персидских обрядов и сочетает имена Ормузда и Зевса, Аполлона и Митры.³⁰¹⁸ В условиях исчезновения национальных барьеров, последовавших за падением персидской монархии, и под влиянием греческой философии в Малой Азии начался тот процесс синкретизма, которому суждено было привести к столь значительным результатам в III и IV веках. Но маздейская вера, сильная своими ассоциациями с древними источниками духовного просвещения на Востоке, никогда не поддавалась западному язычеству. Классические боги могли быть допущены в маздеистский рай; Зевс мог быть перепутан с Ормуздом; Анаитис могла найти аналог в Артемиде Тауропольской. Но древнее имя Митры никогда не осквернялось в литургии никакими переводами.³⁰¹⁹ Возможно, в основном во Фригии и Лидии чужеземные культы оказали длительное влияние на изменение персидской теологии. Может показаться, что

чистая мораль митраистского вероучения имеет мало общего с оргиями почитателей Аттиса и Великой Матери. Но религиозное чувство обладает чудесной силой как [pg 589] отвергать, так и трансмутировать. Костюм и фригийский колпак Аттиса до конца сохранились на всех памятниках Митре. И, хотя это предмет споров, тауроболиум, крещение кровью, которое было самым впечатляющим обрядом позднего язычества, по всей вероятности, был рано заимствован Митрой из фригийского ритуала.³⁰²⁰ Сосна, эмблема бессмертия, которая так заметна в сценах оплакивания Аттиса,³⁰²¹ также занимает место в скульптурных остатках персидских капелл. А титул Menotyrannus, титул Аттиса, который дается персидскому богу на многих плитах, напоминает о его прохождении через тот же регион.³⁰²² Но греческое искусство оказало более сильное и долговременное влияние на будущее Митры, чем все эти дополнения. Вероятно, древнеперсидская вера отвращалась от любого материального изображения своих божественных сил,³⁰²³ хотя и здесь Ассирия могла нарушить ее чистоту. Но когда эллинское воображение начало играть вокруг маздеистских богов, результат был очевиден. Победоносный Митра облекся в человеческую форму, и его легенда была навечно закреплена безымянным пергамским художником, черпавшим свое вдохновение в афинской "Победе, убивающей быка".³⁰²⁴ Группа, в которой юный герой в развевающейся на ветру мантии, с фригийским колпаком на голове, преклоняет колени на плече быка, когда тот погружает свой меч в его горло, в течение четырех веков воспроизводилась в бесчисленных часовнях от устья Дуная до Солуэя. Эта символическая сцена, передающая столько смыслов в своей иератической строгости, стала для благочестивого митраиста тем же, чем образ Божественной фигуры на кресте был на протяжении многих веков для благочестивого католика.

Раскрытие распространения культа Митры в Римской империи - один из величайших триумфов современной археологии. Лишь слабые упоминания о культе встречаются у Геродота, Ксенофонта и Страбона.³⁰²⁵ Квинт Курций знал персидского бога как особого покровителя воинов, внушающего мужество в бою.³⁰²⁶ Из стихов в "Фиваиде" Статья мы [pg 590] можем заключить, что он знал кое-что о службе в гротах Митры и что он видел фигуру бога "убивающего быков".³⁰²⁷ Плутарх знает Митру как посредника между Ормуздом и Ахриманом.³⁰²⁸ Лукиан, вероятно, видел обряды в своей родной Самосате; он знал фигуру с канды и диадемой и, судя по насмешке над незнанием богом греческого языка, возможно, слышал старую маздеанскую литанию.³⁰²⁹ Но он, вероятно, не имел представления о том, что Митра уже завладел самыми отдаленными областями Запада. Еще меньше он предвидел свою великую судьбу в третьем и четвертом веках. Литература, вплоть до эпохи Антонинов, мало что сообщает нам о характере и силе культа. Без votivных надписей и многочисленных руин его часовен, а также без возмущенной, но тревожной инвективы христианских апологетов мы никогда бы не узнали, насколько близко персидский бог подошел к тому, чтобы оправдать свой титул "Непобедимого".

Невозможно установить точную дату, когда поклонение Митре впервые пересекло Эгейское море. Молчание надписей не должно восприниматься как доказательство того, что у него не было почитателей в Италии до эпохи Флавиев. Знаменитый отрывок из жизни Помпея у Плутарха, похоже, относит первое появление этого культа на Западе к завоеванию Помпеем пиратов Киликии в 70 г. до н. э.³⁰³⁰ Религия чужеземцев и рабов вполне могла долгое время жить в Италии, прежде чем привлечь всеобщее внимание. И, возможно, в Риме или Путеолах даже во времена Юлия Цезаря были скромные поклонники Митры. Митраистская надпись времен Тиберия теперь признана подделкой.³⁰³¹ Но именно с его правления, вероятно, можно датировать первые серьезные вторжения культа. При Тиберии Каппадокия была включена в состав империи, а Понт - при Нероне; Коммагена, родина Юпитера Долихена, который был твердым союзником Митры, была окончательно поглощена в правление

Веспасиана.³⁰³² Официальная организация этих районов и постоянное сообщение, установленное между центральной частью Малой Азии и столицей, должно быть, открыли множество каналов для импорта новых форм [pg 591] почитания с Востока. Почти в тот же год, когда Стаций писал свои стихи о Митре в Фиваиде, вольноотпущенник из дома Флавиев воздвиг табличку этому богу на [Эсквилине](#)³⁰³³, а солдаты Востока принесли его мистерии в лагеря на Дунае. 15-й легион, воевавший под командованием Корбула против парфян и участвовавший в завоевании Палестины в 70 г. н. э., в первые годы правления Веспасиана установил поклонение Митре в Карнунтуме в Паннонии, который отныне стал священным городом Митры на [Западе](#)³⁰³⁴. В 102 г. н. э. мраморная группа была посвящена рабом префекта Траяна.³⁰³⁵ Вероятно, в Остии мы имеем записи о культе с 162 г.³⁰³⁶ Митрей, найденный под церковью Святого Климента в Риме, дал надпись последних лет правления Антонина Пия. Этот император воздвиг храм Митры в Остии.³⁰³⁷ Рим и Остия, вероятно, были самыми ранними пунктами в Италии, куда вторглось персидское поклонение. Все условия были благоприятны для раннего и быстрого распространения культа в столице мира. Солдаты с Востока служили в гарнизоне или селились там после увольнения со службы. Восточные рабы кишели во всех больших домах, включая дом императора. Значительная часть посвящений сделана людьми подневольного происхождения, и само имя посвящающего часто было достаточно, чтобы указать его национальность. Более 100 надписей, более 75 предметов митраистской скульптуры и руины многих часовен этого бога свидетельствуют о его сильном влиянии в Риме.³⁰³⁸ Остия, которая после восстановления Траяна заслонила собой Путеолы, была гостеприимна ко всем чужеземным обрядам.³⁰³⁹ Во II веке в порту было по меньшей мере четыре храма Митры, и для союза между двумя культами важно, что Митрей был построен рядом со святилищем Великой Матери,³⁰⁴⁰ и что члены коллегии Дендрофоров иногда делали подношения и посвящения Митре.³⁰⁴¹ [pg 592] Останки в Остии раскрывают некоторые другие признаки преобладающего синкретизма. Римский Сильван занимает нишу в одном Митрее, а в другом Сатурн и Юпитер, Марс, Меркурий и Венера изображены рядом с чисто восточными символами планет и знаков зодиака.³⁰⁴²

Внутреннюю тайну этой стремительной пропаганды мы никогда не узнаем до конца. Но мы можем с достаточной степенью уверенности определить, что за люди несли Евангелие Митры в самые отдаленные уголки западного мира. Солдаты были его самыми ревностными миссионерами.³⁰⁴³ Призванный из Каппадокии или Коммагены и размещенный вдали от дома, в лагере на Дунае или в Шварцвальде, легионер цеплялся за поклонение родному Востоку и охотно допускал своих товарищей к участию в его обрядах. Появление митраизма в некоторых местах можно напрямую связать с размещением легиона, набранного из стран, которые изначально были родиной этого культа. Офицеры восточного происхождения при продвижении по службе переходили в другие корпуса и распространяли влияние Востока.³⁰⁴⁴ Центурионы, уходящие с действительной службы, становились апостолами движения в тех местах, где они поселились. Сирийские купцы, которых еще можно было встретить в Орлеане во времена Меровингов, со всем фанатизмом своей расы пропагандировали свои родные культы в портах Италии, Галлии, на побережье Адриатики и в торговых центрах на Дунае и [Рейне](#)³⁰⁴⁵. Гражданские служащие императора, клерки и комиссары всех степеней, прокураторы и агенты больших поместий, которые часто были людьми подневольного происхождения, оставили множество следов своего рвения в распространении персидского культа как по всей Италии, так и в странах к северу от Альп.³⁰⁴⁶ Класс рабов, вероятно, сделал для славы Митры не меньше, чем любой другой.³⁰⁴⁷ Он был в основном взят из Каппадокии, Понта и Фригии, тех регионов, где религия Митры пустила глубокие корни до ее проникновения в Европу. И, как и христианство, религия Митры в начале своего пути была религией бедных и скромных. Только во втором

веке она завоевала двор и образованные слои населения. Вероятно, именно через рабов [pg 593] она попала в отдаленные уголки Апулии, Лукании или Этрурии.³⁰⁴⁸

Этапы распространения митраистских обрядов по Италии невозможно четко проследить. Но во II веке культ был установлен не только в Кампании, Капрее и Искье, но и в одиноких деревенских уголках Южной Италии.³⁰⁴⁹ Он распространился на круг городов вокруг Рима - Ланувий, Альбу, Велитрей, Лабичи и Праенесте.³⁰⁵⁰ Перенесенный торговцами, императорскими офицерами или рабами, он следовал по линии великих дорог на север. Так, мы можем проследить его поход по Виа Кассия через Этрурию, в Вольсинии, Арретии и Флоренции.³⁰⁵¹ В Пизу он прибыл, вероятно, по морю. По Фламиниевому пути его можно проследить через Интерамну, Сполетиум и Сентинум до Бононии. В Нерсе, на территории Экии, культ, должно быть, был довольно древним в 172 году н.э.³⁰⁵², поскольку в том году казначей города, человек, вероятно, из класса рабов, восстановил часовню, которая пришла в упадок. До нас дошел список покровителей митраистского общества в Сентинуме, среди членов которого есть имена рабов или вольноотпущенников.³⁰⁵³ В Цизальпинской Галлии следы Митры встречаются реже. Главными очагами персидского культа являются Милан, уже в IV веке достигший своего великого расцвета, и Аквилея. Аквилея дала большое количество надписей. Благодаря своему положению в устье По, как великого центра торговли между Адриатикой и Дунайскими провинциями, она должна была мощно стимулировать распространение культа.³⁰⁵⁴ Любопытно, однако, что перевалы Альп принесли исследователю более богатую добычу в этой области, чем равнины Ломбардии. В горных долинах, ведущих в Рэтию и Норикум, а также в долинах над итальянскими озерами, было найдено множество реликвий этой далеко распространившейся религии.³⁰⁵⁵ Храм Митры был обнаружен недалеко от Трента, в долине Адидже. В Тироле и Каринтии в священных гротах, погребенных среди лесов и скал, обнаружены барельефы, изваянные с традиционными фигурами [pg 594] персидской легенды. Они, вероятно, посещались верующими вплоть до правления Валентиниана.³⁰⁵⁶ По всему Норик и Паннонии императорские чиновники или агенты частных предприятий, прокураторы, клерки казначейства, служащие таможи, или восточные вольноотпущенники и рабы оставили множество следов своей преданности персидскому богу.³⁰⁵⁷ Таким образом, повсюду вдоль больших дорог, которые вели из Аквилеи к рынкам или сильным местам на Дунае, поклонник Митры мог найти во времена Антонинов множество святилищ, величественных или скромных, где он мог освежить свою набожность в пути.

В греческих провинциях сохранилось лишь несколько памятников поклонения Митре. Но от устья Дуная до севера Англии можно проследить его триумфальное шествие, лишь с перерывами то тут, то там. Он следует по линии рек или великих дорог, через пограничные лагеря или центры римской торговли. Прочно обосновавшись в Томи и портах Черного моря, Митра, насколько удалось выяснить, не оставил следов во Фракии и Македонии.³⁰⁵⁸ Не оставили пока своих памятников и Мезии, хотя в Тросмисе и Оеске, вдоль великой военной дороги, были обнаружены барельефы и надписи.³⁰⁵⁹ Наряду с Паннонией и территорией Верхнего Рейна, Дакия была провинцией, где митраизм, по-видимому, достиг наибольшей популярности в Европе.³⁰⁶⁰ В 107 году, после шести опустошительных и часто сомнительных кампаний, Дакия была заселена и организована Траяном.³⁰⁶¹ Ее обезлюдившие поля были колонизированы огромными массами людей со всех частей римского мира. Вероятно, редко когда собирался такой *colluvies gentium*. Среди этих чужеземных поселенцев было много выходцев из Эдессы, Пальмиры и тех областей Востока, где Митра или родственные ему божества имели своих самых первых и самых горячих поклонников.³⁰⁶² В столице провинции, Сармизегетузе, раскопанный Митрей дал пятьдесят барельефов и

надписей.³⁰⁶³ В колонии Апулум можно найти остатки по меньшей мере четырех храмов. А Потаисса и другие места с непривычными для английского уха названиями обогатили музеи.

[pg 595]

Паннония изобилует интересными останками Митры, причем не только в великих очагах римской власти на Дунае, но и в местах далеко в глубине страны. И в этой провинции можно отчетливо проследить не только ход военной пропаганды, но и даты, с приблизительной точностью, когда мистерии Митры были впервые представлены.³⁰⁶⁴ Аквинкум и Карнунтум были главными местами поклонения персам на Дунае. В первом городе в III веке у бога было не менее пяти часовен. На территории Карнунтума их было не менее четырех, одна из которых была тесно связана с храмом родственного божества, Юпитера Долихена из Коммагены.³⁰⁶⁵ Первоначальные поклонники в правление Веспасиана довольствовались грубым гротом, частично образованным конфигурацией скал, промежутки между которыми были заполнены каменной кладкой.³⁰⁶⁶ Это сооружение в третьем веке было заменено более величественной постройкой на средства римского рыцаря.³⁰⁶⁷ Можно не сомневаться, что распространение митраизма в Паннонии было делом рук двух легионов, II. Адьютрикс и XV. Аполлинария, набранных в основном из Коммагены или Каппадокии.³⁰⁶⁸ На кирпичах митраистского храма в Карнунтуме стоит клеймо 15-го легиона, а надписи содержат несколько посвящений, сделанных солдатами этих двух корпусов.³⁰⁶⁹ 15-й легион, расквартированный на Дунае в 71 или 72 году, сражался под командованием Корбуло против парфян и принимал участие в подавлении еврейского восстания 70 г. н.э. Мы можем быть уверены, что пробелы в его рядах были заполнены восточными новобранцами.³⁰⁷⁰ Солдаты других корпусов, таких как легионы XIII и XIV, Geminae Martiae, подхватили религиозный энтузиазм и приняли участие в возведении зданий и монументальных жертвоприношениях.³⁰⁷¹ Вероятно, именно через офицеров, переведенных с Дуная, культ был введен в лагере Ламбезис в Нумидии. В этом лагере есть табличка III века, посвященная Митре префектом 3-го легиона, который родился в Карнунтуме.³⁰⁷² В Норикуме и Раэтии военная пропаганда, по-видимому, была менее активной, чем в [pg 596] Паннонии. Но один из уголков первой провинции некогда охранялся корпусом из Коммагены, который оставил следы своего присутствия в названии города на Дунае и в некоторых памятниках Митре.³⁰⁷³ В Раэтии его останки необычайно скудны.³⁰⁷⁴ Но когда мы доходим до Агрийских декуматов и области Верхнего Рейна, мы оказываемся в районе, который снова изобилует реликвиями Митры. Этот регион не только подарил свету наибольшее количество его часовен,³⁰⁷⁵ но и барельефы, найденные в их руинах, превосходят все остальные по размерам и полноте символики. Группа тауроктонусов из Остербуркена считается шедевром митраистского искусства по своему сложному разнообразию и яркому мастерству исполнения.³⁰⁷⁶ Многие из германских надписей Митре предложены простыми горожанами. Но, судя по количеству надписей, посвященных солдатами, Кюмон, возможно, прав, объясняя распространение этого культа еще раз военным рвением. Правда, легионы, расквартированные в Германии, не содержали значительного числа новобранцев с Востока. Но они находились в постоянном общении с лагерями на Дунае, где было сильно восточное влияние. Примечательно, что самая ранняя из найденных в Германии надписей в честь Митры, датируемая 148 годом н. э., принадлежит центуриону 8-го легиона, который стоял в Мезии с 47 по 69 год и в течение этого времени имел частые связи с Востоком. В 70 году легион был переведен из Мезии в Верхнюю Германию.³⁰⁷⁷ Вполне вероятно, что, как бы он ни был введен, поклонение Митре могло попасть в долину Неккара и даже на Нижний Рейн до конца первого века. Монеты Траяна были найдены в храме во Фридберге;³⁰⁷⁸ серия монет от Веспасиана до Аврелия была извлечена из храма в окрестностях Кельна.³⁰⁷⁹ Из Кельна линия завоевания может быть

прослежена до Булони, где находился британский флот. Оттуда культ легко переместился в Лондон, который во времена Тацита был центром большой торговой [pg 597] активности.³⁰⁸⁰ Легионы, вероятно, перенесли культ в большие лагеря в Керлеоне, Честере и Йорке. На всех сторожевых постах великого вала Адриана стояли часовни восточного бога, и надписи показывают, что офицеры этого отдаленного форпоста империи сохраняли горячую преданность религии родного Востока.³⁰⁸¹

Регионы западного мира, на которые Митра, по каким бы то ни было причинам, произвел наименьшее впечатление, были Западная Галлия, Испания и Северная Африка.³⁰⁸² Сирийские купцы, рабы или солдаты установили культ в Лионе, Арле и Нарбонне. Но Элуза - единственное место в Аквитании, где были найдены следы этого культа. В Испании легионеры перенесли его лишь на несколько отдаленных пограничных постов в Астурии или Галлии.³⁰⁸³ Африканские гарнизоны, набранные в основном из местных жителей, оставались верны своим родным божествам, а немногочисленные надписи Митре в крупных военных крепостях, таких как Ламбези, вероятно, объясняются преданностью некоторых высших офицеров, переведенных в эти отдаленные кварталы из Сирии или с Дуная.³⁰⁸⁴

Если мы попытаемся объяснить очарование этой религии Центральной Азии для западных умов, мы должны искать его частично в ее теологической системе, частично в ее ритуальной и клерикальной организации, а еще больше в ее ясном обещании жизни за пределами могилы. По этим характеристикам митраизм глубоко отличался от греко-римского язычества и в глазах христианских апологетов выглядел как обманчивое подражание обрядам и доктринам христианской церкви. Вдохновленный стремлением или амбицией собрать многие расы в свое лоно, митраизм представлял собой соединение влияний самых разных эпох и предлагал множество опор для веры или суеверий тех земель, которые он пересекал в своем шествии. Он черпал доктрины, символы и обряды из точек, широко разделенных во времени и месте, из древних земель арийской расы, из горных домов персов, из Вавилона, Фригии и Коммагены, из философии Греции и мифологии всех народов, среди которых он появился. И все же [pg 598] никогда до конца не переставал быть персидским культом. В "Божественной комедии" Лукиана, как ее можно назвать, Митра, даже будучи допущенным на Олимп, не может говорить по-гречески.³⁰⁸⁵ Его имя никогда не маскируется и не переводится. На многих его надписях все еще встречаются имена старого маздеистского пантеона, такие как Ахриман, сила зла.³⁰⁸⁶ Мистические звери, которые всегда присутствуют на священной сцене тауроктонуса, лев, собака, змея, скорпион, имели иератическое значение в персидской теологии.³⁰⁸⁷ Пещера, являвшаяся вечным святилищем культа, среди всех мистических значений, придаваемых ей позднейшими неоплатонистскими спекуляциями, возвращала ум к зороастрийскому [символизму](#)³⁰⁸⁸. Petra genetrix, изображенная на стольких священных плитах на Дунае и в Верхней Германии, восходит к самой колыбели культа.³⁰⁸⁹ Юный бог, выходящий из шпилья скалы, вокруг которого обвивается змея, - это первое сияние восходящего солнца, когда на высоких одиноких вершинах оно вспыхивает и расширяется к рассвету. Великие стихийные силы, солнце и луна, океан, ветры и времена года, обычно группируются вокруг центральной фигуры в формах, заимствованных из классического искусства.³⁰⁹⁰ Огонь и вода всегда присутствуют; ни одна часовня не обходилась без фонтана.³⁰⁹¹ Традиции астральных преданий Евфрата можно увидеть в знаках зодиака, которые окружают священную сцену мистического жертвоприношения в часовнях на Верхнем Рейне.³⁰⁹² Сами буквы имени Митры, расширенного в Meithras, согласно С. Иерониму, как и мистическое слово Abraxas, поддаются гениальному вычислению точного количества дней в году.³⁰⁹³ Нам трудно представить, как эти фригидные астрономические причуды должны составлять часть религиозной системы, которая, несомненно, с самого начала оказывала глубокое моральное

воздействие на своих приверженцев. И все же нелишне вспомнить, что было время, когда тайна звездных пространств, величие и благодетельность солнца были самыми ужасными и впечатляющими вещами в человеческом [pg 599] опыте. Холодный взгляд телескопа уже давно лишил небесные сферы их мистической власти над человеческими судьбами. Но даже сейчас человек, не подвергшийся влиянию современной науки, может в спокойную летнюю ночь, освещенную звездами, вернуться в воображении к мечтам первых звездочетов на Ганге или Евфрате и представить себе, что в далеком одиноком великолепии и упорядоченном движении этих вечных огней, которые так безмятежно и безжалостно сияют на этой маленькой точке Вселенной, могут быть силы, направляющие или знаки, предсказывающие ход смертной судьбы. Не была недостойной и мечта, витавшая в умах стольких поколений, о том, что в этих жидких глубинах космоса, где в бесконечной дали сияние широко разделенных созвездий сливается в светящуюся дымку, может находиться вечная обитель духов, которые после пребывания во плоти очистились от земной скверны.³⁰⁹⁴

Относительное влияние Вавилона и древнего Ирана на формирование теологии митраизма долгое время было предметом споров. Противоположные школы, представленные Ладжардом и Виндишманом,³⁰⁹⁵ были дискредитированы или примирены более здравыми методами критики и более широкими археологическими знаниями. Теперь видно, что, хотя Вавилония оставила глубокий след в вероучении Митры, первоначальные арийские или персидские элементы все же сохранили свое превосходство. В своем долгом путешествии Митра подвергся многим влияниям; он впитал множество чуждых идей из культов и искусства многих стран, через которые он проезжал. Его терпимость была одним из главных секретов его силы. Но, впитывая, он ассимилировал и трансмутировал. Он оставался богом Персии, в то время как он собрал в своем вероучении мистические элементы, которые могли бы удовлетворить духовную жажду западного мира.³⁰⁹⁶ Его система стала лучшим теологическим выражением долгого движения языческого мистицизма, которое, начавшись с мифических имен Орфея и Пифагора, организовалось в классических мистериях, возвысилось и прославилось гением Платона, и закончилось, если закончилось, неоплатоническим движением, которое оказало последнее сопротивление христианской церкви. Центральные идеи этой [pg 600] теории жизни и смерти были представлены неопиту в мистериях Митры, а один из последних толкователей платоновского вероучения в царствование Феодосия, вероятно, был посвящен в одной из последних часовен этого культа.³⁰⁹⁷ В этом видении человеческой судьбы, нисхождения и восхождения человеческой души старая орфическая доктрина соединяется со звездным преданием Евфрата. Путешествуя к своей будущей тюрьме во плоти, дух, покидающий присутствие Ормузда, спускается через врата Рака, через сферы семи планет, и в каждой из них приобретает новую способность, соответствующую его земному состоянию. Митраистская дисциплина и таинства готовят ее к восхождению после смерти. Когда душа наконец покидает свою смертную тюрьму, она должна предстать перед великим судом в присутствии Митры, и если она выдержит это испытание, то сможет затем вернуться через семь сфер, на каждом этапе избавляясь от тех страстей или земных сил, которые она на время приняла в своем нисходящем путешествии.³⁰⁹⁸ Наконец, через отдаленные врата Козерога ее сублимированная сущность снова вернется к экстатическому единению с Высшим. Таким образом, Восток и Запад, орфические мистерии и халдейская астрология, объединились, чтобы удовлетворить тягу к нравственной вере и видению иного мира.

Религия Митры, вероятно, достигла своей наивысшей победы благодаря этической теологии, типизированной и конкретизированной для рядового поклоняющегося с помощью тщательно разработанной символики в обрядах и скульптурных сценах. Но у него была и

космическая теология. Митра, в силу своей нравственной силы, стал в конце концов центральной фигурой. Но почти во всех его часовнях можно обнаружить божественную иерархию, в которой на протяжении веков он не занимал главного места. Высшее место отведено Бесконечному Времени, не имеющему ни пола, ни страстей, ни, собственно, даже имени, хотя, чтобы ввести его в вульгарный обиход, его могут называть Кроносом или Сатурном и изображать в камне в виде льва, обвитого змеиными обвивами.³⁰⁹⁹ Он вершит жизнь и смерть; он несет ключи от небес, и в своем безграничном владычестве он отождествляется с непреклонной силой Судьбы. Как и другие космические системы Востока [pg 601], маэдеи объясняли вселенную последовательностью эманаций от Бесконечной Первой Причины.³¹⁰⁰ Из своей собственной сущности Кронос породил Землю и Небо, которых мифологи могут назвать Юпитером и Юноной, а они, в свою очередь, дали жизнь Океану. Юпитер, как и в классической мифологии, унаследовал власть Кроноса и дал миру олимпийские божества, а также Фортуны, Фемиду и рок. В полушарии мрака и зла другой порядок был порожден Бесконечным Временем, которое представлено Ахриманом, или, в фантазии более западных стран, Плутоном и Гекатой. Злые духи, которые являются их потомками, подобно Титанам из греческой легенды, пытались штурмовать Олимп и были отброшены в подземный мир.³¹⁰¹ Там они все еще сохраняют свою силу, чтобы причинять страдания и развращать род человеческий; но с помощью заклинаний и жертвоприношений их злобу можно отвратить. В этой демонологии митраизм объединился с новым платонизмом, одним из ранних апостолов которого, как мы видели, был Плутарх, и родство между ними сохранилось до последней эпохи язычества.³¹⁰² Но именно в своем божественном представлении о стихийных силах и небесных телах эта религия, вероятно, получила наиболее сильную поддержку в эпоху глубокого фатализма и суеверий. Борьба четырех стихий представлена под животным символизмом на бесчисленных скульптурах в часовнях Митры, вокруг изображения бога, убивающего быка.³¹⁰³ Божественный огонь, сверкающий в звездах и распространяющий тепло жизни в животном или растении, вечно пылал на алтаре склепа.³¹⁰⁴ Солнце и луна редко отсутствуют на этих плитах. В великом шедевре митраистского искусства в Остербуркене эти два божества занимают противоположные углы таблички.³¹⁰⁵ Бог солнца, с развевающимся на правом плече плащом, гонит свою упряжку из четырех лошадей по небесной круче, а над машиной плывет Фосфор, в виде обнаженного мальчика, несущего в каждой руке по факелу. На противоположной стороне Селена, увенчанная полумесяцем и возвышающаяся на своей машине, побуждает свою упряжку волов спуститься вниз, во мрак. На другом изделии, также найденном в сердце Германии, изображена впечатляющая сцена, в которой Митра и Солнце, одетые в восточные костюмы, стоят бок о бок над [pg 602] огромным убитым быком. Бог Солнца протягивает Митре гроздь винограда, которую тот принимает с жестом восхищения.³¹⁰⁶

Самым популярным и наименее полезным элементом, который митраизм позаимствовал из Вавилона, была вера в планетарное влияние. Семь планет стали вершителями человеческой судьбы, а их число приобрело иератическое значение.³¹⁰⁷ Им посвящались дни недели и семь основных металлов. Различные уровни посвящения в тайны Митры находили соответствие в интервалах семи сфер.³¹⁰⁸ Душа, опускаясь на сезон в свое земное жилище, проходит через их последовательные сферы и принимает соответствующие способности в каждой из них, так же как при освобождении и вознесении она лишается их, одну за другой, по мере возвращения в область эфирной чистоты. Но астральная доктрина, привнесенная в систему Ирана из Халдеи, была опасным дополнением к вероучению. Это было роковое наследие веков отупляющего суеверия, и, хотя оно придало огромный импульс прогрессу солнечного культа, оно уравновесило и, в некоторой степени, нейтрализовало его более духовные и полезные доктрины.³¹⁰⁹ Согласованная злая сила, бок о бок с благотельным

Творцом и Хранителем, его открывателем и посредником, множество демонов, искушающих к греху, а также насылающих на людей беды, железная Судьба в центре Вселенной, чьи неотвратимые указываются и исполняются положением и движением планет - вся эта мрачная доктрина на протяжении многих веков лежала на человеческом разуме как кошмарный сон и порождала всевозможные злые искусства, призванные открыть, отвлечь или направить безжалостные силы, управляющие судьбой человека. Такова темная сторона поклонения Митре, и в этой злой традиции из Вавилона, которая частично перекрывает более чистое вероучение Персии, мы можем найти некоторое объяснение странному сочетанию мрачного суеверия с моральной серьезностью, которая характеризовала реакцию Юлиана, поклонника Солнца и покровителя Максима.

Но, хотя обожествление великих стихийных сил и смешение очарования и ужаса астрологии обеспечили религии Митры мощное влияние на Запад, в его системе были [pg 603] другие и более благородные элементы, которые не могут ускользнуть от откровенного исследователя. Старое безнравственное, внешнее язычество уже не удовлетворяло духовные потребности всех людей во втором веке. Правда, вероятно, никогда не наступит день, когда религия многих людей не будет начинаться и заканчиваться торжественными, величественными обрядами, освященными воображением древними обычаями и пленяющими чувство скрупулезно упорядоченным церемониалом. Ритуалистская и пуританская концепции поклонения, вероятно, всегда будут существовать бок о бок, поскольку они представляют собой две противоположные концепции религии, которые никогда не смогут полностью слиться. И, конечно, во времена Аврелия спокойное удовлетворение от пышного жертвоприношения, во время которого каждое слово древней литании исполнялось в точности, все еще глубоко переживалось многими, даже самым императором-философом. Но в воздухе витали и другие идеи. Люди слышали от странствующих проповедников, что Бог требует иных жертв, чем "кровь быков и пепел телицы", что истинное поклонение - в жертве очищенного духа.³¹¹⁰ Платоники и пифагорейцы, даже если они благоговейно обращались с древней символикой ритуала, учили, что общение с Бесконечным Отцом возможно только для души, освобожденной от тирании чувства. Более того, как мы уже видели, новый платонизм стремился создать некую посредническую силу между миром чувств и Бесконечным Духом, превосходящую все старые материалистические фантазии о Божественном.³¹¹¹ Эта платоновская демонология, действительно, с христианской точки зрения, была очень грубой и несовершенной попыткой преодолеть пропасть. К тому же она имела и более серьезный недостаток, поскольку была фактически возрождением старой мифологии. Однако это была и попытка реформации. Это была попытка привнести в язычество нравственное влияние. Это была попытка заменить физические и натуралистические представления моральной теорией управления миром. Это, несомненно, было огромным прогрессом в религиозной истории и предвещало великую революцию, которая должна была вывести западный мир на новый духовный путь. Сонмы духов-сестер, которые, по представлению Максима Тирского, окружают и поддерживают жизнь людей, вовлеченных во тьму и печаль времени, - [pg 604] концепция, чуждая старому язычеству. И потребность в посредническом сочувствии, в сочувственной связи, пусть даже слабой, с тусклой, ужасной Силой, постоянно удаляющейся в более отдаленные и таинственные дали, была также связана с необходимостью некоторой уверенности или более слабой надежды на жизнь за гробом. Старое классическое язычество давало этой надежде лишь слабую и теневую подпитку. И все же из сотен надписей на могилах тоска, часто омраченная сомнениями, вызывает с патетической силой. Помимо толпы простых формалистов-антикваров и любителей зрелищ, была, как мы полагаем, огромная масса тех, кто жаждал какого-то канала, через который они могли бы получить слабый контакт с Бесконечным

Духом; какого-то обещания, пусть и завуалированного в загадочном символизме, что эта бедная, загадочная, безрезультатная жизнь не должна бессильно завершиться со смертью.

Во всем маздеанском пантеоне, как было замечено, Митра был единственной божественной фигурой, которая глубоко поразила религиозное воображение Европы. Кто может осмелиться на таком расстоянии пронзить его тайну? Но мы можем предположить, что его популярность отчасти объясняется его местом посредника в персидской иерархии, отчасти - легендами о его чудесных и геркулесовых победах, высеченными на стольких плитах; но еще больше - моральной и сакраментальной поддержкой и надеждой на бессмертную жизнь, которую он предлагал своим верным поклонникам. Митра пришел как избавитель от сил зла и как посредник между человеком и далеким Ормуздом. Последний пост он исполняет в двойном смысле. В космической системе, как повелитель света, он также является повелителем пространства между небесным эфиром и туманами земли. Как солнечное божество, он является центральной точкой среди планетарных шаров.³¹¹² В вездесущей группе зарезанного быка Митра стоит между двумя Дадифорами, Каутесом и Каутопатом, которые образуют с ним своего рода Троицу и, как говорят, являются его воплощениями.³¹¹³ Одна из этих фигур в митраистской скульптуре всегда держит факел в вертикальном положении, другая - факел, повернутый вниз, к земле. Они могут иметь двойное значение. Они могут олицетворять восходящий свет зари и последнее сияние дня, когда он опускается за горизонт. Они могут изображать рост солнечной силы до триумфа в середине лета и ее медленный спад к угасающей [pg 605] осени и холоду зимы. Или, опять же, они могут быть тенью более широких и судьбоносных процессов всеобщей смерти и возрождающейся жизни. Но Митра также стал посредником в моральном смысле, стоящим между Ормуздом и Ахриманом, силами добра и зла, как его представляет себе Плутарх.³¹¹⁴ Он - вечно победоносный чемпион, который бросает вызов и повергает злых демонов, одолевая жизнь человека; он, прежде всего, дает победу над последним врагом человечества.

Легенда о Митре в гимне или литании почти полностью утрачена. Но антикварная изобретательность и культурное сочувствие позволили восстановить некоторые из ее значений по многочисленным скульптурным остаткам его часовен. На великих памятниках Вирунума, Маульса, Нойенхайма и Остербуркена можно увидеть последовательные сцены карьеры героя. Они начинаются с его чудесного рождения из "материнской скалы", которая была знакома Юстину Мученику, св. Иерониму и многим отцам.³¹¹⁵ Посвящения *petrae genetrici* изобилуют вдоль Дуная, а священный камень был предметом поклонения во многих часовнях.³¹¹⁶ Юноша, его голова увенчана фригийским колпаком, кинжал в одной руке и факел в другой, изображен выходящим из открывшейся скалы, вокруг которой иногда обвивается змея. Пастухи с соседней горы с удивлением взирают на божественное рождение и вскоре подходят ближе, чтобы поклониться юному герою и предложить ему первенцев своих стад и полей.³¹¹⁷ И снова обнаженный мальчик укрывается от жестокого ветра под кровом смоковницы; он ест ее плоды и делает себе одежду из листьев.³¹¹⁸ В другой сцене священная фигура появляется в полном восточном одеянии, вооруженная луком, из которого пускает стрелу в скалу, возвышающуюся перед ним.³¹¹⁹ Из того места, где стрела ударяется о камень, бьет фонтан, и воду жадно ловит в свои поднятые ладони стоящая на коленях фигура. Затем следуют знаменитые сцены погони и убийства мистического быка. Сначала зверь несется в ялике по водному простору. Вскоре после этого [pg 606] он спокойно пасется на лугу, когда на сцену выходит Митра. В одном памятнике герой несет быка на плечах, в других - на спине животного, ухватив его за рога. Или опять же бык изображен в полной карьере с руками героя, обхватившими его за шею. Наконец бык поддается мужеству всадника, и его тащат за задние ноги, перекинутые через плечи

похитителя, в пещеру, где и разыгрывается знаменитое побоище.³¹²⁰ Юный бог в развевающейся на ветру мантии опускается на колени на плечо поверженного зверя, левой рукой откидывает его голову, а другой погружает кинжал в его шею.³¹²¹ Под этой сценой неизменно изображаются скорпион, верный пес и змея, глотающая текущую кровь. Два Дадифори, молчаливые представители мира света и мрака, по одному с каждой стороны, всегда спокойно наблюдают за мистической сценой. Но уничтожение быка не было простым зрелищем смерти. За ним последовало чудо возрождения жизни и плодородия, и то тут, то там на плитах видны колосья кукурузы, выстреливающие из хвоста умирающего животного, или молодые растения и цветы, прорастающие вокруг.³¹²² Его кровь рождает виноградную лозу, дающую священный сок, освященный в мистериях. Таким образом, вопреки скорпиону и змее, символам злых сил, которые стремятся увядать и стерилизовать источники жизненной силы, жизнь вновь восстает из тела смерти³¹²³.

Таинственное примирение Митры с Солнцем изображено и в других группах.³¹²⁴ Митра, как обычно, в восточном костюме, имеет перед собой на коленях юношескую фигуру, либо обнаженную, либо легко одетую. Бог прикасается к голове просителя каким-то таинственным символом, и субъект обряда воздевает руки в молитве. Мистический символ снимается, и Митра возлагает на голову подателя сияющую корону. Это примирение двух божеств - излюбленный сюжет. В скульптуре из Остербуркена они ратифицируют свой договор торжественными жестами перед алтарем. Их восстановленная гармония отмечается еще [pg 607] более торжественно. В одном из памятников эти двое возлежат на кушетке в торжественной агапе, перед ними стоит стол со священным хлебом, отмеченным крестом, и оба они поднимают чашу в правых руках³¹²⁵.

Легенда о Митре, так слабо и сомнительно реконструированная по священным скульптурам, в отсутствие явной традиции, вероятно, навсегда останется загадкой. Начиная с третьего века, она является ареной борьбы изобретательных интерпретаторов. Перечисление и обсуждение этих теорий, многие из которых сегодня опровергнуты археологическими исследованиями, выходит далеко за рамки данной работы. Очевидно, что начиная с ранних халдейских волхвов, которые в какой-то степени наложили свою систему на иранскую легенду, и вплоть до неоплатоников, бог и его спутники рассматривались как символы космической теории. Рождение из скалы было светом рассвета, пробивающимся над зубчатыми гребнями восточных холмов.³¹²⁶ Пещера, которая всегда благочестиво увековечивалась в новейшей митраистской архитектуре, была твердым небесным сводом, а отверстия, пробитые в ее крыше, были звездами, сияющими сквозь небесный купол.³¹²⁷ Фонтан, поднимавшийся в каждой часовне, огонь на алтаре, животные, окружавшие быка, представляли силы природы в их изменениях и конфликтах. Молодой лучник, вызывающий воду из скалы выстрелом из своего лука, знаменует чудесное прекращение доисторической нехватки воды, а бык, прыгающий с ялика, возможно, напоминает о первобытном потопе. Убийство быка, центральная сцена, возможно, восходит к подвигам героических первопроходцев оседлой жизни, Геракла или Тесея, которые приручили дикую природу для использования человеком. В разные эпохи оно имело разные значения. Для тех, кто занимался процессами природы, он мог символизировать увядание растительной свежести мира в середине лета, но с обещанием грядущей весны. Для другого он мог означать победу над злыми духами и силами тьмы.³¹²⁸ Или, возможно, в последние дни он был прообразом того таинственного очищения, которое давало гарантию бессмертной жизни и которое казалось Отцам насмешкой над Божественной Жертвой.

Нет сомнений, что Митра и его подвиги, отвечая на великую потребность, обрели нравственный и духовный смысл. С древнейших времен он - посредник между добрыми и злыми силами; вечно молодой, энергичный и победоносный в своей борьбе, поборник истины и чистоты, защитник слабых, вечно бдительный противник сонмов демонов, которые кишат вокруг человеческой жизни, победитель смерти. Его религия, несмотря на астрологию, не была фаталистической задумчивостью; это была религия борьбы и сражения. В этом аспекте она соответствовала римскому темпераменту *vir ile*, и, прежде всего, темпераменту римского солдата, одновременно самого суеверного и самого выносливого из [людей](#)³¹²⁹. Кто может сказать, какое вдохновение могла вдохнуть молодая героическая фигура, которая даже на самых грубых плитах излучала победную [бодрость](#)³³⁰, в измученного старого ветерана, который нес неусыпную вахту против германцев на каком-нибудь одиноком посту на Дунае, когда он проводил короткий час в великолепии ярко освещенного склепа и присоединялся к старой маздеанской литании? Перед ним была священная группа Тауроктонуса, полная стольких значений для многих стран и эпох, но для его глаз, вероятно, проливавшая свет победы над опасными битвами времени и дававшая уверенность в большей надежде. Внезапно, по мановению чьей-то невидимой руки, табличка повернулась,³¹³¹ и перед ним предстала торжественная агапа двух божеств, в которой они праздновали мирное завершение своего мистического противостояния. И он ушел, уверенный в том, что его бог-герой теперь вознесен на небо и наблюдает за своими верными воинами на земле.³¹³² В то же время он видел вокруг себя священные символы или изображения всех великих сил природы и небесных огней, которые своими движениями и излияниями могли принести людям внизу горе или счастье. В часовнях Митры вся природа становилась божественной и священной: бурлящий источник, огонь в домашнем очаге, ветер, подравнивающий сосну или несущий моряка в его плавание, великие вечные огни, приносящие посев и урожай и отделяющие день от ночи, вечно живая жизненная сила в раскрывающихся листьях и весенних кукурузных колосьях, в рождении юных созданий, регулярно торжествующая над [\[pg 609\]](#) злокачественными силами, которые, казалось, на время угрожают распадом и разложением. Таким образом, "Непобедимый Митра" - это бог света и надежды в этом и следующем мире.³¹³³

Древний мир жаждал обещания бессмертия. Митраизм стремился питать эту надежду, но, подобно современному платонизму и более древним орфическим преданиям, связывал ее с моральной ответственностью и серьезными последствиями. Ветерам внушали, что душа нисходит путем градуального падения от Всевышнего, чтобы на время поселиться в темнице плоти.³¹³⁴ После смерти происходит великий суд, на котором решается дальнейшая судьба каждой души в зависимости от жизни, которую она вела на земле.³¹³⁵ Духи, осквернившие себя при жизни, утаскиваются вниз Ариманом и его злыми ангелами и могут быть преданы пыткам или погрузиться в бесконечное унижение. Чистые, укрепленные святыми таинствами, поднимаются вверх через семь сфер, на каждом этапе расставаясь с некоторыми из своих низших элементов, пока, наконец, утонченный сущностный дух не достигнет Эмпирея и не будет принят Митрой в вечный свет.

Но конфликт между добром и злом, даже на этой земле, не будет длиться вечно. Наступит второе пришествие Митры, которое будет предвещено великими бедствиями. Мертвые восстанут из своих могил, чтобы встретить его. Мистический бык снова будет заклан, и его кровь, смешанная с соком священной хаомы, будет выпита праведниками и передаст им дар вечной жизни.³¹³⁶ Огонь с небес окончательно пожрет все злое. Таким образом, заклание быка, являющееся образом последовательности разложения и плодоносящей силы в физической природе, является также символом и гарантией окончательной победы над злом и смертью. И, олицетворяя столь возвышенные и утешительные истины, он, естественно,

встречал взор верующих в каждой часовне. Также естественно, что тавроболиум, который изначально был обрядом Великой Матери, был поглощен, как и многие другие чуждые обряды и идеи, религией, которая стала великим триумфом синкретизма. Крещение кровью, действительно, было формальным очищением от нечистоты плоти; но оно также было очищением в более высоком смысле. Надписи четвертого века, посвященные благословению святого обряда, часто завершаются словами *in aeternum renatus*.³¹³⁷ Насколько эта фраза выражает моральное воскресение, насколько она фиксирует надежду на другую жизнь, мы не беремся сказать. Независимо от того, заимствована ли она из христианских источников или нет, она дышит стремлением, странно отличающимся от тона старой римской религии, даже в ее лучших проявлениях. Возможно, в очищении Митры было много ритуальности. Однако Митра с самого начала был явно нравственной силой, и его поклонение, по-видимому, не было запятнано свободой, которая превратила другие языческие культы в школы жестокости и похоти. Его связь, правда, с некоторыми из них, должно быть, иногда приводила его приверженцев в более чем сомнительную компанию; Сабазий и Магна Матер были опасными союзниками.³¹³⁸ Тем не менее, в целом, можно сделать вывод, что митраизм был евангелием истины и чистоты, хотя эта чистота часто была вопросом просто церемониального очищения и воздержания.

Далек тот день, когда масса людей будет способна на строгое мистическое видение, мало зависящее от внешних церемоний поклонения. Конечно, последние века язычества на Западе не были созревшими для такой сдержанной духовности. И религии, которые пленили века, предшествовавшие триумфу католической церкви, хотя и стремились удовлетворить более глубокие потребности духа, были более насыщенными священнодействиями и более высокоорганизованными, чем старые религии Греции и Рима. Вероятно, немалая часть их силы заключалась в сакраментальной тайне и оккультном священном знании, которое было монополией класса, отделенного от мира.³¹³⁹ Наши знания о митраистском жречестве, к сожалению, скудны, а древняя литургия исчезла.³¹⁴⁰ Но в надписях упоминается *ordo sacerdotum*; а Тертуллиан говорит о "верховном понтифике Митры" и о святых девах и людях, давших обет целомудрия на его службе.³¹⁴¹ Священнические функции были, безусловно, более постоянными и строгими, чем в старых священнических колледжах Греции и Рима. Нужно было [pg 611] совершать торжественные таинства и сложные обряды посвящения. Три раза в день, на рассвете, в полдень и вечером, читалась литания Солнцу.³¹⁴² Ежедневно на алтарях различных богов приносились жертвы, сопровождаемые песнопениями и музыкой. Кульминация торжественной службы, вероятно, отмечалась звоном колокола.³¹⁴³ А вращающаяся на шарнире священная плита в апсиде показывала для обожания верующих сцену священного пира Митры и Солнца после их примирения. Седьмой день недели был священным для Солнца, шестнадцатое число каждого месяца - для Митры, а 25 декабря, знаменующее вступление Солнца на новый путь триумфа, было великим праздником священного года Митры.³¹⁴⁴

Инициация в мистерии, после многих обрядов очищения и испытания, была венцом привилегий верующего митраиста. Градация духовного ранга и тайна, связывавшая приверженцев друг с другом в священном масонстве, были определенным источником силы. Только С. Иероним сохранил для нас семь ступеней, по которым неофит поднимался до полного причастия. Это были Коракс, Крифиус, Милес, Лев, Перс, Гелиодром и Патер.³¹⁴⁵ Каково было их происхождение, кто скажет? Возможно, они соответствуют семи планетам и обозначают различные стадии нисхождения души в плоть и ее восхождения к присутствию Бога. По мнению Порфирия, первые три стадии были лишь предварительными для полного посвящения. Только Львы были полными и настоящими [причастниками](#)³¹⁴⁶, и титул Льва, конечно, чаще всего встречается в надписях. Достоинство *Pater Patrum*, или *Pater Patratus*,

было очень желанным и давало реальную власть над братьями, а также официальный титул для их почитания.³¹⁴⁷ Принятие на каждой последующей ступени сопровождалось символическими церемониями, как, например, когда Милес отбрасывал корону, дважды предложенную ему, говоря, что Митра - его единственная корона.³¹⁴⁸ Вуаль крифиев и фригийский чепец персов имеют значение или историю, которые не нуждаются в комментариях. Принятию [pg 612] в полное общение предшествовали аскезы и испытания, ставшие предметом преувеличения и клеветы. Неофит, с завязанными глазами, должен был пройти через пламя. Говорили, что он должен был принять участие в имитации убийства с помощью меча, из которого капала кровь. На скульптуре Хеддернхейма изображена фигура, стоящая глубоко в снегу. Эти церемонии, вероятно, восходят к тем временам и эпохам, когда происходили увечья в честь Беллоны и Магна Матер. Возможно, они также служили уроком или проверкой апатии и нравственного мужества.³¹⁴⁹ Но рассказы об убийствах и пытках, связанных с этими обрядами, имеют, вероятно, не больше оснований, чем аналогичные клеветы о раннехристианских мистериях.³¹⁵⁰

Почитатели Митры, как и почитатели Исиды и других восточных божеств, объединялись в гильдии, организованные по образцу обычных содалий и коллегий. Как погребальные общества или под защитой Magna Mater они избежали преследований. У них был свой список членов, свой совет декурионов, свои магистры и кураторы.³¹⁵¹ И, как и светские колледжи, они в значительной степени зависели от щедрости своих богатых членов и покровителей при возведении часовен и организации служб.³¹⁵² Один человек мог предоставить место для часовни, другой - мраморный алтарь; бедный раб мог пожертвовать из своего пекулия лампу или маленькое изображение, чтобы украсить стены крипты.³¹⁵³

Одной из несомненных причин успеха Митры на Западе был дух братства и благотворительности, который культивировался в его гильдиях. Безнадежная безвестность и подавленность плебейского и подневольного классов несколько смягчалась в компаниях, где бедняк и низкородившийся на мгновение оказывался на равных с вышестоящими в обществе. Плебеи и рабы сыграли большую роль в распространении восточных культов, особенно культа Бога Света.³¹⁵⁴ В его [pg 613] мистериях и гильдиях им были открыты высшие достоинства.³¹⁵⁵ Более того, из размеров часовен ясно, что общины обычно были небольшими, чтобы члены низшего социального слоя не терялись в толпе.³¹⁵⁶ Растущее число людей удовлетворялось не увеличением, а умножением святынь.

В таинствах Митры Тертуллиан и другие апологеты усматривали дьявольскую пародию на церковные **обычаи**³¹⁵⁷. Принятие неофитов, sacramentum, в котором они обязывались к тайне и священному служению, знак или клеймо, наносимое на чело Милы, омовение или крещение святой водой, как в обрядах Исиды, каково бы ни было их происхождение, не могли не вызвать подозрений и опасений у поборников Церкви в эпоху смертельной борьбы за **господство**³¹⁵⁸. Наконец, освященный хлеб и смешанные вода и вино, которые предлагались только высшим сословиям, вполне могли показаться последней и самой страшной профанацией самого торжественного христианского обряда. Предполагалось, что питье из мистической чаши, первоначально представлявшей собой сок хаомы, обладает сверхъестественным действием. Он давал не только здоровье, процветание и мудрость, но и силу победить духов зла и тьмы, а также тайную добродетель, которая могла ускользнуть от власти смерти.³¹⁵⁹

Храмы, в которых проводились эти обряды, на протяжении веков повторяли один и тот же первоначальный тип. Митра и его пещера - неразделимые понятия, и название spelaeum, antrum или specus до конца оставалось обычным обозначением его капелл.³¹⁶⁰ В сельской местности гроты или углубления на склоне скалистого холма могли служить естественной

ораторией древнего типа.³¹⁶¹ Но в центре больших городов мастерство архитектора должно было имитировать грубую структуру оригинальной пещеры. Войдя через открытый портик, верующий оказывался в предбаннике, через который он проходил в другую камеру, называемую аппараториумом, где жрецы и неофиты облачались в свои одеяния или маскароны перед священными [pg 614] обрядами.³¹⁶² Затем они спускались по лестнице на уровень пещероподобной крипты, которая была настоящим святилищем. С каждой стороны стояли каменные скамьи, на которых сидела компания посвященных.³¹⁶³ Центральный проход вел к апсиде, у стен которой была установлена скульптурная сцена заклания быка, окруженная символическими фигурами и эмблемами халдейского звездочета, с алтарями впереди.³¹⁶⁴ Это было самое святое место, и, судя по некоторым остаткам, оно было обнесено перилами, как алтарь одной из наших церквей.³¹⁶⁵ На неофита, когда он подходил, должно быть, производила впечатление ослепительная сцена. По обеим сторонам прихожане стояли на коленях в молитве. Бесчисленные светильники проливали свой яркий свет на формы древних эллинских богов, на изображения могущественных сил земли или эфира³¹⁶⁶ - прежде всего, на священную сцену, которая была памятником могущества "непобедимого". Древняя ритмическая литания произносилась под звуки музыки; огни появлялись и исчезали в поразительном чередовании блеска и мрака. Питье священного кубка, казалось, опустошало чувства. А верующий, как в видении Исиака у Апулея, на мгновение словно переносился за пределы пространства и времени в мистические дали.³¹⁶⁷

Персидский культ во многом был обязан своим успехом императорской и аристократической благосклонности. Последний языческий император Запада, последнее поколение языческой аристократии были приверженцами бога Солнца. Любопытно, что даже при ранней Империи митраизм, похоже, никогда не страдал от подозрений и преследований, с которыми приходилось сталкиваться другим чужеземным культам.³¹⁶⁸ Его тесная связь с культом Великой Матери, который со II века до н. э. был устоявшимся институтом, возможно, спасла Митру от официального недоверия. Кроме того, он стал известен в эпоху, когда императорская ревность к гильдиям и коллегиям заметно ослабила свои меры предосторожности.³¹⁶⁹ Более удовлетворительное объяснение, возможно, можно найти в симпатиях династии Флавиев³¹⁷⁰ и [pg 615] принцев третьего века к религиозным идеям Востока, а также в явной поддержке, которую гелиолатрия оказывала растущему абсолютизму и поклонению цезарям.

Апофеоз императоров начался еще во времена первого цезаря, который перед смертью вознесся до высших божественных почестей. Но долгое время это вероучение было зыбким и колеблющимся. Провинции, и особенно города Малой Азии³¹⁷, с большей охотой воздавали храмы и божественные почести владыке мира, чем даже простой народ Италии. Суеверные массы и солдаты, конечно, были готовы на любой энтузиазм лести и суеверия. Но культурная аристократия, несмотря на восторженные отзывы придворных поэтов³¹⁷², мало верила в божественные силы, и вряд ли могла легко поверить в божество Клавдия или Нерона³¹⁷³. Сами императоры, принадлежавшие к этому классу и часто разделявшие его щепетильный скептицизм, некоторое время благоразумно сдерживали слишком буйную преданность своей персоне.³¹⁷⁴ Влияние Ирода, возможно, наполнило безумное воображение Калигулы мечтами о восточной деспотии и сверхчеловеческом достоинстве королей.³¹⁷⁵ Нерон, у которого были видения новой монархии с резиденцией на восточных холмах, возможно, радовался тому, что Тиридат обожал его как равного Митре.³¹⁷⁶ Но политичный Август, хотя и разрешил основать храмы и жреческие ордена в свою честь по всем провинциям и даже в итальянских городах, наряду с божеством Рима, упорно отказывался от возведения ему святиль в столице.³¹⁷⁷ Тиберий проводил ту же политику,

которая соответствовала его холодному, реалистичному темпераменту. Веспасиан, хотя восточные суеверия имели для него определенное очарование, шутил на смертном одре о своих собственных претензиях на божественность.³¹⁷⁸ Его сын Домициан стал первым императором, который при жизни требовал приветствия "Dominus et Deus".³¹⁷⁹ Лучшие из первых императоров стремились к полным божественным почестям только после завершения своей земной карьеры.

[pg 616].

По многим историческим причинам их посмертное возведение в божественный сан не казалось чем-то неестественным. Культ манов, или добрых духов ушедших друзей и предков, готовил римский разум к преклонению перед памятью отца государства. Легендарные короли латинской расы - Сатурн, Фавн, Пикус, Латин - почитались как *Di indigetes*;³¹⁸⁰ Ромул исчез во время бури и был вознесен на небо, чтобы присоединиться к компании богов. Поклонение героям у греков, возводившее в полубожественное состояние после смерти тех, кто совершил великие дела на благо человечества, основал города или проявил великолепные дары ума или тела, повлияло на воображение народа, который долгое время сидел у ног Греции. Греческие города воздвигали алтари Риму и римским генералам, поработившим их.³¹⁸¹ Когда сенат воздавал божественные почести умершему императору, он становился *divus*, а не *deus*, по крайней мере для культурного класса, а *divus* - это титул, который даже современные чувства могут присвоить людям, сыгравшим великую и блестящую роль в мировой системе управления. Спартанские женщины, говорят, называли великих воинов, мужчин, которые завоевали их восхищение галантностью, "божественными".³¹⁸² Для масс умерший император, несомненно, становился настоящим богом, поскольку изображение М. Аврелия через два столетия после его смерти находилось среди пенатов каждой благочестивой семьи на Западе.³¹⁸³ Но философски мыслящий человек мог бы также честно принять императорский апофеоз по указу Сената в том смысле, что к редкой компании тех, кто был вознесен фортуной или заслугами намного выше своих собратьев и заполнил огромное пространство в жизни человечества, добавилась еще одна фигура. Люди, которые на протяжении многих поколений возводили святыни фавориту Адриана, могли легко поверить в претензии императоров Антонинов на место среди богов.

Влияние Египта и Персии стимулировало исконные тенденции к царепоклонству и превратило княжество Августа в теократическую деспотию Аврелиана и Диоклетиана. Восточные народы всегда стремились осыпать императоров поклонением, которое они привыкли оказывать своим родным князьям. Древние [pg 617] фараоны почитались как воплощения божества и богов на земле.³¹⁸⁴ Птолемеи унаследовали и использовали столь полезное суеверие. Эти идеи распространились в Италии с распространением исихастского культа среди высшего сословия, а также под влиянием путешественников и посланников, поддерживавших плодотворную связь между Александрией и Римом. Но Египет зашел слишком далеко для западного ума в своем апофеозе царей.³¹⁸⁵ Более сильное и благотворное влияние пришло из стран более отдаленного Востока. Персы преклонялись перед своими монархами, но на самом деле не обожали их как богов. Они почитали демона, или, говоря по-римски, "гения Цезаря", не поклоняясь самому монарху.³¹⁸⁶ Предполагалось, что царь просвещен, вдохновлен и охраняется небесной благодатью; его чело венчал божественный ореол. Однако он не был равен Богу. Но величие и удача королей были чем-то божественным и сверхъестественным; они правили по особой милости и имели божественную защиту. Династии, сменившие великое наследие Востока, в полной мере использовали эти идеи, и самая торжественная клятва приносилась на Фортуне царя.³¹⁸⁷ Суеверие Халдеи, связывавшее всю человеческую судьбу с небесными шарами, оказывало

глубокое влияние на протяжении многих веков как на Востоке, так и на Западе. А Солнце, монарх небес, часто отождествляемое с Митрой, считалось особым покровителем царей, наделяя их неодолимой силой и охраняя их возвышенную судьбу. Эти идеи легко распространились из Понта и Коммагены в западном мире. В восточных городах Калигуле и Нерону были воздвигнуты алтари как солнечным божествам,³¹⁸⁸ а Тиридат предложил Нерону поклонение, причитающееся Митре.³¹⁸⁹ Загадочная богиня Фортуна, которая, похоже, рано ассоциировалась с Солнцем,³¹⁹⁰ обрела новую силу благодаря идеям о божественной судьбе восточных монархов. Согласно Плутарху, Тихе покинула регионы Ассирии и Персии и поселилась на Палатине.³¹⁹¹ [pg 618] республиканская "Фортуна римского народа" естественным образом перешла в "Фортуну Августа", которая появляется на императорских монетах со времен правления Веспасиана. В эпоху Антонинов золотое изображение богини всегда стояло в опочивальне принца и в час его смерти передавалось преемнику.³¹⁹² С правления Коммода, который сам был посвящен в исихастские и митраистские мистерии, начинается временный триумф восточных культов, который должен был достичь своего апогея в царствование Юлиана. Отсутствие полных материалов для истории третьего [века](#)³¹⁹³, века, насыщенного великими событиями и беременного великими духовными движениями, должно, возможно, заставить более осторожно подходить к прослеживанию развития императорской власти, чем это всегда делали некоторые авторы. Тем не менее, можно не сомневаться, что монархия Запада имела тенденцию превращаться в теократическую деспотию, и персидское поклонение солнцу сыграло в этом большую роль. На Западе всегда существовало трезвое чувство, которое восставало против восточного апофеоза принца.³¹⁹⁴ Однако многократное преклонение, так часто достоверно зафиксированное в "Истории Августа", показывает необычайное унижение высшего класса перед личностью императора.³¹⁹⁵ Императоры никогда, подобно Сасанидам, не утверждали, что они "братья или сыновья Солнца и Луны".³¹⁹⁶ Но в их официальном стиле и знаках отличия было много подходов к божественным претензиям монархов Востока. Титул *invictus*, священный для Митры и Солнца, был принят Коммодом и носил его преемники.³¹⁹⁷ Еще более внушительный титул "вечный", происходящий от того же происхождения, вошел в моду в третьем веке и появляется в эдиктах последних теневого императоров пятого. Со времен правления Нерона императорская корона с расходящимися лучами символизировала солнечное происхождение принца. Галлиен выходил вперед, увенчанный подобным образом и с золотой пылью в волосах, и воздвигал колоссальную статую себя в одежде Солнца.³¹⁹⁸ На монетах Аврелиана, построившего великий храм Солнца из трофеев Пальмиры, изображена легенда "deo et domino nato".³¹⁹⁹ Запад, вероятно, никогда не воспринимал [pg 619] эти предположения так буквально, как Восток. Но метафора и образность имели тенденцию превращаться в реальную веру. Центр великой религии, которая должна была стать последним оплотом язычества, был прообразом императора в звездном мире и его защитником на земле. А солнечная благодать, окружавшая принца, нашла легкое объяснение в мистической философии нисхождения души, которую впитал в себя митраизм. Придя на землю из Эмпирея, будущий владыка мира получил особый дар благодати и силы от великого светила, которое является источником света и жизни. Религия Солнца, таким образом, имела тенденцию стать великой духовной опорой абсолютизма, который все больше и больше копировал королевскую власть Востока. Культ Солнца, который в такой великолепии был установлен в 273 году Аврелианом, должен был оказать большое влияние на подготовку к восточным притязаниям монархии, начиная с правления Диоклетиана. Через тридцать лет после основания величественного святилища на Эсквилине и всего за двадцать лет до обращения Константина все князья императорского дома, Иовы Геркулии, Августы, Цезари, как гласит надпись, объединились, чтобы восстановить храм Митры в Карнунтуме, его священном городе на Дунае.³²⁰⁰ Но дни Митры

как бога царей были сочтены. После создания христианской империи у него был короткий иллюзорный триумф в правление Юлиана, а затем в недолговечной попытке реакции под руководством Евгения и Никомаха Флавиана, которая завершилась трагически в битве на Фригиде. Однако его мистическая теология была темой дебатов среди римской знати, обученной александрийской философии, еще долго после того, как его последние часовни были погребены в руинах; и его поклонение продолжалось в уединенных долинах Альп или Вогезов вплоть до V века.³²⁰¹ Теократическим притязаниям монархии, которой Митра оказывал свою поддержку на протяжении стольких поколений, было суждено, в своих символах и выражениях, иметь долгое царствование.

М. Ренан рискнул высказать мнение, что, если бы христианская церковь была поражена какой-нибудь смертельной слабостью, митраизм мог бы стать религией западного мира. И действительно, его удивительно быстрое распространение в Италии и [pg 620] провинциях вдоль Дуная и Рейна во втором и третьем веках вполне могло внушить надежду на такую великолепную судьбу. Хотя это было в первую очередь королевское и военное вероучение, в конечном итоге оно привлекало все классы населения. Возникнув в отдаленных регионах Востока, оно, казалось, инстинктивно воспользовалось возможностью, которую предоставляло чудесное политическое единство, наряду с анархией в морали и религии, чтобы удовлетворить настоятельные потребности мира, жаждущего духовного света и надежды, но растерянного среди бесконечных претендентов на его преданность. Философия давно пыталась и все еще пытается найти духовный синтез и почерпнуть из старых мифологий опору для жизни и поведения. Не может ли религия преуспеть там, где философия потерпела неудачу? Или, скорее, не может ли религия собрать в себе силы философии, трансмутировать и прославить их в великом конкретном символе? Разве не могут требования прошлого быть согласованы с высшими интуициями более образованного века, а бесчисленные культы, охваченные римской властью, примирены с высшим почитанием одной центральной божественной фигуры, как свободы альпийского кантона, как и великого города Азии, были защищены под неоспоримым верховенством Рима? Митра предпринял попытку, и на какое-то время она увенчалась успехом. На пути к почти гарантированной победе он вовлек в свою орбиту греческих, латинских и фригийских богов - и даже богов кельтских кантонов.³²⁰² Все они нашли место в его склепах, рядом с его собственным священным изображением и персидскими божествами его родного дома. Их алтари располагались вокруг его часовен, и их должным образом посещали его жрецы. И хотя персидское божество могло казаться космополитичным и либеральным в своем снисхождении к приходской преданности, он никогда не ослаблял своих высоких притязаний и не забывал о своем происхождении. Если с Магной Матер и Юпитером Долихеном он мог вступать в союз, то с Исидой и Сераписом, которые были его соперниками в борьбе за экуменическую власть, он холодно отвергал любые связи. Старая вражда между культами Персии и Египта смягчилась только в междоусобном конфликте обоих с более могущественным врагом. Только в последних каменных записях можно встретить поклонника Митры, сочетающего поклонение Исиде.³²⁰³ Претензии бога Солнца на духовное первенство [pg 621] излагаются в орациях Юлиана, диссертациях Пратекстата, в сатурналиях Макробия. Монотеизм в языческом мире, действительно, не был чем-то новым. Он восходит к философам Ионии и Элеи, к Эсхилу и Платону. Не был синкретизм неизвестен и более ранним эпохам. Греки времен Геродота отождествляли египетских богов со своими собственными, как Юлий Цезарь и Тацит отождествляли галльских и германских божеств с божествами римского пантеона.³²⁰⁴ Но монотеистический синкретизм Митры был более широким и масштабным движением. Местные и национальные боги представляли отдельные аспекты природы. Митра же восседал в центре, от которого зависела вся природа. Если поклонение природе должно было оправдать себя в глазах философского

разума, люди должны были возвыситься до поклонения Царю-Солнцу, главе великой иерархии божественных сил, с помощью которых он действует и распространяет свою неиссякаемую энергию по всей Вселенной. Именно на это претендует Пратекстат в "Сатурналиях" Макробия, который был высоким адептом мистерий Митры.

Но мир нуждался не только в великой физической силе для удовлетворения своих желаний; он нуждался в нравственном боге, который мог бы возвести перед глазами людей нравственный идеал и поддержать их в стремлении достичь его; в том, кто мог бы направлять и утешать в борьбе жизни и в темноте ее конца, кто мог бы подготовить трепещущую душу к великому испытанию, в котором дела, совершенные в теле, просеиваются на пороге вечного мира. Выполняя свою роль, Митра мог опираться на свой собственный ранний характер бога истины и праведности, посредника между силами добра и зла: он также имел опыт классических мистерий, восходящих к легендарному Орфею, которые, в грубой, теневой символике, на протяжении десяти веков учили доктрине нравственной последовательности между этой жизнью и следующей. Спуск души в грубую материальную форму и ее возможное восхождение, если она должным образом укреплена, в бесплотные миры были общими для Митры, орфической и пифагорейской систем. Такая система, с одной стороны, была печальна и пессимистична, с другой - полна энергии надежды. А митраизм совмещал в себе оба этих направления. Это была религия напряженных усилий и войны с перспективой высоких наград в далекой вечной жизни.

[pg 622]

Неудивительно, что отцы, начиная со второго века, видели в Митре самого грозного врага Христа. Действительно, сходство между этими двумя религиями, некоторые из которых были поверхностными, а другие - более глубокими, было очень поразительным. Насколько некоторые из них были обусловлены общим запасом идей на Востоке и Западе, насколько они были результатом сознательного заимствования и взаимного подражания, представляется неразрешимой проблемой. Самый ученый исследователь культа Митры наиболее осторожен в своих выводах по этому вопросу.³²⁰⁵ С одной стороны, две религии в отдаленных регионах Империи долгое время следовали разными путями распространения. Христианство, которое берет свое начало в религии Израиля, сначала распространилось среди городов Средиземноморья, главным образом там, где были колонии евреев.³²⁰⁶ С другой стороны, за пределами Италии митраизм, который распространяли солдаты и имперские офицеры, следовал по линии лагерей и торговых центров, главным образом вдоль великих рек северной границы. Однако в Остии, Риме и других местах две восточные религии должны были рано столкнуться лицом к лицу. В синкретизме той эпохи, эпохи гностицизма, обряды и доктрины легко переходили из одной системы в другую. Митра, несомненно, многое впитал из родственных культов Малой Азии, из эллинских мистерий и александрийской философии. Столь же несомненно, что церковь не гнушалась политикой приспособления, наряду с освящением алтарей Христа в старых святилищах язычества. Культ местных героев был перенесен на святых и мучеников. Новообращенным было трудно расстаться с освященными фразами и формами почитания, и они могли обращаться к Иисусу в эпитетах, священных для Солнца. Некоторые христиане в V веке все еще приветствовали восходящее солнце молитвой.³²⁰⁷

Тщетные попытки найти параллели с библейским повествованием или символизмом в слабых и поблекших легендах о Митре, восстановленных по его памятникам, чудесному рождению, священной скале, поклонению пастухов, гроту, - а главное, в мистическом жертвоприношении быка, которое, казалось, занимало в митраистском предании то же место, что и жертвоприношение на Голгофе. Но одна большая слабость митраизма

заклучалась именно в этом - в том, что вместо повествования о Божественной жизни, инстинкта [pg 623] с человеческим сочувствием, он мог предложить лишь холодный символизм космической легенды. В своих службах и системе таинств эти две религии имели более реальное сходство. У Митры было свое крещение и конфирмация новых учеников, свои омовения, аскетическая подготовка к священным мистериям и священные праздники освященного хлеба и вина, где мистический напиток давал чистоту и жизнь душе и телу и был залогом жизни в Боге. Сакральный и литургический характер его богослужения, с его поразительным символизмом, с полным использованием эмоциональных эффектов света, музыки и священной пышности, предлагал душам, созревшим для божественной веры, часть того магического очарования, которое на протяжении стольких веков должна была оказывать католическая церковь. Однако между верой Митры и верой Христа есть более глубокие и фундаментальные сходства, и именно им персидский культ был обязан своим огромным превосходством над классической мифологией и официальным римским язычеством. Он отвечал великому духовному движению, показать направление которого - одна из главных задач этой книги. Формальная набожность и аскетическая дисциплина были связаны с возвышенными доктринами о происхождении человеческого духа и бессмертной судьбе, зависящей от поведения, а также от сакраментальной благодати через посредника Митру. В то время как вульгарные люди, возможно, успокаивались на внешнем очаровании и силе поклонения, были и те, кто упивался более духовным вероучением, изложенным нам одним из последних неоплатонических приверженцев Бога-Солнца. В нем говорилось о падении души в плен тела на короткий испытательный срок, о воскресении и великом суде, о конечном восхождении и блаженстве в жизни в Боге или о бесконечном изгнании из Его присутствия³²⁰⁸.

И все же две системы разделяла непроходимая пропасть, и у Митры были ассоциации, которые не могли спасти его от судьбы Юпитера и Деметры, Гекаты и Исиды. Правда, его судьбу ускорили враждебные силы и внешние по отношению к религии причины. Многие из его святилищ в придунайских провинциях и в верховьях Рейна были опустошены и погребены в руинах ордами захватчиков в третьем ^{веке}³²⁰⁹. А в четвертом веке самые яростные нападки христианской империи были направлены против культа, который считался покровителем магических искусств и приемом лукавого, чтобы пародировать и бросать вызов религии [pg 624] Креста.³²¹⁰ Но материальная сила, как бы яростно и решительно она ни применялась, хотя и ускоряла гибель персидского бога, лишь предвосхищала неизбежное поражение.

Определенная суровость митраизма, которая выгодно отличала его от других культов Востока, также ослабила его как популярную и устойчивую силу. Отсутствие женского очарования в его легенде, хотя и избавило его от чувственного пятна других языческих систем, лишило его очарования более мягкой и эмоциональной стороны человеческой природы.³²¹¹ Хотя женщины, возможно, не были полностью исключены из его мистерий,³²¹² все же Митра не приветствовал их с теплой симпатией, благодаря которой Деметра, Магна Матер и Исида так прочно удерживали воображение женщин на протяжении многих поколений. Mater Dolorosa во все века была пленительной силой. Легенда о Тауроктонусе была религией для выносливых мужчин. И даже ее символизм, со всеми его странными чарами, кажется, лишен глубины и тепла для человеческой природы в целом. Действительно, было бы опрометчиво ставить пределы силе благочестивых чувств, способных преобразить и оживить самые недуховные материалы. И зарезанный бык в апсиде каждой часовни Митры, возможно, вызывал в конце концов видения и мистические эмоции, которые выходили далеко за пределы астрального символизма.

Однако такая духовная интерпретация древнего мифа предназначена лишь для немногих, которые находят в поклонении то, что они приносят. Для широких масс символизм природных процессов, каким бы величественным он ни был, никогда не смог бы обрести ту чудесную силу, которая сделала единственную Божественную, но человеческую жизнь неиссякаемым источником духовной силы для всего будущего. При всех своих героических усилиях сделать себя моральной и духовной силой Митра оставался неразрывно связан с поклонением природе прошлого. А с такими ассоциациями даже бог света не мог быть повелителем духовного будущего человечества. Митраизм, при всей его странной нравственной силе, при всем очаровании древности и сакраментальной обрядности, при всем его милосердии и терпимости, таил в себе зародыши несомненной смертности. Именно в терпимости заключалась ее великая слабость. Христианская Церковь могла, по выражению С. Августина, "портить египтян", могла заимствовать [pg 625] и адаптировать обряды и символы из языческих храмов или идеи из греческой философии.³²¹³ Но, заимствуя, она преображала их. Во всем, что касалось главного, Церковь не хотела перемирия с язычеством. "Разбить идолов и освятить храмы" - таков был девиз великого понтифика. Но Митра был готов укрыть идолов под своей более чистой верой. Изображения Юпитера и Венеры, Марса и Гекаты, местных божеств Дакии и Верхней Германии нашли место в его часовнях рядом с античными символами персидской веры.³²¹⁴ И таким образом, несмотря на возвышенный нравственный мистицизм, Митра был нагружен наследием языческого прошлого. Человек, допущенный к его высшему служению, мог также поклоняться у старых алтарей Греции и Рима. Последний иерофант Элевсиса был верховным жрецом Митры.³²¹⁵ Человеческая природа и религиозные чувства настолько сложны, что люди искренней монотеистической веры Симмах, Пратекстат и Макробий оставили на своих гробницах почти хвастливую запись о всеохватывающей распушенности терпимости.³²¹⁶ На многих из этих плит можно прочесть, что человек, который был "отцом" в мистериях Митры, который был "рожден заново" в тавроболиуме, также является жрецом Гекаты, богини темных искусств и вредоносных духов [ночи](#)³²¹⁷. Через астральный фатализм Вавилона Митра был неразрывно связан с самыми мрачными суевериями Востока и [Запада](#)³²¹⁸, которые охватывали все виды тайных преступлений и вероломства, которые поддавались обольщению, заговорам и убийствам, которые включали в себя отрицание морального Провидения мира. Многие благочестивые почитатели Митры и Гекаты отшатнулись бы, как и мы, от последних результатов своего суеверия. Такие люди, вероятно, хотели лишь обрести еще одного союзника в противостоянии ужасам невидимого мира. И все же не приходится сомневаться, что величественное превосходство Митры, благодаря его старой связи с Вавилоном, давало приют некоторым из самых унижительных самозванств суеверия.

Религиозные чувства настолько укоренены в благоговении перед прошлым, перед тем, что любили и почитали наши отцы, что люди будут долго терпеть или даже с тоской лелеять священные формы и идеи, которые их нравственное чувство уже переросло. Вплоть до последних лет [pg 626] четвертого века персидское богослужение с вызывающим рвением защищали члены самых гордых римских домов. На своих философских собраниях в царствование Гонория они находили в поклонении Солнцу сумму и кульминацию языческой преданности прошлого.³²¹⁹ Многие благочестивые старые жрецы Митры в царствование Грациана, вероятно, были полны удивления и печали, когда увидели, как Грахх со своей свитой ворвался в святилище и сорвал со стены апсиды чтимые символы.³²²⁰ Он считал себя пророком чистой вековой веры, такой же чистой, как галилейская. Вероятно, он был человеком безупречной нравственности, даже с некоторой аскетической святостью, незапятнанной миром. Он хранил тайные предания загадочного Востока, которые последними утешительными таинствами провожали уходящую душу в полет к бесплотным мирам. Но он не видел, не сожалел, что каждый день, произнося литургию, совершая обход

алтарей, он придавал авторитет чистой веры другим культам, которые на протяжении сорока поколений пугали, развращали и одурманивали римский мир. Он не видел, что попытка соединить высокий духовный идеал с поклонением природе была обречена на провал. Массы вокруг него оставались в своей грубости и темноте. И в этот самый день, возможно, один из его аристократических учеников, занимавший высокое положение в священных гильдиях Митры, посещал жреческую коллегию, которой было поручено хранить грубые и дикие обряды, восходящие к Эвандеру, или консультировался с еврейской ведьмой, или вавилонским прорицателем о значении какого-нибудь зловещего предзнаменования, или же с холодным гордым удовлетворением отправлял на арену отряд галантных бойцов с Темзы или Дуная, чтобы те зарубили друг друга на радость римскому сброду. Митра, Непобедимый, бог многих земель и династий на заре истории, был притягательной силой. Но в свои лучшие времена он принадлежал к исчезающему порядку.

КОНЕЦ

Отпечатано в Великобритании издательством "Р. и Р. Кларк, Лимитед", Эдинбург.

Footnotes

1.
Ann. iii. 55; xvi. 5; cf. Suet. Vesp. ix. xii.
2.
Suet. Vesp. ii. quare princeps quoque et locum incunabulorum assidue frequentavit, manente villa, qualis fuerat olim, etc.
3.
Tac. Ann. xv. 23; xvi. 21, 34; Agric. 2, 45; Plin. Ep. iii. 16, § 10; vii. 19, § 3; iii. 11, § 3; ix. 13, § 3.
4.
Tac. Ann. xiv. 60.
5.
Tac. Ann. iv. 6; i. 80; xiii. 50, 51; xi. 24; Suet. Nero, x.; Dom. viii.; cf. Merivale, vii. 385; Renan, Apôtres, p. 308 sqq; Gréard, Morale de Plut. p. 200.
6.
Suet. Vitell. v.; Otho, iii. provinciam administravit moderatione atque abstinencia singulari.

7.

Sen. Ep. 47; De Ira, i. 5; iii. 24; De Benef. iv. 11, § 3; De Brev. Vit. xiii. § 7; Plin. Ep. iv. 22; Juv. xiv. 15 sqq.; xv. 131; D. Cass. lxvi. 15; Or. Henz. Inscr. Lat. 7244, Bene fac, hoc tecum feres; Denis, Hist. des Idées Morales, ii. 156, 172, 181.

8.

Sid. Apoll. Ep. viii. 6, § 5.

9.

Or. Henz. iii. Ind. p. 27 sq.

10.

Apul. Apol. c. 55, sacrorum pleraque initia in Graecia participavi, et plurimos ritus ... didici; Lamprid. Alex. Sev. c. 29, 43.

11.

Max. Tyr. Diss. viii.; xi. § 3; xvii.; D. Chrys. Or. xii. § 83.

12.

Renan, Les Évangiles, p. 382.

13.

Friedl. Sittenges. iv. 420; Denis, Idées Morales, ii. 200 sqq.; Renan, M. Aurèle, p. 24 sqq.

14.

Luc. Som. 32; Traj. 15; Charon, 15, 20; Tim. 14, 36; M. Aurel. v. 10, 33; ix. 29; 34; x. 19: cf. Sen. De Ira, ii. 8; Ad Marc. ii. 17, 20, 22; Petron. Sat. 88.

15.

Ep. 108, § 22; cf. Suet. Tib. lxi. nullus a poena hominum cessavit dies.

16.

Suet. Tib. 61; Tac. Ann. iv. 34.

17.

D. Cass. lix. 19; Suet. Calig. 53.

18.

Nec. Inj. xviii.; cf. Suet. Calig. 50; Sen. De Ira, i. 20; iii. 18; De Tranq. xiv.; Ad Polyb. xiii. xvii.; Ad Helv. x. 4; De Benef. iv. 31.

19.

Sen. De Ira, ii. 33.

20.

Tac. Ann. xii. 8; D. Cass. 60. 8; 61. 10; Sen. Ad Polyb. 13. 2; Ad Helv. 15. 2.

21.

For the worst charges v. D. Cass. lxii. 2; lxi. 10; Tac. Ann. 13. 13.

22.

D. Cass. l.c.; Tac. Ann. 13. 42. But cf. Seneca's reply, Tac. Ann. 14. 53, and 15. 62.

23.

Tac. Ann. 15. 65.

24.

Sen. Frag. 108.

25.

Sen. De Tranq. x. 6.

26.

Sen. Ep. i. 18; Tac. Ann. 14. 52.

27.

Ep. 70, § 14; 88, § 17; Ep. 77; De Ira, iii. 15; Ad Helv. 5, § 4.

28.

Mart. vii. 27, 11; Juv. xi. 4; Sen. Dial. 1, 5, 4; De Benef. vii. 22, 2; Friedl. Sittengesch. i. 281.

29.

Sen. De Ira, ii. 33; De Tranq. xii. 7.

30.

Sen. Ep. 97, § 2; Sen. De Benef. i. 10, § 1. Cf. De Ira, ii. 8; Ep. 95, § 20; Ep. 115, § 10.

31.

Sen. Ep. 90, § 42.

32.

Ep. 90, § 40.

33.

Ib. 90, § 38.

34.

Ib. 90, § 5, § 36, avaritia atque luxuria dissociavere mortales.

35.

Ib. 90, § 12.

36.

Sen. Ep. 90, § 19.

37.

De Brev. Vit. xvi. tarde ire horas queruntur; Ep. 77; Ep. 104, § 15.

38.

Ep. 115, § 10; De Ira, iii. 33; Ep. 60; Ep. 74.

39.

Ad Polyb. vi. 5, magna servitus est magna fortuna.

40.

De Ira, ii. 8.

41.

De Ira, ii. 33.

42.

Ib. iii. 35, deinde idem de republica libertatem sublatam quereris quam domi sustulisti.

43.

Ib. iii. 24, 32; Petron. Sat. 49, 53; Sen. Ep. 47, § 10; Juv. vi. 490; Sen. De Clem. i. 18.

44.

Boissier, Rel. Rom. ii. 353; Marq. Priv. i. 142; Wallon, L'Escl. dans l'Ant. ii. 146.

45.

Sen. De Brev. V. xiii.

46.

Ib. xvi. transilire dies volunt.

47.

Id. Ep. 104, § 15; 89, § 20; Ep. 28.

48.

Id. De Tranq. xii. § 7.

49.

Mart. ii. 7, 8 (v. note on the word in Friedländer's ed.); iv. 78.

50.

Sen. Ep. i. 9; cf. Friedl. Sittengesch. i. 271.

51.

Juv. xi. 4; Mart. vii. 97; Quintil. vi. 3, 105; Sen. De Tranq. xii. § 7; De Ben. vii. 22, 2; De Prov. i. 5, 4; Boissier, L'Opp. p. 201 sqq.

52.

Ad Marc. xx.; De Tranq. x.; Ep. 94 ad fin.; Ep. 70.

53.

Ep. 90, § 43, at vos ad omnem tectorum pavetis sonum et inter picturas vestras, si quid increpuit, fugitis attoniti.

54.

Ep. 70, § 14; Ep. 88, § 17, malis paratus sum; Ep. 24, § 11; Ad Polyb. ix. nullus portus nisi mortis; Ad Marc. xx. mors quae efficit ut nasci non supplicium sit.

55.

Ad Marc. x.

56.

Ad Polyb. vi.

57.

Ad Marc. xxii. § 3.

58.

Ad Polyb. ix.; Ep. 77; Ad Marc. xxi. § 7.

59.

Ep. 108, § 17. He adopted the Pythagorean discipline under the influence of Sotion, a pupil of Sextius, but gave it up on the proscription of suspected rites in the reign of Tiberius, cf. Suet. Tib. 36; cf. Zeller, *Die Phil. der Gr.* iii. 1, 605.

60.

D. Cass. 62. 2; 61. 10. Zeller, iii. 1, 641, n. 1.

61.

D. Cass. l.c.

62.

Tac. Ann. xv. 55.

63.

Suet. Vesp. 15.

64.

Sen. Ep. 73, § 3.

65.

Ib. 103, § 4.

66.

De Clem. i. 19; Plin. Paneg. i. 72; D. Chrys. Or. ii. § 77; iii. § 39; 70 sqq.

67.

Suet. Dom. 23; Nero, 57; cf. Tac. Hist. i. 7, ipsa aetas Galbae irrisui ac fastidio erat adsuetis iuventae Neronis et imperatores forma ac decore corporis ... comparantibus.

68.

Suet. Calig. 50; cf. Sen. Nec. Inj. 18; De Ira, i. 20; ii. 33; iii. 18; De Ben. ii. 12, 21.

69.

Suet. Calig. 38.

70.

Id. Nero, 6.

71.

De Clem. i. 1, § 2, electusque sum qui in terris deorum vice fungerer.

72.

Ib. i. § 5.

73.

Ib. i. 4, 1, ille vinculum per quod respublica cohaeret, ille spiritus vitalis.

74.

Ib. i. 17, 1.

75.

Ib. i. 7, 2.

76.

De Clem. i. 12.

77.

Ib. i. 13, 2, scelera enim sceleribus tuenda sunt.

78.

Renan, L'Antéchr. p. 125.

79.

De Clem. i. 1, § 2, egone ex omnibus mortalibus placui electusque sum qui in terris deorum vice fungerer?

80.

Suet. Nero, c. 4.

81.

Ib. c. 5.

82.

Sen. De Clem. i. 1, § 5.

83.

Suet. Nero, c. 15; cf. Dom. c. viii.

84.

Nero, c. 16.

85.

Ib. c. 12, instituit et quinquennale certamen primus omnium Romae more Graeco triplex, etc.

86.

Ib. c. 20; 53; Renan, L'Antéchr. p. 132.

87.

Suet. Nero, c. 39.

88.

Ib. c. 50.

89.

Renan, L'Antéchr. p. 316.

90.

Suet. Nero, c. 49; Renan, L'Antéchr. 130. sqq.

91.

Suet. Nero, c. 24, 49, 52, 55; Tac. Ann. xiv. 16; cf. Macé, Suétone, p. 179; Boissier, L'Opp. p. 265.

92.

Suet. Nero, c. 53, c. 20, cf. c. 24.

93.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 36, 39; Tac. Ann. xiv. 15, 16; xv. 67, *odisse coepi postquam parricida matris et uxoris, auriga et histrio et incendiarius extitisti*; Suet. Nero, c. 21; D. Cass. 63. 9, 10.

94.

Suet. Nero, c. 23.

95.

Ib. c. 32.

96.

Merivale, viii. p. 70 sq.; Schiller, *Gesch. der Röm. Kaiserzeit*, i. p. 467.

97.

Petron. Sat. 8, where the decay of artistic sense is traced to the grossness of evil living; *at nos vino scortisque demersi ne paratas quidem artes audemus cognoscere*.

98.

Suet. Nero, c. 11, 12.

99.

Tac. Ann. 15. 42.

100.

Ib. 16. 1; Suet. Nero, 31.

101.

Ib. 16, 31.

102.

Ib. c. 31; cf. Otho, 7.

103.

Suet. Nero, c. 40.

104.

Ib. c. 29 ad fin.

105.

Ib. c. 32; D. Cass. 63. 17.

106.

Suet. Nero, c. 56.

107.

Suet. Nero, c. 32; D. Cass. 63. 11.

108.

Tac. Agric. c. 3, *sic ingenia studiaque oppresseris facilius quam revocaveris*.

109.

Peter, *Gesch. Litt.* ii. 53 sqq.

110.

Seneca died in 65 A.D. The Histories of Tacitus were published circ. 106-107; cf. Plin. Ep. vii. 20; Peter, Gesch. Litt. ii. 42.

111.

Tacitus was born about 55 A.D. (Peter, ii. 43; Macé, Suétone, p. 35, 81; Momms. Plin. p. 51). He was, perhaps, fifteen years older than Suetonius, and seven years older than Pliny.

112.

Plin. Ep. i. 6, 20; iv. 13; vi. 9, 16, 20; vii. 20, 33; viii. 7; ix. 10, 14.

113.

Hist. i. 1; Ann. xi. 11. This latter important passage fixes the date of his praetorship, 88 A.D.; cf. Teuffel, ii. p. 165 n. 6; Peter, ii. 43.

114.

Agric. c. 45.

115.

Hist. i. 1, sed incorruptam fidem professis, neque amore quisquam et sine odio dicendus est; Nipperdey, Einl. xxvi.

116.

Merivale, viii. 84, Schiller, Gesch. der Röm. Kaiserzeit, i. 140, 586. According to Schiller, Tacitus has no research, no exactness of military or geographical knowledge, no true conception of the time. He is an embittered aristocrat and rhetorician. For a sounder estimate v. Peter, ii. 43, 60, 63; Nipperdey, Einl. xxv. For the influence on the work of Suetonius of the Senatorial tradition, v. Macé, Suétone, p. 84; Peter, Gesch. Litt. ii. 69.

117.

Peter, Gesch. Litt. ii. 66.

118.

Merivale, viii. 95 sqq.

119.

Peter, ii. 46 sqq.

120.

Ib. ii. 188, 200.

121.

His father was probably a Roman Eques, procurator in Belgium; Plin. H. N. vii. 16, 76.

122.

Macé, Suétone, p. 83, Peter, ii. 69 sqq.

123.

Tac. Ann. i. 7; xv. 71; Agr. 45; Peter, ii. 62.

124.

Ann. xiv. 12, 57; Hist. iv. 6; Agr. 42; Peter, ii. 47.

125.

Agr. 42.

126.

Ann. iii. 65, praecipuum munus annalium reor, ne virtutes sileantur, utque pravis dictis factisque ex posteritate et infamia metus sit; cf. Peter, ii. 46; Nipperdey, Einl. xxvi.

127.

Tac. Ann. i. 39, 41.

128.

Ib. c. 61, 62.

129.

Hist. ii. 49.

130.

Ann. ii. 82.

131.

Hist. iii. 72.

132.

Ib. iii. 83.

133.

Agr. 32.

134.

Germ. 17, 19, 20, 23, 25.

135.

Germ. 33, ad fin.

136.

Hist. i. 3; ii. 38; iii. 72; Peter, ii. 62. Yet this should be qualified by such passages as Ann. iii. 55; Agr. i.; cf. Nipperdey, Einl. xxvii.

137.

Ann. iii. 65.

138.

Ib. iii. 26.

139.

M. Aurel. ix. 29, 34; x. 19.

140.

Tac. Ann. iii. 55; M. Aurel. vii. 1; ix. 4; x. 23; ix. 28.

141.

Agr. 3.

142.

Plin. Paneg. 35, 53, 54, 66; cf. Tac. Hist. i. 1.

143.

Hist. i. 1, omnem potentiam ad unum conferri pacis interfuit; cf. Hist. i. 16; ii. 38.

144.

Ann. xiv. 47; Hist. iv. 8, bonos imperatores voto expetere, qualescumque tolerare.

145.

Ann. xv. 46; vi. 42; iv. 33; iii. 27; Hist. ii. 38.

146.

Peter, ii. 53; Ann. vi. 42.

147.

Hist. i. 16; Peter, ii. 61.

148.

Tac. Agr. i.

149.

Peter, ii. 48.

150.

Tac. Ann. i. 76; quanquam vili sanguine nimis gaudens. Cf. Dial. de Or. 29; Plin. Ep. vi. 34, 1.

151.

Ann. xiv. 43; Germ. 20.

152.

Germ. 33. Cf. his contempt for the Christians and devotees of Eastern cults, Ann. ii. 85; xv. 44.

153.

Ann. i. 53; iv. 3; iii. 39; vi. 29; xii. 12; iii. 24; xvi. 16. Cf. Peter, ii. 51.

154.

Ann. xiv. 14.

155.

Ann. ii. 21; vi. 27; iv. 3.

156.

De Or. 29.

157.

Agr. 4.

158.

Germ. 19, saepta pudicitia agunt, nullis spectaculorum inlecebris ... corruptae; De Or. 29.

159.

Hist. iii. 37; Ann. i. 7; xv. 57, 71.

160.

Agr. 22.

161.

Ib. 40.

162.

Ann. xv. 60.

163.

Ib. xv. 57.

164.

Ib. xiv. 60.

165.

Ann. xv. 71.

166.

Hist. i. 2.

167.

Agr. 4, memoria teneo solitum ipsum narrare se studium philosophiae acrius, ultra quam concessum Romano ac Senatori, exhausisse. Cf. Fabian, Quid Tac. de num. Div. judicaverit, p. 1.

168.

Hist. v. 5; Nipperdey, Einl. xiv.

169.

Hist. i. 22; ii. 78; i. 86. But cf. Ann. xii. 43, 64; xiv. 32; xv. 8; Hist. i. 3; ii. 50; and Fabian, pp. 17, 19.

170.

Ann. iv. 20; cf. vi. 22.

171.

Hist. ii. 38.

172.

Ann. xiv. 12; Fabian, p. 23.

173.

Ann. xvi. 33, aequitate deum erga bona malaque documenta.

174.

Ann. iii. 55; cf. xvi. 5.

175.

Friedl. Sittengesch. iii. pp. 80, 81.

176.

Plin. Paneg. 45; Claudian, In Cons. Hon. 299, componitur orbis Regis ad exemplum.

177.

Suet. De Clar. Rhet. c. 1.

178.

Id. Nero, 21; Philostr. Apoll. Tyan. iv. 39.

179.

Friedl. Sittengesch. i. 54.

180.

Suet. Calig. 37; Sen. Ad Helv. x.

181.

Suet. Calig. 37.

182.

Suet. Nero, c. 30.

183.

Ib. c. 27.

184.

Ib. c. 30.

185.

Ib. c. 31; Tac. Ann. xv. 42.

186.

Suet. Otho, 5, nihilque referre, ab hoste in acie, an in foro sub creditoribus caderet.

187.

Id. Vitell. c. 13.

188.

Id. Vesp. 16; D. Cass. 66. 2, 8, 10.

189.

D. Cass. 67. 5; Suet. Dom. 12.

190.

D. Cass. 68. 2, συστέλλων ὡς οἶόν τε τὰ δαπανήματα.

191.

Capitol. M. Aurel. c. 17, in foro divi Trajani auctionem ornamentorum imperialium fecit vendiditque aurea pocula et cristallina, etc.

192.

Suet. Dom. iii.

193.

Suet. Otho, iii.; Vitell. v.; Dom. viii.; Boissier, L'Opp. p. 170.

194.

Tac. Ann. i. 72; ii. 50; xiv. 48. For a clear account of this v. Boissier, L'Opp. p. 165.

195.

Suet. Dom. x.; cf. xii. satis erat obici quaecunque factum dictumve adversus majestatem principis.

196.

Ib. xii.

197.

Tac. Ann. xi. 27; xiii. 6, in urbe sermonum avida; Hist. ii. 91; Mart. v. 20; Friedl. Sittengesch. i. p. 280.

198.

D. Cass. 52. 37.

199.

Mart x. 48, 21; cf. Friedl. Chronologie der Epigr. Mart. p. 62; Friedl. Sittengesch. i. p. 285; Epict. Diss. iv. 13, 21, 5; Aristid. Or. ix. 62.

200.

Tac. Ann. iv. 69.

201.

Philostr. Apoll. Tyan. vii. 24.

202.

Tac. Ann. i. 72, 74, Crispinus formam vitae iniit quam postea celebrem miseriae temporum et audaciae hominum fecerunt, etc.; cf. iii. 25; Sen. De Ben. iii. 26; Suet. Tib. lxi.

203.

Tac. Ann. iv. 20.

204.

Suet. Dom. xx. praeter commentarios et acta Tiberii nihil lectitabat; Plin. Paneg. 42, 48.

205.

Suet. Dom. xv.

206.

Tac. Hist. ii. 10; Plin. Paneg. 35; D. Cass. 68. 1; Jul. Capitol. Ant. P. c. 7; id. M. Aurel. c. 11; Meriv. vii. 370.

207.

Tac. Ann. xv. 34; iii. 66; Hist. iv. 42.

208.

Schol. ad Juv. iv. 53; Duruy, iv. 660.

209.

Tac. Ann. iv. 20.

210.

Ib. xvi. 33; Boissier, L'Opp. p. 186.

211.

Plin. Ep. ii. 20, 13; iv. 2; cf. Tac. Hist. iv. 42; Mart. vii. 31.

212.

Boissier, L'Opp. p. 193.

213.

Plin. Ep. ii. 11, 22.

214.

Ib. iv. 7; i. 20, 15.

215.

Ib. ii. 11, 22; ii. 20.

216.

Plin. Ep. ii. 20, 2.

217.

Ib. iv. 7.

218.

E.g. Boissier, L'Opp. p. 296; Peter, Gesch. Litt. ii. p. 65: Teuffel, § 328, 15; Mackail, Lat. Lit. p. 215.

219.

Schiller, i. pp. 140, 586; Meriv. viii. 89 sqq.

220.

Suet. Claud. x.; Calig. lx.; D. Cass. 60. 1. On the assassination of Caligula, the Senate debated the question of abolishing the memory of the Caesars, and restoring the Republic; but the mob outside the temple of the Capitoline Jupiter demanded "one ruler" of the world.

221.

Tac. Ann. xi. 25; xiii. 27.

222.

Suet. Calig. xxx.; xxvi.; Nero, xxxvii. eumque ordinem sublaturum quandoque e republica...; cf. xliii. creditur destinasse senatum universum veneno per convivia necare.... D. Cass. 63. 15, 17.

223.

Plin. Paneg. 54, 62, 64; Spart. Hadrian, 6, 7, § 4; 8, § 6.

224.

Suet. Claud. x.

225.

D. Cass. 66. 16; Suet. Vesp. xxv.

226.

See the speech of the dying Hadrian to the Senators, D. Cass. 69. 20.

227.

Boissier, L'Opp. 102.

228.

Tac. Ann. xvi. 21; xv. 23; xiv. 48, id egregio sub principe ... senatui statuendum disseruit.

229.

Suet. Vesp. xv.; cf. xiii., where Demetrius is guilty of similar rudeness; D. Cass. 66. 12.

230.

Philostr. Apoll. Tyan. v. 35.

231.

Ib. vii. 3, 4.

232.

Ib. vii. 8, 33; cf. D. Cass. 67. 18.

233.

Philostr. Apoll. Tyan. vii. 9.

234.

D. Cass. 66. 12, βασιλείας τε ἀεὶ κατηγορεῖ καὶ δημοκρατίαν ἐπῆναι.

235.

Suet. Dom. xxi.

236.

D. Cass. 66. 16.

237.

D. Cass. 68. 3.

238.

Spart. Hadr. 7, § 15.

239.

Jul. Capitol. M. Ant. 24, 25.

240.

Momms. Staatsr. ii. 787-821; Professor Pelham has given a luminous account of the Principate in Encycl. Brit. vol. xx. p. 769.

241.

Suet. Octav. xxviii.

242.

Tac. Ann. i. 15.

243.

Suet. Claud. x.; D. Cass. 60. 1; where the soldiers plainly close the impotent debates in the Senate, and by hailing Claudius as emperor.

244.

Momms. Röm. Staatsr. ii. 839.

245.

v. Pelham, Encycl. Brit. xx. p. 779.

246.

Suet. Calig. xxix.

247.

D. Cass. 59. 24.

248.

Ib. 56. 1; Tac. Ann. vi. 13; Suet. Dom. xiii.; Plut. Galba, 17.

249.

Plin. Paneg. 43, 44, 35.

250.

Ib. 24, 62, 63, 66.

251.

Ib. 80.

252.

Ib. 62, 63, 64.

253.

Ib. 66.

254.

Ib. 72.

255.

Ib. 64.

256.

Plin. Paneg. 69.

257.

Tac. Ann. xiii. 1; xiv. 52; xv. 48.

258.

D. Cass. 63.17, πᾶσι γὰρ παρ' αὐτῷ δημόσιον ἔγκλημα ἦν ἀρετὴ τε καὶ πλοῦτος καὶ γένος: Tac. Hist. ii. 76.

259.

Tac. Ann. ii. 32; xii. 52; D. Cass. 49. 43; D. Cass. 66. 10, 9; Suet Tib. lxiii.

260.

Suet. Tib. xiv. lxix.

261.

Tac. Ann. xii. 52.

262.

Suet. Nero, xxxvi.

263.

Id. Otho, iv.

264.

Id. Vitell. xiv.

265.

Ib. ne Vitellius Germanicus intra eundem kalendarum diem usquam esset.

266.

D. Cass. 66. 10, 9.

267.

Suet. Dom. xv.

268.

Tac. Hist. i. 2.

269.

Tac. Ann. xiv. 64.

270.

Ib. xiv. 10, 12.

271.

Ib. xiv. 10; Suet. Nero, xxxiv.

272.

Tac. Ann. xv. 48.

273.

Ib. xv. 57.

274.

Ib. xv. 54.

275.

Ib. xv. 70; probably Lucan, Phars. iii. 638.

276.

Tac. Ann. xv. 71.

277.

Ib. xv. 73.

278.

Ib. xv. 68, 69.

279.

Plin. Ep. iii. 16; Tac. Ann. xv. 63.

280.

Tac. Ann. xiv. 60.

281.

Tac. Ann. xiv. 22, 57.

282.

Ib. xvi. 10.

283.

Ib. xvi. 11.

284.

Ib. xv. 60.

285.

Ib. xiv. 61.

286.

Ib. xiv. 42, senatusque obsessus in quo ipso erant studia nimiam severitatem aspernantium.

287.

Ib. xv. 67.

288.

Tac. Hist. ii. 49.

289.

Ib. iii. 84.

290.

Ib. i. 88, segnis et oblita bellorum nobilitas, etc.

291.

Ib. i. 88.

292.

Ib. iii. 37, nulla in oratione cujusquam erga Flavianos duces obtrectatio; cf. i. 90; of the Acta of the Arval College, C.I.L. vi. 2051 sq.

293.

Ib. iv. 3.

294.

Suet. Nero, x.; Vesp. xvii.; Spart. Hadr. 7, § 9.

295.

Juv. i. 100.

296.

Tac. Ann. xiii. 34.

297.

Ib. ii. 37, 38.

298.

Tac. Hist. i. 35.

299.

Sen. De Ira, ii. 33; cf. iii. 19.

300.

Tac. Ann. xiv. 58.

301.

Suet. Nero, xxxvii.

302.

Tac. Ann. xiv. 14; Juv. viii. 193; Suet. Calig. xviii. xxx.; D. Cass. lix. 10.

303.

Suet. Calig. xxvii.

304.

Sen. De Ira, ii. 33.

305.

Tac. Ann. xiii. 12; xvi. 18; Suet. Vitell. iv.

306.

Renan, Les Év. p. 140. Some of their anonymous sneers may be traced in Suet. Vesp. xvi. xxiii. xiv.; cf. Duruy, iv. 653.

307.

D. Cass. 66. 16, ἐπεβουλευθή μὲν ὑπὸ τε τοῦ Ἀλιηνοῦ καὶ ὑπὸ τοῦ Μαρκέλλου. Cf. Suet. Vesp. xiv.; Macé, Suétone, p. 86.

308.

Cf. Boissier, L'Opp. p. 169 sqq.; Bury, Rom. Emp. p. 395.

309.

On the sources of the history of the Flavians, v. Krause, De C. Sueton. Tranq. Fontibus; Macé, Suétone, p. 364, 376; Peter, Gesch. Litt. d. Kaiserzeit, ii. 69, 70. For the senatorial attitude to Domitian, v. Plin. Paneg. 48; Tac. Agr. 3, 41, 42, 45; Hist. iv. 51; iv. 2; Suet. Dom. xxiii.

310.

Nagel, Imp. T. Flav. Domitianus iniquius dijudicatus.

311.

Meriv. vii. 356.

312.

Suet. Dom. viii.

313.

Tac. Agr. 39; cf. 41, tot exercitus in Moesia ... amissi. D. Cass. 67. 4, 7; cf. Stat. Silv. iv. 3, 153; Mart. ix. 102; vii. 80, 91, 95; Meriv. vii. 347.

314.

Tac. Agr. 39.

315.

Quintil. iv., prooem. 2; Statius, Silvae, iv. 2, 13; iii. 1, 1; Mart. ii. 91; iv. 27, iii. 95. For the flattery of Martial, v. esp. v. 19, 6; ix. 4; Spectac. 33.

316.

Suet. Dom. iv.

317.

Ib. xx.

318.

Ib. vii.; Philostr. Apoll. Tyan. vi. 42; Vit. Soph. i. 12.

319.

Pliny was probably Quaestor in 90 A.D.; Trib. Pleb. 92; Praetor 93. Cf. Momms. (Morel) p. 61. Tacitus says, Hist. i. 1, dignitatem a Domitiano (81-96) longius provectam non abnuerim. From Ann. xi. 11 it appears that he was Praetor in 88. Cf. Peter, Gesch. Litt. ii. 43.

320.

Duruy, iv. 697 n.

321.

Silv. iii. 4, 37.

322.

Meriv. vii. 354.

323.

D. Cass. 67. 14; Suet. Dom. xiv.

324.

Mart. iv. 63; vi. 21, crudelis nullaue invisior umbra.

325.

Suet. Dom. xxiii.

326.

Suet. Dom. x.

327.

Renan, Les Évang. p. 291, Domitien, comme tous les souverains hypocrites, se montraite sévère conservateur.

328.

Suet. Dom. xiii.

329.

Mart. viii. 65.

330.

Suet. Dom. xiii.; Mart. v. 8, 1 (v. Friedländer's note), vii. 2 and 34; viii. 2, 6; Stat. Silv. v. 1, 37; Meriv. vii. 375.

331.

Suet. Dom. v.; Gregorov. Gesch. St. Rom. i. 41.

332.

Rutil. Namat. i. 93.

333.

Suet. Dom. v. ad fin.; iv.

334.

D. Cass. 67. 8.

335.

Suet. Dom. xii.

336.

Pliny, Paneg. 50.

337.

Dion Cass. 67. 4, τιμητῆς δὲ διὰ βίου πρῶτος δὲ καὶ μόνος καὶ ἰδιωτῶν καὶ αὐτοκρατόρων ἐχειροτονήθη: Momms. Röm. St. ii. 1012.

338.

D. Cass. 67. 11.

339.

Agr. 45.

340.

Suet. Dom. xiv. parietes phengite lapide distinxit.

341.

Ib. xvi.

342.

D. Cass. 67. 9.

343.

Ib. 67. 4.

344.

Tacitus b. probably 55 A.D. Dial. de Or. 1, juvenis admodum in 75 or 76; cf. Agr. 9. He was betrothed in 77 A.D.; cf. Meriv. viii. 92; Peter, Gesch. Litt. ii. 43; Nipperdey, Einl. iv. Juvenal b. circ. 55 A.D. (Peter, ii. 77); decessit longo senio confectus exul Ant. Pio imp. Vit. iv.; Teuffel, § 326, 1.

345.

Nettleship, Lectures and Essays, pp. 118 sqq.

346.

Or. Henz. 5599, IIVir. Quinq. Flamen Divi Vespasiani.

347.

Boissier, L'Opp. p. 316.

348.

Juv. xi. 74, 150; cf. xiv. 322.

349.

Mart. xii. 18.

350.

Juv. v. 30 sqq.; cf. Mart. iii. 49; iii. 60.

351.

Juv. i. 52; Mart. x. 4; iv. 49.

352.

Juv. vi. 43; v. 30 sqq.; ix. 10 sqq.; xi. 186.

353.

It has been remarked that Martial's Epigrams on Juvenal all contain some obscenity, vii. 24; vii. 91, xii. 18.

354.

Teuffel, § 326, 4; Peter, *Gesch. Litt.* ii. 77; Nettleship, *Lectures and Essays*, p. 122, brings together the indications of date from 96-127 A.D. He thinks that perhaps some of the earlier Satires belong to the last years of Domitian, and that the words, *spes et ratio studiorum in Caesare tantum*, in Sat. vii., may refer to that Emperor (p. 132).

355.

Juv. i. 170.

356.

Marius Priscus, Isaeus, Archigenes.

357.

See a comparison of passages in Nettleship, pp. 125 sqq.

358.

He says of himself, i. 5, 8, *lasciva est nobis pagina, vita proba est*; cf. iii. 68; v. 2; Ausonius urges the same plea, cf. *Idyll.* xiii. Pliny finds a long series of examples to warrant his indulgence in loose verses, Ep. iv. 14; cf. v. 3. It was a bad tradition of literature; cf. Nettleship, *Lectures and Essays*, p. 39.

359.

i. 14; iv. 13, 75.

360.

v. 34, 37; x. 61.

361.

i. 79; vii. 52.

362.

iii. 58; i. 56; ii. 38; cf. iii. 38.

363.

iii. 58.

364.

i. 50; iv. 55; xii. 18.

365.

Especially Sat. xi. xiii. xiv. xv.; cf. Munding, *Über die Sat. Juv.* p. 12.

366.

v. Bk. ii. c. 3 of this work. M. Boissier has thrown a vivid light on this class in his *Rel. Rom.* iii. 3.

367.

Boissier, *Rel. Rom.* ii. 198; Nettleship, *Lectures and Essays* p. 136.

368.

xiii. 120; ii. 1 sqq.; cf. Mart. ix. 48.

369.

He refers, however, with respect to Seneca, viii. 212.

370.

viii. 90 sqq.; cf. Boissier, *L'Opp.* p. 332.

371.

Juv. xv. 131; cf. Sen. *De Ira*, i. 5; ii. 10, 25; iii. 24.

372.

Juv. xiii. 190.

373.

xiii. 208, nam scelus intra se tacitum qui cogitat ullum Facti crimen habet.

374.

xiv. 30; Tac. *De Or.* 28, 29.

375.

xi. 153.

376.

vi. 510.

377.

xiii. 39.

378.

xiii. 208.

379.

Juv. i. 87, 147; x. 172 cf. Sen. *Nat. Q.* vii. 31; *De Ira*, ii. 8 sq.

380.

e.g. the picture of Otho, ii. 99; of Messalina, vi. 114; Lateranus, viii. 146; Sejanus, x. 56; Cicero, etc., viii. 231.

381.

Tac. *Hist.* ii. 64; cf. Plin. *Ep.* iv. 19; iii. 16; D. Cass. 68. 5; Sen. *ad Helv.* xiv.

382.

Juv. xi. 109; iii. 152, 183.

383.

xi. 78.

384.

Tac. *Ann.* iii. 55; Sen. *Ad Helv.* x. 3; *Ep.* 89, § 22.

385.

Statius, *Silv.* v. 36; ii. 85.

386.

Petron. c. 60; Sen. *Ep.* 95, § 9; Friedl. *Sittengesch.* iii. p. 67.

387.

Plin. H. N. vi. 26; ix. 58; xii. 41. Cf. Friedl. iii. p. 80; Marq. Röm. St. ii. 53.

388.

Suet. Nero, xxx. putabat sordidos ac parcos esse quibus ratio impensarum constaret, etc.

389.

Sen. Ep. 87, § 4; Suet. Tib. xxxv.; Friedl. i. 196.

390.

Liv. xxxiv. 1; Tac. Ann. iii. 53, 54.

391.

Liv. xxxiv. 6, 7; Marq. Priv. i. 62, 162; Momms. R. Hist. ii. 409.

392.

Momms. R. Hist. iii. 417.

393.

Ib. 418; cf. Plin. H. N. ix. 80, 81; x. 23; Plut. Lucull. c. 40; Macrob. Sat. iii. 13, § 1.

394.

Macrob. Sat. iii. 13, § 11.

395.

Hieron. Ep. 117, § 8; Amm. Marc. xiv. 6, 7; xxviii. 4.

396.

Juv. xi. 69.

397.

Thucyd. i. 95.

398.

Prescott, Conquest of Peru, i. 304.

399.

Tac. Ann. xii. 53 (Pallas); D. Cass. 60. 34 (Narcissus); Tac. Ann. xiii. 42; D. Cass. 61. 10; cf. Duruy, v. p. 598.

400.

Tac. Ann. xv. 42.

401.

Juv. viii. 10.

402.

Plin. Paneg. 69.

403.

Suet. Tib. i. Cf. the funeral oration of Julius Caesar over his aunt, quoted by Suet. Jul. Caes. 6.

404.

Id. Nero, i.

405.

Tac. Ann. vi. 33.

406.

Ib. xv. 48.

407.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 12.

408.

Philostr. Vit. Soph. ii. 1.

409.

Hieron. Ep. 108, § 4.

410.

Tac. Ann. xi. 21, Curtius Rufus videtur mihi ex se natus.

411.

Juv. viii. 285 sqq.

412.

Tac. Ann. xi. 25.

413.

Sen. De Ira, ii. 33, § 2; Juv. iv. 96.

414.

Appian, B. C. iv. 5.

415.

Suet. Tib. 61, nullus a poena hominum cessavit dies.

416.

Id. Claud. xxix.

417.

Tac. Ann. xi. 25.

418.

Suet. Vesp. ix.; cf. Tac. Ann. iii. 55.

419.

Sym. Ep. ii. 78; Seeck, Prol. xlv.

420.

Suet. Octav. xli.

421.

Id. Nero, x.; Vesp. xvii.

422.

Tac. Ann. ii. 37, 38.

423.

Tac. Ann. xi. 25; D. Cass. lx. 29. The last revision of the Senate was in the reign of Augustus; D. Cass. lv. 13.

424.

Tac. Ann. xiii. 34; Juv. i. 107.

425.

Juv. i. 103.

426.

Petron. Sat. c. 116, 124; Plin. Ep. ii. 20; Juv. i. 37; iii. 31.

427.

Juv. iv.; i. 27.

428.

D. Cass. lix. 26.

429.

Tac. Ann. xiv. 12.

430.

Suet. Tib. lxvii.

431.

Calig. xxiii. xxiv.; cf. L. comitali morbo vexatus, which explains much to a medical man.

432.

Ib. xxiii.

433.

Ib. xxii.; cf. Sen. De Ira, i. 20.

434.

Suet. Calig. xxxiv. xxxv. vetera familiarum insignia nobilissimo cuique ademit; xxii.

435.

Ib. liv. lv. quorum vero studio teneretur, omnibus ad insaniam favit.

436.

Suet. Jul. Caes. xxxix.

437.

D. Cass. xlviii. 43.

438.

Suet. Tiberius, xxxv.

439.

Id. Calig. xviii. nec ullis nisi ex senatorio ordine aurigantibus; D. Cass. 59. 10, 13, Suet. Nero, xii.

440.

Id. Dom. viii. vii.

441.

Id. Nero, xx. xxi.

442.

Juv. viii. 89, 147.

443.

Suet. Nero, xl.; v. Krause, *De Sueton. Fontibus*, pp. 57, 80; Peter, *Gesch. Litt.* ii. 69.

444.

Tac. Ann. xv. 67.

445.

Ib. xiv. 16; cf. Suet. Nero, lii., where Suetonius distinctly says that some of Nero's verses, which he had seen, bore all the marks of originality. Philostr. *Apoll. Tyan.* iv. 39; Macé, *Suétone*, p. 127; Boissier, *L'Opp.* p. 248.

446.

Suet. Nero, xxvii.

447.

Ib. xxvi.; cf. Juv. vi. 115.

448.

Juv. viii. 172.

449.

Suet. Nero, xxvi.

450.

Tac. Hist. i. 88.

451.

See some admirable criticism in Nettleship's *Lectures and Essays*, 2nd series, p. 141; cf. Munding, *Über die Sat. des Juv.* p. 7.

452.

Duruy, v. 673; Boissier, *Rel. Rom.* ii. 233 sqq.

453.

Plin. Ep. iv. 19; iii. 16; iii. 3; Sen. *Ad Helv.* xiv. xix.; D. Cass. lxxviii. 5 ad fin.

454.

Ov. *Trist.* iii. 3, 15—

Omnia cum subeant, vincis tamen omnia, conjux;

Et plus in nostro pectore parte tenes.

Te loquor absentem, te vox mea nominat unam:

Nulla venit sine te nox mihi, nulla dies.

455.

Id. *Amor.* iii. 4, 3; cf. *Ars Am.* ii. 599, iii. 440, 613, Denis, *Idées Morales*, ii. 124.

456.

Plut. Consol. ad Uxor. x.; Conj. Praec. iv. xlv. xlvii.

457.

A. Gell. xii. 1.

458.

Denis, ii. 134; Zeller, Die Phil. der Griech. iii. 1, p. 660.

459.

D. Chrys. Or. vii. 133.

460.

Juv. vi. 436—

Committit vates et comparat; inde Maronem,

Atque alia parte in trutina suspendit Homerum.

Cedunt grammatici, vincuntur rhetores—

461.

Juv. vi. 400 sqq.

462.

Ib. 268.

463.

Ib. 108, 60.

464.

Ib. 427.

465.

Ib. 252.

466.

Ib. 493.

467.

Ib. 528.

468.

Momms. R. Hist. ii. 408 (Tr.).

469.

Liv. vi. 34.

470.

Plut. Cato Maj. c. xx.; Juv. vi. 165, 460.

471.

Val. Max. ii. 1, 5; Liv. xxxiv. 1, 3; Marq. i. p. 62.

472.

Momms. R. Hist. ii. 408.

473.

Cic. in Verr. i. 42, 107.

474.

Sym. Ep. vi. 67; cf. Suet. Octav. lxiv.; Or. Henz. 2677, 4629, 4629, lanifica, pia, pudica, casta, domiseda.

475.

Macrob. Sat. iii. 14, 11.

476.

Friedl. i. 312; Boissier, Rel. Rom. ii. 240.

477.

Lucr. iv. 1160; Juv. vi. 192.

478.

Plut. Pomp. lv.

479.

Suet. Gram. Ill. 16.

480.

Ov. Ars Am. ii. 282.

481.

Mart. xii. 98, 3; cf. Sen. Ad Helv. xvii.; Ad Marc. xvi.

482.

Claud. Laus Serenae, 146.

483.

Sen. Ad Marc. 4.

484.

Epict. Fr. liii.

485.

Tac. Ann. iv. 53; cf. Plin. H. N. vii. 8, 46.

486.

Mart. x. 35; vii. 69.

487.

Sid. Apoll. Carm. ix. 261.

488.

C.I.G. 4725-31.

489.

Juv. vi. 403; cf. 434.

490.

Suet. Octav. lxxxiv.

491.

Tac. Ann. xii. 37, novum sane et moribus veterum insolitum, feminam signis Romanis praesidere.

492.

D. Cass. lxi. 14; cf. Suet. Vesp. xvi.; Krause, De Suet. Fontibus, p. 75.

493.

Tac. Ann. iii. 33; cf. i. 64; i. 69, sed femina [i.e. Agrippina] ingens animi munia ducis per eos dies induit, etc.

494.

Or. Henz. 6000, 4036, 5158, 4643, 5134, 3774, 2417, 4055, 4056, 7207, 3815.

495.

Ib. 3738, 3773, 6992.

496.

Ib. 3740.

497.

Suet. Galba, v.

498.

Lamprid. Heliogab. iv.; cf. Lamprid. Aurelian. xlix.

499.

Mau, Pompeii (Kelsey Tr.), p. 479.

500.

Juv. ii. 31; iv. 34; xiii. 38; vi. 394; vii. 194.

501.

Liv. xxix. 14.

502.

Ib. xxxix. 8; cf. Lafaye, Culte des Div. d'Alexandrie, c. iii.

503.

Apul. Met. xi. 817; Suet. Octav. xciii.; D. Cass. liii. 2.

504.

Catull. x. 26; Tibull. i. 3, 23; cf. Juv. xiii. 93.

505.

Ov. Ars Am. i. 77.

506.

Friedl. Sittengesch. i. 347.

507.

Juv. vi. 547.

508.

Tac. Hist. v. 2, 4; Juv. xiv. 97.

509.

Sen. Fr. 42 (in Aug. De Civ. Dei, vi. 11), victi victoribus leges dederunt.

510.

Cf. Meriv. vi. 6.

511.

Suet. Claud. xxv.

512.

Tac. Hist. i. 22; Duruy, iv. 505.

513.

Suet. Dom. xv.; D. Cass. lxvii. 14; Ren. Les Év. p. 228.

514.

Juv. xiv. 96; vi. 544; iii. 15; Ren. Les Év. p. 234.

515.

Tac. Ann. xiii. 32.

516.

Friedl. Sittengesch. i. p. 332; cf. Plin. Ep. vii. 24.

517.

Suet. Ill. Gram. xvi.

518.

Friedl. i. 314; Inscr. Or. 2656, 2668, 4803.

519.

Mart. iv. 13—

Diligat illa senem quondam: sed et ipsa marito,

Tunc quoque cum fuerit, non videatur anus.

Plut. Conj. Praec. xlv. xxxiv.; Plin. Ep. iv. 19; vi. 4; vii. 5.

520.

Sen. Fr. xiii. de Matrimonio, formosus assecla et procurator calamistratus, etc., sub quibus nominibus adulteri delitescunt; cf. S. Hieron. Ep. 54, § 13. S. Jerome is evidently imitating Seneca; cf. Or. 639, Mart. v. 61.

521.

Juv. vi. 460; Sen. Fr. 51.

522.

Philostr. Apoll. Tyan. iii. 35, Luc. Alex. 44.

523.

Tac. Hist. i. 81, erat Othoni celebre convivium primoribus feminis virisque. D. Cass. lx. 7.

524.

Suet. Calig. xxxvi.

525.

Ov. Ars Am. i. 67, Friedl. i. 281.

526.

Tac. Germ. 19, nec corrumpere et corrumpi saeculum vocatur.

527.

Suet. Octav. xlv.

528.

Ov. Ars Am. i. 139—

Proximus a domina, nullo prohibente, sedeto.

529.

Trist. ii. 503—

Nec satis incestis temerari vocibus aures:

Adsuescunt oculi multa pudenda pati.

Cf. 515.

530.

Mart. iii. 86 says of his poems—

Non sunt haec mimis improbiora: lege.

531.

Suet. Octav. xlv.

532.

Juv. vi. 62.

533.

Suet. Dom. vii.; Tib. xxxiv.

534.

D. Cass. lx. 22, 28.

535.

Suet. Dom. iii.; D. Cass. lxvii. 3.

536.

Capitol. M. Anton. xix.

537.

Ib. xxiii. mores matronarum conposuit diffuentes, etc.

538.

Juv. vi. 281.

539.

Suet. Vesp. xi. auctor senatui fuit decernendi ut quae se alieno servo junxisset ancilla haberetur; cf. Mart. vi. 39; C. Th. iv. 9, 1.

540.

Or. Henz. 2669, 4653, 7383.

541.

Momms. R. H. ii. 414 sqq.

542.

Ib. 469; cf. Plut. Cato, xxiii.

543.

Mahaffy, Greek World under Roman Sway, p. 127.

544.

Suet. Octav. 89; Tib. 21.

545.

Id. Tib. 71, sermone Graeco, quanquam alioquin promptus et facilis, non tamen usquequaque usus est.

546.

Suet. Calig. xxi. xxxiv.

547.

Mahaffy, The Greek World, p. 255.

548.

Suet. Claud. xlii.

549.

Ib. xxv.

550.

Ib. xlii.

551.

Id. Nero, lv. erat illi aeternitatis perpetuaeque famae cupido. Cf. xxiv.

552.

Id. Vesp. xviii.

553.

Id. Dom. xx.

554.

And many in the first century, Plin. Ep. iv. 3; viii. 4, 1; Friedl. iii. 360; Martha, Les Moralistes sous l'Empire Rom. p. 267; Teuffel, R. Lit. § 342; Mackail, R. Lit. 232.

555.

Plut. Cato, c. xxii.; Claud. In Eutrop. ii. 137, 339.

556.

Juv. iii. 85.

557.

Juv. iii. 62 sqq.

558.

Ib. iii. 69-77.

559.

Ib. i. 104.

560.

Ib. iii. 72, viscera magnarum domuum dominique futuri.

561.

Ib. iii. 60.

562.

Suet. Ill. Gram. i. ii. antiquissimi doctorum qui iidem et poëtae et semigraeci erant (Livium et Ennium dico), etc.; Strab. vi. 3, 5; A. Gell. xvii. 17, i.

563.

Suet. Ill. Gram. iv.

564.

Ib. xx. xix. xvi. xv.

565.

Suet. Ill. Gram. xiii. Staberius ... emptus de catasta.

566.

Ib. xiii.

567.

Ib. xviii. xxiii.

568.

Ib. xxiii.

569.

Ib. xvii.; cf. Quintilian, iv. Prooem. 2; cf. Juv. viii. 186-97.

570.

Plin. H. N. xxix. 17.

571.

Suet. Jul. Caes. xlii.

572.

D. Cass. liii. 30; Plin. H. N. xxix. 4; Or. Henz. 2983.

573.

Juv. x. 221; Petron. 42; D. Cass. lxxi. 33; lxix. 22; Mart. ii. 16; v. 9; vi. 31; vi. 53; Tac. Ann. xi. 31, 35.

574.

Mart. i. 31; i. 48; viii. 74.

575.

Friedl. Sittengesch. i. 231.

576.

Epict. ii. 23, 30, 27.

577.

Suet. Otho, iv. vi.

578.

Id. Dom. xiv. xv.; cf. Tib. xiv.; Nero, xxxvi.

579.

Tac. Ann. xvi. 14.

580.

Juv. iii. 100.

581.

Luc. De Merc. Cond. c. 16, 19.

582.

Mart. i. 104, ii. 68.

583.

Juv. i. 100; v. 17; Mart. xii. 18—

Dum per limina te potentiorum

Sudatrix toga ventilat, etc.;

iii. 7, 36; Suet. Nero, xvi; Dom. vii.

584.

Mart. ii. 79; Juv. v. 17.

585.

Juv. i. 100—

Jubet a praecone vocari

Ipsos Trojugenas.

586.

Mart. ii. 43; iii. 38, 12, pallet cetera turba fame; Juv. iii. 153, 161; xi. 40.

587.

Momms. R. H. ii. 374 (Tr.).

588.

Mart. iv. 5; v. 56—

Artes discere vult pecuniosas?

Fac discat citharoedus aut choraules.

Si duri puer ingeni videtur,

Praeconem facias, vel architectum;

Juv. vii. 104; x. 226; Petron. 46, destinavi illum artificii docere, aut tonstreinum aut praeconem etc.

589.

Juv. vii. 38 sqq.

590.

Mart. ii. 43; iv. 40; v. 42, quas dederis, solas semper habebis opes.

591.

Juv. vii. 104.

592.

Ib. vii. 180.

593.

Ib. vii. ad fin.

594.

Ib. vii. 121 sqq.

595.

Juv. iii. 182; Martha, Moralistes sous l'Emp. p. 400.

596.

Mart. ii. 57.

597.

Juv. vi. 353.

598.

Petron. 116, in hac urbe nemo liberos tollit ... aut captantur aut captant.

599.

e.g. Regulus, Plin. Ep. ii. 20.

600.

Juv. xii. 100; i. 36; Mart. v. 39; Plin. Ep. ii, 20; Petron. 140.

601.

Juv. i. 112; Petron. 88, pecuniae cupiditas haec tropica instituit.

602.

Juv. iii. 164.

603.

Ib. 131, 103; i. 26; iv. 98; Mart. ii. 29, iii. 29; v. 13, 35.

604.

Suet. Octav. xliii.-v.; Calig. xviii.; Claud. xxi; Nero, xi. xii.; Titus, vii.; Dom. iv.; D. Cass. 65. 25; Spart. Hadr. vii. D. Cass. 68. 10, 15; Capitol. M. Anton. vi.; but cp. Suet. Tib. xlvii.; Tac. Hist. ii 62, D. Cass. 66. 15; Suet. Octav. xlv.; D. Cass. 54. 2; 68. 2; Capitol. Anton. P. xii.

605.

Victor. Epit. 12; Spart. Hadr. vii. § 12; Capitol. M. Anton. xxvi.; Ant. P. viii.; D. Cass. 68. 5; Orelli Henz. 4365, 7244; Friedländer, Petron. Einleit. 49; Duruy, v. 429; iv. 787; Boissier, Rel. Rom. ii. 208; cf. Plin. Ep. ix. 30.

606.

Tac. Ann. xiv. 62; ii. 47, 48.

607.

Salv. De Gub. Dei, v. 30; Ad Eccles. iv. 22.

608.

On the Augustales v. Orell. Henz. ii. p. 197; iii. p. 427; Friedländer, Cena Trim. Einl. p. 39; Marq. Röm. Staatsverw. i. 513 sqq.; Nessling, De Seviris Augustalibus.

609.

v. 13, 6, et libertinas arca flagellat opes; cf. Sen. Ep. 27, § 5, patrimonium libertini.

610.

Petron. Sat. 48.

611.

Tac. Ann. xiii. 27, si separarentur libertini manifestam fore penuriam ingenuorum.

612.

Plin. Paneg. 88.

613.

Id. Ep. vii. 29; viii 6.

614.

Tac. Germ. 25, liberti non multum supra servos sunt, raro aliquod momentum in domo, nunquam in civitate.

615.

Mart. ii. 29; iii. 29; xi. 37; iii. 82; v. 14.

616.

Suet. Ill. Gram. xiii., xvii., xx.; cf. Marq. Priv. i. 158.

617.

Sen. Ep. 47, § 1; De Clem. i. 18, 3; De Ben. iii. 21; Ep. 77, § 31; Plin. Ep. viii. 16, 1; iii. 19, 7; ii. 17, 9; cf. Juv. xiv. 16.

618.

Sen. Ep. 47, servi sunt, immo humiles amici. Cf. Macrobian Sat. i. 11, 12; Eurip. Ion, 854; Helen. 730; Wallon, L'Esclav. iii. 22.

619.

v. supra, p. 92.

620.

D. Cass. 69. 16; C. Th. xiii. 1, 21; Friedl. Sittengesch. i 197.

621.

Juv. xiv. 270.

622.

Juv. iii. 32.

623.

Suet. Vesp. xxiii.

624.

Stat. Silv. iii. 3, 83, Tu toties mutata ducum juga rite tulisti Integer, etc.

625.

Juv. iii. 153, Nil habet infelix paupertas durius in se, Quam quod ridiculos homines facit; 164.

626.

Id. i. 104.

627.

Id. i. 26; iv. 108.

628.

Juv. iii. 173.

629.

Id. iv. 5, 23; vii. 180.

630.

Id. xiv. 91, Ut spado vincebat Capitolia nostra Posides; cf. Suet. Claud. xxviii.; Plin. H. N. xxxi. 2.

631.

Juv. iii. 34 sqq.

632.

Tac. Ann. xi. 37; xii. 25, 65; xi. 29; Suet. Octav. lxvii.; D. Cass. lix. 29.

633.

Suet. Jul. Caes. lxxvi.; cf. Friedl. Sittengesch. i. 56 sqq.

634.

For such a career cf. Or. Henz. 6344.

635.

Suet. Octav. lxvii.

636.

Tac. Ann. iv. 6.

637.

Ib. xiv. 39.

638.

Suet. Nero, xxiii.

639.

D. Cass. lxiv. 3; Suet. Galba, xiv.; Plut. Galba, c. 17.

640.

D. Cass. lii. 25; Tac. Hist. i. 58, Vitellius ministeria principatus per liberos agi solita in equites Romanos disponit.

641.

Suet. Vitell. xii.

642.

Id. Vesp. xvi.

643.

Id. Dom. vii. quaedam ex maximis officiis inter libertinos equitesque communicavit.

644.

Plin. Paneg. 88.

645.

Spart. Hadr. iv., xxi.; Macé, Suétone, p. 91.

646.

Capitol. Ant. P. vi., xi.

647.

Friedl. Sittengesch. i. 56.

648.

Ib. i. p. 83.

649.

Sen. Ad Polyb. vi. vii.

650.

Sen. Ad Polyb. xi.

651.

Statius, Silv. iii. 3.

652.

Ib. 66, Tibereia primum Aula tibi—Panditur.

653.

Ib. 60.

654.

Ib. 70.

655.

Ib. 86.

656.

Ib. 100.

657.

Ib. 145.

658.

Mart. vi. 83; Stat. Silv. iii. 160.

659.

As to the form of his name v. Markland's Statius, p. 238.

660.

Macé, Suétone, p. 91; cf. Tac. Ann. xi. 33.

661.

Macé, 92, 93; Friedl. Sittengesch. i. 86, 87.

662.

Plin. Ep. viii. 12; C.I.L. vi. 798; Macé, pp. 89, 115.

663.

Macé, pp. 90, 116.

664.

Stat. Silv. v. 1, 80.

665.

Ib. v. 118 sqq.

666.

Ib. v. 210.

667.

Friedl. Sittengesch. i. 88.

668.

Tac. Ann. xi. 30, 37, 88.

669.

Tac. Ann. xii. 57; xiii. 1.

670.

Ib. xii. 25, 65.

671.

Ib. xiii. 23.

672.

Ib. xii. 53; Plin. Ep. viii. 6.

673.

Tac. Ann. xii. 25, 65.

674.

Ib. xiii. 14.

675.

Ib. xiv. 65; Suet. Nero, xxxv.; D. Cass. 62. 14.

676.

Marq. Röm. St. ii. p. 55; Duruy, v. p. 598; Friedl. Sittengesch. i. p. 192; cf. Olympiod. ap. Phot. § 44 (Müll. Frag. Hist. Gr. iv.).

677.

Ael. Lamprid. Heliogab. x.; cf. Capitol. Anton. P. xi.; Suet. Claud. xxviii.

678.

Plin. H. N. xxxi. 2; xxxvi. 12.

679.

Statius, Silv. i. 5, 36; Mart. vi. 42, et certant vario decore saxa.

680.

Mart. viii. 68.

681.

Plin. Ep. vii. 29.

682.

Friedl. Sittengesch. i. 75; Or. Henz. 6344.

683.

Claud. In Eutrop. ii. 137.

684.

Plin. Paneg. 88.

685.

Suet. Nero, xv. in curiam libertinorum filios diu non admisit.

686.

Tac. Ann. xi. 38; xii. 53.

687.

Suet. Galba, xiv.; Tac. Hist. ii. 57; iv. 39.

688.

Mart. iii. 29; v. 8, 14, 35, 23; cf. Friedl. Sittengesch. i. 212.

689.

Suet. Claud. c. xxviii.

690.

Dig. xxiii. 2, 44.

691.

Statius, iii. 3, 115.

692.

Id. v. 1, 53; Tac. Hist. v. 9; Suet. Claud. xxviii. Felicem ... Judaeae proposuit—trium reginarum maritum.

693.

Catull. x. 26; Tibull. i. 3, 33; Ov. Ars Am. iii. 635; cf. Amor. i. 8, 73; iii. 9, 33.

694.

Tac. Ann. xi. 29.

695.

Ib. xiii. 12, 46; xiv. 2; Suet. Nero, xxviii. Acten libertam paullum abfuit quin justo matrimonio sibi conjungeret.

696.

Suet. Nero, l.

697.

D. Cass. lxvi. 14.

698.

Luc. Imag. 10. See Croiset's Lucien, p. 273, on the Images as illustrating Lucian's power as a critic of art.

699.

Xen. Mem. iii. 11; Plat. Menex. c. iv.

700.

Cf. Friedl. Sittengesch. i. 82.

701.

Suet. De Ill. Gram. xxi.

702.

Marq. Priv. i. 189; Denis, Idées Morales, ii. 208; Spart. Hadr. xvii.

703.

Sen. De Ben. iii. 21; Ep. 47; Plin. Ep. ii. 17, 9; viii. 16; cf. Marq. Priv. i. 175.

704.

Or. 2808.

705.

Ib. 2874.

706.

Ib. 2816.

707.

Ib. 2862.

708.

Sen. De Clem. i. 18.

709.

Marq. Priv. i. 174.

710.

Sen. Ep. 80, § 4, peculium suum quod comparaverunt ventre fraudato pro capite numerant.

711.

Apul. Met. x. 14; cf. Boissier, Rel. Rom. ii. 397.

712.

v. 22, 10, negat lasso janitor esse domi; Sen. Nec. Inj. xiv. cubicularii supercilium.

713.

Momms. R. H. ii. 380 (Tr.)

714.

Marq. Priv. i. 162 sq.

715.

C. Th. ix. 30, 2; ii. 30, 2.

716.

Marq. Priv. i. p. 163.

717.

Petron. Sat. 76.

718.

Marq. Priv. i. 165.

719.

Ib. p. 178, n.

720.

Mart. v. 70; cf. vii. 64.

721.

Liv. xxi. 63, quaestus omnis patribus indecorus visus; D. Cass. 69. 16; cf. C. Th. xiii. 1, 4; v. Godefroy's note.

722.

Plut. Cat. Maj. 21.

723.

Petron. 77, sustuli me de negotiatione et coepi libertos foenerare.

724.

Id. 77, assem habeas, assem valeas.

725.

Id. 43, paratus fuit quadrantem de stercore mordicus tollere:—in manu illius plumbum aurum fiebat.

726.

Petron. 76.

727.

Id. 50

728.

Or. 1175; cf. Teuffel, Rom. Lit. ii. § 300, n. 4.

729.

Tac. Ann. xvi. 18, 19.

730.

Macrob. Som. Scip. i. 2, 8.

731.

Sidon. Apoll. Carm. ix. 268.

732.

Sidon. Apoll. Carm. xxiii. 155, et te Massiliensium per hortos sacri stipitis, Arbiter, colonum Hellespontiaco parem Priapo, etc.

733.

Tac. Ann. xii. 8; xiii. 2; xv. 45, 60, 65; Tac. Hist. iii. 65.

734.

Boissier, L'Opp. p. 257, ce n'est pas la coutume qu'on mette son idéal près de soi.

735.

Petron. 88, at nos vino scortisque demersi ne paratas quidem artes audemus cognoscere, sed accusatores antiquitatis vitia tantum docemus et discimus. This rather applies to the higher cultivated class.

736.

Petron. 118; cf. Boissier, L'Opp. 213.

737.

Petron. 70, 67.

738.

Juv. vi. 115; Suet. Nero, xxvi.

739.

Teuffel. Rom. Lit. § 300, n. 1.

740.

Petron. 118, 119; cf. Boissier, L'Opp. p. 239. Other proofs of the date of the Satiricon are the occurrence of names like Apelles and Menecrates, c. 64, 73; cf. Suet. Calig. 33; Nero, 30; Friedl. Cena Trim. Einl. 9; the reflections on decline of oratory, Sat. 1; cf. Tac. Dial. Or. c. 35; the invention of a peculiar glass, which belongs to the reign of Tiberius, cf. Plin. H. N. xxxvi. 66; D. Cass. 57. 21 ad fin.

741.

Tac. Ann. xvi. 18, vigentem se ac parem negotiis ostendit.

742.

Plin. H. N. xxxvii. 7 (20), T. Petronius consularis moriturus invidia Neronis, ... trullam myrrhinam HS.ccc emptam fregit.

743.

Tac. Ann. xvi. 19, sed flagitia principis et novitatem cujusque stupri perscripsit atque obsignata misit Neroni.

744.

Petron. 115, si bene calculum ponas, ubique naufragium est.

745.

Id. 88. For a favourable estimate of the Satiricon, cf. Schiller's *Gesch. röm. Kaiserzeit*, i. 469, 470.

746.

See Boissier's remarks, *L'Opp.* p. 228.

747.

Mart. v. 2; iii. 68; cf. Mahaffy, *Greek World under Roman Sway*, p. 298.

748.

Teuffel, *Rom. Lit.* i. p. 239; Friedl. *Cena Trim. Einl.* 5.

749.

Ib. p. 5.

750.

Sidon. *Apoll. Carm.* ix. 268; xxiii. 155.

751.

Petron. 81, cf. Friedl. *Cena Trim. Einl.* 6. Puteoli is excluded by the complaints of municipal decay in c. 44: Naples, by the fact that the town is a Roman colony (44, 57); Cumae was the only town in this region which had Praetors. Cf. Or. Henz. 1498, 2263; Petron. 65.

752.

Petron. *Sat.* 1, 2.

753.

Tac. *De Or.* c. 31, 35.

754.

Rep. vi. p. 492 A.

755.

Petron. *Sat.* 83.

756.

Ib. 114.

757.

Ib. 116, nihil aliud est nisi cadavera quae lacerantur aut corvi qui lacerant.

758.

Ib. 117.

759.

Petron. Sat. 124.

760.

Ib. 140.

761.

Ib. 141.

762.

Ib. 75, 76.

763.

v. Friedl. Cena Trim. Einl. p. 7. His cognomen Maecenatianus marks him as a slave of the friend of Augustus who died 8 B.C. Trimalchio would therefore be born circ. 18 B.C. (Sat. 71, 29, 75). He was perhaps over seventy at the time of the dinner (Sat. 27, 77), which may therefore be placed about 57 A.D.

764.

Petron. Sat. 48.

765.

Ib. 77.

766.

Ib. 38, scripsit ut illi ex India semen boletorum mitteretur.

767.

Ib. 53.

768.

Ib. 71; cf. Friedl. Cena Trim. p. 308.

769.

Petron. Sat. 27.

770.

Petron. Sat. 29.

771.

Ib. 31.

772.

Ib. 32.

773.

Ib. 33.

774.

Ib. 35.

775.

Ib. 40.

776.

Ib. 60; cf. Sen. Ep. 90, § 15, *laquearia ita coagmentat ... ut totiens tecta quotiens fercula mutantur*.

777.

Sat. 34; Cic. Brut., lxxxiii. The Consulship of Opim. was B.C. 121.

778.

Petron. 48; on private and public libraries, cf. Sen. De Tranq. c. ix.; Plin. Ep. i. 8, § 2; ii. 17, § 8; iii. 7, § 7; iv. 28, § 1; Suet. Vit. Pers.; Luc. Adv. Indoct. 1, 16; Mart. vii. 17, 1; Suet. J. Caes. xlv.; Octav. xxix.; Marq. Priv. i. 114; Gregorov. Hadr. (Tr.) p. 210; Macé, Suétone, p. 220; Sid. Apoll. ii. 9.

779.

Petron. 52.

780.

Id. 59.

781.

Id. 41; cf. Epict. iii. 23; Plin. Ep. i. 13; iii. 18, 4; vi. 15; Mart. iii. 44, 45; 50.

782.

Sen. Brev. Vit. xii. 2; Or. Henz. 3838; Mart. iv. 39; Marq. Priv. ii. 688; Friedl. Sittengesch. iii. 84.

783.

Petron. 53.

784.

Id. 62, 63; cf. Apul. Met. i. 8.

785.

Petron. 68.

786.

Id. 52.

787.

Petron. 38, 43.

788.

Id. 43, *in manu illius plumbum aurum fiebat*.

789.

Id. 38, *Collibertos ejus cave contemnas, valde succosi sunt*. v. Friedl. Cena Trim. p. 223.

790.

Petron. 38.

791.

Id. 42.

792.

Id. 42, *medicus nihil aliud est quam animi consolatio*. For similar opinions of the medical profession, cf. Petron. 56; D. Cass. lxi. 22, lxxi. 33; Mart. vi. 31; vi. 53; ii. 16; Epict. iii. 23, § 27; Juv.

iii. 77; Luc. Philops. c. 21, 26; Adv. Indoct. c. 29; Marq. Priv. ii. 779. Sen. gives a higher idea of the craft, De Ben. vi. 16; cf. Apul. Met. x. 8, where the doctor rejects the base proposals made to him.

793.

Petron. 42, planetus est optime, etiam si maligne illum ploravit uxor.

794.

Id. 43.

795.

Id. 43, noveram hominem olim oliorum, et adhuc salax est. On the phrase olim oliorum v. Friedl. Cena Trim. p. 237.

796.

Petron. 44.

797.

Id. 44, haec colonia retroversus crescit tanquam coda vituli. This passage is used to prove that Puteoli cannot be Trimalchio's town. Friedl. Cena Trim. p. 239.

798.

Petron. 44 ad fin. itaque statim urceatim plovebat.

799.

Id. 45. On the meaning of Centonarius v. Marq. Priv. ii. 585. They had a great number of Collegia, often leagued with the Fabri; v. Henz. Ind. pp. 171-72; C. Th. xiv. 8.

800.

For the cost of such shows, v. Or. 81; C.I.L. ii. Suppl. p. 1034; Friedl. Cena Trim. Einl. p. 58; Friedl. Sittengesch. ii. p. 136.

801.

Petron. 46, quid iste argutat molestus?

802.

Petron. 46 ad fin.; cf. Mart. v. 56; Juv. vii. 5, 176.

803.

Petron. 57.

804.

Id. 64.

805.

Id. 67.

806.

Id. 70.

807.

Id. Ephesum tragoedum coepit imitare—Sonst unbekannt, Friedl. Cena Trim. 306.

808.

Cf. Or. Henz. 4070, 7321; Petron. 71, valde enim falsum est vivo quidem domos cultas esse, non curari eas ubi diutius nobis habitandum est.

809.

v. the monument of C. Munatius Faustus at Pompeii, C.I.L. x. 1030. But Mau, p. 415 (Tr.), interprets it differently from Friedl. Cena Trim. p. 307.

810.

See the monument of the surgeon oculist of Assisi, Or. 2983, who records the amount he gave for his freedom, his benefactions, and his fortune. v. C.I.L. v. 4482, the monument of Valerius Anteros Asiaticus, a Sevir Aug. of Brescia.

811.

Plin. H. N. xxvi. 2 (26); xxviii. 6 (57), plerique (suadent) anulum e sinistra in longissimum dextrae digitum transferre.

812.

Petron. 75, ad hanc me fortunam frugalitas mea perduxit.

813.

Id. 78; cf. Sen. De Brev. Vit. xx. 3, where a similar scene is described. Turannius—componi se in lecto et velut exanimem a circumstante familia plangi iussit.

814.

Some of Pliny's older friends, the elder Pliny, Quintilian, Spurinna, Verginius Rufus, go back to the age which Juvenal professes to attack (i. 170). But, although Juvenal mentions few names of his own generation, such as Isaeus, Archigenes, and Marius Priscus, a comparison between his subjects and those of Martial shows that they were dealing with the same social facts. Cf. Teuffel, R. Lit. ii. § 326, n. 5; Nettleship, Lectures and Essays, p. 124 sqq.

815.

Momms. Plin. (Morel), p. 7; Peter, Gesch. Litt. ii. 77; Nettleship, Lectures and Essays, 131.

816.

Plin. Ep. vii. 28.

817.

Mart. iii. 68, 86; v. 2.

818.

Ov. Amor. iii. 4, 2.

819.

Ov. Trist. ii. 212, 346, 353, Vita verecunda est, Musa jocosa mihi; 497.

820.

Tac. De Or. 28, non in cella emptae nutricis sed gremio ac sinu matris educabatur; A. Gell. xii. 1.

821.

Quintil. i. 2, 4, 8; nostras amicas, nostros concubinos vident.

822.

Stob. Flor. vi. 61; Suet. Nero, xxvii.; cf. Denis, Idées Morales, etc., ii. p. 134.

823.

Plin. Ep. iii. 16; iii. 5; iv. 19; vi. 4; vii. 5.

824.

Tac. Agric. 4.

825.

Plin. Ep. i. 14.

826.

Tac. Ann. iii. 55, sed praecipuus adstricti moris auctor Vespasianus erat; Suet. Vesp. ix.; cf. Schiller, *Gesch. Röm. Kaiserz.* ii. 506; Duruy, iv. 646; Renan, *Les. Év.* 140, 381; *L'Antéchr.* 494.

827.

Pliny is pleased with the virtuous monotony, Ep. iii. i. § 2, me autem ut certus siderum cursus ita vita hominum disposita delectat, senum praesertim; cf. iii. 5.

828.

Momms. Plin. (Morel), p. 32.

829.

The Caecilii were probably established at Como from 59 B.C.; cf. Catull. 35; Plin. Ep. iv. 30, 1; vii. 32, 1; vi. 24, 5; ix. 7; Momms. Plin. p. 33 (Morel).

830.

Plin. Ep. ii. 1; vi. 10.

831.

Tac. Hist. i. 8, 52; ii. 49.

832.

Plin. Ep. vi. 20, 5. He was in his eighteenth year when the famous eruption of Vesuvius took place 79 A.D., D. Cass. lxxvi. 21 sq.

833.

Plin. Ep. iv. 13, 3.

834.

Rendall, xiii. in Mayor's ed. Plin. Ep. iii.; Plin. H. N. ii. 85 (199).

835.

Plin. Ep. iii. 5; Hist. Nat. Praef. 3; Suet. Vit. Plin. He was 56 at his death in A.D. 79; cf. Peter, *Gesch. Litt.* i. 119, 420.

836.

Plin. Ep. iii. 5, § 13; Persius, who was eleven years younger than the elder Pliny, shows a character of the same type, cf. Pers. Sat. ii. 71-74; iii. 66 sqq.; cf. Martha, *Les Moralistes sous l'Emp.* p. 131 sqq.

837.

Plin. Ep. iii. 5.

838.

Praef. H. N. § 17; cf. § 18, profecto enim vita vigilia est.

839.

Plin. Ep. i. 14; cf. Tac. Agr. iv.; Juv. iii. 165.

840.

Plin. Ep. iii. i; ii. 7; i. 12; v. 11.

841.

Cf. Pliny's letter to Calpurnia's aunt, Ep. iv. 19, quae nihil in contubernio tuo viderit nisi sanctum honestumque; cf. viii. 5; v. 16.

842.

Tac. Hist. ii. 78; iv. 81.

843.

Cf. Or. 746, 2364.

844.

Suet. Vesp. ii. locum incunabulorum assidue frequentavit, manente villa qualis fuerat olim, etc.

845.

Ib. viii. ix.

846.

D. Cass. lxvi. 8, Suet. Vesp. xvi., cf. Meriv. vii. 274; cf. Schiller, Gesch. röm. Kaiserzeit, p. 515.

847.

Suet. Vesp. lx.; Or. 746, sacr. aedium restitutori, 1460, 1868, 2364, D. Cass. lxvi. 10.

848.

Suet. Vesp. xvii.

849.

Ib. xix.

850.

Ib. xviii.; continued by Hadrian, Spart. xvi.; by Ant. Pius, Capitol. xi.; by Alex. Severus, Lamprid. xlv.; cf. C. Th. xiii. 3, 1, 2, 3; Eum. Or. pro Scholis, c. 11.

851.

v. Rom. Soc. in the Last Century of the Western Empire (1st ed.), p. 355.

852.

Mommsen, Rom. Prov. (Tr.) i. p. 76.

853.

Pliny probably came to Rome about 72 A.D. Rendall, xiv.; in Mayor's Pliny, Ep. iii.; cf. Quintil. Prooem. i.

854.

Plin. Ep. ii. 14, 10; vi. 6, 3; vi. 32.

855.

Quintil. Inst. Or. i. 2, 6; cf. Plin. Ep. iii. 3, 4, cui in hoc lubrico aetatis non praeceptor modo sed custos etiam rectorque quaerendus est; cf. Ep. iv. 13, 4, ubi enim pudicius contineantur quam sub oculis parentum; cf. Tac. Dial. de Or. 28.

856.

Quintil. Inst. Prooem. i. 9-11; ii. 2, 15; xii. 1, 1; xii. 7, 7, non convenit ei, quem oratorem esse volumus, injusta tueri scientem.

857.

Ib. vi. Prooem. 4.

858.

Plin. Ep. ii. 13, hunc ego, cum simul studeremus, arte familiariterque dilexi, etc.

859.

Ib. v. 14; Paneg. 91, 92; cf. Momms. Plin. p. 64.

860.

Plin. Ep. vi. 6.

861.

Ib. vii. 16, 2; i. 10, 3; cf. Momms. p. 52. Pliny's service with the iii. Gallica was later than September, A.D. 81.

862.

Plin. Ep. i. 10, 4; cf. Tac. Agr. iv.

863.

Plin. Ep. iii. 11, 5.

864.

Ib. i. 10; cf. Philostr. Apoll. Tyan. v. 37, 40; vi. 8.

865.

Plin. Ep. vii. 26, 4.

866.

Ib. iii. 11, 2; Suet. Dom. x.; D. Cass. lxxvii. 10; cf. Momms. p. 59, where the date of Pliny's praetorship is fixed.

867.

Suet. Dom. x.

868.

Plin. Ep. i. 14; cf. iii. 11, 3.

869.

Ib. iii. 16; cf. vii. 19; ix. 13.

870.

Tac. Ann. xvi. 34.

871.

Plin. Ep. vii. 19, 4; for the character of Helvidius Priscus, cf. Tac. Hist. iv. 5.

872.

Suet. Vesp. xv.; D. Cass. lxvi. 12; cf. Peter, Gesch. Litt. ii. 98.

873.

Plin. Ep. iii. 16, 7.

874.

Tac. Ann. xvi. 21; D. Cass. lxii. 26.

875.

Tac. Ann. xiv. 12; xvi. 21, 22; cf. D. Cass. 61. 15.

876.

Tac. Ann. xvi. 26.

877.

Plin. Ep. vii. 19.

878.

Renan, Les Évangiles, p. 142, treats the philosophic opposition as a mere aristocratic reaction; cf. pp. 287, 382. Boissier, L'Opp. p. 103; Schiller, Gesch. d. röm. Kaiserz. pp. 509, 536.

879.

Plin. Ep. v. 8, 8; Momms. p. 52.

880.

Plin. Ep. vi. 1; iv. 16; vi. 23, 2.

881.

Ib. i. 20, 7.

882.

Ib. vi. 33, 8-11.

883.

Ib. iv. 16.

884.

Ib. iv. 19, 3. disponit qui nuntient sibi quem assensum, quos clamores excitarim, quem eventum iudicii tulerim.

885.

Ib. vi. 11.

886.

Ib. ii. 14, 4.

887.

Plin. Ep. vi. 2, 6.

888.

For the career and character of M. Aquilius Regulus, v. Tac. Hist. iv. 42; Plin. Ep. i. 5; i. 20, 15; ii. 11; ii. 20; iv. 2; vi. 2; and Boissier, L'Opp. p. 193.

889.

Mart. i. 13, 83, 112, Cum tibi sit sophiae par fama et cura deorum, etc.

890.

Mart. vii. 31.

891.

Ib. vi. 38; vi. 64, 11.

892.

Ib. vii. 16.

893.

Plin. Ep. iv. 7, § 4.

894.

Ib. i. 20, 15; cf. references to the archaic literary taste of the day in Mart. v. 10.

895.

Plin. Ep. v. 12.

896.

Ib. vi. 2, 5.

897.

Ib. ii. 20.

898.

Ib. iv. 2.

899.

For the light which this throws on the production of books in that age, v. Haenny, Schriftsteller u. Buchhändler, pp. 39-41.

900.

Plin. Ep. ii. 10, 4; iii. 7, 14, quatenus nobis denegatur diu vivere, relinquamus aliquid quo nos vixisse testemur; v. 5, 4; v. 8, 2, me autem nihil aeque ac diuturnitatis amor sollicitat; cf. vii. 20.

901.

Stat. Silv. ii. 2.

902.

Mart. ii. 7; v. 30; iii. 20; iv. 23; v. 23. For the same breadth of accomplishment in the fifth century, cf. Sidon. Apoll. Carm. v. 97; ii. 156; xxiii. 101; Rom. Soc. in the Last Cent. of the Western Empire (1st ed.), p. 375.

903.

Mart. vi. 60.

904.

Ib. iv. 14.

905.

Plin. Ep. iii. 21. This book is dated by Mommsen 101 A.D. (Plin. p. 14, Morel; v. App. C, p. 95); cf. Friedländer's Martial, "Chronologie der Epigr. Mart." p. 66.

906.

Plin. Ep. iv. 8, 4; v. 12, est mihi cum Cicerone aemulatio.

907.

Ib. vii. 30.

908.

Plin. Ep. viii. 24, reverere gloriam veterem et hanc ipsam senectutem quae in homine venerabilis, in urbibus sacra.

909.

Ib. vii. 4, 2, Qualem? inquis. Nescio; tragoedia vocabatur.

910.

Ib. vii. 4, 3.

911.

Ib. iv. 14, cf. Ov. Trist. ii. 365, who makes pretty much the same excuse to Augustus.

912.

Plin. Ep. v. 3.

913.

Cf. Nettleship, Lectures and Essays, 2nd Series, p. 39.

914.

Ep. iii. 13, 5; vii. 17.

915.

Ep. iii. 18; cf. ii. 19.

916.

Teuffel, R. Lit. § 387; Mackail, Lat. Lit. p. 264; Rom. Soc. in the Last Cent. of the W. Empire (1st ed.), p. 357.

917.

Plin. Ep. iii. 15.

918.

Ib. 1, 20. It is curious that this praise of amplitude should be addressed to Tacitus; cf. Nipperdey, Einleit. xxxiv.

919.

Macrobian Sat. v. 1, 7; Sidon. Apoll. i. 1, 1; iv. 22, 2, ego Plinio ut discipulus assurgo.

920.

Sym. Ep. v. 85. Seeck, Prol. xlv.

921.

Momms. Plin. (Tr.) p. 2; cf. Haenny, Schriftsteller, etc. p. 19.

922.

Plin. Ep. i. 1; vii. 28; i. 15; viii. 1; Macé, Suétone, p. 87.

923.

Momms. Plin. p. 4.

924.

Ib. pp. 7, 24; Teuffel, § 335, 1.

925.

Plin. Ep. iii. 18, 5; viii. 12, *literarum senescentium reductor*; Stat. Silv. i. Prooem.; Petron. 88; cf. Sidon. Apoll. Ep. viii. 8; ii. 14; vii. 15; ii. 10, 1.

926.

Plin. Ep. vi. 17, § 5.

927.

Ib. vii. 17; v. 12.

928.

Ib. vii. 20; viii. 7.

929.

Ib. vii. 20; ix. 23, *ad hoc illum "Tacitus es an Plinius?"*

930.

Ib. vi. 16, 2.

931.

Ib. iii. 21, 6, *at non erunt aeterna quae scripsit; non erunt fortasse; ille tamen scripsit tanquam essent futura.*

932.

Ib. iii. 7, *scribebat carmina majore cura quam ingenio.*

933.

Mart. vii. 63; Tac. Hist. iii. 65.

934.

v. Teuffel, R. Lit. § 315, n. 5, and the opinions collected by Mayor, Plin. iii. p. 120.

935.

Plin. Ep. iii. 7, 3.

936.

v. Mayor, Plin. iii. p. 114, for a learned note on suicide in the early Empire.

937.

Pliny, Ep. iv. 23, 3. For a similar ideal in the fifth century, v. Roman Society in the Last Century of the Western Empire, p. 165 (1st ed.).

938.

Plin. Ep. v. 8, § 1.

939.

For a good example cf. Plin. Ep. iii. 15.

940.

Capitol. Ant. P. 1.

941.

Plin. Ep. iv. 3.

942.

Ib. iv. 18; cf. viii. 4.

943.

Tac. Hist. ii. 11; ii. 18, 36; Plin. Ep. i. 5; ii. 7; iii. 1, scribit et quidem utraque lingua, lyra doctissima. Spurinna was 77, at the date of this letter, A.D. 101-102; Momms. p. 11.

944.

Plin. Ep. iv. 27; cf. ix. 8.

945.

Ib. vi. 15; ix. 22.

946.

Plin. Ep. vi. 21.

947.

C.I.L. vi. 798; Or. 801. He was Secretary (ab Epistulis) under Domitian, Nerva, and Trajan; cf. Macé, Suétone, pp. 91, 93, 115.

948.

Plin. Ep. i. 17; viii. 12. Cf. C. Fannius, who wrote a history of the victims of Nero, Plin. Ep. v. 5. He died circ. 106, Macé, p. 82.

949.

Plin. Ep. v. 8. For similar unwillingness, cf. Sidon. Apoll. Ep. iv. 22.

950.

Plin. Ep. i. 3.

951.

Ib. viii. 4; ix. 33.

952.

Mart. iv. 33; vi. 14.

953.

Momms. Plin. p. 13, puts his birth in 77 A.D.; but cf. Macé, p. 35, who places it in the year 69; see too Peter, Gesch. Litt. ii. 67. The indications in Suet. are Domit. xii.; Ill. Gramm. iv.; Nero, lvii.

954.

Macé, p. 83; Peter, ii. 69; cf. Krause, De Sueton. Fontibus.

955.

For the authorities, v. Macé, p. 29.

956.

From 97 to 101 A.D., ib. pp. 53-57.

957.

Plin. Ep. iii. 8.

958.

Ib. i. 24; of the year 97. On the meaning of *contubernalis*, Suetonius being 28, and Pliny 35 years of age, v. Macé, p. 50.

959.

Plin. Ad Traj. 94; cf. Macé, p. 50.

960.

Plin. Ep. i. 18.

961.

Macé, p. 68; Plin. Ep. v. 10; Momms. Plin. p. 18.

962.

Macé, p. 69.

963.

Macé, p. 90. For the disgrace of Suetonius, v. Spart. Hadr. xi. 2.

964.

Plin. Paneg. 53.

965.

See Roman Society in the Last Century of the Western Empire, p. 348 sq. (1st ed.).

966.

Virg. Aen. vi. 848 sq.

967.

Ov. Trist. iv. 128; Hor. Carm. ii. 20; Friedl. Sittengesch. iii. p. 299.

968.

Mau, Pompeii (Tr.), 486, 488; C.I.L. ii. 4967.

969.

Tac. De Or. 13, *auditis in theatro Virgilii versibus surrexit universus populus*, etc.

970.

Petron. Sat. 68.

971.

Plin. Ep. iii. 18, 4; viii. 12, 1; cf. Seneca's complaints of his time, Ep. 95, § 23; 100; Petron. 83-4.

972.

Tac. Dial. de Or. 20; Mart. v. 10; cf. Suet. Octav. 86, *Cacozelos et antiquarios, ut diverso genere vitiosos, pari fastidio spreuit*; Pers. i. 69 sq.; Sen. Ep. 114. For Hadrian's preference of Ennius to

Virgil, etc., v. Spart. Hadr. c. 16; A. Gell. xii. 2; Macé, p. 96; Martha, Les Moralistes sous l'Empire Rom. p. 184.

973.

Sen. Ep. 114, § 13, duodecim tabulas loquuntur.

974.

Tac. Dial. de Or. 20.

975.

Tac. De Or. 12.

976.

Ib. 9, 10.

977.

Suet. Dom. iv.

978.

Stat. v. 3, 225; cf. Suet. Claud. xi. A Greek comedy in honour of Germanicus was performed.

979.

Suet. Ner. xii. Suetonius says it was the first of the kind. It was called "Neronia."

980.

Or. 2603, to L. Val. Pudens, erected by his fellow-citizens in A.D. 110. He was only 13. v. Teuffel, § 314, n. 4; Friedl. Sittengesch. iii. p. 324.

981.

Plin. Ep. vi. 2; ix. 11, 2; Mart. vii. 8. Cf. Haenny, Schriftst. u. Buchh. ii. p. 24 sqq.

982.

Epict. iii. 23, § 11.

983.

Mart. iii. 44, 45; iv. 81.

984.

Juv. i. 2; iii. 9.

985.

Petron. Sat. 90, 91, 115.

986.

Plin. Ep. i. 13; ii. 19; iv. 5; 27; v. 12; vi. 17, 21; viii. 21.

987.

Plin. Ep. vi. 17.

988.

Ib. iv. 27.

989.

Ib. iii. 18; iv. 5.

990.

Ib. i. 13, 2; vi. 17; viii. 12, 1.

991.

Ib. vii 17, 7, quia in numero ipso est quoddam magnum conlatumque consilium. Cf. Arist. Pol. iii. 11, διὸ καὶ κρίνουσιν ἄμεινον οἱ πολλοὶ καὶ τὰ τῆς μουσικῆς ἔργα καὶ τὰ τῶν ποιητῶν.

992.

Sidon. Apoll. Ep. ii. 14; vii. 15; i. 6.

993.

Plin. Ep. viii. 12. Seneca was even more pessimist, cf. Ep. 95, § 23; 100; De Brev. V. xiii. 1.

994.

Plin. Ep. i. 9; quot dies quam frigidis rebus absumpsi! cf. the social life of Symmachus, Roman Society in the Last Century of the Western Empire, p. 128 sq. (1st ed.).

995.

Sen. De Tranq. xii.; Juv. iii. xi. Mart. xii. 18.

996.

Plin. Ep. i. 9; iv. 1.

997.

Mart. iii. 58.

998.

Plin. Ep. v. 6, § 7, 8; i. 3; ix. 7 § 4.

999.

Ep. viii. 8; cf. Virg. Georg. ii. 146; once visited by Caligula, Suet. Calig. 43.

1000.

Plin. Ep. i. 6, solitudo ipsumque illud silentium quod venationi datur magna cogitationis incitamenta sunt.

1001.

Ib. iii. 1, § 7.

1002.

Ib. vii. 25.

1003.

Sidon. Apoll. Ep. i. 6; ii. 14; vii. 15.

1004.

Stat. Silv. ii. 2, 22, spumant templa salo.

1005.

Plin. Ep. v. 6.

1006.

Ib. ii. 17, § 27.

1007.

Stat. Silv. ii. 2, 53; cf. iii. 1, 124.

1008.

Ib. i. 3, 20-37.

1009.

Imposed by Trajan on candidates for office, Plin. Ep. vi. 19. This was a repetition of former enactments, e.g. Suet. Tib. 48. It was revived again by M. Aurelius, Capitol. xi. Exclusion from commerce necessitated investments in land. Plin. Ep. iii. 19, *sum prope totus in praediis, aliquid tamen foenero*. In A.D. 106 the price of land was rising, Ep. vi. 19; but cf. iii. 19 (A.D. 101); see Friedl. i. p. 197.

1010.

Sen. De Benef. vii. 10, 5; Ep. 89, § 20; Mart. v. 13, 7; Petron. Sat. 76, 77; Stat. Silv. ii. 6, 62.

1011.

Plin. Ep. ii. 17; v. 6; ix. 7; iv. 1; iv. 13.

1012.

Mart. vii. 31.

1013.

Plin. Ep. iii. 7.

1014.

Friedl. Sittengesch. iii. 64.

1015.

Plin. Ep. ii. 17; Stat. Silv. ii. 2, 76.

1016.

Plin. ii. 17, § 16.

1017.

Stat. Silv. i. 3, 29.

1018.

Plin. Ep. ii. 17, § 24.

1019.

Friedl. Sittengesch. iii. 87.

1020.

Plin. Ep. v. 6.

1021.

Stat. Silv. ii. 2, 85; i. 5, 36; Friedl. Sittengesch. iii. 65.

1022.

Plin. Ep. iii. 6; cf. the taste of Silius Italicus, iii. 7, 8; Petron. Sat. 50, 88; Mahaffy, Greek World, etc., p. 139 sq.

1023.

Stat. Silv. i. 3, 50; ii. 2, 63 sq.; Mart. iv. 39.

1024.

Friedl. iii. 196; cf. Croiset, Lucien, c. ix. p. 265; Marq. Priv. ii. 611.

1025.

Plin. Ep. v. 6, 7; cf. ii. 17, § 3.

1026.

Ib. ii. 17, § 15; v. 6, § 33.

1027.

Suet. Nero, xxvii.; Friedl. iii. 77 sqq.

1028.

Plin. Ep. ix. 36; iii. 1.

1029.

Ib. iii. 5, § 15.

1030.

Ib. iii. 1.

1031.

Ib. ix. 36, § 6.

1032.

Plin. Ep. iv. 1.

1033.

Ib. iii. 19.

1034.

Ib. § 7. This estate was once worth HS.5,000,000; it was now offered for HS.3,000,000, i.e. £25,000; cf. Ep. iv. 6; ii. 4, 3. The letter iii. 19 belongs to the year 101 A.D.; but in Ep. vi. 19 (106 A.D.) it appears that the price of land was rising, owing to competition, and Pliny advises Nepos to sell his Italian estates and buy others in the provinces; cf. vi. 3, 1.

1035.

Ep. ix. 37, *medendi una ratio, si non nummo sed partibus locem*; cf. J. S. Mill, *Pol. Econ.* bk. ii. c. 8, 1; A. Young, *Travels in France*, p. 18.

1036.

Plin. Ep. viii. 2; ix. 37, 3.

1037.

Ib. viii. 16; cf. the *Lex Coll. Cultorum Dianae et Antinoi*, Or. Henz. 6086. The slave member is permitted to dispose of his *funeraticium* by will. Marq. Priv. i. 189.

1038.

Sen. Ep. 31; 47; 77; De Clem. i. 18, 3; De Ben. iii. 21; Juv. xiv. 16; D. Chr. Or. x.; Spart. Hadr. 18, § 7; Boissier, *Rel. Rom.* ii. 358; Denis, *des Idées Morales*, etc., ii. 208 sq.; Wallon, *L'Esclav.* i. c. 11; Marq. i. 189.

1039.

Ep. vii. 32. Fabatus seems to have been a model country squire; cf. Ep. iv. 1; v. 11; vi. 12; vii. 11; viii. 10.

1040.

Ib. viii. 1.

1041.

Ib. v. 19; cf. Sen. Ep. 27, § 6; Friedl. SG. iii. 89; Marq. Priv. i. 158.

1042.

Plin. Ep. v. 19.

1043.

Mart. i. 44; iii. 49; Juv. v. 25 sqq.; cf. Sen. De Ben. vi. 33, § 4.

1044.

Plin. Ep. ii. 6.

1045.

Or. Henz. 2862, 2874, 6389.

1046.

Plin. Ep. iii. 14.

1047.

Ib. vi. 25; cf. the similar fate of Lampridius, at the close of the Western Empire in Gaul, Sid. Apoll. Ep. viii. 11. § 10.

1048.

Sen. Ep. 4, § 8; 107, 5.

1049.

See a great mass of instances and authorities collected, with his unique learning, by Mayor, Plin. iii. pp. 114, 115; cf. Boissier, L'Opp. p. 212.

1050.

Sen. Ep. 24, § 11; 58, § 36; 70, § 8; 117, § 22; De Prov. ii. 10; vi. 7; De Ira, iii. 15; Epict. i. 24; cf. ii. 15; iii. 24; M. Aurel. x. 8; x. 32; cf. Mommsen, De Coll. p. 100.

1051.

Sen. Ep. 70, § 21, dum hoc constat praeferendam esse spurcissimam mortem servituti mundissimae.

1052.

Ib. 58, § 36, non adferam mihi manus propter dolorem: hunc tamen si sciero perpetuo mihi esse patiendum, exibo; non propter ipsum, sed quia impedimento mihi futurus est ad omne propter quod vivitur ... prosiliam ex aedificio putri ac ruenti.

1053.

Plin. Ep. i. 22, 10; Aristo was a fine type of the puritan pagan, an "imago priscae frugalitatis."

1054.

Ib. iii. 7, 1. For similar instances, v. Sen. Ep. 70, § 6; Tac. Ann. xi. 3; Suet. Tib. 53; Petron. 111; Epict. ii. 15.

1055.

Plin. Ep. ix. 13, 6; cf. iv. 17, 4; vii.

1056.

Ib. i. 12, 10. It is characteristic of the time that his last word was κέκρικα.

1057.

Ib. vi. 24.

1058.

Pliny boasts of idealising his friends; vii. 28, agnosco crimen.... Ut enim non sint tales quales a me praedicantur, ego tamen beatus quod mihi videntur.

1059.

Plin. Ep. viii. 18; iv. 21; viii. 10, 11, neque enim ardentius tu pronepotes quam ego liberos cupio; cf. iv. 15, 3, fecunditate uxoris frui voluit eo saeculo quo plerisque etiam singulos filios orbitatis praemia graves faciunt.

1060.

Ib. iii. 3, in hac licentia temporum.

1061.

Ib. iv. 25, proximis comitiis in quibusdam tabellis multa jocularia atque etiam foeda dictu ... inventa sunt.

1062.

Ib. viii. 23, 3, ipsi sibi exempla sunt.

1063.

Ib. vii. 24, she was born about A.D. 27, in the reign of Tiberius. Ummidia had the virtue of liberality; she built an amphitheatre and temple for Casinum, Or. Henz. 781.

1064.

Plin. Ep. vii. 28, 2.

1065.

Cf. Ep. v. 14, on his relations with Cornutus Tertullus: quae societas amicitiarum artissima nos familiaritate conjunxit.

1066.

Plin. Ep. vi. 6; vi. 32; in which he offers a dowry to Quintilian's daughter in the most delicate way; cf. Juv. iii. 215; xv. 150; Sen. De Benef. ii. 21, 5; iv. 11, 3; Tac. Ann. iv. 62; yet cf. the judgment of D. Chrys. Or. vii. § 82; Denis, Idées Morales, ii. 175 sqq.

1067.

Plin. Ep. viii. 23, 2; vi. 11, 3; i. 12, 12; ii. 1, 8 (of Verginius Rufus), sic candidatum me suffragio ornavit, etc., iii. 1, 6 (of Spurinna), quibus praeceptis imbuare!

1068.

Plin. Ad Traj. 87, 94.

1069.

Id. Ep. vi. 29.

1070.

Ib. iii. 3.

1071.

Plin. Ep. vi. 11.

1072.

Ib. vi. 26.

1073.

Ib. iv. 15. Fundanus's consulship is mentioned in two inscriptions, Or. 1588, 2471. There is a difficulty about the dates which is discussed in Momms. Plin. p. 17, n. 3. Fundanus does not appear in the Fasti.

1074.

Sen. Ad Marc. xiii. xiv.; Ad Helv. xvi.

1075.

Ad Marc. xvi. par illis, mihi crede, vigor, etc. Ad Helv. xvii. 4, cf. Plut. Conj. Praec. xlviii. φαρμάκων ἐπωδὰς οὐ προσδέξεται (ἡ γυνή) τοῖς Πλάτωνος ἐπαδομένη λόγοις, κτλ.; cf. Juv. vi. 450; Mart. vii. 69.

1076.

Plin. Ep. iv. 19, § 4.

1077.

Plin. Ep. v. 16.

1078.

Seneca and Paulina, Tac. Ann. xv. 64; Plutarch, Ad Uxorem, iv. v.

1079.

Plin. Ep. vi. 4, 5, 7.

1080.

Id. Ad Traj. 121, 122.

1081.

Cic. De Off. ii. 18 (63), atque haec benignitas etiam reipublicae est utilis, redimi e servitute captos, locupletari tenuiores.

1082.

Hor. Sat. ii. 2, 103—

Cur eget indignus quisquam, te divite?

1083.

Sen. Ep. 47, § 1, 31; De Benef. iii. 21; De Clem. i. 18, 3; De Ira, iii. 24.

1084.

Sen. Ep. 95, § 52.

1085.

Sen. Benef. iv. 5; iv. 26; iv. 28, Di multa ingratis tribuunt.

1086.

Juv. xiv. 16; vi. 219, 476.

1087.

Id. xiv. 31.

1088.

Id. xiii. 190.

1089.

Juv. xv. 133.

1090.

Or. Henz. 6042.

1091.

Cic. De Off. i. 14; Sym. Ep. ii. 78; ix. 126; Olympiod. § 44 (Müller, Fr. H. Gr. iv. p. 68); cf. Boeckh, Public Ec. of Athens (Trans. Lewis), pp. 458, 520, 578.

1092.

Marq. Priv. i. 178 n. 10; cf. Juv. ii. 117; Mart. vii. 64, dominae munere factus eques; Tac. Ann. xiii. 34.

1093.

Suet. Vesp. 18; Spart. Hadr. 16, § 8; Capitol. Ant. P. 11, § 3.

1094.

D. Cass. 68. 2; Victor, Epit. 12.

1095.

Or. Henz. 6664; Plin. Paneg. 28, hi subsidium bellorum, ornamentum pacis publicis sumptibus aluntur. Duruy, iv. 784; Boissier, Rel. Rom. ii. 211; Kratz, De Benef., a Traj. collatis, p. 11.

1096.

Plin. Ep. x. 62. The letter reveals an unwillingness among the people of Bithynia to become debtors to the public treasury.

1097.

Cf. Tac. Ann. iv. 27, minore in dies plebe ingenua; iii. 25; cf. Meriv. viii. 353.

1098.

Spart. Hadr. 7.

1099.

Capitol. Ant. P. 8.

1100.

Id. M. Aurel. 26; cf. Capitol. Pertin. 9. He found the interest on Trajan's foundation nine years in arrear. Lamprid. Alex. Sev. 57, 7; his charity children were called Mammaeani; Kratz, p. 11.

1101.

Or. Henz. 6694 to a man who left Tibur his sole heir; 3733 ob munificentiam; 3765, 3766, 3882, 7190, 6993, 7001, 781; cf. Philostr. Vit. Soph. ii. 1 sqq. ἄριστα δὲ ἀνθρώπων πλούτῳ ἐχρήσατο. Plin. H. N. xxix. 4 (8); Friedländer, Cena Trim. Einl. 46 sq.

1102.

Plin. Ep. i. 3, § 1, Comum meae deliciae; v. 11, 2; iv. 13, respublica nostra pro filia vel parente.

1103.

v. the inscr. in Momms. Plin. p. 31.

1104.

Plin. Ep. i. 8; v. 7; Or. 1172.

1105.

Plin. Ep. iv. 13.

1106.

Ib. vii. 18; Or. 1172.

1107.

Plin. Ep. iv. 1; cf. ix. 12.

1108.

Ib. vi. 32.

1109.

Ib. i. 19.

1110.

Ib. iii. 11.

1111.

Ib. ii. 4.

1112.

Ib. vi. 3.

1113.

Friedl. Cena Trim. Einleit. p. 48.

1114.

Or. Henz. 114.

1115.

Boissier, Promenades Archæologiques, p. 330, ce qui nous échappe c'est la vie de province.

1116.

Hor. Carm. iii. 4, 9.

1117.

Mart. iv. 55, 11; xii. 18, 9; i. 50.

1118.

It must, however, be said that Virgil has preserved much of local religious sentiment. Cf. Sellar, *Virgil*, p. 365 sq.

1119.

Virg. *Ecl.* ii. 48; *Georg.* ii. 466 sqq.; iii. 324-338, et saltus reficit jam roscida luna; cf. Sellar, *Virgil*, pp. 166-167.

1120.

Aen. vii. 630 sqq.; Sellar, p. 80.

1121.

Plin. *Ep.* i. 3; i. 6; i. 9; vii. 30; ix. 36. Mart. iii. 58; i. 56; iv. 66; iv. 90; vi. 43.

1122.

Hor. *Carm.* i. 17.

1123.

Juv. iii.

1124.

v. Rom. Society in the Last Century of the Western Empire, p. 128 sq. (1st ed.); Sym. i. 101; ii. 26; v. 78. Cf. Auson. *Idyl.* x. 20, 155, 189.

1125.

Mart. xii. 18—

Dum per limina te potentiorum

Sudatrix toga ventilat, vagumque

Major Caelius, et minor fatigat.

1126.

Ov. *Trist.* ii. 196; iii. 2, 21, Roma domusque subit, desideriumque locorum; cf. Hor. *Sat.* ii. 7, 28.

1127.

Mart. xii. Praef. illam judiciorum subtilitatem, illud materiarum ingenium, bibliothecas, theatra, conventus, quasi destituti desideramus.

1128.

Juv. iii. 173 sqq.

1129.

Illustrations may be found in Plaut. *Mil. Glor.* 653; *Captiv.* 879; *Trinum.* 609; *Bacch.* 24; Cic. *Phil.* iii. 6, 15, videte quam despiciamur omnes qui sumus e municipiis, id est, omnes plane; Tac. *Ann.* iv. 3, seque ac majores et posteros municipali adultero foedabat.

1130.

Juv. x. 100; cf. Cic. post *Red. in Sen.* 17; Hor. *S. i.* 5, 34, Insani ridentes praemia scribae, etc.

1131.

Or. xiv. (223), 391, (Jebb. i. p. 223), μία δὲ αὕτη κατέχει ἔρις, ὅπως ἔτι καλλίστη καὶ ἡδίστη ἐκάστη φανείται· πάντα δὲ μεστὰ γυμνασίων, κρηνῶν, προπυλαίων, νεῶν, δημιουργίων, διδασκάλων.

1132.

Aristid. Or. xiv. (225), 393-4, ἡ γῆ πᾶσα οἶον παράδεισος ἐγκηκόσμηται.

1133.

Aelian, V. Hist. ix. 16, ὤκησαν καὶ πόλεις τὴν Ἰταλίαν πάλαι ἑπτὰ καὶ ἐνηνῆκοντα καὶ ἑκατὸν πρὸς ταῖς χιλιάς; Jos. B. J. ii. 16.

1134.

Arnold, Rom. Prov. Administration, p. 203.

1135.

H. N. iii. 4.

1136.

Momms. Rom. Prov. i. 73.

1137.

Ib. p. 168; Tac. Ann. i. 36; Marq. Röm. Staatsverw. i. 121; Bury, Rom. Emp. p. 83.

1138.

C. Theod. xiii. 3, 11.

1139.

Marq. Röm. St. i. 125.

1140.

Tac. Hist. i. 67; v. the dedication of a temple to Isis by a magistrate of Baden and his wife and daughter; Or. 457.

1141.

Marq. i. 155, in keiner andern Provinz lässt sich die Entwicklung der römischen Städteanlagen so genau verfolgen als in Dacien. Arnold, R. Prov. Admin. p. 205.

1142.

Or. Henz. 5287.

1143.

Vit. Soph. ii. 3.

1144.

Arnold, p. 205; Marq. i. 199.

1145.

Tac. Ann. iv. 55; Strab. xii. 578.

1146.

H. N. v. 60; Friedl. SG. iii. 110.

1147.

Aristid. Or. xiv. 223 (392), πόλις ἐγκαλλώπισμα τῆς ὑμετέρας γέγονεν ἡγεμονίας.

1148.

Cf. Victor, Vit. i. 7; v. 9; Friedl. SG. iii. 110; v. Migne, Patrol. Lat. t. lviii. 270, notitia Africae.

1149.

C.I.L. viii. 2355; Cagnat, *L'Armée Rom. d'Afrique*, p. 582; Boissier, *L'Afr. Rom.* p. 180.

1150.

Or. Henz. 5326.

1151.

Boissier, *L'Afr. Rom.* p. 187.

1152.

C.I.L. viii. 2388; Hieron. *Ep.* 107, § 1; Macrobian. *Sat.* i, 2, 15.

1153.

C.I.L. viii. 2403; Suppl. ii. 17903; Suppl. i. 12058. This inscription, from an obscure place, shows how an original honorarium of HS. 1600 was finally increased by voluntary generosity to HS. 12,000.

1154.

Ib. 2341, 17838.

1155.

C.I.L. viii.; Suppl. ii. 17831.

1156.

Marq. *Röm. St.* i. 45; Bury, *Rom. Emp.* p. 77; Arnold, *Rom. Prov. Admin.* p. 210.

1157.

Or. Henz. 3720, 3800, 3801, 3056, 3057, 3804.

1158.

Tac. *Ann.* i. 15; Momms. *Röm. St.* ii. 1002; Duruy, v. pp. 336-346; Gréard, *Plut.* 221, 237; *Plut. Reip. Ger. Pr.* c. 17, 19. The first *curatores civitatum* are heard of in the reigns of Nerva and Trajan; cf. Marq. i. 510, n. 10.

1159.

Suet. *Tib.* 32; Tac. *Ann.* iv. 6; Suet. *Nero*, x.; Otho, iii. *provinciam administravit moderatione singulari*; Vitell. v. *Vespasian had to increase burdens*, Suet. xvi.; Tac. *Hist.* ii. 84; as to Trajan, cf. Plin. *Paneg.* 20; Suet. *Dom.* 8. Nero, it is true, is said to have encouraged plunder (Suet. *Nero*, 32; Plin. *H. N.* 18, 6). Yet the general prosperity was undisturbed, Boissier, *L'Opp.* 170; Arnold, *Rom. Prov. Admin.* 135; Gréard, *Plut.* 199.

1160.

See a crowd of inscriptions to Domitian and Commodus in remote places in Africa; cf. C.I.L. viii. 1016, 1019; 10570, 8702, in which Commodus is described as *indulgentissimus princeps*, etc.

1161.

Marq. *Röm. St.* i. 517 sq.; Arnold, p. 212.

1162.

Henz. iii. *Ind.* p. 156; *Inscr.* 2322, 6980, 4983; Marq. *Röm. St.* i. 477. There were consuls at Tusculum and Beneventum. But the grand style was ridiculed by Cicero, *In Pis.* xi. 24.

1163.

Tac. Ann. xiii. 31; xvi. 22, diurna per provincias, per exercitus curatius leguntur. Peter, *Gesch. Litt.* i. 212; Macé, *Suétone*, p. 191; Marq. Priv. i. 88; cf. C.I.L. viii. 11813; Lamprid. Com. 15.

1164.

Plin. Ep. ix. 11, 2; Mart. vii. 88.

1165.

Sen. Ep. 28, 104; Luc. Tox. 27; De Dips. 6; Philops. 33; Alex. 44; Epict. Dis. iii. 13.

1166.

Philostr. Apoll. Tyan. iii. 50, vi.; D. Chrys. Or. 36.

1167.

Hudemann, *Gesch. des röm. Postwesens*, p. 8 sq.; Marq. Röm. St. i. 417; Friedl. SG. ii. 8.

1168.

Or. Henz. 4093, 2413, 5163, 6983.

1169.

Suet. Jul. Caes. 57.

1170.

Plut. Galba, 7.

1171.

Mart. x. 104; cf. Hor. S. i. 5, 104.

1172.

Friedl. SG. ii. 12 sqq.

1173.

Aristid. Or. xxiv. 537; cf. Hor. S. i. 6, 105.

1174.

Sen. Ep. 123, § 7.

1175.

Cf. Suet. Nero, xlv. xxx.; Sen. Ep. 87, § 9; 123.

1176.

Plin. Ep. iii. 5, 15; cf. Suet. Claud. xxxiii.; Friedl. SG. ii. 19.

1177.

Apul. Met. i. 7; i. 17; Sidon. Apoll. Ep. viii. 11. Cf. Rom. Soc. in the Last Century of the Western Empire, p. 172 (1st ed.); Friedl. ii. 20.

1178.

Marq. Röm. St. i. 17, 199, 214, 317; Arnold, *Prov. Adm.* 203.

1179.

Arn. 205, 208; Marq. i. 114, 118.

1180.

Marq. i. 14.

1181.

Id. i. 155.

1182.

Boissier, *L'Afr. Rom.* p. 104.

1183.

See the history of this legion in Cagnat, *L'Armée Rom. d'Afrique*, p. 148 sqq. *C.I.L. viii.*, Momms. Praef. xix. sq. The legion was first stationed at Thevesta.

1184.

Or. Henz. 5319; *C.I.L. viii.* 2532, 10048; v. Mommsen, p. 21. For the date of this visit, v. Cagnat, p. 154. *Vit. Hadr.* 12, 13.

1185.

Herodian, iii. 8; cf. Cagnat, p. 451.

1186.

C.I.L. viii. 2611; Or. Henz. 7408.

1187.

Cagnat, 365, 453; cf. *C.I.L. viii.* 3015.

1188.

Cagnat, 481-87; Marq. ii. 544.

1189.

Marq. *Röm. St.* i. 499; Friedl. *Cena Trim. Einl.* 29; Plin. *Ep.* i. 19; Boissier, *L'Afr. Rom.* p. 195.

1190.

Or. Henz. 3721; Friedl. *Cena Trim. Einl.* 30.

1191.

Or. Henz. 6989, 7001, 7199, ob duplam sportulam collatum sibi, 4020, 3703.

1192.

Hartmann, *De Exilio*, pp. 58 sq.; Duruy, *Hist. Rom.* vi. 643.

1193.

Or. Henz. 946, 3708.

1194.

Ib. 7192.

1195.

Or. Henz. 3703, 3706, 4009, 3937, 3704, 3725, 4020; Plin. *Ep.* x. 111; cf. Ohnesseit, *De Jure Municip.* 41.

1196.

Marq. *Röm. St.* i. 472.

1197.

Or. Henz. 7421; *Lex Mal.* §§ 53, 55.

1198.

Mau, 376, 388-89 (Tr.).

1199.

Claudium iivir. animula facit, C.I.L. iv. 425, 677, 644.

1200.

Petron. Sat. 45, ferrum optimum daturus est, sine fuga, carnarium in medio, etc.

1201.

The title of the highest magistracy varied a good deal: cf. Marq. Röm. St. i. 475, 89, Or. Henz. iii. Ind. 154.

1202.

Marq. i. 485; Henz. Ind. p. 157. Often described as iivir quinquennalis, or iivir censoria potestate quinq. etc., or shortly quinquennalis; cf. Or. Henz. 3882, 3721.

1203.

Arnold, Prov. Adm. pp. 225, 226.

1204.

Or. Henz. 643.

1205.

Lex Malag. § 51; Or. 7421; Marq. i. 475; C. Th. xii. 5, 1.

1206.

C.I.L. viii. 2341, 17838.

1207.

Marq. i. 499 n. 13.

1208.

Or. Henz. 7080, 7082, 3811, 3817, 3882.

1209.

Ib. 3817; cf. Spart. Hadr. c. 19.

1210.

Lex Urson. § 103.

1211.

Friedl. Cena Trim. Einl. 28; Duruy, v. 349 sqq.

1212.

Lex Malag. § 60 sq.

1213.

See Roman Society in the Last Century of the Western Empire, bk. iii. c. 2.

1214.

There is one case in Or. Henz. 2279.

1215.

v. Or. Henz. vol. iii. Ind. p. 152.

1216.

Plin. Ep. i. 19; at Como the census was HS.100,000; cf. Petron. Sat. 44.

1217.

The Curia is sometimes designated as Cviri, Or. Henz. 764, 3737, 1552. Or., however, interprets CV. as Civium universorum in 764.

1218.

Ohnesseit, De Jure Municip. p. 55; Marq. Röm. St. i. 504.

1219.

Plin. Ep. iv. 13, 9.

1220.

e.g. Or. Henz. 3703, 7190.

1221.

Friedl. Cena Trim. Einl. 31.

1222.

Plin. Ep. iv. 22. This autocratic act was the abolition of the games at Vienne by a duumvir.

1223.

Lex Urson. § 129.

1224.

Ib. § 99; Ohnesseit, De Jure Municip. p. 51.

1225.

Ib. p. 53; Lex Urson. §§ 96, 97, 130.

1226.

Mart. iii. 29; v. 14; v. 23; Juv. i. 28; iii. 131, 159.

1227.

Or. Henz. 7002, 7018, 3785, 3789, 3798, 3733, 3747.

1228.

Ib. 2287, 3714, 3851.

1229.

Pers. iii. 77; Juv. xvi.

1230.

In the Inscr. they are mentioned after the decurions and before the plebs; cf. Or. Henz. 4009, 3807, 1167. On the distinction between the Augustales and the Seviri Aug. v. Marq. Röm. St. i. 514; Ohnesseit, De Jure Munic. 46; Nessling, De Seviris Aug. Marq. says, scheinen die Augustales als lebenslängliche Mitglieder des Collegiums, die Seviri als jährlich wechselnde Beamte desselben zu betrachten zu sein.

1231.

Marq. i. 513; Ohnesseit, p. 46; cf. Or. Henz. 3959, 7089; Tac. Ann. i. 54, 73.

1232.

Petron. 65, 71.

1233.

Or. 2983; C.I.L. v. 4482.

1234.

Or. Henz. 3917, 3924, 1561, 7092, 4077, 3127, 4020, 5655, 2374.

1235.

Fiedl. Cena Trim. Einl. 37.

1236.

Or. Henz. 3787-8; 7103.

1237.

Petron. Sat. 65.

1238.

Or. Henz. 6983.

1239.

Ib. 4044, 7094.

1240.

Ib. 7112.

1241.

C.I.L. ix. 58.

1242.

Fiedl. Cena Trim. Einl. 42.

1243.

Plin. Ep. viii. 8, 6.

1244.

Fiedl. Cena Trim. Einl. 43.

1245.

Tac. Ann. xii. 58.

1246.

Sueton. Vesp. 13; Tac. Ann. ii. 47; cf. Nipperdey's note referring to the monument erected to Tiberius in A.D. 30, at Puteoli.

1247.

Petron. 44.

1248.

Suet. Vesp. xviii. Latinis Graecisque rhetoribus annua centena constituit.

1249.

Plin. Ep. iv. 13.

1250.

Herodot. iii. 131.

1251.

Strab. iv. c. i. 5 (181), σοφιστὰς γοῦν ὑποδέχονται ... κοινῇ μισθοῦμενοι καθάπερ καὶ ἰατρούς.

1252.

Marq. Priv. ii. 777.

1253.

Or. Henz. 3994, 4017.

1254.

Or. Henz. 3716, 6709, 7146.

1255.

Friedl. Sittengesch. iii. 116; C.I.L. ii. pp. 89-96.

1256.

Plin. Ad Traj. 17.

1257.

Ib. 54, 55, 23.

1258.

Ib. 47.

1259.

Ib. 17.

1260.

Ib. 39.

1261.

Ib. 37.

1262.

Plin. Ad Traj. 38.

1263.

Ib. 33.

1264.

Ib. 110; cf. Marq. Röm. St. i. 522.

1265.

Plin. Ad Traj. 112, 114, 116.

1266.

Ib. 79.

1267.

Ib. 116.

1268.

Or. Henz. 7001; Friedl. Cena Trim. Einl. 53; corruption, however, by means of hospitality is expressly forbidden by the Lex Urson. § 132; C.I.L. ii. Suppl. p. 852.

1269.

Plin. Ad Traj. 96.

1270.

Friedl. Cena Trim. Einl. 33; Gréard, Plut. pp. 246-7.

1271.

The different classes of Curatores, which must be carefully distinguished, are clearly given by Arnold, Prov. Admin. 236. Cf. Or. Henz. 3899, 3902, 3989. For a good example of the function of the Curator, cf. Or. 3787.

1272.

For the sources of these, cf. Marq. Röm. St. ii. p. 96.

1273.

Mau, Pompeii (Eng. Tr.), p. 16.

1274.

Mau, Pompeii (Eng. Tr.), p. 15.

1275.

Petron. Sat. 38.

1276.

Mau, p. 143.

1277.

Id. p. 111.

1278.

Mau, p. 124.

1279.

Id. pp. 147, 206.

1280.

Id. p. 164.

1281.

Or. Henz. 7008, 7010.

1282.

Duruy, v. 396.

1283.

Or. 781.

1284.

Plin. H. N. xxix. 5.

1285.

Duruy, v. 396.

1286.

Plin. l.c.

1287.

D. Chrys. Or. 46 (519).

1288.

Tac. Hist. iii. 34, reposita fora templaque munificentia municipum.

1289.

Philostr. Vit. Soph. ii. 1; Friedl. Sittengesch. ii. p. 120.

1290.

Philostr. Vit. Soph. ii. 5.

1291.

Ib. ii. 6.

1292.

Philostr. Vit. Soph. ii. 3.

1293.

C. Theod. ix. 17, 5; Nov. Valent. 5.

1294.

Or. Henz. 6993, 7013, 7190, 6622, 2287, 6985, 3325.

1295.

Ib. 6994.

1296.

Ib. 6983.

1297.

Or. Henz. 7013.

1298.

C.I.L. viii. 5366; she received the honour of five statues in return.

1299.

Or. Henz. 2287.

1300.

Ib. 3325.

1301.

Ib. 3772.

1302.

Boissier, L'Opp. p. 44.

1303.

See Rom. Soc. in the Last Century of the Western Empire (1st ed.), p. 202.

1304.

Suet. Nero, xvi.

1305.

Suet. Vesp. ix.; D. Cass. lxvi. 10.

1306.

Suet. Tit. vii. nemine ante se munificentia minor.

1307.

Suet. Domit. v.

1308.

Plin. Paneg. 51.

1309.

D. Cass. lxxiii. 7, 15; Plin. Paneg. 29, 51.

1310.

Ael. Spart. Hadr. c. 29.

1311.

Ib. c. 19, § 10, eaque omnia propriis auctorum nominibus consecravit.

1312.

On the sportula at this time, cf. Suet. Nero, xvi., Dom. vii.; Marq. Pr. i., 207 sq.; Momms. De Coll. p. 109.

1313.

Plut. Caes. 55, ἐστιάσας μὲν ἐν δισμυρίοις καὶ δισχιλίοις τρικλίνιοις ὁμοῦ σύμπαντας: D. Cass. 43, 21, 3.

1314.

Plin. Ep. i. 3, triclinia illa popularia.

1315.

Petron. 71.

1316.

Or. Henz. 7115, 1368, 4088, 4115.

1317.

Ib. 3882.

1318.

Or. Henz. 3868.

1319.

Ib. 6211.

1320.

Marq. Priv. i. 210; Petron. 45; Or. 842; Momms. Colleg. p. 110.

1321.

Or. Henz. 3394; cf. Suet. Calig. 18.

1322.

Or. Henz. 3738.

1323.

C.I.L. x. 5853; Friedl. Cena Trim. p. 55.

1324.

Lex Urson. § 132.

1325.

Philostr. Vit. Soph. ii. 1.

1326.

Friedl. Sittengesch. ii. 142; cf. Jul. Capitol. M. Ant. c. x.

1327.

Suet. Tit. vii.

1328.

D. Cass. 68. 15, καὶ θεὰς ἐν τρισὶ καὶ εἴκοσι καὶ ἑκατὸν ἡμέραις ἐποίησεν ... καὶ μονομάχοι μύριοι ἡγωνίσαντο.

1329.

Salv. De Gub. Dei, vi. § 69.

1330.

Aug. Conf. vi. 8; cf. Sym. Ep. ii. 46.

1331.

Tac. Ann. i. 76, vili sanguine nimis gaudens.

1332.

Suet. Calig. xxxv.

1333.

Calpurn. Ecl. vii. 24 sqq.

Vidimus in caelum trabibus spectacula textis

Surgere, Tarpeium prope despectantia culmen—

... Sic undique fulgor

Percussit: stabam defixus et ore patenti,

Cunctaque mirabar, etc.

1334.

Sen. De Brev. Vit. viii.; Ep. 95, § 33; Plut. Reipubl. Ger. Pr. c. 29; Luc. Dem. c. 57.

1335.

Plin. Ep. iv. 22.

1336.

Suet. Nero, iv.

1337.

D. Cass. 66. 15; cf. M. Aur. vi. 46.

1338.

D. Cass. 68. 10 and 15, 66. 25; Suet. Nero, xi.; Suet. Dom. iv.

1339.

D. Cass. 67. 1; cf. Friedl. ii. 202.

1340.

Plin. Ep. vi. 34; Paneg. 33.

1341.

Petron. 45.

1342.

Strabo, v. c. 4, 13.

1343.

Mau, 206, 207.

1344.

Tac. Ann. xiv. 17.

1345.

Mau, 152.

1346.

Friedl. Sittengesch. ii. 206.

1347.

Mau, 216, 217. The words in one of these, flaminis Neronis Caesaris Aug. fili, fix the date between 50 and 54 A.D.

1348.

Mau, 217, 218.

1349.

Ib. 411.

1350.

Ib. 220; Juv. vi. 82 sqq.; cf. Mart. v. 24.

1351.

Friedl. ii. 189.

1352.

Ib. ii. 92.

1353.

Tac. Ann. iv. 62.

1354.

Or. Henz. 2532.

1355.

Ib. 2530.

1356.

Ib. 6148; C.I.L. x. 1074, 6012. This was given postulante populo.

1357.

Or. Henz. 5963, 5972, 2531; C.I.L. x. 228.

1358.

Tac. Hist. ii. 70-72.

1359.

Ib. iii. 84.

1360.

Or. Henz. 3725, 6156; Strab. xvii. 1, 10; Friedl. ii. 204, 378 sqq.

1361.

Apul. Met. x. 18; cf. iv. 13.

1362.

Plut. Reipubl. Ger. Pr. 30; Philostr. Apoll. Tyan. iv. 21.

1363.

Luc. Dem. 57; cf. Mahaffy, Greek World under Roman Sway, p. 271.

1364.

Or. Henz. 2373, 7037, 148, 2532.

1365.

Mart. iii. 59, 16.

1366.

Or. Henz. 81.

1367.

Petron. 45.

1368.

Friedl. Sittengesch. ii. 137, Doch diese Summe erscheint gering im Vergleich mit der kolossalen Verschwendung, mit der die Schauspiele in der letzten Zeit der Republik gegeben wurden; cf. C.I.L. ii. 6278 (Suppl. p. 1032).

1369.

Or. Henz. 2530; 2533; Friedl. Cena Trim. p. 58; Cic. Ad Att. 12, 2.

1370.

Suet. Tib. vii.

1371.

Petron. 45.

1372.

Friedl. Sittengesch. ii. 202; Suet. Vitell. xii. circumforaneo lanistae vendidit.

1373.

Friedl. Sittengesch. ii. 192.

1374.

Petron. 45; D. Cass. 60. 30.

1375.

D. Cass. 74. 2.

1376.

Friedl. Sittengesch. ii. 196.

1377.

D. Cass. 66. 15; Spart. Hadr. 14; cf. Suet. Calig. xxxiv.

1378.

Lamprid. Com. xi.; cf. viii.; Friedl. Sittengesch. ii. 150.

1379.

Suet. Jul. Caes. xxxix.; Juv. vi. 252.

1380.

Friedl. Sittengesch. ii. 198.

1381.

Or. Henz. 2571, 2572; C.I.L. x. 7364; xii. 5836.

1382.

Mau, Pompeii, p. 219 sq.

1383.

Sen. Ep. 70, § 20; Tac. Ann. xv. 46. Sym. Ep. ii. 46; cf. Friedl. Sittengesch. ii. 211.

1384.

Sen. De Prov. iv.

1385.

Epict. Diss. i. 29, § 37.

1386.

Friedl. Sittengesch. ii. 204.

1387.

Or. Henz. 2566.

1388.

Ib. 2571.

1389.

Or. Henz. 2572-9; C.I.L. xii. 3329.

1390.

Or. Henz. 2573-5; D. Cass. 72. 22.

1391.

Juv. iii. 158.

1392.

C.I.L. x. 1074.

1393.

Or. Henz. 3721.

1394.

Ib. 7008, 7010; cf. 7082, where a youth of twenty had been iivir quinquennalis, and had given a gladiatorial show. Cf. 3714, quaestor designatus est annorum xxiii., 3745, 3246, 3768.

1395.

Ib. 3764.

1396.

Ib. 3773, 4036, 82, 5134; cf. 3744.

1397.

Or. Henz. 3709, 3750; C.I.L. xii. 3203, 3219.

1398.

Plut. Reipubl. Ger. Pr. c. 27.

1399.

Or. Henz. 6992.

1400.

Ib. 3811, 3722, 6999, 7007, 7004 (honore usus in pensam remisit), 7011, 7190, 4100.

1401.

Ib. 3865, ex aere collato; 6996.

1402.

This seems clear from Plut. Reip. Ger. Pr. c. 31, καὶ μὴ δανειζόμενον οἴκτρον ἄμα καὶ καταγέλαστον εἶναι περὶ τὰς λειτουργίας.

1403.

Plut. Reip. Ger. Pr. c. 18; cf. c. 10.

1404.

Plin. Ep. x. 113; 79.

1405.

Plut. Reip. Ger. Pr. c. 18.

1406.

Philostr. Apoll. T. iv. 5.

1407.

Plut. Reip. Ger. Pr. c. 32; cf. Gréard, Morale de Plut. p. 230.

1408.

Philostr. Apoll. T. v. 41, 10; cf. Gréard, p. 227.

1409.

Plut. Reip. Ger. Pr. c. 15.

1410.

Ib. c. 27, 29, 30, 20.

1411.

Or. Henz. 4007 (Canusium), 2391 (Praeneste), 4491 (Pisa), 3898 (Bergamum), 3787 (Caere). For places out of Italy, cf. C.I.L. xii. 3212 (datus a Trajano); viii. 2403, 2660 (Timgad and Lambesi); iii. 3485 (Aquincum); ii. 484 (Emerita); 4112 (Tarraco); cf. x.; ii. p. 1158; Capitol. M. Ant. c. 11.

1412.

Or. Henz. 3787, placuit tibi scribi an in hoc quoque et tu consensurus esses.

1413.

A.D. 113, as the names of the consuls show.

1414.

See Roman Society in the Last Century of the Western Empire, p. 208 sqq. (1st ed.).

1415.

M. Aurel. vi. 46; vii. 3; ix. 30.

1416.

Or. Henz. Ind. 151; C.I.L. xii. p. 940; Or. Henz. 3763, 7170 (consensus plebis); C.I.L. xii. 3185 (ex postulatione populi); x. 5067, 1030, 8215, 3704.

1417.

Tac. Ann. xiii. 48; Hi (i.e. plebs) magistratuum et primi cujusque avaritiam increpantes.

1418.

C.I.L. iv. 202, 710, 787.

1419.

Marq. Priv. i. 159, 160; Duruy, Hist. des Rom. v. 631; Athen. vi. 272 D.

1420.

Suet. Octav. 40; D. Cass. 55. 13.

1421.

Or. Henz. iii. Ind. p. 180.

1422.

Or. Henz. 4148, 4143, 4268, 4154. For the provinces of C.I.L. ii. Suppl. p. 1171; viii. p. 1102; x. 1163; xii. p. 943.

1423.

Or. Henz., 4148, Marcia margaritaria de Via Sacra legavit ... libertis libertabusque suis....

1424.

Juv. i. 24; x. 224; Mart. iii. 16, 59.

1425.

Duruy, v. 637.

1426.

S. Hieron. Ep. 108, § 3.

1427.

Roman Society in the Last Century of the Western Empire (1st. ed.), p. 193.

1428.

Momms. De Coll. (Morel) p. 28 sq.; Boissier, Rel. Rom. ii. 278; Plut. Numa, c. 17, ἥν δὲ διανομήν κατὰ τὰς τέχνας αὐλητῶν, χρυσοχόων, κτλ.

1429.

Momms. De Coll. p. 76.

1430.

Suet. Caes. 42; Octav. 32.

1431.

Momms. De Coll. p. 84.

1432.

Plin. Ep. x. 34.

1433.

Tac. Ann. xiv. 17, re ad patres relata ... collegia quae contra leges instituerant dissoluta.

1434.

Vop. Aurel. c. 38.

1435.

Or. Henz. 6086; cf. Momms. De Coll. p. 98; Boissier, Rel. Rom. ii. 313; Duruy, v. 408.

1436.

Momms. De Coll. p. 87.

1437.

Lamprid. Alex. Sev. c. 33; cf. Duruy, v. 408.

1438.

Or. Henz. 4841, Elysiis campis floreat umbra tibi; but cf. 4793, manus levo contra deum qui me innocentem sustulit; 4796, Dii irati aeterno somno dederunt.

1439.

Ib. 4662, Qutia Silvana Uxor virum expecto meum.

1440.

Ib. 2677, 2655, 4626, 4639, 4848, Domum servavit, lanam fecit. Dixi, abei.

1441.

Ib. 4775.

1442.

Ib. 2669, 4653, 2413, 2414.

1443.

Or. Henz. 2815, 2817, 4687, 4777, 4653.

1444.

Ib. 4852, effugi crimen longa senecta tuum.

1445.

Ib. 4816, balnea, vina, Venus corrumpunt corpora nostra, sed vitam faciunt. Vixi; quod comedi et ebibi tantum meum est. Non fui, fui; non sum, non curo; 4807, 7407, 7387.

1446.

Ib. 4795, 7406.

1447.

Ib. 4836.

1448.

Ib. 4416.

1449.

Ib. 4417.

1450.

Ib. 4781, 4783, 4.

1451.

Or. Henz. 4386, 4357, 4360, 4362, 4388, 4396, 4423, 4425, 4427.

1452.

Ib. 6086. Ex S.C.P.R. quibus coire convenire collegiumque habere liceat qui stipem menstruum conferre volent in funera, in id collegium coeant neque sub specie ejus collegii nisi semel in mense coeant, etc.

1453.

Boissier, Rel. Rom. ii. 313.

1454.

Momms. De Coll. p. 87.

1455.

Or. Henz. 2399, 2400.

1456.

Ib. 4079.

1457.

Ib. 4093.

1458.

Ib. 4073, Loc. sep. convictor. qui una epulo vesci solent.

1459.

Ib. 6086; Momms. De Coll. p. 98; Boissier, Rel. Rom. ii. p. 309 sqq.; Duruy, v. 412.

1460.

Or. Henz. 6086; Col. ii., placuit ut quisquis servus ex hoc collegio liber factus fuerit, etc.

1461.

Momms. De Coll. p. 99; Boissier, Rel. Rom. ii. p. 309.

1462.

Momms. De Coll. p. 104.

1463.

Or. Henz. 2417; Junio Rufino Cos. i.e. A.D. 153; Momms. p. 73.

1464.

Momms. De Coll. p. 93.

1465.

They have their ordo, plebs, decuriones, quinquennales, curatores, honorati, patroni, quaestores, etc.; v. Henz. Ind. p. 176 sqq.

1466.

Herodot. v. 66.

1467.

Tac. Hist. iii. 32, tempus quoque mercatus ditem alioqui coloniam majore opum specie complebat.

1468.

Friedl. Cena Trim. Einl. p. 63.

1469.

Apul. Met. i. 5.

1470.

Momms. Rom. Prov. i. 74.

1471.

Or. Henz. 178; Tac. Hist. iv. 5.

1472.

C.I.L. ii. 2423.

1473.

Ib. iii. 1500.

1474.

Ib. x. 1634, 1579.

1475.

Ib. iii. 365, 444, 455, 6051.

1476.

Suet. Claud. xviii.; cf. Merivale, vi. 126 sq.

1477.

Juv. xiv. 276.

1478.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 34.

1479.

Or. Henz. 6111, 6835.

1480.

Ib. 4109.

1481.

Ib. 6414, 2211, 4095, 4100, 4096; C.I.L. x. 5928, 1493; iii. 4045, 5678.

1482.

Or. Henz. 2401.

1483.

C.I.L. iv. 575, 581.

1484.

Or. Henz. 4063, 4072, 4087, 7007.

1485.

Or. Henz. 4243, 7205, 6950.

1486.

Ib. 7007, 7254, 4110, 6950.

1487.

Ib. 3655, 6029, 3178.

1488.

Ib. 4093, 7206.

1489.

Ib. 4105, 2619, 4113, 4112, 2625.

1490.

Boissier, Rel. Rom. ii. p. 286.

1491.

Dig. L. 7.

1492.

Boissier, Rel. Rom. ii. 287.

1493.

Or. Henz. 6302.

1494.

Ib.

1495.

C.I.L. iii. 2, 6150.

1496.

Ib. ii. 6004.

1497.

Or. Henz. 2863, Hilara viva rogavit ut ossa sua in olla Midaes coicerentur cum mort. esset.

1498.

C.I.L. iii. 6077, v. note.

1499.

Or. Henz. 2386, 4938, 4123.

1500.

Such as that in Or. Henz. 6086.

1501.

Or. Henz. 6010, Colleg. Capitolinorum, etc.; cf. Cic. Ad Quint. Fratr. ii. 5.

1502.

Rutil. Namat. i. 63.

1503.

Or. Henz. Ind. p. 154 sqq.

1504.

Ib. 4068, 4107.

1505.

Ib. 6127, 7181, 7182, 3217, 4138 (v. Orelli's note to this Inscription), 4071; C.I.L. x. p. 1163; iii. (2) p. 1180.

1506.

Or. Henz. 2863, 7183, 5372.

1507.

Or. 2417, ut ne plures adlegantur quam numerus s. s. etc.; C.I.L. ii. 1167, collegio hominum centum dumtaxet constituto. Cf. Plin. x. 33, where the coll. fabrorum is to be limited to 150.

1508.

Boissier, Rel. Rom. ii. 295.

1509.

Or. Henz. 4055.

1510.

Ib. 4054, 2417, 4056.

1511.

The ranks are mingled, however, in Or. 2394; C.I.L. iii. 633.

1512.

D. Cass. 60. 6, τὰ τε καπελεῖα ἐς ᾧ συνιόντες ἔπινον κατέλυσε, κτλ.

1513.

Or. Henz. 4088, 3298, 2279, 3787, 4085.

1514.

Ib. 2417, solarium tectum junctum in quo populus collegi s. s. epuletur.

1515.

Ib. 4070.

1516.

Or. Henz. 65, 900, 4088; cf. 4107, 4366.

1517.

Ib. 2416, 4057.

1518.

Ib. 4068.

1519.

Ib. 2502.

1520.

Ib. 2400, 4093.

1521.

C.I.L. iii. 1, 633.

1522.

Marq. Priv. i. 203.

1523.

Or. Henz. 4082, 4118.

1524.

Ib. 4082, 194, 73, 4077, 6654, 4109, 4069; C.I.L. iii. 1, 1209, 1497, 1051; x. 228; 1696; 3910.

1525.

Or. Henz. 7007, 4109.

1526.

C.I.L. iii. 1968; Or. Henz. 3927, 3321, 6275.

1527.

Or. Henz. 4133.

1528.

Ib. 7116, 3914, 3923, 4080, qui facultates suas coll. reliq.

1529.

Ib. 4109; 194, 4069, 4071, 4094, 7194.

1530.

Ib. 4109.

1531.

Ib. 3724, honore usus impensam remisit; cf. 7011, 6992, 7190, so passim.

1532.

C.I.L. ii. 2102.

1533.

Or. Henz. 4371, 4070, 4400, 7365; cf. Marq. Pr. i. 370.

1534.

Or. Henz. 4456 aediculae in quibus simulacra, etc., 4510, 4400 area quae ante se est maceria cincta long. p. xliix., lat. p. xxxix., 7365, 4337, 4070, 4085.

1535.

Ib. 4366 ejusque mausolei claves duae penes aliquem libertorum meorum ... sint, 4637, 4353.

1536.

Ib. 6206.

1537.

Ib. 4366.

1538.

Or. Henz. 3999, 4076, 4107, 4088.

1539.

Ib. 3999.

1540.

Ib. 6085.

1541.

Ib. 7215 (A.D. 149).

1542.

Macrob. Sat. iii. 13, 11-13.

1543.

Boissier, Rel. Rom. ii. 319; Marq. Pr. i. 208; Hor. Ep. i. 14, 21.

1544.

Momms. De Colleg. p. 109; cf. Or. 2385 (panem vinum et sportulas dedit), 3949.

1545.

Or. Henz. 2417.

1546.

Fl. Apolloni Proc. Aug. qui fuit a pinacothecis.... Optimi piissimi, etc.

1547.

Or. Henz. 6086, quisquis ex hoc collegio servus defunctus fuerit, etc.; cf. the composition of the club in Or. 2394.

1548.

Ib. ut quieti et hilares diebus solemnibus epulemur, etc.

1549.

Or. Henz. 4107.

1550.

S. Paul. Nol. Carm. xxvii. 547-585; S. Aug. Ep. 32; Serm. v.

1551.

De Coll. p. 3.

1552.

Or. Henz. 2417, 4055, 2392, 3774, 3815, 1485, 4134.

1553.

Ib. 2417, Item viii K. Mart. die Karae cognationis eodem loco dividerent sportulas, etc.

1554.

Or. Henz. 2399, 4073, 4093.

1555.

C.I.L. i. 1406; ii. 5927.

1556.

Momms. De Coll. p. 102; Plin. Ep. viii. 16.

1557.

For the contempt for slaves in the fourth and fifth centuries, v. S. Hieron. Ep. 54, § 5; Salv. De Gub. Dei, iv. 26. For humaner sentiment, cf. Macrobian. Sat. i. 11, 12 sqq.; C. Theod. ix. 6, 2, 3, vii. 13, 8; ix. 7, 4; ix. 9, 1; ix. 12, 1.

1558.

Plin. Ep. viii. 16, § 1; on the more humane feeling to slaves, cf. Sen. Ep. 47; De Ira, iii. 24, 32; De Clem. i. 18; De Ben. iii. 18, 19, 20; Juv. xiv. 16; Spart. Hadr. c. 18; Wallon, L'Esclav. i. c. 11; Marq. Pr. i. 177.

1559.

Cagnat, L'Armée Rom. pp. 457 sqq.

1560.

Veget. ii. 20.

1561.

D. Cass. 65. 22; Capitol. M. Ant. c. 7; D. Cass. 73. 8; Cagnat, p. 459; Marq. Röm. St. ii. pp. 136, 543.

1562.

Cf. Marcian ap. Momms. De Coll. p. 87, neve milites collegia in castris habeant.

1563.

Cagnat, p. 463.

1564.

C.I.L. viii. 2552-7.

1565.

Cagnat, pp. 467, 540; cf. Boissier, L'Afr. Rom. p. 111. C.I.L. viii. 2554, optiones scholam suam cum statuis et imaginibus domus div. ex largissimis stipendiis ... fecerunt, etc.

1566.

C.I.L. viii. 2552, 3, 4; 2557, iii. 3524; Henz. 6790; Cagnat, p. 472; Marq. Röm. St. ii. 544.

1567.

Cagnat, p. 474.

1568.

The Cornicines of the 3rd Legion at Lambesi paid an entrance fee of 750 denarii (Scamnari nomine). The anularium on retirement, and the funeraticium, were each 500 denarii. It would seem that there must have been a considerable surplus. C.I.L. viii. 2557.

1569.

Or. Henz. 6086, universi consentire debemus ut longo tempore inveterescere possimus; cf. 4357, 4360, 4366, 4386, 4395.

1570.

The diptych, which has been singularly preserved, was found in a deserted mine or quarry about 1780, along with some other private documents of a commercial character; v. C.I.L. iii. p. 213, and 921. The dates range from 131 to 167 A.D. Cf. Or. Henz. 6087; Schiller, Gesch. der röm. Kaiserzeit, i. 2, p. 643.

1571.

See Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, 13, 14, Jener dualistische Idealismus, welchen Plato begründet, und auch Aristoteles nicht grundsätzlich überwunden hatte, führt in letzter Beziehung auf nichts anderes zurück, als auf den Gegensatz des Inneren und Aeusseren des Denkens und der gegenständlichen Welt.... Es war nur ein Schritt weiter in dieser Richtung, wenn die nacharistotelische Philosophie den Menschen in grundsätzlicher Abkehr von der Aussenwelt auf sich selbst wies, um in seinem Innern die Befriedigung zu suchen, etc.

1572.

See Luc. Eun. c. 3, συντέτακται ἐκ βασιλέως μισθοφορά τις οὐ φαύλη κατὰ γένη τοῖς φιλοσόφοις, Στοῖκοις λέγω, κτλ. Cf. Capitol. M. Ant. c. 3; Philostr. Apoll. T. i. 7, § 8.

1573.

Zeller, iii. 1, 16.

1574.

Ib. 493-5; Überweg, Hist. of Phil. i. 220; Cic. De Nat. Deor. i. c. 17; De Fin. i. c. 9.

1575.

Bussell, School of Plato, p. 264; Zeller, iii. 1; p. 8, 9.

1576.

On pessimism in the reign of Augustus, v. Boissier, Rel. Rom. i. p. 241. Cf. Sen. De Ira, ii. 8; De Ben. i. 10; Ad Marc. 20, 22; Tac. Hist. ii. 37; Petron. 88.

1577.

Cf. Epict. iii. 13, §§ 9, 10, where the contrast between the "pax Romana" and moral unrest is drawn.

1578.

Zeller, iii. 1, pp. 12, 14, cf. Baur, Ch. Hist. i. p. 14 (Tr.).

1579.

Cic. Tusc. iii 3, est profecto animi medicina philosophia, Sen. Ep. 22, vena tangenda est; Ep. 53, Epict. iii. 23, § 30, ἰατρειὸν ἔστι τὸ τοῦ φιλοσόφου σχολεῖον.

1580.

Sen. Ep. 94, § 5, § 22.

1581.

Ep. 64, § 8.

1582.

Plut. De Rect. Rat. Aud. c. 8; Epict. iii. 23, § 23.

1583.

Plut. De Rect. Rat. Aud. c. 12.

1584.

Plut. (?) De Lib. Ed. c. 14.

1585.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, 487; Plut. Aemil. P. c. vi.; Plin. H. N. xxxv. 135; Polyb. xxxii. 10. But cf. Mahaffy on Zeller's view, in Greek World under Roman Sway, p. 67.

1586.

Sen. Ad Marc. 4.

1587.

Luc. De Merc. Cond. 2, 4, 25.

1588.

Tac. Ann. xiv. 16, etiam sapientiae doctoribus tempus impertiebat post epulas, utque contraria adseverantium discordia frueretur; Spart. Hadr. 15.

1589.

Sen. De Tranq. xiv. § 7.

1590.

Tac. Ann. xvi. 34.

1591.

Zeller, iii. 1, 656, 663.

1592.

Epict. iii. 23, §§ 24-34; i. 4, § 9, οὗτος, φησὶν, ἤδη δι' αὐτοῦ δύνатаι Χρύσιππον ἀναγιγνώσκειν. Εὖ, νῆ τοὺς θεοὺς, προκόπτεις ἄνθρωπε. Ποίαν προκοπὴν;

1593.

Tertull. De An. c. 20, Seneca saepe noster; S. Hieron. Adv. Jovin. i. 49.

1594.

S. Hieron, Adv. Jovin. i. 29; De Scrip. Eccl. 12; S. Aug. Ep. 153, cujus etiam ad Paulum apostolum leguntur epistolae.

1595.

The worst about Seneca is collected in D. Cass. 61. 10. But cf. the attack of P. Suillius, Tac. Ann. xiii. 42 and xiv. 52.

1596.

Sen. Ad Helv. xix. § 2.

1597.

Sen. Ep. 108, §§ 13-17.

1598.

Ep. 108, § 22. He abandoned Pythagorean abstinence, as suspicious, during the persecution of eastern cults; cf. Suet. Tib. 36.

1599.

D. Cass. 59. 19.

1600.

Ib. 60. 8; 61. 10; Tac. Ann. xiii. 42, schol. Juv. v. 109.

1601.

D. Cass. 61. 4; Tac. Ann. xiii. 2. Dion suggests an intrigue with Agrippina, 61. 10.

1602.

Sen. De Clem. i. 5, 8.

1603.

Tac. Ann. xiii. 2, quo facilius ... voluptatibus concessis retinerent, etc.

1604.

Ib. xiii. 42; D. Cass. 61. 10.

1605.

Tac. Ann. xiv. 52, mors Burri infregit Senecae potentiam, etc.

1606.

Tac. Ann. xiv. 54.

1607.

Ib. xv. 56 sqq.

1608.

Sen. Ep. 55; De Tranq. 1 and 2.

1609.

Sen. Ep. 108, §§ 17-22.

1610.

Cf. Baur, Ch. Hist. i. p. 16 (Tr.).

1611.

D. Cass. 61. 10.

1612.

Tac. Ann. xiii. 13; xiv. 7; and 11, sed Seneca adverso rumore erat, quod oratione tali confessionem scripsisset.

1613.

Sen. Ep. 77, § 16, ecquid habes propter quod expectes? Voluptates ipsas quae te morantur consumpsisti.... Nihil tibi luxuria tua in futuros annos reservavit intactum: cf. Ep. 89, § 21; 90, § 42.

1614.

De Ira, ii. 8.

1615.

Ep. 90, §§ 38-41.

1616.

Ep. 49, § 5, non vaco ad istas ineptias: ingens negotium in manibus est; Ep. 75, § 5, non delectent, verba nostra, sed prosint ... non quaerit aeger medicum eloquentem; Ep. 88, § 36, plus scire quam sit satis, intemperantiae genus est. Cf. Ep. 71, § 6.

1617.

Ep. 89, § 8, nec philosophia sine virtute est, nec sine philosophia virtus.

1618.

Ep. 66, § 12.

1619.

Ep. 89, § 13; 117, §§ 30, 31.

1620.

Ep. 48, § 8; 75, § 6.

1621.

Ep. 64, § 3; 58, § 26.

1622.

De Vita B. xiii, where he defends Epicurus.

1623.

Ep. 64, § 8.

1624.

Ep. 88, § 37, § 20.

1625.

Ep. 88, § 2, unum studium vere liberale est quod liberum facit, etc.

1626.

Ib. § 39; cf. Ep. 88.

1627.

Ep. 89; 66, § 33; 58, § 8.

1628.

Ib. 71, § 6, erige te et relinque istum ludum literarium philosophorum qui rem magnificam ad syllabas vocant, etc.

1629.

Teuffel, ii. § 284, n. 6; cf. Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 623.

1630.

Zeller, iii. 1, p. 56.

1631.

Ep. 117, § 19; Nat. Quaest. Prol.; Ep. 65, § 15; cf. Zeller, iii. 1. 622.

1632.

Nat. Quaest. v. 15; cf. Ep. 88, § 15.

1633.

Nat. Quaest. Prol. § 11, formicarum iste discursus est in augusto laborantium.... Punctum est istud in quo navigatis, in quo bellatis; Sursum ingentia spatia sunt, etc.; cf. Macrob. Som. Scip. i. 16, § 6.

1634.

Sen. Ep. 73, § 13, sic deus non vincit sapientem felicitate etiamsi vincit aetate.

1635.

Cf. Pl. Phaed. 79 D; Arist. Eth. ix 8, § 7.

1636.

Ep. 102, § 26, dies iste, quem tanquam extremum reformidas, aeterni natalis est ... discutietur ista caligo et lux undique clara percutiet ... nulla serenum umbra turbabit. Cf. De Imit. iii. 48, § 1, O supernae civitatis mansio beatissima! O dies aeternitatis clarissima, quam nox non obscurat, sed summa Veritas semper irradiat! Lucet quidem Sanctis perpetua claritate splendida, sed non nisi a longe et per speculum peregrinantibus in terra.

1637.

Nat. Quaest. iii. Praef., non praeterit me quam magnarum rerum fundamenta ponam senex.

1638.

Ib. ii. 59, § 2.

1639.

Ib. iii, § 18.

1640.

Ib. i. 17, § 8, An tu existimas auro inditum habuisse Scipionis filias speculum cum illis dos fuisset aes grave?

1641.

Nat. Quaest. ii. 59, § 3.

1642.

Ib. iii. 1, § 1.

1643.

Ib. vi. 32.

1644.

Ib. vii. 30, § 1.

1645.

Ib. vii. 30, § 3, quam multa praeter hos per secretum eunt nunquam humanis oculis orientia?

1646.

Ib. § 5, multa venientis aevi populus ignota nobis sciet, multa saeculis tunc futuris, cum memoria nostra exoleverit, reservantur.

1647.

Ib. vii. 31.

1648.

De Benef. i. 10.

1649.

Sen. De Ira, ii. 8, 9; Ad Marc. ii. 11, 17, 20; Tac. Hist. ii. 37; Petron. Sat. 88; M. Aurel. v. 33; v. 10.

1650.

Sen. Ep. 77, § 6; 24, § 25; 89, § 21; 95, § 16; De Tranq. c. i.

1651.

Ep. 48, § 8.

1652.

Ep. 71, § 27; 94, § 50; Ad Marc. 24, § 5; Ep. 79, § 12, tunc animus noster habebit quod gratuletur sibi, cum emissus his tenebris, in quibus volutatur, non tenui visu clara perspexerit ... et caelo redditus suo fuerit; Zeller, iii. i. 637.

1653.

Ep. 79, § 12; 102, § 22, per has mortalis aevi moras illi meliori vitae longiorique proluditur, §§ 26, 28; Ep. 73, § 15, Deus ad homines venit, etc. But cf. Zeller, iii. 1, 650; and for a different view, Burgmann, Seneca's Theologie in ihrem Verhältn. zum Stoicismus, etc. pp. 20-32. That Burgmann's is the truer view appears from Sen. Ep. 95, § 49; 65, § 9; De Clem. i. 5, § 7; De Benef. ii. 29, § 4; De Prov. v. 10; De Ira, ii. 28, § 1; Ep. 41, § 2.

1654.

Ep. 95, § 10.

1655.

Ib. § 57, rursus voluntas non erit recta nisi habitus animi rectus fuerit, etc.

1656.

De Vit. Beat. xii. § 4, nec aestimant, voluptas illa Epicuri quam sobria et sicca sit, sed ad nomen ipsum advolant quaerentes libidinibus suis patrociniū aliquod ac velamentum. Cf. Ep. 18, § 14; 16, § 7; 22, § 13; 28, § 9.

1657.

Ad Helv. viii. § 3, quisquis formator universi fuit, sive ille deus est potens omnium, sive incorporalis ratio ingentium operum artifex, sive divinus spiritus per omnia aequali intentione diffusus, sive fatum et immutabilis causarum inter se cohaerentium series. Cf. N. Quaest. ii. 45, § 2.

1658.

Ep. 71, § 14.

1659.

Ep. 57, § 8; 66, § 12; 117, § 2.

1660.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, 122; cf. Nat. Quaest. ii. 45, § 2.

1661.

De Prov. i. ii. § 6; De Ira, ii. 27; De Benef. ii. 29; Ep. 73, § 16.

1662.

Ep. 57, § 8, animus qui ex tenuissimo constat, deprehendi non potest, etc.

1663.

Burgmann, Seneca's Theologie, p. 41.

1664.

Ep. 65, § 24, quem in hoc mundo deus obtinet, hunc in homine animus.

1665.

Pl. Phaed. 83 C, D; 79 B; D; cf. Zeller, Phil. der Griech. iii. 183; iii. 2, p. 634; Sen. Ep. 71, § 27.

1666.

Nat. Quaest. iii. 30, § 8, sed illis quoque innocentia non durabit—cito nequitia subrepat.

1667.

Ep. 120, § 14; 65, § 16, nam corpus hoc animi pondus ac poena est; premente illo urgetur, in vinculis est, etc. Ad Polyb. ix. § 6, omnis vita supplicium est; Ad Marc. xx. § 2.

1668.

Ib. 22, § 3.

1669.

Ep. 24, § 18, mors nos aut consumit aut eximit; Ep. 36, § 10; 102, § 23; De Prov. vi. § 6; Ad Marc. 25, § 1; ib. 19, § 5; 20, § 2, quae efficit ut nasci non sit supplicium; cf. Epict. ii. 1; iii. 10; iii. 13; iv. 1; M. Aurel. viii. 18; vi. 28; iii. 3; ix. 3.

1670.

Ep. 53, § 11, est aliquid quo sapiens antecedit deum; cf. Ep. 59, § 16, talis est sapientis animus, qualis mundus super lunam; semper illic serenum est; 72, § 8.

1671.

Ep. 74, § 1; 62, § 3, brevissima ad divitias per contemptum divitiarum via est; 59, § 14.

1672.

Ep. 74, §§ 6-12; cf. M. Aurel. v. 15, νῦν δὲ ὅσω περ πλείω τις ἀφαιρῶν ἑαυτοῦ τούτων ἢ καὶ ἀφαιρούμενός τι τούτων ἀνέχεται, τοσῶδε μᾶλλον ἀγαθός ἐστι: Epict. ii. 16, § 18; iii. 3, § 14.

1673.

Sen. Ep. 31, § 10; 74, § 14 aut ista bona non sunt, quae vocantur, aut homo felicius deo est, etc.

1674.

Ep. 67, § 14.

1675.

Ep. 66, § 12, ratio autem nihil aliud est quam in corpus humanum pars divini spiritus mersa.

1676.

Nat. Quaest. ii. 36; De Prov. 5, § 8, eadem necessitate et deos adligat ... ille ipse omnium conditor scripsit quidem fata, sed sequitur; semper paret, semel jussit.

1677.

Ep. 95, § 57; cf. 116, § 7, satis natura dedit roboris si illo utamur.

1678.

Ep. 73, § 15, non sunt di fastidiosi: adscendentibus manum porrigunt; Ep. 83, § 1, nihil deo clusum est; Ep. 43, § 5, O te miserum si contemnis hunc testem.

1679.

Ep., 90, § 38 sqq. avaritia omnia fecit aliena et in angustum ex immenso redacta paupertatem intulit, et multa concupiscendo omnia amisit.

1680.

Ib. § 46, non fuere sapientes;... ignorantia rerum innocentes erant.

1681.

Sen. Ep. 66, § 13 sqq.; 113, § 14, Cic. Tusc. iv. 15, 34; Plut. Virt. Mor. c. 2; Zeller, iii. 1, p. 224.

1682.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 235; Plut. De Prof. in Virt. i. ὥστε τὸν πρῶτῃ κάκιστον ἐσπέρας γεγονέναι κράτιστον κτλ.; Adv. St. c. x.; cf. Sen. Ep. 76, § 19.

1683.

Hor. Sat. i. 3, 124; Sen. Ep. i. 1, 106; cf. Ep. 73, § 13; Aelian, Var. Hist. iv. 13; Luc. Vit. Auct. c. 20, μόνος οὗτος σοφός, μόνος καλός, μόνος ἀνδρεῖος βασιλεὺς ῥήτωρ, κτλ.

1684.

Sen. De Benef. i. 10, § 1, hoc majores nostri questi sunt, hoc nos querimur, hoc posterī nostri querentur, eversos mores regnare nequitiam, in deterius res humanas labi. Cf. Ad Polyb. c. iv.

1685.

De Ira, ii. 8, § 1, istic tantumdem esse vitiorum quantum hominum.

1686.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 637; cf. p. 249. Cf. Martha, Mor. sous l'Emp. p. 62. On Seneca's relation to the old Stoic theology, v. Burgmann, Seneca's Theologie, p. 42 sq.

1687.

Sen. De Vit. Beat. c. 22.

1688.

Ep. 74, § 17; 87, § 29 sq.: De Ben. v. 13, § 1 sq.; Zeller, iii. 1, p. 638.

1689.

εὐπάθειαι, cf. De Brev. Vit. xiv. § 2; De Ira, ii. 2-4; Zeller, iii. 1, p. 216.

1690.

De Tranq. vii. § 4, ubi enim istum invenies quem tot seculis quaerimus? Pro optimo est minime malus. Ep. 42, § 1.

1691.

Ep. 90, § 44 sqq.

1692.

Ep. 72, §§ 6-11.

1693.

Ep. 75, § 8 sqq.

1694.

Ep. 72, § 8 sapiens laetitia fruitur maxima, continua, sua.

1695.

Ep. 57, § 3, non de me loquor, qui multum ab homine tolerabili, nedum a perfecto absum: cf. Ep. 89, § 2.

1696.

Ad Polyb. ii. § 1; Ep. 53, § 4; 56 §§ 1-3.

1697.

Ep. 24; esp. § 14.

1698.

Ep. 53, § 7, quo quis pejus se habet, minus sentit.

1699.

Ep. 94, §§ 55, 56.

1700.

Ep. 112, vitia sua et amat simul et odit.

1701.

Ep. 29.

1702.

Ep. 28, § 1.

1703.

Ep. 13, § 4 sq.; Ep. 24, § 11.

1704.

Ep. 117, § 31; 75, § 6.

1705.

Ep. 13, § 17, quid est turpius quam senex vivere incipiens?

1706.

Ep. 24.

1707.

Ep. 95, § 49.

1708.

Ep. 94, § 5, digiti puerorum tenentur et aliena manu per literarum simulacra ducuntur.

1709.

Ep. 11, § 8; Plut. De Pr. Virt. xv.

1710.

Ep. 25, § 1.

1711.

S. Hieron. Ep. 127, §§ 5-7; Ep. 118, § 5; Sulp. Sev. ii. 13, § 7.

1712.

Sen. Ep. 36, § 1, illum objurgant quod umbram et otium petierit; Ep. 123, § 15, illos quoque nocere nobis existimo, qui nos sub specie Stoicae sectae hortantur ad vitia: hoc enim jactant solum sapientem et doctum esse amatorem.

1713.

Sen. Ep. 123, § 10. Cf. Inscr. Or. Henz. 4806, 4807, 4816.

1714.

De Tranq. i.

1715.

Ib. i. §§ 13-15, nec aegroto nec valeo;... In omnibus rebus haec me sequitur bonae mentis infirmitas. Ib. § 17, rogo, si quod habes remedium quo hanc fluctuationem meam sistam, dignum me putes qui tibi tranquillitatem debeam.

1716.

Ep. 7, § 8; 19, § 2.

1717.

Ep. 68, ipsum otium absconde; jactandi autem genus est nimis latere.

1718.

Ep. 43, § 4; cf. 83, § 1; 10, § 2, mecum loquor ... cave ne cum homine malo loquaris.

1719.

Ep. 10, § 5, turpissima vota dis insusurrant; cf. Pers. Sat. ii. 7-18; Sen. Ep. 41, § 1.

1720.

Ep. 11, § 8; 104, § 21, vive cum Chrysippo, cum Posidonio.

1721.

Ep. 6, § 1; Ep. 28; Ep. 50, § 4; Plut. De Prof. in Virt. c. xi. τὸ πάθος λέγειν καὶ τὴν μοχθηρίαν ἀποκαλύπτειν οὐ φαῦλον ἂν εἴη προκοπῆς σημεῖον.

1722.

De Ira, iii. 36, § 3.

1723.

Ep. 32, § 2, in tanta brevitate vitae quam breviorē inconstantia facimus, etc.; Ep. 99, § 11, intelleges etiam in longissima vita minimum esse quod vivitur.

1724.

Ep. 56, § 15; 51, § 5.

1725.

Ep. 51, § 4; 104, § 20, si vis peregrinationes habere jucundas, tuum comitem sana.

1726.

Ep. 17, § 5; 18, § 8; Ep. 87, § 1; cf. Martha, p. 42.

1727.

Ep. 96, § 5.

1728.

Ep. 78, § 16, 4, nos quoque evincamus omnia, quorum praemium non corona nec palma est, etc.

1729.

De Vit. Beat. vii. § 4; Ep. 83, § 27.

1730.

Ep. 37.

1731.

Ep. 96; 98, §§ 2, 7.

1732.

De Prov. iii. § 4.

1733.

Ep. 24, § 13, rebus persona demenda est.

1734.

Ib. § 18; cf. Ep. 36, § 10; Ep. 30, § 17; Ep. 58, § 27; cf. Epict. ii. 1.

1735.

De Prov. vi. § 6; Ad Marc. 25; Ep. 102, §§ 23-26, Per has mortalis aevi moras illi meliori vitae longiorique proluditur.

1736.

Ep. 24, § 11.

1737.

Ep. 24, § 20; Ep. 36.

1738.

Ep. 93, § 2, longa est vita si plena est; cf. 101, § 10, singulos dies singulas vitas puta.

1739.

De Brev. Vit. viii. § 1.

1740.

Ib. x.

1741.

Ib. ix. § 4, pueriles adhuc animos senectus opprimit.

1742.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 329, der Stoiker ist zu gebildet ... um den Werth der wissenschaftlichen Weltbetrachtung zu verkennen.

1743.

Cf. Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 277, die Philosophie immer nur die geschichtlich vorhandenen Zustände abspiegele.

1744.

Burgmann, Seneca's Theologie, p. 26.

1745.

Ep. 109, § 10; 9, § 15.

1746.

De Otio, iv.; Ep. 68, § 2; cf. S. Aug. De Civ. Dei, xi. 1.

1747.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 274; Stob. Flor. 45, 29; Sen. Ep. 29, § 11.

1748.

Ep. 19, § 6, subduc cervicem jugo tritam.

1749.

De Otio, iii. § 2, accedet ad rempublicam nisi si quid impedierit.

1750.

Ib. viii. § 1, interrogo ad quam rempublicam sapiens sit accessurus, ad Athenas in qua Socrates damnatur, etc.; cf. Diog. Laert. v. 1.

1751.

Ib. vii. § 131.

1752.

Sen. Ep. 9, § 13.

1753.

Ep. 109, § 3 sqq.

1754.

Epict. Diss. iii. 22, § 69.

1755.

Epict. Diss. i. 9, § 1 sqq. ἢ τὸ τοῦ Σωκράτους, μηδέποτε πρὸς τὸν πυθόμενον, ποδαπὸς ἐστὶ, εἰπεῖν ὅτι Ἀθηναῖος ἢ Κορίνθιος, ἀλλ' ὅτι Κόσμος.

1756.

M. Aurel. iii. 11; vi. 44, πόλις καὶ πατρίς ὡς μὲν Ἀντωνίνῳ μοι ἢ Ῥώμῃ, ὡς δὲ ἀνθρώπῳ ὁ Κόσμος.

1757.

Sen. Ep. 95, § 52; cf. M. Aurel. iv. 4, ὁ κόσμος ὡσανεὶ πόλις ἐστὶ: Epict. Diss. i. 13, § 3; Cic. De Leg. i. 7, 23, ut jam universus hic mundus una civitas sit communis deorum atque hominum existimanda.

1758.

Sen. Ep. 47, § 2, alteri vivas oportet, si vis tibi vivere; Ep. 55, non sibi vivit qui nemini.

1759.

De Otio, iii. § 5.

1760.

De Benef. iv. 18, § 2, nudum et infirmum societas munit.

1761.

De Ira, i. 5, § 2.

1762.

De Ira, ii. 10, § 5 sqq.

1763.

Ib. ii. 8 and 9; Ep. 90, § 9 sqq.; N. Quaest. v. 15.

1764.

Ib. ii. 10, §§ 6-8.

1765.

De Clem. i. 6, § 3, peccavimus omnes.

1766.

De Ira, ii. 28, § 8, aliena vitia in oculis habemus, a tergo nostra sunt.

1767.

De Ben. iv. 4 and 5; iv. 28; De Ira, iii. 26.

1768.

De Ira, ii. 28.

1769.

Ib. iii. 5, ingens animus et verus aestimator sui non vindicat injuriam quia non sentit.... Ultio doloris confessio est.

1770.

Ib. iii. 6.

1771.

Ep. 65, § 24; Ad Helv. viii. § 3; Ep. 41, § 2; De Ben. iv. 4 and 7; Ep. 10, § 5, sic vive tamquam deus videat; Siedler, De Sen. Phil. Mor. p. 14; Burgmann, Seneca's Theologie, p. 32.

1772.

De Prov. vi. § 6, hoc est quo deum anteceditis.

1773.

De Ira, iii. 26; De Ben. i. 10.

1774.

De Ben. vii. 28, § 2.

1775.

De Ira, iii. 26; ii. 28; ii. 31.

1776.

De Ben. iii. 28, unus omnium parens mundus est. Cf. Ep. 47; De Ira, iii. 24; iii. 35; De Clem. i. 18.

1777.

De Ben. iii. 18.

1778.

De Ben. iii. 19 and 26; cf. Macrobi. Sat. i. 11, § 16.

1779.

De Ben. iii. 20, interior illa pars mancipio dari non potest.

1780.

Ad Helv. xvi. § 3; Ep. 95, § 21, libidine vero ne maribus quidem cedunt.

1781.

Ad Helv. xix. § 2, § 6; Marcia's husband, probably Vitrasius Pollio, was governor of Egypt.—Teuffel, R. Lit. § 282, 1.

1782.

Ad Helv. xv.-xvii. § 3.

1783.

Ad Marc. xvi. par illis, mihi crede, vigor, etc.

1784.

Tac. Ann. xv. 63, 64; Sen. Ep. 104, §§ 1-6.

1785.

De Ben. iii. 28; iii. 20.

1786.

Ad Polyb. xii. xiii. § 4; D. Cass. lxi. 10; Tac. Ann. xiii. 42.

1787.

Ep. 94, § 73, quae aliis excelsa videntur, ipsis praerupta sunt.

1788.

De Otio, iv. duas respublicas animo complectamur, etc.

1789.

Sen. Frag. ap. Aug. De Civ. Dei, vi. 10; Ep. 41, § 1, non sunt ad caelum elevandae manus, nec exorandus aedituus, ut nos ad aurem simulacri quasi magis exaudiri possimus admittat.

1790.

Sen. Ad Polyb. iv.

1791.

De Brev. Vit. xv. § 3 sq.

1792.

Sen. Ep. 77, § 6, cogita quamdiu jam idem facias: cibus, somnus, libido; per hunc circulum curritur; Ep. 24, § 25, quosdam subit eadem faciendi videndique satietas; Ep. 89, § 21; 95, § 20; 13, § 4; 24, §§ 11-14; 91, § 5, 6; De Tranq. ii. § 13; x. § 5, 6.

1793.

Zeller, *Phil. der Griech.* iii. 1, pp. 46, 47; cf. Sen. Ep. 88, § 20; 117, § 20.

1794.

Sen. Ep. 48, § 8, omnes undique ad te manus tendunt, etc.

1795.

M. Aurel. ix. 34; v. 33, γυμνὰ νόμιζε βλέπειν τὰ ψυχάρια αὐτῶν. ὅτε δοκοῦσι βλάπτειν ψέγοντες ἢ ὠφελεῖν ἐξυμνοῦντες, ὅση οἴησις; ... καὶ κυνῖδια διακναιόμενα καὶ παιδία φιλόνηκα, γελῶντα, εἴτα εὐθὺς κλαίοντα. Πίστις δὲ καὶ αἰδῶς καὶ δίκη καὶ ἀλήθεια πρὸς Ὀλυμπον ἀπὸ χθονὸς εὐρυοδείης. Petron. Sat. 88; Sen. De Ira, ii. 8; D. Chrys. xiii. § 13, 33; vii. 133.

1796.

Pers. ii. 4 sqq.; cf. Herod. vi. 86; Luc. Icaromen. 25.

1797.

Bernays, *Lucian und die Kyniker*, p. 34.

1798.

v. p. 231 of this work. Yet cf. Luc. Somn. seu Gallus, 22, οἱ δὲ πλούσιοι φρίττουσι καὶ διανομαῖς ἰλάσκονταί σε κτλ.

1799.

Croiset, *Lucien*, p. 164, il a subi fortement leur influence en écrivant les Dialogues des morts.

1800.

Luc. Menip. c. 21.

1801.

Luc. Vit. Auct. 11; Traj. 24; Dial. Mort. x. 9.

1802.

Cf. Luc. Char. 15, 20; Dial. Mort. i. 3; Somn. 21.

1803.

Luc. Traj. 15; Necyom. 12.

1804.

Traj. 19; Cyn. 7; Menip. 11, χωρὶς δὲ οἱ τε πλούσιοι προσήεσαν ὠχροί κτλ. Cf. Somn. 14, 15, οἱ δὲ (πλούσιοι) εὖ ἴσθι πολὺ ὑμῶν ἀθλιώτερον τὸν βίον βιοῦσι, cf. 22.

1805.

Char. 23, ἀποθνήσκουσι γάρ, ὥ πορθμεῦ, καὶ πόλεις ὥσπερ ἄνθρωποι.

1806.

As in Icaromen. 15; Char. 17.

1807.

Char. 3; cf. a saying of Plato, quoted in M. Aurel. vii. 48, καὶ δὴ περὶ ἀνθρώπων τοὺς λόγους ποιούμενον ἐπισκοπεῖν δεῖ καὶ τὰ ἐπίγεια, ὥσπερ ποθὲν ἄνωθεν, κατὰ ἀγέλας ... γάμους, γενέσεις, θανάτους, δικαστηρίων θόρυβον, ἐορτάς, θρήνους, κτλ.

1808.

Luc. Char. 17, ἀπῖασιν ὥσπερ ἐξ ὀνείρατος πάντα ὑπὲρ γῆς ἀφέντες.

1809.

Luc. Vit. Auct. 3, 13, 16.

1810.

Epict. Diss. iv. i. 138, Ἄρον ἐκεῖνα τὰ τῶν σχολαστικῶν καὶ τῶν μωρῶν κτλ. M. Aurel. vii. 67; cf. Zeller, Phil. der Griech. iii. 2, p. 203; Hatch, Hibbert Lec. p. 142.

1811.

M. Aurel. vi. 15; vii. 19; vi. 24, 42, 47; viii 6; xi. 20; viii. 3; vii. 67.

1812.

Epict. Fr. 175; cf. Diss. iii. 21, § 23, ἀλλά, εἴ σε ψυχαγωγεῖ τὰ θεωρήματα, καθήμενος αὐτὰ στρέφε αὐτὸς ἐπὶ σεαυτοῦ· φιλόσοφον δὲ μηδέποτ' εἴπῃς σεαυτόν: cf. M. Aurel. ii. 17, τοῦ ἀνθρωπίνου βίου ὁ μὲν χρόνος στιγμή ... τί οὖν τὸ παραπέμψαι δυνάμενον; ἔν καὶ μόνον, φιλοσοφία.

1813.

Philostr. Apoll. Tyan. v. 26; D. Chrys. Or. xxxii.

1814.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 41; iv. 24; D. Chrys. xxxvi, § 17.

1815.

Luc. Fug. c. 12.

1816.

Hermot. c. 2, 25.

1817.

D. Chrys. Or. lxxviii.; Martha, Mor. sous L'Emp. rom. p. 300.

1818.

Luc. (?) Dem. c. 7, 8.

1819.

Luc. (?) Dem. c. 63.

1820.

Sen. Ep. 89, § 6; cf. A. Gell. xvii. 19, 4.

1821.

Luc. Hermot. c. 5.

1822.

Ib. c. 7, καὶ οὗτοι δὴ ὑπὸ φιλοσοφίας ὥσπερ ὑπὸ τινος πυρὸς ἅπαντα ταῦτα περὶ αἰρεθέντες κτλ.

1823.

Luc. Bis Acc. c. 11.

1824.

Ib. c. 6, ἅπανταχοῦ πώγων βαθὺς καὶ βιβλίον ἐν τῇ ἀριστερᾷ καὶ πάντες ὑπὲρ σοῦ φιλοσοφοῦσι κτλ.

1825.

Fug. c. 12; Vit. Auct. c. 10; D. Chrys. xxxii. 9; xxxiv. 3.

1826.

Philostr. Apoll. Tyan. v. 37.

1827.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 483. Renan, Les Év. p. 384, les différences des écoles étaient à peu près effacées. Un éclecticisme superficiel était à la mode.

1828.

Philostr. Apoll. Tyan. i. 7.

1829.

Capitol. M. Ant. c. 3.

1830.

Martha, Moralistes sous l'Emp. p. 275; Capes, Univ. Life, p. 58 sqq.

1831.

Roman Society in the Last Century of the Western Empire (1st ed.), p. 355.

1832.

Capes, Univ. Life, p. 69.

1833.

Epict. ii. 19; iii. 23; Plut. De Recta Rat. Aud. vii. viii.; A. Gell. v. i.; Zeller, iii. 1, p. 657.

1834.

Philostr. Vit. Soph. i. 3.

1835.

Philostr. Vit. Soph. i. iv. ἔθελγε τῇ τε ἡχῇ τοῦ φθέγγματος καὶ τῷ ῥυθμῷ τῆς γλώττης. A. Gell. v. 1, 3; Sen. Ep. 108, § 6, non id agunt ut aliqua illo vitia deponant sed ut oblectamento aurium perfruantur. Cf. Philostr. Vit. Soph. i. 7.

1836.

Epict. iii. 23, ἀλλ' ἐπαίνεσόν με· εἰπέ μοι Οὐᾶ καὶ Θαυμαστῶς. Plut. De Recta Rat. Aud. c. viii.; cf. Hatch, Hibbert Lec. p. 95.

1837.

Plin. Ep. i. 10.

1838.

Epict. iii. 21; ii. 1; ii. 23; Sen. Ep. 108, § 6.

1839.

A. Gell. v. 1, 2, tum scias neque illi philosophum loqui sed tibicinem canere. Philostr. Vit. Soph. iii. 3, ῥυθμούς τε ποικιλωτέρους αὐλοῦ καὶ λύρου ἐσηγάγετο ἐς τὸν λόγον. D. Chrys. Or. xxxv. §§ 7, 8.

1840.

For a comparative estimate see Capes, Univ. Life in Ancient Athens, p. 90; Hatch, Hibbert Lec. p. 105.

1841.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 3; iv. 42; D. Chrys. xxxiii. § 28; xxxiv. § 4; xl. § 31.

1842.

Cf. A. Gell. xii. 1, nihil, inquit, dubito quin filium lacte suo nutritura sit.

1843.

Philostr. Apoll. Tyan. iii. 41 sqq.; iv. 24; iv. 18, 20; i. 11; i. 31.

1844.

Ib. iv. 13, 16, 19, 20, 33; vi. 40.

1845.

Philostr. Apoll. Tyan. v. 25, τὸ δὲ τῶν ταύρων αἷμα καὶ ὅποσα ἐθύετο, οὐκ ἐπὶ γνέι τὰ τοιάδε, κτλ.

1846.

Ib. iv. 3.

1847.

Ib. iv. 8.

1848.

Ib. iv. 31.

1849.

Ib. iv. 41.

1850.

Ib. i. 11; iv. 40, ὧδε εὖχομαι, ὧ θεοὶ δοίητέ μοι τὰ ὀφειλόμενα.

1851.

Diog. Laert. iv. 3, 1, καὶ ποτε ... μεθύων καὶ ἐστεφανωμένος εἰς τὴν Ξενοκράτους ἦξε σχολήν κτλ.: Epict. iii. 1, § 14; Hor. Sat. ii. 3, 253, quaero, faciasne, quod olim Mutatus Polemon? Cf. the conversion of Isaeus, Philostr. Vit. Soph. i. 217.

1852.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 20; cf. i. 13.

1853.

Ib. vii. 16; cf. Tac. Ann. xv. 71; D. Cass. lxii. 27.

1854.

Tac. Ann. xv. 71; xiv. 59; Epict. i. 1, 27. The Rufus is Musonius Rufus.

1855.

D. Cass. lxvi. 13, πάντας τοὺς φιλοσόφους ὁ Οὐέσπασιανὸς πλὴν τοῦ Μουσωνίου ἐκ τῆς Ῥώμης ἐξέβαλε.

1856.

Zeller. Phil. der Griech. iii. 1, pp. 651-658.

1857.

Tac. Hist. iii. 81.

1858.

Max. Tyr. v. viii. §§ 3, 10; xi.; xiv. § 8; xvii. For the little known of him, v. Zeller, Phil. der Griech. iii. 2. p. 182, n. 3.

1859.

D. Chrys. Or. xxxii. § 9, οὗτοι δὲ (οἱ Κυνικοὶ) ἔν τε τριόδοις καὶ στενωποῖς καὶ πυλῶσιν ἱερῶν ἀγείρουσι καὶ ἀπατῶσι παιδάρια καὶ ναύτας, κτλ.

1860.

Sen. Ep. 5, § 1; 29, § 1; Mart. iv. 53, cum baculo peraque senem ... cui dat latratos obvia turba cibos; Epict. iii. 22; D. Chrys. Or. xxxiv. § 2; Athen. iii. 113; Petron. 14; Aleiphr. iii. 55; Caspari, De Cynicis, p. 10.

1861.

Luc. Conviv. c. 16, 35, etc.

1862.

Fug. c. 5, 15.

1863.

Ib. c. 12, κατεῖδον τὴν αἰδῶ ὅση παρὰ τῶν πολλῶν ἔστι τοῖς ἐταίροις τοῖς ἐμοῖς, ... ταῦτα πάντα τυραννίδα οὐ μικρὰν ἡγοῦντο εἶναι.

1864.

Luc. Fug. c. 17-21, οἱ ἰδιῶται δὲ ταῦτα ὀρῶντες καταπτύουσιν ἤδη φιλοσοφίας, κτλ.

1865.

Bernays, Die Kyniker, p. 39. Roheit und arbeitsscheues Vagabundenthum ... mussten die Kynische Lebensweise sehr bequem finden.

1866.

Plut. (?) De Plac. Phil. ii. 8; iv. 5; Luc. (?) Demon. 4, ποιηταῖς σύντροφος ἐγένετο ... καὶ τὰς ἐν φιλοσοφίᾳ προαιρέσεις ... ἡπίστατο: cf. Caspari, De Cyn. p. 6; Zeller, iii. 1, p. 685.

1867.

Cf. Luc. (?) Dem. 14 sqq.; Caspari, p. 6.

1868.

Epict. iii. 22, § 80, εἰς τοὺς νῦν ἀποβλέπομεν τοὺς τραπεζῆας πυλαωροὺς κτλ., Luc. Fug. 14, καὶ οὐ πολλῆς πραγματείας δεῖ τριβώνιον περιβαλέσθαι.

1869.

Luc. Ver. Hist. ii. 18; Athen. iv. 158; xiii. 588.

1870.

S. Aug. Civ. D. xiv. 20, nemo tamen eorum audet hoc facere.

1871.

D. Chrys. Or. lxxii. 2; Pers. v. 189; Petron. Sat. 71; Tac. Agr. 4; Hist. iv. 5; Plin. Ep. i. 22; Quintil. xi. 1, 35; xii. 2, 6.

1872.

Capitol. Avid. Cass. 1, § 8, in a letter of Verus, te philosopham aniculam, me luxuriosum morionem vocat: cf. c. 14.

1873.

Bernays, Die Kyniker, p. 31, sie sind die am reinsten deistische Sect, welche das hellenisch-römische Alterthum hervorgebracht hat.

1874.

Ib. p. 30; cf. D. Cass. lxxvii. 19, for the favours showered on the Cynic Antiochus by Severus.

1875.

On Lucian's Peregrinus, v. Caspari, *De Cyn.* p. 24 sq.; Bernays, p. 42 sqq.

1876.

Luc. *De Morte Peregr.* c. 5, 10 sq.

1877.

Ib. c. 11, 12.

1878.

Ib. c. 14.

1879.

Ib. c. 17, 18; cf. the rudeness of Demetrius to Vespasian, Suet. *Vesp.* xiii.; D. Cass. lxvi. 13.

1880.

Luc. *De Morte Peregr.* c. 19, κακῶς ἡγόρευεν ὡς καταθελύναντα τοὺς Ἕλληνας.

1881.

Caspari, *De Cyn.* p. 16; Bernays, *Luc. u. die Kyniker*, p. 16.

1882.

Ib. p. 54.

1883.

This offended Demonax, cf. Luc. (?) *Dem.* c. 21, Περὲγρῖνε οὐκ ἀνθρώπιζεις.

1884.

Luc. *De Morte Peregr.* c. 13.

1885.

Ib. 10, 14, 37; Bernays, p. 54.

1886.

Cf. *Aristid. Or.* xlv. (Dind. vol. ii. p. 402), τοῖς ἐν τῇ Παλαιστίνῃ δυσσεβέσι παραπλήσιοι τοὺς τρόπους. Bernays, p. 36, Übertritte aus dem einen in das andere Lager vorkamen; Hatch, *Hib. Lec.* p. 166; cf. Caspari, *De Cyn.* p. 25; *Jul. Or.* vii. 224. C. τὰ δὲ ἄλλα γε πάντα ἐστὶν ὑμῖν τε καὶ ἐκείνοις (i.e. Χριστιανοῖς) παραπλήσια. καταλελοίπατε τὴν πατρίδα ὥσπερ ἐκεῖνοι.

1887.

Luc. *De Morte Peregr.* c. 36, ἐς τὴν μεσημβρίαν ἀποβλέπων: c. 25, ὅπως τὴν καρτηρίαν ἐπιδείξεται ὥσπερ οἱ Βραχμᾶνες, ἐκείνοις γὰρ αὐτὸν ἡχίου Θεαγένους εἰκάζειν.

1888.

Ib. c. 2.

1889.

Luc. *De Morte Peregr.* c. 7 sqq.

1890.

Ib. c. 4, εἰς κενοδοξίαν τινὲς τοῦτο ἀναφέρουσι.

1891.

Sen. Ep. 58, § 36; 70, § 8; De Prov. ii. 10; vi. § 7; De Ira, iii. 15; De V. Beat. 19; Epict. i. 24. Cf. Plin. Ep. i. 12; i. 22; iii. 7; iii. 9; vi. 24; Boissier, L'Opp. p. 212 sqq.

1892.

D. Cass. lxi. 8, καὶ ὁ Εὐφράτης ὁ φιλόσοφος ἀπέθανεν ἐθελοντής, ἐπιτρέψαντος αὐτῷ καὶ τοῦ Ἀδριανοῦ κωνεῖον διὰ τὸ γῆρας καὶ διὰ τὴν νόσον πιεῖν.

1893.

Ael. Spart. Hadr. c. 24.

1894.

Diog. Laert. vi. 18; cf. vi. 77, for the death of Diogenes himself.

1895.

Luc. De Morte Peregr. c. 29.

1896.

Ib. c. 33.

1897.

Ib. c. 34, ἐγὼ δέ, εἰκάζεις, οἶμαι, πῶς ἐγέλων. v. Baur's view of this piece (Ch. Hist. ii. 170). He thinks the self-immolation of Peregrinus pure fiction, and that Lucian's object throughout was to discredit Christianity.

1898.

Luc. De Morte Peregr. c. 36.

1899.

Ib. c. 38.

1900.

Luc. De Morte Peregr. c. 39.

1901.

Ib. c. 40.

1902.

A. Gell. xii. 11, virum gravem atque constantem vidimus ... deversantem in quodam tugurio extra urbem.

1903.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 685; Bernays, Luc. u. die Kyniker, p. 27 sq.

1904.

Epict. Diss. iii. 22, § 23, ἀλλ' εἰδέναι δεῖ ὅτι ἄγγελος ἀπὸ Διὸς ἀπέσταλται πρὸς τοὺς ἀνθρώπους, περὶ ἀγαθῶν καὶ κακῶν ὑποδείξων αὐτοῖς ὅτι πεπλάνηται καὶ ἀλλαχοῦ ζητοῦσι τὴν οὐσίαν τοῦ ἀγαθοῦ ὅπου οὐκ ἔστιν, ὅπου δ' ἔστιν οὐκ ἐνθυμοῦνται κτλ.

1905.

Ib. iii. 22, §§ 28-30.

1906.

Ib. § 38, ὅπου οὐ δοκεῖτε οὐδὲ θέλετε ζητῆσαι αὐτό. εἰ γὰρ ἠθέλετε, εὔρετε ἂν ἐν ὑμῖν ὄν κτλ.

1907.

Epict. Diss. iii. 22, § 47, ἴδετέ με, ὅτι ἄπολις εἰμι, ἄοικος, ἀκτῆμων, ἄδουλος.

1908.

Ib. § 56, Κυνικῷ δὲ Καῖσαρ τίς ἐστὶν ἢ ὁ καταπεπομφῶς αὐτὸν καὶ ᾧ λατρεύει, ὁ Ζεὺς.

1909.

Ib. § 52.

1910.

Ib. § 67.

1911.

Ib. § 81, πάντας ἀνθρώπους πεπαιδοποιῆται, τοὺς ἄνδρας υἱοὺς ἔχει, τὰς γυναῖκας θυγατέρας.

1912.

Ib. § 84.

1913.

Ib. § 100.

1914.

Epict. iii. 22, §§ 86, 87.

1915.

Ib. § 93, πρὸ πάντων δὲ τὸ ἡγεμονικὸν αὐτοῦ δεῖ καθαρώτερον εἶναι τοῦ ἡλίου.

1916.

Bernays, Luc. u. die Kyniker, pp. 36-38.

1917.

Ib. p. 99.

1918.

Ib. p. 37; Caspari, De Cyn. p. 25.

1919.

Ib. p. 5.

1920.

Luc. (?) Dem. c. 16-21.

1921.

Sen. Ben. vii. 11; Philostr. Apoll. T. vii. 42.

1922.

Sen. Ben. vii. i. 3, vir meo iudicio magnus etiamsi maximis comparetur; vii. 8, 2.

1923.

Id. Ep. 20, 9; Vit. B. xviii. 3.

1924.

Id. De Ben. vii. 1, § 3, egregia hoc dicere solet, Plus prodesse, si pauca praecepta sapientiae teneas, sed illa in promptu tibi sint, etc.

1925.

Luc. Adv. Indoct. 19.

1926.

Sen. De Ben. vii. 8, 2.

1927.

Tac. Ann. xvi. 34.

1928.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 25, 42; vi. 13; viii. 10; vii. 42.

1929.

Epict. Diss. i. 25, § 22, ἀπειλεῖς μοι θάνατον σοὶ δ' ἡ φύσις.

1930.

Suet. Vesp. xiii. philosophorum contumaciam lenissime tulit; Dom. x.; D. Cass. lxvi. 13.

1931.

Bernays, Luc. u. die Kyniker, p. 29.

1932.

D. Cass. lxvi. 15.

1933.

Luc. De Morte Peregr. c. 19; the attempt of Peregrinus in Greece is probably referred to in Jul. Capitol. Ant. P. 5, § 5; cf. Bernays, p. 30; Caspari, De Cyn. p. 15.

1934.

Bernays, p. 31.

1935.

Sen. De Prov. 5, §§ 5-7.

1936.

Luc. Dem. c. 11; Oenom. Fr. 13, οὐκ ἀθάνατοι, ἀλλὰ λίθινοι καὶ ξύλινοι δεσπότες ἀνθρώπων, 14; cf. Julian, Or. vii. 204, a.

1937.

Caspari, De Cyn. p. 12; Bernays, p. 35; Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 690.

1938.

Plut. De Def. Or. vii.

1939.

Julian, Or. vii. 209.

1940.

Jul. vii. 209, 210, διαφέρουσι γὰρ οὗτοί τι τῶν ἐπ' ἐρημίας ληστευόντων καὶ κατειληφόντων τὰς ἀκτὰς ἐπὶ τῷ λυμαίνεσθαι τοῖς καταπλέουσι.

1941.

Bernays, Luc. u. die Kyniker, p. 104, agrees with Bekker that the Demonax can hardly be a genuine work of Lucian. But its author was a contemporary and friend of Demonax (c. i. ἐπὶ μήκιστον συνεγενόμην).

1942.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 691, n. 6.

1943.

Luc. Dem. c. 3 sqq.

1944.

Ib. c. 3, 24, 31.

1945.

Ib. c. 62.

1946.

Luc. (?) Dem. c. 5, 6.

1947.

Ib. c. 14.

1948.

Ib. c. 7.

1949.

Ib. 6.

1950.

Ib. 9, 10.

1951.

Ib. c. 11, τραχύτερον ἢ κατὰ τὴν ἑαυτοῦ προαίρεσιν ἀπελογήσατο.

1952.

Ib. c. 37.

1953.

Ib. 32.

1954.

Ib. c. 12, 24.

1955.

Luc. (?) Dem. c. 14, οὗτος, ἔφη, προσειπὼν τὸ ὄνομα, καλεῖ σε Πυθαγόρας.

1956.

Ib. c. 26, σὺ δὲ μοι ὥς ἐπ' Ἀγαμέμνωνος ἀποκρίνη.

1957.

Ib. c. 55.

1958.

Ib. c. 57.

1959.

Ib. c. 63 sqq.

1960.

D. Chrys. Or. xxxiv. § 2; lxxii. § 2.

1961.

Cf. Philostr. Vit. Soph. i. 7. For other authorities v. Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 729, n. 1. Martha, *Moralistes sous l'Emp. rom.* 294, gives a good sketch of Dion's career.

1962.

D. Chrys. Or. xiii. § 1.

1963.

Philostr. Vit. Soph. i. 7.

1964.

Philostr. Vit. Soph. i. 2; ἔλεγε θαμὰ ἐπιστρεφόμενος ἐς τὸν Δίωνα “τί μὲν λέγεις, οὐκ οἶδα, φιλῶ δέ σε ὡς ἐμαυτόν.”

1965.

D. Chrys. Or. xiii. § 6, 9, 10, στολήν τε ταπεινὴν ἀναλαβὼν καὶ τᾶλλα κολάσας ἐμαυτόν ἡλώμην πανταχοῦ.

1966.

Ib. § 12, πολλοὶ γὰρ ἡρώτων προσιόντες, ὃ τι μοι φαίνοιτο ἀγαθὸν ἢ κακόν. ὥστε ἡναγκαζόμεν φροντίζειν ὑπὲρ τούτων ἵνα ἔχοιμι ἀποκρίνεσθαι τοῖς ἐρωτώσιν. With the conversion of Dion cf. of that of Isaeus and Polemon, etc., Philostr. Vit. Soph. i. p. 218; Apoll. Tyan. i. 13; iv. 20; Epict. iii. 1; Diog. Laert. iv. 3, § 1.

1967.

D. Chrys. Or. xxxvii. § 25; iv. § 1; vi.

1968.

Or. liv.; xiii. § 13, 14, ἐνίστε ὑπὸ ἀπορίας ἦα ἐπὶ τινα λόγον ἀρχαῖον λεγόμενον ὑπὸ τινος Σωκράτους κτλ.: cf. xviii. § 14, πάντων ἄριστος ἐμοὶ καὶ λυσιτελέστατος πρὸς ταῦτα πάντα Ξενοφών.

1969.

D. Chrys. Or. lxx. § 1, 7; καθόλου βίος ἄλλος μὲν τοῦ φιλοσοφοῦντος, ἄλλος δὲ τῶν πολλῶν ἀνθρώπων; cf. xiii. § 33.

1970.

Ib. xiii. § 28; xxiii. § 7, οὐκοῦν τὸν τυχόντα ἀγαθοῦ δαίμονος ἡγῆ δικαίως ζῆν καὶ φρονίμως καὶ σωφρόνως; cf. Epict. i. § 14, ἐπίτροπον ἐκάστῳ παρέστηκε, τὸν ἐκάστου δαίμονα κτλ. M. Aurel. v. 27.

1971.

D. Chrys. Or. xxxii. § 9; xxxv. § 2, 3; xxxiv. § 2.

1972.

Or. xvi. § 2, 3; xxxv. § 8; cf. xiii. § 11, οἱ μὲν γὰρ πολλοὶ τῶν καλουμένων φιλοσόφων αὐτοὺς ἀνακηρύττουσιν κτλ.

1973.

Or. xiii. § 13, 34, ἐδόκουν δέ μοι πάντες ἄφρονες, φερόμενοι τάντες ἐν ταύτῳ καὶ περὶ τὰ αὐτά, περὶ τε χρήματα καὶ δόξας καὶ σωμάτων τινὰς ἡδονὰς κτλ.

1974.

Or. xxxiii. § 17, 23, 32; cf. the ghastly exposure in Or. vii. § 133.

1975.

Or. xxxiii. §§ 24-28, εἴ τις διέρχοιτο Πέλλαν οὐδὲ σημεῖον ὄψεται πόλεως, οὐδὲν δῖχα τοῦ πολὺν κέραμον εἶναι συντετριμμένον ἐν τῷ τόπῳ. Cf. xiii. §§ 33, 34.

1976.

A good example is the opening of Or. xxxii.

1977.

Or. xiv. § 2; xiii. § 13, ἐδόκουν δέ μοι πάντες ἄφρονες, κτλ.: cf. Zeller, Phil. der Gr. iii. 1, p. 730, er zeigt mit den Stoikern, dass die wahre Freiheit mit der Vernünftigkeit, die Sklaverei mit der Unvernunft zusammenfalle; cf. Or. xvi. § 4.

1978.

Or. xvii. 2, 3.

1979.

Or. xx. § 8, μὴ οὖν βελτίστη καὶ λυσιτελεστάτη πασῶν ἢ εἰς αὐτὸν ἀναχώρησις κτλ. Hatch, Hib. Lec. p. 150.

1980.

Plin. Ep. x. 17, 23, 24, 58; Bury, Rom. Emp. p. 439.

1981.

D. Chrys. Or. xxxiv. § 10, 14, 48; xxxviii. § 11; xxxiv. § 16, 19, 29, 31.

1982.

Ib. xxxvi.

1983.

D. Chrys. Or. xxxvi. § 15, 8, 9, πάντες οἱ Βορυσθενῖται περὶ τὸν ποιητὴν ἐσπουδάκασιν κτλ. Cf. § 20, 23.

1984.

Momms. Rom. Prov. i. pp. 326, 354; cf. Aristid. Or. xiv. xv. 223-230 (Dind.).

1985.

Momms. Rom. Prov. i. p. 362; cf. Philostr. Apoll. Tyan. i. 7; Vit. Soph. i. p. 220, καὶ προβήσεσθαι ἐπὶ μέγα τὰς Κλαζομενὰς ἡγουμένων εἰ τοιοῦτος δὴ ἄνερ ἐμπαιδεύσοι σφισίν κτλ.

1986.

Momms. Rom. Prov. i. pp. 329, 330; cf. Aristid. Or. xv.; Philostr. Apoll. Tyan. iv. 7, φρονεῖν ἐκέλευεν ἐφ' ἑαυτοῖς μᾶλλον ἢ τῷ τῆς πόλεως εἶδει. D. Chrys. Or. xxxiv. 48; Friedl. Sitteng. iii. p. 111.

1987.

D. Chrys. Or. xxxviii. § 7, 31, 36.

1988.

Ib. xl. § 27, ἡ δὲ τῶν ἐγγύς οὕτως καὶ ὁμόρων διαφορὰ καὶ τὸ μῖσος οὐδὲν ἄλλο ἔοικεν ἢ στάσει μιᾶς πόλεως ὅπου καὶ γάμων κοινωνία, κτλ.

1989.

Ib. xxxviii. §§ 26-31.

1990.

Ib. xxxiv. §§ 44-48, αἱ μὲν οὖν θῖνες καὶ τὸ πρὸς τῇ λίμνῃ χωρίον οὐδενὸς ἄξια.

1991.

Ib. xl. § 35.

1992.

Ib. xxxviii. §§ 42-46.

1993.

Plin. Ep. x. 96, § 7.

1994.

Mahaffy, Greek World under Roman Sway, p. 242; Merivale, viii. p. 239; Momms. Rom. Prov. ii. p. 264.

1995.

Momms. ii. p. 263; D. Chrys. xxxii.; Tac. Hist. iv. 81; Ael. Spart. Hadr. c. 12, 14; D. Cass. lxix. 11; Petron. 31, 68.

1996.

D. Chrys. Or. xxxii. § 57, 41, 51, 55; Pl. Rep. iii. 399; Arist. Pol. viii. 5.

1997.

D. Chrys. Or. xxxii. § 75.

1998.

Ib. § 31, οἷς μόνον δεῖ παραβάλλειν τὸν πολὺν ἄρτον.

1999.

Ib. § 40.

2000.

See an excellent analysis of this piece (vii.) in Mahaffy's Greek World under Roman Sway, pp. 277-288.

2001.

D. Chrys. Or. vii. § 34 sqq.

2002.

Ib. §§ 105-108.

2003.

Ib. §§ 82-89, αἱ γὰρ δὴ φιλοφρονήσεις καὶ χάριτες, ἐὰν σκοπῇ τις ὀρθῶς, οὐδὲν διαφέρουσιν ἐράνων καὶ δανείων.

2004.

D. Chrys. Or. vii. § 133; Musonius, Stob. Flor. vi. 61; cf. on this subject Denis, *Idées Morales*, etc. ii. p. 134.

2005.

D. Chrys. Or. vii. § 139.

2006.

Ib. x. § 13; xv. § 5; 6, 31; cf. Juv. xiv. 16; Sen. Ben. iii. 21; Ep. 47; cf. Denis, ii. 152; Boissier, *Rel. Rom.* ii. p. 354.

2007.

Cf. Newman's *Politics of Aristotle*, Introd. p. 144.

2008.

D. Chrys. Or. xv. § 31.

2009.

D. Chrys. Or. i. § 13; ii. §§ 75-77; iii. § 39, 62, 107; iv. § 63; cf. Plin. *Paneg.* 72, 80, 67; Sen. *De Clem.* i. 13, § 4; i. 19, § 2.

2010.

D. Chrys. Or. i. § 79; cf. iii. §§ 5, 6.

2011.

Ib. i. § 52.

2012.

Ib. § 56.

2013.

Ib. § 66.

2014.

Or. iv. § 39.

2015.

Ib. iii. §§ 51, 62, τὸ ἄρχειν οὐδαμῶς ῥάθυμον ἀλλ' ἐπίπονον κτλ.

2016.

D. Chrys. Or. iii. §§ 38, 88, 107.

2017.

Sueton. *Dom.* xxxiii.; *Calig.* lx. *abolendam Caesarum memoriam ac diruenda templa censuerunt*; cf. Or. Henz. 698, 699, 767, where the names of Caligula and Domitian have been erased.

2018.

Nov. Valent. tit. viii.; Leg. Anthem. tit. i.; Nov. Mart. ii.

2019.

D. Chrys. Or. vii. § 135, where the gods of pure wedlock are appealed to against vagrant vice.

2020.

Ib. xii. § 20.

2021.

D. Chrys. Or. xii. § 26.

2022.

Luc. De Sacrif. 11, οἶονται ὁρᾶν ... αὐτὸν τὸν Κρόνου καὶ Ῥέας εἰς τὴν γῆν ὑπὸ Φειδίου μετωκισμένον καὶ τὴν Πισαίων ἐρημίαν ἐπισκοπεῖν κεκελευσμένον.

2023.

Or. xii. § 51, ἀνθρώπων δέ, ὃς ἂν ἡ παντελῶς ἐπίπονὰς τὴν ψυχὴν, πολλὰς ἀπαντλήσας συμφορὰς καὶ λύπας ἐν τῷ βίῳ ... καὶ ὃς δοκεῖ μοι κατεναντίον στὰς τῆσδε τῆς εἰκόνης ἐκλαθέσθαι πάντων ὅσα ἐν ἀνθρωπίνῳ βίῳ δεινὰ καὶ χαλεπὰ γίνεται παθεῖν.

2024.

Or. xii. §§ 27, 28, 33, 42; cf. Sen. Ep. 117, § 6, omnibus insita de dis opinio est.

2025.

D. Chrys. Or. xii. §§ 42, 43.

2026.

Ib. § 61, ὥσπερ νήπιοι παῖδες πατρὸς ἢ μητρὸς ἀπεσπασμένοι ... ὀρέγουσι χεῖρας οὐ παροῦσι πολλάκις ὄνειρώττοντες κτλ.

2027.

D. Chrys. Or. xii. § 62.

2028.

Ib. § 56.

2029.

Ib. § 61; cf. Plut. De Is. et Osir. lxxi., lxxii., lxxvi.; Philostr. Apoll. Tyan. vi. 19; Max. Tyr. Diss. viii. § 5.

2030.

D. Chrys. Or. xii. § 59, νοῦν γὰρ καὶ φρόνησιν αὐτὴν καθ' αὐτὴν οὔτε τις πλάστης οὔτε τις γραφεὺς εἰκάσαι δυνατὸς ἔσται: Plut. De Is. lxxix.

2031.

Cf. Max. Tyr. Diss. viii. § 3, τὸ μὲν Ἑλληνικὸν τιμᾶν τοὺς θεοὺς ἐνόμισε τῶν ἐν γῇ καλλίστοις, ὕλη μὲν καθαρᾷμορφῇ δὲ ἀνθρωπίνῃ τέχνῃ δὲ ἀκριβεῖ.

2032.

D. Chrys. Or. xii. § 78.

2033.

Ib. §§ 74, 75.

2034.

Friedl. Sittengesch. iii. pp. 430, 435; cf. Thiersch, Politik u. Phil. in ihrem Verhältn. zur Religion, p. 9.

2035.

Thiersch, Politik und Philosophie in ihrem Verhältniss zur Religion, pp. 14, 15.

2036.

Réville, Rel. unter den Sev. p. 81.

2037.

Lamprid. Commodus, c. 9.

2038.

Apul. Met. xi. c. 11, 22.

2039.

Or. Henz. 186, 193, 228 sqq., 275, 1637, 1580, 5873, 5879, 5887, 1993.

2040.

C.I.L. vi. 110, 111.

2041.

Or. Henz. 6628 (fontis), 4922 (castrorum), 1704 (legionis), 1812 (Neronis), 3953 (Hadriani).

2042.

Lamprid. Alex. Sev. c. 29; Spart. Hadr. 14, § 5; Luc. Peregr. c. 29; Friedl. Sittenges. iii. pp. 454-456. Thiersch, Pol. u. Phil. in Verhältn. zur Rel. p. 10.

2043.

Luc. Alex. 19; Friedl. Sitteng. iii. p. 470; Thiersch, p. 19.

2044.

Luc. Deor. Conc. 12, ἀλλὰ ἤδη πᾶς λίθος καὶ πᾶς βωμὸς ... χρησμοῦδεῖ.

2045.

Friedl. Sitteng. iii. pp 474-478; Wolff, De Nov. Orac. Aetate, p. 29 sq.

2046.

Petron. Sat. 61, 62.

2047.

Philostr. Apoll. Tyan. v. 12; iv. 5; iv. 10; vii. 5.

2048.

C.I.L. xii. 3070, 4316; viii. 9195; viii. 4578, Jovi, Junoni, Minervae, Soli Mithrae, Herculi, Marti, Genio loci, Diis, Deabusque omnibus; cf. viii. 4578; vi. 504.

2049.

Luc. Jup. Trag. 8, 9; Deor. Conc. 8 sqq.

2050.

Philostr. Apoll. T. vi. 40; Baumgart, Aristides als Repräsentant der Soph. Rhet. pp. 62, 84; cf. Apul. Met. xi. c. 5; Macrobi. Sat. i. 17.

2051.

Apul. Met. xi. cc. 3-6.

2052.

Lamprid. Alex. Sev. c. 29.

2053.

Apul. Apol. c. 64 (536), totius naturae causa et ratio, summus animi genitor, aeternus animantium sospitator ... neque tempore neque loco neque vice ulla comprehensus, nemini effabilis; cf. Met. xi. c. 25; Denis, Hist. des Idées Morales, ii. p. 264.

2054.

Thiersch, Pol. u. Phil. in ihrem Verhältn. zur Rel. p. 21, man nennt den Marcus einen Stoiker.... Aber seine Dogmatik und seine ganze Seelenbestimmung gehört schon weit mehr dem Neoplatonismus an. Cf. Bussell, School of Plato, pp. 278-290.

2055.

Sen. De Ben. iv. 7.

2056.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 649. Cf. Sen. Ep. 10, § 5; Ep. 73, § 16; Ep. 41, § 2; Ep. 63, § 7; Ep. 83, § 1; Ep. 95, § 50; Ep. 102, § 28, nulla serenum umbra turbabit; De Prov. iv. 7; De Ira, ii. 27; De Clem. i. 7; De Ben. 1. 29.

2057.

Epict. i. 9, § 7, τὸ δὲ τὸν θεὸν ποιητὴν ἔχειν καὶ πατέρα καὶ κηδεμόνα, οὐκέτι ἡμᾶς ἐξαιρήσεται λυπῶν καὶ φόβων: cf. i. 3, § 3; Denis, Hist. des Idées Morales, ii. p. 241.

2058.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, pp. 179, 184.

2059.

James, Varieties of Religious Belief, pp. 511, 512.

2060.

Bussell, School of Plato, p. 296.

2061.

Sen. Ep. 41, § 2, sacer intra nos spiritus sedet.

2062.

Yet cf. Zeller, iii. 1, p. 649, der göttliche Beistand, welchen er verlangt, ist kein übernatürlicher. Seneca had broken away unconsciously from the old Stoic idea of God, more than Zeller will admit, or his words have no meaning.

2063.

Sen. Ep. 95, §§ 51, 52.

2064.

Ib. 107, § 9; Epict. Diss. iii. 24.

2065.

Epict. Diss. iii. 20, § 11, κακὸς γείτων; Αὐτῷ· ἀλλ' ἐμοὶ ἀγαθός· γυμνάζει μου τὸ εὖγνωμον, τὸ ἐπιεικής: iv. 1, § 89; M. Aurel. vi. 44.

2066.

Epict. i. 16, § 20, τί γὰρ ἄλλο δύναμαι γέρων χωλὸς εἰ μὴ ὑμνεῖν τὸν θεόν; κτλ.

2067.

M. Aurel. iv. 23.

2068.

Ib. ix. 40; Sen. Ep. 10, § 5.

2069.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 40, ὧδε εὐχομαι, ὧ θεοί, δοίετέ μοι τὰ ὀφειλόμενα. Max. Tyr. Diss. xi. 8, ἀλλὰ σὺ μὲν ἡγεῖ τὴν τοῦ φιλοσόφου εὐχὴν αἴτησιν εἶναι τῶν οὐ παρόντων· ἐγὼ δὲ ὁμιλίαν καὶ διάλεκτον πρὸς τοὺς θεοὺς περὶ τῶν παρόντων καὶ ἐπίδειξιν τῆς ἀρητῆς.

2070.

Frag. preserved in S. Aug. De Civ. Dei, vi. 10.

2071.

D. Chrys. Or. xii. § 24 (412 R); Max. Tyr. Diss. viii. 10.

2072.

Max. Tyr. Diss. viii. §§ 5-10; Philostr. Apoll. Tyan. vi. 19.

2073.

Max. Tyr. viii. 10, οὐ νεμεσῶ τῆς διαφωνίας, ἴστωσαν μόνον, ἐράτωσαν μόνον, μνημονευέτωσαν μόνον.

2074.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 299 sqq.; S. Aug. De Civ. Dei, vi. 5.

2075.

Mommsen, Hist. of Rome, i. p. 183 (Tr.); Preller, Rom. Myth. p. 2.

2076.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, pp. 18-20.

2077.

Sen. Ep. 117, §§ 19-30; Epict. Diss. i. 17; M. Aurel. vii. 67. But cf. viii. 13; xii. 14; viii. 3.

2078.

Luc. Hermot. c. 25, 34, 37 sqq.

2079.

Überweg, Hist. Phil. i. p. 232; Zeller, Phil. der Griech. iii. 2, p. 83; Thiersch, Politik u. Phil. etc., pp. 15, 16.

2080.

Flav. Vop. Vit. Saturn. c. 8, § 2, illic qui Serapem colunt Christiani sunt, et devoti sunt Serapi, qui se Christi episcopos dicunt, etc.

2081.

Max. Tyr. Diss. xiv. 8, ἥ γὰρ ἂν τῷ διὰ μέσου πολλῶ τὸ θνητὸν πρὸς τὸ ἀθάνατον διετειχίσθη τῆς οὐρανοῦ ἐπόψεώς τε καὶ ὁμιλίας ὅτι μὴ τῆς δαιμονίου ταύτης φύσεως, κτλ. Cf. xvi. 9.

2082.

Macrobi. Som. Scip. i. 8; ii. 17.

2083.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 2, pp. 57-62.

2084.

Sen. Nat. Q. vii. 32, 2, Pythagorica illa invidiosa turbae schola praeceptorem non invenit.

2085.

Sen. Ep. 49, § 2; 108, § 17.

2086.

Zeller, iii. 2, p. 85.

2087.

Überweg, Hist. Phil. i. p. 228; cf. Hatch, Hibbert Lec. p. 148.

2088.

Überweg, Hist. Phil. i. p. 252; cf. Eunapius, Vit. Iambl.

2089.

Philostr. Apoll. Tyan. i. 3, 1; cf. Ael. Spart. Vit. Sev. 18.

2090.

Philostr. Apoll. Tyan. i. 7.

2091.

Ib. ii. 38.

2092.

Ib. i. 11, § 16; i. 31; iv. 19, 20; iv. 41.

2093.

Ib. iii. 41.

2094.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 13; iv. 16.

2095.

Ib. iv. 1, λόγοι τε περὶ αὐτοῦ ἐφοίτων οἱ μὲν ἐκ τοῦ Κολοφῶνι μαντείου κοινωνὸν τῆς ἑαυτοῦ σοφίας καὶ ἀτεχνῶς σοφὸν τὸν ἄνδρα ᾔδοντες, οἱ δὲ ἐκ Διδύμων.

2096.

Ib. iv. 41.

2097.

Ib. iii. 35, τὴν δὲ (ἔδραν ἀποδοτέον) ἐπ' ἐκείνη θεοῖς, οἱ τὰ μέρη αὐτοῦ κυβερνῶσι: cf. Max. Tyr. Diss. xiv. § 6 sqq.

2098.

Philostr. Apoll. Tyan. ii. 37; vi. 11; vii. 26; Max. Tyr. Diss. xiii. § 5.

2099.

Philostr. Apoll. Tyan. vi. 10; iv. 40; v. 12; iv. 18; iv. 44.

2100.

Ib. iv. 13; iii. 25.

2101.

Ib. vi. 19.

2102.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 40.

2103.

Ib. iv. 22; iv. 41; v. 26.

2104.

Gréard, De la Morale de Plutarch, p. 32; Volkmann, Leben, etc. p. 37.

2105.

For the apocryphal accounts, v. Gréard, p. 3 sqq.

2106.

Vit. Anton. c. 68, ὁ γοῦν πρόπαππος ἡμῶν Νίκαρχος διηγείτο κτλ.: Volkmann, p. 21.

2107.

Plut. De El ap. Delph. c. 1; cf. 17; Vit. Themist. c. 32; Sympos. iii. 1, § 1; ix. 14, § 2; ix. 14, § 7; i. 9; Eunap. Vit. Soph. Prooem. 5, ἐν οἷς Ἀμμωνιός τε ἦν Πλουτάρχου τοῦ θειοτάτου γεγονῶς διδάσκαλος.

2108.

Sympos. v. 5, § 1, Vit. Agesil. c. 19; Volkmann, pp. 34, 63.

2109.

Praec. Ger. Reipub. c. 20.

2110.

Sympos. viii. 7, § 1, Vit. Dem. c. 2. In this passage he says, οὐ σχολῆς οὔσης γυμάζεσθαι περὶ τὴν Ῥωμαικὴν διάλεκτον ὑπὸ χρειῶν πολιτικῶν ... ὁψέ ποτε καὶ πόρρω τῆς ἡλικίας ἡρξάμεθα Ῥωμαικοῖς γράμμασιν ἐντυγχάνειν. Cf. Frat. Am. 4.

2111.

Suet. Dom. c. xx.; Spart. Vit. Hadr. c. 16, § 5, Aul. Gell. xii. 2; Luc. Lexiph. c. 20; Friedl. Sittengesch. iii. p. 278; Macé, Suétone, p. 96; Gréard, Morale de Plut. p. 33; cf. Sen. Ep. 114, § 13, multi ex alieno seculo petunt verba: duodecim tabulas loquuntur.

2112.

Friedl. Sittengesch. iii. p. 360.

2113.

Plut. De Curios. c. 15, ἔμοῦ ποτε ἐν Ῥώμῃ διαλεγομένου Ῥούστικος ἐκεῖνος ὃν ἀπέκτεινε Δομιτιανὸς ... ἠκροῶτο κτλ.

2114.

Plut. De Tranq. c. 1; Sympos. i. 9; v. 7, § 10; viii. 1; De Cohib. Ira, c. 1; Sympos. ii. 3; i. 5; cf. Plin. Ep. i. 9; iv. 5; Ep. i. 13; iv. 4; Tac. Agr. c. 2; cf. Suet. Vesp. c. xxii.

2115.

For a description of this society, see Mahaffy's Greek World under Rom. Sway, c. xlv.

2116.

Plut. Consol. ad Ux. c. iv. x.; Conj. Praec. c. xlv.

2117.

Plut. Praec. Ger. Reipub. c. 15; cf. Sympos. vi. 8, § 1.

2118.

Plut. An Seni Sit Ger. Resp. c. 17, οἷσθ' ἀνθρώποις μετὰ Πυθίῳ λειτουργοῦντα πολλὰς πυθιάδας. Suidas, Πλούταρχος; cf. Volkmann, p. 91.

2119.

De Def. Orac. c. v. viii.

2120.

Ib. c. ii.

2121.

Trench, Plutarch, p. 22; Volkmann, p. 58.

2122.

Plut. Sympos. ii. 2, § 1 (Eleusis); v. 8, § 1 (Athens); i. 10, § 1; ii. 1, § 1 (Patrae); iii. 1, § 1; iv. 4, § 1 (Aedepsus), χωρίον κατεσκευασμένον οἰκήσεσι ... μάλιστα δ' ἀνθεῖ τὸ χωρίον ἀκμάζοντος ἔαρος. πολλοὶ γὰρ ἀφικνοῦνται τὴν ὥραν αὐτόθι, καὶ συνουσίας ποιοῦνται μετ' ἀλλήλων ἐν ἀφθόνοις πᾶσι, καὶ πλείστας περὶ λόγους ὑπὸ σχολῆς διατριβὰς ἔχουσι: cf. Volkmann, p. 57.

2123.

Vit. Anton. c. 28, διηγείτο γοῦν ἡμῶν τῷ πάππῳ Λαμπρίᾳ Φιλώτας ὁ Ἀμφισσεὺς ἰατρὸς εἶναι μὲν ἐν Ἀλεξανδρεῖα τότε μανθάνων τὴν τέχνην, κτλ.

2124.

Sympos. ii. 2, § 1; ix. 15, § 1; viii. 6, § 5.

2125.

De Fr. Am. c. 16.

2126.

Sympos. iv. 1, 1; iv. 4, 1; v. 10, 1; v. 5, 1.

2127.

Ib. ix. 4, § 1; Mahaffy, Greek World, etc. p. 338.

2128.

Plut. Sympos. viii. 2; viii. 7.

2129.

Vit. Alex. c. 1, οὔτε γὰρ ἱστορίας γράφομεν ἀλλὰ βίους οὔτε ταῖς ἐπιφανεστάταις πράξεσι πάντως ἔνεστι δῆλως ἀρετῆς ἢ κακίας. So Vit. Nic. c. 1, οὐ τὴν ἄχρηστον ἀθροίζων ἱστορίαν ἀλλὰ τὴν πρὸς κατανόησιν ἥθους καὶ τρόπου παραδιδούς.

2130.

Vit. Pericl. c. 12.

2131.

Vit. Cat. Min. c. 70.

2132.

Gréard, Morale de Plut. pp. 36, 52, 67.

2133.

Cf. A. Gell. xviii. 2.

2134.

Plut. De Tranq. c. xx. ἀνὴρ δὲ ἀγαθὸς οὐ πᾶσαν ἡμέραν ἐορτὴν ἡγεῖται; κτλ.

2135.

Sen. Ep. 88, ad virtutem nihil conferunt liberalia studia; cf. Ep. 94, 95, § 41.

2136.

M. Aurel. vii. 35; ix. 41; Epict. Frag. lii.

2137.

Zeller, Phil. der Gr. iii. 1, p. 720 n.

2138.

A. Gell. i. 10; ii. 26; vii. 13; xii. 1; Philostr. Apoll. Tyan. iv. 20; v. 16.

2139.

Oakesmith, Rel. of Plutarch, p. 64.

2140.

Plut. Cic. c. 4.

2141.

Zeller, Phil. der Gr. iii. 1, p. 534, in der Hauptsache die bedeutendsten Philosophenschulen übereinstimmen, etc.

2142.

Ib. p. 503.

2143.

Ib. iii. 2, pp. 144, 145.

2144.

Sen. Nat. Qu. vii. 32, 2; Academici et veteres et minores nullum antistitem reliquerunt.

2145.

Epict. Fr. liii.

2146.

Sympos. vii. 1; Consol. ad Apoll. xxxvi.

2147.

e.g. De Gen. Socr. xxii. sqq.; De Ser. Num. Vind. xxii.

2148.

Non posse Suav. vivi sec. Epic. c. ii. τὰ γὰρ αἰσχιστα ῥήματα, βωμολοχίας, ληκυθισμούς, ἀλαζονείας, ἡ εταιρήσεις, ἀνδροφονίας ... συνάγοντες Ἀριστοτέλους καὶ Σωκράτους καὶ Πυθαγόρου καὶ τίνος γὰρ οὐχὶ τῶν ἐπιφανῶν, κατεσκέδασαν: Adv. Col. c. ii.

2149.

Trench, Plut. p. 93.

2150.

Plut. De Virt. Mor. c. vii. sqq.

2151.

Adv. Stoicos, c. x. ἀλλὰ ὥσπερ ὁ πηχὺν ἀπέχων ἐν θαλάσῃ ἐπιφανείας οὐδὲν ἦττον πνίγεται τοῦ καταδεδυκότος ὀργυιᾶς πεντακοσίας, κτλ. Cf. Sen. Ep. 66, § 10; Zeller, Phil. der. Griech. iii. 1, p. 230.

2152.

M. Aurel. ix. 32; xii. 32; ix. 14; xi. 1; vii. 1; vi. 46; ix. 14.

2153.

De Tranq. c. iii., iv., xiv., xvii.; De Cup. Div. iii., iv.; De Exil. v.; De Alex. Virt. c. vi.; ad init.; Zeller, iii. 1. p. 281.

2154.

Zeller, Phil. der Gr. iii. 1, p. 208; cf. iii. 2, p. 163; Plut. De Virt. Mor. c. viii.

2155.

De Virt. Mor. l.c.

2156.

Zeller. iii. 2, p. 154.

2157.

De Virt. Mor. vii.

2158.

Ib. iv. sq.; De Cur. i.

2159.

De Virt. Mor. vi.; Gréard, p. 78.

2160.

Pl. Phaed. 82 B; cf. Archer-Hind, App. i. to Phaed.

2161.

Plut. De Cohib. Ira, i. ii.; De Prof. in Virt. xiii. xi. iii.

2162.

De Prof. iv.; De Cohib. Ira, ii.

2163.

De Prof. xvii. ἀλλ' οἷ γε προκόπτοντες, οἷς ἤδη καθάπερ ἱεροῦ τινος οἰκοδομήματος καὶ βασιλικοῦ τοῦ βίου κεκρότηται χρυσέα κρητὶς οὐδὲν εἰκὴ προσίενται τῶν γινομένων, κτλ.

2164.

Adv. St. iv. vii.

2165.

De Fato, c. ix. (572). (Plut.?)

2166.

Ib. c. iv. v. οὐ πάντα καθαρῶς οὐδὲ διαρρήδην ἢ εἰμαρμένη περιέχει, ἀλλ' ὅσα καθόλου.

2167.

Ib. c. iv. οὕτω καὶ ὁ τῆς φύσεως νόμος τὰ μὲν καθόλου συμπεριλαμβάνει προηγουμένως, τὰ δὲ καθ' ἕκαστα ἐπομένως.

2168.

De Fort. c. iii. iv.

2169.

Gréard, p. 68 sq.

2170.

Plut. De Rect. Rat. Aud. c. vi. διὸ δεῖ ἀκροάσθαι τοῦ λέγοντος ἴλεων καὶ πρᾶων ὥσπερ ἐφ' ἐστίασιν ἱερὰν καὶ θυσίας ἀπαρχὴν παρελημμένον κτλ.: cf. viii. ἀλλ' εἰς διδασκαλεῖον ἀφίκεται τῷ λόγῳ τὸν βίον ἐπανορθωσόμενος: c. xii.

2171.

Ib. c. vii. viii.; cf. Sen. Ep. 108, § 6, magnam hanc auditorum partem videbis cui philosophi schola diversorium otii sit, etc.; Epict. Diss. ii. 23.

2172.

De Rect. Rat. Aud. c. ix. ὁμοίός ἐστι μὴ βουλομένῳ πιεῖν ἀντίδοτον ἂν μὴ τὸ ἀγγεῖον ἐκ τῆς Ἀττικῆς κωλιάδος ἢ κεκραμευένον.

2173.

Ib. c. xii.

2174.

De Cohib. Ira, c. i. τὸ δὲ σφοδρὸν ἐκείνο καὶ διάπυρον πρὸς ὀργὴν ὀρώντί μοι πρᾶον οὕτω καὶ χειρόηθες τῷ λογισμῷ γεγεννημένον ἐπέρχεται πρὸς τὸν θυμὸν εἰπεῖν κτλ.

2175.

De Rect. Rat. Aud. c. xii.; cf. De Prof. c. xv. τίθεσθαι πρὸ ὀφθαλμῶν τοὺς ὄντας ἀγαθοὺς ἢ γεγεννημένους καὶ διανοεῖσθαι τί δ' ἂν ἔπραξεν ἐν τούτῳ Πλάτων κτλ.

2176.

Trench, Plut. p. 33.

2177.

De Tranq. c. xvi. xvii. xiv. xv.

2178.

Ib. c. xix. ἀγνοοῦντες ὅσον ἐστὶ πρὸς ἀλυπίαν ἀγαθὸν τὸ μελετᾶν καὶ δύνασθαι πρὸς τὴν τύχην ἀνεωγόσι τοῖς ὄμμασιν ἀντιβλέπειν.

2179.

Plut. De Tranq. c. xi. xiii. xiv. ὅτι ἕκαστος ἐν ἑαυτῷ τὰ τῆς εὐθυμίας καὶ τῆς δυσθυμίας ἔχει ταμεῖα.

2180.

De Prof. c. xiv. δῆμωμα δὲ αὐτοῦ πρῶτα μὲν ὁ πρὸς τὰ ἐπαινούμενα ζῆλος καὶ τὸ ποιεῖν εἶναι προθύμους, ἃ θαυμάζομεν, κτλ.

2181.

Ib. c. i.-iv.

2182.

Ib. c. x. ὁ δὲ ἐτὸς γενομένος καὶ φῶς μέγα ἰδὼν οἶον ἀνακτόρων ἀνοιγομένων, ὥσπερ θεῶ τῷ λόγῳ ταπεινὸς συνέπεται κτλ.

2183.

Ib. c. xvii.

2184.

Ib. c. xv.; cf. Sen. Ep. 11, § 8; aliquis vir bonus nobis eligendus est ... ut sic tanquam illo spectante vivamus, et omnia tanquam illo vidente faciamus.

2185.

Plut. (?) Consol. ad Apoll. c. vi. vii. sqq.

2186.

M. Aurel. vii. 1; vii. 19; vi. 15; ἐν δὴ τούτῳ τῷ ποταμῷ τί ἂν τις τούτων παραθεόντων ἐκτιμήσειεν ἐφ' οὗ στήναι οὐκ ἔξεστιν: ix. 32; cf. Consol. ad Apoll. c. x. καὶ ἥ φησιν Ἡράκλειτος, ταῦτό τ' ἐνὶ ζῶν καὶ τεθνηκός.

2187.

Consol. ad Apoll. c. xvii. τό τε πολὺ δῆπυθεν ἢ μικρὸν οὐδὲν διαφέρειν δοκεῖ πρὸς τὸν ἄπειρον ἀφορῶσιν αἰῶνα.

2188.

Ib. c. xiv.

2189.

Ib. c. xv.; cf. Sen. Ep. 99, § 30; Ep. 36; Ep. 24.

2190.

Consol. ad Apoll. c. xxxiv. xxxv. καὶ χῶρός τις ἀποτεταγμένος ἐν ᾧ διατρίβουσιν αἱ τούτων ψυχαί: Pind. Ol. ii. 106 sqq.

2191.

Plut. De Virt. Mor. c. vi.

2192.

S. Aug. De Civ. Dei, iv. 27; vi. 2.

2193.

Macrobian. Sat. i. c. 17; cf. Roman Society in the Last Century of the W. Empire, p. 77 (1st ed.).

2194.

De Def. Or. c. 2.

2195.

De Is. et Osir. c. lxxix.

2196.

De El ap. Delph. c. xix. ὅθεν οὐδ' ὅσιόν ἐστιν οὐδὲν τοῦ ὄντος λέγειν ὡς ἦν ἢ ἔσται.

2197.

De Is. et Osir. c. 54, 78; De El ap. Delph. c. 20; Def. Or. c. 9, ad fin.; Oakesmith, Rel. of Plut. p. 88; Zeller, Phil. der Griech. iii. 2, p. 148; De Is. et Osir. c. 40, 66; non p. Suav. c. 22, βοηθεῖν πέφυκεν,

ὀργίζεσθαι δὲ καὶ κακῶς ποιεῖν οὐ πέφυκεν: De Ser. Num. Vind. c. iv. v. xviii.; Nitsch, De Plut. Theologo, p. 8; Gréard, Morale de Plut. p. 263; cf. Burgmann, Seneca's Theologie, pp. 14-20.

2198.

Zeller, iii. 2, p. 152; De Is. c. 45-49; De St. Rep. c. 33.

2199.

Plut. De An. Procr. c. 6.

2200.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 2, p. 155; Plat. Tim. 29, 30.

2201.

Diog. Laert. ix. § 18, γέγραφε δὲ καὶ [Ξενοφάνης] ἰάμβους καθ' Ἡσιόδου καὶ Ὀμήρου ἐπισκώπτων αὐτῶν τὰ περὶ θεῶν εἰρημένα: v. extracts in Ritter and Preller, Hist. Phil. p. 82; Plat. Rep. ii. pp. 378-380.

2202.

Plut. De Is. c. xxiii. ὃς (Εὐήμερος) ... πᾶσαν αθεότητα κατασκεδάννυσι τῆς οἰκουμένης.

2203.

Plut. De Def. Or. c. 18, 21.

2204.

Sen. Ep. 10, § 5; Ep. 41, § 1; Pers. ii. 73; Max. Tyr. Diss. xi. § 8, σὺ μὲν ἡγεῖ τὴν τοῦ φιλοσόφου εὐχὴν αἰτήσιν τῶν οὐ παρόντων· ἐγὼ δὲ ὁμιλίαν καὶ διάλεκτον πρὸς τοὺς θεοὺς περὶ τῶν παρόντων, κτλ.: Martha, Moralistes sous l'Emp. p. 163; Denis, Idées Morales, ii. p. 245 sqq.

2205.

Of the life of Maximus of Tyre little is known. He began his career as a teacher probably about 155 A.D. Like other philosophers of his time, he had travelled widely. See the references to Arabia and Phrygia in Diss. viii., e.g. § 8, Ἀράβιοι μὲν σέβουσι μὲν ὄντινα δὲ οὐκ οἶδα· τὸ δὲ ἄγαλμα εἶδον, λίθος ᾧ τερτράγωνος. Cf. Zeller, iii. 2, p. 183 n.

2206.

Max. Tyr. Diss. iv. § 7.

2207.

Ib. xvi. § 1, § 8.

2208.

Ib. xvii. § 8.

2209.

Ib. § 10.

2210.

Max. Tyr. Diss. xvii. § 11.

2211.

Ib. xi. § 2, § 7.

2212.

Ib. viii. § 2, ἀλλ' ἀσθενὲς ὄν κομιδῇ τὸ ἀνθρωπεῖον καὶ διεστὸς τοῦ θεοῦ ὅσον οὐρανοῦ γῆ, σημεῖα ταῦτα ἐμηχανήσατο.

2213.

Chrys. Or. xii. § 59 (404 R).

2214.

Max. Tyr. Diss. x. § 3, ἡ ψυχὴ ... ἐδεῖτο φιλοσοφίας μουσικῆς τινος κτλ. Cf. § 5, πάντα μεστὰ αἰνιγμάτων καὶ παρὰ ποιηταῖς καὶ παρὰ φιλοσόφοις.

2215.

Ib. x. § 3.

2216.

Plut. De Is. lxxviii.; xx.; Max. Tyr. x. §§ 5-7; cf. Macrob. Som. Scip. i. 2, 7-19; Hatch, Hibbert Lec. p. 55 sq.

2217.

Plut. De Is. lxxvi. ad fin.

2218.

Plut. De Is. c. lxxvii. ὥσπερ ἥλιος καὶ σελήνη καὶ οὐρανὸς καὶ γῆ κοινὰ πᾶσιν, ὀνομάζεται δ' ἄλλος ὑπ' ἄλλων, οὕτως ἐνὸς λόγου τοῦ ταῦτα κοσμοῦντος καὶ μιᾶς προνοίας ἐπιτροπευούσης, καὶ δυνάμεων ὑπουργῶν ἐπὶ πάντα τεταγμένων, ἕτεραι παρ' ἑτέροις κατὰ νόμους γεγόνασιν τιμαὶ καὶ προσηγορίαι, κτλ.

2219.

Ib. c. lxi.; xxxv.; cf. Herodot. ii. c. 50.

2220.

Plut. De Is. c. xxxv.

2221.

Ib. c. xx.

2222.

Plut. De Is. c. xxiii. πᾶσαν ἀθεότητα κατασκεδάννυσι τῆς οἰκουμένης.

2223.

Ib. c. lxxvi.

2224.

Apul. De Deo Socr. c. vi. (133).

2225.

Max. Tyr. Diss. xiv. §§ 7, 8.

2226.

Cf. Rohde, Psyche, ii. 361, 1. M. Aurel. v. 10, 27, ὅτι ἔξεστί μοι μηδὲν πράττειν παρὰ τὸν ἐμὸν θεὸν καὶ δαίμονα: vii. 17; Epict. i. 14, § 12, καὶ (ὁ θεὸς) ἐπίτροπον ἐκάστῳ παρέστηκε, τὸν ἐκάστου δαίμονα, καὶ παρέδωκε φυλάσσειν αὐτὸν αὐτῷ, κτλ.

2227.

Plut. De Sera Num. Vind. c. xxii.

2228.

Apul. De Deo Socr. c. xiii.; Max. Tyr. xv. § 4; Plut. De Def. Or. c. x.

2229.

Plut De Def. Or. c. xvii.

2230.

Max. Tyr. xv. § 3.

2231.

Plut. De Def. Or. c. xviii.

2232.

Ib. c. xxi.

2233.

Plut. De Is. c. xxv.; De Def. Or. c. x.

2234.

Hes. Op. et D. 125; cf. Rohde, *Psyche*, i. p. 96.

2235.

For the spiritual influences at work v. Lobeck, *Aglaoph.* p. 312; Grote, i. p. 23; Bury, *Hist. of Greece*, p. 312; Hardie, *Lectures*, p. 57.

2236.

Diog. Laert. i. 27, ἀρχὴν δὲ τῶν πάντων ὕδωρ ὑπεστήσατο, καὶ τὸν κόσμον ἔμψυχον καὶ δαιμόνων πλήρη.

2237.

Heracl. Reliq. p. 26 Bywater, Ἀθάνατοι θνητοί, θνητοὶ ἀθάνατοι ζῶντες τὸν ἐκείνων θάνατον, τὸν δὲ ἐκείνων βίον τεθνεῶντες. ὁ δὲ Ἡράκλειτός φησιν ὅτι καὶ τὸ ζῆν καὶ τὸ ἀποθανεῖν καὶ ἐν τῷ ζῆν ἡμᾶς ἐστὶ καὶ ἐν τῷ τεθνάναι, κτλ. Cf. ἀνὴρ νήπιος ἤκουσε πρὸς δαίμονος ὅπως περ παῖς πρὸς ἀνδρός. Ritter and Preller, *Hist. Phil.* p. 23; Diog. Laert. ix. 1, § 7.

2238.

Ritter and Preller, *Hist. Phil.* pp. 126, 7; Hild, *Étude sur les Démons*, p. 228.

2239.

Diog. Laert. viii. 1, § 30 sqq.

2240.

Pind. Ol. ii. 105 sqq. ἔνθα μακάρων νᾶσος ὠκεανίδες αὔραι περιπνέουσιν· ἄνθεμα δὲ χρυσοῦ φλέγει τὰ μὲν χερσόθεν ἀπ' ἀγλαῶν δενδρέων, ὕδωρ δ' ἄλλα φέρβει.

2241.

Sympos. 202 E; Polit. 271 D; Phaed. 107 D, 108 B; Tim. 90 A.

2242.

Max. Tyr. Diss. xiv. § 8.

2243.

Plat. Rep. ii. 377-380.

2244.

Plut. De Is. c. xlv. αἰτίαν δὲ κακοῦ τάγαθὸν οὐκ ἂν παράσχοι, δεῖ γένεσιν ἰδίαν καὶ ἀρχήν, ὥσπερ ἀγαθοῦ καὶ κακοῦ, τὴν φύσιν ἔχειν: cf. Hatch, Hibbert Lec. p. 218.

2245.

De Is. c. xxvi. ὥς τῶν δαιμόνων μικτὴν καὶ ἀνώμαλον φύσιν ἔχόντων καὶ προαίρεσον: De Def. Or. c. x., c. xvi.

2246.

De Is. c. xxv.

2247.

Mr. Oakesmith thinks that Plutarch tended to identify them, Rel. of Plut. p. 127.

2248.

Tatian, Adv. Gr. 20; Clem. Alex. Ad Gent. 26; Cypr. Ep. 75, 10; Min. Felix, c. 26, 27, isti igitur impuri spiritus daemones, ... sub statu et imaginibus delitescunt, et adflatu suo auctoritatem quasi praesentis numinis consequuntur, dum inspirant interim vates, dum fanis immorantur ... sortes regunt, oracula efficiunt, falsis pluribus involuta, etc. Cf. Tertull. Apol. c. xxii. operatio eorum est hominis eversio.... Itaque corporibus quidem et valitudines infligunt et aliquos casus acerbos, etc. Cf. De Idol. c. ix; Maury, La Magie, p. 99 sqq.

2249.

Aug. De Civ. Dei, viii. 14-22.

2250.

Cic. De Div. ii. 57, 117, cur isto modo jam oracula Delphis non eduntur ... ut nihil possit esse contemptius? Strab. vii. 7, 9, ἐκλέλοιπε δὲ πῶς καὶ τὸ μαντεῖον τὸ ἐν Δωδώνῃ καθάπερ τᾶλλα.

2251.

Herodot. viii. 134.

2252.

Plut. De Def. Or. c. v. viii.

2253.

D. Cass. lxiii. 14, καὶ τὸ μαντεῖον κατέλυσεν, ἀνθρώπους ἐς τὸ στόμιον, ἐξ οὗ τὸ ἱερὸν πνεῦμα ἀνήγει, σφάξας.

2254.

Plut. De Def. Or. c. ii.

2255.

De Pyth. Or. c. xxix.; v. Gréard, p. 252.

2256.

De Pyth. Or. c. x. τοῦτό γε μᾶλλον ῥίψαι καὶ διασπεῖραι λόγους ... οἷς πλανωμένοις ἀπήντησε πολλάκις ἢ τύχη, κτλ.

2257.

De Pyth. Or. c. xi.

2258.

Ib. c. v. xvii.

2259.

Ib. c. xix.

2260.

Ib. c. xxiii.

2261.

Ib. c. xxiv.

2262.

Ib. xxii. τραπεῖσα ἐν οἰκίᾳ γεωργῶν πενήτων κτλ.

2263.

De Pyth. Or. c. xxv. πλείστης μέντοι ποιητικὴν ἐνέπλησεν ἄδοξίας τὸ ἀγυρτικὸν καὶ ἀγοραῖον καὶ περὶ τὰ μητρῴα καὶ σεράπεια βωμολόχον καὶ πλανώμενον γένος κτλ.

2264.

De Def. Or. c. viii.

2265.

Ib. c. ix. εὐηθέες γὰρ κομιδῇ τὸ οἶσθαι τὸν θεὸν αὐτὸν ... ἐνδυσόμενον εἰς τὰ σώματα τῶν προφητῶν ὑποφθέγγεσθαι; c. xlviii.; De Pyth. Or. c. xxi.

2266.

De Def. Or. xlii. ψυχῆς τὸ μαντικὸν ὥσπερ ὄμμα δεῖται τοῦ συνεξάπτοντος οἰκείου καὶ συνεπιθήγοντος.

2267.

Ib. c. x. xii. φύσεις εἰσὶ τινες ἐν μεθορίῳ θεῶν καὶ ἀνθρώπων, δεχόμεναι πάθη θνητά, οὓς δαίμονας ὀρθῶς ἔχει κατὰ νόμον πατέρων σέβεσθαι: cf. Plat. Sympos. 202 E; Apul. De Deo Socr. c. vi.; Max. Tyr. Diss. xiv. §§ 2-8.

2268.

De Def. Or. c. xliii. τῶν δὲ περὶ αὐτὴν (τὴν γῆν) δυνάμεων πῇ μὲν ἐκλείψεις πῇ δὲ γενέσεις ... εἰκὸς ἐστὶ συμβαίνειν, κτλ.

2269.

Ib. c. xxxviii.; Maury, p. 149.

2270.

Plut. De Def. Or. c. xlvi.

2271.

De Gen. Socr. c. xi. xx.; cf. Hild, Étude sur les Démons, p. 263 sqq.

2272.

De Gen. Socr. c. xi. ἀκούω δὲ καὶ τὴν ἐν Σικελίᾳ τῆς Ἀθηναίων δυνάμεως φθορὰν προειπεῖν αὐτόν κτλ.

2273.

Plut. De Gen. Socr. c. xx.

2274.

Philostr. Apoll. T. vi. 11.

2275.

De Gen. Socr. c. xx. αἱ δὲ τῶν δαιμόνων φέγγος ἔχουσαι τοῖς δυναμένοις ἐλλάμπουσιν, οὐ δεόμεναι ῥημάτων οὐδ' ὀνομάτων κτλ. οὕτως οἱ τῶν δαιμόνων λόγοι διὰ πάντων φερόμενοι μόνοις ἐνηχούσι τοῖς ἀθόρυβον ἦτος καὶ νήμενον ἔχουσι τὴν ψυχὴν· οὕς δὲ καὶ ἱεροὺς καὶ δαιμονίους ἀνθρώπους καλοῦμεν; cf. De Def. Or. c. xxxvii.

2276.

De Def. Or. c. xxxix.

2277.

De Def. Or. c. xxxix.

2278.

Cic. De Nat. Deor. i. 17, 42, § 117; ii. 28, § 70; De Div. ii. 72; Sen. Ep. 123; Boissier, Rel. Rom. i. 23.

2279.

Lamprid. Com. c. 9.

2280.

Vop. Aurelian. c. 35, § 3.

2281.

Plut. De Superst. c. 5, 6, ἡ μὲν ἀθεόθης ἀπάθεια πρὸς τὸ θεῖόν ἐστι ... ἡ δὲ δεισιδαιμονία πολυπάθεια κακὸν τὸ ἀγαθὸν ὑπονοοῦσα.

2282.

De Superst. c. 3, μόνη γὰρ οὐ σπένδεται πρὸς τὸν ὕπνον ... εἴδωλα φρικώδη καὶ τεράστια φάσματα καὶ ποινὰς τινὰς ἐγείρουσα καὶ στροβοῦσα τὴν ἀθλίαν ψυχὴν.

2283.

Ib. c. 4, συνάπτουσα τῷ θανάτῳ κακῶν ἐπίνοιαν ἀθανάτων.

2284.

Ib. c. 6, φοβοῦνται τοὺς θεοὺς καὶ καταφεύγουσιν ἐπὶ τοὺς θεοὺς, κολακεύουσι καὶ λοιδοροῦσιν. Cf. Bacon's Essays, Of Superstition, "It were better to have no opinion of God at all, than such an opinion as is unworthy of Him."

2285.

Gréard, p. 269.

2286.

Luc. i. 65; iii. 991; cf. Cic. De Div. ii. 72.

2287.

Apul. Met. xi. c. 24.

2288.

Juv. vi. 523, 547; Mart. vii. 54; Luc. Philops. c. 7-13.

2289.

Eurip. Ion, 104.

2290.

Liv. xliii. 13.

2291.

Cic. De Div. ii. 24.

2292.

Tac. Ann. xi. 15, rettulit deinde ad senatum super collegio haruspicum, ne vetustissima Italiae disciplina per desidiam exolesceret.

2293.

Warde Fowler, Rom. Festivals, p. 343.

2294.

D. Cass. lii. 36, τοὺς δὲ ξενίζοντάς τι περὶ τὸ θεῖον καὶ μίσει καὶ κόλαζε.

2295.

Suet. Octav. xxxi.

2296.

Cic. De Leg. ii. 9; Fowler, Rom. Fest. p. 233.

2297.

Ov. Fast. iii. 285; Lucr. i. 131; Liv. i. 20.

2298.

Val. Max. i. 3, 3; cf. Cic. De Div. ii. 43.

2299.

Aul. Gell. iii. 10.

2300.

Cic. In Catil. iii. 4; cf. Plut. Vit. Cic. c. 17.

2301.

Suet. Octav. xciv. xcvii.

2302.

Cf. D. Cass. lxi. 9, τοὺς τε ἀστρολόγους ἐκ τῆς Ῥώμης ἐξώρισεν (Οὔεσπασιανὸς) καίτοι πᾶσι τοῖς ἀρίστοις χρώμενος.

2303.

Suet. Dom. x. interemit Met. Pompeianum quod habere imperatoriam genesin vulgo ferebatur.

2304.

Tac. Ann. xii. 52; ii. 32, 75; D. Cass. xlix. 43; Suet. Vitell. xiv.

2305.

Suet. Tib. lxix., circa deos negligentior quippe addictus mathematicae, etc.

2306.

Ib. xiv. Yet cf. his love of mythical nugae, ib. lxx.

2307.

Juv. x. 94. See the remarkable chapters in Tac. Ann. vi. 21-22.

2308.

Tac. Ann. xii. 52.

2309.

Suet. Ner. lx.; xxxiv., facto per magos sacro evocare manes et exorare tentavit.

2310.

Ib. xl.

2311.

Suet. Galb. xviii.

2312.

Suet. Otho, iv.

2313.

Tac. Hist. i. 22.

2314.

Suet. Otho, vii. viii.

2315.

Tac. Hist. ii. 50.

2316.

Suet. Vitell. iii. xi. xiv.

2317.

Tac. Hist. ii. 62.

2318.

D. Cass. lxn. 1, ἀντιπαρήγγειλαν ἀπαλλαγῆναι ἐκ τοῦ βίου ἐντὸς τῆς ἡμέρας κτλ.

2319.

Ib. lxvi. 9, 10.

2320.

Tac. Hist. ii. 78.

2321.

Suet. Titus, v. viii. ix.

2322.

Id. Dom. xiv. xv.

2323.

Suet. Dom. x. xiv. xv. xvi.; D. Cass. lxnii. 15, πάντως γὰρ καὶ ὁ Δομιτιανὸς τῶν πρώτων τὰς τε ἡμέρας καὶ τὰς ὥρας ἐν αἷς ἐγεγένητο διασκοπῶν ... προανήλυσκε.

2324.

Spart. Hadr. c. 16; cf. Renan, L'Égl. Chrét. c. 2.

2325.

Spart. Hadr. c. 2, § 4.

2326.

D. Cass. lxi. 11, μαντεΐαις μαγγανείαις τε παντοδαπαῖς ἐχρήτο κτλ.

2327.

Spart. Hadr. c. 16, § 7.

2328.

Id. M. Anton. c. 19.

2329.

D. Cass. lxxi. 8.

2330.

Luc. Alex. c. 35, 47.

2331.

M. Aurel. x. 5; ix. 27: on the Stoic belief in divination, v. Cic. De Div. i. 38 (82); Zeller, Phil. der Griechen, iii. 1, p. 313 sqq.

2332.

Plin. Ep. iii. 5, § 4.

2333.

Plin. Ep. vii. 27.

2334.

Ib. i. 18, v. 5, 5; cf. Mayor's learned note on iii. 5, 4; Gregorovius, Hadrian, p. 229 sqq.

2335.

Suet. Jul. Caes. lxxvii.

2336.

Id. Octav. xciii.

2337.

Cf. Macé, Suétone, p. 59 sqq.

2338.

Apul. Met. iv. 27; i. 8; cf. Petron. Sat. 62, 63.

2339.

v. Fabian, Quid Tac. de num. div. judicaverit, pp. 7, 13, 16, 21, 24, 29; Nipperdey, Einleitung, xiv. xxvi.; Tac. Hist. v. 5; ii. 38; Ann. iii. 18; vi. 22; xiv. 12; cf. Peter, Die Gesch. Litt. ii. p. 221.

2340.

Tac. Agric. c. 2, 4; Hist. iv. 5; Ann. xiv. 12.

2341.

Agric. c. 45; Hist. i. 2; iii. 37; Ann. i. 7.

2342.

Ann. i. 1.

2343.

Hist. i. 3 ad fin.

2344.

Ann. xvi. 33, aequitate deum erga bona malaque documenta.

2345.

Ib. vi. 22; cf. Mackail, Rom. Lit. p. 210.

2346.

Hist. i. 22, genus hominum potentibus infidum sperantibus fallax, quod in civitate nostra et vetabitur semper et retinebitur; cf. Hist. v. 4; Ann. vi. 28; iv. 58; cf. Fabian, p. 19.

2347.

Hist. ii. 50.

2348.

Ib. iv. 81; cf. Nipperdey, Einl. xxvi.

2349.

Hist. ii. 50; iv. 81; i. 6; i. 18; v. 13; Ann. i. 65; ii. 14; Hist. iii. 56; iv. 83; cf. Fabian, Quid Tac. de num. div. judicaverit, p. 19.

2350.

Peter, Gesch. Litt. ii. p. 42.

2351.

Tac. Hist. iii. 83, simul cruor et strues corporum, juxta scorta et scortis similes, etc.

2352.

Suet. Nero, c. iv. vi.

2353.

Id. Calig. xxi. xxii. xxix. xxxiv. xxxvii.; cf. Mackail, Rom. Lit. p. 213.

2354.

Suet. Nero, lvii.

2355.

Epict. Diss. ii. 7, § 10, τί οὖν ἡμᾶς ἐπὶ τὸ συνεχῶς μαντεύεσθαι ἄγει; Ἡ δειλία, τὸ φοβεῖσθαι τὰς ἐκβάσεις.

2356.

Ib. ὡς ὁ ὁδοιπόρος πυνθάνεται ... ποτέρα τῶν ὁδῶν φέρει ... οὕτως ἔδει καὶ ἐπὶ τὸν θεὸν ἔρχεσθαι, ὡς ὁδηγόν. Cf. Ench. 32.

2357.

Warde Fowler, Roman Festivals, p. 72; Preller, Rom. Myth. (Tr.), p. 381.

2358.

Philostr. Vit. Soph. ii. p. 273, ἐθαύμαζε δὲ τὸν Ἡρώδην ὡς ποικιλώτατον ῥητόρων: cf. Praef. Jac. Perizonii ed. Aeliana, Gronov.; Suid. καὶ ἐσοφίστευσεν ἐν Ῥώμῃ αὐτῇ ἐπὶ τῶν μετὰ Ἀδριανὸν χρόνων.

2359.

Ael. Var. Hist. xi. 13.

2360.

v. Fragm. Ael. ap. Gronov. p. 1014.

2361.

Ib. p. 1022.

2362.

Ib. p. 1024.

2363.

Ib. p. 1023.

2364.

Ib. p. 1011.

2365.

Ib. p. 1030.

2366.

Fragm. Ael. pp. 1009, 1034.

2367.

Ib. p. 1013.

2368.

Ib. p. 1049.

2369.

Ib. p. 1051.

2370.

v. Jebb's Aristides, Collect. Hist. § vi.

2371.

Philostr. Vit. Soph. ii. p. 253.

2372.

Friedl. Sittengesch. iii. p. 440 sqq.; Baumgart, Ael. Aristides als Repräsentant der Soph. Rhet. pp. 68, 96.

2373.

Baumgart rejects Welcker's view of the essentially religious character of Aristides, pp. 112, 113.

2374.

Baumgart, pp. 62, 102, Bald ist in der ganzen Heilungsgeschichte dies die Hauptsache, dass nun sein Rhetorentum die höchste Weihe erhalten habe.

2375.

Id. p. 62.

2376.

Baumgart, pp. 60, 61.

2377.

Id. p. 64.

2378.

v. c. iii. of Pater's Marius the Epicurean.

2379.

Philostr. Apoll. Tyan. iii. 44; D. Cass. lxi. 22, Ἀδριανὸς δὲ μαγγανείαις μὲν τισι καὶ γοητείαις ἔκενοῦτό ποτε τοῦ ὕγροῦ.

2380.

Caton, Temples and Ritual of Asklepios, p. 27.

2381.

Baumgart, p. 97; cf. Aristid. Or. p. 574 (Jebb's Ed.), 531.

2382.

Aristid. Or. p. 530 (Jebb).

2383.

Caton, p. 29.

2384.

Maury, La Magie, p. 231.

2385.

S. Hieron. in Is. c. lv. p. 482.

2386.

Pausan. ix. 39, § 4; Max. Tyr. Diss. xiv. 2.

2387.

Plut. De Def. Or. c. 41-46; Philostr. Apoll. Tyan. i. 8; cf. Maury, La Magie, p. 237.

2388.

Apul. Met. xi. c. 22.

2389.

Max. Tyr. xvi. i.; Philostr. Apoll. Tyan. ii. 37; vi. 11.

2390.

See a list in Tertullian, De Anima, c. 46.

2391.

Strab. xvii. 17 (1052).

2392.

Diod. Sic. i. 25.

2393.

Cic. De Div. i. 58.

2394.

Wolff, De Nov. Orac. Aet. p. 29.

2395.

Caton, p. 28.

2396.

Diod. Sic. i. 25.

2397.

Wolff, *De Nov. Orac. Aet.* p. 31, *Ejus sacerdotes fraudibus famosi opportune Isidis templo Pompeiano culpae convicti sunt; ubi ipse scalinam vidi secretam*, etc. Maury, *La Magie*, pp. 237-8.

2398.

Cf. Maury, p. 240.

2399.

See a list in Caton, p. 36 sq.

2400.

Caton, p. 28; Pausan. ii. 27, § 5; cf. Strab. viii. 6, § 15.

2401.

Caton, pp. 40, 38.

2402.

Baumgart, p. 101.

2403.

Cf. Aristid. Or. 536-538 (Jebb, t. i.).

2404.

Aristid. Or. 537, Ἐβρος πᾶς ἡπεύρωτο ὑπὸ κριστάλλου, πεδία δὲ λιμνάζοντα.

2405.

Ib. 538, καὶ τέλος, οἱ ἰατροὶ κατέτεμνον ἐκ τοῦ στήθους ἀρξάμενοι πάντα ἐξῆς ἄχρι πρὸς τὴν κύστιν κατω. κτλ.

2406.

Ib. 541, οὔτε βοηθεῖν εἶχον οὔτε ἐγνώριζον τὴν ποικιλίαν τῆς νόσου. τοσοῦτον δ' οὔν συνέδοξεν εἰς τὰς πηγὰς τὰς θερμὰς κομίσαι. Cf. 514, κτλ., and *Collect. Hist. ad an. 160*, in Jebb's Ed.

2407.

Ib. 504.

2408.

Ib. 554, τὸ δὲ στήθος ἔξω παρεωθεῖτο καὶ τὸ νῶτον εἰς τοῦπισθεν ἀντεσπᾶτο ἡρέμει δὲ οὐδὲν τοῦ σώματος, κτλ.

2409.

Arist. Or. 501-3, 506, 531, 532.

2410.

Aristid. Or. 521.

2411.

Ib. 504-5, 541-2.

2412.

Baumgart, p. 101; Aristid. Or. p. 550 (Jebb, t. i.).

2413.

Aristid. Or. 553; Baumgart, p. 99.

2414.

Aristid. Or. 506, 515; cf. Baumgart, p. 122.

2415.

Aristid. Or. 505, οἱ δὲ ἐνεκάλουν ὡς λίαν ἅπαντα ἐπὶ τοῖς ὀνείρασι ποιουμένῳ, κτλ.

2416.

Ib. 529.

2417.

Baumgart, p. 64, und dabei entwickelte sich der Glaube, dass er dem Asklepios alles verdanke, Leib, Leben, und speciell die Gabe der Rede, etc.; cf. p. 68, erhebt er ihn auch als den eigentlichen Verleiher und Spender seiner rednerischen Gaben, etc., p. 69, er dem Gotte einen stärkeren und bleibenden Einfluss auch auf die Gestaltung seines inneren Lebens zuschreibt.

2418.

Id. p. 69.

2419.

Aristid. Or. 512, εὐθύς ἐξ ἀρχῆς προεῖπεν ὁ θεὸς ἀπογράφειν τὰ ὀνείρατα.

2420.

Baumgart, pp. 112, 123.

2421.

On his vanity v. Baumgart, p. 110. The most glaring example is in Or. Sac. 4, 591-2, ἐξεβόησα, εἷς, λέγων τὸν θεόν, καὶ ὃς ἔφη, σὺ εἶ.

2422.

Artemid. Oneirocrit. iii. 66.

2423.

Ib. i. 1, διὰ τὴν εὐχρηστίαν οὐ μόνον τὴν ἡμῶν αὐτῶν ἀλλὰ καὶ τῶν μετέπειτα ἐσωμένων ἀνθρώπων.

2424.

Ib. Cf. Tertullian, De An. 46, 47.

2425.

Artemid. Oneirocrit. οὐ γὰρ ἀπὸ πείρας ἀλλ' αὐτοσχεδιάζοντες ... οὕτως ἔγραφον. Praef.

2426.

Ib. ii. 70, ad fin.

2427.

Ib. i. Praef., οὐκ ἔστιν ὅ τι βιβλίον οὐκ ἑτησάμην ὀνειροκριτικόν.

2428.

Artemid. Oneirocrit. iv. 71.

2429.

Ib. ἀλλὰ ποτὲ μὲν ἀπλῶς λέγουσι, ποτὲ δὲ αἰνίσσονται ... ἐπειδὴ καὶ σοφώτεροι ὄντες ἡμῶν αὐτῶν οὐδὲν ἡμᾶς ἀβασανίστως βούλονται λαμβάνειν.

2430.

Ib. ii. 69.

2431.

Maury, p. 241.

2432.

Artemid. Oneirocrit. iv. Praef.

2433.

Ib. ii. 4.

2434.

Ib. i. 13, 17.

2435.

Ib. i. 22.

2436.

Ib. i. 37, 39.

2437.

Ib. i. 51.

2438.

Ib. i. 66.

2439.

Ib. v. 18.

2440.

Artemid. Oneirocrit. v. Praef.

2441.

Luc. Concl. Deor. c. 12, ἀλλ' ἤδη πᾶς λίθος καὶ πᾶς βωμὸς χρησμοδεῖ, κτλ. Cf. Philostr. Apoll. Tyan. iv. 14.

2442.

Cic. De. Div. ii. 57, cur isto modo iam oracula Delphis non eduntur non modo nostra aetate, sed jamdiu, jam ut nihil possit esse contemptius?

2443.

Strab. ix. 3, 4, (419), ὠλιγώρεται δ' ἱκανῶς καὶ τὸ ἱερόν, κτλ.: vii. 7, 9, (328) (Dodona); xvii. 1, 43 (Ammon).

2444.

Plut. De Def. Or. c. 5.

2445.

Plut. De Def. Or. c. 8, 38.

2446.

Id. Cic. c. 5.

2447.

Tac. Ann. ii. 54.

2448.

Suet. Tib. c. xiv.

2449.

Id. Calig. c. lvii.

2450.

Id. Nero, xl.

2451.

Tac. Hist. ii. 78.

2452.

Suet. Tit. c. v.

2453.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 24.

2454.

Luc. Alex. c. 29.

2455.

Friedl. Sittengesch. iii. p. 469.

2456.

D. Cass. lxiii. 14.

2457.

v. Wolff. De Nov. Orac. Aet. p. 5.

2458.

Ib. pp. 6, 52.

2459.

Luc. Alex. c. 3, ὁφθαλμοὶ πολὺ τὸ γοργὸν καὶ ἔνθεον διεμφαίνοντες, κτλ.

2460.

Luc. Alex. c. 4, 5.

2461.

Ib. c. 8, ῥαδίως κατενόησαν τὸν τῶν ἀνθρώπων βίον ὑπὸ δυοῖν τούτοις μεγίστοις τυραννούμενον.

2462.

Ib. c. 9.

2463.

Ib. c. 12.

2464.

Ib. c. 15-18.

2465.

Ib. c. 20.

2466.

Luc. Alex. c. 23, ἐτέτακτο δὲ καὶ μισθὸς ἐφ' ἑκάστῳ χρησμῷ δραχμὴ καὶ δύο ὀβολοί.

2467.

If I am right in interpreting Lucian's statement, ἀλλ' εἰς ἑπτὰ ἢ ὀκτὼ μυριάδας ἑκάστου ἔθους ἦθροίζεν.

2468.

Luc. Alex. c. 23, ἅπασιν ἔνεμεν ἑκάστῳ τὸ κατ' ἀξίαν.

2469.

Ib. c. 24.

2470.

Ib. c. 51, ἀλλὰ καὶ βαρβάρους πολλάκις ἔχρησεν ... Συριστὶ ἢ Κελτιστί.

2471.

Ib. c. 30, ἀλλόκοτα περὶ τῶν θεῶν πεπιστευκῶς, κτλ.

2472.

Ib. c. 31.

2473.

Ib. c. 32.

2474.

Ib. c. 30, ἐν πολλαῖς τάξεσι ἐξητασμένος.

2475.

Luc. Alex. c. 35.

2476.

Ib. c. 38, εἴ τις ἄθεος ἢ Χριστιανὸς ἢ Ἐπικούρειος ἤκει κατάσκοπος τῶν ὀργίων, κτλ.: cf. 25, λέγων ἁθέων ἐμπεπλησθαι καὶ Χριστιανῶν τὸν Πόντον, κτλ.

2477.

Ib. c. 46.

2478.

Ib. cc. 53 sqq.

2479.

Jul. Capitol. M. Ant. cc. 22, 17.

2480.

Luc. Alex. cc. 36-48.

2481.

Luc. Alex. c. 38.

2482.

Friedl. Sittengesch. iii. 456.

2483.

Or. Henz. 1810, 5320; cf. Preller, Rom. Myth. (Tr.), p. 415.

2484.

D. Cass. lxi, 11; cf. Gregorov. Hadrian, p. 128.

2485.

Luc. De Morte Peregr. c. 29.

2486.

Jul. Capitol. M. Ant. c. 18, hodieque in multis domibus M. Antonini statuæ consistunt inter deos penates ... sacrilegus judicatus est qui ejus imaginem in sua domo non habuit.

2487.

Max. Tyr. Diss. xiv. 8.

2488.

Petron. Sat. 17.

2489.

Herod. i. 60.

2490.

Preller, Myth. Rom. p. 65, 66, 387.

2491.

Cf. Or. Henz. Ind. pp. 27, 28; v. especially 1730 (genius Jovis), 1812 (Neronis), 193 (Arvernorum), 2204 (Col. Ostiensis), 689 (municipii), 1704 (legionis), 4113 (pavimentariorum), 6628 (fontis).

2492.

Or. Henz. 2135, Sei Deo Sei Deivæ Sac. etc.; 1580, Aesculapio et Hygiae caeterisque diis deabusque hujus loci Salutaribus; 5902, Hospitibus diis Mauricis et genio loci, etc.

2493.

Cf. Tertull. Apol. c. 24.

2494.

Or. Henz. 1997-2001; cf. D. Cass. lxxvii. 15.

2495.

Or. Henz. 823, 1967.

2496.

Ib. 1959, 1986, 1954; cf. C.I.L. xii. 1556, 3097; viii. 9195, 4578, 8834.

2497.

Friedl. Sittengesch. iii. pp. 482-4.

2498.

Or. Henz. 1580.

2499.

Or. Henz. 5689.

2500.

Ib. 1560.

2501.

Ib. 1632, 4, 7; Nymphis ob reditum aquarum, etc.

2502.

Ib. 5758.

2503.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 16, Θετταλοὶ γὰρ τὰ ἐναγίσματα χρόνον ἤδη πολὺν εκλελοίπασί μοι.

2504.

Friedl. Sittengesch. iii. p. 479.

2505.

Orig. C. Celsum, lib. iii. p. 124, ed. Spencer; lib. vii. p. 334, Friedl. iv. p. 458; S. Aug. De Civ. D. xix. 23, quis ita stultus est qui non intelligat ... consilio simili ab impuris daemonibus ita fuisse responsa, etc.; cf. viii. 22, mirabilibus et fallacibus signis sive factorum sive praedictorum deos se esse persuaserunt.

2506.

Herodot. vi. 86.

2507.

Plut. Non posse suav. vivi, etc. c. 26 sq.; De Ser. Num. Vind. c. 18.

2508.

Plat. Phaed. 85 D, εἰ μή τις δύναιτο ἀσφαλέστερον ἐπὶ βεβαιωτέρου ὀχήματος [ῆ] λόγου θείου τινὸς διαπορευθῆναι.

2509.

Soph. O.C. 1055.

2510.

Sellar's Virgil, p. 367; cf. Boissier, Rel. Rom. i. 367.

2511.

Cic. Tusc. i. 16, sub terra censebant reliquam vitam agi mortuorum; cf. F. de Coulanges, La Cité Ant. p. 8.

2512.

Or. Henz. 4525.

2513.

Ib. 4433, posticum cum apparitorio, et compitum a solo pecun. sua fecerunt, etc.; cf. 4353; Petron. c. 71.

2514.

Marq. Priv. i. 367.

2515.

Cf. Duruy, Hist. Rom. v. 637.

2516.

Aesch. Choeph. 92, 488; F. de Coulanges, La Cité Ant. p. 16.

2517.

Or. Henz. 7364, 7338, 4076, 4417, 4422.

2518.

Ib. 4428, somno aeterno sacr. ... fecerunt sibi et suis libertis libertabusque, etc., 4631, 4435.

2519.

Ib. 4781, 3, 5, 6, 4790, quisquis hoc sustulerit aut laeserit ultimus suorum moriatur.

2520.

Or. Henz. 4775, 4419, 4420, 4415, 4737; T. Lollius positus propter viam ut dicant praeterientes, Lolli ave, cf. 4745.

2521.

Fowler, Rom. Festivals, p. 307.

2522.

Or. Henz. 4414, 4417, nam curatores substituam qui vescantur ex horum hortorum reditu natali meo et praebeant rosam in aeternum. Hos neque dividi neque alienari volo.

2523.

Ib. 4084, 4100, 4420.

2524.

Marq. Priv. i. 362; Mau, Pompeii, p. 421 sqq.; cf. Cic. Tusc. i. 16.

2525.

Or. Henz. 4737.

2526.

Ib. 7396, 7402, vivite felices qui legitis.

2527.

Cic. Tusc. i. 12, 27, quas (caeremonias sepulcrorum) ingeniis praediti nec tanta cura coluissent, nec violatas tam inexpiabili religione sanxissent, nisi haereret in eorum mentibus mortem non interitum esse omnia tollentem, etc.

2528.

Aelian, Fr. p. 1023 (Gronov.).

2529.

S. Paulin. Nol. Carm. 27; S. Aug. Ep. 22, Serm. v. xvii.; cf. Sidon. Apoll. v. 17; Bingham, Antiq. of Chr. Church, ii. p. 1165.

2530.

Fowler, Rom. Festivals, p. 108.

2531.

Or. Henz. 4775, horis nocturnis ut eum videam, et possim dulcius et celerius apud eum pervenire.

2532.

Ib. 7346.

2533.

Marq. Priv. i. pp. 438-9; Preller, Rom. Myth. (Tr.), p. 331.

2534.

Momms. Rom. Hist. i. p. 189; Tertull. Apol. xv. vidimus et Jovis fratrem gladiatorum cadavera cum malleo deducentem.

2535.

Fowler, Rom. Festivals, p. 211.

2536.

Luc. Philops. c. 6.

2537.

Ib. c. 16.

2538.

Ib. cc. 22-24.

2539.

Ib. c. 27.

2540.

Plut. Cim. c. 1, ἐπὶ πολὺν χρόνον εἰδώλων τινῶν ἐν τῷ τόπῳ προφαινομένων, ὥς οἱ πατέρες ἡμῶν λέγουσι, κτλ.

2541.

Plin. Ep. vii. 27.

2542.

Suet. Calig. c. 59.

2543.

D. Cass. lxii. 17.

2544.

Lobeck, Aglaoph. i. p. 221.

2545.

D. Cass. lvii. 15.

2546.

Suet. Nero, c. xxxiv.

2547.

Max. Tyr. xv. 7.

2548.

Boissier, Rel. Rom. i. p. 316.

2549.

Ib. p. 279; cf. Conington, *Introd. Aen.* vi. p. 419; Rohde, *Psyche*, ii. p. 165.

2550.

Grote, ii. p. 518 (ed. 1862).

2551.

Mommsen, *R. Hist.* i. p. 187; Preller, *Rom. Myth.* pp. 197, 407, 438.

2552.

Aen. vi. 289.

2553.

Ib. 313, 416.

2554.

Ib. 441.

2555.

Ib. 472.

2556.

Ib. 555.

2557.

Ib. 600.

2558.

Ib. 608.

2559.

Aen. 640; cf. Pind. *Ol.* ii. 130.

2560.

Aen. vi. 645.

2561.

Ib. 748; cf. Conington's *Virg. Introd. Aen.* vi. p. 419; Lobeck, *Aglaoph.* ii. 798.

2562.

Diog. Laert. *Vit. Pythag.* viii. 1, § 14; πρῶτόν τε φασὶ τοῦτον ἀποφῆναι τὴν ψυχὴν κύκλον ἀνάγκης ἀμείβουσιν ἄλλοι ἄλλοις ἐνδεῖσθαι ζώοις: S. Aug. *De Civ. D.* vii. 6; cf. Liebaladt, *Theolog. Varr.* i. p. 14; Cic. *Rep.* vi. 15-25; Macrobian. *Som. Scip.* i. 14.

2563.

Rohde, *Psyche*, ii. 161, n. 1, 34, 312; Cic. *De N. D.* i. 11, 27; Pythagoras qui censuit animum esse per naturam rerum omnem intentum et commeantem, ex quo nostri animi carperentur, etc.

2564.

Aen. vi. 756 sqq.

2565.

C.I.L. iv. 2361, 1982; Mau, *Pompeii*, 486-8; Friedl. iii. p. 300.

2566.

Sen. Ad. Marc. xix. 4; Cic. Tusc. i. 21, 48; Juv. xiii. 48; Plut. De Superst. c. 4.

2567.

Luc. De Luctu, cc. 1-10.

2568.

Plut. Non p. Suav. c. 27.

2569.

Id. De. Ser. Num. Vind. iv. 44; De Gen. Socr. c. 22.

2570.

Luc. De Luctu, c. 10; Friedl. iii. p. 632; Rohde, Psyche, i. p. 306, n. 3; Maury, La Magie, p. 158.

2571.

Or. Henz. 4443.

2572.

Ib. 1197.

2573.

Ib. 2982.

2574.

Ib. 4433, 4416, 4417.

2575.

Ib. 4662, 4755.

2576.

Or. Henz. 4581, 4841, 4849, 4701, 7352.

2577.

Ib. 7392.

2578.

Rel. Rom. i. 342.

2579.

Or. Henz. 1192.

2580.

Ib. 7387, 4809, 4810, 4811, 4807, 4813, vixi dum vixi bene; jam mea peracta mox vestra agetur fabula; velete et plaudite, 7411.

2581.

Or. Henz. 4806, 7; 4; 4816, hic secum habet omnia. Balnea, vina, venus corrumpunt corpora nostra, set vitam faciunt.

2582.

Ib. 7407.

2583.

C.I.L. ii. 1877.

2584.

Or. Henz. 6674, dum vixi bi(bi) libenter; bibite vos qui vivitis.

2585.

Ib. 7410—miscete Lyaeum, etc., caetera post obitum tellus consumit et ignis.

2586.

Boissier, Rel. Rom. i. 312-316; Thiersch, Politik und Phil. in ihrem Verhältn. zur Rel. p. 13.

2587.

Boissier, Rel. Rom. i. 310.

2588.

Lucret. iii. 952, 991.

2589.

Ib. 844 sqq.

2590.

Plut. (?) De Plac. Phil. iv. 7, οἱ Στωικοὶ ἐξιοῦσαν ἐκ τῶν σωμάτων ὑποφέρεισθαι, τὴν μὲν ἁσθενεστέραν ἅμα τοῖς συγκρίμασι γενέσθαι· τὴν δὲ ἰσχυροτέραν, οἷα ἐστὶ περὶ τοὺς σοφοὺς, καὶ μέχρι τῆς ἐκπυρώσεως.

2591.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 185; Cic. Tusc. i. 32, 79.

2592.

Zeller, iii. 1, p. 711, keine Seelenthätigkeit ist ohne körperliche Bewegung möglich; Renan, Averroès, pp. 128 sq., 418; Rohde, Psyche, ii. p. 309.

2593.

Cf. Graham, Creed of Science (2nd ed.), p. 183, "The poets must count for much in the argument, since they possess in higher degree than others the great creative faculty of imagination which outlines the province of the possible"; Jowett, Plato, i. pp. 389 sqq., etc.

2594.

Sall. Catil. c. 51.

2595.

Plin. H. N. vii. 55, 188.

2596.

Cf. Plut. (?) Cons. ad Apoll. c. xii. xiii.

2597.

Sen. Ad Marc. c. xix.

2598.

Sen. Ep. 54, 99, § 30; De Prov. vi. § 6; Ad Marc. 25.

2599.

Quint. Inst. v. 14, 13, cum, soluta corpore anima an sit immortalis vel ad tempus certe maneat, sit in dubio.

2600.

Tac. Agric. c. 46; cf. Rohde, *Psyche*, ii. p. 318, n. 3.

2601.

Spart. Hadr. c. 13, § 3; 14, § 3; 17, § 9; cf. Gregorovius, p. 303.

2602.

Spart. Hadr. 13, § 1.

2603.

Ib. c. 15, § 12; 16, § 8.

2604.

Zeller, *Phil. der Griech.* iii. 1, p. 660 n.

2605.

Epict. Diss. iii. 6, § 10.

2606.

A. Gell. xv. 11.

2607.

Ael. Spart. Hadr. c. 16.

2608.

Epict. Diss. iv. 5, § 17.

2609.

M. Aurel. i. 7, καὶ τὸ ἐντυχεῖν τοῖς Ἐπικτητείοις ὑπομνήμασιν ὧν οἴκοθεν μετέδωκε.

2610.

Epict. Diss. ii. 1, § 17.

2611.

Ib. iii. 24, § 93; cf. M. Aurel. iv. 14, 21, and Rohde, *Psyche*, ii. 330.

2612.

Epict. Diss. iii. 13, § 15.

2613.

Ib. § 14, ὅταν δὲ μὴ παρέχῃ τὰναγκαῖα, τὸ ἀνακλητικὸν σημαίνει, τὴν θύραν ἤνοιξε, καὶ λέγει σοι, Ἔρχου, Ποῦ; Εἰς οὐδὲν δεινόν· ἀλλ' ὅθεν ἐγένου, εἰς τὰ φίλα καὶ συγγενῆ, εἰς τὰ στοιχεῖα.

2614.

Diss. i. 9, § 14, ἄφες ἡμᾶς ἀπελθεῖν ὅθεν ἐληλύθαμεν κτλ.

2615.

Überweg, *Hist. Phil.* i. p. 237.

2616.

Zeller, iii. 1, p. 735.

2617.

Phaedo, 86 B.

2618.

Zeller, iii. 1, p. 740; Überweg, Hist. Phil. i. p. 237.

2619.

Jul. Capit. M. Ant. c. 13; c. 21; cf. Merivale, Rom. Hist. viii. pp. 335-6.

2620.

M. Aurel. vii. 67; Zeller, iii. 1, p. 677.

2621.

M. Arnold, Essays in Criticism, p. 427.

2622.

M. Aurel. iii. 3, εἰ δὲ ἐν ἀναισθησίᾳ, παύσῃ πόνων καὶ ἡδονῶν ἀνεχόμενος, καὶ λατρεύων τοσοῦτῳ χεῖρονι τῷ ἀγγείῳ ἢ περίεστι τὸ ὑπηρετοῦν: Rohde, Psyche, ii. pp. 327-28.

2623.

ix. 3, οὕτως ἐνδέχεται τὴν ὥραν ἐν ᾗ τὸ ψυχάριόν σου τοῦ ἐλύτρου τούτου ἐκπυρρῶνται.

2624.

xii. 30-32.

2625.

vi. 42, 47; ix. 29, 32; vi. 15; vii. 19; vi. 36, πᾶν τὸ ἐνεστὼς τοῦ χρόνου, στιγμή τοῦ αἰῶνος: Rohde, Psyche, ii. p. 147.

2626.

M. Aurel. vi. 49, μήτι δυσχεραίνεις ὅτι τοσῶνδ' ἐν τινὶ λιτρῶν εἶ καὶ οὐ τριακοσίων; οὕτω δὲ καὶ ὅτι μέχρι τοσῶνδε ἐτῶν βιωτέον σοι καὶ οὐ μέχρι πλείονος.

2627.

M. Aurel. ix. 32, ἀχανὲς δὲ τὸ πρὸ τῆς γενέσεως ὥς καὶ τὸ μετὰ τὴν διάλυσιν ὁμοίως ἄπειρον.

2628.

Ib. vi. 36, ἡ Ἀσία, ἡ Εὐρώπη, γωνίαι τοῦ κόσμου ... Αἰῶνος βωλόριον τοῦ κόσμου.

2629.

Ib. vii. 35.

2630.

Ib. x. 33; v. 11; v. 27.

2631.

Ib. xi. 1.

2632.

Ib. vi. 16; vi. 2; vi. 51; vii. 21, ἐγγὺς μὲν ἡ σὴ περὶ πάντων λήθη ἐγγὺς δὲ ἡ πάντων περὶ σοῦ λήθη.

2633.

Ib. xi. 1; vii. 1.

2634.

M. Aurel. vi. 46, 47; vii. 3; ix. 30.

2635.

Ib. vi. 47; cf. Luc. Icaromenippus, c. 18; Traj. sive Tyr. c. 8; Charon, c. 17; Menip. c. 15, ἀλλ' ὅμοια τὰ ὅστ' ἦν, ἄδηλα καὶ ἀνεπίγραφα κτλ.

2636.

M. Aurel. vii. 19, διὰ τῆς τῶν ὅλων οὐσίας, ὡς διὰ χειμάρρου, διεκπορεύεται πάντα τὰ σώματα. Cf. ix. 29, χειμάρρους ἢ τῶν πάντων αἰτία· πάντα φέρει.

2637.

Ib. vii. 49; vii. 1; ix. 14; x. 23; xi. 1.

2638.

M. Aurel. iv. 32.

2639.

Ib. xi. 1.

2640.

Ib. ix. 29, μηδὲ τὴν Πλάτωνος πολιτείαν ἔλπιζε, ἀλλ' ἄρκοῦ εἰ τὸ βραχύτατον πρόεισι.

2641.

Ib. vii. 47; ix. 34.

2642.

Sen. Ep. 109, § 9.

2643.

Sen. Ep. 57, § 7.

2644.

Ib. 73, § 16; Ep. 83.

2645.

Id. De Prov. iv. § 7, quos amat indurat, exercet.

2646.

Id. De Ben. iv. 4; De Ira, ii. 27.

2647.

Sen. Ep. 65, § 22; 102, § 26; Ad Helv. 11, § 7; Ad Marc. 24, § 5. Cf. Plat. Phaed. 83 C, D. Philostr. Apoll. Tyan. vi. 11; vii. 26.

2648.

Plat. Phaed. 79 C; 81 A.

2649.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 1, p. 185.

2650.

Sen. Ad Marc. c. 19, 20; cf. Plut. (?) Consol. ad Apoll. c. 15, εἰς τὴν αὐτὴν οὖν τάξιν οἱ τελευτήσαντες καθίστανται τῇ πρὸ τῆς γενέσεως: cf. ib. c. 34.

2651.

Sen. Ep. 36; 71, § 12; Ad Marc. 19, § 4. Cf. Rohde, Psyche, ii. p. 328.

2652.

Sen. Ep. 102, § 21.

2653.

Ep. 120, § 14; 102, § 28, aliquando naturae tibi arcana reteguntur: discutietur ista caligo ... nulla serenum umbra turbabit, cf. Rohde, *Psyche*, ii. p. 328, n. 4. Rohde, like Zeller, seems to me not to recognise sufficiently how far Seneca has departed from the old Stoicism.

2654.

Ep. 26, § 5; Ad Marc. xxv.

2655.

See the apocryphal letters, p. 477, of Haase's ed. of Sen.; cf. Lightfoot, S. Paul's Ep. to the Philippians, p. 268 sqq. Zeller, *Phil. der Griech.* iii. 1, p. 637, n. 1; Baur, *Ch. Hist.* i. p. 16.

2656.

Sen. Ep. 108, § 17; cf. Philostr. *Apoll. Tyan.* i. 7, 8.

2657.

Sen. Nat. Qu. vii. 32, § 2, Pythagorica illa invidiosa turbae schola praeceptorem non invenit.

2658.

Zeller, *Phil. der Griech.* iii. 2, p. 95.

2659.

Herodot. ii. 123.

2660.

Herodotus never mentions Orpheus, but speaks of τὰ Ὀρφικά, ii. 81; nor do the schol. on Homer allude to him (*Lob. Aglaoph.* i. p. 540; cf. *Aglaoph.* p. 255 sqq.). His existence was denied by Aristotle (*Cic. De Nat. Deor.* 1. 38, 108). Plato seems to be as assured of it as Iamblichus, *Cratyl.* 402; cf. *Iambl. Pythag.* 145, 243.

2661.

Iambl. Pythag. 151; *Lobeck, Aglaoph.* i. p. 238.

2662.

Cic. De Leg. ii. 14, 36, neque solum cum laetitia vivendi rationem accepimus, sed etiam cum spe meliore moriendi.

2663.

Plut. Cons. ad Ux. c. 10.

2664.

Plat. Phaed. 70 C; 69 C.

2665.

Plat. Rep. ii. 364 B.

2666.

Cf. Gardner and Jevons, p. 268, who think the ceremonies never were indecent. Rohde, i. p. 289.

2667.

Herodot. ii. 81; *Iambl. Pythag.* 151; Rohde, *Psyche*, ii. p. 103.

2668.

Baur, Ch. Hist. ii. p. 178.

2669.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 2, p. 99.

2670.

Philostr. Apoll. Tyan. i. 7, 8; cf. Sen. Ep. 108, §§ 17-20.

2671.

Zeller, iii. 2, p. 122.

2672.

Philostr. Apoll. Tyan. i. 2; cf. Zeller, iii. 2, p. 134, n.; Baur, Ch. Hist. ii. pp. 174, 206.

2673.

Philostr. Apoll. Tyan. iv. 20; iii. 41; i. 11, 16; vi. 40.

2674.

Philostr. Apoll. Tyan. ii. 37; vi. 11.

2675.

Ib. iv. 16.

2676.

Ib. iv. 16.

2677.

Ib. viii. 31, περὶ ψυχῆς δὲ, ὡς ἀθάνατος εἴη, ἐφιλοσόφει ἔτι διδάσκων μὴν ὅτι ἀληθὴς ὁ ὑπὲρ αὐτῆς λόγος, πολυπραγμονεῖν δὲ μὴ συγχωρῶν τὰ ὧδε μεγάλα.

2678.

Philostr. Apoll. Tyan. viii. 31, ἥ τι μετὰ ζωοῖσον ἐὼν περὶ τῶνδε ματεύεις;

2679.

Plut. (?) Consol. ad Apoll. c. 34; cf. c. 15.

2680.

Ib. c. 7 sqq.

2681.

Ib. c. 36, τεθνεῶτας γὰρ δεῖ κρίνεσθαι κτλ.

2682.

Consol. ad Ux. c. 3.

2683.

Consol. ad Ux. c. 4, 6.

2684.

Consol. ad Apoll. c. 17-24.

2685.

De Ser. Num. Vind. c. 18 (561 A).

2686.

Ib. οὐδέν ἐστι πρὸς ἡμᾶς τοὺς ζῶντας ἀλλ' ἀπιστοῦνται καὶ λανθάνουσιν.

2687.

Non p. Suav. c. 26, 27.

2688.

Ib. c. 23 (1103).

2689.

Non. p. Suav. c. 30, 26.

2690.

Ib. c. 27, δι' ἣν ὀλίγου δέω λέγειν πάντας καὶ πάσας εἶναι προθύμους τῷ Κερβέρῳ διαδάκνεσθαι ὅπως ἐν τῷ εἶναι διαμένωσι μηδ' ἀναιρεθῶσι.

2691.

Ib. c. 28.

2692.

Ib. c. 28, ἡλικίας ἑαυτοὺς χαρᾶς ἀποστεροῦσι ... καὶ τὸν φίλον πατέρα καὶ τὴν φίλην μητέρα καὶ που γυναῖκα χρησθὴν ὄψεσθαι μὴ προσδοκῶντες μηδ' ἔχοντες ἐλπίδα τῆς ὁμιλίας ἐκείνης καὶ φιλοφροσύνης ἣν ἔχουσιν οἱ τὰ αὐτὰ Πυθαγόρᾳ καὶ Πλάτῳ δοξάζοντες.

2693.

Consol. ad Apoll. c. 36.

2694.

De Ser. Num. Vind. c. 16: cf. Gréard, De la Morale de Plut. p. 283; Oakesmith, Rel. of Plut. p. 111 sqq.

2695.

De Ser. N. Vind. v. c. 17, εἷς οὖν, ἔφην, λόγος ὁ τοῦ θεοῦ τὴν πρόνοιαν καὶ τὴν διαμονὴν τῆς ἀνθρωπίνης ψυχῆς βεβαιῶν, κτλ.

2696.

Ib. c. 17 (560 F).

2697.

Ib. c. 17, ad fin.

2698.

Rohde, Psyche, ii. pp. 275, 279; Jowett's Plato, i. p. 396; Pl. Phaed. 85 C, D; 60 B, C; 69 C; Meno 81 A; Phaed. 114 D, τὸ μὲν οὖν τοιαῦτα διισχυρίσασθαι οὕτως ἔχειν, οὐ πρέπει νοῦν ἔχοντι ἀνδρί, κτλ.

2699.

Plut. De Ser. Num. Vind. c. 22 (563 C).

2700.

Ib. εἴτα ῥηγνυμένης ἀτρέμα τῆς πομφόλυγος, ἐκβαίνειν τύπον ἐχούσας ἀνθρωποειδῆ, τὸν δ' ὄγκον εὐσταλεῖς κτλ.

2701.

Plut. De Ser. Num. Vind. c. 22 (565).

2702.

Ib. c. 22 (566), ἔδοξεν ἀφορᾶν κρατῆρα μέγαν, εἰς δὲ τούτον ἐμβάλλοντα ῥεύματα τὸ μὲν ἀφροῦ θαλάσσης ἢ χιόνων λαμπρότερον κτλ.

2703.

Plut. De Ser. Num. Vind. c. 22 (567 D), πάντων δὲ πάσχειν ἔλεγεν οἰκτρότατα τὰς ἤδη δοκούσας ἀφεῖσθαι τῆς Δίκης, εἴτ' αὖθις συλλαμβανομένας· αὗται δ' ἦσαν ὧν εἷς τινὰς ἐκγόνους ἢ παῖδας ἢ ποινὴ περιῆλθεν κτλ.

2704.

Cf. Pausan. ix. 39, § 5; Philostr. Apoll. Tyan. viii. 19; Plut. De Gen. Socr. c. 21, 22 (589, 590); cf. Gardner and Jevons, Greek Antiq. pp. 267-8.

2705.

Plut. De Gen. Socr. c. 22 (590), ἀναβλέψας δὲ τὴν μὲν γῆν οὐδαμοῦ καθορᾶν, νήσους δὲ λαμπομένας μαλακῶ πυρί κτλ.

2706.

Ib. (591).

2707.

Plut. De Fac. in Orb. Lun. c. 30.

2708.

Boissier, Rel. Rom. i. p. 67.

2709.

W. Fowler, Rom. Festivals, p. 89.

2710.

Ib. p. 229.

2711.

Cic. De Div. i. 5, 9, existimo ... si Dii sint, esse qui divinent; i, 38, 82; si sunt Dii, neque ante declarant hominibus quae futura sint, aut non diligunt homines, aut quid eventurum sit ignorant. This argument is attributed to Chrysippus and Diogenes in ii. 49, 101.

2712.

Sen. Frag. 39 (Aug. De Civ. D. vi. 11). See Varro's opinion, ib. vi. 5.

2713.

De Civ. Dei, vi. 4.

2714.

Cic. De Nat. D. ii. 28, 70; cf. Sen. Frag. 39, cf. Ep. 95, 47.

2715.

Cic. De Div. i. 3, 6.

2716.

Polyb. vi. 56, καὶ μοι δοκεῖ τὸ παρὰ τοῖς ἄλλοις ἀνθρώποις ὀνειδιζόμενον τοῦτο συνέχειν τὰ Ῥωμαίων πράγματα, λέγω δὲ τὴν δεισιδαιμονίαν, ἐπὶ τοσοῦτον γὰρ ἐκτετραγώδεται ... ὥστε μὴ καταλιπεῖν ὑπερβολήν, κτλ.

2717.

Cic. De Nat. Deor. iii 17, 43, in illa aureola oratiuncula, cf. Sym. Rel. iii.

2718.

Boissier, Rel. Rom. i. p. 60.

2719.

Aug. De Civ. D. vi. 2; cf. Cic. De Leg. ii. 13, 33, dubium non est quin haec disciplina et ars augurum evanuerit jam et vetustate et negligentia.

2720.

D. Cass. liv. 36; cf. W. Fowler's Rom. Fest. p. 343, Preller, Rom. Mythol. p. 24.

2721.

Suet. Octav. c. 30.

2722.

Ib. c. 70, coena δωδεκάθεος: cf. Thuc. vi. c. 28, § 1.

2723.

Suet. Octav. c. 91, 92.

2724.

D. Cass. liv. 35 ad fin.

2725.

Ov. Fasti, i. 609, hic socium summo cum Jove nomen habet. Sancta vocant augusta patres; augusta vocantur Templa, sacerdotum rite dicata manu.

2726.

D. Cass. lii. 36, τὸ μὲν θεῖον πάντῃ πάντως αὐτός τε σέβου καὶ τοὺς ἄλλους τιμᾶν ἀνάγκαζε.

2727.

Ib. xlvii. 15 ad fin.

2728.

Ib. liv. 6.

2729.

Suet. Octav. c. 31.

2730.

D. Cass. li. 20.

2731.

Boissier, Rel. Rom. i. 87.

2732.

Momms. Röm. Staatsr. ii. p. 1024.

2733.

C.I.L. vi. 2042; cf. 2444 and 2034. Boissier, Rel. Rom. i. p 363.

2734.

C.I.L. vi. 2051, 2.

2735.

Momms. Röm. Staatsr. ii. p. 1022.

2736.

Liv. i. 20.

2737.

Habel, De Pontif. Rom. p. 45.

2738.

Or. 1080, 1117; cf. Zosim. iv. 36; Amm. Marc. xvi. 10; Sym. Ep. x. 54.

2739.

Habel, De Pontif. Rom. p. 13.

2740.

Ib. pp. 16, 17, 62; C.I.L. vi. 932, 1984.

2741.

Habel, p. 62.

2742.

Ib. p. 24.

2743.

Jul. Capitol. M. Ant. Phil. c. 4.

2744.

Ib. c. 6.

2745.

Ib. c. 16; Lamprid. Com. c. 12 (a. 175).

2746.

Jul. Capitol. M. Ant. c. 13.

2747.

Tac. Ann. iv. 16. Yet he is said to be circa deos negligentior, c. 69.

2748.

Ib. c. 36.

2749.

Suet. Claud. c. 22; Tac. Ann. xii. 8.

2750.

Suet. Otho, c. 7, 8, 12; Vitell. c. 5, 11; Tac. Hist. i. 87.

2751.

Or. 2364.

2752.

Tac. Hist. iv. 53.

2753.

Suet. Dom. c. 5, 15.

2754.

Ael. Spart. Hadr. c. 22.

2755.

Ib. 16, § 5; Plin. Ep. vi. 21, § 1; Macé, Suétone, p. 96; Martha, Moralistes, p. 184 sq.

2756.

Pater, Marius, chap. ii., xxvii.

2757.

Jul. Capitol. Ant. P. c. 11.

2758.

Ib. c. 4.

2759.

Ib. c. 13.

2760.

Petron. c. 17.

2761.

C.I.L. iii. p. 1160 sqq.; xii. p. 924 sqq.; Or. Henz. iii.; Ind. pp. 25, 29, 30, 33.

2762.

C.I.L. xii. 3070, 3077; 2383; iii. 2804, 5787; Or. Henz. 1244, 1245.

2763.

Liv. xxi. 38, quem in summo sacratum vertice Poeninum montani appellant; Or. Henz. 231-6, 5028, 1271.

2764.

Or. Henz. 1267, 1271.

2765.

Petron. Sat. 44.

2766.

Jul. Capitol. Vit. Ant. P. c. 8; Preller, Rom. Myth. p. 185.

2767.

Suet. Dom. c. 4.

2768.

Or. Henz. 1561, 1590; C.I.L. xii. 4316; iii. 1162.

2769.

Preller, p. 437.

2770.

Or. Henz. 1603.

2771.

Ib. 1613.

2772.

Ib. 1632, 1634, 1637, 5758a.

2773.

Preller, pp. 406-8; Or. 1580, 1581, 1572.

2774.

Or. Henz. 2270; cf. Wordsworth, *Specimens of Early Latin*, p. 158; C.I.L. vi. 2024 sqq.

2775.

Preller, p. 293.

2776.

Fowler, *Rom. Festivals*, p. 74, 275.

2777.

C.I.L. vi. 2059, ob inlatum ferrum, etc.

2778.

Ib. vi. 2040, 2041, 2043; Preller, p. 294; Oldenberg, *De Sacris Fr. Arv.* p. 5.

2779.

Oldenberg, p. 9.

2780.

C.I.L. vi. 2086.

2781.

Boissier, i. p. 369; Oldenberg, p. 41.

2782.

Boissier, i. p. 374; Preller, p. 295.

2783.

C.I.L. vi. 2023-2113.

2784.

Ib. 2056, ex tabella missa Imp. Vesp. cooptamus, etc.

2785.

Ib. 2024.

2786.

Ib. 2051.

2787.

Jan. 16, 69 A.D.

2788.

C.I.L. vi. 2052.

2789.

C.I.L. vi. 2040, 2041.

2790.

Ib. 2039.

2791.

Ib. 2042.

2792.

Ib. 2044; cf. 2029 (Caligula).

2793.

Ib. 2064, 2067.

2794.

Ib. 2074.

2795.

Ib. 2078.

2796.

Ib. 2086; cf. Flav. Vop. Probus, c. 12.

2797.

C.I.L. vi. 2092.

2798.

C.I.L. iii. 5788; Or. 1245, 1290.

2799.

Or. 1238, Fulguratori, 1240, 1271, Jovi O. M. tempestatum potenti.

2800.

C.I.L. iii. 1032, 1948, 1590; Or. 1269, 1248, 1225, 1269; C.I.L. xii. 1066.

2801.

Or. 1335.

2802.

Ib. 1410.

2803.

Ib. 1428, 1429, restitutione facta sibi capillorum.

2804.

Ib. 1634.

2805.

Ib. 1572, 1576.

2806.

Plin. H. N. ii. 7, 5, fragilis et laboriosa mortalitas in partes ista digessit infirmitatis suae memor, ut portionibus coleret quisque quo maxime indigeret.

2807.

v. supra, p. 425 sqq.

2808.

Min. Fel. Octav. c. 6, quanto venerabilius ac melius antistitem veritatis majorum excipere disciplinam, religiones traditas colere, deos, quos a parentibus ante imbutus es timere quam nosse familiaris, adorare, etc.

2809.

Virg. Aen. viii. 343; Ov. Fasti, ii. 267; Baronius, Ann. Eccl. viii. 60; Gibbon, c. 36; Fowler, Rom. Fest. p. 310.

2810.

Sym. Relat. 3.

2811.

Aug. De Civ. Dei, ii. 4; Tertull. Apol. 13; Adv. Marc. i. 13.

2812.

Lucret. ii. 600.

2813.

Aug. De Civ. Dei, ii. 8, vii. 24.

2814.

C.I.L. vi. 499, 504, 509, 510, 511, 512; xii. 1782, 1567; Or. 1899, 1890, 2335.

2815.

De Civ. Dei, ii. 4, 7, 8; vi. 7; vii. 24.

2816.

C.I.L. ii. 179 (Spain, 108 p. Chr.); iii. 1100, 1443 (Dacia, p. Chr. 110); Or. Henz. 5839 (Portugal).

2817.

Liv. 29, 10.

2818.

Or. 1906, Navisalviae et matri D. (v. note).

2819.

Ov. Fasti, iv. 305; Sen. Frag. 80; Suet. Tib. c. 2.

2820.

Fowler, Rom. Fest. p. 70.

2821.

Val. Max. vii. 7, 6; Goehler, De Matr. Magn. Cultu, p. 10.

2822.

Lucret. ii. 600; Virg. Aen. ix. 620; x. 220; Ov. A. Am. i. 507; Prop. iii. 17, 35; cf. Preller, p. 484.

2823.

C.I.L. vi. 496.

2824.

Goehler, p. 12.

2825.

Yet cf. D. Cass. lxi. 20, ἐκίθαρώδεσέ τε Ἄττιν ὁ Αὐγούστος.

2826.

C.I.L. x. 1406. Imp. Vesp. templum M. M. terrae motu conlapsum restituit.

2827.

Ib. ii. 179 (108 p. Chr.); cf. Or. Henz. 5839.

2828.

C.I.L. iii. 1100, 1443.

2829.

Ib. x. 1596 (Naples, p. Chr. 134).

2830.

Or. Henz. 2322.

2831.

Goehler, p. 15.

2832.

Tertull. Apol. 25; D. Cass. lxxi. 33.

2833.

C.I.L. vi. 501 (p. Chr. 383); 509, 511, 510, 500.

2834.

Réville, p. 60; Ov. Fasti, iv. 251,

Cum Trojam Aeneas Italos portaret in agros,

Est dea sacriferas paene secuta rates.

2835.

Ov. l.c. 293.

2836.

Aug. De Civ. Dei, vi. 8; vii. 25; Jul. Or. v. p. 161 D.

2837.

There were many variations of the myth; v. Goehler, pp. 2, 3; Foucart, Assoc. Rel. p. 89; Ov. Fasti, iv. 223.

2838.

Réville, p. 64; Preller, p. 485.

2839.

Fowler, Rom. Festivals, p. 70; cf. Foucart, Assoc. Rel. p. 88, for similar treatment at Athens.

2840.

C.I.L. x. 3810; viii. 8203; xii. 1782; ii. 5260.

2841.

Ib. xii. 1782; Or. Henz. 2325, 6031; Goehler, p. 40.

2842.

Goehler, p. 12; C.I.L. vi. 511, 504, 500.

2843.

C.I.L. iii. 2920; xii. 1567.

2844.

Ib. x. 6074; vi. 502, 508; Or. Henz. 7200 (Acte), 2330, 1902, 2371, 2319, 2325; C.I.L. xii. 4322, 4326.

2845.

Or. Henz. 7336, 2322, 6031, 4109, 7197; C.I.L. viii. 9401.

2846.

Goehler, p. 45.

2847.

C.I.L. xii. 1782.

2848.

Or. Henz. 2325, 2984.

2849.

Mahaffy, *The Greek World under Roman Sway*, p. 295 sqq.

2850.

Réville, *Rel. unter den Sev.* p. 65; *Apul. Met.* viii. 24 (v. Hildenbrand's notes.)

2851.

Apul. Met. viii. c. 27 (580); cf. *Aug. De Civ. Dei*, ii. 4.

2852.

Apul. Met. viii. c. 28 (583).

2853.

Ib. c. 28 (585).

2854.

Ib. c. 30 (589).

2855.

C.I.L. x. 1406; *Lamprid. Alex. Sev.* c. 37.

2856.

Firm. Matern. De Err. Prof. Rel. c. 2, 3.

2857.

Réville, p. 66; Goehler, p. 29; Cumont, *Mon. figurés de Mithra*, *Introd.* p. 333; Or. 2329, 2330, 1900; C.I.L. vi. 497, 500, 511; cf. ib. x. 1596, where the taurobolium is connected with Venus Coelesta (sic); Preller, p. 486.

2858.

Tertull. De Praescrip. Haeret. 40; Firm. Matern. De Err. Prof. Relig. c. 27, *neminem aput idola profusus sanguis munit ... polluit sanguis iste, non redimit.... Tauribolium quid vel criobolium scelerata te sanguinis labe perfundit?* S. Paulin. Nol. Poem. Ult. 112-117.

2859.

Cumont, Introd. pp. 236, 333; Herodot. iv. 103; Eur. Iph. T. 1455; Strab. v. 3, § 12, p. 240.

2860.

Cumont, p. 334; Gasquet, Culte de Mithra, p. 75; Cumont, Introd. p. 334, n. 5; Réville, Rel. unter den Sev. p. 93, takes an opposite view.

2861.

Donsbach, Die räumliche Verbreitung des Mithrasdienstes, pp. 8, 9.

2862.

This is rendered doubtful by Porphyry. De Abstin. iv. 16, ὡς τοὺς μὲν μετέχοντας τῶν αὐτῶν ὀργίων μύστας λέοντας καλεῖν (εἰώθασιν). τὰς δὲ γυναῖκας ὑαίνας (altered by Felicianus to λεαίνας); cf. Gasquet, p. 98.

2863.

C.I.L. vi. 1778, 9.

2864.

Goehler, p. 55; C.I.L. x. 1596; Puteoli, p. Chr. 134; taurobol. Veneris Caelestae (sic).

2865.

Or. 2382; Goehler, p. 55; cf. C.I.L. viii. 8203.

2866.

Or. 2327, ex jussu ipsius; C.I.L. xii. 1782, ex vaticinatione Archigalli; cf. xii. 4321, 4323.

2867.

C.I.L. xii. 1782.

2868.

Ib. xii. 4321 (stipe collata); at private expense, xii. 1568.

2869.

Peristeph. x. 1011; cf. Duruy, v. p. 743.

2870.

C.I.L. xii. 1311, 251, 1822, 4332; Or. 2332.

2871.

Goehler, p. 34; Réville, p. 66; Preller, p. 488; Cumont, Introd. p. 333.

2872.

Goehler, p. 29.

2873.

Lafaye, Culte des divinités d'Alexandrie, p. 15; Plut. De Is. et Osir. c. 28.

2874.

Plut. De Is. et Osir. c. 35, addressed to Clea, who was high in the worship of Dionysus, and “hereditarily devoted to Osiris.”

2875.

Lamprid. Com. Ant. c. 9; Spart. Sev. c. 17; Réville, Rel. unter den Sev. p. 58.

2876.

Foucart, Assoc. Religieuses, p. 83.

2877.

Lafaye, pp. 27-32; Paus. i. 18, § 4.

2878.

Lafaye, p. 38.

2879.

v. Plut. De Is. et Osir. c. 53, τὸ τῆς φύσεως θῆλυ, c. 52, οὐχ ἑτέραν τῆς σελήνης: c. 38, οὗτος Ἰσιδος σῶμα γῆν ἔχουσι καὶ νομίζουσιν, οὐ πάσαν, ἀλλ’ ἥς ὁ Νεῖλος ἐπιβαίνει σπερμαίνων: cf. c. 32; c. 56, Ὅσιριν ὡς ἀρχὴν, τὴν δὲ Ἰσιν ὡς ὑποδοχὴν, τὸν δὲ Ὀρον ὡς ἀποτέλεσμα: cf. Herodot. ii. 156; Apul. Met. xi. c. 7, matrem siderum, parentem temporum, orbisque totius dominam blando mulcentes affamine.

2880.

Herodot. ii. 154.

2881.

Ib. 156; cf. Plew, De Sarapide, p. 23 sqq.

2882.

Thuc. i. 104.

2883.

Lafaye, p. 15 sqq.

2884.

Plew, De Sarapide, p. 10 sqq.

2885.

Tac. Hist. iv. 84.

2886.

Plew, De Sarapide, p. 15; Preller, p. 478.

2887.

Plew, De Sarapide, p. 6.

2888.

Lafaye, p. 17.

2889.

Plut. De Is. et Osir. c. 45, 49.

2890.

Or. 1890 sqq.; C.I.L. viii. 1005; iii. 4560, 3.

2891.

Aristid. Or. Sac. viii. 53, καὶ ταμίας ὦν τοῦ βιωσίμου κατὰ τοῦτ' ἂν δικαίως ἅπαντα περιειληφέναι νομίζοιτο ... ὁ δὲ ὥσπερ κορυφαῖος πάντων ἀρχὰς καὶ πέρατα ἔχει. Cf. Baumgar. Aristides als Repräsentant der Soph. Rhet. p. 90 sqq.

2892.

Or. 1871, tibi quae es omnia.

2893.

Apul. Met. xi. 7.

2894.

Lafaye, p. 43.

2895.

Id. p. 40; Mau, Pompeii, p. 163.

2896.

Liv. xxix. 10; Goehler, De Matris Magnae Cultu, p. 7.

2897.

Liv. xxxix. 19.

2898.

Preller, Myth. Rom. p. 473.

2899.

Plin. H. N. xiii. 27; Liv. xl. 29; Momms. Rom. Hist. ii. p. 402; Lafaye, p. 41.

2900.

Tertull. Adv. Marc. i. 13; Firm. Mat. De Err. Prof. Rel. 2, § 7, cur plangitis fruges terrae et crescentia lugetis semina?

2901.

Apul. Met. xi. c. 30, Collegii vetustissimi et sub illis Sullae temporibus conditi, etc.

2902.

Tertull. Apol. 6; Ad Nat. i. 10; prohibitos Capitolio Varro commemorat eorumque aras a senatu dejectas nonnisi per vim popularium restructas, Val. Max. i. 3, 4; cf. Lewald, De Peregr. Rel. ap. Rom. p. 10.

2903.

D. Cass. xlii. 26.

2904.

Lafaye, p. 47; Val. Max. vii. 3, 8; cf. App. B. C. iv. 47.

2905.

D. Cass. xliii. 27; xlvii. 15.

2906.

Catull. x. 26; Tibull. i. 3, 23; Propert. ii. 33.

2907.

Aen. viii. 698.

2908.

D. Cass. liii. 2, τὰ μὲν ἱερὰ τὰ Αἰγύπτια οὐκ ἔσεδέξατο εἶσω τοῦ πωμηρίου; cf. liv. 6.

2909.

Lafaye, p. 55, discredits the tale of the seduction, which is given by Josephus alone, B. Jud. xviii. 3; cf. Tac. Ann. ii. 85; Suet. Tib. 36.

2910.

C.I.L. x. 2, 7563 sqq.

2911.

Suet. Claud. 25; cf. D. Cass. lx. 6.

2912.

C.I.L. vi. 353.

2913.

Tac. Ann. xv. 36; cf. Suet. Nero, 40, 47, varia agitavit, an vel Aegypti praefecturam concedi sibi oraret, etc.

2914.

Suet. Otho, 12.

2915.

Suet. Vesp. iv. v. vii.; Tac. Hist. iv. 81.

2916.

Tac. Hist. iii. 74; cf. Suet. Domit. i.

2917.

Lafaye, p. 61, n. 8.

2918.

Boissier, Prom. Archæol. p. 238; Spart. Hadr. c. 26.

2919.

Lamprid. Commod. 9.

2920.

Gibbon, c. 28; Amm. Marc. xxii. 16.

2921.

C.I.L. ii. 6004.

2922.

Lafaye, p. 157.

2923.

Ib. p. 158.

2924.

Lafaye, p. 157.

2925.

C.I.G. 5900, Ἀρχιερεῖ Ἀλεξανδρεῖας καὶ Αἰγύπτου πάσης καὶ ἐπιστάτῃ τοῦ Μουσείου καὶ ἐπὶ τῶν ἐν Ῥώμῃ βιβλιοθηκῶν ... ἐπιστολεῖ τοῦ αὐτοῦ αὐτοκράτορος: cf. Macé, Suétone, pp. 92, 116.

2926.

Lucan, Phars. viii. 831, nos in templa tuam Romana accepimus Isin; ix. 158, jam numen gentibus Isin.

2927.

C.I.L. viii. 2630; cf. Cagnat, L'Armée Rom. d'Afr. p. 423. See other dedications by officers in Or. Henz. 5836, 7.

2928.

C.I.L. viii. 2629, 1002, 4, 5.

2929.

Ib. iii. 881, 2, 1428, 1590, 1342, 4015; Or. Henz. 5838.

2930.

C.I.L. iii. 4809; Or. Henz. 2035, 5833.

2931.

Tac. Germ. 9.

2932.

Or. Henz. 1897.

2933.

Ib. 5836.

2934.

Lafaye, p. 162. For an interesting dedication for the support of the worship at Nîmes v. C.I.L. xii. 3058.

2935.

Or. Henz. 457; cf. Tac. Hist. i. 67, in modum municipii exstructus locus, amoeno salubrium aquarum usu frequens.

2936.

Lafaye, p. 160; Réville, Rel. unter den Sev. p. 53; C.I.L. ii. 3386, Isis puellaris.

2937.

Apul. Met. xi. c. 11.

2938.

Lafaye, p. 160, 1.

2939.

Met. xi. c. 24.

2940.

Plut. De Is. et Osir. c. 78; Aristid. Or. Sac. viii. 52, 53.

2941.

Herodot. ii. c. 50.

2942.

Ib. c. 81; Iambl. De Pythag. Vit. § 151, cf. § 14; Porph. Pythag. § 6; Plut. De Is. et Osir. c. 10.

2943.

Philostr. Apollon. Tyan. vi. 19; D. Chrys. Or. xii. § 68.

2944.

Juv. xv. 3; cf. Cic. De Nat. Deor. iii. 15; Tuscul. v. 27.

2945.

Plut. De Is. et Osir. cc. 72-74.

2946.

Herodot. viii. c. 41.

2947.

Apul. Met. xi. c. 11, attollens canis cervices arduas Anubis; cf. Juv. vi. 534; Plut. De Is. c. 44; Tertull. Apol. 6; Ad Nat. ii. 8.

2948.

Mau, Pompeii, p. 175.

2949.

Lafaye, p. 106, 7.

2950.

Or. 1871.

2951.

On a Dacian inscription, C.I.L. iii. 1590, Placidiae Reginae.

2952.

Baumgart, Ael. Aristides Repräsent. der Soph. Rhet. des zweit. Jahr. p. 91; cf. Hadrian's letter to Servianus, Vopisc. Vit. Saturn. c. 8.

2953.

Plut. De Is. c. 66, 79.

2954.

Lafaye, p. 101.

2955.

Tac. Hist. i. 23; D. Cass. lxxi. 8, καὶ γὰρ τοι λόγος ἔχει Ἀρνοῦφιν τινα μάγον Αἰγύπτιον συνόντα τῷ Μάρκῳ κτλ.

2956.

Juv. vi. 581.

2957.

Or. 1882, ex visu; C.I.L. vi. 346, 572; v. 484.

2958.

Cic. De Div. i. 58, 132; Diod. i. 25; Aristid. Or. Sacr. iii. p. 319 (Jebb).

2959.

Tac. Hist. iv. 81, monitu Serapidis, etc.

2960.

Lafaye, p. 104; Aristid. Or. Sacr. viii. 55.

2961.

Aristid. Or. Sacr. viii. 54, φιλανθρωπότατος γὰρ θεῶν καὶ φοβερώτατος αὐτός, κτλ.

2962.

Ib. viii. 54, σωτὴρ αὐτὸς καὶ ψυχοπομπός, ἄγων εἰς φῶς καὶ πάλιν δεχόμενος κτλ.; Plew, De Sarapide, p. 30.

2963.

Rohde, Psyche, ii. p. 126; cf. i. 286; Lobeck, Aglaoph. i. p. 239; Hardie, Lectures on Classical Subjects, pp. 56, 57. The Orphici laid more stress on the moral aspect of immortality than the priests of Eleusis did.

2964.

Apul. Met. xi. c. 22.

2965.

C.I.G. 6562, δοίη σοι ὁ Ὅσιρις τὸ ψυχρὸν ὕδωρ: cf. Plew, De Sarap. p. 31.

2966.

Or. 1879.

2967.

Pind. Fr. 137 (Christ); Soph. Fr. 753—

ὥς τρὶς ὄλβιοι

κεῖνοι βροτῶν οἷ ταῦτα δερχένθες τέλη

μόλωσ' ἐς Ἄιδου.

Cf. O.C. 1051.

2968.

C.I.L. xii. 4321, ex stipe collata.

2969.

Apul. Met. xi. c. 28 (813), veste ipsa mea quamvis parvula distracta sufficientem corrasi summulum; cf. Tertull. Apol. 13.

2970.

Tibull. i. 3, 31, bisque die, resoluta comas, tibi dicere laudes Insignis turba debeat in Pharia.

2971.

Apul. Met. xi. c. 20 (795), velis candentibus reductis.

2972.

Mart. x. 48, 1, nunciat octavam Phariae sua turba juvencae.

2973.

Mau, Pompeii, pp. 171, 172.

2974.

Lafaye, p. 115; Catal. No. 222.

2975.

Mau, p. 171; Apul. Met. xi. c. 17 (791), intuitans deae specimen pristinos casus meos recordabar; Mart. ii. 14, 8.

2976.

Lafaye, p. 126; Plut. De Is. et Osir. c. 39, διὸ μηνὸς Ἀθὺρ ἀφανισθῆναι τὸν Ὅσιριν λέγουσιν, κτλ.: Juv. viii. 29; vi. 534; Ov. Metam. ix. 692, nunquamque satis quaesitus Osiris; Lucan, viii. 831, et quem tu plangens hominem testaris Osirim; Min. Fel. c. 21.

2977.

Ov. Am. i. 8, 74; iii. 9, 30; Prop. ii. 33, 3; Tibull. i. 3, 23.

2978.

Apul. Met. xi. c. 11 (774-78); Réville, Rel. unter den Sev. p. 56.

2979.

Plut. De Is. et Osir. c. 38, Νεῖλον Ὅσίριδος ἀπορροήν ... ἔχουσιν.

2980.

Réville, p. 54; Lafaye, p. 130 sqq.

2981.

C.I.G. 6006; Apul. Met. ii. c. 28 (159), propheta primarius, xi. c. 17 (788), sacerdos maximus. Or. Henz. 2305, C. Ruf. Volusianus pater ierofanta profata Isidos; 1878, 6666; C.I.L. x. 6445; xii. 410.

2982.

Lafaye, p. 133.

2983.

C.I.L. xii. 3061, Ornatrix fani Nemausi.

2984.

Lafaye, p. 135.

2985.

Apul. Met. xi. c. 17 (789).

2986.

Ib. c. 9 (772), dicati Serapi tibicines.

2987.

Lafaye, p. 138, n. 4.

2988.

Or. Henz. 2355, 6385, 2309.

2989.

Foucart, Assoc. Religieuses, p. 117; Inscr. 66, 240.

2990.

Mau, p. 478, Cn. Helv. Sabinum aed. Isiaci rogant.

2991.

Foucart, pp. 25-30; Or. Henz. 6029, 2313, mater sacrorum; C.I.L. vi. 2277; Or. 2308, patrono Sacr. Isidis; Apul. Met. xi. c. 30 (817).

2992.

Lamprid. Commod. c. 9.

2993.

Apul. Met. xi. c. 22 (800).

2994.

Lafaye, pp. 189, 190; Mau, p. 169.

2995.

Lafaye, p. 149.

2996.

Apul. Met. xi. c. 22 (800), Mithram illum suum sacerdotem praecipuum, divino quodam stellarum consortio ut aiebat mihi conjunctum, sacrorum ministrum decernit.

2997.

Lafaye, pp. 151, 186; Mau, Pompeii, p. 174.

2998.

Tibull. i. 3, 30; Mart. xii. 29; Juv. vi. 526; Suet. Otho, 12.

2999.

Plut. De Is. c. 4, 8, 32.

3000.

Aristid. Or. Sacr. xiii. p. 54.

3001.

Apul. Met. xi. c. 24.

3002.

Ib.

3003.

Cumont, Monuments Relatifs aux Mystères de Mithra, Intr. pp. 309, 310.

3004.

Zeller, Phil. der Griech. iii. 2, p. 101; cf. Macrobian. Sat. i. 17; Philostr. Apoll. Tyan. ii. 38; vi. 10, § 1; M. Aurel. xi. 27.

3005.

Cumont, Intr. p. 336; Dieterich, Eine Mithrasliturgie, p. 197.

3006.

Flav. Vop. Aurelian, c. 36, 39.

3007.

Cumont, Intr. p. 223 sq.; Gasquet, Le Culte de Mithra, p. 16 sq.

3008.

Cumont, Intr. p. 225.

3009.

Gasquet, p. 20.

3010.

Cumont, Intr. p. 226 sqq.

3011.

Xen. Cyrop. vii. 5, 53; Oecon. iv. § 24.

3012.

Cumont, Intr. p. 231; Gasquet, p. 21 sqq.

3013.

Donsbach, Die räumliche Verbreitung des Mithrasdienstes, p. 5.

3014.

De Laud. Stilich. i. 62.

3015.

Luc. Menippus, cc. 6-9.

3016.

Cumont, Intr. p. 232.

3017.

v. Cumont, Inscr. Orient. i. 2, 3.

3018.

Id. Inscr. Grecques, i.

3019.

Cumont, Intr. p. 236.

3020.

Gasquet, pp. 31 and 75; Réville, Rel. unter den Sev. p. 93; Goehler, De Matris Mag. Cultu, p. 55; but cf. Cumont, Intr. pp. 334-5.

3021.

Gasquet, p. 31.

3022.

C.I.L. vi. 508, 511; cf. Cumont, Intr. p. 235.

3023.

Strab. xv. 3, § 13 (732), Πέρσαι τοίνυν ἀγάλματα μὲν καὶ βωμοὺς οὐχ ἰδρύονται ... τιμῶσι δὲ καὶ Ἥλιον ὃν καλοῦσι Μίθραν, κτλ.

3024.

Cumont, Intr. pp. 181, 237.

3025.

Herod. i. 131; Xen. Cyrop. vii. 5, 53; Strab. l.c.

3026.

Q. Curt. iv. 13, § 48.

3027.

Stat. Theb. i. 717; cf. Cumont, Textes, p. 47.

3028.

Plut. De Is. et Osir. c. 46.

3029.

Luc. Deor. Concil. c. 9; Menippus, c. 6 sqq.; Jup. Trag. c. 8.

3030.

Plut. Pomp. c. 24.

3031.

Or. Henz. 5844.

3032.

Cumont, Intr. p. 243, n. 3; Tac. Ann. ii. 42; D. Cass. lvii. 17; Suet. Vesp. c. 8.

3033.

C.I.L. vi. 732. On the date of the Thebaid, cf. Teuffel, Rom. Lit. § 316, n. 3.

3034.

Cumont, Intr. p. 253; cf. Tac. Ann. xiii. 35.

3035.

C.I.L. vi. 718, A.D. 102.

3036.

Cumont, Intr. p. 265, Inscr. No. 133.

3037.

Réville, p. 81.

3038.

Cumont, Intr. p. 274, n. 6.

3039.

Ib. p. 275; Donsbach, pp. 15-17.

3040.

Cumont, p. 265, n. 4; cf. p. 333.

3041.

Id. Inscr.; C.I.L. vi. 510; Or. Henz. 6040.

3042.

Donsbach, p. 17.

3043.

Cumont, Intr. p. 246 sq.

3044.

Ib. p. 258, n. 8; cf. Or. Henz. 5855, 1916, 1917, 1922.

3045.

Cumont, Intr. p. 263.

3046.

C.I.L. iii. 3960, 4797, 5620, 4802; vi. 721.

3047.

Cumont, Intr. p. 265.

3048.

Cf. Cumont, Inscr. 150, sagaris actor; cf. the list of the Cultores Mithrae, C.I.L. xi. 5737.

3049.

Cumont, Intr. p. 268; Donsbach, p. 19.

3050.

Cumont, Intr. p. 268.

3051.

Donsbach, p. 19.

3052.

C.I.L. ix. 4109, 4110.

3053.

Ib. xi. 5737.

3054.

Donsbach, p. 20; Cumont, Intr. p. 266.

3055.

Cumont, Intr. p. 269.

3056.

Cumont, Mon. 237, 239; Inscr. 408.

3057.

C.I.L. iii. 3480, 3479, 4796, 4797, 5121.

3058.

Donsbach, p. 21.

3059.

Cumont, Intr. p. 249; Donsbach, p. 22.

3060.

Cumont, Intr. p. 250.

3061.

Eutrop. viii. 6.

3062.

Cumont, Intr. p. 247, n. 6.

3063.

Ib. p. 251, n. 3.

3064.

Cumont, Intr. pp. 252, 3.

3065.

Id. Mon. No. 228; Intr. p. 253.

3066.

Id. Mon. No. 225; Intr. p. 253.

3067.

Id. Inscr. No. 368.

3068.

Mommsen, Rom. Prov. ii. p. 63, n.

3069.

C.I.L. iii. 4418, 4416; Donsbach, p. 25.

3070.

Tac. Ann. 13, 35, habiti per Galatiam Cappadociamque dilectus.

3071.

Cumont, Mon. No. 225.

3072.

C.I.L. viii. 2675; Cagnat, p. 189.

3073.

C.I.L. iii. 5650; Cumont, Inscr. No. 416; Mon. No. 238; cf. Donsbach, p. 26.

3074.

Cumont, Intr. p. 255; Donsbach, p. 27.

3075.

For the number and the sites v. Donsbach, p. 27.

3076.

Cumont, Mon. No. 351.

3077.

Id. Inscr. No. 423; Intr. p. 256, n. 2.

3078.

Id. Mon. No. 248 (p. 359).

3079.

Ib. No. 265 (p. 388).

3080.

Tac. Ann. 14, 33, Londinium ... copia negotiatorum maxime celebre.

3081.

Cumont, Inscr. Nos. 471-490; Donsbach, p. 29.

3082.

Id. Intr. p. 259 n.

3083.

Ib. p. 260; Donsbach, p. 30.

3084.

Cumont, l.c.; cf. Cagnat, L'Arm. rom. d'Afr. p. 353, on the history and composition of the Legio III. Augusta.

3085.

Luc. Deor. Concil. c. 9.

3086.

Réville, p. 87.

3087.

Cumont, Intr. p. 190; Gasquet, p. 70.

3088.

Cumont, Intr. p. 56; Gasquet, p. 36.

3089.

Cumont, Inscr. 441, 444; Mon. 213, 245, 252.

3090.

Ib. 251 (p. 365); Intr. p. 92; cf. Herod. i. 131.

3091.

Cumont, Mon. 246 (p. 348).

3092.

Id. Intr. p. 109; Mon. 246, 247, 248, 251, 273.

3093.

Donsbach, p. 6; Gasquet, p. 24; Dieterich, Mithrasliturgie, p. 146; S. Hieron. Com. in Amos, v. 9, 10.

3094.

Macrobian. Som. Scip. i. 15, § 10 sqq.

3095.

Cumont, *Intr.* pp. 71, 72.

3096.

Cf. Dieterich, *Mithrasliturgie*, pp. 150, 165, 202; Cumont, *Intr.* pp. 331, 336.

3097.

Gasquet, p. 104; cf. *Macrob. Som. Scip.* i. 12; *Macrob. Sat.* i. 17; cf. Lobeck, *Aglaoph.* ii. 933; Rohde, *Psyche*, ii. pp. 121, 402.

3098.

Cumont, *Intr.* pp. 308, 309; cf. *Macrob. Som. Scip.* i. 12.

3099.

Cumont, *Intr.* p. 294; *ib.* p. 75. But cf. Gasquet, p. 41.

3100.

Cumont, *Intr.* p. 295.

3101.

Ib. p. 296.

3102.

Ib. p. 301.

3103.

Id. *Mon.* 251 (p. 365).

3104.

Id. *Intr.* p. 297.

3105.

Id. *Mon.* 246 (p. 349).

3106.

Cumont, *Mon.* 251 (p. 365).

3107.

Id. *Intr.* p. 300; Gasquet, p. 62.

3108.

Cumont, *Intr.* p. 316; cf. Gasquet, pp. 94, 95.

3109.

Cumont, *Intr.* p. 301.

3110.

Cf. Denis, *Idées Morales*, etc. ii. p. 248 sq.; cf. Burgmann, *Seneca's Theologie*, p. 37; *Sen. Ep.* 95, 50; 31, § 11; *Philostr. Apoll. Tyan.* v. 25; *Max. Tyr. Diss.* viii.; xiv. § 7, 8; xvi. § 9.

3111.

v. *supra*, [p. 426](#).

3112.

Cumont, *Intr.* p. 303.

3113.

Ib. pp. 207, 208.

3114.

Plut. De Is. et Osir. c. 46.

3115.

Firm. Matern. c. 20, alterius profani sacramenti signum est θεός ἐκ πέτρας, etc. Cf. S. Hieron. Adv. Jov. i. § 7; Just. Mart. Dial. c. Tryph. c. 70; Prud. Cathem. v. 9; Cumont, Mon. 199, 207.

3116.

Id. Intr. p. 160.

3117.

Ib. p. 162; Mon. 204.

3118.

Id. Intr. p. 164.

3119.

Ib. p. 165; Mon. 204 (p. 318), 235 (p. 338).

3120.

Cumont, Intr. p. 167 sq.; Mon. 253, 192, 204, 221.

3121.

See the finest extant specimen from Osterburken; Cumont, Mon. 246; cf. the one at Heddernheim, Mon. 251.

3122.

Cumont, Intr. p. 186 sq.; Mon. 104, 246.

3123.

Gasquet, p. 70.

3124.

Cumont, Mon. 191 (p. 312); 203 (p. 317); 242 (p. 342); 246 (p. 350); Intr. p. 172.

3125.

Cumont, Intr. p. 175.

3126.

Réville, p. 83.

3127.

Ib. p. 89.

3128.

Gasquet, p. 77.

3129.

Gasquet, p. 108.

3130.

Cumont, Mon. 31, 35, 43.

3131.

Ib. 251 (p. 364).

3132.

Id. Intr. pp. 308, 309.

3133.

Cumont, Intr. p. 297.

3134.

Dieterich, Mithrasliturgie, p. 197; Cumont, Intr. p. 309.

3135.

Ib. p. 308 sqq.

3136.

Ib. p. 310.

3137.

Réville, p. 150; cf. C.I.L. vi. 510; Or. Henz. 2352.

3138.

Or. Henz. 6042; Gasquet, p. 112, on the inscription of Vincentius, priest of Sabazius, who was buried by the side of Aurelius, a priest of Mithra; cf. Réville, p. 92; Renan, M. Aurèle, pp. 578-9, n. 1.

3139.

Cumont, Intr. pp. 299, 323.

3140.

Ib. p. 313; cf. Dieterich, Mithrasliturgie, pp. 25, 26.

3141.

Tert. De Praescrip. Haeret. c. 40; cf. C.I.L. vi. 2151, Ordo sacerdotum Mag. suo; xiv. 403; xiv. 65.

3142.

Cumont, Intr. p. 325.

3143.

Ib. p. 325; cf. Lafaye, Div. d'Alexandrie, p. 138; flutes and bells have been found among débris of chapels, Cum. Mon. 253 (p. 380); Intr. p. 68.

3144.

Gasquet, p. 125.

3145.

S. Hieron. Ep. 107, § 2; Gasquet, pp. 91, 2; 96; Cumont, Intr. p. 315; Réville, p. 97.

3146.

De Abstin. iv. 16. Porphyry connects the degrees with ideas of metempsychosis, τὴν κοινότητα ἡμῶν τὴν πρὸς τὰ ζῶα αἰνιττόμενοι, κτλ.

3147.

Gasquet, p. 101; Réville, p. 97.

3148.

Tert. De Corona, xv.

3149.

Cumont, Intr. p. 322.

3150.

Lamprid. Commodus Ant. c. 9, sacra Mithriaca homicidio vero polluit, cum illic aliquid ad speciem timoris, vel dici vel fingi soleat; Gasquet, p. 90.

3151.

Cumont, Intr. p. 326. For the organisation of the societies of Magna Mater v. Foucart, Associations Religieuses, p. 20 sqq. Cf C.I.L. vi. 717; vi. 734; vi. 3728; xiv. 286; Or. Henz. 6042 (Sentinum).

3152.

Or. Henz. 6042; on the doubt, however, as to the meaning of patroni in this inscription v. Henz. note; and Cumont, Intr. p. 327, n. 4.

3153.

Cumont, l.c.

3154.

Ib. p. 264. Cf. dedications by slaves or liberti, Inscr. 67, 245, 175, 53, 410, 47, 178, 292.

3155.

Cf. Or. Henz. 6042; Cumont, Intr. p. 327, n. 4.

3156.

For the dimensions of one at Rome v. Cumont, Mon. 19 (p. 205).

3157.

Tert. De Pr. Haeret. c. 40.

3158.

Gasquet, p. 84; Cumont, Intr. p. 318.

3159.

Gasquet, pp. 81, 82; Cumont, Intr. p. 320.

3160.

Just. Mart, c. 78; Porphy. De Antro Nymph. c. 5; Tertull. De Cor. xv.; S. Hieron. Ep. 57, 107.

3161.

Cumont, Intr. p. 57; Mon. 237.

3162.

Cumont, Intr. p. 59. Cf. C.I.L. iii. 1096, cryptam cum porticibus et apparatorio et exedra, etc.; iii. 3960.

3163.

Cumont, Intr. p. 61; v. the sketch of the Mithraeum under the Church of S. Clement, at Rome, Cumont, Mon. 19.

3164.

Id. Mon. 19.

3165.

Id. Intr. p. 64.

3166.

Twenty-six lamps were found in one Mithraeum, Cumont, Mon. 250 (p. 362). For the classical gods, cf. Mon. 221 (p. 326), 235, 246 (p. 349).

3167.

Apul. Met. xi. c. 22.

3168.

Cumont, Intr. p. 279 sqq.

3169.

v. supra, p. 254.

3170.

Suet. Vesp. iv. v. vii.; Tit. v.; Domit. i. xiv.; cf. Renan, Les Évangiles, p. 226 sq.; L'Antéchrist, p. 491.

3171.

D. Cass. xliii. 14; Tac. Ann. iv. 15; vi. 18.

3172.

Mart. ix. 4.

3173.

Sen. Lud. De Morte Claud. c. 12; cf. Boissier, Rel. Rom. i. p. 193.

3174.

Suet. Aug. c. lii.

3175.

Id. Calig. c. xxii.; Meriv. vi. pp. 4-9.

3176.

D. Cass. lxiii. 5, ἤλθον πρὸς σε τὸν ἐμὸν θεὸν προσκυνήσων σε ὡς καὶ τὸν Μίθραν.

3177.

Suet. Aug. lii.; D. Cass. li. 20; lxvii. 13; Boissier, Rel. Rom. i. p. 163.

3178.

Id. Vesp. c. xxiii. vae, inquit, puto, deus fio.

3179.

Id. Domit. c. xiii.

3180.

Virg. Georg. i. 498; Warde Fowler, Rom. Festivals, p. 258.

3181.

Plut. Flamin. c. 16; cf. Herod. v. 47; Thuc. v. 11.

3182.

Plato, Meno, 99 D.

3183.

Capitol. M. Aurel. c. 18.

3184.

Boissier, Rel. Rom. i. 125; Cumont, Intr. p. 283 sqq.

3185.

Amm. Marc. xv. 1, 3.

3186.

Athen. vi. 252, τράπεζαν παρετίθει χωρὶς ὀνομάζων τῷ δαίμωνι τῷ βασιλέως.

3187.

Cumont, Intr. p. 286.

3188.

Ib. p. 290, n. 2.

3189.

D. Cass. lxiii. 5, καὶ ἦλθον πρὸς σε τὸν ἑμὸν θεόν, προσκυνήσων σε ὡς καὶ τὸν Μίθραν.

3190.

W. Fowler, Roman Festivals, p. 169.

3191.

Plut. De Fort. Rom. iv. οὕτως ἡ τύχη καταλιποῦσα Πέρσας καὶ Ἀσσυρίους ... τῷ δὲ Παλατίῳ προσερχομένη, κτλ.

3192.

Capitol. Ant. P. c. 12.

3193.

Cf. Vop. Prob. c. i. § 3.

3194.

Cf. Amm. Marc. xv. 1, 3.

3195.

Cf. Amm. Marc. xv. 1, 3.

3196.

Amm. Marc. xxiii. 6, 5, unde reges ejusdem gentis praetumidi appellari se patiuntur Solis fratres et Lunae.

3197.

D. Cass. lxxii. 15, 5.

3198.

Treb. Poll. Gallien. 16, 18, crinibus suis auri scobem aspersit, etc.

3199.

Cumont, Intr. p. 291, n. 5.

3200.

Cumont, Inscr. No. 367.

3201.

Macrob. Sat. i. 17; Cumont, Intr. p. 348. The Mithraeum of Sarreburg seems to have been frequented till 395 A.D.

3202.

Cumont, Intr. p. 332, n. 3.

3203.

C.I.L. vi. 504, 846; C. Volusianus was perhaps Praef. Urb. in 365 or Consul in 314.

3204.

Herod, ii. 48, 50; Caes. B.G. vi. 17; Tac. Germ. c. 9.

3205.

Cumont, Intr. pp. 341, 2.

3206.

Ib. p. 339.

3207.

Ib. p. 341; cf. Gasquet, p. 118 sqq.

3208.

Macrob. Som. Scip. i. 13.

3209.

Cumont, Intr. p. 344.

3210.

S. Hieron. Ep. 107 (Ad Laetam).

3211.

Gasquet, p. 134.

3212.

Cumont, Intr. p. 329; Porphyry. De Abstin. iv. 36; cf. Gasquet, p. 98.

3213.

Hatch, Hibbert Lectures, pp. 49, 135, 292.

3214.

Cumont, Intr. p. 334.

3215.

Gasquet, p. 137.

3216.

C.I.L. vi. 500, 504, 511, 1779.

3217.

Maury, La Magie, p. 54.

3218.

Ib. p. 146.

3219.

Macrobian. Sat. i. 17, § 4.

3220.

S. Hieron. Ep. 107, § 2.

Примечания переписчика:

В текст внесены следующие изменения:

page xx, “Pages” added before “560-584”

page 13, “pannelled” changed to “panelled”

page 14, “aceticism” changed to “asceticism”

page 16, comma changed to semicolon after “23”

page 30, comma added after “17”

page 33, “Bossier” changed to “Boissier”

page 53, “proem.” changed to “prooem.”

page 55, period added after “character” and after “v”

page 96, “sick bed” changed to “sick-bed”

page 176, period added after “Capitol”

page 205, semicolon added after “sq.”

page 211, comma changed to period after “Henz”

page 212, “Cæsar” changed to “Caesar”

page 216, italics removed from “Marq.”, “wechselude” changed to “wechselnde”

page 224, period added after “wealth”

page 228, “mediæval” changed to “mediaeval”

page 229, “1” changed to “i.”

page 284, comma added after “Boissier”

page 289, “fuhr” changed to “führt”

page 300, “Æneas” changed to “Aeneas”

page 305, period changed to comma after “Burgmann”. period added after “2”

page 312, “fastidiodosi” changed to “fastidiosi”

page 320, “intelliges” changed to “intelleges”

page 325, italics removed from “Laert.”

page 332, comma added after “female”

page 338, “τά” changed to “τὰ”

page 348, “Greich.” changed to “Griech.”

page 359, “Phil der.” changed to “Phil. der”

page 397, comma changed to period after “Saturn”

page 405, period added after “παραδιδούς”

page 407, period added after “64”

page 415, “xv;” changed to “xv.,”

page 437, period added after “Diss”

page 457, p. added before “1051”

page 459, period added after “piece”

page 464, period added after “κτλ”

page 475, comma added after “23”

page 480, “Aesclepius” changed to “Asclepius”

page 513, period removed after “Ad”

page 517, comma added after “2”

page 524, “mythopœic” changed to “mythopoeic”

page 550, comma added after “Foucart”

page 556, “räumliche” changed to “räumliche”

page 557, parenthesis removed before “Puteoli”

page 567, “Archaeol.” changed to “Archæol.”

page 578, period added after “κτλ”

page 584, comma added after “lonely”

page 587, “Mithrasdientes” changed to “Mithrasdienstes”

page 614, italics added to “Mon.”

page 627, “Caeonius” changed to “Caeionius”

page 628, comma added after “Aurelius” and “Hadrian”

page 629, “Mithriac” changed to “Mithraic”

page 633, comma added after “ib.”

Различия в переносе слов (например, «springtime», «spring-time»), использовании заглавных букв («inscription», «Inscription») и правописании («under world», «underworld»; «mediaeval», «medieval»; «praetorian», «pretorian») не изменялись.
